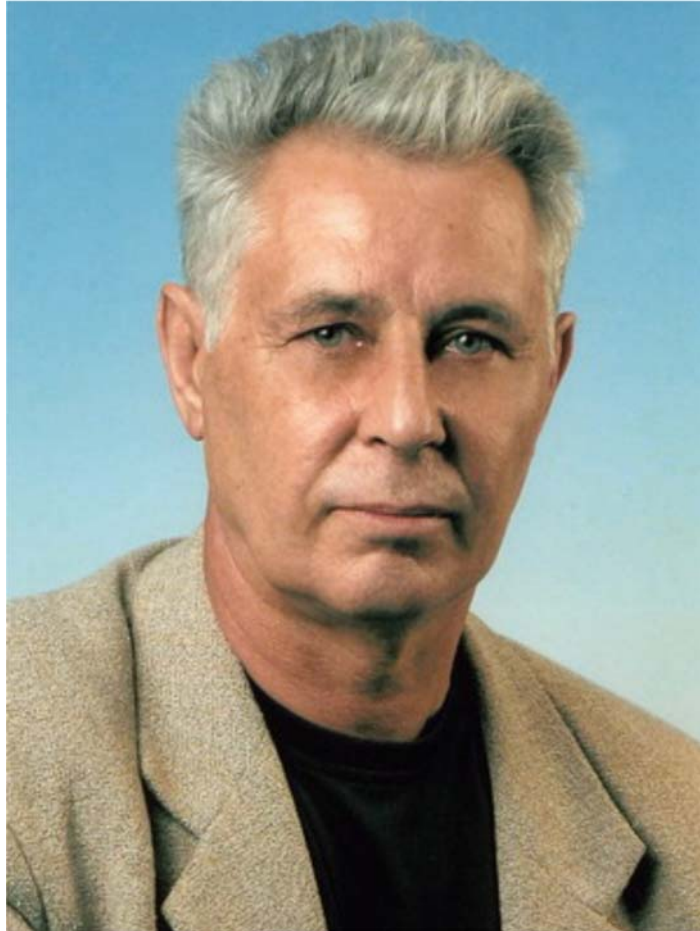

Посвящается 60-летию
Николая Михайловича Малова

К 60-ЛЕТИЮ Н.М. МАЛОВА

Июль 1976 года выдался на редкость дождливым, грозным, комариным. Он изрядно подпортил мои личные впечатления от самой первой экспедиции, в которой я проходил учебную археологическую практику по окончании первого курса. Непривычных трудностей было много: старенькие протекающие палатки, вечно мокрые спальники, не успевающие просыхать одежда и обувь, подгоревшая на костре каша, тучи комаров и кусачей мошки. Отчасти эти неприятности нейтрализовались репеллентами, гитарно-костровой романтикой и юношеским энтузиазмом. Присутствие юных сокурсниц волновало и звало на трудовые подвиги. И все бы ничего, но самое скверное заключалось в отсутствии археологических находок. Одну за другой, под руководством Е.К. Максимова и опытных старшекурсников, мы вручную сносили мелкие курганные насыпи, которые почему-то оказывались сурчинами. Время шло, а увидеть древние захоронения с керамикой, оружием, украшениями так и не удавалось. В одну из ночей, под проливным дождем, в попытках найти в палатке еще сухой уголок и уснуть, в какой-то жуткой тоске я предательски подумал: «И это археология?!».

Наука, о которой я грезил со школьной скамьи, у токарного станка, в армии и снова у станка, которая теперь была так близка, упорно не подпускала к себе на расстояние окончательной приверженности. Утешением служили мысли о том, что главное – получить высшее образование, что работать можно в школе, учить детей истории, и что вообще в жизни полно всего интересного.

Все изменилось примерно за неделю до окончания практики. Из академической экспедиции Л.Л. Галкина, работавшей в Заволжье, к нам приехали ученики Е.К. Максимова, которые в том году уже закончили Саратовский университет, это были Коля Малов и Валера Мельник. Быстро и весьма уютно устроившись в своих польских палатках (немыслимая экспедиционная роскошь по тем временам), опытные полевые «волки» предстали перед нами, салагами, в романтическом ореоле недельной небритости, сухого шуршания выцветших штормовок и завораживающего сладкозвучья археологического сленга, в котором непонятно чередовались «бровки, выкиды, погребенка, материк, жмурики, керамика». Рдеющие девицы старались выглядеть опрятнее, мальчишки – вчерашние десятиклассники смотрели «старикам» буквально в рот, а мы – несколько «армейцев» угрюмо ревновали. Разболевшийся Е.К. Максимов, передав свои бразды заезжим «варягам», удалился в

палатку, и тут нам сообщили, что целый месяц нашей практики ушел на ерунду, а копать надо было совсем в другом месте. Так я познакомился с Николаем Михайловичем Маловым.

Можно сколько угодно говорить о судьбе, предопределенности, фатальной неизбежности, но в конечном итоге, тем не менее, самодовольно ощущать себя творцом собственной жизни, сильным и целеустремленным. Никто не избежал этих заблуждений, в том числе и я, иногда засыпающий с мыслью о том, что жизнь, все-таки, удалась. Бесспорно здесь, видимо, то, что абсолютно случайно мы встречаем множество разных людей, но сами лишь очень немногих избираем в свою жизнь. Тогда, в конце июля 76-го судьба могла свернуть куда угодно, если бы не приехал Малов, и наши с ним отношения сложились иначе, чем они сложились, а это могло случиться. И вот почему.

«Варяги» разделили всю экспедицию на две группы и начали раскопки двух курганов, стоявших по соседству и, к тому же, недалеко от лагеря. Я работал в группе Малова, как и все простым землекопом, но старался шустрить, учился зачищать бровки, пытался засунуть нос в полевой дневник и чертежи, чем начальник был не очень доволен, но рвение, все-же, поощрял. Мои старания, порой, доходили до смешного. Поскольку штыковые лопаты, которыми мы копали курганы, были настолько стары, тупы и искривлены, что, возможно, помнили багратионовы флешки, добиться зеркально ровной зачистки бровок было категорически невозможно. Похитив на кухне топор, я, как заправский плотник, быстро довел бровочные вертикали нашего кургана до совершенства. Ужасно гордый своим достижением, я и не заметил, что Малов пригласил Валеру Мельника, и вместе они, примостившись на отвале, потешались над забавным зрелищем топорной зачистки.

На новом подъеме энтузиазма мы буквально рвали эти два кургана на части. Стимул уже был, и какой! Пошли находки. Сначала появился просверленный волчий клык в кургане Малова, и скоро вышли на погребение ямной культуры, которое, как назло, было ограблено. В кургане Мельника вообще началась феерия: детское погребение в насыпи с посудой и бронзовыми браслетами, человеческое жертвоприношение, наконец, основная парная могила с покровской керамикой, сейминскими стрелами, бронзовым ножом. Эти материалы уже давно известны в научной литературе, как престижный воинский комплекс, исследованный в кургане у с. Максимовка Базарно-Карабулакского района Саратовской области, где в 1976 году проходила моя археологическая практика после первого курса. Мечта всей юности была спасена.

Весь этот восторг омрачало только одно обстоятельство. Непрерывающиеся дожди сильно мешали работе. Иногда полдня приходилось ждать, когда закончится ливень и хотя бы немного просохнет раскоп. Народ млел от скуки и искал себе всевозможные занятия. Меня выручала моя вторая страсть – любимая с детства рыбалка. Заприметив один хороший омуток в километре от лагеря, я заезжал туда в свободное от работы время с самодельной удочкой. Ловилась всякая мелочь: плотва, пескари, уклейки, но я чувствовал, что приличная рыба здесь должна водиться. Чтобы убедиться в этом, надо было сменить снасть на более серьезную, а также улучшить продолжительный промежуток времени, чтобы, никуда не спеша, поймать большую рыбу. В один из вечеров стабильно шел дождь, который затянулся на всю ночь, и я решил

осуществить поимку приличной рыбы утром, если погода будет несовместима с раскопками.

На рассвете, высунув нос из палатки, я увидел серое небо, затянутое сплошными облаками, моросил мелкий дождик. Это означало, что работы на раскопе, скорее всего, не будет. Добежав до заветного омута, быстро поймал на катышек хлеба уклею, насадил ее на большой крючок с толстой леской и тяжелым грузилом, бросил на середину омута. Слабое течение натянуло бечеву, которую я закрепил на срезанный ивовый хлыст, торчащий в песке у края воды. Дождь моросил, то усиливаясь, то слабей, и не собирался прекращаться, что подтверждали пузыри на поверхности водоема. Полностью уверенный в том, что вся экспедиция простаивает в ожидании хорошей погоды, я никуда не спешил и продолжал таскать рыбу мелочь. Я думал о том, как мне сильно повезло, что я учусь в университете, что в экспедиции пошли находки, что, может быть, и я стану археологом, и что вся жизнь, в сущности, еще впереди. Боковым зрением заметил, что ивовый хлыст рвануло натянувшейся леской, потянув ее из воды, почувствовал, что на другом конце снасти беснуется какой-то рыбий черт. Я не ошибся, приличная рыба здесь водилась! Это был огромный, килограмма на три язь, покусившийся на мою несчастную уклею.

Я шел, счастливый, к лагерю и нес свою добычу на крепком стебле рогоза, просунутом под жаберную крышку рыбины, и думал, как все будут рады свежей ухе из этого превосходного карабулакского язя. Дождь прекратился, и среди облаков даже просвечивали лоскуты голубого неба. Наступало обеденное время, все были в лагере, но почему то не очень дружелюбно на меня поглядывали. Появился встревоженный Е.К. Максимов и посоветовал мне выяснить отношения с руководителем раскопа. И тут из синей «польки» Малова на весь лагерь прозвучало: «Чтобы этого рыбака у меня на раскопе больше не было...». Обескураженный, я бродил среди палаток с ненавистным язем на привязи, выясняя у ребят, что, собственно, случилось, и скоро понял, что стал жертвой своей же самонадеянности. Оказывается, пока я прохладился у реки, обе группы вышли на раскоп и работали под морозящим дождем. И это бы ладно, но, хватившись меня, Малов организовал поиски пропавшего землекопа, руководствуясь самыми мрачными предположениями. Меня искали, но не нашли, лагерь был взбудоражен. Девушки раздраженно обсуждали мое легкомыслие, некоторые парни отводили глаза, но главное – Малов, видимо, был откровенно зол на меня.

Среди всех известных педагогических систем принцип воспитания в коллективе и через коллектив не самый трепетный и гуманный, но весьма эффективный. На всю свою дальнейшую экспедиционную жизнь я запомнил главное правило: среди всех задач раскоп на первом месте, а руководитель должен знать, где находятся его люди. Этот основополагающий импульс был послан в мое сознание именно Н.М. Маловым.

Инцидент надо было, во что бы то ни стало, устранить. Разделав рыбу, я поставил уху на огонь и пошел мириться с начальником. Вход в палатку Малова был наглухо зашторен москиткой, за которой хозяина не было видно. Я присел на траву и заговорил о том, что в жизни бывают всякие огорчения, но все можно преодолеть, если учесть реальные обстоятельства и выделить среди неприятностей самое «главное», ради чего на мелочи можно закрыть гла-

за. «Главным», по моему мнению, было то, что я беспредельно предан археологии, а эпизод с рыбалкой – нелепое недоразумение, и в светлом археологическом будущем нам вместе придется много поработать на благо советской науки. Молчавший доселе Малов, на последнюю мою сентенцию быстро и едко отреагировал: «Вот это вряд ли...». Весь остаток дня мне было тоскливо, я как зверь вкалывал в раскопе, в надежде загладить свою вину. Вечером, налегая на язевую уху, Малов немного смягчился. Не знаю почему, но я действительно тогда был уверен в том, что мы будем работать вместе.

Потом было множество поездок, экспедиций, конференций, больших и малых археологических дел. Малов становился для меня, да и для многих моих сверстников, все более значимой фигурой. В те первые годы знакомства нас очень сблизили незабываемые раскопки в Медяниково на реке Терешке, которые дали уникальные материалы – вождское захоронение с бронзовым наконечником копья. В небольшой группе, которая вручную раскопала внушительную курганную насыпь, были мои однокурсники, и все мы равнялись на Н.М. Малова, которого по-своему называли Колей, но запанибратства в наших отношениях не было. Эти малые экспедиции, где все приходилось делать самим, формировали особые характеры и реальное отношение к жизни, и вышли из этих экспедиций археологи А.И. Юдин, В.А. Лопатин, С.И. Четвериков, Г.Л. Якубовский, историки А.В. Воронежцев, А.В. Гончаров, министр образования Саратовской области И.Р. Плеве. Многие последующие поколения студентов запомнили экспедиции Н.М. Малова на всю жизнь. Тогда для всех нас он был учителем в самом высоком смысле. Понимая это, мы относились к нему с особенным пиететом, как к равному, но, все же, старшему брату.

Мы были студентами и жили весело и бесшабашно, ведь вся жизнь была еще впереди. Много смеялись, разыгрывая друг друга по пустякам. Сам Малов часто инициировал, казалось бы, беспричинное веселье, но всегда в отношениях с нами был принципиален, иногда жестким, особенно, если это касалось главного дела. Бездельники и прочие «халывщики», залетавшие в экспедиции, долго в нашем коллективе не уживались. Он и теперь бывает суров и не для всех удобен. Отстаивая свое мнение, может поспорить с начальством на Ученом совете или общем собрании коллектива истфака. На заседаниях кафедры его слово весит много. Обладающий огромным опытом, – он безусловный лидер.

Казалось бы, откуда взялись в нем эти истинно мужские качества серьезного, абсолютно не наигранного отношения к жизни, которые так импонировали всем, кто шел за ним и выбирал археологию в качестве главной цели? Может быть, сама жизнь, далеко не сладко-сахарная с самого детства, сформировала в Николае Малове основополагающий мужской принцип взаимоотношений с людьми, серьезного и вдумчивого отношения к делу, стремления во всех, самых малых, деталях проблемы дойти до конечной сути. Это именно то, что отличает настоящего, крупного исследователя.

Николай Михайлович Малов родился в крестьянской семье, в не самое легкое для советской деревни послевоенное время, 26 ноября 1948 года. А были ли, когда-нибудь, легкими времена в приволжском селе Второй Расловке в известную всем эпоху, да и в наши дни? Деревенское детство было коротким. Коля рассказывал, что уже в раннем возрасте приходилось помогать

деду и родителям на весьма недетских работах. Семья была крепкая, с давними православными традициями, но Николай был крещен не там, где родился, а в Троишском соборе, когда родители перебрались на новое место жительства в Саратов. Связь с родными местами еще теплилась некоторое время. Ребенком, он гостил у деда, вместе они косили сено для скотины, возделывали на острове огород, рыбачили. Ярким впечатлением детства было стремительное изменение окружающей среды, причем, далеко не лучшие перемены в облике волжского ландшафта, когда, после сооружения водохранилища, совсем другой стала великая река, исчезли острова и пастбища, стали обрушиваться берега, и началось вымирание приволжских сел.

Это очень важно – знать свои корни, ощущать себя причастным к своей семье, малой родине, будь то деревня, или мегаполис, к народу, к неласковой, порой, стране. Если в человеке этого нет, он никогда не станет историком. Когда Н.М. Малов иногда вспоминает детство и родные места, в его рассказе появляются особенно теплые, но очень грустные интонации, как будто он говорит о чем то особенно для себя важном, но безвозвратном, утраченном навсегда. Ему глубоко небезразлична судьба страны, Волги, древнейшая история огромного края, запечатленная в памятниках археологии, изучению которых он посвятил всю свою жизнь.

В большом городе деревенскому мальчишке потеряться легко. Большинство их, деревенских, бежавших в город из умирающих сел, кое-как получивших в школах «обязательное» среднее образование пополам с образованием уличным, кто на завод пошел, кто спился, кто в тюрьму сел. В саратовской Елшанке, где в купленном на городской окраине доме поселилась семья Маловых, иной путь для подростка был редким исключением.

Наверное, эта крестьянская крепость воспитания уберегла его от дурного влияния новой среды. Николай исправно закончил среднюю школу № 64. Коротая время перед призывом в армию, успел поработать в геофизической партии и на Приборо-механическом заводе слесарем-наладчиком, помогал семье, в которой подрастал младший брат. От армии тогда не «косили», считалось, если не служил, то и мужик ты не совсем полноценный. И Коля Малов пошел в армию, причем, в элитные воздушно-десантные войска, здоровье позволяло.

Служба в 76-ой гвардейской десантной Псковской дивизии, в период с 1967 по 1969 год не была скучной, потому что именно эта дивизия в 68-ом входила в мятежную Чехословакию. Малов не любит говорить об этом подробно, но я то, служивший в Чехословакии в 1972–1974 годах, точно знаю, что наших там встречали не цветами, да и после не особо жаловали, и это вполне понятно.

Как говорится, «деньги к деньгам, а честь по чести». Что прибавила армия к мужским качествам Николая Малова, стал ли он крепче физически, тверже духом, опытнее в общении с людьми? Общеизвестно, что сильного армия делает еще сильнее, слабого калечит. Малова десантные войска закалили, только травма, однажды полученная на прыжках с парашютом, до сих пор дает себя знать. Этот приобретенный опыт не дешев, нам нет нужды в день праздника ВДВ шататься по городу в толпе «голубых беретов» и купаться в фонтанах. Но обязательно раз в году мы поднимаем с Колей Маловым

эмалированные кружки за нашу десантуру, за тех, кого уже нет. Главное – помнить.

По возвращении, Н.М. Малов снова работал на Приборо-механическом, решал, где учиться. Его характер, целеустремленность требовали продолжить самообразование, и в 1971 году он поступил на исторический факультет Саратовского государственного университета. Учебу совмещал с работой инструктором Областной станции юных туристов. Тогда же создал семью. Поначалу он и не помышлял об археологии, специализацию начал проходить в семинаре В.В. Широковой по теме, весьма далекой от первобытности, – народническому движению. Занимался всерьез, его студенческий доклад был отмечен на кафедре Н.А. Троицкого, как талантливое исследование. Патриарх кафедры Л.А. Дербов посоветовал Николаю обратиться к проблемной теме по истории масонства. Но работа в ОблСЮТур, походы с детскими отрядами по берегам Волги и степным просторам, туристические слеты, знакомство с интересными людьми постепенно подводили его к совершенно новому, далекому от спокойных семейных приоритетов и пыльной кабинетной истории, алгоритму жизни.

Это Д.С. Худяков, известный саратовский краевед, непревзойденный ведущий популярной телепередачи «Не за тридевять земель», как говорил сам Н.М. Малов, указал ему путь в археологию. Тогда со школьниками-кружковцами он впервые обследовал Хлопково городище и открыл самый древний могильник хвалынской энеолитической культуры. Археология захватила его полностью. Уже в археологическом спецсеминаре Е.К. Максимова он заканчивал университет, точно зная, чем будет заниматься всю жизнь. Быстрому вхождению в науку способствовала новая работа главным хранителем археологических фондов Саратовского областного музея краеведения.

Вряд ли кто из современных саратовских археологов обладает таким внушительным багажом полевых исследований. Как археолог-полевик, Н.М. Малов работал по «Открытым листам» с 1976 года. В течение трех сезонов руководил отрядом Волго-Уральской экспедиции Института археологии АН СССР, которая проводила сплошное обследование степного Заволжья. С 1979 до 2000 гг. возглавлял экспедиции СГУ в Нижнем Поволжье, Северо-Западном Казахстане, на Дону, в Калмыкии. Им исследована целая серия грунтовых и курганных могильников: Хлопков Бугор, Натальино, Терновка, Узморье, Медяниково, Широкий Карамыш, Кузнецово, Таволга, Тарумовка, Задоно-Авиловский. Тогда же раскапывал поселения, стоянки и городища: Хлопковское, Смеловка-I, Медяниково, Новая Покровка-I, II, Сады, Еланский Ручей, Чесноково, Кузнецово, Репин Хутор, Алтата, Медведицкое. Как исследователя Н.М. Малова отличает широкий научный кругозор, формирование которого определялось активным интересом к самым различным проблемам археологии эпох камня, бронзы и железа.

Теперь он автор уже более 100 серьезных научных публикаций, среди которых есть монографии и крупные статьи в авторитетных зарубежных изданиях Германии, США, Греции, Украины, Казахстана. Основные научные интересы Н.М. Малова сосредоточены в области проблем энеолита, ранней, средней и поздней бронзы, но он вполне компетентен также в вопросах археологии раннего железного века и средневековья. В 1992 году в Институте истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург) блестяще защитил

кандидатскую диссертацию «Абашевские племена» Нижнего Поволжья. Памятники покровского типа». Эта тема до сих пор под его пристальным авторским вниманием. В ряде исследований им обоснована концепция покровской археологической культуры, получившая одобрительный отклик большинства исследователей.

Творческий путь Н.М. Малова, как ученого, неотделим от службы в Саратовском Государственном университете. Он начался вскоре после окончания учебы, в 1978 году, с открытием Научно-исследовательской археологической лаборатории, и Малов стал первым сотрудником этого нового подразделения Научно-исследовательской части СГУ. Здесь Николай Михайлович последовательно занимал должности младшего, затем старшего научного сотрудника, а с 1984 года – заведующего лабораторией. Под его руководством проводились фундаментальные и хозяйственные исследования на территории Саратовской области, в зонах сооружения оросительных систем, а также сплошное обследование по составлению археологической карты. После защиты диссертации Н.М. Малов был приглашен на должность доцента кафедры истории России. В этой же должности позже работал на новой кафедре историографии, региональной истории и археологии, а с 2005 года продолжает работать на восстановленной в СГУ кафедре археологии и этнографии. Одновременно, с 2001 до 2008 гг., являлся директором Саратовского областного музея краеведения. Разработал и успешно преподавал авторские курсы «Археология», «Основы археологии», «Археология Нижнего Поволжья», «История первобытного общества», «Историческая антропология». Воспитал и выпустил в свет 5 аспирантов и не менее 50 дипломников.

Регалиям Малова «несть числа»: член президиумов Саратовского областного отделения ВООПИК и Всероссийского общества историков-архивистов; член Научного совета по проблемам татароведения при Институте истории АН Татарстана; член Коллегии Министерства культуры Саратовской области; региональный представитель в Союзе музеев России; почетный академик Международной академии качества и маркетинга; лауреат номинаций «Персона» и «Цвет российской культуры» энциклопедии «Лучшие люди России».

Этот юбилейный рассказ о Н.М. Малове, конечно же, не будет полным. Особенно, если не сказать об одной черте его характера, а вернее об одной очень важной стороне его души. Еще тогда, в дни моей студенческой практики, он однажды вышел к костру со старенькой семиструнной гитарой и стал петь совершенно незнакомые песни о всяких походных делах, палаточных и таежных, о перекатах, туманах, о странных суровых людях, не то геологах, не то нефтяниках-буровиках. Эти песенки были просты и непривычны, но завораживающе притягательны. Не сказать, чтобы мы сами не играли на гитарах и не пели, но это все были эстрадные хиты тех лет, или армейская самодеятельность про «юность в сапогах». Это Малов приоткрыл нам совершенно незнакомый мир полуподпольного творчества, которое позже получило странное название «советской менестрелиады», а чаще его называли «бардовским» творчеством. Уже гораздо позже я понял, почему мы так беззаветно были влюблены в эти незамысловатые песни. Внешне простые, они всегда содержали глубокий, скрытый смысл. В них веял дух свободы.

Отныне мы слушали только Кукина, Визбора, Дулова, Высоцкого, Кима, Дольского, Никитина, Окуджаву и многих других авторов, появившихся еще в дни хрущевской оттепели, но в конце 60-х, разогнанных по кухням коммуналок и пленерным фестивалям типа Грушинского. Мы знали их наизусть, самозабвенно орали хором у экспедиционных костров, обменивались катушечными кассетами (где то в ящиках письменных столов они лежат до сих пор). Это было великое явление в советской поэзии. Суметь написать просто о простом, но так, что это бередило душу и заставляло думать! Чего греха таить, многие из нас пытались написать нечто такое, и положить на музыку, и спеть потом у костра, и с замиранием сердца ловить недоуменные вопросы «...а чья это песня?», и небрежно, как о ничего не значащем, ответить «...да, ерунда, моя...».

Суровый Малов тоже писал свои песни! Аристократически, как Сергей Никитин, он не графоманил собственными текстами, а брал очень хорошие стихи поэтов-эмигрантов и перекладывал их на простенькие гитарные трехходовки. Получались очень глубокомысленные, грустные и запоминающиеся песни, которые и на людях не стыдно было показать. В них ему удавалось создавать настроение неведомой печали по ушедшему, совершенно незнакомому пласту русской поэзии. До сих пор у Николая Малова есть своя аудитория, которая всегда с благодарностью готова слушать его песни, только поет он все реже и реже. Странно, что все это куда то ушло. То ли жанр бардовский в глубоком кризисе, то ли полная свобода наступила, и петь больше не о чем. Но то, что было, останется с нами: великое время, великая литература, простая и великая музыка, и еще настоящие человеческие отношения.

Об этом можно говорить бесконечно, потому что вместе с Николаем Маловым мы прошли множество экспедиций, в которых столько всего было... Моя жизнь удалась, и я стал археологом, во многом благодаря Малову. Обо всем не расскажешь, не хватит и трех таких книжек. Разве что об Аркаиме, и то не обо всем.

В конце лета 1989 года, когда наша экспедиция во главе с Н.М. Маловым «стояла» на Деркуле, в северо-западном Казахстане, мы очень ждали поездки на Аркаим. Тогда о нем много писали, еще больше говорили в среде археологической братии, на различных научных конференциях и в экспедициях. Рассказывали потрясающие вещи об укрепленном городе-крепости бронзового века – это в степной то Евразии! А когда, в результате сплошного обследования в Челябинской области, были открыты еще более двадцати подобных сооружений, этот компактный регион стали называть «гардарикой» – страной городов, родиной Заратуштры и древнейшим культурным центром конца XVIII века до н. э., где формировались истоки зороастризма.

Это были последние годы Советской страны, возглавляемой неудачливым реформатором, со всеми прелестями антиалкогольных, антитабачных и прочих античеловечных кампаний, которые, к тому же, создавали реальные и вполне ощутимые трудности с продовольственным снабжением экспедиций. Но трудности, как правило, преодолевались, и мы, худо-бедно, продолжали копать, – и не где-нибудь, а на древних памятниках Казахстана, которые в настоящее время для российских археологов практически недостижимы.

Август в юго-восточном пограничье Европы и Азии, в глухой степи северо-западного Казахстана – суровое испытание для нежных горожан, из кото-

рых, в основном, состоял наш студенческий отряд. В это время слишком знойно и пыльно, степь покрыта редкой жесткой травой, верблюжьей колючкой и «перекати-полем». Днем на раскопе суший ад: струится пот по черным от загара и пыли телам, горят обожженные солнцем плечи, саднят сорванные черенками лопат и рукоятями носилок мозоли на руках. Блаженство, когда после работы бросаешься с деревянных мостков в прохладную и темную глубину Деркула. Эта узкая, но довольно глубокая, речушка была нашим спасением в монотонных экспедиционных буднях, состоящих из тяжелейшей работы, малопитательных завтраков, обедов и ужинов, да еще вечерних костров с непременно бардовскими песнями под гитару.

Мы ждали поездки на Аркаим, как увлекательного приключения, как экскурсию в другую страну, в другой часовой пояс, в новый, незнакомый ландшафт, где открыт уникальнейший археологический объект, сравнимый с самыми выдающимися мировыми памятниками древности. Еще за полгода до этого мы получили приглашение на полевой научный семинар, который должен был проходить на Аркаиме в условиях экспедиционных исследований, поэтому поездка была спланирована заранее. Организатором поездки, разумеется, был Н.М. Малов.

В один из дней мы, несколько человек, профессиональных археологов, почти на ходу вскочили в проходящий мимо маленького разъезда пассажирский поезд и два дня валялись на жестких полках общего вагона, то засыпая, то глядя в запыленные окна на унылые пейзажи Южного Приуралья. Иногда ровные горизонты чахлых полупустынь сменялись пышными речными поймами, среди которых наиболее красива долина Урала, все еще не скованного, «в интересах народного хозяйства», никакими плотинами, текущего мощно и свободно. Как-то незаметно, темной ночью проскочили Уральский горный перевал, не увидев этих древнейших в Евразии гор, и утром проснулись уже на его восточных отрогах, похожих на пологие холмы, поросшие редкими березово-осиновыми колками. Надо быть неисправимым романтиком, чтобы от души восторгаться суровыми и однообразными ландшафтами степного Зауралья.

В условленном месте, на одной из станций, не доезжая Челябинска, мы сошли с поезда, погрузились в тентованный кузов армейского «Урала», встречавшего гостей конференции, и, проклиная каменистые ухабы, покатили в сторону заветного Аркаима.

Путь был долгим и очень неровным. Чтобы как-то скрасить его неудобства, один из сопровождавших нас местных парней вкратце рассказал историю борьбы за Аркаим челябинских и свердловских археологов с местной администрацией. Оказывается, «протогороду» суждено было затонуть в большом рукотворном водоеме, призванном принести народному хозяйству сразу двойную пользу. Во-первых, планировалось решить проблему орошения окрестных полей, а во-вторых, развести в водохранилище различные промышленные породы рыбы. И то, и другое, объективно было направлено на содействие выполнению продовольственной программы партии и правительства, а посему объявлено делом святым и всенародным. В ходе борьбы выяснилось, что малочисленному и совершенно аполитичному местному населению «глубоко плевать» на орошение полей, но вот перспектива «хлявной» рыбалки выглядела привлекательно. Поэтому защитникам истори-

ко-культурного наследия пришлось туго. Довелось не только кабинеты лбом прошибать, но и выдержать не один демарш «промасленных фуфаек», считавших, что караси в сметане гораздо лучше глиняных черепков. Время шло, землеройная техника уже «топталась» в пункте возведения плотины, и Аркаим ожидало неминуемое «утопление», если бы к его спасению не подключились крупнейшие археологические центры Академии наук СССР и регионов. И вот тогда все получилось, Аркаим был спасен. Это был один из редких случаев, когда, в целях сохранения археологического памятника, на правительственном уровне было отменено строительство крупного народно-хозяйственного объекта.

Мы прибыли на место уже под вечер, изрядно уставшие, пропыленные, озабоченные устройством ночлега. Поэтому сразу оглядеться не успели и, самое главное, даже не поняли вначале, в какой стороне находится само городище – вождельный предмет нашего научного интереса. Вокруг раскинулся палаточный лагерь, занимавший довольно обширную территорию на берегу узкой, мелкой и очень извилистой речушки. Наскоро приткнув свои палатки на берегу, мы с Маловым кое-как обмакнулись в ближайший омуток, чтобы смыть пыль, и, несколько смущаясь, зашли в большой армейский шатер-столовую, куда нас звали на ужин. После долгого пути по жаре очень хотелось пить, и у костра, за разговором и вездесущей гитарой, мы долго пили крепкий чай. Наверное, от усталости и чая казалось, что низкое небо с огромными звездами тихо кружится над головой. Легли уже за полночь, но уснуть не удавалось почти до утра. Это уже потом, после возвращения, возникло некоторое ощущение мистического характера первой встречи с Аркаимом. Даже некоторые привкусы воды и воздуха были не знакомы и отдавали таинственностью.

Проснулись от солнечного пекла, обычного здесь уже в ранние утренние часы. Хотелось рациональнее использовать время, поэтому наскоро умылись, позавтракали и наконец-то осмотрелись. Местность выглядела весьма уныло. Гряды пологих холмов закрывали горизонт, суживая пространство и создавая ощущение замкнутости. Темные пятна вспаханной зяби чередовались с желтовато-зелеными березовыми рощицами на сизом фоне выгоревшей за лето полыни.

Наконец, мы разглядели то, ради чего приехали. Аркаим смотрелся неброско. Издалека его выдавали горы отработанного грунта и поквдратная сетка раскопа. Но когда мы подошли поближе, тропинка пошла на подъем, и на самом верху внешнего вала стала видна вся, действительно, впечатляющая мощь крепостной фортификации. Под двумя кольцами валов, внешним и внутренним, скрывались расплывшиеся руины оборонительных стен «города». Внутренняя стена окружала центральную площадь, а по всему периметру, едва различимо, угадывались контуры больших полуземляночных строений. Были видны даже разрушенные ворота – центральный вход, обозначенный короткими выступами то ли стен, то ли башен.

Аркаим копали большими силами. Здесь собрались несколько хорошо оснащенных экспедиций, состоящих из профессиональных специалистов и студентов-практикантов из Челябинска, Свердловска и казахстанского Петропавловска. Руководил раскопками представитель челябинской археологии Г.Б. Зданович. Одновременно велись исследования всех ближайших кур-

ганных могильников в надежде найти здесь нечто аналогичное синташтинским некрополям знати и воинов-колесничих.

Прибывшие в лагерь раньше нас участники, дабы не киснуть от скуки до начала конференции, разбрелись по чернеющим вдали курганным раскопам и вносили свои посильные лепты в дело изучения Аркаима. Заседания должны были начаться лишь через два дня, поэтому мы с Н.М. Маловым также, с согласия начальника экспедиции, выбрав на плане недокопанный курган, отыскав его глазами на местности, налили воды в трехлитровую банку, чтобы было что попить, и бодро направились к чернеющему вдали отвалу. Набирая воду из стоявших у пищеблока больших бидонов, повстречали киевлянина В.В. Отрощенко. С такой же банкой он спешил к своему кургану. Украина тогда, в 89-м, еще не была «незалежной», и он недолго побеседовал с нами на русском языке.

Мы шли по слабо повышающейся долине, удаляясь от внешнего вала аркаимских руин, и когда оборачивались, казалось, что круглая планировка крепости становится все более объемной и выпуклой. Было нечто ирреальное в царившем вокруг безветрии и покое. Кто-то заметил, что уже вторые сутки не видит здесь ни птиц, ни животных. И это было действительно так, даже ящерицы не шуршали в траве. Но живые существа, кроме людей, здесь все же водились. Огромные, видимо эндемичные, кузнечики взлетали из-под ног и зависали на уровне лица, громко треща разноцветными крыльями. На фоне абсолютной тишины это производило сильное впечатление.

Только теперь мы начинали понимать, что место постройки Аркаима было выбрано не случайно. «Город» спрятали в укромной котловине, закрытой со всех сторон сопками, на которых в те времена лесов было гораздо больше. Спрятали, очевидно, от врагов, вдали от традиционных путей перемещения. Не поленившись, мы прошли до края ближайшего холма, перевалили за гребень и убедились, что с соседней равнины Аркаим, действительно, вряд ли был виден.

Нам не повезло. Курган, который мы взялись докапывать, оказался пустым. Его насыпь была уже снята бульдозером. До нашего приезда убрали даже бровку. Мы зачистили материковый уровень подкурганного пространства, в центре которого обнаружили пятно могильной ямы, и сразу поняли, что нас опередили, причем, очень давно. Заполнение могилы было настолько плотным и затечным, что его приходилось не копать, а скалывать, как затвердевший цементный раствор. Это было признаком того, что курган ограбили еще в древности. Несколько человеческих костей, да пара углей – вот и все наши находки. Неунывающий Малов резюмировал: «Ну и что, зато будет что вспомнить. Копали на Аркаиме!».

Вечерняя экскурсия на главный раскоп также привнесла в наши восторги некоторое разочарование. Мы осторожно ходили по деревянным мосточкам, с благоговением заглядывая под лопаты студентов-землекопов, но категорически не видели находок. Оказалось, что их попросту нет. На весь гигантский раскоп было найдено лишь несколько сосудов синташтинского типа, не более сотни черепков глиняной посуды, немного костей животных, да горсть шлаков, характерных для бронзолитейного производства. Возникло впечатление, что в городе никто никогда не жил, может быть, кроме самих

строителей или сторожей. А это могло означать только то, что Аркаим был предназначен не для постоянного жилья, а для чего-то другого.

Началась конференция. Кроме нашей саратовской делегации, прибыли москвичи, самарцы, киевляне, ленинградцы, свердловчане, отдельные представители Сибири и Казахстана. Челябинск и Петропавловск (казахстанский) весьма радушно принимали нас на правах хозяев. Конференцзал, устроенный в большой столовой, с трудом вместил всех желающих поговорить об Аркаиме. Проблем, поставленных в ходе обсуждения, было множество, но среди них выделялись главные, касающиеся функциональности «протогорода». Для чего степным скотоводам были нужны эти огромные, хорошо укрепленные городища, которые уже в бронзовом веке были так похожи на крепости?

Мнений было множество, и постепенно, в острых дискуссиях, продолжавшихся четыре дня, в ярких докладах и выступлениях археологов, историков первобытного общества, остеологов, палеоботаников и почвоведов стал смутно проявляться образ древнего народа, который едва не создал уникальную цивилизацию в центре Евразии в XVIII веке до нашей эры. Это могло бы произойти за 100–200 лет до вторжения гиксосов в Египет, возвышения хеттского царства и взрыва вулкана на острове Санторин, погубившего Крито-Микенскую цивилизацию. Участвуя в дискуссии, Н.М. Малов, как всегда, был осторожен и предельно взвешенно высказывал свои мнения о времени и культурно-историческом месте Аркаима и всей «страны городов» в бронзовом веке Центральной Евразии. Проблема была близка его родной «покровской» тематике. Уже тогда он высказал предположение о возможной синхронизации Покровска с Синташтой и Аркаимом.

В чрезвычайно суровых условиях хозяева конференции создали превосходный повседневный быт. По всему очевидно, что здесь затрачены немалые средства, и было на что, памятник не ординарный. Новенькие импортные палатки, инструменты, аэрофотосъемка, спортивные площадки, не чета нашему – великолепное питание, междисциплинарные комплексы исследований – все это вызывало тихий стон зависти. Но что, действительно, целебным бальзамом ложилось на измученные к концу сезона души полевого люда, так это изумительная, белого войлока юрта, большая, вместительная, с узкой двустворчатой дверцей. Она была в лагере не просто банальной этнографической экзотикой. В этом сокровище пустыни размещался настоящий полевой бар, где можно было интеллигентно выпить и закусить, но, разумеется, в свободное от работы время.

Когда мы с Маловым впервые переступили порог этого войлочного святилища и в мягком полумраке увидели стойку и ряды изысканных напитков на полках, низкие столики, за которыми можно было только возлечь на мягких кошах в позах пресыщенных римлян, речь и, на короткое время, рассудок покинули нас. Юртой заправляла бойкая и приятная на внешность студентка Челябинского пединститута, которая разъяснила нам весьма привлекательный регламент: первая 50-граммовая рюмка коньяку и шоколадка за счет заведения, а «продолжение банкета» – в зависимости от финансовых возможностей клиента. От умиления прижимистый Малов даже раскошелился на скромное продолжение. В условиях «всемирной борьбы с пьянством и

алкоголизмом» конца 80-х это аркаимское открытие было подобно удару грома.

По традиции конференция завершалась пышным банкетом с речами и тостами за процветание нашей науки. В «кулуарах» все еще спорили об Аркаиме. Пели наши песни, пел и Н.М. Малов, но многие обязательно хотели с ним о чем-либо еще договорить, уводили его, и он постоянно исчезал в очередных «кулуарах». Последний день на Аркаиме заканчивался, на завтра предстоял отъезд и возвращение на Деркул. Разговаривая с кем то из гостей, я пришел к юрте, в надежде встретить там Малова. Но его там не было, а в круглом пространстве импровизированного бара царила тревожная обстановка.

На кошмах, с несколько разбитым лицом, возлежал участник из Самары, за которым ухаживали сразу две взволнованные девицы. Рядом робко ютилась небольшая группа ленинградской молодежи, за стойкой, с синяком под глазом рыдала хозяйка юрты. Краткая суть происшедшего заключалась в том, что некий персонаж из Челябинска, кстати, совершенно не имеющий отношения к археологии, выпив лишку, проявил невоздержанность в лексике, а на резонное замечание ответил крайне агрессивными действиями.

На Аркаиме перебивало много всякого народу. И тогда, и теперь он привлекает к себе всевозможных чудаков в «стиле андеграунд», ищущих все что угодно – от Шамбалы до согласия с самими собой, но только не то, что пытаются обнаружить там ученые. Попадают и откровенные психопаты, прячущиеся за достоинствами поэтов, художников, прочих творческих личностей, но непременно неудачников, вымещающих свои провалы на окружающих. Прекрасный вечер под закрытие конференции был безнадежно испорчен одним из таких непонятых «поэтов». Меня тревожило отсутствие Малова. Мало ли какой «агрессор» мог повстречать его в «кулуарах» ночного Аркаима.

Я спросил, что случилось, и девицы сбивчиво затараторили о некоем ужасно грубом субъекте, который крайне опасен, поскольку бродит по лагерю в ночи и ко всем пристаёт. Ну, просто безудержный «потомок янычаров»! В этот момент дверца юрты распахнулась, и в проеме возникла скорбная фигура хулиганствующего поэта. Обложив всех присутствующих отнюдь не ямбом и даже не хореем, он намеревался войти и вновь доказать свое исключительное превосходство. Все испуганно притихли, ситуация становилась все менее томной, и с этим надо было что то делать. Я пошел навстречу.

Потом хулигана связали и отнесли к нему в палатку, поговорили немного об этом и разошлись к ночлегу. Наутро, забежав перед отъездом в юрту, чтобы выпить чашечку кофе, я неожиданно увидел вчерашнего моего «визави» у стойки. На его лице зияло большое угрызение совести. С хозяйкой бара они говорили на английском, и мне показалось, что их связывает нечто большее, чем вчерашний синяк под глазом. Когда мы прощались с Г.Б. Здановичем и В.Ф. Зайбертом, они сказали, что получилось, конечно, не очень красиво, но все дело в том, что этот парень не такой уж безнадежный и, действительно, неплохой поэт.

А выяснилось, что накануне вечером хулиган дважды получил достойный отпор. Перед тем как появиться у нас в юрте, он бродил по лагерю и многих незаслуженно обидел. И только в одном месте, у костра, нашелся че-

ловец, который знал, что надо делать в случае немотивированной агрессии. Это был Н.М. Малов. Иногда, вспоминая об этой поездке, мы с Колей можем немного посмеяться, а потом с грустью задаемся вопросом, а можно ли было тогда поступить иначе, по-другому решить конфликтную ситуацию? И почему это сделали именно мы, а не кто-либо другой?

Эти строки не только о Николае Михайловиче Малове. Он живет и работает среди людей, в яркую историческую эпоху, когда все мы (уж и не знаю, кого за это благодарить) вновь на перепутье. Тогда, в конце 80-х, все было просто и ясно, и жили мы по законам настоящей мужской чести, страстной влюбленности в нашу науку и, между прочим, с верой в справедливость. Потом все несколько переменилось. Жить и работать стало трудновато. Распадались и вновь создавались семьи, рождались и выросли дети, мы старели. Единственным приютом в немалых невзгодах оставалась наука. Мы, правдами и неправдами, продолжали копать, писали статьи и книги. Обо всем этом, о грустном и веселом, я тоже могу написать, но позже, может быть, к следующему юбилею Н.М. Малова, если, конечно, доживу.

В.А. Лопатин,
друг и коллега

ПОСВЯЩЕНИЯ Н.М. МАЛОВУ

Философический романс

С Е
Если в срашное преданье
A7 Dm
Обернется вдруг судьба,
H7 E
Если жгут воспоминанья,
Dm G C F
Мы присядем на прощанье,
Dm E Am
И уедем навсегда.

Мы построим новый город
Из палаток у реки,
Чтоб вдали сияли горы,
А в ночи звучали хоры
И мерцали костерки.

Пресловутое везенье
К нам придет когда-нибудь,
Сквозь года и звезд паденье
Тайну вечного стремленья
Нам откроет млечный путь.

Будем жить, всем доверяя,
Не узнав врага ни в ком,
Все неправды отвергая,
Все обиды забывая,
С теплым хлебом и вином.

И в конце, предполагая
Лишь красиво умереть,
Совершенства достигая,
О потерях вспоминая,
Мы познаем жизнь и смерть...

*В. Лопатин, 1988 г.
(Держул)*

Легенда о Тавн-Гашун

Em G D C
Пять горьких колодцев забыты давно
Am H7
В степи, у песчаных дюн.

Em G D C
 Испить той воды никому не дано
 Am H7 Em
 В урочище Тавн-Гашун.
 G D
 Истертые временем, как старики,
 C H7
 На дне рукотворной соленой реки,
 Am H7
 Под шествием солнц и лун
 Em G D C
 Забыты колодцы и вкус их воды
 Am H7 Em
 В урочище Тавн-Гашун.

Здесь жил человек. Караваны брели
 С поклажей изысканных рун
 И дивных коней на разливах пасли
 В урочище Тавн-Гашун.
 Шестого колодца живая вода
 Спасала в пути человека всегда.
 Под пение бубнов и струн
 Съезжались на праздники люди сюда,
 В урочище Тавн-Гашун.

Все больше людей и тучнее стада,
 Все громче военный шум.
 От крови и слез солонее вода
 В урочище Тавн-Гашун.
 Нашелся, как водится, злой человек
 И вот, отправляясь в далекий набег,
 Он сбросил в колодец валун.
 С тех пор не слышать о воде и траве
 В урочище Тавн-Гашун.

Пять горьких колодцев забыты давно
 В степи, у песчаных дюн.
 Испить той воды никому не дано
 В урочище Тавн-Гашун.
 Мы эту легенду в барханах прочли,
 Когда сайгачиными тропами шли
 Под шелест песчаных струн.
 А воду в тот день так и не завезли
 В селение Тавн-Гашун.

В. Лопатин, 1989 г.
 (Калмыкия)

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ Н.М. МАЛОВА

Работы по археологии:

1977

1. Раскопки курганов в Саратовском Заволжье // АО 1976 года. М., 1977. С. 137-138. Соавторы: Галкин Л.Л., Ким М.Г., Либеров П.Д., Мельник В.И.

1978

2. Исследования в Ульяновском Средневожье и Саратовском Заволжье // АО 1977 года. М., 1978. С. 164-165. Соавторы: Галкин Л.Л., Ким М.Г., Мельник В.И.

3. Работы Саратовского областного музея краеведения // АО 1977 года. М., 1978. С. 195. Соавтор Петрова Н.Ф.

4. К вопросу о памятниках покровского типа // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Научн. труды. КГПИ. Т. 221. Куйбышев, 1978. С. 58-59.

1979

5. Охранные работы в правобережных районах Саратовского Поволжья // АО 1978 года. М., 1979. С. 186.

6. О «загадочной» керамике вольского типа // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тез. докл. Всесоюз. научн. конф. Донецк, 1979. С. 82-83.

1980

7. Хлопковский могильник и его место в энеолите Поволжья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Научн. труды. КГПИ. Т. 263. Куйбышев, 1980. С. 82-94.

8. Энеолитический могильник на Хлопковском городище // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Тезисы докл. Всесоюзн. науч. конф. Оренбург, 1980. С. 14-15.

9. Исследования памятников эпохи меди и бронзы в Саратовском Поволжье // АО 1979 года. М., 1980. С. 153.

1981

10. Раскопки в Саратовском Поволжье // АО 1980 года. М., 1981. С. 138-139.

1983

11. Работы в Саратовском Поволжье // АО 1981 года. М., 1983. С. 159.

12. Из истории изучения срубно-абашевских памятников Нижнего Поволжья (1911-1959) // Историографический сборник. Вып. 10. Саратов, 1983. С. 90-97.

13. Конструктивные особенности псаля из Краснополя // СА. М., 1983. № 4. С. 204-209.

1984

14. Работы Приволжской экспедиции // АО 1982 года. М., 1984. С. 153-154. Соавтор Кочерженко О.В.

1985

15. Раскопки в Саратовском Заволжье // АО 1983 года. М., 1985. С. 155-156. Соавтор Кочерженко О.В.

16. Некоторые итоги изучения поселений эпохи бронзы северных районов Нижнего Поволжья // Тез. докл. Всесоюзн. научн. конф. «Достижения советской археологии» Ч. 1, Баку. М., 1985. С. 225-226.

1986

17. Историография вопроса о срубно-абашевском взаимодействии в Нижнем Поволжье // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986. С. 21-38.

18. Работы в Заволжье // АО 1984 года. М., 1986. С. 139.

1987

19. Раскопки поселений на Волге // АО 1985 года. М., 1987. С. 189-190.

20. Памятники хвалынской культуры валиковой керамики и некоторые проблемы их связи с восточными культурами эпохи поздней бронзы // «Теория и методика археологии, каменный и бронзовые века, скифская проблема». Тез. докл. научн. конф. Омск, 1987. С. 141-143.

21. Хвалынская культура валиковой керамики эпохи поздней бронзы в Поволжье (по материалам поселений) // «Задачи советской археологии». Тез. докл. Всесоюзн. научн. конф. Суздаль. М., 1987. С. 159-160.

22. Планиграфия Нижневолжских подкурганых погребений покровского типа // Вопросы отечественной и всеобщей истории. Саратов, 1987. С. 145-155.

1988

23. Срубные погребения в подбоях на Еруслане // СА. 1988. № 1. С. 130-139. Соавтор Лопатин В.А.

24. Работы Саратовского университета // АО 1986 года. М., 1988. С. 179-182. Соавторы: Ляхов С.В., Юдин А.И., Якубовский Г.Л.

25. Разведки на Деркуле // АО 1986 года. М., 1988. С. 486.

1989

26. Первичная классификация керамики срубных погребений правобережных районов пограничья степи-лесостепи Нижнего Поволжья // АВЕС. Вып. 1. Саратов, 1989. С. 142-145. Соавтор Кочерженко О.В.

27. Погребальные памятники покровского типа в Нижнем Поволжье // АВЕС. Вып. 1. Саратов, 1989. С. 82-101.

1990

28. Некоторые вопросы неолита-энеолита Нижнего Поволжья // Тез. докл. Всесоюзн. научн. конф. «Проблемы древней истории северного Прикаспия». Куйбышев, 1990. С. 29–30.

1991

29. Погребения с булавами и втоками из Натальинских курганов // АВЕС. Вып. 2. СаратовЮ 1991. С. 15–42.

30. Белогорские курганы // АВЕС. Вып. 2. Саратов, 1991. С. 71–83. Соавторы: Ким М.Г., Максимов Е.К.

31. Классификация форм хвалынской керамики поселений эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Тез. докл. Всесоюзн. научн. конф. «Керамика как исторический источник». Свердловск-Куйбышев, 1991. С. 65–66. Соавторы: Изотова М.А., Изотова О.В., Слонов В.Н.

32. О выделении покровской культуры // Матер. и докл. Рыковских чтений. «Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья». Саратов, 1991. С. 50–53.

33. Орнамент керамики хвалынских поселений эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Тез. докл. научн. конф. «Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях». Уфа, 1991. С. 18–21. Соавторы: Изотова М.А., Слонов В.Н.

1992

34. Покровско-абашевские украшения Нижнего Поволжья // АВЕС. Вып. 3. Саратов, 1992. С. 22–54.

35. Хвалынская керамика эпохи поздней бронзы Танавского городища // АВЕС. Вып. 3. Саратов, 1992. С. 96–115. Соавтор Изотова М.А.

36. Погребения покровского типа степной и лесостепной Евразии // Тез. докл. научн. конф. «Теория и методика исследования археологических памятников лесостепной зоны». Липецк, 1992. С. 130–132.

37. Памятники покровского типа Восточно-Европейских степей // Тез. докл. Всеукраинск. научн. конф. «История и археология Слободской Украины». Харьков, 1992. С. 149–150.

1993

38. Опыт использования кластерного анализа при классификации форм керамики срубных погребений Нижневолжского правобережья (пограничье степи и лесостепи) // Археологические вести. Вып. 1. Саратов, 1993. С. 110–136. Соавторы: Кочерженко О.В., Слонов В.Н.

39. Классификация форм керамики и периодизация поселений хвалынской культуры эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Археологические вести. Вып. 1. Саратов, 1993. С. 110–136. Соавторы: Изотова М.А., Слонов В.Н.

40. Покровский культурный тип памятников начального этапа эпохи поздней бронзы степного Волго-Уралья // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. Археологические изыскания. Вып. 4. Тез. докл. Всерос. научн. конф. СПб, 1993. С. 83–85.

41. Новые погребения начального этапа эпохи поздней бронзы степной зоны Южного Приуралья // Всеобщая и отечественная история: актуальные проблемы. Саратов, 1993. С. 152–161. Соавторы: Ким М.Г., Кригер В.А.

1994

42. Культурные типы памятников срубной культурно-исторической области // Срубная культурно-историческая область. Материалы III Рыковских чтений. Саратов, 1994. С. 8–13.

43. Орнаментация срубной погребальной керамики Нижневолжского Правобережья (пограничье степи и лесостепи) // Теория и прикладные методы в археологии. Саратов, 1994. С. 74–96. Соавторы: Кочерженко О.В., Слонов В.Н.

44. Исследования на побережье Саратовского и Волгоградского водохранилищ // АО 1993 года. М., 1994. С. 139.

45. Некоторые проблемы охраны памятников археологии Саратовской области (К 15-летию археологической лаборатории СГУ) // Матер. научно-практ. конф. по проблемам сохр. археол. наследия. Саратов, 1994. С. 42–59.

1995

46. Индоевропейская неурбанистическая цивилизация эпохи палеометаллов Евразийской скотоводческой историко-культурной провинции – звено мозаичной мироцелостности // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. Археологические изыскания. Вып. 25. Материалы межд. научн. конф. СПб., 1995. С. 7–11.

47. Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья // Археологические вести, ИИМК РАН. Вып. 4. СПб., 1995. С. 52–61. Соавтор Филиппченко В.В.

1996

48. П.С. Рыков и проблемы изучения покровской культуры // Древности Волго-Донских степей в системе Восточно-Европейского бронзового века. Материал. межд. конф. Волгоград, 1996. С. 43–48.

1997

49. Памяти археолога Пауля Рау // Немцы в Саратовском Поволжье. Сообщения Энгельсского краеведческого музея. Вып. 5. Энгельс, 1997. С. 106–112.

50. Вклад Пауля Рау в изучение бронзового века степного Волго-Уралья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южно-русских степей. Материалы межд. научн. конф. Саратов, 1997. С. 8–13.

51. Сравнение хвалыньских поселений Нижнего Поволжья по формам керамики // Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей Востока и Запада в эпоху поздней бронзы. Тез. докл. 1-го Всесоюзн. полев. семинара. Киев – Николаев – Южноукраинск, 1997. С. 76–77. Соавторы: Изотова М.А., Слонов В.Н.

52. Погребальная керамика срубной культуры на севере степного Волжского Правобережья (форма и орнамент) // Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей Востока и Запада в эпоху поздней бронзы. Тез.

докл. 1-го Всесоюзн. полев. семинара. Киев – Николаев – Южноукраинск, 1997. С. 77. Соавторы: Кочерженко О.В., Слонов В.А.

1998

53. Проблемы взаимодействия Поволжских покровских и Урало-Казахстанских петровских племен степной Евразии (по материалам погребений) // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы-Москва, 1998. С. 60–63.

1999

54. Погребения покровской культуры с наконечниками копий // Матер. научн. конф. «60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова». М., 1999. С. 56–57.

55. Копья – знаки архаичных лидеров покровской археологической культуры // Матер. к межд. конф. «Комплексные общества Центральной Евразии III–I тыс. до н. э.: Региональные особенности в свете универсальных моделей». Челябинск – Аркаим, 1999. С. 240–249.

56. Поволжская региональная археология в Саратовском университете: страницы истории и персоналии // Саратовское Поволжье: история и современность. Саратов, 1999. С. 22–36.

57. Боровка Григорий Иосифович // Немцы России. Энциклопедия. Т. 1. М., 1999. С. 228–229.

2000

58. Археологическая наука в Саратовском университете // Университет в региональном пространстве. Доклады научн. конф. Саратов, 2000.

59. Профессор Иван Васильевич Синицын – советский археолог XX века // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Материалы межд. научн. конф. Саратов, СГУ. 2000. С. 9–19. Соавтор Максимов Е.К.

60. Изделия из драгоценных металлов срубной археологической области // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Матер. межд. научн. конф. Саратов, 2000. С. 127–130.

61. Золото и серебро в срубной культурно-исторической области // Поволжский край. Вып. 11. Саратов, 2000. С. 27–53.

2001

62. Культуры эпохи поздней бронзы в Нижнем Поволжье // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация: Матер. межд. науч. конф. Самара, 2001. С. 199–202.

63. Material culture of the bronze epoch in the Lower Volga region // Final Programme and Abstracts. 7-th Annual Meeting European Association of Archaeologists. Esslingen am Neckar, Germany. 19–23 September 2001. P. 150–151.

2002

64. Новые данные по эпохе средней бронзы степного Заволжья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5. Волгоград, 2002. С. 180–193. Соавторы: Кияшко А.В., Дьяченко А.Н.

65. Moulds from the monuments of the Timber – grave cultural-historical regions of the Lower Volga // 8th EAA Annual Meeting. Abstracts Book. Thessaloniki: Aristotle University. 2002. P. 182–183.

66. Spears – Signs of Archaic Leaders of the Pokrovsk Archaeological Culture // Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC. Regional Specifics in Light of Global Models. Journal of Indo-European Studies Monograph Series. Volume I. Washington: Institute for the Study of Man Inc. 2002. No. 45 – Volume I. P. 314–336.

2003

67. Литейные формы и предметы литейного производства с Нижневолжских поселений срубной культурно-исторической области // Чтения, посвященные 100-летию деятельности в ГИМе В.А. Гордцова. Ч. 1. Тез. докл. М., 2003. С. 129–131.

68. Археологические объекты и историческая топография золотоордынского города Укек // Золотоордынскому городу Укеку семь с половиной столетий. Саратов, 2003. С. 27–42.

69. Заготовка дисковидного псаля с селища Баланбаш // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы междунауч. конф. Чебоксары, 2003. С. 128–132.

70. Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Вып. 5. Саратов, 2003. С. 157–219.

71. Погребение срубной культуры из Александрово-Гайского кургана // Краеведы и краеведение Поволжья в контексте общественного развития региона: история и современность. Саратов, 2003. С. 214–218.

2004

72. Типологические группы погребений энеолита и эпохи бронзы могильников Бережновка I, II и Политотдельское // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Междунауч. археолог. конф. Волгоград, 2004. С. 67–71. Соавтор Слонов В.Н.

73. Изучение и использование археологического наследия Энгельсского района // Проблемы культурологии и региональной истории. Сообщения Энгельсского краеведческого музея. Вып. 6. Саратов, 2004. С. 67–75.

74. Изучение поселений эпохи поздней бронзы археологами СУАК // Проблемы культурологии и региональной истории. Сообщения Энгельсского краеведческого музея. Вып. 6. Саратов, 2004. С. 76–83. Соавтор Сергеева О.В.

75. Миллер Всеволод Федорович // Немцы России. Энциклопедия. Т. 2. М., 2004. С. 502–504.

2005

76. Литейные формы с нижневолжских поселений срубной культурно-исторической области // Поволжский край. Вып. 12. Саратов, 2005. С. 3–21.

2006

77. Рау Пауль Давидович // Немцы России. Энциклопедия. Т. 3. М., 2006. С. 211–212.

78. Советская археология в Саратовском государственном университете (1918–1940 гг.): организационное становление, развитие и репрессии // АВЕС. Вып. 4. Саратов, 2006. С. 4–28.

79. «Алексеевский», «гусельский» и «нижне-семеновский» костяные псалли из Татарстана и Саратовского Поволжья // АВЕС. Вып. 4. Саратов, 2006. С. 141–149. Соавтор Бугров Д.Г.

2007

80. Изучение и интерпретация материалов Нижневолжских поселений срубной культурно-исторической области в первой четверти XX века // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. II Межд. нижевол. археолог. конф. Волгоград, 2007. С. 47–51.

81. Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья: по материалам поселений срубной культурно-исторической области // АВЕС. Вып. 5. Саратов, 2007. С. 34–92.

2008

82. Задано–Авиловский энеолитический могильник (по материалам раскопок И.В. Синецина) // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 8. Саратов, 2008. С. 3–15.

83. Археологические памятники Петровского района и их изучение // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 8. Саратов, 2008. С. 186–190.

Монография:

84. Памятники срубной культуры. Волго–Уральское междуречье // Археология России. САИ. Т. 1. Вып. В 1–10. 1993. Саратов, 200 С. Коллектив авторов.

Учебные и учебно- методические пособия:

85. Религия в Золотой Орде. Учебное пособие для студентов исторического факультета. Саратов, 1998. 200 С. Соавторы: Мальшев А.Б., Ракушин А.И.

86. Археология России. Учебно–методическое пособие для студентов 1 курса исторического факультета по дисциплине «Основы археологии». Саратов, 2000. 23 С. Соавтор Максимов Е.К.

87. Основы археологии (методика полевых исследований и археологическая практика). Учебно-методическое пособие. Саратов, 2006. 55 С. Соавторы: Лопатин В.А., Мальшев А.Б., Четвериков С.И.

88. Контрольные задания по истории первобытного общества и основам археологии. Учебно-методическое пособие. Саратов, 2006. 38 С. Соавторы: Лопатин В.А., Мальшев А.Б.

89. Нижнее Поволжье в эпохи камня, меди и бронзы. Научно-методическое пособие для разработки музейных экспозиций, выставок и экскурсий. Саратов. 2008. 26 С.

Работы по истории, краеведению и музейному делу:

90. Находки древних веков // Начало маршрута – Саратов. Вып. 1. Саратов, 1989. С. 15–23.
91. Памяти Валерия Григорьевича Миронова (1938–1996) [Некролог] // РА. 1997. № 4. С. 247–249.
92. Христианство в Золотой Орде // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Материалы межд. научн. конф. Саратов, 1997. С. 188–192. Соавтор Малышев А.Б.
93. Заповедник древностей // Альманах. Памятники Отечества (Вся Россия). Вольная губерния. № 40 (3–4). М., 1998. С. 6–15.
94. Предшественник Саратова // Альманах. Памятники Отечества (Вся Россия). Сердце Поволжья. № 39 (1–2). М., 1998. С. 49–51. Соавтор Рашитов Ф.
95. «Евангелие от Петра» // Альманах. Памятники Отечества (Вся Россия). Вольная губерния. № 40 (3–4). М., 1998. С. 32–40. Соавтор Коновалова Т.
96. П.С. Рыков – директор музея краеведения и «дело изучения Н.Г. Чернышевского» // Историк и историография. Матер. научн. конф. Саратов, 1999. С. 229–235.
97. История, религия и национализм // Национальное согласие и национальный экстремизм в современной России: исторические корни, реалии и перспективы. Материалы регионального «Круглого стола». Саратов, 2000. С. 66–74.
98. Нижне-Волжская церковная археология (состояние и проблемы изучения) // Саратовское Поволжье в панораме веков: история, традиции, проблемы. Саратов, 2001. С. 213–214. Соавтор Миронов В.Г.
99. Саратовское Поволжье в древности // Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). Саратов, 2002. С. 239–240.
100. Масоны и масонство // Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). Саратов, 2002. С. 653–657.
101. Новые материалы по истории масонства в саратовском крае // Саратовский краеведческий сборник. Саратов, 2002. С. 190–215.
102. Масоны среди саратовцев – участников Отечественной войны 1812 года и заграничных походов // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 года. Саратов, 2002. С. 198–206.
103. Из истории Саратовского областного музея краеведения: памятная книга посещения музея и библиотеки Саратовской ученой архивной комиссии (1895–1918 гг.) // Краеведы и краеведение Поволжья в контексте общественного развития региона: история и современность. Саратов, 2003. С. 40–59.
104. Разбойничьи притоны фольклорного героя Кудеяра в Саратовском крае: историко-археологический этюд // Проблемы и перспективы развития культурного туризма в Саратовской области. Саратов, 2004. С. 128–137.
105. Миллер Орест Федорович // Немцы России. Энциклопедия. Т. 2. М., 2004. С. 506–508.
106. Миллер Федор Богданович // Немцы России. Энциклопедия. Т. 2. М., 2004. С. 509.
107. Этнография в саратовском музееведении и краеведении // Народы Саратовского Поволжья: история и современность. Труды СОМК. Вып. 6. Саратов, 2005. С. 75–98.

108. Использование археологического наследия Саратовской области в сфере туризма // Туристский потенциал Саратовской области. Саратов, 2005. С. 5-12.

109. Саратовский областной музей краеведения во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // Саратовский край в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Труды СОМК. Вып. 6. Саратов, 2005. С. 8-26. Соавтор Миронова А.И.

110. А.А. Кротков. Панисламизм и пантюркизм среди мусульманского населения Саратовской губернии // Народы Саратовского Поволжья: история, этнография и современность. Труды СОМК. Вып. 7. Саратов, 2006. С. 80-119. Соавтор Федорова Е.П.

111. Музеи города Саратова: страницы истории от Саратовской губернской ученой архивной комиссии до 1917 года // Краеведение и архивное дело в провинции: исторический опыт и перспективы развития. Труды СОМК. Вып. 9. Саратов, 2006. С. 31-50.

112. Советская государственная музейная сеть в Саратове (1917-1930 гг.): организационное становление, страницы истории и музейные деятели // Народы Саратовского Поволжья: этнология, этнография, духовная и материальная культура. Труды СОМК. Вып. 10. Саратов, 2006. С. 192-279.

Библиография о Н.М. Малове:

- Энциклопедический словарь биографий современников «Вся Россия – XXI век». Саратовская область. Книга 1. Самара, 2003.
- Лучшие люди России: Энциклопедия: Вып. 7. М., 2005.
- Судьбы губернии. Сборник интервью, очерков о выдающихся людях Саратовской области. Книга вторая. Саратов, 2005.
- Выдающиеся деятели России. Биографическая энциклопедия в двух томах. Т. II. Выдающиеся руководители предприятий. СПб., 2006.
- Энциклопедия Саратовского Просвещения: образование, культура, спорт. Саратовская губерния. Книга 1. Саратов, 2007.
- Энциклопедия. Who is who в России. Цуг/Швейцария, 2007.

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Малов Н.М.

ХЛОПКОВСКИЙ МОГИЛЬНИК И ИСТОРИОГРАФИЯ ЭНЕОЛИТА НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

В 1977 г., когда куйбышевская экспедиция приступила к работам на I Хвалынском могильнике, я начал проводить охранные раскопки Хлопковского энеолитического могильника, расположенного на одноименном городище¹ [Петрова, Малов, 1978; Малов, 1979. 1981, 1982, 1987, 1998]. Ранее не представлялось возможности полностью опубликовать все материалы раскопок Хлопковского могильника, что и является основной целью данной статьи². Кроме того выделяются и характеризуются этапы истории изучения и историографии энеолита Нижнего Поволжья, вводится в научный оборот новая информация о результатах исследования Репинской, Алтатинской и Деркульских энеолитических стоянок.

К истории изучения и историографии энеолита Нижнего Поволжья. В природном отношении Нижнее Поволжье, южное Предуралье, Волго-Уральское и Волго-Донское междуречья – зоны засушливых степей, полупустынь и пустынь северного типа, что в эпохи энеолита - бронзы способствовало становлению и развитию скотоводства, а не земледелия.

¹ Разрушающиеся погребения I Хвалынского могильника обнаружены юными краеведами г. Балаково под руководством Н.И. Поповой [Каргин, 2007]. Впервые информация об открытии Хлопковского могильника была представлена мной в совместной заметке о работах СОМК [Петрова, Малов, 1978. С. 195]. На куйбышевском «Срубном совещании» в 1978 г. я кратко доложил об его раскопках. Однако до сих пор самарские коллеги ошибочно утверждают что, исследованный ими памятник: «это первый могильник данного типа на Волге», а Хлопковский открыт «позже», «позднее», «вновь» или «вслед за» I Хвалынским [Агапов и др., 1979. С. 59; Васильев, 1980 А. С. 39; Агапов и др., 1990. С. 4; Васильев, Овчинникова, 2000. С. 225; Васильев, 2004. С. 47]. Поэтому позволю себе возразить против этой неточности, так как она имеет отношение к истории изучения и историографии хвалынской энеолитической культуры (ХЭК), выделенной И.Б. Васильевым на основе Хвалынского и Хлопковского могильников [Турецкий, 1992. С. 14].

² Выражаю особую благодарность коллегам, принимавшим участие в исследовании Хлопкова городища и могильника: А.В. Гончарову, И.И. Дремову, М.А. Изотовой, В.А. Лопатину, Н.И. Поповой, И.Р. Плеве, А.А. Хрекову, Е.В. Черкасовой, С.И. Четверикову, Г.Л. Якубовскому. Искренне спасибо всем участникам областного слета юных археологов и археологического кружка при клубе «Не за тридевять земель», благодаря труду которых осуществлена значительная часть раскопок.

Для ведения земледельческого хозяйства благоприятны почвы лишь в северной части Нижнего Поволжья на широте г. Саратова – р. Большой Иргиз и особенно в пограничье лесостепи–степи Саратовского Правобережья, где встречаются черноземы [Шилов, 1975. С. 60–65]. Поэтому с древнейших времен и вплоть до раннего средневековья в Саратовском Правобережье существовали археологические культуры более близкие к лесостепным историко – культурным областям. Отличия в материальной культуре населения степной и лесостепной территорий здесь проявляются, начиная с верхнего палеолита и во все последующие эпохи каменного века [Малов, 2002. С. 229–230]. В Саратовском Поволжье верхнепалеолитические памятники отличаются по палеогеографическим условиям и характеру сырья, используемого для изготовления каменных орудий. Один район расположен в западной части области, в правобережном пограничье степи – лесостепи Приволжской возвышенности. Другой – в Предуральских степях около южных отрогов возвышенности Общий Сырт и гряды Синих Гор. В правобережье основным материалом для изготовления верхнепалеолитических орудий служил кремний, а около Общего Сырта и в Предуралье – кварцит.

Определение времени постановки вопроса об энеолите и начале использования данного альтернативного термина, для обозначения памятников халколита и медного века Нижнего Поволжья представляет не только историографический интерес. Существенное значение имело то, что длительный период не были выработаны определенные критерии для отнесения Волго-Уральских памятников к энеолиту, поэтому содержание и специфика этого сложного понятия оставались не достаточно четкими [Мерперт, 1980. С. 3–4]. Сейчас отечественные исследователи также отмечают дискуссионность критериев энеолита, неоднозначное толкование и использование данного термина [Массон, 1981; Мерперт, 1981; Синюк, 1988; Рындина, Дегтярева, 2002].

Памятники энеолита–эпохи ранней бронзы Нижнего Поволжья и Прикаспия, а также на прилегающих с востока и запада территориях степной зоны Предуралья и Волго-Донского междуречья, исследуются уже более 100 лет. Их изучение имеет свою историю и историографию. В Самарской и Оренбургской областях памятники энеолита целенаправленно изучаются только с середины 1970-х годов³. При ретроспективном рассмотрении можно выделить пять этапов в истории изучения и историографии энеолита – ранней бронзы Нижнего Поволжья, Волго-Уральского и Волго-Донского междуречий.

Первый досоветский этап продолжался с конца XIX в. и до 1917 г. В конце XIX в итальянские археологи стали использовать термин «энеолит» для

³ Иногда утверждается, что до обнаружения I Хвалынского могильника в лесостепях и степях Среднего и Нижнего Поволжья энеолитический пласт, якобы, отсутствовал, а были лишь «симптомы» для его открытия [Васильев, 2004. С. 47]. Также декларируется, что: «Вопрос об энеолите лесостепного, а затем и степного Поволжья был поставлен, после открытия на реке Самаре могильника у села Съезжее и ряда аналогичных памятников» [Фадеев, 2003. С. 100]. Эти суждения самарских археологов правомерны для южных территорий лесостепи и степи Среднего Поволжья, где недостаточно были представлены, или отсутствовали вовсе, материалы, «<...>характеризующие развитие аборигенного населения в раннем энеолите» [Мерперт, 1980. С. 11]. К тому же, до середины 1970-х годов территория Самарской и Оренбургской областей, в плане исследования памятников энеолита – ранней бронзы, оставались практически неизученными [Моргунова, 1999. С. 7].

обозначения эпохи между каменным и бронзовым веками. В 1889 г. он был признан в качестве наименования стадии технологической истории человечества [Монгайт, 1973. С. 30.]. Начало изучения энеолита южных районов России и Нижнего Поволжья связано с исследованием донных стоянок и степных курганов со «скорченными и окрашенными костяками», открытых еще в первой половине XIX в. Однако, до начала XX века эта большая группа погребений в культурно-хронологическом отношении оставалась не расчлененной [Фисенко, 1970. С. 4; Мамонтов, 1977; Мерперт, 1991.].

Тогда, из-за малочисленности бронзового инвентаря, погребения со скорченными и окрашенными костяками относили к каменному периоду, а существование бронзового века в южнорусских степях чаще всего отрицалось. Выводы исследователей об эпохе бронзы юго-восточной России были расплывчаты и противоречивы [Мамонтов, 1977]. А.С. Уваров полагал, что в Центральной России: «Фатьяновская стоянка», где вместе с каменными изделиями отмечались «первые следы меди», «<...>была обитаема в конце каменного периода и даже при первом начале бронзового века» [Уваров, 1881. С. 406]. А.А. Спицын попытался первым обобщить накопленные к концу XIX в. материалы древнейших подкурганых погребений, составив значительную их сводку [Мерперт, 1991. С. 86–87]. Открытые в 1895 г. в Камышинском уезде погребения ямной и катакомбной культур исследователь включил в среднедонскую группу скорченных и окрашенных костяков [Фисенко, 1970. С. 7–9].

Полагают, что в отечественную археологию термин «энеолит» ввел в 1901 г. А.А. Бобринский, считавший, что «чисто» бронзового века на юге России не было [Мерперт, 1991. С. 85]. Некоторые исследователи считают, что граф А.А. Бобринский относил такие погребения к каменно-бронзовому веку, разделяя их на две фазы: древнейшую (каменный век) и новейшую (бронзовый век). Безынвентарные погребения с сильной скорченностью и окрашенностью включались в каменный век, а захоронения с бронзовыми вещами, каменными молотками, плоскодонными сосудами, слабой скорченностью и окрашенностью костяков относились к эпохе бронзы [Фисенко, 1970. С. 4–6]. Д.Я. Самоквасов также полагал, что «в надпонтских странах России бронзовой культуры вовсе не существовало», поэтому эпоха камня здесь сразу же сменилась эпохой железа [Фисенко, 1970. С. 6; Мамонтов, 1977. С. 70; Мерперт, 1991. С. 84]. Фактически вопрос о медном веке или энеолите Нижнего Поволжья был поставлен в конце XIX - начале XX века.

В начале XX в. ведущие отечественные археологи редко использовали термин «энеолит». Обычно употреблялись другие наименования: «медный век», «палеометаллическая эпоха», «эпоха меди», «медная эпоха», «эпоха медно-каменных орудий» или «пора медных орудий». А.А. Спицын, публикуя Сосново-Мазинский клад, обнаруженный в 1901 г. в Хвалынском уезде, отнес его к медному веку [Спицын, 1909]. В трудах СУАК за 1912 г. помещена статья А.А. Спицына, в которой говорится о трех последовательных веках Нижнего Поволжья: «старший медный век», «средний медный век» и «младший железный век» [Мамонтов, 1977. С. 73]. То есть, в представлении исследователя бронзовый век здесь отсутствовал, а за медным веком следовал железный.

Ситуация с интерпретацией «скорченных и окрашенных костяков» стала принимать более конкретные очертания и принципиально меняться только после того, как В.А. Городцов выделил ямную, катакомбную и срубную

культуры, погребения в насыпи и на горизонте [Мерперт, 1991. С. 87–92]. Археолог, разделял эпоху палеометаллов на «пору медных орудий» и «пору бронзовых орудий», не употребляя термин «энеолит». Пору медных орудий: «<...>представляет время переходное от каменного периода к металлическому<...>», поэтому культура без всякого надлома связывалась с последующей порой бронзовых орудий [Городцов, 1910. С. 16]. Первоначально исследователь подчеркнул, что ямная, катакомбная и срубная культуры, а также погребения в насыпи и на горизонте, принадлежат к палеометаллической эпохе [Фисенко, 1970. С. 8]. Выступая в 1902 г. с известным докладом о результатах работ в Изюмском уезде, В.А. Городцов отнес исследованные памятники хронологически к неолиту, «бронзовому или энеолитическому» времени [Сафонов, 2002. С. 15]. В итоге все четыре группы погребений исследователь безоговорочно отнес к бронзовому веку [Бочкарев, 2001. С. 10].

В.А. Городцов отметил находки в Нижнем Поволжье подкурганых захоронений медной эпохи с окрашенными костяками, а до бронзовой эпохи: «<...>в Средней России, по видимому господствовала культура, представлявшая из себя пережиток неолитической эпохи» [Городцов, 1916. С. 103]. По мнению В.А. Городцова в Средней России «пора медных орудий» отсутствовала. Поэтому в этом регионе древние дюны относились к неолиту, а бронзовый век был представлен фатьяновской культурой, «<...>навстречу ей с юга на север двигалась Донецкая катакомбная культура» [Городцов, 1916. С. 3–6, 50]. Смена катакомбных могил срубными тогда, в основном, фиксировалась только в донецко-бахмутском районе не наблюдалась на остальной территории юга России [Городцов, 1910. С. 152].

По материалам кургана, раскопанного В.Ф. Ореховым около с. Адоевщина Хвалынского уезда, В.А. Городцов впервые выделил погребальный комплекс срубной культуры на севере Нижнего Поволжья. Тогда же В.А. Городцов стал разрабатывать гипотезу о «хвалынской» культуре типа Сосново-Мазинского клада, более всего выявлявшейся в этом же Хвалынском уезде. Своим происхождением она связывалась с донским лучом сибирского течения конца бронзовой – начала железной эпохи [Городцов, 1910. С. 273–282; Малов, 1986. С. 20–22; 2007].

В.А. Городцов опроверг долго существовавшее мнение об отсутствии бронзового века на территории России [Крайнов, 1991; Мерперт, 1991]. В отличие от А.А. Спицына, В.А. Городцов использовал Сосново-Мазинский клад не для характеристики памятников эпохи меди, а для выделения особой «хвалынской» культуры конца эпохи бронзы. В 1906 г. В.А. Городцов назначается старшим хранителем и заведующим Отделом археологии Российского исторического музея. Поэтому в Путеводителе по музею за 1914 г. сосново-мазинская коллекция приводилась в качестве вещей, характерных «для литейных мастерских бронзовой эпохи» [Императорский..., 1914. С. 26–27, рис. 37–38].

В конце XIX – начале XX вв. памятники «медного века» в Нижнем Поволжье начали непосредственно выявлять члены СУАК, придерживавшиеся терминологии и периодизации ведущих отечественных исследователей. Поэтому в Каталоге музея СУАК за 1893 г. эту эпоху именовали «веком меди», одновременно в скобках обозначая данный раздел и как «бронзовый век» [Малов, 2003. С. 51]. После перестройки экспозиции, при содействии

А.А. Спицына, к 1915 г. все экспонаты уже распределялись по классификации исследователя: конец каменного века, медный век, ранняя пора железного века [Щеглов, 1915. С. 213].

В начале 1913–1914 гг., в районе, где позже обнаружили Хвалынские могильники, В.Ф. Орехов впервые открыл в Нижнем Поволжье два грунтовых энеолитических захоронения на обширном Ивановском селище хвалынской культуры валиковой керамики (ХКВК). Скорченное на спине энеолитическое захоронение женщины – подростка, ориентированное черепом на ССЗ, содержало белые раковинные бусы диаметром 2 мм., толщиной 0,5 мм. Сверху костяк посыпан белой «краской» (мел), а под ним она была белая и красная (охра) [Орехов, 1916. С. 3–7, рис. 2; Спицын, 1923, С. 34–35; Мерперт, 1974. С. 18]. Здесь мог располагаться энеолитический могильник, так как это погребение перекрывало другое более ранее и уже разрушенное.

Археологи СУАК также открыли первые донные стоянки с кремневыми и кварцитовыми микролитами в правобережных уездах Саратовской губернии: Аткарском, Балашовском, Вольском, Камышинском, Кузнецком и Хвалынском. В левобережье обследовалось меньше донных стоянок («Прапорский бугор», Подстепное и Тонкошуровка) [Юдин, 1989. С. 55–61]. Это можно объяснить и тем, что оно входило в состав Самарской губернии. В «Рын-Песках» в дореволюционные годы также встречались отдельные находки позднего каменного века-энеолита [Археологическая карта, 1960. С. 67].

Под руководством С.А. Щеглова в Покровской группе близ левобережного Саратова впервые вскрыли курган ямной культуры и отнесли его к «поре медных орудий» полагая, что люди, оставившие такие памятники, вытеснили «трипольцев» [Фисенко, 1970. С. 10]. Предположение членов СУАК, о вытеснении трипольцев, вероятнее всего основывалось на докладе А.А. Спицына, прочитанном в Саратове в 1912 г.

В досоветские годы на севере Нижнего Поволжья члены СУАК впервые открыли энеолитические грунтовые захоронения и погребения ямной культуры [Мерперт, 1991. С. 86]. До начала 1920-х годов археологи СУАК относили открытые в Саратовском Поволжье захоронения со «скорченными и окрашенными костяками» к «эпохе меди» или «медному веку», не разделяя их на ямную, катакомбную и срубную культуры [Малов, 2007. С. 34–35]. В.А. Городцов выделил в Хвалынском уезде погребальный комплекс срубной культуры, а на основе Сосново-Мазинского клада новую и особую «хвалынскую культуру» конца эпохи бронзы.

Второй этап охватывает послереволюционные и предвоенные годы (1918–1940). История изучения и историография энеолита Нижнего Поволжья в эти годы уже связана не только с выделением материалов «эпохи меди» или «медного века» на донных стоянках, но и с культурно-хронологической интерпретацией древнейших курганных погребений ямной культуры, в версии культурогенеза В.А. Городцова. Поэтому не осталось без внимания дальнейшее изучение памятников катакомбной, срубной и особенно хвалынской культуры эпохи поздней бронзы.

Разработки В.А. Городцова по ямной, катакомбной, срубной и хвалынской культурам, применительно к северным районам Нижнего Поволжья, первым стал использовать Ф.В. Баллод. Профессор СГУ был хорошо с ними знаком, так как до приезда в Саратов преподавал вместе с В.А. Городцовым в

Археологическом институте и Московском университете [Малов, 2007]. Среди первых учеников В.А. Городцова в Московском археологическом институте были впоследствии известные поволжские археологи В.В. Гольмстен и П.С. Рыков. Работая в 1920–1930-е годы в Самаре и в Саратове, они развивали модели культурогенеза эпохи палеометаллов В.А. Городцова.

Ф.В. Баллод и П.С. Рыков начали выделять в Нижнем Поволжье памятники неолита, ямной культуры ранней поры (медных орудий), катакомбной, срубной и хвалынской культур поздней поры (бронзовых орудий) эпохи бронзы [Баллод, 1923. С. 125, рис. 38; Малов, 1986. С. 21–24; 2007. С. 36]. В своих работах за 1923 г. они уже использовали термин «хвалынская культура» [Баллод, 1923. С. 129; Рыков, 1923. С. 19].

В Саратове публикуется статья А.А. Спицына о поселениях Среднего и Нижнего Поволжья, для обозначения которых профессор использовал термины: «саратовские стоянки медного века» и «саратовская культура» [Спицын, 1923. С. 32–38]. А.А. Спицын предполагал, что «саратовская культура» приволжских стоянок (Дубовка, Терновка, Вольск, Мартышкино, погребение на Ивановской стоянке, Черемшанская, Банновская, Ершовская, Труевская Маза, Старая Яблонька, Аткарские дюны, Елань, Самарская лука, Марьчевка) связана со скорченными погребениями медного века, с трипольской культурой и «торговыми отношениями» с Кавказом. Исследователь обозначил культурные связи для поселений «саратовской культуры» эпохи меди с Трипольем и Кавказом, на которые до сих пор обращают внимание специалисты.

В 1927 г. В.А. Городцов впервые дал энциклопедическую характеристику ямной, катакомбной, срубной и хвалынской культурам. Самая поздняя из них - хвалынская относилась к эпохе финальной бронзы и киммерийскому времени [Городцов, 1927. С. 621–622, рис. 92–104]. Тогда же П.С. Рыков впервые предложил свою хронологическую версию распространения культуры бронзового века и хвалынской культуры в Нижнем Поволжье. В схеме исследователя ямная культура принадлежала к ранней поре бронзовой (палеометаллической) эпохи металлического периода и датировалась 3500–1600 лет до н. э., существуя вплоть до появления «Хвалынской» культуры стадии «А». Ямной культуре отводилось: «<...> время, которое лежит между эпохой Триполья и «катакомбной культурой» [Рыков, 1927. С. 80–87, схема].

П.С. Рыков отнес микролитические орудия с «Прапорского бугра», с дюн около с. Болхуны и вдоль берега Ахтубы к неолиту [Рыков, 1923. С. 12; 1929. С. 20]. Экспедиция П.С. Рыкова впервые собрала большое количество подъемного материала (трапеции, сегменты, треугольники, скребки, наконечники стрел и др.) с дюн у станции Сероглазово⁴, которые до сих пор полностью не опубликованы и не проанализированы. В 1928 г. на Болхунских дюнах в Астраханской области П.С. Рыковым была встречена энеолитическая воротничковая керамика [Синюк, 1979. С. 70, сноска 9].

Серию стоянок и местонахождений (Сырт «Маяк», Ст. Порубежка, Березовая Лука, Габдулинский кордон, Ивановка, Варваровка, Каменка-2, Маховка) с микролитическим инвентарем открыл в 1920-е годы пугачевский археолог К.И. Журавлев в бассейнах рек: Б. Иргиз, Чагра, Камелик, Чернава,

⁴ Позже, по новым материалам с Сероглазовских дюн, А.Н. Мелентьев выделил «сероглазовскую культуру» [Мелентьев, 1975; 1976а].

Стерех [Юдин, 1989. С. 55–61]. Они также не введены в научный оборот, хотя коллекции хранятся в Пугачевском краеведческом музее, а отчетные и другие сведения в архиве ИИМК РАН.

Представления П.Д. Рау относительно времени бытования погребений ямной культуры несколько отличались от схемы культуурогеоза П.С. Рыкова. П.Д. Рау рассматривал «ямную ступень» как неолитическую группу позднего каменного века. Поэтому исследователь полагал, что в форме и орнаментации керамики погребений последующей «полтавкинской ступени» (Стадия «А» по П.С. Рыкову) сохраняются черты предшествующей эпохи неолита и меди [Мерперт, 1974. С. 20; Малов, 1997. С. 11]. Т.М. Минаева выделила в Заповжье стоянки с микролитическим инвентарем (х. Крахмал, Прапорский бугор, Красный Яр, Салтово, Шульц, Краснополье, Кочетное), указав им аналогии в Крыму и на Украине. На основе сборов со стоянки на р. Торгун была предложена в последующем не подтвердившаяся гипотеза о связи микролитов с культурами эпохи бронзы [Минаева, 1929. С. 26–27]. Эту гипотезу И.В. Сеницын и другие исследователи поддерживали и уточняли вплоть до начала 1960-х годов.

После проведения работ антропологическим отрядом Казахстанской экспедиции М.П. Грязнов предположил, что в левобережье р. Урал бытовали памятники андроновской культуры, а в междуречье Волги и Урала – хвалынская культура [Грязнов, 1927. С. 172–215]. В 1932 г. в Северо-Западном Казахстане обследовалась стоянка Базартобе [Археологическая карта. С. 67]. Особо следует выделить работы И.В. Сеницына по изучению и систематизации материалов дюнных стоянок Нижнего Поволжья. В 1930 г. археолог выявил стоянки на Беровских буграх [Сеницын, 1931; 1933]. И.В. Сеницын впервые специально проанализировал материалы Прикаспийских стоянок с геометрическими микролитами, открытых саратовскими археологами к началу 1930-х гг., в диссертации: «Кремневые орудия дюнных стоянок северного побережья Каспийского моря» [Малов, 1999. С. 30].

И.В. Сеницын ввел в научный оборот термин «прикаспийская культура дюнных стоянок», отметив их единство для Северо-Западного и Северо-Восточного Прикаспия [Сеницын, 1931. С. 88–89]. Гораздо позже он повторно будет использован А.Н. Мелентьевым и закрепится за прикаспийской культурой раннего энеолита (ПЭЖ). И.В. Сеницын, вслед за Т.М. Минаевой, нашел аналогии Западно-Казахстанским материалам также в неолите Крыма и левобережной Украины. Несмотря на типологическое сходство микролитических орудий, исследователь не датировал стоянки «прикаспийской культуры» неолитом, считая, что между исходными эпохами неолита и началом палеометалла был перерыв, а: «<....> в южных районах Нижнее-Волжского края, отсутствуют стоянки неолита» [Сеницын, 1931. С. 91].

Автор резюмировал: «Такое хронологическое несоответствие позволяет сделать вывод, что кремневые орудия микролитического типа, имея, видимо, южное происхождение, представляют здесь пережиточное явление в более позднее время, бытуют с известным запозданием, что культура ранних микролитов в Нижне-Волжском крае является непосредственным переходным этапом к палеометаллической эпохе. Это тем более вероятно и потому, что их сосуществование с бронзовой культурой (стоян. на р. Торгуне) является фактом установленным» [Сеницын, 1931. С. 91]. На некоторых стоянках охотни-

ков, рыболовов и древних скотоводов родового общества, живших по береговым склонам водных протоков, озер и ильменей на пристепной части Беровских бугров Калмыкии, встречались остатки кострищ, привески из раковин, с отверстием в центре, каменные орудия, которые здесь же изготавливались [Синицын, 1933. С. 92–97, табл. 2–39 А].

Итоги археологических работ в Среднем и Нижнем Поволжье за первые 15 лет советской власти, осуществленных историко-филологическим факультетом, Педагогическим институтом, НИИ Археологии, кафедрой археологии СГУ и Самарскими археологическими курсами подвел П.С. Рыков. Профессор указал на распространение неолитических микролитических орудий по всему Поволжью и в значительном количестве в Калмыкии [Рыков, 1932. С. 9]. По его мнению, микролиты существовали в Поволжье в течение длительного времени бронзовой эпохи и основное положение об «отсутствии неолитической керамики остается непоколебимым» [Рыков, 1932. С. 10]. Так называемый «переходный период» от неолита к бронзовой эпохе в Среднем и Нижнем Поволжье был представлен немногочисленным инвентарем древне-ямных курганных погребений. Они синхронизировались с памятниками, содержащими развитую микролитическую индустрию, а погребение из окрестностей Криволучья указывало на выделение вождей [Рыков, 1932. С. 10–11].

П.С. Рыков допускал, что неолитическая эпоха в Нижнем Поволжье существовала долгое время, вплоть до эпохи бронзы включительно [Рыков, 1936. С. 11]. Поэтому древнейшие погребения ямной культуры Нижнего Поволжья, «связанные еще с тарденуазской культурой», или уже вышли за ее пределы: «<...>будут, скорее всего, принадлежать тому времени, которое в других районах можно иногда определять и неолитом. Появление здесь в очень редких случаях древнейших типов медных и бронзовых орудий только подтверждает это мнение» [Рыков, 1936. С. 18].

После резкой критики социо-культурных подходов В.В. Гольмстен, предпринятой В.И. Равдоникасом, П.С. Рыков также возразил против существования сильно выраженного социально-экономического неравенства в эпоху ямной культуры и в данном контексте связи погребения из Криволучья с Майкопским курганом. Профессор высказался против того, что древнеямные погребения были «оставлены подчиненным слоем той же общественной группы» и поэтому вынужден был отнести погребение из Криволучья даже к катакомбному времени [Рыков, 1936. С. 35].

Концептуальные подходы тех лет, по вопросу о соотношении микролитических материалов дюнных стоянок с погребениями ямной культуры, обобщены в значительной работе А.П. Круглова и Г.В. Подгаецкого. Исследователи предприняли первую интересную попытку реконструировать закономерности социально – экономического развития родового общества степей Восточной Европы. Однако, А.П. Круглов и А.П. Подгаецкий использовали обезличенное понимание стадий, противопоставляли их отвергаемой схеме В.А. Городцова, бездоказательно и ошибочно утверждали о господстве у ямных племен матриархата [Мерперт, 1991. С. 91–92]. Вслед за поволжскими археологами постулировалось пережиточное бытование «<...>орудий микролитического облика в период, характеризующийся так называемыми «ямными погребениями» или в I стадии», для которых характерны собирательство,

рыбная ловля, охота и незначительное скотоводство [Круглов, Подгаецкий, 1936. С. 136–138].

К предвоенному времени на обширной территории Нижнего Поволжья, Северного Прикаспия, Волго-Уральского и Волго-Донского междуречья было открыто более 20 донных стоянок с материалами мезолита, неолита и энеолита. Сверх этого значительное количество стоянок выявлено экспедициями Нижневолжского института краеведения СГУ в северо-западном Прикаспии, на барханных песках Калмыкии. Но это были даже не условно закрытые поселенческие комплексы, а материалы сборов с бытовых и погребальных памятников разрушенных движением дон. Как известно: «Во время сильных бурь барханы перемещаются и на очень далекие расстояния» [Шилов, 1991. С. 132].

Поэтому тогда энеолитический пласт в Нижнем Поволжье был представлен в основном открытыми поселенческими комплексами культуры «ранних микролитов» или «прикаспийской культурой донных стоянок». Геометрические микролиты рассматривались, как пережиточное явление, бытовавшее с запозданием в палеометаллическую эпоху ямной и в последующих культурах бронзового века.

В подготовленных к публикации в 1930-е годы работах, В.А. Городцов уделял существенное внимание характеристике «Хвалынской культуры палеометаллической эпохи» [Сафонов, 2002. С. 22]. В предвоенные годы термины «хвалынская» и «срубно-хвалынская» культуры, теснейшим образом связанные с исследованиями В.А. Городцова, В.В. Гольмстен и П.С. Рыкова, закрепились в историографии эпохи поздней бронзы Поволжья [Рыков, 1927; Кривцова-Гракова, 1955; Малов, 1986, 1987а, 1987б; Сагайдак, 1989; Изотова, 2005].

Третий послевоенный этап (1945–1960 гг.). В послевоенные годы термин энеолит закрепляется и чаще используется в отечественной историографии. В эти годы трипольскую культуру, поселение Средний Стог, Мариупольский и Нальчикский могильники, погребение из Криволучья, курганы ямной культуры и нижеволжские донные стоянки относили к неолиту – энеолиту, используя для характеристики финальной части каменного века [Равдоникас, 1947. С. 259–239; 1956. Карта «Неолит и энеолит IV–II тыс. до н. э.»].

Тогда полагали, что в степной полосе Европейской части СССР за донными стоянками и погребениями ямной культуры финала каменного века, следовал бронзовый век. Он начинался с памятников катакомбной культуры, а древности полтавтинской ступени считались раннесрубными [Кричевский, Мерперт, 1956. С. 141–146. Карта «Бронзовый век СССР»]. Мариупольский могильник и кельтеминарская культура рассматривались как неолитические, с охотничье-собирательским и охотничье-рыболовческим хозяйством [Киселев, 1956. С. 113–115]. Вместе с тем, к медно-каменному веку или энеолиту относили афанасьевскую, трипольскую, ямную и, порой даже катакомбную, культуры, Нальчикский могильник и Майкопский курган [Киселев, Окладников, 1956].

Некоторые расхождения в оценке энеолитических памятников Восточной Европы, обозначившиеся тогда, сохраняются до сих пор. Так, например, Мариупольский могильник и сейчас включают в днепро-донецкую неолитическую культуру с «воротничковой керамикой» [Телегин, 1985]. Ямную культурно-историческую общность относят к медному веку, или энеолиту [Шапошникова, 1985], а энеолитические памятники Самарской области, в том

числе и МКИО, рассматриваются в конце раздела о каменном веке [Васильев, Овчинникова, 2000].

Существенный вклад в изучение донных стоянок Нижнего Поволжья и Волго-Уральского междуречья продолжал вносить И.В. Сеницын. В ходе семилетних экспедиционных работ исследователь открыл их в низовьях р. Большой Узень, впадающей в Камыш – Самарские озера. Поселения с микролитическими орудиями были выявлены вплоть до северных границ Саратовской области. В 1946 г. Иван Васильевич повторно обследовал «Беровские бугры» в северо-западной полосе Прикаспийских степей и открыл новые донные стоянки, материалы которых ввел в научный оборот позже [Сеницын, 1960а]. Они тяготели к берегам рек, озер и водоемов, указывая на длительное пребывание охотничье-рыболовецкого населения на одном месте [Сеницын, 1950. С. 102; 1952. С. 62–64; 1956. С. 88]. Аналогии микролитическому инвентарю геометрических форм с нижеволжских стоянок И.В. Сеницын находил в Прикаспии и в кельтеминарской культуре.

В 1953 г. Западно-Казахстанская археологическая экспедиция, работавшая под руководством Г.П. Сениговой в зоне строительства Урало-Кушумской оросительной системы и проектирования канала Волга – Урал, повторно обследовала нео-энеолитические стоянки с микролитическим инвентарем: Сары-Айдин, Раим, Базартобе, Урда [Археологическая карта, 1960. С. 67]. Полученные материалы подтверждали ранее сделанный вывод И.В. Сеницына о сходстве культур северного Прикаспия и Приаралья [Сенигова, 1956. С. 142].

В 1950-е гг. И.В. Сеницын исследовал в Сталинградской области на правом берегу Дона два очень важных энеолитических памятника – первую стоянку с остатками культурного слоя близ хут. Репина и Задоно-Авиловский грунтовой могильник [Сеницын, 1957, 1966]. Археолог отнес Задоно-Авиловский могильник к ранней ямной культуре, сопоставив его с Мариупольским и Нальчикским некрополями [Малов, 2008]. Топографы, открывшие Репинскую стоянку, передали в 1952 г. И.В. Сеницыну подъемный материал [Шилов, 1975. С. 67]. Профессор опубликовал немногочисленные находки со стоянки⁵. Отмечалось сходство части керамики Михайловского поселения (яйцевидные и остродонные формы, примесь толченых раковин и песка, шнуровые и зубчато-чеканные орнаментальные мотивы) с посудой ямных погребений Нижнего Поволжья и поселения у хут. Репина [Сеницын, 1957, С. 32–35]. По мнению И.В. Сеницына сходство керамики и другого инвентаря было обусловлено общностью природных и экономических условий, принадлежностью к единой группе племен, переходящих к скотоводству.

Материалы курганных погребений и стоянок позволяли заключить, что носители ямной культуры Нижнего Поволжья: «<...>находились в постоянных связях с племенами Приднепровья, имели общее происхождение, составляя в III и начале II тысячелетия до нашей эры однородный этнический мас-

⁵ В 1958 г. И.В. Сеницын заложил на северном склоне горы несколько шурфов и раскопов, выявил остатки культурного слоя с фрагментами лепной посуды, костями животных, зольной массой и углями, небольшим количеством кварцитовых сколов и пластинок. Культурный слой подвергся разрушению и вместе с оползнем оказался во вторичном залегании на крутом северном склоне «Гагариной горы» [Сеницын, 1958. С. 23–26]. Материалы Репинской стоянки послужили одной из основ для выделения репинской культуры энеолита – бронзы [Синюк, 1981].

сив Днепро-Волжской культуры» [Синицын, 1957. С. 35]. Содержания термина «Днепро-Волжская культура» профессор детально так и не раскрыл. Процентное соотношение состава костных остатков интерпретировалось как свидетельство того, что жители Репинского поселка занимались «преимущественно коневодством» [Лагодовска, Шапошникова, Макаревич, 1962. С. 173; Телегин, 1973. С. 153]. Хотя кости свиньи⁶ трактовались и как факт не подвижного образа жизни репинцев [Шилов, 1975. С. 88].

Определяющую роль в изучении энеолита Нижнего Поволжья сыграли открытия Сталинградской археологической экспедиции. Наиболее значимые успехи экспедиции заставили уточнить и внести коррективы в общепринятые советскими археологами датировки энеолита и бронзы. Однако при публикации материалов раскопок авторы еще придерживались существовавших дат [Предисловие. 1960. С. 6]. Тем не менее, впервые при характеристике развития местных племен Нижнего Поволжья руководители отрядов Сталинградской экспедиции стали использовать термин «энеолит».

В первом томе Трудов экспедиции И.В. Синицын, К.Ф. Смирнов и В.П. Шилов включили термин «Энеолит» в название соответствующего раздела, начинающегося с характеристики погребений ямной культуры степного Заволжья [Синицын, 1959. С. 177]. Константин Федорович особо подчеркнул: «Древнейшими курганами Нижнего Поволжья, как и в Северном Причерноморье, являются курганы, содержащие энеолитические погребения древнеямной культуры (III тыс. до н. э.)» [Смирнов, 1959. С. 307].

Новые данные позволяли утверждать: «...» что древнейшим населением Заволжья являются племенные группы, оставившие поселения с микролитическими орудиями и древнеямные погребения. Хронологически они связаны с племенами, существование которых в соседних районах определяется временем энеолита и началом бронзового века. Параллельно им на раннем этапе обитали племена, оставившие на юго-западе в Приазовье, памятники типа Мариупольского могильника, на юго-востоке, в Приаралье – поселения типа кельтеминарской и верхнеузбойской культур» [Синицын, 1959. С. 183–185]. Кремневые микролиты геометрических форм, округлые и концевые скребки на пластинах и особенно сегмент с односторонней крутой ретушью по дуге, впервые обнаруженные в курганных погребениях, трактовались как факт их бытования в ямной культуре и на донных поселениях Волги и Северо-Западного Прикаспия [Синицын, 1960. С. 146].

К.Ф. Смирнов также полагал, что: «Прямая связь неолитической культуры Прикаспия и Нижнего Поволжья хорошо установлена И.В. Синицыным, обнаружившим микролитические орудия в одном из захоронений ямной культуры Бережновского могильника в нижнем течении Еруслана» [Смирнов, 1960. С. 233]. Исследователь сделал очень важное наблюдение, что большинство погребений ямной культуры с вытянутыми костяками сохраняющие неолитическую традицию, являются наиболее древними, содержат

⁶ К интерпретации единичных находок костей свиньи следует подходить осторожно, поскольку стоянка расположена на окраине хут. Репина. Во время «Сталинградской битвы» на «Гагариной горе» и Репинской стоянке располагались пехотные огневые точки противоборствующих сторон. Культурный слой мог «сползти» на северный склон, в результате обстрела «Гагариной Горы» дальнобойными артиллерийскими орудиями крупного калибра с юга и последующей эрозии почвы.

керамику типа поселения у хут. Репина, которая найдена и в нижнем слое Михайловского поселения [Смирнов, 1960. С. 235]. К.Ф. Смирнов и И.В. Сеницын впервые стали выделять подкуранные памятники репинского типа в Нижнем Поволжье.

Кроме того, в «энеолитических» курганных захоронениях ямной культуры степного Заволжья обнаружили кремневые ножи, провололочные подвески, раковинные бусы, пластинку из клыка кабана, костяные пронизки, аналоги которым находили в Криволучье, Мариупольском, Нальчикском и Задоно-Авиловском могильниках [Сеницын, 1959, 1960. С. 146–147, 1961. С. 94]. Трепанационные отверстия на черепах из погребения 5 кургана 12 II Бережновского могильника, указывали на более древнее зарождение такой обычая в ямной культуре, чем было известно до этого [Сеницын, 1960. С. 144–145]. Расчлененные захоронения из Бережновского и Ровненского могильника также свидетельствовали о раннем появлении этого своеобразного ритуала у племен древнеямной культуры [Сеницын, 1961. С. 91–93].

Сталинградская экспедиция внесла заметный вклад в изучение курганных энеолитических погребений степей Нижнего Поволжья. В результате ее работ в конце 1950-х годов впервые и был поставлен вопрос об энеолите, а не эпохе меди или медно-каменном веке Нижнего Поволжья. Теперь начало существования ямной культуры окончательно относили к энеолиту. Энеолитический пласт памятников был представлен в Нижнем Поволжье не только дюнными стоянками, но и древнейшими подкуранными погребениями бережновского (БЭКП) и репинского культурных типов, грунтовым Задоно-Авиловским могильником и Репинской стоянкой. Ранние подкуранные захоронения и дюнные стоянки энеолитического времени, рассматривали как однокультурные вместе с классическими «городцовскими» и «донецкими» курганными материалами Сталинградской экспедиции и Репинской стоянки оперативно использовались в докладах о сложении древнеямной культуры, прочитанных В.Н. Даниленко на пленуме ИА АН СССР 1958 г, Н.Я. Мерпертом и М. Гимбутас на Пражском симпозиуме 1959 г. [Даниленко, 1974. С. 32–33]. В.Н. Даниленко выделил в этом процессе семь фаз. Позднейшие древнеямные «городцовские» памятники включались в седьмую, последнюю фазу развития древнеямной культуры, или этнокультурной области [Даниленко, 1974. С. 31–32]. Точку зрения В.Н. Даниленко о том, что Прикаспий является эпицентром сложения древнеямной культуры, поддерживали Н.Я. Мерперт и М. Гимбутас [Даниленко, 1974. С. 31–32].

В.Н. Даниленко предложил первую культурно-хронологическую модель членения энеолитических доклассических ямных погребальных памятников. Аналогами первой чигирино-квитянской фазы назывались: на Волге – Бережновский курган № 5, п. 22 и Политотдельский курган № 12, п. 15. Памятникам следующих двух фаз, представленных среднестоговским типом, параллели указывались в курганном погребении из хут. Попова на Нижнем Дону. К четвертой фазе относились памятники типа Нижнего слоя Михайловки, которым в волгодонской области соответствовали поселения типа хут. Репина. Пятая и шестая фазы соотносились с II и III слоями Михайловки [Даниленко, 1974. С. 32]. Одним из достоинств этой модели культурогенеза было то что, Нижневолжские подкуранные энеолитические комплексы (БЭКП) и

памятники типа Репинской стоянки стали рассматривать как предшествующие «городцовским» курганным погребениям ямной культуры.

Энеолитическая керамика была обнаружена В.Д. Белецким близ Досанга и Исекея (Астраханская область), а И.В. Синецким около Новой Казанки в Уральской области [Синюк, 1979. С. 70, сноски 9, 10]. Ареал памятников хвалынской культуры эпохи поздней бронзы был очерчен в энциклопедическом издании [Артамонов, Кривцова-Гракова, 1951. С. 154, карта]. Их стали включать во второй хвалынский этап срубной культуры [Малов, 1986. С. 22, рис. 1].

Четвертый этап: 1961–1976 гг. В начале 1960-х годов древнейшая культура считалась энеолитической, катакомбная - относилась к началу бронзового века, а ее сменяла срубная, ранний этап которой именовался «полтавкинским» [Киселев, 1965. С. 30–38]. В рамках проблем протоиндоевропейистики и происхождения ранних форм скотоводства, обсуждаются связи скотоводческих ямных племен Нижнего Поволжья с другими неэнеолитическими культурами Восточной Европы и Балкано - Карпато - Подунавья [Дергачев, 2005. С. 13–14].

По мнению некоторых исследователей, на связи ямных и майкопских племен указывало сходство погребального ритуала: квадратные могилы с закругленными углами, положение покойников на спине с подогнутыми ногами, костяные пронизки со спиральной нарезкой [Формозов, 1965. С. 140–141]. В какой-то степени параллельной ямной культуре А.А. Формозов считал культуру типа Мариупольского могильника, но о сношениях майкопской культуры с населением Северо-Западного Прикаспия и Нижнего Поволжья данных было меньше. Исключение составлял комплекс из Криволучья и топор из Труевской Мазы, орнаментированный шишечками так же как, и топор из Новосвободной [Формозов, 1965. С. 142–143]. Нальчикский могильник считался одновременным с майкопской культурой, так как в нем отсутствовали микролитические изделия, встреченные в энеолите (Мешко, Ясенова Поляна, Майкоп) и в ямном погребении из Бережновки [Формозов, 1965. С. 146–147]. Однако Р.М. Мунчаев признал аргументы, приведенные А.А. Формозовым, неубедительными для синхронизации Нальчикского могильника с майкопской культурой [Мунчаев, 1975. С. 141–146].

В связи с обсуждением проблем становления производящего скотоводческого хозяйства и domestikации лошади особое внимание стали привлекать каменные скипетры [Дергачев, 2005]. В Нижнем Поволжье один происходил из разрушенного кургана на севере Саратовской или на юге Куйбышевской области, а другой из кургана № 27 Архаринского могильника [Синецкин, Эрднеев, 1966. С. 10–11, рис. 34, 2; Мерперт, 1974. С. 60, прим. 136, рис. 18, 1].

По мнению Н.Я. Мерперта «скипетры», обнаруженные в близких хронологически культурах Триполье В - Кукутени А, Гумельница, Црибуки, позволяли синхронизировать I хронологическую группу ямной культуры Волго-Уралья с могильниками Мариупольского типа [Мерперт 1974, С. 60, сноска 136, С. 169, рис. 18, 1]. В эту древнейшую I группу вошли энеолитические курганные (Бережновка-I, к. 5, п. 22; Бережновка-II, к. 9, п. 16; Быково-I, к. 12, п. 7; Быково-II, к. 2, п. 3; Ровное-II, к. 3, п. 11; Архара, к. 27) и грунтовые захоронения из Ивановки, Криволучья, Задано-Авиловского [Мерперт, 1968; 1974. С. 54–61; 1977; Фисенко, 1970. С. 32–33]. На основе стратиграфии Бережновское захоронение с сегментом Н.Я. Мерперт включил в третий этап ямной

культуры, синхронизированный с новосвободненской ступенью майкопской культуры [Мерперт, 1974. С. 71-72].

По В.Н. Даниленко среднестоговская культура – один из этапов ямной культуры, скипетры восточного прикаспийско-кавказского происхождения символизировали период развития неолитических культур, специфику которого составляло: возникновение кочевого скотоводства и имущественного неравенства, господство патриархальных отношений, бурное развитие межплеменного обмена, проникновение скотоводческих и курганных культур в трипольский ареал [Даниленко, 1974. С. 104].

В.Н. Даниленко первым отметил культурное своеобразие нижневолжских подкурганных раннеямных погребений, выделив их в качестве «особого бережновского типа культуры» Северного Прикаспия, степного Поволжья и Подонья [Даниленко, 1974. С. 56]. Археолог рассматривал сосуд из к. 5, п. 22, I Бережновского могильника в качестве одного из образцов керамики «бережновской фазы среднестоговского периода», или раннеэнеолитического бережновского периода ямной культуры [Даниленко, 1974. С. 56-69, рис. 32, 1; 35, 2; 41]. Для обозначения древнейших скорченных подкурганных энеолитических захоронений Нижнего Поволжья до ямного времени, выделенных В.Н. Даниленко в «бережновский тип культуры», я считаю возможным использовать термин: бережновский энеолитический культурный тип памятников (БЭКТП). Этот культурный тип представляет собой ранний энеолитический пласт скорченных подкурганных захоронений Нижнего Поволжья [Малов, 1987а; 1990].

На основе типологического сопоставления керамики Д.Я. Телегин вначале объединял между собой степные культуры Средний Стог II, погребения раннего периода ямной культуры Нижнего Поволжья, стоянки Досанг и Джебел [Телегин, 1968. С. 160, рис. 53]. Третий период днепро-донецкой культуры синхронизировался с «индоиранскими культурами» Средний Стог II и ранней ямной культурой Нижнего Поволжья, Кельтимином и Трипольем В-С [Телегин, 1968. С. 232, рис. 65. С. 236, рис. 66]. Затем среднестоговская культура синхронизировалась с этапом В-С1 Триполья, стала предшествовать Майкопу и ямной (Михайловка-II, Александрия-II), являясь основным компонентом ее сложения и, возможно, недолго сосуществовала на шнуровом этапе II в. с ранними майкопскими и ямными [Телегин, 1973. С. 129, 162-163, рис. 63, 67].

Кроме того, Д.Я. Телегин не согласился с В.М. Даниленко, М. Гимбутас и Н.Я. Мерпертом, синхронизировавшими раннеямные памятники степного Волго-Уралья со среднестоговской культурой, удревнив датировку последней. При этом схема В.М. Даниленко из 9 фаз критически даже не разбиралась, как иложенная без обоснования и анализа фактического материала [Телегин, 1973. С. 120-121]. Неолитическую керамику из сборов А.Н. Мелентьева в Прикаспии и со стоянки Алгата Д.Я. Телегин попытался сопоставить с классом А среднестоговской культуры, а бережновский сосуд (к. 5, п. 22) – с мешковидной посудой Михайловки-II [Телегин, 1973. С. 151]. В конечном итоге Д.Я. Телегин заключил, что в среднестоговской культуре возник древнейший шнуровой орнамент, появились боевые молоты и впервые в Европе лошадь была приспособлена к верховой езде [Телегин, 1973. С. 163]. А. Хэйслер, будучи противником теории восточного происхождения культур шнуровой ке-

рамики, также высказался критически против удревнения Н.Я. Мерпертом возраста ямной культуры степного Волго-Уралья [Häusler, 1974. S. 106-107].

М. Гимбутас включает среднестоговскую, майкопскую и ямную культуры в одну «курганную культуру» восточноевропейских степей и использует для определения абсолютного возраста восточноевропейских энеолитических культур калиброванные даты. В результате возраст среднестоговской культуры удревняется на тысячу лет и определяется второй половиной V – первой половиной IV тыс. до н. э. [Телегин 1985а. С. 309–310]. Соответственно удревняется возраст и всех остальных «курганых культур», в том числе древнеямной и БЭКП.

А.Х. Халиков попытался впервые выделить в Саратовском Правобережье поселения с материалами «волго-камской» неолитической культуры. К сожалению, на эту своеобразную культурную группу керамики специалисты не обращают особого внимания даже в историографических обзорах. К раннекерамическому этапу раннего периода «волго-камского неолита» была отнесена стоянка «Труевская Маза» и грунтовое Криволучское захоронение [Халиков А.Х., 1969. С. 42–43, 49, 71, рис. 9, 1, 2]. Волго-камской считалась керамика с примесью песка и растительных остатков, украшенная мелкозубчатými оттисками и наколами, боковые резцы на пластинах, скребки со скошенным лезвием и обломок асимметричного топора, обнаруженные в 1914 г. А.А. Кротковым [Халиков, 1969. С. 71]. По мнению исследователя памятники типа поселения «Захар-Калма» и Криволучское погребение на р. Чагра свидетельствовали о процессах смешивания пришлых древнеямных племен с поздненеолитическими носителями волго-камской культуры [Халиков, 1969. С. 89]. Н.Я. Мерперт полагает, что подвижные скотоводческие древнеямные племена соприкасались с культурой Средний Стог II, а на севере от Приуралья до среднего Поднепровья контактировали с ареалами ямочно-гребенчатой и гребенчато-накольчатой керамики [Мерперт, 1976. С. 123].

Памятники с микролитами привлекают особое внимание исследователей в связи с возможностью появления скотоводства в результате культурного взаимовлияния и контактов населения степного Волго-Уралья, Прикаспия, Юного Урала и Западного Казахстана с кельтеминарской культурой. Тем более, что кельтеминарскую культуру стали считать скотоводческой [Рогачев и др., 1967. С. 17], а границы ее распространения продолжали очерчивать достаточно широко. На северо-западе они доходили до р. Эмбы и далеко за р. Урал, охватывая территории Западного и Приморского Казахстана. А.А. Виноградов подчеркнул сильное отличие находок из района Узеней от хорезмских. Тем не менее, исследователь не отрицал «<...>той бесспорной и глубокой культурной общности, существовавшей в неолитическую эпоху на обширных территориях Закаспия и Приаралья, Западного Казахстана, вероятно, Южного Зауралья и более северных районов, общности, обусловленной, очевидно, единством происхождения и последующими взаимовлияниями» [Виноградов, 1968. С. 153–156].

Одновременно Л.Л. Крижевская включила степи Волго-Уралья, Северный Прикаспий, Закаспий и Приаралье в области распространения линейно-накольчатой и гребенчатой керамики, а также индустрии пластин. Предполагалось, что в эпоху неолита в степях Южного Урала и Казахстана существовала культурная общность групп родственных племен, входившая вместе с

кельтеминарцами в более широкий круг [Крижевская, 1968. С. 117, рис. 25; 1970. С. 29–30]. На Мангышлаке начали выделять единый неолитический культурно-хронологический комплекс, наиболее сходный с западноказахстанским неолитом [Коробкова, Мандельштам, 1971. С. 27–28]. А.А. Формозов предполагал возможность продвижения поздних кельтеминарцев из Прикаспия на север и их влияния на неолитические племена Южного Урала и Зауралья [Формозов, 1973. С. 31–33]. Значительную роль в распространении и становлении степного скотоводства в Волго-Уральском междуречье Н.Я. Мерперт отводил культурам Кавказа и западных территорий Средней Азии (Восточный и Южный Прикаспий) [Мерперт, 1974. С. 140–146].

Г.Н. Матюшин обратил внимание на то, что в Нижнем Поволжье неизвестны стоянки, достаточно хорошо сохранившие культурный слой. Поскольку находки «микролитических» изделий с дюнов продолжают связывать с ямной культурой, то только в этом районе отсутствуют памятники эпохи мезолита и неолита [Матюшин, 1968. С. 237]. Исследователь считал микролитическим тот инвентарь, «в котором отсутствуют двухсторонне обработанные орудия и преобладают изделия из ножевидных пластин», поэтому отнес стоянки Рассказань и Рудня к неолиту, а не к ямной культуре [Матюшин, 1968. С. 236–241]. Г.Н. Матюшин справедливо подчеркнул, что наличие одного сегмента при погребении, вряд ли может служить основанием для отнесения всех памятников и стоянок Нижнего Поволжья с микролитическим инвентарем, к ямной культуре [Матюшин, 1968. С. 241].

Тем не менее, в учебной программе спецкурса, читавшегося И.В. Синециным в конце 1960 – начале 1970-х годов, в разделе каменного века после неолитической эпохи значилось: «Переходный этап в истории древних племен Нижнего Поволжья – древнеямные погребения и их связь с дюнными поселениями. <...> Начало приручения домашних животных» [Синецин, 1968. С. 35]. Профессор полагал, что памятники «собственно ямной культуры», в том числе и поселение близ хутора Репина, относятся к начальному этапу родового общества бронзового века [Синецин, 1968. С. 34–35].

В 1960-е гг. саратовские и волгоградские археологи открывают в правобережном пограничье Волгоградской и Саратовской областей, на северной окраине г. Камышина и на городище «Утес Степана Разина» грунтовые скорченные на спине и окрашенные охрой захоронения, близкие по этим показателям не только к ямным, но и к ХЭК, [Шендаков, 1963; Фисенко, 1968; Малов, 1982]. Они до сих пор не опубликованы. В погребениях на 1-ом Камышинском поселении, одно из которых парное, встречены цилиндрические костяные пронизки с насечками по краю, клык кабана, две крупных кремневых пластины и пластинчатый скребок из окаменелой древесины.

В степной части Волго-Уральского междуречья, на р. Большой Узень, Ю.В. Деревягин выявил около 10 энеолитических стоянок с сохранившимися культурными слоями, аналогии материалам которых имелись на поселениях у оз. Сарай-Дин, Быково-I и в Калмыкии [Деревягин, 1966. С. 84–89; Малов, 1991]. Однако энеолитические кварцитовые наконечники стрел, копий, скребки и ножевидные пластины археолог отнес к «раннему периоду срубной культуры» первой половины II тыс. до н. э., под которыми тогда подразумевались древности полтавкинской ступени или стадии [Деревягин, 1969; 1971. С. 159–160].

Некоторая энеолитическая керамика Нижнего Поволжья очень схожа с полтавкинской по примеси раковин в тесте, элементам, сюжетам орнаментации и особенно по использованию «шагающей гребенки» или «шагающей палочки». К тому же, в основном совпадают и ареалы данных нижневолжских культур. Поэтому в свое время П.Д. Рау и отмечал, что в форме и орнаментации керамики погребений «полтавкинской ступени» сохраняются черты предшествующих эпох неолита и меди. Тогда Н.К. Качалова еще только отчленила полтавкинскую культуру от срубной [Качалова, 1965]. В последующем Н.К. Качалова также отмечала, что полтавкинские сосуды Северного Прикаспия по стилю и некоторым сюжетам орнаментации сближаются с местными энеолитическими. Использование «шагающей палочки» свидетельствовало о контактах или некотором участии боборыкинских и липчанских типов в формировании прикаспийской полтавкинской группы [Качалова, 1983. С. 16].

В 1968 г. Ю.В. Деревягин, совместно с Е.В. Черкасовой, впервые в пограничье степи – полупустыни Волго-Уралья открыл энеолитическую стоянку – мастерскую Алтата с мощным и хорошо сохранившимся культурным слоем. Памятник располагался в бассейне р. Большой Узень, на краю верхней террасы правого берега р. Алтата, в 2,3 км к СВ от с. Алтата Дергачевского р-на Саратовской области. Исследователь отнес стоянку к неолиту [Деревягин, 1968; 1969. С. 129–130]. В 1968-г. здесь было собрано более 500 кремневых и кварцитовых орудий (скребки, наконечники стрел, ножевидные пластины), отщепы и нуклеусы, 15 мелких обломков керамики с примесью толченых раковин.

В 1969 г. Ю.В. Деревягин произвел на Алтате рекогносцировочные, а в 1970 г., более крупные раскопные работы площадью 48 кв. м. Мощность культурного слоя достигала 1 м. На верхнем участке стоянки обнаружены остатки разрушенного промоиной подпрямоугольного котлована материковой постройки, ориентированной по линии ССВ–ЮЮЗ [Деревягин, 1971]. Полностью сохранилась только одна длинная стенка с двумя углами, один из которых прямоугольный, а другой овальный. Прослежены остатки от узкого входа в котлован с ЮЮЗ, короткой и разрушенной, стенки, направленного к реке. Вдоль длинной стенки обнаружена овальная яма, а в ССЗ углу – очаг с зольной массой.

Ю.В. Деревягин впервые исследовал в степном Волго-Уралье остатки энеолитического полуземляночного жилища длиной около 15 м. Ширина короткой стенки постройки сохранившаяся до 4 м, могла быть около 8 м. Общая площадь, вероятно, была около 130 кв. м. Если использовать усредненную цифру – 4 кв. м площади на человека, то в алтатинской постройке численность жителей составит около 30-ти человек. Вероятно, здесь проживала одна большая семья. Жилище обогревалось угловым очагом, располагавшимся напротив входа. В 1970 г. найдено большое количество кварцитовых скребков, наконечников стрел и копий, ножевидных пластинок, отщепов, дробленых костей животных и несколько фрагментов керамики, орнаменти-

рованных мелкозубчатым чеканом, треугольными вдавлениями⁷. Она имела обильную раковинную примесь в тесте.

Поскольку в те годы еще не были исследованы памятники близкого культурного облика, то Алтатинскую стоянку интерпретировали как поселение – мастерскую особой неолитической культуры [Деревягин, Третьяков, 1974]. Таким образом, был поставлен вопрос об алтатинском культурном типе памятников (АКТП) и выделении алтатинской археологической культуры. В 1975 г. Д.Я. Телегин исследовал на стоянке 29 кв. м. в результате трех зачисток, шурфа и небольшого раскопа, обнаружил около 1000 находок (керамика, каменные и костяные изделия) и кострище [Телегин, 1975]. Очень важным итогом работ Д.Я. Телегина явилось то, что зафиксировано 5 стратиграфических слоев и установлена неоднослойность нижней террасы стоянки. Наибольшее количество находок концентрировалось на уровне перехода от 3 к 4 слою (80–90 см). Среди каменных изделий преобладали кварцитовые. Большая часть скребков на отщепах, пластин около 20 экземпляров. Из 23 фрагментов керамики четыре венчика. Отметив не совсем ясное культурно-хронологическое место стоянки, исследователь предварительно отнес ее к финалу неолита – раннему энеолиту [Телегин, 1981. С. 4–19, рис. 1; 8; 9].

В.И. Еремин первым разделил нижневолжские стоянки предьямного и ямного времени на три хронологические группы. В первую группу вошли стоянки неолита, а во вторую Алтата и Лятошинка, синхронизируемые с памятниками рубежа дошнурового и шнурового периодов среднестоговской культуры [Еремин, 1976; 1977. С. 67]. Наиболее поздние стоянки Репин хутор и Царица-I, II были отнесены к последней третьей хронологической группе, сопоставляемой с II–III слоями Михайловского поселения [Еремин 1976; 1977. С. 67–68].

В результате многолетних и целенаправленных работ Прикаспийского отряда ЛОИА АН СССР, возглавляемого А.Н. Мелентьевым, в Северном Прикаспии было открыто в Северном Прикаспии около 200 пунктов с кварцевой индустрией мезолита, неолита и энеолита [Даниленко, 1974; Шилов, 1975]. Энеолитические комплексы А.Н. Мелентьев выделил в качестве «прикаспийского типа» или «прикаспийской культуры» [Мелентьев, 1968; 1969; 1973; 1975; 1976; 1976а; 1977; 1980; 1980а]. В степном левобережье Волги и Урала, междуречье Урала и Эмбы исследователь открыл стоянки: Караузек, Истай-Бабай, Асан-Бай, Кок-Мурун, Кошелах и др. Некоторые из них были однослойными, с непо потревоженными культурными слоями. Стоянки с кремнево-кварцевым инвентарем А.Н. Мелентьев предварительно сопоставлял по керамике с кругом памятников Средний Стог II.

Материалы энеолита происходили с барханных гряд и котловин западной, восточной и южной частей «Рын-песков» или с возвышенных мест близ некогда пресноводных водоемов, теперь соленых озер – «соров». Сходство наборов орудий энеолитических стоянок и погребений ямной культуры не исключало синхронное существование скотоводческого населения на смежных территориях [Мелентьев, 1968; 1976. С. 11–12]. Кроме того, А.И. Мелентьев выделил «сероглазовскую культуру» с мезолитическим и не-

⁷ В 1971 г. здесь произвел раскопки Г.С. Дьячков, учитель истории – археолог из г. Саратова. Однако отчетная документация о них отсутствует, а место хранения коллекций не установлено.

олитическим этапами [Мелентьев, 1975; 1976а]. В неолитических памятниках «сероглазовской культуры» первоначально и находили аналогии керамике с площадки грунтового могильника около с. Съезжее [Матвеева, 1976].

К 1970-м годам в степном Нижневолжском районе от широты Волгограда до широты Саратова уже известно свыше 200 курганных погребений ямной культурно-исторической области, самые ранние из которых могли быть синхронны с поздними донными стоянками [Мерперт, 1974. С. 18, 24–29]. Среди этих погребений присутствовали подкурганные энеолитические комплексы БЭКТП, которые до середины 1970-х годов относили к ранней ямной культуре. Были открыты новые грунтовые скорченные захоронения на окраине г. Камышина и на «Утесе Степана Разина».

Энеолит в Нижнем Поволжье, Волго-Уральском и Волго-Донском междуречье уже не представлял собой «белое пятно» или «абсолютно не изученную эпоху». Важным достижением следует признать открытие Ю.В. Дерягинным Алтатинской энеолитической стоянки и серии других энеолитических поселений с сохранившимися культурными слоями в Волго-Уральском пограничье степи-полупустыни. Энеолит к этому времени характеризовался донными материалами прикаспийской культуры, погребениями БЭКТП, АКТП и стоянками с сохранившимися слоями на р. Большой Узень и в Волго-Донском междуречье (Репин хутор, Лятошинка, Царица-I, II). В.И. Еремин предложил схему культурно-хронологического расположения этих стоянок. В результате многолетних работ существенные успехи были достигнуты А.Н. Мелентьевым в изучении донных стоянок Северного Прикаспия. Накопленная источниковедческая база позволила А.Н. Мелентьеву выделить сероглазовскую мезо-неолитическую и прикаспийскую энеолитическую (ПЭК) культуры.

Пятый этап: 1977–2008 гг. В последней четверти XX века восточно-европейский «энеолит» стали связывать с деятельностью Балкано-Карпатской металлургической провинции, конкретизировались его основные признаки для Волго-Уральского и Днепро-Дона-Волжского междуречья [Черных, 1978; 1988; Рындина, 1978; Мерперт, 1981, 1982, 1988; Массон, 1982, 2000; Синюк, 1988; Рындина, Дегтярева, 2002. С. 4–19]. Гипотеза, связывающая происхождение индоевропейцев с балкано-дунайской областью, в эти годы становится наиболее популярной среди ведущих отечественных исследователей. Хотя некоторые специалисты продолжали считать что, прародина индоевропейцев охватывала степи Северного Причерноморья и, может быть, примыкающую к ним степную полосу Азии [Формозов, 1977. С. 135–136].

Начало данного этапа изучения энеолита ознаменовано открытием в 1977 г. на севере Нижнего Поволжья в пограничье лесостепи-степи Саратовского Правобережья I Хвалынского и Хлопковского могильников. По форме и орнаментации керамика этих памятников, находила самые близкие аналогии в остродонном сосудике (рис. 20, 9) из I Бережновского могильника [СОМК. Инв. № 1881. 1951 г.]. Он имел примесь толченых раковин, высоту 10 см и диаметр по венчику 8 см. Как и в Хлопковском могильнике он также располагался в погребении дном вверх и был орнаментирован по всему тулову и срезу венчика. От острого дна вверх расходятся друг от друга три полосы многорядных параллельных вдавлений. На сосуде представлен достаточно интересный орнаментальный сюжет, если развернуть и воспринимать его со

стороны дна. Культурно-хронологическая близость Хлопковского и Хвалыньских могильников с данным захоронением и другими БЭКТП подтверждались ведущими обрядовыми характеристиками скорченных и расчлененных костяков, раковинными бусами и другим инвентарем.

Поскольку ранние памятники ямной культуры Нижнего Поволжья уже относили к энеолиту, то первоначально полагали что, I Хвалыньский могильник: «отражает один из первых этапов становления древнеямной культуры Нижнего Поволжья, входившей в огромную древнеямно-среднеэнеолитическую общность Каспийско-Черноморской степи и лесостепи» [Агапов и др., 1979. С. 83]. Во второй главе диссертации И.Б. Васильев использовал материалы Хвалыньского могильника для характеристики «древнеямного этапа или древнеямной энеолитической культуры», поставив вопрос о выделении позднеэнеолитической древнеямно-стоговской общности [Васильев, 1979. С. 10–12]. Грунтовые могильники типа I Хвалыньского Игорь Борисович считал древнее БЭКТП. Поэтому для обозначения первой группы древнеямных курганных захоронений Среднего Поволжья, вначале использовался термин «памятники типа Бережновка – Хвалыньск» [Васильев, 1979а. С. 37]. Второй этап энеолита Поволжья, куда включались памятники «древнеямной культуры», типа Хвалыньского могильника и БЭКТП, исследователь датировал первой половиной IV тыс. до н. э. и более ранним временем [Васильев, 1980. С. 6].

Хлопковский могильник и погребения БЭКТП также относились к «древнеямному энеолиту» или к культуре типа Хвалыньского и Хлопковского могильников [Малов, 1979. С. 186; 1980. С. 153; 1982. С. 92–93]. До 1980 г. И.Б. Васильев распространял на эту группу памятников, в том числе и на БЭКТП, название «древнеямная культура» [Васильев, 1981. С. 31]. Использование первоначально именно данного термина в определенной степени, можно объяснить стремлением авторов раскопок I Хвалыньского и Хлопковского могильников подчеркнуть местные истоки генезиса ямной культуры Волго-Уралья и Поволжья.

После защиты диссертации И.Б. Васильев, сославшись на, якобы имевшее место, решение участников Оренбургского совещания (февраль 1980 г), сообщил что, именно на нем: «<...>было решено дать этой группе памятников название «Хвалыньская культура»⁸ [Васильев, 1980а. С. 39; 1981. С. 31]. Исследователь объединил древнеямные погребения БЭКТП или «среднеэнеолитического периода» (по В.Н. Даниленко) вместе с погребениями Хвалыньского и Хлопковского могильников в одну новую ХЭК развитого энеолита, предшествующую классической «городцовой» ямной культуре [Васильев, 1981. С. 22–24]. По-

⁸ Как один из участников данного совещания позволю себе напомнить что, вопрос о названии энеолитической культуры типа Хлопковского и Хвалыньского могильников официально тогда не обсуждался и никакого решения по нему не принималось. Поэтому в решении Оренбургского совещания, экземпляры которого позже прислали всем его участникам, пункт о закреплении за данным культурным типом или культурно - хронологическим горизонтом названия и термина «хвалыньская культура» отсутствовал. В противном случае участники совещания были бы вынуждены «проголосовать за запрещение» в последующем использовать этот термин для обозначения памятников эпохи поздней бронзы или хвалыньского этапа срубной культуры с валиковой керамикой. Так что, название «хвалыньская культура», применительно к памятникам типа Хвалыньского и Хлопковского могильников, Игорь Борисович ввел в научный оборот по собственной инициативе. Так в археологии Поволжья появилась вторая культура с названием «хвалыньская».

скольку эталонным памятником ХЭК считался I Хвалынский могильник, то крупная историко-культурная общность переименовывается в «хвалынско – среднестоговскую» [Васильев, 1981. С. 31–34]. Кроме того, И.Б. Васильев объединил Алтатинскую стоянку в культурно-хронологическом плане с поздне-энеолитическими памятниками алексеевского типа [Васильев, 1981. С. 45–46]. По моему мнению существование самостоятельного алексеевского энеолитического типа требует специального обоснования, так как он недостаточно представлен новыми памятниками.

Вместе с тем отмечалось, что грунтовые могильники характерны для лесостепного Правобережья Волги [Малов, 1982. С. 92]. В степном Заволжье с памятниками типа Хвалынского и Хлопковского могильников синхронизировались скорченные курганные погребения первого периода ямной культуры, которые предлагалось именовать энеолитическими или «бережновскими» [Малов, 1990]. Древнейшие памятники в Левобережье Днепра первой ступени первого этапа тогда считались одновременными с ранними нижне-волжскими курганными погребениями (Бережновка-I 5/22; Быково-I 12/7; материалы из Досанга и Исекея) и относились к «бережновской фазе», а левобережные Днепровские репинского типа включались во вторую ступень [Марина, 1982. С. 15–16].

После открытия Съезжинского и Хвалынского могильников Е.Е. Кузьмина стала возражать против определяющей роли в распространении производящего хозяйства кельтеминарской и заманбабинской культур Средней Азии, от которых могли заимствоваться некоторые достижения и разведение мелкого рогатого скота на юге Восточной Европы [Кузьмина, 1980.]. Несмотря на то, что граница между кельтеминарской и мариупольской общностями проводилась по р. Урал, предпочтение было отдано контактам населения южнорусских степей с древними земледельцами Балкано-Дунайской зоны и констатировалось отсутствие следов западной экспансии кельтеминарской культуры [Кузьмина, 1980. С. 11]. Соответственно Е.Е. Кузьмина отрицает гипотезу В.В. Иванова и Т.В. Гамкрелидзе, о формировании индоевропейской общности в Передней Азии и последующих ее миграционных волнах через Северный Прикаспий в Северное Причерноморье.

А.В. Виноградов не согласился с этими возражениями Е.Е. Кузьминой: «<...>неолитическая культура Северного Прикаспия имеет довольно многочисленные соответствия с неолитическими материалами из Средней Азии. Это относится к неолиту не только Северо-Восточного Прикаспия, но и Северного Прикаспия» [Виноградов, 1981. С. 164]. Исследователь посчитал различия между этими территориями не принципиальными, поскольку сероглазовская неолитическая керамика по форме, примесям в тесте и орнаментации аналогична кельтеминарской [Виноградов, 1981. С. 181].

По мнению А.Т. Синюка на ранние исторические связи Нижнего Дона с востоком и юго-востоком указывали некоторые общие черты с кельтеминарской культурой в орнаментации керамики и воротничковый венчик из слоя IV стоянки Джебел [Синюк, 1979. С. 71.] И.Б. Васильев и А.А. Выборнов находили меньше параллелей Прикаспийскому неолиту со Средней Азией, но отметили, что в Северном Прикаспии есть единичные рогатые трапеции дарьясайского типа и кельтеминарские наконечники. Исследователи фиксировали отдельные среднеазиатские черты в керамических материалах со

струйчатым орнаментом раннего этапа стоянки Джангар [Васильев, Выборнов, 1986. С. 11].

К сожалению, аналитическое сопоставление материалов Закспия и кельтеминарской культуры с нижневолжским неолитом сейчас не привлекает особого внимания поволжских археологов и историографов неолита-энеолита. Определенное сходство нижневолжской и кельтеминарской неолитической керамики не исключает возможности контактов и взаимодействия соседних неолитических областей Волго-Уралья, восточного Прикаспия и Приаралья. В этой связи отметим находки керамики орловский культуры и двух кремневых наконечников стрел близких к «кельтеминарским», из сборов в окрестностях с. Рубежка Приуральского р-на Западно-Казахстанской области [Ким и др. 1993. С. 153, 158, рис. 1, 14, 16].

Археологические артефакты указывают на близость кельтеминарской и нижневолжской неолитической керамики по технике нанесения, элементам и сюжетам прочерчено-накольчатой, волнистой и прямолинейной орнаментации, а также и по венчикам с внутренним утолщением, или массивным верхом. Это может свидетельствовать о территориальной, хронологической и культурной общности, близости происхождения и непосредственном взаимодействии соседних культур Прикаспийской нео-энеолитической историко-культурной зоны скотоводческого ХКТ.

Утверждение И.В. Васильева о более раннем хронологическом месте I Хвалынского могильника по отношению к «однокультурным» подкурганным погребениям «бережновского типа» изначально представлялось спорным [Малов, 1982. С. 92; 1990]. При такой модели культурогенеза происхождение ямной культуры Поволжья оказывалось неоправданно более связанным с лесостепной правобережной территорией, где и открыли новые «ранние» грунтовые могильники. К началу 1990-х годов в степях Нижнего Поволжья и Калмыкии уже насчитывалось более 30 подкурганых захоронений БЭКТП, предшествующих ямной культуре «городцовского» облика. Сейчас их относят к позднему этапу ХЭК, к формирующейся в позднем энеолите «ямной культуре типа «Бережновки и Политотдельское», или к древнейшим курганным погребениям Волго-Уральского междуречья [Васильев, 1981. С. 43–44; Васильев, Синюк, 1985. С. 61; Турецкий, 1988; 1992; Дремов, Юдин, 1992].

Приводились аргументы по поводу неудачности вторичного использования хорошо известного термина «хвалынская культура» для наименования новой энеолитической культуры и БЭКТП [Малов, 1987а; 1990; Фадеев, 2003. С. 101–102]. Это стало вносить дополнительную путаницу и выглядит некорректным, по отношению к историографической традиции и светлой памяти В.А. Городцова, П.С. Рыкова, В.В. Гольмстен, О.А. Кривцовой-Граковой и других отечественных археологов. Поэтому самарские исследователи в одностороннем порядке переименовывают «<...>памятники хвалынского или ивановского типа (удачнее термин «ивановский» – по первым раскопкам В.Ф. Орехова у с. Ивановка)<...>» [Агапов и др. 1983. С. 27], в «ивановские» [Васильев и др. 1985. С. 81; Агапов, 1990. С. 4]. Других причин и серьезных аргументов для такого переименования не было. Тем более, что авторы раскопок I Хвалынского могильника раньше их считали «известными Хвалынскими поселениями с валиковой керамикой», относили к «хвалынскому этапу

срубной культуры» и «хвалынскому времени», называли валиковую керамику «хвалынской» или «срубно-хвалынской» [Васильев, 1975. С. 69–72, рис. 14; Васильев, Пестрикова, 1976. С. 48].

Придерживаясь историографической традиции и учитывая аргументацию В.А. Городцова, В.В. Гольмстен, П.С. Рыкова и О.А. Кривцовой-Граковой, я включил поселения с валиковой керамикой и металлические изделия, типологически близкие Сосново-Мазинскому кладу, в «хвалынскую культуру валиковой керамики» (ХКВК). Для их обозначения я не использую термин «ивановская культура», считаю его неудачным и вносящим еще большую терминологическую путаницу⁹. ХКВК завершает бытование срубной культурно-исторической области. До этого Н.Я. Мерперт, а затем М. Гимбутас и Е.Н. Черных уже фактически разделили валиковые памятники эпохи поздней бронзы Поволжья на два этапа-периода¹⁰ [Малов, 1985; 1987а; 1987б; 1994]. Поселения ХКВК известны в лесостепях и степях Поволжья, в Волго-Донском междуречье и северном Прикаспии. Большая их часть располагается вдоль поймы Волги. Отдельные находки керамики и поселения ХКВК представлены в Левобережье (Заволжье) и в степном Волго-Уралье.

Металлические изделия ХКВК характеризовались Сосново-Мазинским кладом, литейной формой для косарей (Грачев Сад или Кирпичные Сарай), кельтами (Красный Яр, Старая Жуковка, Борма), фрагментом кинжала (селище Осиновые Ямы), ножом с упором (с. Радущинка близ Калининска). Из других металлических находок сюда я включил наконечники копий с прорезными перьями (Подлесное и др.), ромбовидный пластинчатый нож (Ивановское селище), втульчатый наконечник стрелы (Сускан-1). Выразительны каменные утюжки – аналогичные раннесабатиновским, костяные «штампы» – близкие садчиковским, черешковые наконечники стрел, охотничий свисток – манок и керамический шарик (Смеловка-1).

Два периода ХКВК я синхронизировал с памятниками 4 и 5 хронологических этапов срубной культуры [Мерперт, 1958. С. 101–156], с поздней срубной культурой (Сосново-Мазинский клад, Грачев Сад, Ивановка, Сускан-1, Кайбелы, Моечное Озеро, Балым – по М.–Гимбутас) [Gimbutas, 1965. Fig. 362–577] и двумя хронологическими фазами КВК [Черных, 1983]. К первому – раннему периоду сложения ХКВК, названному срубно-хвалынским, отнесены селища: Новая Покровка-1, Смеловка-1, Сухая Мечетка-1, Сускан-1, Моечное озеро – раскоп № 27, Осиновые Ямы, Чесноковка, Грачев Сад (Кирпичные Сарай?) и Сосново-Мазинский клад. Во второй кайбельско-танавский период

⁹ Тем более что, по энеолитическим материалам Н.Л. Моргунова выделила другой «ивановский тип» («воротничковый»), которым именуется соответствующая группа керамики или второй этап самарской энеолитической культуры (СЭК), памятники которой какое-то время сосуществуют с ХЭК [Моргунова, 1989, 1997. С. 15; Васильев, 2003а. С. 71]. В энеолите Волго-Уралья и Волго-Донья выделены «ивановско-токский тип памятников» [Моргунова, 1997. С. 16] и «ивано-бугорская культура» [Васильев, Синюк, 1985. С. 68–70, 117, рис. 36; Синюк, 1996. С. 64–74].

¹⁰ Ю.И. Колев интерпретирует памятники двух периодов ХКВК в качестве «сусканской» и «ивановской» культур [Колев, 2000. С. 251–256]. Здесь, вряд ли, будет достаточно только одного призыва: «освободившись от груза историографической традиции, заново осмыслить содержание этого культурного феномена, именуемого термином «ивановская культура» [Колев, 2002. С. 155]. По моему мнению, это не две новые культуры, а два этапа одной хвалынской культуры (по В.А. Городцову), которую, после вторичного использования старого термина для обозначения ХЭК, я вынужденно переименовал в ХКВК.

включены поселения: Кайбельское, Сады, Танавское, хутор Веселый, Ивановское. Позже к памятникам второго периода добавились еще два селища, исследованные мной на правом берегу Волги около с. Сосновка Красноармейского р-на Саратовской области¹¹.

Сохранение термина ХКВК за поволжскими мятниками общности КВК это не только дань уважения к основополагающим исследованиям В.И. Городцова, В.В. Гольмстен, П.С. Рыкова и О.А. Кривцовой-Граковой. Данная культура выделена В.А. Городцовым уже около 100 лет тому назад, практически одновременно с ямной, катакомбной и срубной. Несмотря на то, что хвалынская валиковая керамика визуальна узнаваема, ее статус изменился от самостоятельной культуры – до этапа другой.

По времени выделения ХЭК более «молодая» археологическая дефиниция, научное будущее которой еще впереди. Несомненной заслугой И.Б. Васильева является разработка новой версии культуругенеза неолита-энеолита лесостепного и степного Поволжья, а также Северного Прикаспия. И.Б. Васильев посвятил ХЭК значительное число специальных работ, в которых впервые дал ей подробную характеристику и подвел определенные итоги изучения. Исследователь вполне обоснованно синхронизировал хвалынский-среднепестовский этап с Трипольем А и В, с новоданиловской и среднепестовской культурами, а также с домайкопским пластом памятников Северного Кавказа и поселением Свободное, опустив хронологию ХЭК по калиброванным радиоуглеродным определениям в V тыс. до н. э. [Васильев, 2001; 2003а; 2003б; 2004].

Тем не менее, в изучении ХЭК и других энеолитических культур Нижнего Поволжья есть спорные проблемы. Они связаны с разработкой внутренней периодизации ХЭК, уточнением ее стратиграфического и хронологического соотношения с энеолитическими культурами Поволжья, ареала распространения по природным зонам, происхождением и появлением уже в конце раннего сязжинского этапа [Ставицкий, 2003]. Судя по курганной стратиграфии, погребения БЭКТП между собой не одновременны. К тому же, некоторые исследователи справедливо полагают, что нет оснований считать архаринское или бережновское погребения более поздними, чем Хва-

¹¹ На срубно-хвалынских поселениях фиксировались полуземляночные жилища площадью до 240 кв. м. Форма прямоугольная, реже квадратная, со сложной каркасно-столбовой конструкцией стен и двухскатной кровлей, покоившейся на двух-трех параллельных рядах столбов, по центральной – продольной оси. По внутреннему периметру располагались столбы, служившие основой для стен и нижней части кровли. Почти всегда уровень пола вдоль стен выше, чем в центральной части. Вероятно, вдоль стен устраивались нары. В центре находились вспомогательные очаги кострового типа, хозяйственные и бытовые находки. Более крупные основные очаги из песчаниковых камней, чаще устраивались в углу жилищ. Вход реконструируется как тамбурно - столбовой с короткой стороны, иногда в углу и направлен к реке. Поселения первого периода относятся ко времени контактов срубных и федоровско-бишкульских племен, в результате которых сформировалась ХКВК. По материалам Ново-Покровского селища в керамике первого периода выделена особая группа «ново-покровского типа». По керамике, роговым псалциям, «утюжкам» и другим материалам ранний срубно-хвалынский период ХКВК синхронизируется с раннесабатиновскими и федоровско-бишкульскими памятниками. К началу второго кайбельско-танавского периода срубная культура в Поволжье трансформировалась в ХКВК и прекратила свое существование. Позже выделение срубно-хвалынского и кайбельско - танавского периодов, подтвердилось в результате кластерного анализа керамики раскопанных нижеволжских поселений. ХКВК относится к третьей фазе – финалу бронзового века Нижнего Поволжья или по калиброванным датам к XV – началу X вв. до н. э. [Малов, 2007. С. 47].

лынский могильник [Трифонов, 1991. С. 105–106]. Вопрос о месте и времени появления древнейших подкурганных погребений и их культурно-хронологическом соотношении с грунтовыми могильниками далек от своего разрешения. Тем более, что не в самом раннем впускном захоронении БЭКТП И.В. Синицын обнаружил микролитический сегмент. Поэтому, вероятнее всего, раннюю дату появления древнейших подкурганных погребений БЭКТП придется удревить и не только с учетом калиброванных значений.

В.И. Пестрикова синхронизировала I Хвалынский могильник с СЭК, полагая что, ХСКИО сформировалась позднее, вместе с появлением памятников типа Хлопковского могильника [Фадеев, 2003. С. 102]. В последующем Н.Л. Моргунова подтвердила хронологический приоритет СЭК перед ХЭК, синхронизировав I Хвалынский могильник не со Съезжинским, а начиная со среднего (ивановско-токского или агидельского) этапа самарских энеолитических древностей (Фадеев, 2003. С. 104).

Ряд исследователей склонны отстаивать идею о трехкомпонентности энеолитического периода Северного Прикаспия, Волго-Уралья и о возможности сосуществования на продолжительном отрезке времени поздних тентексорских, ХЭК и «воротничковых» памятников [Барынкин, Козин, 1995. С. 161–162; Фадеев, 2003; Юдин, 2006]. К сожалению, отмечен лишь один случай «типологического», но не стратиграфического, пересечения «воротничкового» и тентексорского типов в открытом, а не в закрытом комплексе Северного Прикаспия [Барынкин, Козин, 1995. С. 162]. Его явно недостаточно для того чтобы доказать одновременное трехкомпонентное сосуществование различных энеолитических культур во всем степном Волго-Уралье и Нижнем Поволжье.

При этом исследователи заблуждаются, утверждая, что возможность синхронизации позднего неолита и ХЭК «<...>подтверждается материальным свидетельством: фиксации в 2Б слое Варфоломеевки медной пластины в сложном культурном комплексе этого горизонта – в жертвеннике» [Барынкин, Козин, 1995. С. 162]. Судя по публикациям, керамика ХЭК отсутствует на Варфоломеевке, а выше неолитических слоев здесь располагаются материалы ПЭК. К тому же, медная пластина с двумя отверстиями обнаружена на Варфоломеевке не в слое 2Б, а в слое 2А [Юдин, 2004. С. 81, рис. 55, 4, 173]. Эта гипотеза никем еще специально не обоснована и детально не изложена с привлечением закрытых и стратифицированных комплексов Нижнего Поволжья и Прикаспия. Поэтому преждевременно утверждать параллельное развитие абсолютно всех культур неолита и энеолита Нижнего Поволжья на протяжении всего V тыс. до н. э., как уже установленный археологический факт. В этой связи мнение А.И. Юдина о том, что: «Параллельное развитие культур неолита и энеолита наблюдается на протяжении практически всего V тыс. до н. э.» представляется неосновательным¹² [Юдин, 2006. С. 53].

¹² Исследователи, рассуждающие о параллельно-синхронном развитии неолитических памятников, зачастую не последовательны. С одной стороны, они полностью и не отрицают тех версий периодизации памятников неолита-энеолита степного и лесостепного Поволжья и Прикаспия, которые предложены И.Б. Васильевым и другими исследователями. Тем более, что и в версии И.Б. Васильева отражены определенные этапы сосуществования тех, или иных культур. Есть противоречия и другого характера, так как вначале констатировалось: «Третья линия развития в энеолите Нижнего Поволжья представлена памятниками алтатинского типа, которые в настоящее время могут рассматриваться как потенциально новая культура» [Юдин, 2006а. С. 51]. Далее наоборот замечается что, основных линий развития в позднем энео-

В последние годы И.Б. Васильев отказался от применения термина «историко-культурная общность» по отношению к мариупольской (МКИО), хвалынско-среднедонецкой (ХСКИО) и ямной. Они стали именоваться «историко-культурными областями», в которые вошли самарская, прикаспийская и хвалынская культуры Поволжья [Васильев, 2003б. С. 55]. Уточняя стратиграфическое соотношение памятников, И.Б. Васильев выделял «<...>два крупных этапа развития энеолита на всей территории степи и лесостепи Восточной Европы: 1) раннего и развитого этапа (МКИО) и 2) развитого и позднего (ХСКИО)», послуживших основой для сложения «городцовской» ямной культурно-исторической области [Васильев, 2003б. С. 58]. Последовательность смены памятников этих областей, в представлении И.Б. Васильева, осталась прежней, но каждая из них подразделялась на два этапа. Исследователь допускал вероятность одновременного существования поздней МКИО и ранней ХСКИО, но считал едва ли разумным «<...>доводить это предположение до абсурда, говоря об их полном сосуществовании или даже обратном соотношении<...>» [Васильев, 2003б. С. 56–58].

Несмотря на это замечание, последний вариант культурно-хронологической версии энеолита Восточной Европы И.Б. Васильева, своеобразно видоизменяя путем включения АКТП не только во 2-й, но и даже в 1-й этап [Юдин, 2006а]. Хотя И.Б. Васильев относил из поволжских культур к двум крупным этапам МКИО и ХСКИО: самарскую, прикаспийскую, ХЭК и др., но не АКТП. Особенность нового концептуального подхода состоит в том, что «В V тыс. до н. э. на территории Нижнего Поволжья синхронно развивались поздненеолитические культуры нижеволжской общности, прикаспийская культура, хвалынская культура и памятники алтатинского культурного типа» [Юдин, 2006а. С. 48]. Этот гипотетично-предположительный тезис, согласно которому АКТП синхронизируется с поздним неолитом, требует более четкого обоснования. К тому же, вероятно, даты одних памятников указаны в калиброванном значении, а для других калибровка не учитывалась¹³, поэтому логика данной хронологической цепочки не совсем понятна [Выборнов, 2006].

лите только две: поздняя прикаспийская и поздняя алтатинская, а третья, хвалынская подтверждается слабо. В новых «редакциях» модели И.Б. Васильева не представлено достаточно четко, сколько «линий развития», какая из них первая, вторая и третья, а также, какой версии придерживается исследователь в конечном итоге? Особую слабость данному предположению придает то, что стратиграфическими фактами полная синхронность хвалынских и самарских древностей до сих пор не подтверждена закрытыми комплексами [Юдин, 2006. С. 15]. Вряд ли убедительным аргументом о параллельных «линиях развития» может служить наличие орловской и прикаспийской керамики в «промежуточном» слое 2А Варфоломеевки, поскольку он не может считаться даже условно закрытым комплексом. Не известен механизм его отложения. Поэтому, не может быть 100% гарантии, что слой 2А «чисто поздний неолитический» и в нем не «перемешаны» материалы из верхнего энеолитического слоя 1 и неолитического слоя 2Б. Необходимы новые и более целенаправленные аналитические исследования, которые позволили бы детализировать сложную картину параллельно-синхронного развития нео-энеолитических культур. Каковыми окажутся новые гипотезы культурогенеза, можно будет судить только после проведения специальных диссертационных и монографических работ по каждой культуре, типу памятников и по типологической систематизации всех артефактов энеолита Нижнего Поволжья.

¹³ В данном случае не уточнено, каким значениям отдается предпочтение в предлагаемой версии. К тому же, доля пропорционально датированных энеолитических комплексов, приведенных А.И. Юдиным, не позволяет достаточно четко представить картину нормального распределения значений. Для получения исторического времени (BC/AD) радиоуглеродный воз-

Что касается абсолютного датирования наиболее поздних или заключительных неолитических памятников Нижнего Поволжья, то особую дискуссионность этому вопросу придали даты для «позднего неолитического слоя» 2А Варфоломеевки, где есть и энеолитическая керамика. Поэтому он не может быть признан «чисто» неолитическим. Несмотря на то, что слой 2А содержит материалы орловской неолитической и ранней ПЭК, автор раскопок отнес его ко второму этапу «позднего неолита», а не к «раннему энеолиту». Даты этого слоя укладываются во вторую половину V тыс. до н. э., а заключительного этапа стоянки к рубежу V–IV тыс. – началу первой четверти IV тыс. до н. э. [Юдин, 2004. С. 176; 2007. С. 373]. Хотя для верхнего слоя Джангара получена более ранняя дата 5890 л. н. или 4770 92 BC cal, но она не «подходит» в концептуальном плане [Юдин, 2007. С. 373].

Так или иначе, между более ранним слоем 2Б и более поздним слоем 2А по радиоуглеродным значениям фиксируется хронологический разрыв в 500 лет [Выборнов, 2006. С. 104]. А.И. Юдин пытается значительно синхронизировать АКТП с ХЭК и таким образом заполнить 500 летний «хронологический вакуум». В противном случае получится, что в первой половине IV тыс. до н. э. на данной территории аборигены отсутствовали [Выборнов, 2006. С. 104]. Чтобы ранние АКТП синхронизировались с поздней орловской культурой, верхняя дата стоянки Алтата поднимается к середине IV тыс. до н. э., а нижняя – опускается древнее, чем слой 2А Варфоломеевки [Юдин, 2006б. С. 160]. Это выглядит не убедительно, поскольку стратиграфические данные о синхронности ранних комплексов АКТП с поздними стоянками орловской культуры отсутствуют.

Тем не менее, слой 2А трактуется в качестве факта позднего бытования орловской культуры и ее сосуществования уже практически со всеми последующими энеолитическими культурами, за исключением алексеевских и репинских памятников. С этой целью, без ссылки на источник, утверждается что, орловская керамика есть в АКТП [Юдин, 2006а. С. 50]. Вероятно, поздние радиоуглеродные значения могут относиться и к ранней энеолитической прикаспийской культуре МКИО, материалы которой представлены в слое 2А и слое 1 Варфоломеевки, а не ко второму этапу позднего неолита стоянки. Тем более что именно в слое 2А присутствует domesticiрованная (мелкий рогатый скот) фауна, медное украшение, керамика формирующейся ПЭК, с которой связываются некоторые поздние захоронения грунтового могильника [Юдин, 2004. С. 169–174].

Несмотря на то, что керамика ХЭК и АКТП отсутствуют в Варфоломеевке, появление медного изделия из слоя 2А пытаются связать именно с хвалынским населением, а не с ПЭК [Юдин, 2006а. С. 50]. Вероятно, здесь подразумевается, что радиоуглеродные даты для слоя 2А противоречат калиброванным анализам для ХЭК [Барынкин, Козин, 1995; Кузнецов, 1996;

раст (ВР) калибруется по дендрохронологической кривой, но из-за ее зигзагов результат может быть не совсем определенным [Плихт, 1998. С. 82]. Случаются отклонения от нормального распределения и по другим причинам. Например, по материалам образцов из моих раскопок отмечены случаи «абсурдных» радиоуглеродных значений для стоянки Алтата и позднепокровского комплекса с копьём из Медяниковского кургана. Для Репинской стоянки (Раскоп II, 1989) также получен (Le 4827) «странный» некалиброванный возраст 13160 ± 120 л.н. (или BC) для финального энеолита.

Малов, 2008]. К тому же на стоянке Алтата мной обнаружен обломок меди. Кроме того, при калиброванных датировках верхневолжская культура займет VI тыс. до н. э, а ямочно-гребенчатая – V тыс. до н. э. и будет синхронной ХЭК [Выборнов, 2006. С. 104].

Эту противоречивую ситуацию пытаются разрешить за счет предположения о синхронном сосуществовании в Нижнем Поволжье в V тыс. до н. э. поздних неолитических культур, ПЭК, ХЭК и АКТП. Вместе с тем, присутствие «репинских черт» отмечается только в ранней ямной культуре [Юдин, 2006а. С. 57, табл. 2]. Хотя в более ранних версиях культурогенеза, где использован более широкий круг источников, стратиграфия и материалы различных блоков культур Восточной Европы, репинским и алексеевским памятникам отведено существенное место именно в позднем энеолите [Васильев, 1981, 2001, 2003а; 2003б, 2004; Васильев, Синюк. 1985; Барынкин, 1986; Васильев, Выборнов. 1986, 1988; Васильев, Овчинникова. 2000; Овчинникова, 2006]. Памятники репинской культуры позднего энеолита – ранней бронзы лишь частично заполняют интервал между хвалынско-бережновскими и ямными классическими комплексами [Турецкий, 2001. С. 126].

Репинская керамика представлена на ряде стоянок Саратовского Правобережья пограничья степи – лесостепи, входившего в ареал данной культуры. Так, например, керамика репинской культуры происходит из древнего строительного горизонта поселения Хмельное-IV [Миронов, С. 17, рис. 2, 3, 5]. Есть она на ряде других правобережных поселений (Мартышкино и др.).

Неолитические памятники северо-западных районов Нижнего Поволжья и правобережного Саратовского пограничья степи – лесостепи, обладающие существенной спецификой, до сих пор еще не стали предметом специального диссертационного исследования. Поэтому далеко не все неолитические стоянки из Саратовского Правобережья, в том числе выделенные А.Х. Халиковым, учтены и использованы исследователями при реконструкции культурно-исторических процессов. Они позволяют не только уточнить ареалы культур, но и содержат интересную информацию принципиального характера. Например, неолитическая керамика встречена на поселении Хмельное-IV [Миронов, 2000. С. 17, рис. 2, 1, 2]. Представлена она на старых и новых стоянках, не опубликованные материалы которых хранятся в СОМК и ХКМ, а также происходят с поселений бассейна р. Терешки и других рек, обследованных археологами СГУ (Горюши, Буровка-II, III, Ключевка-IV и др.).

На остальной обширной территории Нижнего Поволжья неолит представлен преимущественно памятниками сероглазовской, орловской и джангарской культур, образующими Нижневолжско-Северо-Прикаспийскую историко-культурную область, очаг или ареал прочерчено-накольчатой или накольчатой керамики [Амирханов, 1990; Юдин, 2003]. К началу XXI века в Нижнем Поволжье, Северном и Северо-Западном Прикаспии выявлено более 70 неолитических стоянок и местонахождений. Поскольку нет радиоуглеродных определений для ранних памятников данной области, то их и позднее-елшанские комплексы предположительно датируют первой или второй половиной VI тыс. до н. э. [Выборнов, 2003. С. 37, 2006а. С. 283; Кольцов, 2005. С. 248;]. Именно на интервал 7200 л. н. приходится пик аридизации в степном Поволжье, что могло повлиять на передвижение населения в северном на-

правления [Выборнов, 2003. С. 37]. Однако средний или развитой неолит Нижнего Поволжья исследователи также датируют по калиброванным значениям в этих же пределах [Юдин, 2004. С. 176; Кольцов, 2005 С. 252; Юдин, 2006. С. 371]. Для раннего неолита, вероятно, наиболее приемлемы калиброванные даты около первой половины VI тыс. до н. э. или древнее.

Первый этап позднего неолита, представленный слоем 2Б Варфоломеевки и слоем 2 Джангара, в калиброванном значении датируют последней четвертью VI – рубежом VI-V или концом VI тыс. до н. э. [Юдин, 2004. С. 176; 2007. С. 372]. Но и здесь есть расхождения, поскольку П.М. Кольцов относит нижние (3 и 2) слои Джангара к среднему или развитому неолиту, а не к позднему, датируя их иначе. Средний неолит исследователь предварительно датирует второй половиной VI – первой половиной V тыс. до н. э., а поздний неолит – второй половиной V тыс. до н. э. [Кольцов, 2005. С. 252, 257].

Приведенные выше даты для неолита Нижнего Поволжья в общих чертах соответствуют датировкам раннего (7000 BP), развитого и позднего неолита Севера и Центра России (6000 BP – 4000 BP). В это время в лесной зоне отмечается потепление климата, и появляется первая керамика (VII–VI тыс. до н. э.) [Зайцева и др. 1996. С. 22; Тимофеев, Зайцева, 1996. С. 52–54]. Тем не менее, при абсолютном датировании и разработке периодизации неолита Нижнего Поволжья обозначились существенные противоречия. А.А. Выборнов справедливо отметил, что в версиях А.И. Юдина и П.М. Кольцова образуется солидный хронологический разрыв в шкале датировок [Выборнов, 2006а. С. 283].

За неолитическими культурами с прочерчено-накольчатой орнаментацией следуют ранние памятники ПЭК и СЭК с «воротничковой» керамикой, грунтовыми могильниками с вытянутым положением костяков. Факты сосуществования поздних нижеволжских неолитических культур в V тыс. до н. э., с закрытыми комплексами ХСКИО и АКТП отсутствуют. Следовательно, первый крупный этап раннего энеолита по-прежнему представляют памятники ПЭК и СЭК МКИО [Васильев, 1981, 2001, 2003а; 2003б, 2004; Васильев, Синюк. 1985; Васильев, Выборнов. 1986, 1988; Овчинникова, 2006]. Ориентируясь на имеющиеся радиоуглеродные даты ХЭК, М. Гимбутас отнесла СЭК приблизительно к 5000 г. или к началу V тыс. до н. э. [Гимбутас, 2006. С. 392]. На костяных предметах СЭК отмечены следы от медных орудий, но сами металлические вещи пока еще не встречены [Васильев, Овчинникова, 2000. С. 222]. Саамы древний медный предмет обнаружен на Варфоломеевке в слое ПЭК.

Стоянки крупнейшей ПЭК занимают весь ареал или территорию степного Поволжья и Северного Прикаспия. Самые южные древности СЭК встречаются на окраинах Поволжской лесостепи и в ее пограничье со степью, включая северо-западные районы Нижневолжского Правобережья. Керамика СЭК и ХЭК обнаружена впервые на одном поселении в саратовском правобережье Волги В.А. Лопатиным в урочище Мартышкино ниже с. Ахмат [Лопатин, 2005].

На время бытования ПЭК и СЭК пока что указывают две даты (BP): 6280 ± 90 и 6510 ± 80 от наших дней, полученные для погребений мариупольского типа с поселения Лебяжинка-V [Васильев, Овчинникова. 2000. С. 220]. В целом они более древние, чем для ХЭК. На границе Поволжской лесостепи-

степи СЭК и ПЭК непосредственно соприкасаются территориально. Поздние памятники прикаспийской и самарской культур, какое-то время сосуществуют с ранними комплексами ХЭК, что соответствует второму «ивановскому» (воротничковому) этапу самарской культуры [Моргунова, 1997. С. 15–16; Васильев, Овчинникова, 2000. С. 223]. Утолщение на венчиках ХЭК рассматривается в качестве достаточно ранней генетической основы «воротничкового типа» [Барынкин, 2004].

На рубеже конца мариупольского – начала среднестоговского периодов зарождается обряд скорченности [Васильев, Синюк, 1986, С. 10, 48, 53–60]. Следующий, второй крупный этап, или развитой энеолит ХСКИО, в Среднем и Нижнем Поволжье представлен памятниками ХЭК и БЭКТП со скорченным положением окрашенных костяков, в которых впервые в лесостепном и Нижнем Поволжье найдены медные украшения: бусы, кольца, подвески и браслеты Балкано-Карпатской металлургической провинции [Рындина, 1998. С. 206; Васильев, Овчинникова, 2000. С. 225–229; Васильев, 2003б, 2004]. В нем пока выделяются только ранние и поздние памятники. Не исключено, что периодизация ХЭК трехчленная и включает три этапа: ранний, развитой и поздний. И.Б. Васильев датировал ХЭК по калиброванным радиоуглеродным определениями второй половиной V – началом IV тыс. до н. э. [Васильев, 2003а. С. 76]. Более приемлемы радиоуглеродные даты для ХЭК, калиброванные календарные интервалы которых установлены в пределах 4840–4461 гг. до н. э., или – первой половины V тыс. до н. э.¹⁴ [Кузнецов, 1996]. В восточном ареале БКМП локализируются Причерноморский (новоданиловские памятники и Средний Стог II) и Средневожский (Хвалынские могильники) производственные регионы [Рындина, 1998. С. 206].

М. Гимбутас также определила хронологию Хвалынского периода «развитого энеолита» Волжского бассейна по сходству с культурой Средний Стог II, датировав его по калиброванному радиоуглеродному анализу первой половиной V тыс. до н. э., или до середины V тыс. до н. э. [Гимбутас, 2006, С. 392–393]. В лаборатории ГИМ недавно получены две относительно близкие некалиброванные даты (материал кость) для Хлопковского могильника (ВР): 6160 ± 60 (п. № 13) и 6090 ± 70 лет назад (п. № 12) [Малов, 2008. С. 8]. Они оказались очень близкими к памятнику ХЭК из Северного Прикаспия Комбак-Те (6000 ± 150 л. н.) и всей серии датировок для Хвалынских энеолитических могильников [Барынкин, Козин, 1995. С. 162]. Вместе с тем, эти даты более поздние, чем для погребений СЭК с поселения Лебяжинка-V, что отдает предпочтение ее более древнему возрасту, чем ХЭК.

Хлопковские калиброванные значения дат совпадают с наиболее ранними датами, полученными для Хвалынских могильников, памятников скотоводческих культур степной зоны медного века, культуры Кукутень – Триполье и комплексов БКМП [Черных и др. 2000. С. 57–60, табл. 2-А, В; 3-А, В]. Это указывает на приемлемость калиброванного датирования ХЭК первой половиной V тыс. до н. э., а ее раннего этапа первой четвертью V тыс. до н. э.

¹⁴ Возражения С.Н. Кореневского против омоложения этих дат на 300–350 лет, поскольку на удревнении сказались повышенное содержание фосфора в костных образцах могильников ХЭК, представители которой питались, якобы, только рыбой, вполне справедливы [Кореневский, 2007. С. 117–118].

По радиоуглеродным датам ХЭК также, в определенной степени, сопоставима со временем Нальчикского могильника конец VI – первая четверть V тыс. до н. э. [Корневский, 2006. С. 143]. Этим датам не противоречат каменные скипетры, возникшие «в недрах» ХЭК, затем «внедрившиеся» в обиход носителей памятников Новоданиловского типа, в ареалы «домайкопской культуры» степного Прикубанья, Предкавказья и Карпато-Дунайских культур Кукутени А – Триполья VI, Гумельница – Караново VI [Дергачев, 1999; 2005. С. 89]. По скипетрам и другим материалам ХЭК бытовала не позже памятников Триполья VI – Кукутени А. Этому не противоречит начало распространения ракушечной керамики, степной традиции «типа С», с этапа Триполье VI/1 – Кукутени А1–А3, и появление каменных «скипетров» в периоде Триполье VI – Кукутени А [Палагута, 2000. С. 20–21].

Однако по калиброванным датам МКИО и ХСКИО оказываются синхронными более продолжительный отрезок времени, чем только «ивановский» этап СЭК. На этой основе и возникает предположение, что поздние комплексы ХЭК частично могут сосуществовать с ранними АКТП, в основном бытующими на следующем этапе, «в позднем энеолите». В связи с этим, заманчиво допускать стыковку с ранними АКТП не только поздней ХЭК, но также поздних памятников СЭК и ПЭК? В плане гипотетического тезиса можно предположить, что керамический комплекс АКТП генетически связан с предшествующими ПЭК и ХЭК, развитие смешанных традиций которых в нем продолжается.

Тем не менее, по калиброванным датировкам пока что получается существенный хронологический разрыв между поздними памятниками МКИО и ХСКИО с одной стороны, и АКТП с другой. Дело в том, что на время существования АКТП в определенной степени могут указывать радиоуглеродные значения для орловско-прикаспийского слоя 2А Варфоломеевки 5430 ± 60 – 5220 ± 50 л. н. и для стоянки Ветелки – 5790 ± 80 л. н. [Юдин, 2006б. С. 160]. Поэтому ориентировочно верхняя дата начала функционирования стоянки Алтата может быть пока определена около середины IV тыс. до н. э. Вероятно, АКТП бытовали в условиях увлажненности, что способствовало расширению ареала их распространения. В IV тыс. до н. э. в позднем энеолите нижневолжские степи развивались в условиях повышенной атмосферной увлажненности с нормой осадков более 400 мм/год [Борисов и др. 2006. С. 194.]

М. Гимбутас, вслед за И.Б. Васильевым, датировала «раннеэнеолитный период» энеолита, «поздний энеолит» или эпоху «курганной I культуры» на Нижней Волге серединой V тыс. до н. э. [Гимбутас, 2006. С. 393–397]. Он представлен курганами из Бережновки-I, Политотдельского и Архары, а также Алексеевским поселением около Хвалынска, стоянками Репин хутор и Алтата [Гимбутас, 2006. С. 393–397]. Однако вряд ли обоснованным выглядит стремление М. Гимбутас отнести к позднему энеолиту БЭКТП, поскольку И.Б. Васильев включил их в состав ХЭК.

Время бытования ХЭК определяется в калиброванном значении первой половиной V тыс. до н. э., или (ВР): 6160 ± 60 и 6090 ± 70 л. н. для Хлопковского могильника. Следовательно, если АКТП датировать даже первой половиной IV тыс. до н. э., то хронологический разрыв от ХЭК составит не менее 500 лет.

Еще более значительным он получается между ХЭК и «городцовскими ямниками»¹⁵, на что уже обратили внимание многие исследователи.

АКТП сменяют памятники репинской культуры, которую порой уже относят к эпохе развитого, а не позднего энеолита [Васильев, Овчинникова, 2000. С. 229], что вряд ли оправдано для культуры позднего энеолита – ранней бронзы (по А.Т. Синюку). Тем более, что в этом случае время ее бытования получается излишне длительным. Более позднее бытование рапинской культуры, чем АКТП пока более соответствует полученным значениям дат. Например, распространение «раннеямных памятников с репинскими чертами» относят к 3200–3000 лет до н. э. [Трифонов, 2001. С. 79]. Репинская культура, чаще всего синхронизируемая с этапом Триполья СII, по калиброванным значениям для Подонцовья может датироваться 35–27 вв. до н. э. [Котова, 2006. С. 204–205].

Следует отметить, что к концу XX века банк информации по неолиту – энеолиту Нижнего Поволжья, Волго-Уральского и Волго-Донского междуречий существенно расширился. Однако, далеко не все выявленные памятники с керамикой неолита, а также СЭК, ПЭК, ХЭК и АКТП введены в научный оборот или использованы в диссертационных работах.

Находки энеолитической керамики на ряде поселений не опубликованы, неизвестны специалистам (Верхнее-Зареченский, Буровка-III, Клюевка-II, IV, Новая Покровка-II, Сосновка-I, Мартышкино, Осинов Гай, Утес Степана Разина, Даниловка, Терновка и др.) и не используется даже в диссертационных исследованиях. Чтобы частично восполнить данный пробел, позволю себе кратко познакомить коллег с некоторыми материалами собственных полевых работ на энеолитических стоянках Репин Хутор и Алтата, а также с памятниками, открытыми на р. Деркул – правом притоке р. Урал.

В 1986, 1989 гг. мной осуществлено дополнительное обследование и раскопки Репинской стоянки¹⁶ [Ляхов и др., 1988; Малов, 2008]. На самой высокой меловой площадке в первоначальном залегании выявлены остатки очень малой части памятника. Об этом свидетельствовали кварцитовые и керамические находки из Раскопа-III (рис. 1), заложенного на задернованной вершине горы. Тем самым подтвердились выводы И.В. Синицына о том, что культурный слой первоначально действительно занимал вершину «Гагариной горы», а затем практически весь сполз и находится в переотложенном состоянии на ее северном склоне. Второй раскоп располагался на северном оползневом склоне стоянки, на 17–18 м ниже третьего. В 1989 г. в двух раскопах встречены кости животных, керамика и кварцитовые предметы репинской культуры (рис. 1).

Каменный инвентарь Репинской стоянки представлен исключительно крупной отщепной кварцевой индустрией, в которой преобладают отщепы и сколы. В раскопе II встречена пластина (рис. 1, 7), резак с ретушью на

¹⁵ Возможно, эти разночтения и противоречия, обусловленные еще и тем, что радиоуглеродные даты иногда используются при хронологических сопоставлениях и построениях в различных системах летоисчисления, в том числе с калибровкой и без. Тем более, что радиоуглеродные анализы выполнялись в разные десятилетия, в различных лабораториях, не по одному и тому же исходному материалу и не по идентичным методикам.

¹⁶ В работе экспедиции СГУ близ хут. Репина и Задно-Авилова принимали участие М.А. Изотова, В.А. Лопатин, К.Ю. Моржерин, О.В. Сергеева, В.Н. Слонов и водитель В.А. Румянцев. Экспедицию посетили 14–20 августа 1989 г. А.Т. Синюк и В.И. Погорелов.

пластине (рис. 1, 9) и на отщепе (рис. 1, 10), нуклеус (рис. 1, 5), поперечный скол с нуклеуса. В раскопе III на вершине горы немногочисленные находки костей животных, керамики и кварцита концентрировались в пласте 20–40 см. Кварцит здесь представлен 6 отщепами, двумя обломками крупных желваков со сколами. На отщепах с ретушью изготовлен резак (рис. 1, 11) и скребло (рис. 1, 12).

Вся керамика с примесью ракушки, по форме венчиков и орнаментации не отличается, от ранее обнаруженной здесь же посуды репинской культуры (рис. 1, 13, 27). Однако на северном оползневом склоне Репинской стоянки встречено пять красноглиняных гончарных черепков без орнамента, указывающих на разновременность ее материалов¹⁷.

Судя по всему, поздние памятники репинской культуры могли распространиться и в правобережных (относительно р. Урал) степных районах Западно-Казахстанской области, около границы с Саратовской. Вероятно, на это указывают материалы, выявленные в 1989 г. при зачистке места обнаружения грунтового(?) могильника и 15 костяных орудий, на правом берегу верховой р. Чижа II южнее с. Ермольчева Каменского р-на [Кушаев, С. 32–33, 159, рис. 6В]. При сооружении дамбы здесь разрушили три прямоугольных могилы, над которыми встречались кости лошади. В одной из ям найдены: концевые скребки, сколы кварцита, обломки костей животных, фрагменты боковинки и раструбовидного венчика от сосуда яйцевидной формы. Верхняя половина сосуда орнаментирована волнообразными и параллельными линиями, зигзагом, а в основании венчика – круглыми ямочными вдавлениями, образующими с внутренней стороны выпуклости – «жемчужины».

Изучение и систематизация материалов Алтатинской стоянки, послуживших основой для постановки вопроса о энеолитическом АКТП, достаточно актуально. Некоторые исследователи даже считают, что состоялась, хронологически одновременные хвалынская и алтатинская миграции на Суру и Мокшу [Ставицкий, 2006]. Термин АКТП носит рабочий характер, поскольку за ним вероятнее всего скрывается новая «алтатинская археологическая культура» [Малов, 1991; 2002. С. 231; Юдин, 2006, С. 51]. Гипотеза о ее выделении заслуживает специальной проверки и исследования. При этом необходима специальная работа, посвященная классификации и анализу керамики АКТП, где учитывались бы стратиграфические наблюдения.

Пока АКТП характеризуется преимущественно стоянками левобережных степных районов Заволжья и Волго-Уральского междуречья. Хотя находки керамики АКТП известны в Саратовском Правобережье, в том числе и на поселениях, которые И.Б. Васильев определил как «Алексеевский тип». Единичная находка керамики АКТП обнаружена мной на стоянке Сосновка I около с. Сосновка в Красноармейском р-не южнее г. Саратова.

Стоянка Алтата расположена на Сыртовой равнине южной части Саратовского Заволжья. Длина р. Алтата, истоки которой находятся на границе с Уральской областью в отрогах Синих Гор, составляет 120 км. [Демин, 2002. С. 17]. Она является крупным левым притоком р. Большой Узень. Ее русло

¹⁷ Следовательно, кости свиньи могли попасть в энеолитический культурный слой гораздо позже.

извилистое, берег крутой, высотой 3–11 м. Вода пресная не минерализована, что немаловажно для энеолита засушливого Волго-Уралья.

Раскопки Алтатинской стоянки я возобновил в 1989–1990 гг. [Малов, 1989а; 1990а; 1991; 1998; 2002]. В 1989 г. на памятнике исследовано 84 кв. м, в 1990 г. – 126 кв. м. Он расположен на излучине террасы правого берега р. Алтата, разрушаемого рекой и промоинами (рис. 25). Современная поверхность стоянки задернована. Восточная часть памятника занимает относительно ровную площадку. К западу от большой промоины его поверхность плавно повышается по склону до второй промоины. Выходы культурного слоя здесь в обрывах очень тонкие или не фиксируются. В 1989 г. в юго-восточной части нижнего участка стоянки был заложен раскоп № I (рис. 5), а в 30 м к западу от него на мысу, образованном берегом реки и промоиной, раскоп № II. В 1990 г. заложены еще два раскопа № III и № IV.

Максимальная мощность культурного слоя 160–170 см. составляла на нижнем участке памятника (раскоп III). На склоне верхней второй террасы и около крупной промоины (раскопы II, IV) мощность и насыщенность слоя гораздо меньше и не такая интенсивная, как на относительно ровном участке нижней надпойменной террасы (раскопы I, III). На нижних участках в раскопах I, III зафиксирована интересная вертикальная стратиграфия, указывающая на последовательность отложения и консервации слоев.

В профилях раскопа I также четко фиксируется, что (рис. 5) культурный слой не нарушен, не перемешан и не «стекает в реку»¹⁸. Здесь верхний дерновый слой представлял собой коричневую супесь (10–15 см), ниже шел черный слой гумуса (40–50 см). Его подстилала тонкая супесчаная прослойка (15–20 см) с вкраплениями суглинка. Затем шел более светлый, чем выше, гумусный слой (15–50 см). Его опять подстилала супесчаная прослойка с суглинком мощностью (10–20 см), за которой опять располагался гумус толщиной 20–50 см. Ниже него начинался более твердый и плотный черный гумус мощностью 10–25 см, который подстила бурая и плотная материковая глина. Поверхность материка понижается к берегу, но резких перепадов, углублений и возвышений нет. Общая мощность культурного слоя в Раскопе I составила 107–136 см от 0г. Находки содержались здесь во всех пластах, вплоть до 120–

¹⁸ Поэтому суждение А.И. Юдина о том что, стратиграфия Алтаты отражает: «<...>явную переотложенность культурного слоя<...>» [Юдин, 2006а. С. 51; 2006б. С. 154], является неверным. Оно не соответствует отчетным результатам раскопок, осуществленных на памятнике Ю.В. Деревягиним, Д.Я. Телегиным и Н.М. Маловым. Так, например, то, что весь культурный слой на Алтате не переотложен убедительно свидетельствует котлован постройки (раскопки Ю.В. Деревягина), кострище (раскопки Д.Я. Телегина), пятна охры и прокалы на нижней террасе (раскопки Н.М. Малова). А.И. Юдин не обращался ко мне с просьбой, об ознакомлении с алтатинской и диркульскими коллекциями и о разрешении использования не опубликованных отчетных данных и рисунков вещей. Тем не менее, исследователь счел возможным предоставить себе право первой публикации рисунков алтатинской и вавилонской керамики, а также отчетных материалов моих раскопок Алтаты, Кузнецово и Вавилово-II. При этом исследователь опубликовал их, как результаты собственных работ, не указав, что рисунки керамики и текстовая информация воспроизводятся по Отчетам Н.М. Малова [Юдин, 2004. С. 133, рис. 83, 33–35; 2006. С. 23–22, рис. 1, 2; 2006б. С. 158, рис. 1, 18–20, 23–25]. К тому же, А.И. Юдин глубоко заблуждается, утверждая, что Н.М. Малов исследовал Алтатинскую стоянку в 1991 г. [Юдин, 2006а. С. 153–154]. В работе экспедиций на стоянке Алтата, в разные годы участвовали А.В. Гладышев, В.А. Лопатин, Н.И. Попова, О.В. Сергеева, В.Н. Слонов, Е.В. Черкасова, А.А. Хреков, Д.А. Хоркин и водитель В.А. Румянцев. В 1990 г. здесь проходил Областной слет юных археологов.

140 см (рис. 6, 8, 22). Наибольшее их количество отмечено в пластах 60–80 см и 80–100 см, а меньше всего в верхнем (0–20 см) и самом нижнем (120–140 см).

Стратиграфия раскопа III отражена в моем отчете за 1990 г. Она такая же, какая фиксировалась Д.Я. Телегиным и в раскопе I, но отличалась наличием шести прослоек супеси. Если представлять ее снизу вверх, то материк также представлял собой плотную глину Первая нижняя прослойка располагалась между черным плотным стерильным гумусом и вышележащим слоем темно – серого гумуса, названным мной в отчете условно «бережновско-хвалынский». Следующая, вторая считая снизу, прослойка супеси местами вклинивалась в «бережновско – хвалынский слой, разделяя его на две части. При этом нижняя его часть содержала только очень мелкие кости животных в пластах 130–160 см, керамика и другие находки отсутствовали. Верхняя же его часть (120–130 см) содержала скопление мелких фрагментов керамики от одного сосуда ХЭК, орнаментированного мелкозубчатым штампом.

Третья прослойка супеси перекрывала и отделяла «бережновско-хвалынский» слой от черного гумусного пласта, предварительно названного мной в отчете «алтатинским». Следующая четвертая прослойка супеси отделяла «алтатинский» слой от выше расположенного темно-серого гумуса. Пятая прослойка супеси расчленяла темно серый гумус, а шестая его перекрывала почти по всей площади. Только в западной части темно-серый гумус перекрывал эту же шестую прослойку. Судя по невыразительным фрагментам керамики, шестая прослойка супеси может относиться, предварительно, к «ямно-катакомбному времени».

Все три основные части культурного слоя раскопа III: нижняя – «бережновско-хвалынская» (темно-серый гумус), средняя – АКТП (черный гумус) и верхняя (темно-серый гумус) – относятся к энеолиту. Верхний слой темно-серого гумуса в культурном и временном отношении также близок к материалам АКТП из среднего слоя черного гумуса. Самая верхняя часть темно-серого гумусного слоя, расположенная в западной части раскопа, над шестой – верхней прослойкой супеси, судя по находкам гончарной керамики, относится к эпохе железа (средневековья?). Судя по стратиграфии, номенклатуре каменных орудий труда, кварцитовой индустрии и керамике, нижнюю и древнейшую часть культурного слоя (темно-серый гумус) можно отнести ко времени бытования самых поздних памятников ХЭК и БЭКТП, или к рубежу конца среднего – началу позднего энеолита.

В культурном слое обнаружены створки речных раковин, куски мела, красной и желтой охры. Керамика представлена преимущественной фрагментами от лепных сосудов, хотя в дерновом слое и верхних пластах встречаются немногочисленные обломки от средневековой(?) гончарной керамики. В нижних пластах отмечены пятна прокаленного гумуса и красной охры. В пластах 90–110 см (раскоп III. Кв. 47) зафиксированы два слабых прокала мощностью 5–10 см и диаметром 10–15 см. В пласте 100–110 см этого же раскопа (Кв. 51) отмечено тонкое пятно красной охры, диаметром 20 x 30 см. Красные охристые пятна отмечены в пластах: 110–120 и 120–130 см. Кроме костей животных, самыми массовыми находками были кварцитовые орудия и отходы камнеобработки.

Среди каменных орудий явно преобладают, массово изготавливавшиеся, кварцитовые (предварительно около 95%) отщепные предметы (рис. 6; 7; 8; 22;

23; 24; 26). Например, в раскопе I пласт 60–80 см содержал кварцитовых отщепов – 530, а кремневых только – 6. Каменных орудий на пластинах немного, но встречаются и микропластины. Пластины обычно короткие без правильной огранки. Преобладают кварцитовые скребки на отщепах, двусторонне обработанные листовидные наконечники и ножи, часто крупных размеров до 15–18 см. Есть каменные отбойники и гальки (рис. 23, 4, 5), а также обломки костяных орудий, фрагменты костей со спилами и отверстиями. Вероятно, поселение можно отнести к категории оседлых кварцито-обрабатывающих мастерских – стоянок.

Здесь присутствует жилище, производственный комплекс (нуклеусы, отходы, полуфабрикаты, неудавшиеся орудия, отщепы и сколы) и орудия хозяйственно-бытового предназначения (наконечники стрел, копий, скребки, ножи и т. п.). Остатки полуземляночной удлиненно-прямоугольной постройки с очагом, выявленные Ю.В. Деревягиным, позволяют заключить, что алтатинцы вели оседлый образ жизни. При этом жилище располагалось выше, у подножья верхней террасы, а производственный комплекс по изготовлению орудий и переработке продуктов охоты на диких копытных животных, в том числе и по выделке шкур, находился на нижней террасе берега реки.

Несколько двусторонне обработанных каменных орудий Алтаты изучены по методике микро-макроанализа трасологической школы «Ижевск – 1995» (Руководитель Г.Ф. Коробкова), с последующим их дополнительным петрографическим и кристаллографическим изучением [Берднов, 1996]. По заключению специалистов НИИ Геологии СГУ, основным сырьем для изготовления орудий на Алтате служил местный серый кварцит разного качества. Для добычи сырья у алтатинских мастеров не было особых препятствий, поскольку в районе расположения стоянки кварциты залегают в большом количестве в толщах меловых отложений, в виде галек и валунов в геологических разрезах русла р. Алтата. Недалеко от выходов кварцитового сырья и жили алтатинские мастера камнеобработки.

При абсолютном господстве местной кварцитовой сырьевой базы, отмечено несколько исключений в источниках сырья, среди которых есть кремнь. Кроме того, на Алтатинской стоянке есть орудия из розового кварцитового песчаника, относящегося к настоящим кварцитам твердостью 5–6. Такая кварцитовая порода известна также на ССЗ Саратовской области, в моренных отложениях Рязанской и гальках Воронежской областей.

Следует отметить редкое орудие, рабочая поверхность которого обсидиановая. Геологическое определение – пиелитовый или вулканический туф, с обсидиановым вкраплением. Тонкодисперсный туф, без глинистых частиц со стеклянными вкраплениями, в Поволжье не встречается. Ближайшие его источники расположены на Центральном Кавказе, на Мангышлаке и в Карпатах. Obsидиановые орудия встречаются на прикубанских поселениях скотоводческой майкопской культуры [Мунчаев, 1975. С. 209, 382–383]. На острой части этого орудия тонкая ретушь. Микроисследование показало наличие «кометообразных» линейных сколов на выпуклой стороне. Боковые стороны рабочей кромки матовые и пришлифованные на 1–1,5 мм. На туфовой части есть хаотичная выкрошенность, фасетки сильно заглажены до блеска. Боковые поверхности залощены, а излом пластинки явно пришлифован. Возмож-

но что, данное орудие являлось вкладышем в серп или нож, которым могли срезать злаковые и тростниковые растения.

Вероятно, два остроконечника представляли собой ножи для разделки мясных туш, кромка одного из которых подправлялась. Есть нож с рубяще-режущими функциями. Несколькими орудиями (скребки, резец) обрабатывали материалы группы «дерево – кость – рог». Три предмета: кварцитовый (рис. 8, 6) и темный кремневый ножи, кварцитовый скребок применялся при обработке кож. В одном кварцитовом предмете, использовавшемся как терочник или скребок, в микротрещинах обнаружены следы красной охры. На черешках некоторых, двусторонне обработанных кварцитовых, остроконечников фиксируются следы от крепления в древке, позволяющие полагать что, это наконечники копий, дротиков и стрел. Несколько скребков и ножей для работы по коже также имеют следы от крепления в рукояти. Одно кварцитовое орудие могло использоваться для работы по мягкой породе камня или керамике, вероятно, имело рукоять (рис. 23, 3). Особенно интересно то, что его рабочая часть оказалась поврежденной в результате высокотемпературного воздействия расплавленного металла, от которого, кристаллографический анализ позволил выявить следы меди, олова или свинца, серебра и некоторые другие примеси.

Определенную специфику алтатинскому набору каменных орудий придают крупные ножи, ножи – скребки, резак, скребла, концевые скребки для обработки кож и мяса. Некоторые из них многофункциональны. Представлены каменные орудия для обработки кости, дерева (тесло), мягких пород камня и красной охры. Кроме того, найдено несколько некрупных кварцитовых шлифованных орудий и песчаниковых абразивных плиток.

Из индивидуальных находок отметим: путовые кости лошади с линзовидными насечками (рис. 26, 1, 2), вероятно служившие культовыми статуэтками, медный обломок (рис. 6, 1), зубчатые «штампы шпателей» из плоских костей (рис. 7, 3; рис. 24, 7, 8), шлифованное тесло (рис. 22, 16) и орудие типа «утюжка» (рис. 23, 1). «Утюжок» прямоугольной формы из крупного темно-серого камня со светлыми вкраплениями. Вероятно, первоначально из него пытались изготовить топор – молот, вследствие чего осталось не досверленное цилиндрическое отверстие для рукояти. Затем сделали желобок – «выпрямитель». Орнаментированные путовые кости лошади, костяные штампы и утюжки встречаются на нео-энеолитических стоянках различных культур степного Волго-Уралья, Южного Приуралья и Западного Казахстана.

Существенная часть каменных орудий стоянки Алтата предназначалась для переработки жизнеобеспечивающего мясного продукта, полученного в результате охоты на лошадь и других диких копытных животных. Есть данные о возможном использовании составных серпов для срезания злаковых или тростниковых растений, с помощью которых мог заготавливаться корм для домашних животных. находка кусочка меди и следы на кварцитовом орудии позволяют предположить что, «алтатинцы» были знакомы с термической обработкой, а возможно, и плавкой этого металла.

Керамика стоянки Алтата заслуживает детальной классификации и анализа, с учетом стратиграфии, что не является целью данной статьи. Явные днища от энеолитических сосудов пока не выявлены. Вероятно, они были округлодонными или остродонными, в противном случае, были бы встречены

ны обломки от плоских дниц. Пока можно условно реконструировать только верхнюю треть формы сосудов от среза венчиков – до плечиков или максимального расширения тулова. Предварительно по верхним показателям их можно расчленить на три группы округлобочных сосудов.

Одна имеет высокий и отогнутый венчик, с внутренним желобком и выделенную шейку (рис. 24, 2, 3). Истоки этой группы могут восходить к одной из разновидностей более ранней «раструбовидно-воротничковой» керамики ПЭК. Сосуды второй группы представлены фрагментами от коротких прямых или слегка отогнутых венчиков, с приостренным или прямым срезом (рис. 8, 4; рис. 22, 10, 11, 12). Третью немногочисленную группу образуют фрагменты от слабо профилированных сосудов (рис. 7, 4, 7; рис. 8, 13, 27).

Примесь толченых раковин в тесте чаще всего имеет посуда, орнаментированная гребенчатым штампом и треугольными вдавлениями. В тесте фрагмента с «шагающей гребенкой» (рис. 8, 9) раковинная примесь визуализирована не выявлена. Такая орнаментация известна на керамике неолита Среднего Поволжья, СЭК, ПЭК, ивановского и токского типов, а также полтавкинской культуры. На Алтате встречаются обломки керамики без орнамента, с раковинной примесью и следами от заглаживания поверхности.

Орнаментальные композиции чаще всего состоят из вертикальных и наклонных оттисков гребенчатого штампа (рис. 6, 30, 36; рис. 7, 4, 8; рис. 8, 20, 24; рис. 22, 1, 11, 12), иногда разделенных вдавлениями (рис. 8, 16, 23). Исследователи уже давно заметили, что распространение гребенчатой орнаментации на энеолитической керамике в северных районах Поволжья, Подонье и Прикаспии происходит, в общем, одновременно с кварцевой индустрией [Васильев, 1981. С. 19–21; Васильев, Выборнов, 1988. С. 123]. Это подтверждается и материалами стоянки Алтата, где гребенчатый штамп используется достаточно часто (рис. 6, 30, 36; рис. 7, 4, 8; рис. 8, 15, 16, 20, 23, 24), при абсолютном преобладании кварцита. Мелкозубчатым штампом иногда украшался срез венчиков и плечики. Вместе с тем, на округлобочной керамике с внутренней желобчатостью отогнутых венчиков, продолжающих развитие традиции «воротничковых» форм, отмечена орнаментация «гусеничкой» (рис. 8, 13, 18, 21; рис. 24), напоминающая вдавления аммонита. Возможно это разновидность «плетенки». Аналогичная посуда встречалась и ранее на энеолитической стоянке Алтата и Лятошинка [Васильев, 1981. С. 114, табл. 29, 2, 3]. Прочерченные линии (рис. 7, 7; 8, 17), шагающая гребенка (рис. 8, 4), овальные (рис. 7, 5) и треугольные вдавления (рис. 8, 25) также представлены на других стоянках позднего энеолита Нижнего Поволжья [Васильев, 1981, С. 114; Юдин А.И. 2006б].

Сюжеты, сочетающие параллельные вдавления гребенчатого штампа, разделенного одной линией овальных вдавлений (рис. 8, 16, 23), встречаются на некоторых сосудах с «гребенчатой» орнаментацией ХЭК. К посуде ХЭК можно отнести короткий венчик с гребенчатой орнаментацией с внешним утолщением (рис. 6, 30), аналогии которому можно найти в Восточном Прикаспии на стоянке Коскудук [Астафьев, 2006. С. 185, рис. 17, 3, 4, 8, 9].

Кости животных в культурном слое иногда концентрировались скоплениями, в которых, встречались и каменные орудия. Есть скопление зубов лошади(?). Все археозоологические материалы Алтатинской стоянки переданы для изучения П.А. Косинцеву. По предварительному заключению исследова-

теля палеозоологическая коллекция стоянки Алтата содержит только кости дикой формы лошади, среди которых есть единичные кости кулана и джейрана. Поскольку свидетельства о разведении домашнего скота носителями АКТП пока отсутствуют, то можно полагать, что ведущим хозяйственным занятием для них служила сезонная охота на лошадь и других диких копытных животных, мигрировавших в данной природной зоне. По этому показателю Алтатинская стоянка близка к памятникам ботайской культуры Урало-Иртышского междуречья.

Вопрос о месте доместикации лошади остается дискуссионным, так как кости дикой и домашней ее форм практически не отличаются, за исключением зубов. Поэтому есть возражения против автоматического отнесения всех костей этого животного, найденных на Волго-Уральских поселениях неолита – энеолита и ботайской культуры, к домашней ее форме [Косинцев, 2003; Зайберт, 2003]. Вероятно, доместикация лошади в энеолите отличалась от приручения, прежде всего тем, что «сидя на лошади» можно было контролировать часть «диких» табунов, а не единичных, пойманных в процессе охоты животных [Зайберт, 1992. С. 36].

Вероятно АКТП, среднестоговская, репинская и ботайская культуры, относятся к особому энеолитическому ХКТ степной зоны Восточной Европы и Казахстана, представители которого, специализированно охотились на диких лошадей и являлись древними коневодами. Поэтому на поселениях данных культур абсолютно преобладают кости лошади. В данных регионах представлен исходный материал – дикие лошади и культ коня, есть все необходимые условия для одомашнивания этого животного [Ковалевская, 1977. С. 19–20].

В энеолите представители далеко не всех нижневолжских археологических культур обеспечивали свою жизнедеятельность преимущественно за счет содержания домашнего скота. Тем более, что в Нижнем Поволжье, помимо Волги и Каспийского моря, присутствуют четыре природные зоны (лесостепь, степь, полупустыня, пустыня). Поэтому в Нижнем Поволжье могли параллельно бытовать несколько ХКТ: охотничьи, рыболовные и комплексные охотничье-скотоводческие. Вероятно, значительная часть энеолитического населения существовала за счет охоты на крупных копытных животных, преимущественно на дикую форму лошади. Как известно табуны тарпана сохранялись в Южной России до XIX в. [Шилов, 1975. С. 68].

В результате исследований, осуществленных экспедицией СГУ на р. Деркул в Каменском р-не Уральской области в 1986–1989 гг., на самом севере степей южного Предуралья впервые было открыто более 20 новых, ранее не известных, нео-энеолитических стоянок с культурными слоями от с. Вавилово до с. Чесноково [Малов, 1986; 1987; 1988; 1989]. Деркульский микрорайон сейчас является наиболее перспективным в плане комплексного изучения нео-энеолитических стоянок степного Предуралья. Здесь на небольшом участке обоих берегов р. Деркул сконцентрирован значительный блок разновременных нео-энеолитических стоянок.

Истоки р. Деркул, также как и р. Алтаты, находятся в отрогах Общего Сырта, непосредственно около границы с Саратовской областью. Берег реки до ее среднего течения невысокий, вода пресная. Деркульские стоянки, очень плотно концентрирующиеся в ограниченном микрорайоне, приурочены к

первой надпойменной террасе, реже к останцевым возвышениям около стариц. Кости животных встречены на всех поселениях.

Каменный инвентарь составляет около 40 категорий (рис. 2; 3; 4; 27). В подъемном материале чаще всего встречались аморфные отщепы и сколы. Нео-энеолитическая керамика имеет примесь органики, толченой раковины, реже шамота и талька. Единичные фрагменты орнаментированы зубчатым штампом, иногда в виде «шагающей» гребенки, имеют аналогии в энеолитических материалах Волго-Уралья, северного Прикаспия и Южного Зауралья.

Самую древнюю немногочисленную нео-энеолитическую группу стоянок отличает сочетание кремня и кварцита, а также резкое преобладание микропластинчатой индустрии (Вавилово-II; Кузнецово-I, II; Разъезд и др.). Это в целом характерно для мезо-неолитических памятников Прикаспия и Волго-Уральского междуречья. Орудий на отщепах около 7%. Кремневых предметов здесь более 30%. Вкладышевые пластины обычно подработаны краевой притупляющей ретушью, а также с брюшка и со стороны спинки. Крупных пластин около 9%. Из скребков преобладают концевые – на пластинах. По резцам бокового и срединного типов стоянки ранней группы сближаются с северо-прикаспийскими, североказахстанскими, южно-уральскими и зауральскими.

Со стоянки Деркул-III происходит трапеция со струганной спинкой (рис. 3, 20) и фрагмент керамики с примесью талька, что указывает на сохранение уральских традиций в ее изготовлении. Выделяется стоянка Чесноково-IV, поверхность которой хорошо задернована, культурный слой визуально не выявлен и керамика не встречена. В 1988 г. здесь обнаружены: микролитические пластины (рис. 2, 67–69, 71), рогатая трапеция (рис. 2, 66), двусторонне обработанный наконечник стрелы (рис. 2, 72) и концевой скребок (рис. 2, 72). Стоянки Вавилово-II (рис. 27, 1, 5–7, 12–16, 19, 34) и Кузнецово-III (рис. 27, 2–4, 17, 18, 21) содержат материалы, как неолита, так и энеолита. Здесь встречены два кремневых сегмента с ретушью по дуге и два венчика орловской неолитической культуры (рис. 27, 1), один из которых принадлежит баночному сосуду (рис. 2, 100). Есть концевые скребки (рис. 2, 88, 95–99), микропластины (рис. 2, 90–94), пластинчатый нуклеус (рис. 2, 89) и др. Фрагмент керамики орловской культуры, орнаментированный в линейно-накольчатой технике, обнаружен на стоянке Кузнецово-III (рис. 27, 2).

Более позднюю и многочисленную группу образуют разновременные энеолитические стоянки. На них в качестве сырья чаще всего использовался кварцит, а кремнь составляет не более 10%: Степное-I, II; Чесноково-I-III; Кузнецово-IV; Вавилово-I, III; Восточное-I-III; Саманное-I, II; Каменка-I, II; Деркул-I, III; Пограничное; Шипово-I, II; Правобережное. В этой группе стоянок керамика с примесью раковин, но иной формы и орнаментации. Некоторые фрагменты по элементам и сюжетам (шагающая гребенка, вертикальный штамп, горизонтальный зигзаг и линии) орнаментации (рис. 3, 1–6) имеет аналогии в керамике ивановско-токского и турганинского типов [Моргунова, 1989. С. 121–129, рис. 3 1, рис. 5, рис. 12, 9]. Преобладают орудия, выполненные в отщепной двусторонней технике (более 40%), пластины более массивные, нуклеусы чаще всего отщепные и односторонне сработанные. Много кварцитовых двусторонне обработанных ножей и наконечников удлиненно-листовидной формы, с овальным или косо усеченным основанием, а

также с черешком. Макропластины составляют до 50%. Большинство скребков на отщепах.

На левом берегу р. Деркул, на СВ окраине с. Кузнецово расположена энеолитическая стоянка Деркул-I, где собраны скребки (рис. 2, 73, 74, 76, 77, 80, 81), нуклеус (рис. 2, 79), пластины (рис. 2, 75–78), обломки двусторонне обработанных наконечников (рис. 2, 82, 86, 87). Есть стенка сосуда с примесью раковин, орнаментированная штампом с прямыми зубцами (рис. 2, 83) и обломок известнякового височного кольца (рис. 3, 14). Аналог ему есть на стоянке ПЭК Озинки-II, где, кстати, есть керамика с шнуровым орнаментом [Лопатин, 1989. С. 141, рис. 4–16]. Это самое раннее свидетельство появления шнурового орнамента в энеолите степного Предуралья.

К ПЭК относятся материалы из полностью раскопанного нами котлована полуземляночной материковой постройки на стоянке Кузнецово-I с «воротничковой» керамикой, аналогичной стоянке Озинки-II. Памятник расположен в 2 км к западу от с. Кузнецово Каменского р-на, непосредственно на правом коренном берегу р. Деркул (рис. 4). В 1988 г. здесь нами были заложены два небольших раскопа¹⁹ [Малов, 1989]. В культурном слое мощностью до 100 см, встречены: кости животных, кварцитовые и кремневые пластины, отщепы, скребки, нуклеусы, обломок полированного орудия (рис. 4, 31), створки речных раковин, фрагменты керамики, орнаментированные гребенчатыми штампами и венчики с внешним воротничковым утолщением. Один венчик орнаментирован с внутренней стороны (рис. 4, 4). На дне постройки около стенки и входа стояли вверх острым дном, один в другом, два развала лепных воротничковых сосудов ПЭК, с орнаментом и примесью раковин в тесте (рис. 4, 16, 17). При этом меньший сосуд, с пятнами красной охры, помещался внутри более крупного. Орнамент на этих сосудах выполнен штампом с мелкими зубцами, а также прочерчен концом острого предмета.

В котловане полуземляночного материкового жилища концентрировалось большинство находок, в том числе значительное количество костей животных. Он имел округлую или грушевидную форму, ориентирован длинной осью по линии СВ–ЮЗ, плавно сужаясь к тамбурному входу, расположенному в СВ части, по направлению к реке. Ширина около внутреннего начала входа 6–7 м, в его внешнем конце 3–3,5 м. Общая длина входа с двумя ступенчатыми возвышениями около 7 м. Котлован расширялся к центру до 60 м и к противоположной от входа ЮЗ стенке до 54 м. Максимальная длина котлована по линии СВ–ЮЗ до первой ступеньки входа – выхода около 65–66 м. Максимально котлован углублен в материк в центральной части на 40–50 см. Его стенки покатые. Ямок от столбов выявлено немного. Они не глубокие, располагались полукругом вдоль ЮЗ и ЮВ стенок, а также в тамбуре. В центре и вдоль СЗ стенки они не обнаружены. По форме котлован похож на основание большой сезонной юртообразной постройки, вероятно, с коническим шатровым перекрытием без крупных несущих столбов. По этому показателю он отличается от построек СЭК Самарской области.

¹⁹ Наши раскопки памятников на р. Деркул осуществлялись НИАЛ СГУ, при участии А.В. Гладышева, М.А. Изотовой, О.В. Кочерженко, В.А. Лопатина, Э.В. Овчинникова, О.В. Сергеевой, В.Н. Слонова, водителя В.А. Румянцева и студентов-практикантов СППИ. Экспедицию посетила Н.Л. Моргунова. Все палеозоологические материалы из раскопок стоянки Кузнецово-I я передал для изучения П.А. Косинцеву.

Таким образом, в энеолите отмечается особенно плотное заселение по бережиям рек с пресной водой, в глубинных районах Волго-Уральского междуречья, в северных степях Заволжья и Предуралья, начиная с пограничья степи – полупустыни вплоть до южных отрогов Общего Сырта и далее на север. Об оседлом образе жизни энеолитического населения этой зоны свидетельствуют котлованы построек на стоянках Кузнецово-I, Озинки-II и Алтата.

В заключение историографического обзора подчеркнем, что на ранних этапах своей истории индоевропейцы были скотоводами, затем ставшими кочевыми пастухами, пройдя в мезолите-энеолите длительный путь своего формирования, вероятно, на пограничье Европы и Азии [Даниленко, 1962; 1974]. Истоки степной цивилизации и начало формирования Евразийской скотоводческой историко-культурной провинции (ЕАСП) индоевропейцев, выработки специфических подвижных форм скотоводства и эпохального типа культуры ранних комплексных обществ, восходит к мезо-энеолитическим археологическим культурам [Мерперт, 1978; Массон, 1991, 1998, 2000; Малов, 1995; Акишев и др. 2003. С. 5].

Такое явление археолого-культурной непрерывности и культурного единства, пронизывающее три эпохи, Х.А. Амирханов вполне справедливо рассматривает в качестве Северокаспийского мезо-энеолитического культурного очага [Амирханов, 1990]. Его ландшафтной базой выступают степи и полупустыни севера и северо-востока Прикаспийской низменности, берега крупных рек Волги и Урала, мелких рек и озер. На ранних этапах этого очага отмечается активное воздействие северо-кавказских импульсов [Амирханов, 1990].

В Нижнем Поволжье и Прикаспии на протяжении тысячелетий сохраняется однофакторный системообразующий скотоводческий ХКТ, в комплексных обществах эпохи палеометаллов которого достаточно рано проявляется дивергенция в социуме. Погребальные памятники ХЭК играют важную роль при моделировании процессов социогенеза ранних индоевропейских скотоводческих комплексных обществ Восточной Европы со степным образом жизни [Массон, 1998; 2000]. ХЭК относится к ранним памятникам первого периода (энеолитического), формирования предпосылок и специфических черт степного образа жизни. В этой связи, особое внимание привлекает скипетр и топор, как символы лидерства и особого прижизненного положения молодого мужчины из I Хвалынского могильника [Массон, 2000. С. 148–149]. Скипетры встречены и в Хлопковском могильнике [Малов, 1987].

Скотоводческие историко-культурные общности индоевропейцев и индоиранцев Нижнего Поволжья и Прикаспия эпохи энеолита – бронзы являлись важной средой, передающей инновации материальной и хозяйственной культур, воспринятые от оседлого населения первичных очагов производящего хозяйства, к соседним племенам степной, лесостепной и лесной зон Евразии. Во времена индоевропейских ранних комплексных обществ энеолита – эпохи бронзы ЕАСП генерализовывала свои принципы и обеспечивала континентальную связь и дифференциацию соседних гигантских областей.

Северная часть степной зоны ЕАСП была в эпоху энеолита – бронзы основной территорией распространения комплексных метаэтнических (метаэтнокультурных), индоевропейских (метаэтнолингвистических) общностей скотоводческой метаэтнохозяйственной ориентаций, связанных с происхож-

дением древних индоиранских и индоарийских племен. Нижнее Поволжье и Прикаспий являлись важной частью этой особой социокультурной системы.

Общие сведения о Хлопковском могильнике и месте его расположения. Хлопково городище и находящийся на нем энеолитический могильник расположены в 6 км, выше по течению от с. Березняки Воскресенского района Саратовской области, на правом высоком берегу Волги – против г. Маркса (рис. 9; 10). Памятник занимает возвышенную площадку – останец в устье крупного «висячего оврага», со всех сторон ограниченную крутыми обрывами и осыпающимися склонами. Дно «висячего оврага» и основание площадки – останца возвышаются над бечевником, поскольку волжская вода, подмывающая правый берег, срезала и низовья оврагов. Со всех других сторон от оврага вдоль волжского берега тянутся цепочки очень крупных холмов – возвышенностей.

Городище, хорошо укрепленное в естественном отношении, с напольной стороны имело только один узкий проход шириной около 4 м. Вероятно, в эпоху раннего железного века он был перегорожен племенами городищской культуры, устроившими вал и ров (рис. 9, 2). Памятник интенсивнее всего разрушается со стороны высокого и отвесного волжского обрыва. Повидимому, Волгоградское водохранилище разрушило его большую часть.

Памятник получил свое название по крупной возвышенности «Хлопков бугор», около подножья которой, он расположен. Городище иногда называют «Хлопков бугор» или «Вторым Березняковским». Хлопков бугор представляет собой одну из возвышенностей правого берега Волги, являющегося восточным крутым склоном останцевого массива Змеевых гор – водораздел между р. Волгой и р. Терешкой. Змеевы горы – это останец Приволжской возвышенности, где проходит самая южная окраина лесостепной зоны Саратовского Правобережья [Шабанов, 1960а].

Таким образом, Хлопковский могильник расположен на самом крайнем юге лесостепной зоны Поволжья, или на северном правобережье Нижневолжского пограничья степи-лесостепи. Это непосредственно приподнятый и круто обрывающийся к долине Волги край Приволжской возвышенности. В Воскресенском р-не преобладающие высоты 50–150 м или наивысшая часть в Змеевых горах, а низшая 15 м – урез воды Волгоградского водохранилища. В зоне руслового подпора (от Маркса до Балаково) Волгоградское водохранилище не выходит за пределы современного русла, затошлены лишь самые низкие участки поймы [Демин, 2002. С. 19]. Речной участок от Маркса до Балаково включает и чисто русловую часть, имея наименьшую ширину до 0,9 км и сохраняя в плане конфигурацию старого русла Волги.

Правый коренной берег Волги против г. Маркса овражисто-балочный, с очень высоким круто обрывающимся и осыпающимся склоном. Он сформирован меловыми и палеогеновыми отложениями. Поэтому в его геологическом строении имеются глины, мел, мергель, опока, пески и песчаники. Берег Волги около с. Березняки в основном сложен сызранскими опоками, прорезанными дайками из песков и песчаников. В почвенном покрове преобладают черноземы, культурные ландшафты сформировались на месте разнотравно-типчачово-ковыльных степей. Леса водораздельного типа, преобладают дуб и клен. На участке нагорного берега Волги около пос. Воскресенское тянется выровненная акчагыльская абразивная поверхность.

Многолиственные леса составляют не более 16,5% площади Воскресенского района, в котором находится памятник. Хлопковский могильник и городище расположены в местности, обладающей особой привлекательностью в плане ведения специализированного рыбного промысла, поскольку именно в этой части Волги с глубокой древности и до сих пор находится заповедная рыбная зона нерестилища и нагула стерляди. Современный климат здесь умеренно континентальный.

В физико-географическом и природном отношении к этой же зоне [Шабанов, 1960] приурочены два Хвалынских энеолитических могильника. Они находятся по прямой приблизительно на расстоянии около 150–160 км к северу от Хлопковского. В отличие от Хлопковского, Хвалынские могильники приурочены к нижней ступени выравнивания между Хвалынскими горами и волжскими речными террасами. Они сложены нижнемеловыми черными глинами, выше которых залегают песчаники, пески и глины, хотя нижняя терраса здесь наиболее пересеченная и неровная [Шабанов, 1960]. К тому же, между г. Хвалынском и с. Алексеевкой наблюдается чередование высоких холмов и широких лощин. Высота нижней ступени выравнивания на дне лощин и вблизи Волги здесь около 50 м. Лощины начинаются в ущельях Хвалынских гор и тянутся до Волги. Село Алексеевка и Хвалынские могильники расположены на нижней абразивной поверхности. В долине Волги вблизи Хвалынских гор надпойменная терраса, на которой расположены Хвалынские могильники, очень узкая. Около Хлопковского городища и могильника этой террасы нет совсем.

Методика и последовательность раскопок Хлопковского могильника. Поскольку могильник перекрывался мощным культурным слоем городища, то погребальный памятник изучался по методике раскопок поселений и не так быстро как I Хвалынский. Раскопки Хлопковского городища и могильника велись вручную, по квадратной сетке, строго соответствующей сторонам горизонта (рис. 9; 10; 14, 1). Размер квадрата 2 x 2 м, площадь 4 кв. м. Между ними оставлялись перпендикулярные бровки через 4 м, по которым снимались профили. Фиксация археологического материала производилась по квадратам и пластам (по 20 см). Пласты замерялись и срезались параллельно поверхности раскопов. На каждый пласт велся отдельный план по каждому раскопу, где отмечались не только индивидуальные находки, но и весь массовый материал (фрагменты керамики, кости, камни и др.). Находки керамики, связанные с теми или иными сооружениями, материковыми пятнами фиксировались индивидуально в их пределах.

В 1977 г. непосредственно над разрушаемыми обрывом захоронениями, было заложено только два охранных шурфа-раскопа. В них замеры пластов и глубина погребений фиксировались от уровня современной поверхности и в материке. В 1978 г. нивелировка поверхности, углов квадратов, глубины индивидуальных находок и погребений указывались от 0г, за которую был принят ЮЗ угол кв. Б-9. От него был выверен СВ угол старого шурфа-раскопа № 1 (1977 г).

Раскоп 1978 г. являлся западным продолжением шурфа-раскопа № 1 (1977 г). Тогда прибрежная часть памятника уже разрушилась полосой до 1 м. Квадратам раскопа было дано двойное обозначение: буквенное (с севера на

юг) и цифровое (с запада на восток). В результате работ 1977–1978 гг. в ЮВ части городища, вдоль волжского обрыва, вскрыто более 160 кв. м.

Раскоп 1979 г. располагался в ЮВ части памятника, вплотную к стенкам раскопов 1977–1978 гг. Он являлся их продолжением по линии квадратов № 5, 6, 16–18. В 1979 г. условный 0г был перенесен в ЮЗ угол кв. Ж–6, на 108 см ниже 0г раскопа предыдущего года. В 1985 г. 0г был перенесен в центр городища, на самую высокую часть искусственного холмика от бывшего речного створа, отмеченного на местности трубой. Общая площадь раскопа 1985 г., располагавшегося на восточном склоне поселения и около волжского обрыва – 104 кв. м. В него вошли кв. 22–46, уже без буквенного обозначения.

Всего здесь исследовано 21 энеолитическое погребение. По годам они выявлялись в следующей последовательности: 1977 п. № 1–4; 1978 п. № 5–8, 10; 1979 п. № 11–18; 1985 п. № 19–21; 1986 п. № 22. Вещевой инвентарь могильника сдан на хранение в фонды археологии СОМК. Кроме энеолитических, в культурном слое поселения, встречено несколько безинвентарных погребений (№ 9, 23, 24) гораздо более поздних археологических эпох, которые здесь не рассматриваются.

Стратиграфия и краткая характеристика культурного слоя Хлопкова городища. Дерновый слой имел мощность 10–20 см, укрепленную корневой системой типчаково-ковыльных трав. В нем встречался малочисленный археологический материал. Под дерном начинался культурный слой мощностью 70–120 см, представляющий собой очень мягкую светло-серую супесь пепельного цвета, почти однородную, без видимых прослоек. Он насыщен дроблеными костями животных, разнокультурной и фрагментированной керамикой, опочным и другим мелким гравием. На некоторых участках слой существенно перемешан, поэтому фрагменты керамики от одних и тех же сосудов иногда встречались в разных пластах и квадратах. Часть индивидуальных находок из культурного слоя могла бытовать не только в энеолите, но и в последующие эпохи, как, например, обломок роговой кирки – мотыги или молотка (рис. 20, 8).

Культурный слой подстилал светло-коричневый суглинок с гравием (15–20 см), где лишь изредка встречались фрагменты керамики в норах. Ниже этого суглинка располагается очень твердый материковый горизонт, представляющий собой сплошной опочный камень, очень плотно скрепленный с глиной. В этом материке, в основном, и были устроены (вырублены) большинство сохранившихся могильных ям энеолитических погребения. Они почти всегда углублены в опоку и заполнены темной землей перемешанной со щебнем и мелким опочным камнем, образуя плотную «цементированную» массу, едва поддающуюся расчистке. Через могилы достаточно часто проходили мелкие норы землероев. Могильные пятна в большинстве случаев читались на материке плохо, поэтому часть погребений обнаруживалась по коленным суставам иногда возвышавшимся над материком. В погребениях совершенных на уровне материка, могильные пятна и ямы не прослеживались. Культурный слой вплотную подходил к материковым могильным ямам и во всех случаях их перекрывал. Это позволяет считать материалы из слоя более поздними, чем энеолитический могильник, функционировавший на останцевой возвышенности правого берега Волги до того, как она стала использоваться под поселение.

В культурном слое встречаются некоторые палеоантропологические материалы, вещи и керамика, относящиеся к могильнику ХЭК. Они попали сюда в результате позднейших перекопов жителей поселения, затронувших не только древнюю поверхность, на уровне которой ранее осуществлялись погребально-поминальные ритуалы, но и разрушивших некоторые из энеолитических захоронений. В результате изучения культурного слоя получен значительный объем массового археологического материала, среди которого абсолютно преобладает керамика городецкой культуры раннего железного века. В меньшем количестве представлены фрагменты глиняной посуды энеолита, средней бронзы, срубной культуры, ХКВК и Золото-Ордынского времени.

Из керамики кратко публиковалась катакомбная, полтавкинская, многоваликовая и вольская²⁰ [Малов, Филипченко, 1995]. Керамика вольского типа некоторое время интерпретировалась как неолитическая «доямного времени» и ее присутствие отмечалось на дюнах: «Столы», «Крутец», Красавские, Досанг и Болхуны [Степанов, 1956. С. 20–21]. Затем А.А. Формозов отметил что, вольская посуда «<...>гораздо ближе к керамике катакомбного типа с Терновского и Даниловского городищ и с городища Банный овраг, чем к неолитической керамике Нижнего Подонья» [Формозов, 1965. С. 95, сноска 13]. И.Б. Васильев назвал такую керамику «загадочной» [Васильев, 1975а]. Вслед за

²⁰ Информация о катакомбной, полтавкинской и многоваликовой керамике с Хлопкова городища была отражена в некоторых публикациях и докладах [Малов, 1979а; 1980; 1985; Малов, Филипченко, 1995]. В докладе «Многоваликовая керамика на археологических памятниках Поволжья», прочитанном на II совещании по проблемам срубной культурно-исторической общности (Куйбышев, 1982 г.), я представил посуду эпохи средней бронзы с Хлопкова городища [Качалова, Васильев, 1989. С. 217]. Тогда же мной отмечалось сходство некоторой нижеволжской полтавкинской и катакомбной валиковой керамики с поздней волосовской и чирково-сейминской. Нижеволжскую керамику с многоваликовой орнаментацией (Белогорское, Терновское, Ахматское, Алексеевское, Хлопковское, Даниловское, Мартышкинское, Трубинское, Еланский ручей, Буровское, Ключевское и др.) я отнес к многоваликовому этапу среднедонской катакомбной культуры, восточную границу которой распространил до Волги. Поэтому, по моему мнению, КМК не имела распространения в Поволжье [Пятых, 1990. С. 117]. Орнаментация в виде одиночных, оттянутых и защипных валиков, известная на среднедонской катакомбной, полтавкинской, поздневолосовской (Галанкина Гора, Кубашевское, Юринское и др.) и чирково-сейминской керамике, позволяла их синхронизировать между собой [Малов, 1985]. Тем более, что поздний энеолитический этап волосовской культуры синхронизировался с балановскими (атли-касинскими) и чирково-сейминскими памятниками [Никитин, 1983. С. 19–20]. Отдельные валики, иногда встречаемые в Приуралье и в Поволжье на посуде «раннесрубного и раннеалакульского времени», интерпретировались как более поздние реминисценции полтавкинского и катакомбного валикового декора [Малов, 1985]. После раскопок поселения у с. Лбище с керамикой «вольского типа» И.Б. Васильев и А.Т. Синюк стали переименовывать поселения с керамикой «вольского типа» в «памятники типа Лбище», относя их к полтавкинско-абашевскому времени или к пережиточному энеолиту [Васильев, Синюк, 1985. С. 65–67]. Затем И.Б. Васильев счел возможным даже заключить: «В Нижнем Поволжье материалы лбищенского типа находят достаточно близкие аналогии в памятниках вольского типа, в связи с чем, этой культурной группе дано название вольско-лбищенская» [Васильев, 1991. С. 13; Васильев, 2003. С. 107–115]. Мы продолжаем использовать термин «вольский культурный тип», обозначая им не только бытовые памятники, но и погребения с аналогичной керамикой [Филипченко, 1993. С. 149–152; Малов, Филипченко, 1995; Малов, 2007. С. 38]. Данный термин я использую для обозначения памятников, представляющих самостоятельную археологическую культуру, процедура выделения которой пока еще не обоснована, хотя ее керамику специалисты визуально отличают. Высказано предположение об определенном влиянии волго-донского варианта катакомбной культуры и памятников «вольского типа» на сложение Волго-Уральского очага культурогенеза, покровских и раннесрубных комплексов [Малов, 1992. С. 6–7; Малов, Филипченко, 1995].

П.Д. Степановым и А.А. Формозовым, я считаю ее особым «вольским типом» и отношу к полтавкинско-катакомбному времени [Малов, 1979, 1979а, 1980].

Палеоантропологические материалы Хлопковского могильника. Данные по полу и возрасту погребенных из раскопок 1977 года (п. №№ 1–4) приводятся нами по предварительному заключению антрополога ИА РАН, куда через Л.Л. Галкина была передана палеоантропологическая коллекция первого года раскопок. Где они находятся сейчас мне неизвестно. Определение пола и возраста для костяков из погребений №№ 5–18 (раскопки 1978–1979 гг.) и №№ 19–21 (раскопки 1985 г.) публикуются здесь в соответствии с заключениями А.В. Шевченко. Исследователь специально обработал все палеоантропологические коллекции из раскопок сотрудников археологической лаборатории СГУ непосредственно в Саратове еще в начале 1980-х годов. Палеоантропологические материалы из раскопок могильника за 1985 г. мной были переданы А.В. Шевченко в Санкт-Петербург²¹.

А.В. Шевченко опубликовал сведения только об одном взрослом, предположительно мужском, черепе из погребения № 6. «По конструкции черепной коробки и по основным параметрам лицевого скелета он необычайно близок хвалынским, но имеет плоскватое лицо и умеренно профилированные носовые кости, что свидетельствует, может быть, о его метисном происхождении, причем, в качестве одного из исходных компонентов смешения выступали представители неолитического населения лесной полосы Восточной Европы [Шевченко, 1986. С. 156–157, табл. 11, IV]. Что касается краниологической серии I Хвалынского могильника, то А.В. Шевченко, отметил ее морфологическую неоднородность и ближайшие аналогии в афанасьевской культуре, а по средним данными она имела мало общего с ямниками Доно-Уральского междуречья, а уж тем более со среднестоговцами [Шевченко, 1986. С. 157]. А.В. Шевченко, в отличие от вывода Р.М. Мкртчян о вероятной гомогенности и западной генетической ориентации ХЭК, указывал на возможность присутствия в ней северного населения лесной полосы [Хохлов, Яблонский. 2000. С. 286].

Р.М. Мкртчян наоборот сделала вывод об антропологической однородности краниологических материалов I Хвалынского могильника, представляющего собой долихокраний, умеренно широколицый европеоидный вариант, носители которого оставили могильники мезолита и энеолита в Центральной и степной части Восточной Европы (Александрия, Съезжее, Хвалынск). Несколько хуже сохранившиеся женские черепа Хлопковского могильника, по мнению Р.А. Мкртчян, также близки хвалынским, отличаясь более уплощенным лицом на верхнеглазничном уровне. Краниологическая серия II Хвалынского могильника отчетливо полиморфна и представляет умеренно массивных, долихокраний, среднешироколицых европеоидов с несколькими морфологическими компонентами [Хохлов, Яблонский, 2000. С. 286]. Первый компонент, характеризующийся определенной грацильностью,

²¹ После А.В. Шевченко, с Хлопковскими палеоантропологическими материалами из раскопок 1978–1979 гг. в археологической лаборатории СГУ один день познакомились Р.М. Мкртчян и В.И. Пестрикова. Отъезжая исследователи взяли с собой для более детального изучения один (женский?) череп хорошей сохранности, обещая его вернуть. Где он находится сейчас мне не известно. В 2001 г. основную часть палеоантропологической коллекции, хранившуюся в археологической лаборатории СГУ, я передал для обработки А.А. Хохлову. Сейчас она находится в Самаре.

средним или небольшим, умеренно уплощенным лицом, слабо выступающими носовыми костями и другими специфическими признаками, находит ближайшие аналоги среди предшествующих по времени краниологических материалов лесостепного Поволжья – Лебяжинка IV, Чекалино IVA, Съезжее (коллективное захоронение), Хлопковский могильник [Хохлов, Яблонский, 2000. С. 286]. В целом антропологический состав ХЭК достаточно сложен. По предположению Л.Т. Яблонского и А.А. Хохлова, он складывался в результате различных контактов пришлого европеоидного и местного населения, антропологический компонент которого связан своим происхождением с лесным ареалом Восточной Европы, а также и с южными европеоидными популяциями, по комплексу краниологических признаков близкими к средиземноморскому типу. Исследователи не исключают, что в хвалынское время в Волго-Уралье, возможно, существовал очередной самостоятельный очаг расогенеза [Хохлов, Яблонский, 2000. С. 287].

Хлопковский неолитический могильник.

Раскопы-шурфы 1977 г. Погребение № 1 (рис. 10, 1; рис. 11, 4; рис. 13, п. 1) взрослое, судя по костям – перемещенным отсюда в п. 2 женское(?). Расположено в кв. 1 шурфа № 1, на осыпавшемся склоне волжского берега, на уровне материка, вплотную к погребению № 2. Глубина его от уровня современной поверхности 130 см. Стенки могильной ямы не прослеживались, поскольку они разрушены землероями, а значительная часть погребения обрывом. Кости частично сохранившегося скелета торчали из обрыва и были видны почти полностью до начала раскопок. Остатки скелета взрослого человека позволяют заключить, что он лежал на спине, черепом на СВ (70°). Ноги сильно согнуты коленями вверх, затем завалились вправо. Пятки поджаты к тазу. Череп и кости рук отсутствовали, вероятно, свалились под обрыв, или перемещены землероями в п. 2.

Фаланги от пальцев обеих рук лежали на крестце. Поэтому можно полагать, что руки были слегка согнуты в локтях и соединены кистями над крестцом. Под крыльями таза сохранились следы от красной охры. Здесь же найдены 5 плоских в сечении дисковидных бусин диаметром 7–9 мм, из створок раковин, с отверстием в центре (рис. 12, 9), а также расколотый вдоль клык животного длиной 3 см (рис. 12, 8).

На уровне ног торчал в осыпи фрагмент стенки крупного лепного сосуда (рис. 11, 4, 5; рис. 12, 7; рис. 13, п. 1, 1) с примесью раковины в тесте. Он весь орнаментирован параллельными оттисками «ложноверевочного» штампа, прочерченными линиями и ямочными вдавлениями.

Погребение № 2 (рис. 10, 2; рис. 11, 1; рис. 13, п. 2) детское. Расположено в кв. 1, шурф № 1, на глубине 140 см от современной поверхности раскопа, в 20–25 см к СВ от погребения № 1. Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 66 x 133 см, ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Ее глубина в материке 10–15 см. Стенки со стороны захоронения № 1, разрушены землероями.

На дне ямы, в скорченном положении на спине, лежал костяк ребенка 7–8 лет, лицом вверх, ориентированный головой на СВ (67°). Руки вытянуты вдоль туловища. Фаланги правой руки находились около таза. На предплечье левой руки, в норе, лежала кость предплечья от другого скелета взрослого человека.

По определению антрополога она могла принадлежать скелету из погребения № 1. Ноги ребенка сильно согнуты коленями вверх и упали влево.

Около колен детского костяка находился череп женщины(?) возрастом 18–25 лет, основанием вверх лицевой частью на ЗЮЗ, без нижней челюсти. По заключению антрополога он также мог, принадлежат более взрослому скелету из погребения № 1. Кроме того, есть коленная чашечка от взрослого скелета. Под детским костяком слой красной охры достигает мощности 3–4 см. Скелет ребенка и дно могилы обильно посыпаны сверху красной охрой.

Вокруг раздавленного и смещенного черепа ребенка, а также внутри него, найдено 19 костяных цилиндрических пронизок из трубчатых костей животных, размером от 2 до 1 см. Вероятно, ими был обшит головной убор (рис. 12, 3; рис. 13, п. 2, 3). Слева от детского черепа лежали две путовые кости лошади(?) или другого копытного животного (рис. 13, п. 2, 4), песчаниковый шарик – болас диаметром 3 см (рис. 12, 2; рис. 13, п. 2, 5) и маленький остродонный серо-глиняный сосудик, с примесью толченых раковин в тесте (рис. 12, 5; рис. 13, п. 2, 6). Высота сосудика 5,5 см, диаметр устья 4,5 см. Венчик слегка отогнут, его срез и вся внешняя поверхность орнаментированы прочерченными волнистыми линиями и параллельными отгисками мелкозубчатого штампа.

Под костяком у левого плеча лежал плоский нож из расколотой вдоль трубчатой кости (рис. 11, 2; рис. 12, 4; рис. 13, п. 2, 7). Острие ножа располагалось в области шеи. На лезвие есть небольшая выемка. Длина ножа – 14 см, ширина 3–3,5 см. Против левого локтя находились: третья бабака лошади(?) (рис. 13, п. 2, 8), три створки от раковин (рис. 13, п. 2, 9, 10). Одна – от речной раковины диаметром 6,2 см и две – от морских раковин, диаметром около 4 см, с отверстием (рис. 12, 6).

В ногах ребенка, в углу могилы, стоял вверх дном крупный лепной серо-глиняный остродонный сосуд яйцевидной формы с примесью толченых раковин в тесте (рис. 11, 1, 3; рис. 12, 1; рис. 13, п. 2, 2). Его высота 19 см, диаметр по венчику 13 см. Венчик срезан прямо, с внешним «Г» образным утолщением. Две верхних трети сосуда орнаментированы частыми горизонтальными и параллельными рядами овально-линзовидных вдавлений. На придонной части орнамента нет.

Погребение № 3 (рис. 10, 3; рис. 13, п. 3; рис. 14, 1) – взрослое женское, безинвентарное. Расположено в центре шурфа № 1 (между кв. 1–4), на расстоянии более 50 см к СВ от погребения № 2. Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 90 x 115 см, глубина от поверхности 140 см, в материке – 20 см. Ориентирована по линии СВ–ЮЗ. На ее дне, в скорченном положении на спине, лежал женский костяк возрастом 35–45 лет черепом на СВ (70°). Череп повернут лицевой частью вправо. Ноги сильно согнуты коленями вверх и упали вправо, пятки вплотную поджаты к тазовым костям. Левая рука вытянута вдоль туловища. Правая – согнута в локте, кисть ее протянута к правому плечу. Скелет и дно могилы посыпаны слоем красной охры до 3–4 см.

Погребение № 4 (рис. 10, 4; рис. 14, 4; рис. 15, 1) – парное, с расчлененными скелетами взрослого мужчины и женщины. Расположено на осыпи волжского обрыва в 6 м к ЮВ от погребения № 1, в шурфе № 2. Частично разрушено обрывом. Размер сохранившейся части могилы 80 x 200 см. Яма,

возможно, имела прямоугольную форму и была ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Глубина от современной поверхности 130 см, в материке 30–35 см.

В заполнении могилы, ближе к СЗ углу, на расстоянии 10 см от дна, встречена глиняная зооморфная фигурка молоточковидной формы, с примесью раковин в тесте (рис. 14, 2; рис. 15, 1/1, 3). Высота предмета 11 см, ширина в верхней части 6,5 см. В ее верхней части, с одной стороны есть небольшой налеп в виде шишечки. Поэтому верхняя часть фигурки, возможно, символизирую «морду барана» или мелкого рогатого животного со стилизованными рогами(?). Ниже шишечки - налепа, по круглому в сечении и сужающемуся к низу стержню, зубчатым штампом нанесена непрерывная спиральная линия. На нижнем конце стержня фигурки есть следы от заглаживания.

На дне могилы лежал, скорченно на спине, мужской костяк(?) возрастом 20–25 лет, ориентированный верхней частью туловища на СВ (60°). Череп отделен от костей верхней части туловища и развернут теменем к ним. Он лежал на костях левой щеки, лицевым отделом обращен на ВСВ. Кости рук, вероятно, были вытянуты вдоль туловища, т. к. сохранившиеся фаланги от кистей находились под тазовыми костями. От нижних конечностей сохранилась только кости правой ноги, сильно согнутой в колене.

В ногах у этого расчлененного костяка мужчины лежали остатки от второго, расчлененного одного и того же скелета. Второй череп - женщины(?) возрастом 18–25 лет, стоял на своем основании теменем вверх. Рядом с этим женским черепом лежали кости ног человека, возможно принадлежавшие, тому же расчлененному, или вторичному женскому скелету? Здесь же находились 4 альчика мелкого рогатого скота(?). Кости скелетов посыпаны красной охрой несколько слабее, чем в предыдущих захоронениях. Вероятно, она здесь сохранилась хуже, поскольку погребение располагалось на самом краю размываемой дождями осыпи.

За черепом и на нем самом лежал развал полностью разбитого и плохо сохранившегося лепного сосуда в мелких обломках, с примесью раковин в тесте (рис. 15, 1/1, 4). Реставрации поддается только верхняя его часть от венчика до максимального расширения, высотой 7,5–8,5 см. Сосуд по венчику асимметричный, диаметром 13–14 см. Диаметр по максимальному расширению тулова 17–17,5 см. Венчик срезан прямо со слабым внешним утолщением. Придонная часть сосуда совершенно раслоилась и не восстанавливается. Она не имела орнамента, днище было круглым или острым, но не плоским. Цвет поверхности светло-коричневый. Вся сохранившаяся верхняя часть тулова и срез венчика орнаментированы горизонтальными рядами наклонных вдавлений овальной формы, а плечики еще и двумя рядами зигзага. По форме он аналогичен сосуду из погребения № 2. Аналогична и орнаментация рядами овальных вдавлений, выполненных таким же инструментом.

Раскоп 1978 г. Погребение № 5 (рис. 10, 5; рис. 16, 2) взрослое мужское. Расположено в СВ углу кв. Е-5, в яме подпрямоугольной формы, размером 60 x 140 см, углубленной в материк на 20 см, ориентированной по линии СВ-ЮЗ. Глубина от современной поверхности поселения 125 см. На ее дне лежал скелет взрослого мужчины возрастом около 45 лет, скорченно на спине, черепом на СВ (54°). Ноги сильно согнуты коленями вверх и зафиксированы в таком положении. Пятки поджаты вплотную к тазовым костям. Правая рука

вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте, кисть ее лежит в области живота. Череп раздавлен, лежал на левой стороне и был слегка склонен к левому плечу. Скелет и дно могилы посыпаны красной охрой. На дне, ее слой достигал толщины 3 см. Наиболее интенсивная подсыпка под черепом. Вокруг шейных позвонков, располагалось ожерелье из 74 округло-плоских коричневых каменных(?) бус, плотно прилегающих друг к другу. Они слоятся, диаметр 5 см, толщина до 2 мм, в центре просверлено отверстие.

Погребение № 6 (рис. 10, 6; рис. 16, 1) безы Inventарное, взрослое, мужское. Расположено в СВ углу кв. Д-6, в материковой яме, подпрямоугольной формы, размером 80 x 155 см, ориентированной по линии СВ-ЮЗ, на глубине 231 см от 0г. На дне лежал костяк взрослого человека, предположительно мужчины, возрастом более 50 лет [Шевченко, 1986. С. 156, табл. 11, IV], лицом вверх, в скорченном положении на спине, ориентированный черепом на СВ (60°). Руки погребенного вытянуты вдоль туловища, ноги согнуты коленями вверх, затем упали влево. Пятки около тазовых костей. Дно могилы и сам погребенный посыпаны красной охрой. На дне слой охры достигал 2 см.

Погребение № 7 (рис. 10, 7; рис. 16, 6) безы Inventарное, взрослое, мужское. Расположено между кв. Г-7 и кв. В-7, в материковой яме подпрямоугольной формы, с закругленными углами. Стенки ее в верхней части размыты. Ориентирована могила по линии СВ-ЮЗ. Ее размеры 90 x 140 см, глубина от 0г 196 см. Скелет взрослого мужчины(?) возрастом 40-45 лет лежал скорченно на спине. Ноги первоначально были поставлены коленями вверх, затем упали влево. Правая рука согнута в локте, кисть лежит на груди в области сердца, левая вытянута вдоль туловища (рис. 6, 6). Погребенный ориентирован головой на СВ (50°). Дно могилы и костяк посыпаны красной охрой.

Погребение № 8 (рис. 10, 8; рис. 16, 4) безы Inventарное, взрослое женское. Расположено в кв. Г-5 и частично в ЮЗ части кв. Д-5, в подпрямоугольной материковой яме, размером 150 x 80 см, углубленной в материк на 20 см, ориентированной по линии СВ-ЮЗ. Костяк женщины возрастом 24-25 лет лежал скорченно на спине, черепом на СВ (50°). Руки согнуты в локтях и находились в перекрещенном положении, правая - на левой. Ноги согнуты коленями вверх, упали вправо, пяточные кости около таза. Весь скелет и дно могилы под ним посыпаны красной охрой.

Погребение № 10 (рис. 10, 10; рис. 14, 3; рис. 16, 5) безы Inventарное, взрослое мужское. Расположено в кв. Б-10, в материковой яме подпрямоугольной формы, размером 65 x 200 см, ориентированной по линии СВ-ЮЗ. Глубина в материке 30 см. Над погребением, на уровне суглинка с гравием, лежал песчаниковый камень размером 25 x 20 см. Костяк взрослого мужчины возрастом 35-55 лет и высокого роста, лежал скорченно на спине. Ноги поставлены коленями вверх, затем упали вправо, руки вытянуты вдоль туловища. Погребенный ориентирован на СВ (50°). Костяк и дно могильной ямы посыпаны красной охрой. Ноги согнуты в коленях слабее, чем у остальных погребенных. Возможно, что здесь они были только слегка подогнуты вправо. На это указывает взаимное расположение пяточных костей.

Раскоп 1979 г. В раскопе встречены фрагменты различных костей от скелетов людей, окрашенные красной охрой и связанные с энеолитическим могильником. Два фрагмента от черепных крышек обнаружены в дерновом слое (пласт 0-20 см) - на краю обрыва (кв. З-21) и в следующем пласте 20-

40 см (кв. 3-19). Также обнаружена ключица в пласте 40-60 см (кв. 3-20) и ребро в пласте 60-80 см (кв. 3-19).

Погребение № 11 (рис. 10, 11; рис. 16, 11) безынвентарное, взрослое женское(?). Расположено на уровне материка и частично суглинка с гравием, глубина 95-100 см от современной поверхности, в кв. Е-18. Могильная яма не прослеживалась. Костяк женщины(?) возрастом 35-55 лет лежал скорченно на спине. Ноги согнуты коленями вверх, слегка наклонились вправо и зафиксировались в таком положении. Руки вытянуты вдоль туловища. Череп слегка наклонен вправо, ориентирован на СВВ (50°). Культурный слой близко подходил к костяку. Поэтому, на ребре лежал фрагмент от сосуда бабинской культуры с многоваликовой орнаментацией. Непосредственно выше над погребением встречалась керамика вольского типа.

Погребение № 12 (рис. 10, 12; рис. 15, 2) девочки подростка (кв. Ж-19). Расположено в материковой яме прямоугольной формы, с неровными стенками и закругленными углами, ориентированной длинными сторонами по линии СВ-ЮЗ. Глубина ямы в материке 28 см, размер 150-90 см. Северо-восточная стенка разрушена норами. Отсюда, вероятно, (кв. Ж-20, основание пласта 80-100 см) происходят маленькое желобчатое, каменное тесло (рис. 17, 6), три плоских бусины из створки раковины и ребро человека. Высота тесла 3,8 см, ширина вдоль лезвия 2 см.

На дне ямы лежал в скорченном положении на спине костяк девочки(?), возрастом около 14 лет. Ноги согнуты коленями вверх, слегка завалились вправо, пятки поджаты к тазовым костям. Руки согнуты в локтях, кисти в области живота. Ориентирован покойник головой на СВ (60°). Дно могилы изрыто грызунами. Весь костяк посыпан красной охрой, которая есть и под ним.

За черепом лежал, в мелких обломках, маленький, лепной круглодонный сосудик с примесью раковин в тесте (рис. 15, 2/1; рис. 17, 7). Венчик и верхняя часть сероглиняных стенок не сохранилась. На некоторых фрагментах слабо просматривается орнамент, вероятно, выполненный мелкозубчатым штампом. Диаметр максимального расширения тулова 7-9 см. Стенки реконструируются на высоту 5,5-6 см от днища. Фрагменты днища, вероятно, от этого же небольшого круглодонного сосуда с примесью раковин обнаружены в кв. Ж-20. Около левого плеча лежало 19 плоских бусин из камня(?), коричневого цвета, с отверстиями в центре (рис. 15, 2/3).

Между правым предплечьем и туловищем находилась «флейта», из поллой трубчатой кости (рис. 15, 2/2; рис. 17, 5) с тремя отверстиями около одного конца, диаметр которых около 0,5 см. Конец трубочки с отверстиями был направлен к плечу. Два отверстия расположены симметрично рядом, а третье в стороне или ниже. Длина трубки 13,5 см, диаметр 1,7 см. Около левого бедра находился череп мелкого рогатого скота(?) (рис. 15, 2/4).

Погребение № 13 (рис. 10, 13; рис. 16, 8) взрослой женщины. Расположено в материковой яме подпрямоугольной формы, размером 130 x 70 см, ориентированной по линии ВСВ-ЗЮЗ, в кв. 3-18. Глубина в материке 10-15 см. На дне лежал женский костяк возрастом около 24 лет, в скорченном положении, на спине, головой на ВЮВ (100°), ноги согнуты коленями вверх, слегка завалились влево. Руки согнуты в локтях, кисти скрещены на крестце. Пятки поджаты к тазовым костям. Весь костяк посыпан красной охрой. Около запястья левой руки лежали 2 плоские раковинные бусины с центральным отверстием.

Погребение № 14 (рис. 10, 14; рис. 16, 3) взрослое мужское, безынвентарное. Расположено в материковой яме овальной формы, длиной 170 см, шириной 85 см, в СВ углу кв. 3-19. Глубина в материке 17 см. Яма ориентирована длинной осью по линии СВ-ЮЗ. В ЮЗ части могилы лежали компактно сложенные крупные бедренные и тазовые кости от мужского костяка возрастом 50-55 лет. Между ними лежал череп, посыпанный красной охрой. Некоторые отдельные кости скелета перемещены землероями в СВ часть ямы.

Погребение № 15 (рис. 10, 15; рис. 16, 9) взрослое женское(?), безынвентарное. Расположено в материковой яме подпрямоугольной формы, с закругленными углами, размером 90 x 140 см, между кв. Ж-16 и Ж-17. Яма ориентирована длинными сторонами по линии СВ-ЮЗ, глубина в материке 18 см. Стенки неровные. На дне ямы лежал в скорченном положении на спине, черепом на СВ (70°), костяк возрастом 24-35 лет, посыпанный красной охрой. Ноги согнуты коленями вверх, завалились вправо. Руки согнуты в локтях. Фаланги кисти левой – в области «живота», кисть правой – на крестце.

Погребение № 16 (рис. 10, 16; рис. 16, 12) ребенок мужского пола, безынвентарное. Расположено в кв. Ж-17, ближе к ЮЗ углу, на уровне суглинка с гравием, поэтому яма не прослеживалась. Глубина от современной поверхности поселения 75 см. Костяк возрастом 3-4 года, посыпанный красной охрой, лежал скорченно на спине. Ноги упали вправо, раздавленный череп ориентирован на СВ (70°). Левая рука согнута в локте, кисть на тазовых костях. Правая рука вытянута вдоль туловища.

Погребение № 17 (рис. 10, 17; рис. 16, 13; рис. 18, 6) младенца. Расположено на уровне суглинка с гравием, на глубине от поверхности поселения 80 см, поэтому яма не прослеживалась. От скелета младенца возрастом 9-12 месяцев, сохранились только кости ног, согнутых в коленях, на правом боку. Судя по ним, он был ориентирован верхней частью туловища и черепом на СВ.

Рядом с предполагаемым местом нахождения черепа стоял вверх дном серо-глиняный, лепной остродонный сосуд яйцевидной формы (рис. 16, 13/1, 14; рис. 18, 6). Венчик его сильно отогнут и на внутренней стороне имеет уступ, орнаментированный двумя рядами крупнозубчатого штампа, которым в верхней части сосуда нанесены горизонтальные параллельные вдавления. В глине примесь толченых раковин. Диаметр по венчику 11-12 см, высота 15 см. В этом же квадрате (Ж-17, пласт 60-80 см), где расположено и данное погребение, обнаружена крупная кремневая ножевидная пластина с прямой спинкой трапециевидного сечения, с уступом на брюшке и острым концом, которая могла иметь деревянную рукоять (рис. 17, 4). Она имела мелкую ретушь по лезвийным боковым краям и окрашена красной охрой. Длина кремневого ножа 14,8 см. Он может происходить именно из этого погребения.

Погребение № 18 (рис. 10, 18; рис. 13; рис. 18, 1-4) мужчины(?). Расположено в СВ углу кв. 3-20 и частично в кв. 3-21, в материковой яме размером 80 x 143 см, прямоугольной формы с закругленными углами, ориентированной по линии СВ-ЮЗ. Глубина ямы в материке 20 см. На ее дне лежал крупный костяк возрастом 18-19 лет в скорченном положении, на спине, черепом на СВ (50°). Ноги согнуты коленями вверх, слегка завалились вправо. Руки согнуты в локтях, кисти скрещены на крестце. Весь костяк, дно могилы во-

круг и под покойником, а также вещи засыпаны толстым слоем красной охры. Череп наклонен лицевой частью к правому плечу.

Выше левого локтя, на левом предплечье находились: костяной «оселок» брусковидной формы, с закругленным концом и отверстием (рис. 12, 18; рис. 13, п. 18, 2; рис. 18, 2). Длина «оселка» 8,2 см, ширина – 1,3 см, диаметр отверстия 0,6 см. Чуть выше, параллельно оселку, рядом лежал костяной однозубый гарпун, длиной 8,5 см, направленный острием к ребрам (рис. 12, 17; рис. 13, п. 18, 1; рис. 12, 3; рис. 18, 2).

Ниже грудины, справа, вдоль позвоночника лежали в ряд 9 костяных трубчатых «подвесок – пронизок». Из них 5 с резным орнаментом (рис. 12, 10–15; рис. 13, п. 18, 3). Орнаментированные экземпляры более длинные 2–4 см, а гладкие короче 1,3–2 см. Ниже ряда пронизок, на позвоночнике лежал плоский галечный камень – «гольш», овальной формы, сужающийся к одной стороне (рис. 12, 19; рис. 13, п. 18, 4; рис. 18, 1, 2). Его диаметр 5–5,8 см. Выше правой тазовой кости находилась крупная кремневая ножевидная пластина с прямой спинкой, длиной 10 см и максимальной шириной 2 см, с загнутым резцово – скребковым острым концом, подработанным крупной крутой ретушью (рис. 12, 16; рис. 13, п. 18, 5).

Поперек таза и за его пределами лежали параллельными рядами, плотно друг к другу, низки из плоских раковинных и коричневых каменных(?) бус (рис. 13, п. 18; рис. 18, 2–4). Они представляли собой остатки украшения от нижней части рубахи или пояса. Всего здесь найдено целых коричневых бус – 570 штук, в обломках – 45. Целых бус из створок раковин 730 штук, в обломках – 350 штук. Низки из этих бус в 10–12 рядов опоясывала вокруг весь тазовый отдел. Поэтому они зафиксированы и под тазовыми костями. Кисти рук покойника лежали на низках бус. Под нижним рядом бус расположены 5 створок от морских раковин с отверстиями, с помощью которых они крепились к нижней части «пояса». Четыре – на правом крыле тазовой кости и одна на – левом (рис. 18, 3, 4). Диаметр морских раковин 2,8–3,2 см. Кроме того, мелкие плоские бусы в один ряд лежали вдоль костей каждой ноги, с обеих сторон, как бы обозначая контуры «штанин», на которых крепились.

Раскоп 1985 г. Погребение № 19 (рис. 10, 19; рис. 16, 11) – **взрослого человека**. Расположено на самом краю волжского обрыва в кв. 24–А, на уровне светло-коричневого суглинка, на глубине 115 см от современной поверхности и 461 см от 0г. Форма могильной ямы не прослеживалась. Дно могилы потревожено норами. От скелета сохранилось несколько фрагментов ребер, кости таза, ступней и нижние части берцовых. Череп отсутствовал. Дно могилы и кости были покрыты красной охрой, наибольшее скопление которой фиксировалось на тазовых костях и ребрах.

Судя по сохранившимся костям, скелет взрослого человека возрастом около 40(?) лет лежал в сильно скорченном положении на спине, ориентирован черепом на ВСВ. Ноги располагались коленями вверх, слегка завалившись вправо, и были сильно поджаты пятками к тазовым костям. На правом крыле таза лежала часть фаланги от пальца, позволявшая полагать, что кисть правой руки лежала в области таза.

Инвентарь:

1. Между пяточными костями и тазом лежали фрагменты стенок неорнаментированного серо-глиняного сосуда с примесью толченых раковин в глине (рис. 19, 4, 5, 7).

2. 183 плоские бусины округлой формы с отверстием в центре (рис. 20, 6, 7). Большинство из них изготовлено из коричневого камня(?), 9 из створок раковин. Раковинные бусины большего диаметра. Два параллельных ряда бусин фиксировались под ребрами. Шесть бусинок лежали на правом крыле таза. Под тазовыми костями и около них бусы располагались по пять параллельных рядов и представляли собой, вероятно, остатки пояса или нижней части рубахи. Отдельные низки бус встречены также ниже таза. Под фалангами стопы правой ноги сохранилась низка бус, которыми, вероятно, обшивался край штанины.

В ЮВ углу кв. 23 (пласт 40–60 см) встречено три обломка от ребер чело-века, окрашенные красной охрой. В пласте 60–80 см (кв. 24) найден каменный зооморфный «скипетр» (рис. 21, 1). Фрагменты ребер и скипетр, вероятнее всего, происходят из, ближе всего расположенного в соседнем кв. 24-А и частично разрушенного данного захоронения. По всей длине скипетра только с одной стороны есть сплошной слой красной охры толщиной 1 мм. Это указывает на то, что скипетр происходит из энеолитического погребения. Он отдаленно напоминает стилизованную фигурку кабана(?) или лошади(?). Предмет почти весь шлифованный, темно-серого цвета со светло-серыми пятнами и вкраплениями золотистого пирита. Его длина 9 см, ширина в средней части 4 см, толщина бруска 2,5 см. Ширина заполированного конца 3,5 см, а противоположного, более узкого, обушкового, забитого или «пикетированного»(?) – 2,2 см. На более выпуклой или «горбатой» средней части оставлен выступ в виде рельефного валика. На противоположном боку есть четыре «нижних выступа» – цапфы, благодаря которым скипетр – фигурка может ставиться на плоской поверхности. Два выступа расположены рядом друг с другом в средней части, остальные – на противоположных его концах. Вероятно, весь скипетр первоначально был заполирован, в том числе и его «обушково-пикетированная» часть.

Погребение № 20 (рис. 10, 20; рис. 19, 10) девочки(?). Расположено в кв. 46, на глубине 70–80 см от поверхности и 415 см от 0г, на уровне светло-коричневого суглинка с гравием. Поэтому форма могилы не прослеживалась, дно могилы испорчено норами. От скелета сохранились фрагменты черепа, таза и ног ребенка. Кости скелета принадлежат ребенку возрастом менее 14 лет, около 8–10 лет, возможно, девочке(?). Судя по сохранившимся костям, скелет лежал на спине, в сильно скорченном положении, черепом на СВ. Ноги были согнуты в коленях, завалились вправо. Все кости покрыты тонким слоем охры, как и сохранившаяся часть дна могилы. Наибольшая концентрация охры наблюдалась на тазовых костях и на сохранившейся части дна. Рядом с мелкими костями грудной клетки лежал таранная кость джейрана. Около костей черепа, грудной клетки и таза, встречено 8 целых плоских бусин из камня и одна в обломках (рис. 20, 3).

В том же кв. 46 (пласт 40–60 см), где расположено данное погребение, обнаружены фрагменты от одного орнаментированного круглодонного хвалынского-бережновского сосуда со слабо отогнутым воротничковым венчиком, с примесью толченых раковин в тесте, окрашенные красной охрой (рис. 19, 6;

рис. 20, 1, 2). В ЮВ углу кв. 46 (пласт 80–100 см) найдена костяная трубочка с прямо срезанными концами, слабо окрашенная красной охрой (рис. 19, 1). Ее длина 10 см, диаметр 1,7–2,2 см. Фрагменты энеолитической керамики и костяная трубочка, скорее всего, происходят из данного частично разрушенного погребения.

Погребение № 21 (рис. 10, 21; рис. 13, п. 21; рис. 18, 5) – взрослое мужское. Расположено на глубине 135 см от уровня современной поверхности и 445 см от 0г. Могильная яма прямоугольной формы размером 1,1–1,3 x 2–2,1 м, ориентирована длинными сторонами по линии СВ–ЮЗ. Она заполнена плотным светло-коричневым суглинком, с гравием, перемешанным с гумусом. В заполнении, по всей площади, встречались мелкие вкрапления красной охры. В культурном слое, над могилой, охра не зафиксирована. В заполнении могилы встречено ядрище от окаменелой конкреции овальной формы с желобком посередине (рис. 21, 7). Стенки могилы, в основном слегка, покатые, СЗ – прямая и отвесная, в некоторых местах испорчены норами. Могильная яма углублена в материковую опоку на 40–50 см.

На дне могилы, ближе к СЗ стенке, лежал скелет мужчины в возрасте около 55 лет, в скорченном положении, на спине, черепом на СВ. Череп слегка наклонен вправо и к грудной клетке. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте и кистью помещена на левом крыле таза. Ноги согнуты коленями вверх, слегка наклонились вправо.

Дно могилы, весь инвентарь и скелет посыпаны красной охрой при наибольшей ее концентрации на костях правого плеча, локтей, кистей рук, ступней, тазовых и вдоль позвоночника. В заполнении могилы, на 20 см выше дна, за черепом, около СЗ стенки лежала кость, вероятно, мелкого рогатого скота(?) и костяной гарпун с односторонним зубцом и выступом – насадом (рис. 13, п. 21, 1; 21, 4). Длина изделия около 9 см, толщина ствола 0,5 см, сечение уплощенное, насад отколот. Рядом с гарпуном лежало 8 плоских бусинок из камня (рис. 19, 2). При этом они концентрировались между основанием гарпуна и его зубцом. Не исключено, что бусы являются остатками чехла – футляра для хранения гарпуна, который они украшали.

Второй костяной гарпун – с двусторонним зубцом, овальным сечением ствола и лопатковидным насадом (рис. 13, 5; рис. 21, 5), встречен в заполнении ямы, на 15 см выше дна, в 30 см к юго-востоку от левого плеча. По краям насада имеются выступы для крепления гарпуна. Вдоль гарпуна, между насадом и зубцом, лежали 3 плоские бусины из камня, вероятно, также являвшиеся украшениями чехла – футляра (рис. 21, 5).

Между гарпуном и левым плечом покойника лежала мелкая кремневая ножевидная реберчатая пластина длиной 2,8 см, шириной 0,5–0,6 см, с односторонней ретушью (рис. 13, 3; рис. 19, 3). Рядом находился крупный кремневый отщеп (рис. 13, п. 21, 4; рис. 20, 4).

Около левого локтя покойника лежало каменное зооморфное навершие – «скипетр», символизирующий голову «взнузданной» лошади (рис. 13, п. 21, 6; рис. 21, 2). Он был покрыт сверху ровным и сплошным слоем красной охры. Предмет изготовлен из темно-зеленого камня, со светло-зелеными вкраплениями. Длина изделия 11,5 см, ширина 3,7 см, толщина 1,8–1,9 см. Скипетр имеет форму овального бруска, закругленного с одной стороны и пристреленного с другой. Ближе к обушковой части, на ребре, имеется шишеч-

ка или «цапфа» высотой 1 см. Все изделие первоначально полировалось, а следы забитости (пикетажа), имеющиеся на обушковой части, вероятно, появились позже. На противоположном, не пикетированном, конце предмета, с двух сторон, имеется однотипный орнамент, в виде длинного двустороннего валика по краю, соединенного коротким поперечным валиком.

Около правого бедра была положена песчаниковая абразивная плитка трапециевидной формы, заглаженная с очной стороны и заостренная с двух краев (рис. 13, п. 21, 6; рис. 21, 8). Размер плитки 5 x 5 см, толщина 0,7–0,9 см. Рядом с пяточными костями встречен второй кремневый концевой скребок на отщепе, с высокой спинкой и крупной ретушью (рис. 13, п. 21, 8; рис. 20, 5).

Рядом с локтем правой руки лежали в ряд четыре костяные трубочки, почти полностью разрушившиеся и треснувшие (рис. 21, 6). Они, вероятно, изготовлены из костей конечностей крупной птицы. Один конец у трех трубочек более узкий, а противоположный расширен. При этом эти три предмета положены узким концом в одну сторону, а широким в другую. Все четыре трубочки разного размера. Длина самой короткой четвертой трубочки, имеющей оба расширенных конца и помещенной ближе всех к скелету – 19 см. Остальные три изделия на 1–3 см длиннее и положены в строгой последовательности по мере возрастания их длины. Таким образом, самая короткая трубочка помещена ближе к скелету, а наиболее длинная дальше. При этом трубочки лежали довольно потно друг к другу, с учетом соответствия их формы. Они представляют собой остатки единого предмета, так называемой мифологической «флейты Пана».

В 10–12 см к ВЮВ от четырехствольной «флейты», около СЗ стенки, в заполнении ямы, на 20 см выше дна лежала кремневая ножевидная пластина с боковой ретушью, прямой спинкой, трапециевидного сечения (рис. 13, п. 21, 9; рис. 21, 9). Длина пластины – 10 см, ширина основания – 2 см.

Около левого плеча в норе встречена неорнаментированная стенка от сероглиняного лепного сосуда со следами выгоревшей органической примеси и, вероятно, раковин (рис. 13, п. 21, 2). Кроме того, зафиксированы три скопления каменных и плоских раковинных бусин в области правого плеча, правой части грудной клетки и вдоль лучевой кости правой руки. Всего в захоронении найдено 40 целых бусин с отверстиями: 31 из коричневого камня(?) и 9 из раковины (рис. 19, 2).

В СВ углу кв. 45 (пласт 80–100 см) встречен костяной гарпун с двумя односторонними зубцами, один из которых клювовидный, а другой – обломан (рис. 21, 3). Длина изделия 8,5 см, толщина 7 мм. Для крепления гарпуна в насаде вырезан желобок. Гарпун изготовлен из расколотой вдоль трубчатой кости. Он, вероятно, происходит из ближе всего расположенного данного погребения.

Раскопки 1986 года. Погребение 22 – взрослое. Расположено в кв. 47 и 49, в прямоугольной материковой яме размером 80 x 150 см, ориентированной по линии СВ–ЮЗ, глубиной в материке 15 см и 390 см от 0г (рис. 10, 22; рис. 17, 1). На ее дне лежал скелет взрослого человека, в скорченном положении, на спине, черепом на СВ. Ноги согнуты коленями вверх и зафиксированы в таком положении, слегка наклонились влево. Левая рука вытянута вдоль туловища. Локтевые кости правой руки сдвинуты землероями. Судя по сохранившимся фалангам пальцев, она также была вытянута вдоль туловища.

Весь скелет и дно могилы слабо посыпаны красной охрой. Череп слегка наклонен к правому плечу, зафиксирован почти в вертикальном положении. Вероятно, под ним ранее была подушечка. В ногах встречена створка речной раковины. В области грудной клетки лежала сломанная кремневая изогнутая реберчатая ножевидная пластина (рис. 17, 1/1, 2).

Чуть выше дна могилы, в засыпке, слева от костяка, около берцовых костей лежал развал крупного лепного сероглиняного сосуда в очень мелких обломках, с тонкими стенками и примесью раковин (рис. 17, 1/2, 3). Восстанавливается только крупное округло – «ладьевидное» днище и придонная часть тулова, резко сужающаяся кверху. Наибольшее расширение овального тулова приходится непосредственно на придонную часть, которая в профиле овально – асимметрична. Все это придает сосуду «грушевидную» форму. Он имел орнамент, который не сохранился, так как внешняя поверхность почти вся отслоилась. В некоторых местах слабо просматриваются мелкие ямочные вдавления.

Заключение. Первоначально высокая площадка – останец правого берега Волги около подножья Хлопкова бугра использовалась как культурное пространство Хлопковского энеолитического могильника ХЭК. Однако анализировать и интерпретировать в функциональном плане его территорию, как остаток особого культурного места и мифологического пространства, где осуществлялись поминально – погребальные ритуалы, крайне затруднительно. Объясняется это тем, что затем здесь расположилось поселение, жизнь на котором продолжалась до эпохи позднего средневековья включительно.

Так или иначе, Хлопковский и Хвалынский могильники находятся на естественных возвышениях. Для устройства Хвалынского могильника также было использовано небольшое естественное всхолмление, где искусственная насыпь не прослежена [Василев, 1981 С. 39]. Устройство бескурганых могильников на естественных возвышениях характерно не только для данных памятников ХСКИО, но и для некоторых других постмариупольских культур степной и лесостепной зон Восточной Европы. Например, новоданиловские энеолитические грунтовые комплексы, не имевшие первоначально курганных насыпей, отмечены у скотоводов северо-западного Причерноморья [Яровой, 2000. С. 15–16].

Сохранившаяся часть Хлопковского могильника расположена на крутом «курганно-образном» склоне площадки, повышающемся к ЮЗ части (рис. 10). Нивелировочные отметки по современной поверхности показывают что, перепад высот между верхней – западной и нижней – восточной окраиной могильника достаточно значителен и составляет около 3 м. Площадь, которую занимает могильник, вытянута в виде подпрямоугольного овала по линии СВ–ЮЗ. Внутри этого культурного места погребения расположены достаточно компактно, с соблюдением некоего интервала и обособленности, не нарушая друг друга. Вероятно, данная территория служила особым культовым местом и мифологическим пространством, где осуществлялись регламентированные поминально-погребальные ритуалы определенного родоплеменного коллектива. В планиграфии могильника просматриваются ряды как по линии СВ–ЮЗ, так и по линии ЮВ–СЗ, судя по которым значительная часть памятника разрушена волжским обрывом. То есть, он был гораздо крупнее, чем удалось исследовать охранными раскопками.

Для захоронения Хлопковского могильника характерны общие обрядовые показатели ХЭК: неглубокие прямоугольные могильные ямы, обильная посыпка красной охрой умерших и дна могилы, трупоположение или ингумация скорченно на спине, ориентировка черепом на СВ, или вверх по течению реки Волги. Размеры могильных ям соответствуют, прежде всего, возрасту и росту погребенных или системе возрастных классов, но не более того. В виде исключения иногда встречаются отклонения в позах, особенно в положении рук. Иногда череп стоял на основании, то есть первоначально покоился как бы на подушечке, часто наклонен лицевой частью к правому, а иногда и к левому плечу. От Хвалынского могильника Хлопковский отличается тем, что в нем нет ярусных захоронений и практически не использовались каменные заклады. Исключение составляет только погребение № 10, где сверху был положен крупный камень. Могильные ямы не прослежены в тех случаях, когда погребения (№ 11, 16, 17) располагались не глубже уровня материка или в суглинке с гравием. Учитывая этот и другие показатели, а также скорченное положение погребенных на спине коленями вверх, можно полагать, что над ямами всех захоронений обязательно должны были быть надмогильные насыпи.

Парное захоронение взрослое, с расчленением и вторичным скелетом, только одно (п. № 4). Оно выделяется в могильнике сочетанием отчленения черепа (головы) у мужского скелета и существенной некомплектностью «вторичного» женского. Вторичным – некомплектным является также погребение № 14. Расчлененные и вторичные захоронения древнеямной культуры впервые были обнаружены в Нижнем Поволжье И.В. Синецким и К.Ф. Смирновым. Константин Федорович выявил в Политотдельском кургане № 3 погребение № 8 с отсеченным черепом. Захоронение только одного черепа с нижней челюстью и шейными позвонками И.В. Синецын раскопал в могильнике Бережновка-III (к. № 29, п. 5). В Ровненском могильнике полностью отсутствовал череп, левая рука и правая нога, а разрушенные части левой ноги – берцовые кости со стопой, лежали в анатомическом сочленении около бедра выше колен [Синецын, 1966. С. 4–5]. Исследователь находил таким обрядовым особенностям древнеямной культуры отдаленные территориальные аналогии на Ангаре, которые по А.П. Окладникову трактовались как, культ «человеческой головы или черепа умершего» [Синецын, 1960 С. 145–146]. И.В. Синецын полагал, что такой исключительный погребальный ритуал зародился у племен «ямной культуры» Нижнего Поволжья весьма рано [Синецын, 1966. С. 5]. На основании материалов БЭКТП, Задонно-Авиловского, I Хвалынского и Хлопковского могильников можно констатировать, что погребальный обряд расчленения, вторично-некомплектных и погребений без черепа (головы) присутствует в ХЭК. Однако он практиковался на данных родовых энеолитических или большесемейных кладбищах очень редко, в особых случаях, и только для какой-то категории взрослых людей.

Инвентарь представлен керамикой; украшениями из створок раковин, белых раковинных и коричневых каменных(?) бус; другими изделиями из кости и камня. В целом остродонная и круглодонная хлопковская сероглиняная керамика по форме, орнаментации и примеси ракушки в тесте характерна для ХЭК, одним из опорных памятников которой и является Хлопковский могильник. Она ставилась далеко не всем погребенным и происходит только

из 7 захоронений. При этом, в детских захоронениях сосуды встречаются чаще, чем во взрослых, которые в большинстве случаев безынвентарные. Между хлопковскими погребениями и БЭКП есть еще одна общая обрядовая деталь – установка сосудов на дне могилы в перевернутом виде – на устье, то есть вверх дном – пустыми.

Фрагмент стенки сосуда с ложноверевочным орнаментом обнаруженный на осыпи около погребения 1, мы не можем бесспорно относить к данной могиле. Отметим, что воротничок на хлопковских фрагментах венчиков от одного сосуда (рис. 20, 1, 2) по профилировке выражен слабее и несколько иной, чем на керамике СЭК и ПЭК. Судя по форме и орнаментации, хлопковская керамическая молоточковидная или рогатая фигурка из п. 4, может оказаться связанной семантически с более поздними костяными булавами. Это самая ранняя находка энеолитической глиняной зооморфно-ритуальной пластики мелкого рогатого животного в Нижнем Поволжье. Верхняя часть рогатой Хлопковской фигурки перекликается со среднестоговскими и трипольскими. В керамической пластике Триполья представлены близкие по форме ритуальные изображения рогатых животных [Черныш. 281., табл. LXIV-5, 15, 16].

Самую многочисленную категорию инвентаря составляют бусы из коричневого камня или керамики(?), а также створок раковин, которыми иногда полностью украшался пояс, штанины и другие детали костюма (п. 19, 18), а также чехлы – футляры некоторых гарпунов (п. 21). Бусы встречаются во взрослых мужских (п. 5, 18, 21), женских (п. 2, 13) и погребениях девочек (п. 12, 20). В погребениях представительниц женского пола они располагались на костюме иначе и в гораздо меньшем количестве, чем у мужчин. Бусы присутствуют только в 8 захоронениях могильника, а в остальных они отсутствуют. Коллекция включает 1631 экземпляр целых коричневых (876) и раковинных (755) бусин. Учитывая обломки в п. 18, общее количество раковинных бус можно условно увеличить не более чем на 100 экземпляров. Более 1300 бусин (считая обломки раковинных) происходит из мужского погребения № 18. Это резко выделяет его среди остальных по данному показателю и по украшению костюма в целом. Здесь раковинных бус больше чем коричневых.

Особый интерес вызывают коричневые (керамические?) бусы, представленные несколько большим количеством, чем раковинные. Они имеют форму плоских цилиндров с отверстием в центре, высота которых меньше их диаметра, то есть их толщина больше раковинных. Хлопковские коричневые бусы по размерам и форме очень близки к известняковым бусам трипольской культуры [Черныш, 1982. С. 279, табл. LXII-59]. Происхождение коричневых бус и материал, из которых они изготовлены, пока еще не выяснено. По заключению специалистов петрографической лаборатории НИИ Геологии СГУ материалом для данных бус могла служить глина. В процессе раскопок памятника было замечено, что слои очень твердой и плотной пластинчатой глины хорошо представлены в волжских обрывах – обнажениях из округи «Хлопкова Бугра». Не исключено, что из очень твердых пластин этой глинообразной и плотной породы они и изготавливались, а затем, возможно и обжигались. Судя по публикациям, коричневые, не раковинные, бусы отсутствуют в Хвальнских могильниках и среднестоговской культуре. Если это так, то это очень существенный индикатор.

Раковинные бусы более плоские, чем коричневые. Они выглядят в виде обточенных дисковидных кружочков, с центральным просверленным отверстием. Наиболее вероятно, что в Нижнем Поволжье традиция изготовления дисковидных бус с отверстием из раковин, в том числе и ископаемых, распространилась из приморских районов Прикаспия, где они известны и в энеолите. Вероятно, бусы также поступали в ХЭЖ в результате связей и обмена. В какой-то степени они могли выполнять здесь функцию определенного эквивалента или «первобытных денег» при обмене. Тем более, что распространение украшений из раковин иногда рассматривают в качестве ярких образцов развития регулярных «торговых отношений» в результате миграций охотников – рыболовов [Кларк, 1953. С. 242–245]. По мнению В.И. Марковина аналогичные украшения появились в древней Чечне от дагестанских племен, в результате связей с Приморско-Прикаспийскими районами [Марковин, 1963. С. 130]. Плоские дисковидные бусины из морских раковин обнаружены в разных горизонтах энеолитического поселения Аликемектепеси в юго-восточной части Закавказья, в Азербайджане [Мунчаев, 1981. С. 119, 157, табл. XLV-14–16]. Находки морских раковинных бус, известные на дюнных стоянках Прикаспия, в культурных слоях пещеры Джебел, близ станции Кайлю, на п-ве Мангышлак, на верхнем Узбое и в левобережье Аму-Дарьи, скорее всего, поступали в отдаленные регионы из приморских районов в результате обмена [Виноградов, 1955. С. 138–139].

Такого рода нашивки бус из створок морских раковин в большом количестве найдены в погребении могильника Тумек-Кичиджик в левобережье Амударьи, обладающем некоторой близостью с энеолитическими самарскими и хвалынскими древностями [Виноградов, 1981. С. 114–115; Виноградов и др. 1986]. Вместе с тем, там бусы концентрировались и нашивались в других местах одежды, чем в ХЭЖ. Целые створки морских раковины из п. 2, по определению научных сотрудников НИИ Геологии СГУ, относятся к семейству *Yucumeridae* род *Yucumeris*, известному в миоцене-плиоцене Западной Украины, Европы и на юге бывшего СССР, а также до сих пор распространенному в Средиземном море.

Традиция украшать створками раковин одежду, а также расшивать ее костяными бусами, в Восточной Европе восходит к верхнему палеолиту. Так, например, общее число костяных бус на Сунгире достигает 10 тысяч [Бадер, 1978. С. 165–170]. Здесь в погребении лентя, из тройного ряда плотно нанизанных бус, нашита на головной убор. На туловище, руках и ногах располагалось семь поперечных рядов бус. Костяными бусами расшита обувь, а вертикальными рядами штаны. О.Н. Бадер полагал что, сунгирец был одет в праздничный обрядовый костюм арктического типа [Бадер, 1967. С. 154–156]. Крупными костяными трубчатыми пронизками был расшит головной убор в п. 2. Орнаментированные костяные пронизки из более тонких трубчатых костей присутствуют в п. 18. Вероятно, носители ХЭЖ продолжали очень древнюю Восточно-Европейскую верхнепалеолитическую традицию в типе одежды и в ее украшении.

В Хлопковском могильнике достаточно выразительны и разнообразны изделия из кости: 4 гарпуна (п. 18, 21), 3 «флейты Пана» (рис. 17, 5; рис. 19, 1; рис. 21, 6), нож (п. 2, рис. 12, 4), оселок – запор для ремня (п. 18, рис. 12, 18), пронизки – украшения (п. 2, рис. 12, 3; п. 18, рис. 12, 10, 15), подвеска из клыка

животного (п. 1, рис. 12, 8). Из оружия более всего представлены гарпуны (рис. 12, 17; рис. 21, 3, 5), являвшиеся орудием мужского рыбного промысла. Они присутствуют среди выразительных костяных изделий в двух погребениях мужского пола № 18 и № 21, один из которых сопровождался еще и скипетром. Костяным ножом, пронизками и другим инвентарем выделяется погребение № 2, принадлежащее ребенку 7–8 лет.

Из трех трубочек – «флейт» наиболее интересны две. Одна с тремя отверстиями (рис. 17, 5), другая четырехствольная (рис. 21, 6, п. 21). Горизонтальные и вертикальные флейты-аэрофоны, многоствольные и двойные флейты-авлос, дожившие на ряде территорий до наших дней, рассматривают в качестве культовых музыкальных предметов древних и кушанских скотоводов. Их не безосновательно связывают с пастушеской культово-религиозной сферой и погребениями певцов-служителей культа [Синюк 1996. С. 294–297; Мешкерис, 1999. С. 147–149]. К этой категории относятся и хлопковские флейты, которые, судя по деталям, принадлежали к разным одноствольным и многоствольным музыкальным инструментам. Своеобразная одноствольная флейта из погребения девочки «певца – служителя культа», имеющая три отверстия, заслуживает специального рассмотрения. Многоствольная флейта встречена в погребении № 21 вместе со скипетром. Таким образом, в данном захоронении сочетается символ власти и предмет культово-религиозной сферы.

Изделия из камня представлены скипетрами, теслом, абразивной плиткой, боласом, кремневыми ножевидными пластинами и скребками на отщепках. Отсутствие кварцитовых и присутствие кремневых орудий позволяет считать Хлопковский могильник ранним памятником ХЭК. Это подтверждается хлопковскими радиоуглеродными датами и вороничковой керамикой, а также отсутствием в могильнике медных предметов.

Два скипетра из Хлопковского могильника уже привлекли внимание многих специалистов. Они неоднократно публикуются и интерпретируются, в том числе и в связи с обсуждением проблем доместикации и становлением культа лошади. Культ коня в Нижнем Поволжье стал складываться еще до появления ХЭК. Начало коневодства, становления культа коня в степном и лесостепном Поволжье связывается с более ранней СЭК МКИО, где распространены костяные фигурки лошади, устраиваются жертвенники с черепами и другими ее костями [Синюк, 1995; Васильев, Овчинникова, 2000. С. 222]. В Хвальнском и Хлопковском могильниках ХЭК обнаружены несколько ранних скипетров – символов власти, трактуемых исследователями как стилизованные изображения уже домашнего животного с мягкой ременной уздой [Дергачев, 2005]. Есть возражения, что зооморфные скипетры стилизованно изображают именно взнузданных коней, тем более, что пока трасологический анализ данных изделий не проводился [Трифонов, Избитцер, 1997]. Вероятно хлопковские скипетры одновременны, так как найдены в одном могильнике. Они совмещали в себе не только культовые, но утилитарные функции, поскольку с одной узкой не полированной стороны «забиты» или «пикетированы», как песты или отбойники.

Один скипетр (рис. 21, 1), встреченный рядом с погребением № 19 взрослого человека, включают в первую промежуточную группу реалистичных наверхий [Дергачев, 2005. С. 57, рис. 20, 1, С. 60, рис. 21, В]. При этом исследователи обычно воспроизводят его четырьмя «цапфами» или «ножками»

вверх, а дугообразной частью вниз, в виде «курносой лошади с отвисшим животом»²². Это стремление можно объяснить тем, что расположенный цапфами вверх, он более всего подходит под реконструируемый способ крепления стилизованных скипетров к деревянной коленчатой рукояти. Хотя исследователи не объясняют, каким образом тогда воспринимается эта фигурка, перевернутая четырьмя цапфами вверх. Как лошадь, у которой две цапфы в середине (возможно уши?), третья венчает кончик носа, а четвертая - заднюю часть около начала хвоста? Никто не аргументировал, каким образом крепился этот скипетр к коленчатой рукояти за четыре верхних односторонних упора - цапфы? Вместе с тем, наличие охры только на одной стороне предмета ставит под сомнение возможность скрепления его обушковой («пикетированной») части с расширенной деревянной коленчатой рукоятью. Если такая рукоять и могла крепиться к скипетру, то в погребение он, вероятно, был помещен без нее.

Поэтому такое восприятие и трактовка данного скипетра вызывает много спорных вопросов. Дело в том, что если фигурка стоит на цапфах, то она воспринимается более реалистично, а не как «курносая лошадь», рогатое животное или «носорог». На цапфах фигурка уверенно стоит на плоской поверхности и воспринимается как скульптурное изображение животного, неважно какого, лошади или кабана²³.

Что касается скипетра из п. 21 (рис. 21, 2), то его обычно относят к более поздней конечной группе, характеризующейся предельно усложненной или схематичной формой [Дергачев, 2005. С. 54, рис. 19, 12, С. 60, рис. 21, С]. Обычно принято считать имеющийся на нем желобчатый или валиковый орнамент имитацией мягких конских удил типа намордника, изобретенного для приручения лошади. Здесь контуры валиков и «цапфы» подчеркнуты резными или выбитыми линиями. Все Восточно-Европейские скипетры данной группы изготовлены по одному строгому канону, с соблюдением определенной знаковой и культурной нормативности. Вероятно, скипетры типа Хлопкова - Архары являлись культурным знаком носителей энеолитической историко-культурной области, представленной памятниками ХЭК и ХСКИО.

Судя по конструктивным особенностям, здесь изображены не удила, а мягкий ременный намордник или недоуздок. Им пользуются и современные коневоды, чтобы обезопасить себя от возможных укусов такого строптивного животного как лошадь, когда начинают работать с ней «в руках», выявляя способности, приручая и приучая к управлению человеком без запряжки [Ковалевская, 1977]. Как знаки власти, такие скипетры символизировали уже элитарную систему управления, «типа недоуздки», которая еще только стала

²² Несколько иной вариант нашей публикации данного скипетра воспроизвел И.Б. Васильев [Васильев, 2003. С. 83, рис. 3, 47]. По недоразумению, со ссылкой на публикацию другого исследователя, он ошибочно воспроизводится как, якобы, происходящий из I Хвалынского могильника [Рындина, Дегтярева, 2002. С. 78, рис. 31, 7; Археология, 2006. С. 167, рис. 7].

²³ Так она сейчас экспонируется в СОМК и воспринимается посетителями музея как скипетр - фигурка лошади или кабана. Наши попытки экспонировать ее цапфами вверх оказались неудачными, поскольку тогда она не устанавливается на плоской поверхности и посетители музея не воспринимали предмет в качестве фигурки животного. Если этот скипетр экспонировать закрепленным в рукоять, в виде жезла с навершием, то большая часть фигурки будет скрыта от обзора. Вряд ли такой вариант использования и восприятия скипетра планировался изготовителем.

складываться в энеолитических обществах Нижнего Поволжья. Они также могут указывать на начало процесса приручения и domestikации лошади.

Костяные гарпуны и створки речных раковин свидетельствуют о том, что популяция людей, оставившая могильник, специализировалась на рыбной ловле. Судя по боласу и кости джейрана (п. 20)²⁴, они также занимались охотой. Кости животных в погребениях встречены в единичных случаях. Среди них кости домашних видов пока не выявлены. Можно констатировать, что кроме рыболовства другим видом хозяйственной деятельности хлопковцев была охота. Данных о том, что скотоводство было одним из ведущих способов ведения хозяйства хлопковцев, кроме скипетров нет. Следовательно, хозяйство у них было, в основном, рыболовческо-охотничьим.

По возрастному составу в могильнике захоронены, преимущественно, взрослые люди – 17 скелетов, остальные детские и подростковые. Мужских и женских скелетов приблизительно равное количество. Ребенок до 1 года лишь один (п. 17), но он сопровождался инвентарем. В целом детская смертность здесь не высокая.

Из 21 исследованного энеолитического погребения инвентарь отсутствовал в 8: № 3, 7, 8, 10, 11, 14–16. Среди индивидуальных погребений, выделяются три социально-значимые взрослые мужские захоронения № 18, 19, 21, с более многочисленным, престижным (скипетры, гарпуны и др.) и религиозно-культурным инвентарем (флейта), а также богато украшенными бусами костюмами. В погребении 21, сочетающем скипетр и флейту, захоронен мужчина, возрастом около 55 лет. Здесь представлены также два костяных гарпуна, абразивная плитка, две кремневые ножевидные пластины и два отщепца. Эти погребения указывают на начало отхода от эгалитарности и формирования элиты в ранних сложных скотоводческих обществах степной Евразии эпохи энеолита. В патриархальном позднем родовом обществе, оставившем Хлопковский могильник общинного типа, еще только стали проявляться первые признаки становления сложных образований скотоводческого ХКТ Нижнего Поволжья и Прикаспия.

Литература:

Агапов С.А. Металл степной зоны Евразии в конце бронзового века. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1990.

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник // АО 1977 года. М., 1978.

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский могильник и его место в энеолите Восточной Европы // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1979.

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник. Куйбышев - Саратов, 1990.

Агапов С.А., Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П. Срубная культура лесостепного Поволжья (итоги работ Средневолжской археологической

²⁴ Вряд ли оставшийся не определенным палеозоологический материал изменит ситуацию относительно домашнего вида лошади. Погребение № 12 девочки с флейтой содержало череп мелкого рогатого скота, но домашнего или дикого пока не определено.

экспедиции) // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983. С. 6–58.

Акишев К., Акишев А., Хабдулина М. 2003. Предисловие // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1. Астана, 2003.

Амирханов Х.А. Северокаспийский регион – специфический очаг мезо-энеолитических культур // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Куйбышев, 1990.

Артамонов М.И., Кривцова-Гракова О.А. Бронзовый век на территории СССР // БСЭ. Т. 6. М., 1951.

Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960.

Археология. Учебник для высш. уч. заведений. Под редакцией В.Л. Янина. Коллектив авторов. М., 2006.

Астафьев А.Е. Поселение Коскудук-I – памятник финального этапа оюклинской культуры Восточного Прикаспия // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, 2006.

Бадер О.Н. Погребения в верхнем палеолите и могила на стоянке Сунгирь // СА. 1967. № 3.

Бадер О.Н. Сунгирь. Верхнепалеолитическая стоянка. М., 1978.

Баллод Ф.В. Приволжские «Помпеи»: (опыт художественно-археологического обследования части правобережной Саратовско-Царицынской приволжской полосы). М. – Пг., 1923.

Барынкин П.П. Кызыл-Хак-I – новый памятник позднего энеолита Серенного Прикаспия // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1986.

Барынкин П.П. Степное Поволжье и Поднепровье в период энеолита (к проблеме культурогенеза и связей) // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2004.

Барынкин П.П., Козин Е.В. Стоянка Лебяжинка-I и некоторые проблемы соотношения нео-энеолитических культур в степном и южном лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995.

Берднов С.И. Опыт трасологического анализа кварцитовых орудий стоянки Алтата // Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция. Тезисы докладов. Уфа, 1996.

Борисов А.В., Демкина Т.С., Демкин В.А. Палеопочвы и климат Ергеней, в эпоху бронзы IV–II тыс. до н. э. М., 2003.

Бочкарев В.С. Периодизация В.А. Городцова в контексте хронологических исследований европейского бронзового века // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001.

Васильев И.Б. Памятники бронзового века в окрестностях г. Куйбышева // Самарская лука в древности. Краеведческие записки. Вып. III. Куйбышев: Куйб. обл. муз. Краевед. 1975.

Васильев И.Б. «Загадочная» керамика // Самарская лука в древности. Краеведческие записки. Вып. III. 1975а.

Васильев И.Б. Лесостепное Поволжье в эпоху энеолита и ранней бронзы. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1979.

Васильев И.Б. Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы // Древняя история Поволжья. Научн. тр. КГПИ. Т. 230. Куйбышев, 1979а.

Васильев И.Б. Энеолит лесостепного Поволжья // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Тезисы. докл. Оренбург, 1980.

Васильев И.Б. 1980а. Энеолит лесостепного Поволжья // Энеолит Восточной Европы. КГПИ. Т. 236. Куйбышев, 1980а.

Васильев И.Б. Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). Учебное пособие. Куйбышев, 1981.

Васильев И.Б. Некоторые итоги и задачи исследования первобытных памятников лесостепного Поволжья (к 20-летию самарской археологии) // Древности Восточно-Европейской лесостепи. Самара, 1991.

Васильев И.Б. Хвалынская энеолитическая культура и сложение классической курганной «городцовской» культуры в Волго-Уральской степи и лесостепи // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001.

Васильев И.Б. Вольск-Лбище – новая культурная группа эпохи средней бронзы в Волго-Уралье // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003.

Васильев И.Б. Хвалынская энеолитическая культура Волго-Уральской степи и лесостепи // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. Самара, 2003а.

Васильев И.Б. Культурно-хронологическое соотношение мариупольских и хвалынских памятников в Поволжье // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конференции. Ч. I. М., 2003б.

Васильев И.Б. Некоторые итоги исследования хвалынской энеолитической культуры // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2004.

Васильев И.Б., Выборнов А.А. Нижнее Поволжье в эпоху камня и бронзы // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Волгоград, 1986.

Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолит Поволжья (степь и лесостепь). Учебное пособие. Куйбышев, 1988.

Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П. Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.

Васильев И.Б., Овчинникова Н.В. Энеолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара, 2000.

Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Памятники бронзового века в районе с. Алексеевка Хвалынского района Саратовской области // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976.

Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. Куйбышев, 1985.

Виноградов А.В. Неолитические украшения из створок раковин *Didacna* (По материалам раскопок в Северной Туркмении) // КСИА. Вып. 59. М., 1955.

Виноградов А.В. Неолитические памятники Хорезма. М., 1968.

Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М., 1981.

Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т. Древнейшее население низовий Амударьи (археолого-палеоантропологическое исследование). М., 1986.

- Выборнов А.А.* Неолит лесостепного Поволжья и его окружение // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конференции. Ч. I. М., 2003.
- Выборнов А.А.* О противоречии в периодизации неолита Доно-Волжской лесостепи и степи // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Межд. научн. конф. Липецк, 2006.
- Выборнов А.А.* Проблемы изучения неолита Волго-Камья // Известия СНИЦ РАН. Специальный выпуск «Актуальные проблемы истории, археологии, этнографии. Самара, 2006а.
- Гимбутас М.* Цивилизация Великой Богини: мир Древней Европы. М., 2006.
- Городцов В.А.* Бытовая археология. Курс лекций. М., 1910.
- Городцов В.А.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России. Отдельный оттиск из «Отчета» Ист. Музея за 1914 год. М., 1916.
- Городцов В.А.* Бронзовый век на территории СССР // БСЭ. Т. 7. М., 1927.
- Грязнов М.П.* Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казаки. Вып. II. Л., 1927.
- Демин А.М.* Реки и водохранилища Саратовской области // Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). Саратов, 2002.
- Деревягин Ю.В.* Отчет об археологических разведках в Саратовской области за 1968 год // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 3655, 3655а. 1968.
- Деревягин Ю.В.* Исследования в Саратовской области // АО 1968 года. М., 1969.
- Деревягин Ю.В.* Раскопки и разведки в Саратовской области // АО 1970 года. М., 1971.
- Деревягин Ю.В., Третьяков В.П.* Неолитическое поселение у с. Алтата в Саратовской области // СА. 1974. № 4.
- Дергачев В.А.* Особенности культурно-исторического развития Карпато-Поднестровья. К проблеме взаимодействия древних обществ Средней, Юго-Восточной и Восточной Европы // Stratum plus. № 2. СПб - Кишинев - Одесса, 1999.
- Дергачев В.А.* О скипетрах. Этюды в защиту миграционной концепции М. Гимбутас // Revista arheologică. Serie Nouă. Volumul I. Nr. 2. Chişinău, 2005.
- Дремов И.И., Юдин А.И.* Древнейшие подкурганые захоронения степного Заволжья // РА. 1992. № 4.
- Изотова М.А.* История изучения и историография памятников с валиковой керамикой эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья (1904-1980 гг.) // Проблемы истории российской цивилизации. Вып. II. Саратов, 2005.
- Императорский Русский Исторический Музей имени Императора Александра III в Москве.* Краткий путеводитель по музею. М., 1914.
- Зайберт В.Ф.* Энеолит Урало-Иртышского междуречья // Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1993.
- Зайберт В.Ф.* Богатская культура // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1. Астана, 2003.
- Зайцева Г.И., Тимофеев В.И., Дергачев В.А., Семенцов А.А.* Распределение радиоуглеродных дат археологических памятников мезолита и энеолита Европейской части России и корреляция их с изменениями природных процессов // Археология и радиоуглерод. Вып. 1. СПб., 1996.

Каргин Ю.Ю. Кружок юных краеведов «Искатели» города Балаково (о «малой» археологии Нижнего Поволжья в 1970–1990 гг. XX в.) // АВЕС. Вып. 5. Саратов, 2007.

Качалова Н.К. Племена Нижнего Поволжья в эпоху средней бронзы: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1965.

Качалова Н.К. О локальных различиях полтавкинской культурно-исторической общности // АСГЭ. Вып. 24. Л., 1983.

Качалова Н.К., Васильев И.Б. О некоторых проблемах эпохи бронзы Поволжья // СА. 1989. № 2.

Ким М.Г., Кригер В.А., Малов Н.М. Новые погребения начального этапа эпохи поздней бронзы степной зоны южного Приуралья // Всеобщая и отечественная история: актуальные проблемы. Саратов, 1993.

Киселев С.В. Неолитические племена Европы, Средней и Северной Азии в V–IV тысячелетиях до н. э. // Всемирная история. Т. I. М., 1956.

Киселев С.В. Бронзовый век СССР // Новое в советской археологии. МИА. № 130. М., 1965.

Киселев С.В., Окладников А.П. Земледельческие племена Европы // Всемирная история. Т. I. М., 1956.

Коробкова Г.Ф., Мандельштам А.М. Новые материалы неолитического времени с Мангышлака // КСИА. Вып. 127. 1971.

Кларк Грехэм. Доисторическая Европа. М., 1953.

Кузьмина Е.Е. Роль Северного Прикаспия в истории культур степной полосы Восточной Европы в эпоху становления производящего хозяйства // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Тезисы. докл. Оренбург, 1980.

Ковалевская В.Б. Конь и всадник (пути и судьбы). М., 1977.

Колев Ю.И. Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.

Колев Ю.И. Комплексы позднего бронзового века поселения Григорьевка-I в Самарской области // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 2. Самара, 2002.

Кольцов П.М. Мезолит и неолит Северо-Западного Прикаспия. М., 2005.

Кореневский С.Н. Радиоуглеродные даты древнейших курганов Юга Восточной Европы и энеолитического блока памятников Замок – Мешоко – Свободное // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, 2006.

Кореневский С.Н. Радиоуглеродная хронология Большого Ипатовского кургана и схема Блитта-Сернандера // Кореневский С.Н., Белинский А.Б., Калмыков А.А. Большой Ипатовский курган на Ставрополье как археологический источник по эпохе бронзового века на степной границе Восточной Европы и Кавказа. М., 2007.

Крайнов Д.А. Памяти В.А. Городцова // Проблемы изучения древних культур Евразии. М., 1991.

Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. № 46. М., 1955.

Крижевская Л.Я. Неолит Южного Урала. МИА № 141. Л., 1968.

Крижевская Л.Я. К вопросу о заимствованиях населения Южного Урала и Средней Азии в неолитическую эпоху // КСИА. Вып. 122. М., 1970.

Косинцев П.А. Лошадь в хозяйстве древнего населения Волго-Уралья // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в Государственном Историческом музее. Ч. 1. М., 2003.

Иванова С.И. О концепции восточного происхождения ямной культурно-исторической общности // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, 2006.

Кричевский Е.Ю., Мерперт Н.Я. Племена степной полосы Европейской части СССР. Бронзовый век // Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР. М., 1956.

Кузнецов П.В. Новые радиоуглеродные даты для хронологии культур энеолита – бронзового века юга лесостепного Поволжья // Археология и радиоуглерод. Вып. 1. СПб., 1996.

Кушаев Г.А. Этюды древней истории Степного Приуралья. Уральск, 1993.

Лопатин В.А. Стоянка Озинки-II в Саратовском Заволжье // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев, 1989.

Лопатин В.А. Отчет об археологических раскопках кургана на р. Мокрая Песковатка и поселения в урочище «Мартышкино» в Саратовской области // Архивы НИИАЛ СГУ и ИА РАН. 2005.

Ляхов С.В., Малов Н.М., Юдин А.И., Якубовский Г.Л. 1988. Работы Саратовского университета // АО 1986 года. М., 1988.

Малов Н.М. Охранные работы в правобережных районах Саратовского Поволжья. // АО 1978 года. М., 1979.

Малов Н.М. О «загадочной» керамике вольского типа // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тезисы док. Всесоюзн. научн. конф. Донецк, 1987а.

Малов Н.М. Энеолитический могильник на Хлопковском городище // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Тезисы док. Всесоюзн. научн. конф. Оренбург, 1980.

Малов Н.М. Исследование памятников эпохи меди и бронзы в Саратовском Поволжье // АО 1979 года. М., 1981.

Малов Н.М. Хлопковский могильник и его место в энеолите Поволжья (по материалам раскопок 1977–1978 гг.) // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Научн. труды. КГПИ. Т. 263. Куйбышев, 1982.

Малов Н.М. Некоторые итоги изучения поселений эпохи бронзы северных районов Нижнего Поволжья // Тезисы док. Всесоюзн. арх. конф. Ч. 2. Баку, 1985.

Малов Н.М. 1986. Историография вопроса о срубно-абашевском взаимодействии в Нижнем Поволжье // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986.

Малов Н.М. Раскопки поселений на Волге // АО 1985 года. М., 1987.

Малов Н.М. Хвальнская культура валиковой керамики эпохи поздней бронзы в Поволжье (По материалам поселений) // Задачи советской археологии. Тезисы докл. конф. М., 1987а.

Малов Н.М. Памятники хвальнской культуры валиковой керамики Поволжья и некоторые проблемы их связи с восточными культурами эпохи поздней бронзы // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Тезисы докл. Омск, 1987б.

Малов Н.М. Отчет об археологических разведках, произведенных в Каменском районе Уральской области в 1986 году // Архив ИА АН Казахстана. Алматы. 1986.

Малов Н.М. Отчет о раскопках селища срубной культуры «Чесноково-1» // Архив ИА АН Казахстана. Алматы. 1987.

Малов Н.М. Разведки на Деркуле // АО 1986 года. М., 1988.

Малов Н.М. Отчет об археологических исследованиях на р. Деркул за 1988 год // Архив ИА АН Казахстана. Алматы. 1989.

Малов Н.М. Отчет об археологических исследованиях в Калмыцкой АССР, Саратовской и Волгоградской областях за 1989 год // Архив НИИАЛ СГУ. 1989а.

Малов Н.М. Некоторые вопросы неолита-энеолита Нижнего Поволжья // Проблемы древней истории северного Прикаспия. Тезисы докл. Всесоюз. конф. Куйбышев, 1990.

Малов Н.М. Отчет об археологических раскопках Волго-Уральской экспедиции в Саратовской области за 1990 год // Архив НИИАЛ СГУ. 1990а.

Малов Н.М. Алтатинский тип энеолитических памятников степного Поволжья // Программа докл. IV краевед. чтений. 21–23 марта. Саратов, 1991.

Малов Н.М. Культурные типы памятников срубной культурно-исторической области (концептуальные основы) // Срубная культурно-историческая область. Материалы III Рыковских чтений. Саратов, 1994.

Малов Н.М. Индоевропейская неурбанистическая цивилизация эпохи палеометаллов Евразийской скотоводческой историко-культурной провинции – звено мозаичной мироцелостности // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. Археологические изыскания. Вып. 25. Ч. I. СПб., 1995.

Малов Н.М. Вклад Пауля Рау в изучение бронзового века степного Поволжья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов, 1997.

Малов Н.М. Поволжская региональная археология в Саратовском университете: страницы истории и персоналии // Саратовское Поволжье: история и современность. Саратов, 1999.

Малов Н.М. Саратовское Поволжье в древности // Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). Саратов, 2002.

Малов Н.М. Из истории Саратовского областного музея краеведения: памятная книга посещения музея и библиотеки Саратовской ученой архивной комиссии (1895–1918 гг.) // Краеведы и краеведения Поволжья в контексте общественного развития региона: история и современность. Саратов, 2003.

Малов Н.М. Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья: по материалам поселений срубной культурно-исторической области // АВЕС. Вып. 5. Саратов, 2007.

Малов Н.М. Задоно-Авилловский энеолитический могильник (по материалам раскопок И.В. Синецкина) // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 8. Саратов, 2008.

Малов Н.М. Филипченко В.В. Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья // Археологические вести. Вып. 4. СПб., 1995.

Мамонтов В.И. История изучения племен эпохи бронзы Нижнего Поволжья // Историко-краеведческие записки. Вып. V. Волгоград, 1977.

- Марина З.П.* Энеолит – ранний бронзовый век Левобережья Днепра. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1982.
- Марковин В.И.* Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963.
- Масон В.М.* Введение. Постановка вопроса. Понятие «энеолит» // Археология СССР. Энеолит СССР. М., 1981.
- Массон В.М.* Феномен ранних комплексных обществ в Древней истории // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. СПб., 1991.
- Масон В.М.* Эпоха древнейших великих степных обществ // Археологические вести. Вып. 5. СПб., 1998.
- Масон В.М.* Ранние комплексные общества Восточной Европы // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометаллов (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). Археологические изыскания. Вып. 63. СПб., 2000.
- Матвеева Г.И.* Итоги и задачи исследования Средневолжской археологической экспедиции памятников неолита и бронзового века // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976.
- Матюшин Г.Н.* О «нижневолжских микролитах» // СА. 1968. № 2.
- Мелентьев А.Н.* Разведки в Волго-Уральском междуречье // АО 1967 года. М., 1968.
- Мелентьев А.Н.* Работы Астраханской экспедиции // АО 1968 года. М., 1969.
- Мелентьев А.Н.* Новые памятники Северного Прикаспия // АО 1972 года. М., 1973.
- Мелентьев А.И.* Памятники сероглазовской культуры // КСИА. Вып. 141. М., 1975.
- Мелентьев А.И.* Памятники неолита Сев. Прикаспия (памятники прикаспийского типа) // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976.
- Мелентьев А.И.* К вопросу о времени и генезисе раннего неолита Северного Прикаспия (памятники сероглазовского типа) // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976а.
- Мелентьев А.И.* Мезолит Северного Прикаспия // КСИА. Вып. 149. М., 1977.
- Мелентьев А.И.* О хронологии раннего неолита Северного Прикаспия // КСИА. Вып. 153. М., 1980.
- Мелентьев А.Н.* О возникновении скотоводства в Евразийских степях // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Оренбург, 1980а.
- Мерперт Н.Я.* Из древнейшей истории Среднего Поволжья // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. II. МИА № 61. М., 1958.
- Мерперт Н.Я.* Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1968.
- Мерперт Н.Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.
- Мерперт Н.Я.* Древнеямная культурно-историческая область и вопросы формирования культур шнуrowой керамики // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976.

- Мерперт Н.Я.* Из истории древнейших племен // Проблемы археологии Евразии и северной Америки. М., 1977.
- Мерперт Н.Я.* О племенных союзах древнейших скотоводов степей Восточной Европы // Проблемы советской археологии. М., 1978.
- Мерперт Н.Я.* 1980. Проблемы энеолита степи и лесостепи Восточной Европы // Энеолит Восточной Европы. Куйб. пед. ин-т. Т. 236. Куйбышев, 1980.
- Мерперт Н.Я.* К вопросу о термине «энеолит» и его критериях // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. Воронеж, 1981.
- Мерперт Н.Я.* Энеолит юга СССР и евразийские степи // Археология СССР. Энеолит СССР. М., 1982.
- Мерперт Н.Я.* Об этнокультурной ситуации IV–III тысячелетий до н. э. в Циркумпонтийской зоне // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988.
- Мерперт Н.Я.* В.А. Городцов и начало изучения раннего бронзового века Каспийско-Черноморских степей // Проблемы изучения древних культур Евразии. М., 1991.
- Мешкерис В.А.* Музыкальная культура Древней и Средней Азии и ее наследие (бактрийско-тохарский вариант в свете археологических данных) // Изучение культурного наследия Востока. Археологические изыскания. Вып. 61. СПб., 1999.
- Миронов В.Г.* Редкий тип жилища эпохи бронзы в Саратовском Правобережье Волги // Поволжский край. Вып. 11. Саратов. 2000.
- Моргунова Н.Л.* Энеолитические комплексы Ивановской стоянки // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев, 1989.
- Моргунова Н.Л.* Население юга лесостепи Волго-Уральского междуречья в эпохи неолита – энеолита – ранней бронзы. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1997.
- Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.
- Мунчаев Р.М.* Энеолит Кавказа // Энеолит СССР. М., 1981.
- Никитин В.В.* Энеолит Волго-Вятского междуречья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983.
- Обчинникова Н.В.* Итоги изучения энеолитических поселений лесостепного Поволжья // Известия СНЦ РАН. Специальный выпуск «Актуальные проблемы истории, археологии, этнографии. Самара, 2006.
- Орехов В.Ф.* Две раскопки на церковной земле села Ивановки, Хвалынского уезда Саратовской губернии // Труды СУАК. Вып. 33. Саратов, 1916.
- Палагуца И.В.* Локальные особенности и относительная хронология памятников Триполья VI – Кукутени А (по материалам керамических комплексов). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000.
- Петрова Н.Ф., Малов Н.М.* Работы Саратовского областного музея краеведения // АО 1977 год. М., 1978.
- Плихт И. ванн дер.* Калибровка радиоуглеродной временной шкалы // Археологические вести. Вып. 5. СПб., 1998.
- Предисловие* // Древности Нижнего Поволжья (итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). Т. II. МИА № 78. М., 1960.
- Пярых Г.Г.* К дискуссии по происхождению срубной культуры // СА. 1990. № 1.
- Равдоникас В.И.* История первобытного общества. Ч. II. Л., 1947.

Равдоникас В.И. Новый каменный век (неолит) и начало эпохи металлов. Племена степных областей Восточной Европы // Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР. М., 1956.

Рогачев А.Н., Гурина Н.Н., Любин В.П., Векилова Е.А., Крижевская Л.Я., Хлобыстин Л.П., Бадер О.Н., Косарев М.Ф., Смирнов К.Ф., Сокольский Н.И., Смирнов А.П., Зяблин Л.П., Розенфельд Р.Л. Достижения археологической науки в РСФСР // СА. 1967. № 3.

Рыков П.С. Результаты археологических исследований в Покровском и Хвалынском уездах Саратовской губернии в 1922 г. // Тр. ИСТАХЭТ. Вып. 34. Ч. 1. Саратов, 1923.

Рыков П.С. К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье // Известия краеведческого ин-та изучения Южно-Волжской области при СГУ. Т. II. Саратов, 1927.

Рыков П.С. Археологические разведки и раскопки в Нижне-Волжском крае произведенные в 1928 г. // Известия НВИК. Т. 3. Саратов, 1929.

Рыков П.С. Очерки по истории Нижнего Поволжья (по археологическим материалам). Саратов, 1936.

Рындина Н.В. К проблеме классификационного членения культур медно-бронзовой эпохи // Вестник МГУ. – Серия История. № 6. М., 1978.

Рындина Н.В. О развитии металлообрабатывающего производства в системе Балкано – Карпатской металлургической провинции // Историческая археология: Традиции и перспективы. М., 1998.

Рындина Н.В., Дегтярева А.Д. Энеолит и бронзовый век. Учебное пособие. М., 2002.

Сагайдак В.И. Хвалынская культура в исследованиях П.С. Рыкова // АВЕС. Вып. 1. Саратов, 1989.

Сафонов И.Е. В.А. Городцов и изучение эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2002.

Сенигова Г.И. Отчет о работе Западно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 г. // Труды Ин-та арх. этн. АН Казахской ССР. Т. I. Алма-Ата, 1956.

Синицын И.В. Кремневые орудия с дюнных стоянок Калмыцкой области // Известия НВИК. Т. 4. Саратов, 1931.

Синицын И.В. Древнейшие памятники Приморского района Калмыкии // Известия НВИК. Т. VI. Саратов, 1933.

Синицын И.В. Археологические памятники по реке Малый Узень // КСИИМК. Вып. XXXII. М., 1950.

Синицын И.В. Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане // КСИИМК. Вып. XXXVII. М., 1951.

Синицын И.В. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане // КСИИМК. Вып. XLV. М., 1952.

Синицын И.В. Археологические исследования в Западном Казахстане // Труды Ин-та Ист. Арх. Этн. АН Казахской ССР. Т. I, Алма-Ата, 1956.

Синицын И.В. Памятники ямной культуры Нижнего Поволжья и их связь с Приднепровьем // КСИИМК. № 7. Киев, 1957.

Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951–1953 гг.) // Древности Нижнего Поволжья. Т. I. МИА № 60. М., 1959.

- Синицын И.В. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954–1955 гг.) // Древности Нижнего Поволжья. Т. II. МИА № 78. М., 1960.
- Синицын И.В. Археологические памятники северо-западного Прикаспия // Труды СОМК. Вып. 3. Саратов, 1960а.
- Синицын И.В. Ровненский курганный могильник // КСИА. Вып. 84. М., 1961.
- Синицын И.В. Древние памятники Саратовского Заволжья // Археологический сборник. Саратов, 1966.
- Синицын И.В. История Нижнего Поволжья с древнейших времен до XVI в. // Методическое пособие по специальным дисциплинам истории СССР (досоветский период). Саратов, 1968.
- Синицын И.В., Эрдниева У.Э. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962–1963 гг.) // Труды КНИИЯЛИ. Вып. 2. Элиста, 1966.
- Синюк А.Т. У истоков древнейших скотоводческих культур лесостепного Дона // Археология Восточно Европейской лесостепи. Воронеж, 1979.
- Синюк А.Т. Репинская культура эпохи энеолита – бронзы в бассейне Дона // СА. 1981. № 4.
- Синюк А.Т. О понятии «энеолит» для лесостепи днепро-доно-волжского междуречья // Исследование памятников археологии Восточной Европы. Воронеж, 1988.
- Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996.
- Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // Древности Нижнего Поволжья. Т. I. МИА № 60. М., 1960.
- Смирнов К.Ф. «Быковские курганы» // Древности Нижнего Поволжья. Т. II. МИА № 78. М., 1960.
- Спицын А.А. Некоторые находки медного века // Известия ИАК. Вып. 29. СПб., 1909.
- Спицын А.А. Саратовские стоянки медного века // Труды ИСТАРЭТ. Вып. 34. Ч. I. Саратов, 1923.
- Ставицкий В.В. Некоторые проблемы изучения хвалынской энеолитической культуры // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конференции. Ч. I. М., 2003.
- Ставицкий В.В. Динамика взаимодействия культур севера и юга в неолите – раннем энеолите на территории лесостепной зоны // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Межд. научн. конф. Липецк, 2006.
- Телегин Д.Я. Отчет о раскопках 1975 г. на Алтате // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. 1975.
- Телегин Д.Я. Днепро-донецкая культура // Археология Украинской ССР. Т. 1. Киев, 1985.
- Телегин Д.Я. Среднеднепровская культура и памятники новоданиловского типа в Поднепровье и степном левобережье Украины // Археология Украинской ССР. Т. 1. Киев, 1986а.
- Тимофеев В.И., Зайцева Г.И. Некоторые аспекты радиоуглеродной хронологии неолитических культур лесной зоны Европейской России // Археология и радиоуглерод. Вып. 1. СПб., 1996.

Трифонов В.А. Степное Прикубанье в эпоху энеолита – средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья (по материалам археологических работ в зонах мелиорации Краснодарского края). Л., 1991.

Трифонов В.А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001.

Трифонов В.А., Избитцер Е.В. Существуют ли энеолитические псалии // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен Южно-русских степей. Саратов-Энгельс, 1994.

Турецкий М.А. Керамика погребений ямной культуры Волжско-Уральского междуречья // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988.

Турецкий М.А. Ямная культура Волго-Уральского региона (проблемы исследования погребального обряда). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.

Турецкий М.А. О периодизации и хронологии ямных памятников Самарского Поволжья // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001.

Уваров А.С. Археология России. Каменный период. М., 1881.

Фадеев В.Г. Историография хвалынской энеолитической культуры (краткий очерк) // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. Самара, 2003.

Филипченко В.В. Погребения с керамикой вольского типа близ с. Белогорское // Всеобщая и отечественная история: актуальные проблемы. Саратов, 1993.

Фисенко В.А. Племена ямной культуры юго-востока. Учебное пособие для студентов исторического факультета. Саратов, 1970.

Фисенко В.А. Отчет об археологических раскопках на Утесе Степана Разина // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 3660. 1968.

Формозов А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.

Формозов А.А. О роли закаспийского и приаральского мезолита и энеолита в истории Европы и Азии // СА.1972. № 1.

Формозов А.А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М., 1977.

Хохлов А.А., Яблонский Л.Т. Палеоантропология Волго-Уральского региона эпохи неолита – энеолита // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара, 2000.

Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. 1978. № 4.

Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.

Черных Е.Н. Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988.

Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М., 2000.

Черныш Е.К. Энеолит Правобережной Украины и Молдавии // Археология СССР. Энеолит СССР. М., 1982.

Шабанов М.А. Хвалыньские горы // Труды СОМК. Вып. III. Саратов, 1960.

- Шабанов М.А.* Змеевы горы // Труды СОМК. Вып. III. Саратов, 1960а.
- Шапошникова О.Г.* Ямная культурно-историческая общность // Археология Украинской ССР. Т. 1. Киев, 1985.
- Шевченко А.В.* Антропология населения южнорусских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. Л., 1986.
- Щеглов С.А.* Историко-археологический музей в 1914 г. // Труды СУАК. Вып. 32. Саратов, 1915.
- Шендаков Г.Н.* Отчет об археологических разведках в окрестностях г. Камышина Волгоградской области // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 2800. 1963.
- Шилов В.П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975.
- Шилов В.П.* О «полтавкинских» погребениях южного Приуралья // СА. 1991. № 4.
- Юдин А.И.* Древнейшие поселенческие памятники степного Заволжья // АВЕС. Вып. 1. Саратов, 1989.
- Юдин А.И.* Нижневолжская культурная общность эпохи неолита: проблемы формирования, контактов и эволюции // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конференции. Ч. I. М., 2003.
- Юдин А.И.* Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов, 2004.
- Юдин А.И.* Культурное развитие населения Нижнего Поволжья в неолите и энеолите // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 7. Саратов, 2006.
- Юдин А.И.* Закономерности и общие тенденции культурно-исторических процессов в Нижнем Поволжье на протяжении неолита и энеолита // АВЕС. Вып. 4. Саратов, 2006а.
- Юдин А.И.* Памятники алтатинского типа и проблемы взаимодействия населения лесостепи и степи // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, 2006б.
- Юдин А.И.* Неолит // Археология Нижнего Поволжья. Т. I. Каменный век. Волгоград, 2007.
- Яровой Е.В.* Скотоводческое население северо-западного Причерноморья эпохи раннего металла. Автореф. дис. ... доктор. ист. наук. М., 2000.
- Gimbutas M.* Bronze Age cultures in central and eastern Europe. Paris - London, 1965.
- Häusler A.* Die Greber der älteren Okergrab kultur zwischen Ural und Dnepr. Berlin, 1974.
- Рыков Р.* Die Chvalynsker kultur der Bronzezeit an der unteren Wolga // ESA, 1. Helsinki, 1927.
- Лагодовска О.Ф., Шапошникова О.Г., Макаревич М.И.* Михаилівське поселення. Київ, 1962.
- Телегин Д.Я.* Дніпро-донецька культура (до історії населення епохи неоліту - раннього металу півдня східної Європи). Київ, 1968.
- Телегин Д.Я.* Середньо-стогівська культура епохи міді. Київ, 1973.
- Телегин Д.Я.* Про неолітичні пам'ятки Подоння і Степного Поволжя // Археологія. 1981. № 36.

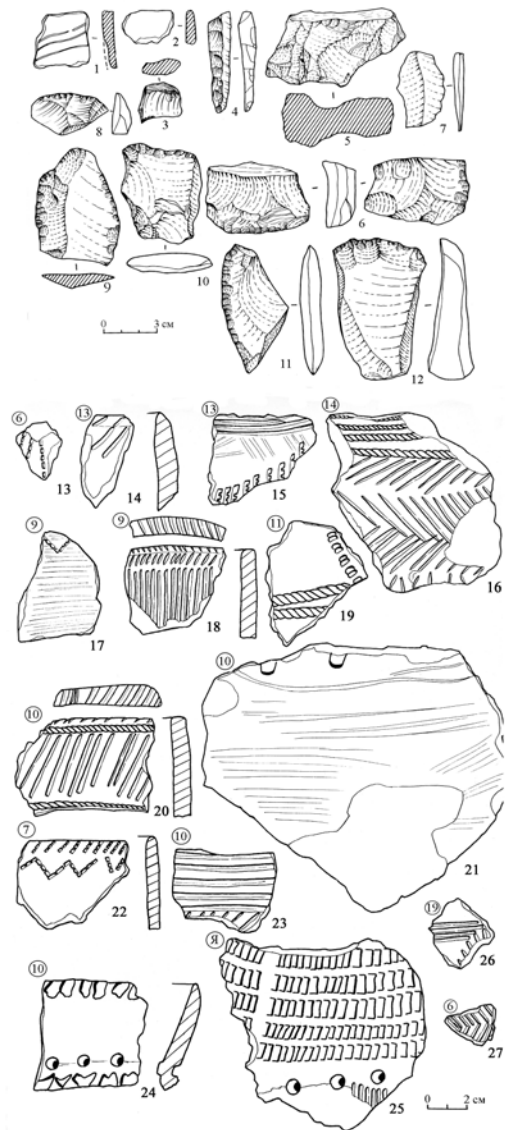

Рис. 1. Материалы местонахождения на песчаной косе и энеолитической стоянке близ хут. Репина. Репинское местонахождение на песчаной косе: 1-4, 8, остальное - Репинская энеолитическая стоянка.
 Керамика: 1, 2, 13-27. Кварцит: 5-12. Кремьен: 3, 4, 8.
 Репинская стоянка: 6 - Сборы; 5, 7, 9-10, 13, 17-27 - Раскоп II;
 11-12, 14-16 - Раскоп III.

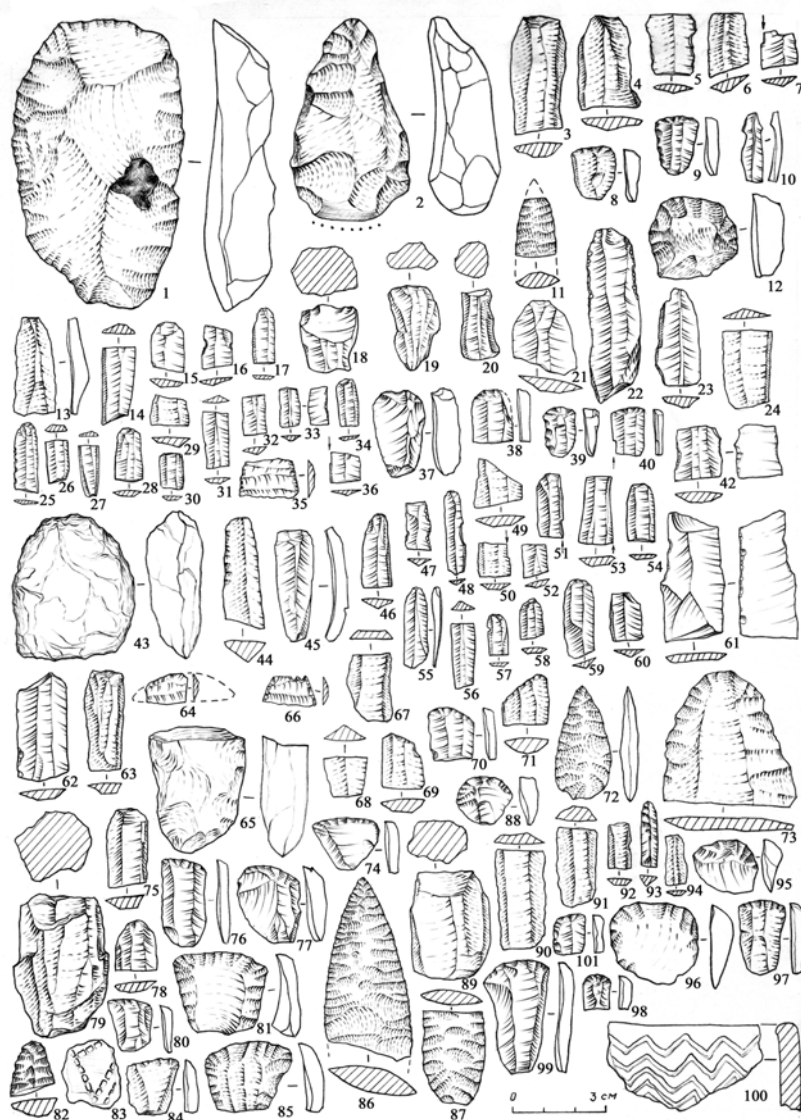

Рис. 2. Материалы с Деркульских стоянок.
 1-12 - Кузнецово-III; 66-72 - Чесноково-IV (сборы); 73-87 - Деркул-I (сборы);
 88-100 - Вавилово-II (сборы). Остальное Кузнецово-I: 13-43 - сборки.
 Раскоп II: 44-48 кв. 2 пласт 0-20; 49-54 - кв. 1 пласт 20-40;
 55-64 - кв. 2 пласт 20-40; 65 - кв. 3 пласт 20-40. Керамика - 100.
 Кварцит: 1-6, 8, 11-13, 24, 44, 49, 63, 67-69, 71-73, 79, 84-92, 94, 96, 97.
 Остальное - кремь.

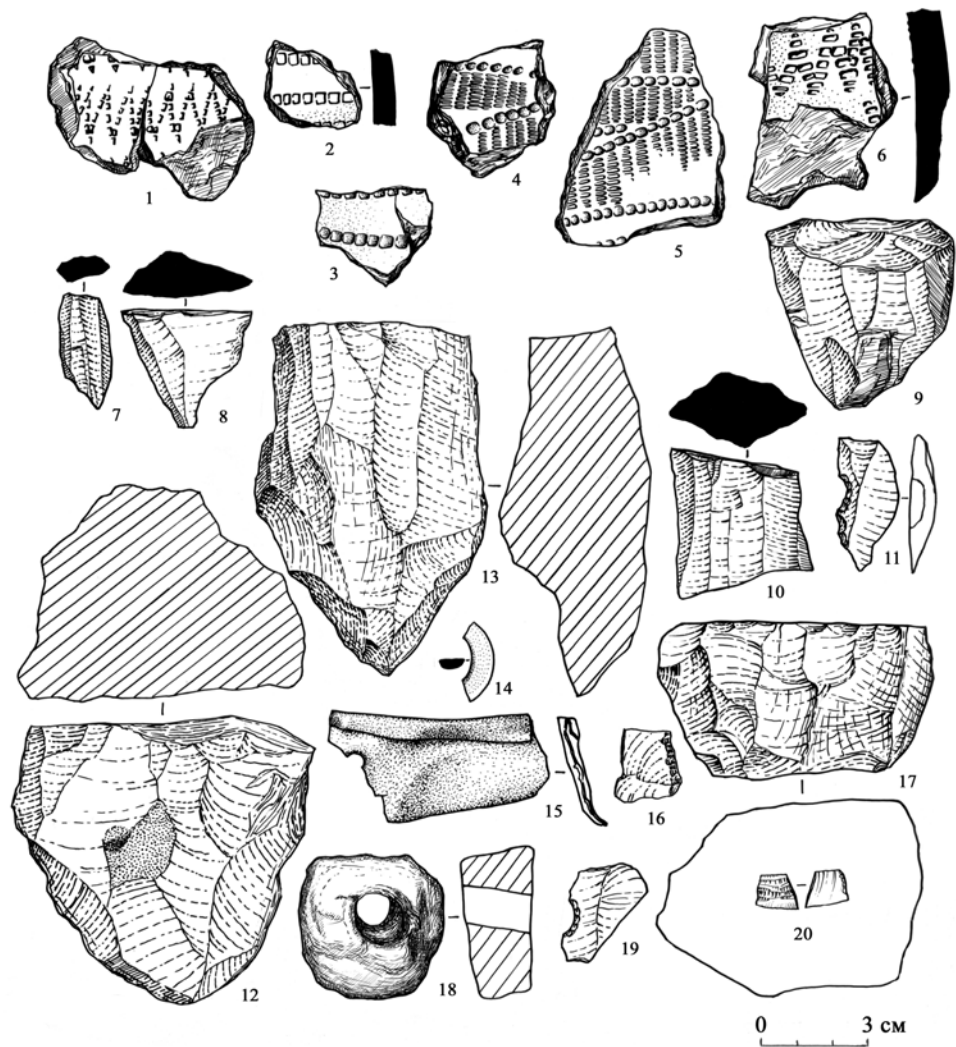

Рис. 3. Материалы с Деркульских стоянок.
 1 - Деркул-II; 2 - Саманное; 3-5, 13, 18, 20 - Деркул-III;
 7, 8, 14 - Деркул-I; 12 - Шипово-I; 6 - Каменка-I; 9, 10 - Кузнецово-IV;
 17 - Восточное; 15 - Шипово-II; 11, 19 - Чесноково-I; 16 - Правобережное.
 Керамика: 1-6. Медь - 15. Песчаник - 18. Известняк - 19. Кремль - 20.
 Остальное - кварцит.

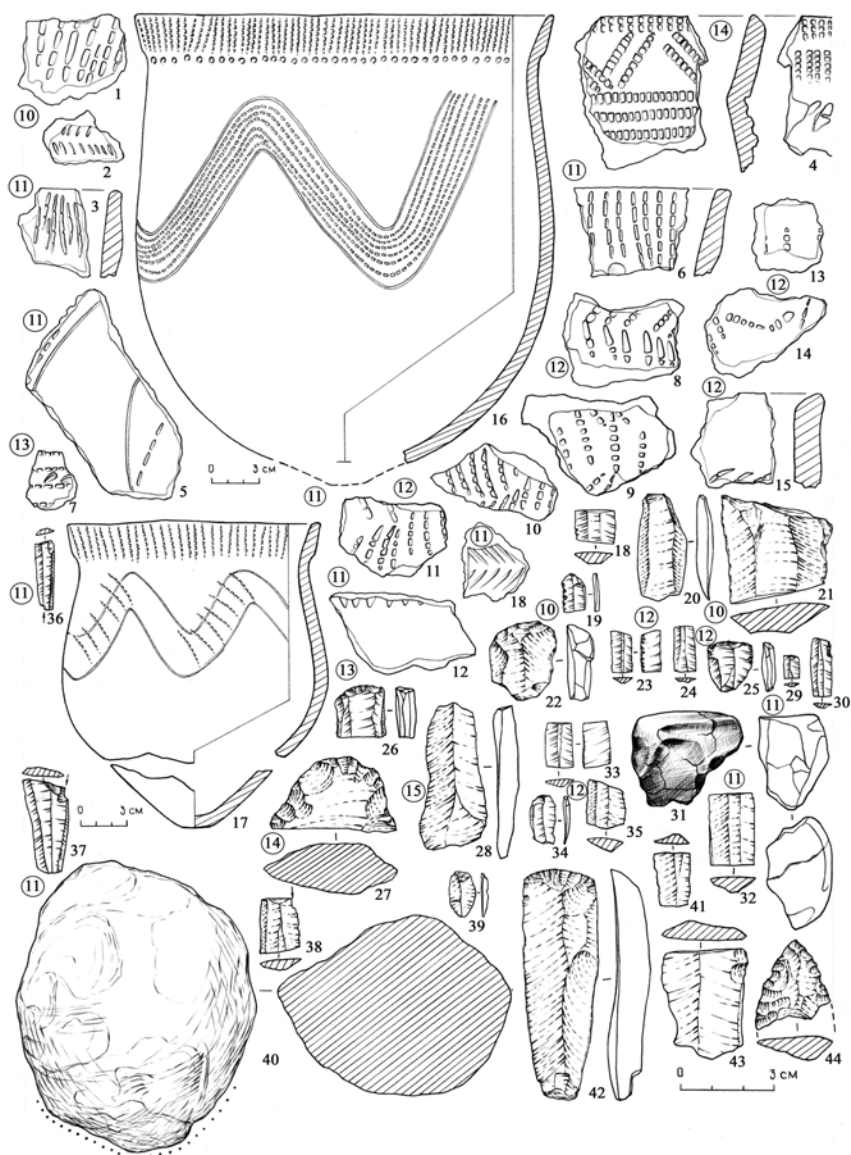

Рис. 4. Находки из Раскопа II стоянки Кузнецово-I.
 Номера квадратов на рисунке обведены кружочком. 1, 2 18-28 - пласт 0-20.
 3, 4, 29-35 - пласт 20-40. 5-11, 36-44 - пласт 40-60 см. 12-18 - пласт 60-80.
 Кремь: 18, 19, 23-26, 29, 30, 33, 34, 36, 37. Гранит(?) - 31.
 Кварцит: 20-22, 27, 28, 32, 35, 38-44.
 Остальное - керамика.

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

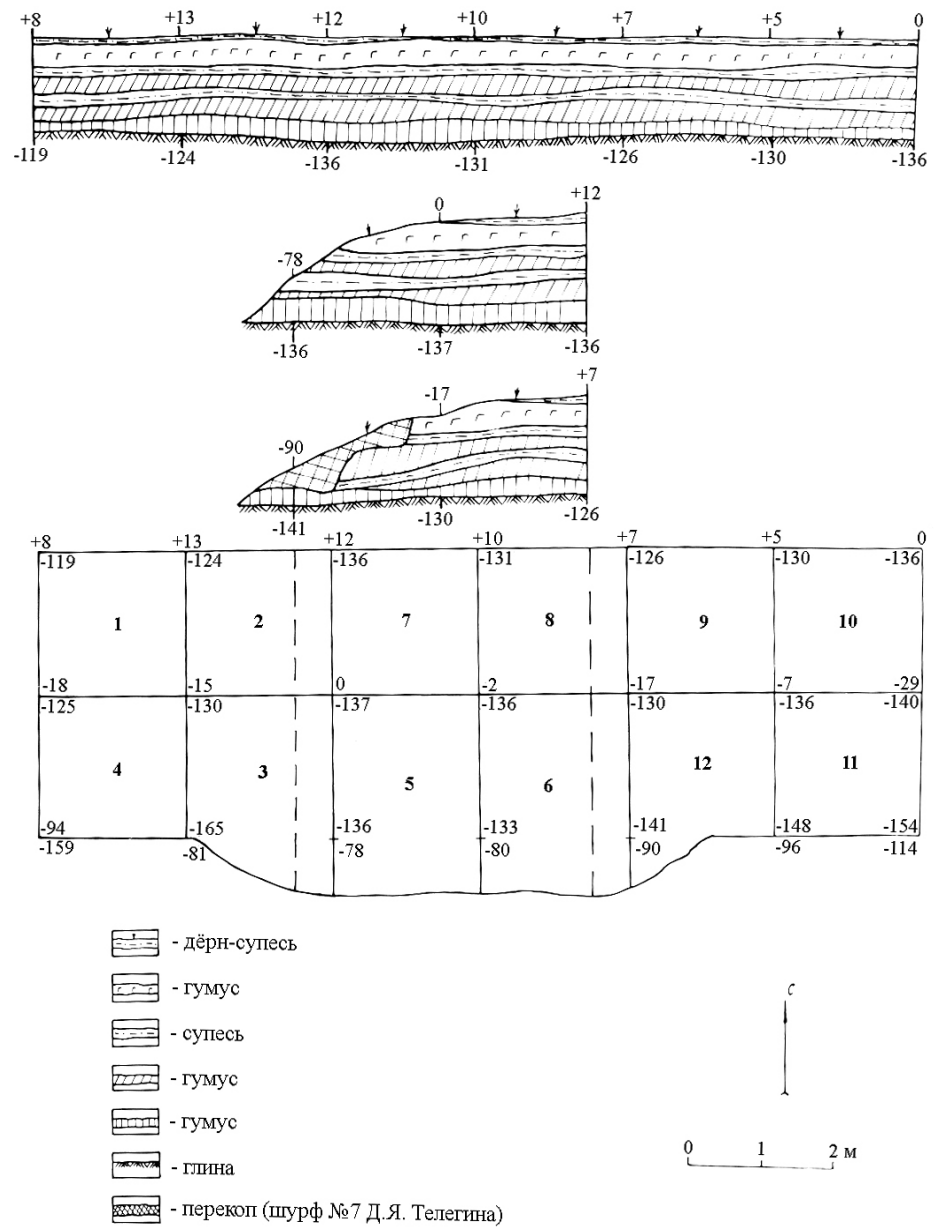

Рис. 5. Нивелировочный план и профиль раскопа I Алтаитинской стоянки.

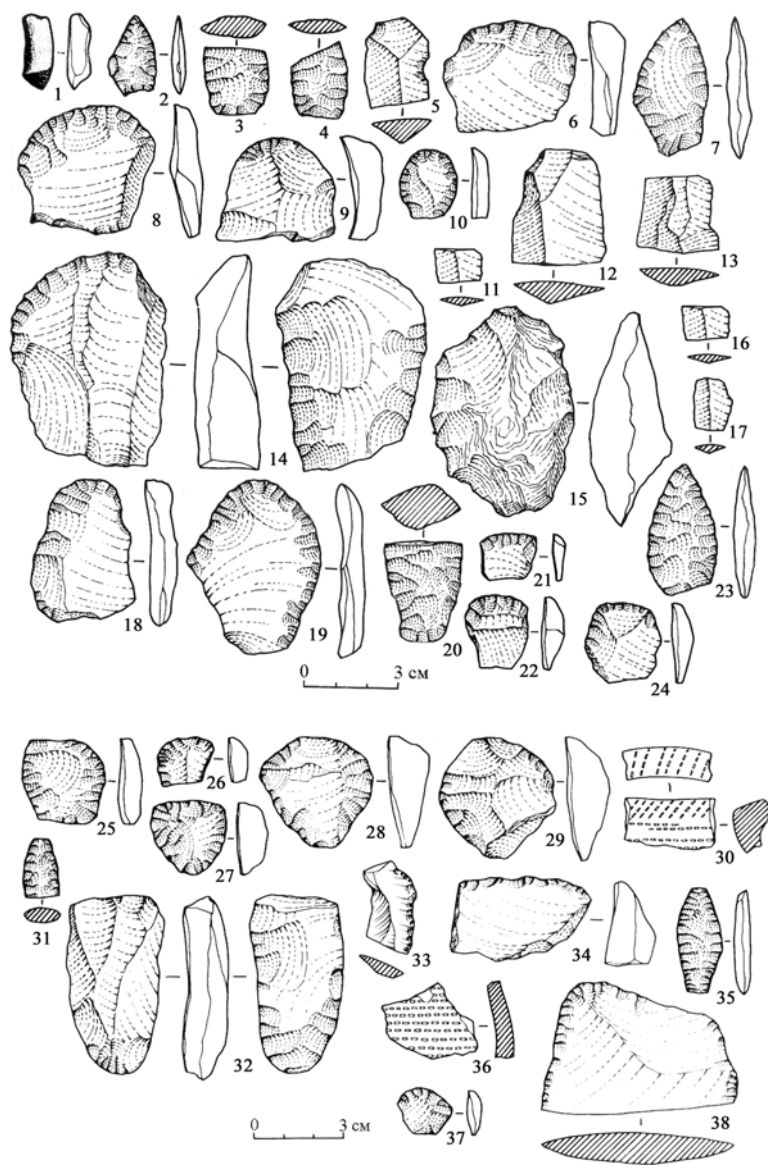

Рис. 6. Вещи из Раскопа I Алтагинской стоянки.
 Пласт 60-80: 2-6, 8-12, 14. Пласт 80-100: 13, 15-24.
 Пласт 100-120: 25-38. Медь - 1 (Кв. 9 пласт 120-140).
 Керамика - 30, 36. Кремьень - 33. Остальное - кварцит.

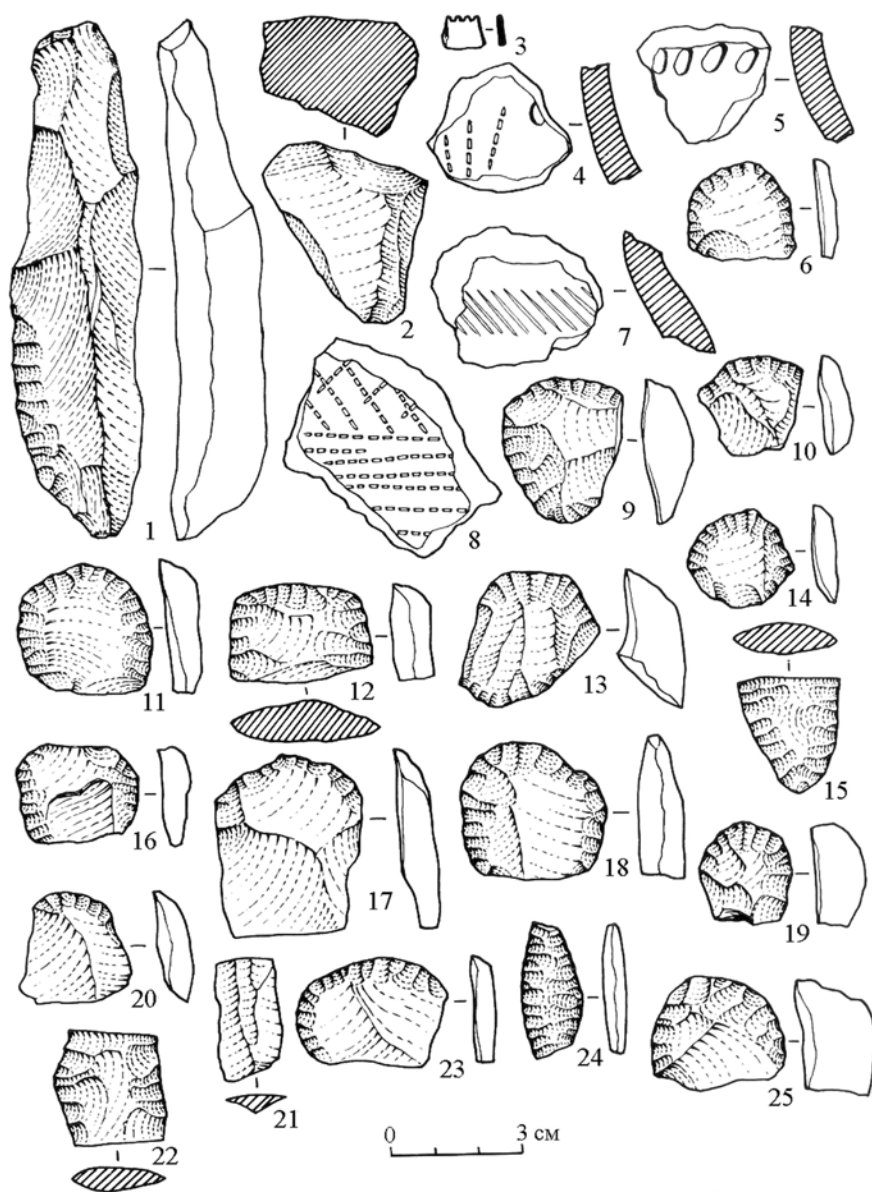

Рис. 7. Вещи из раскоп 1, пласт 80-100 см. Алтаинской стоянки.
Квадраты: № 4-9. Кость - 3. Керамика - 4, 5, 7, 8. Остальное - кварцит.

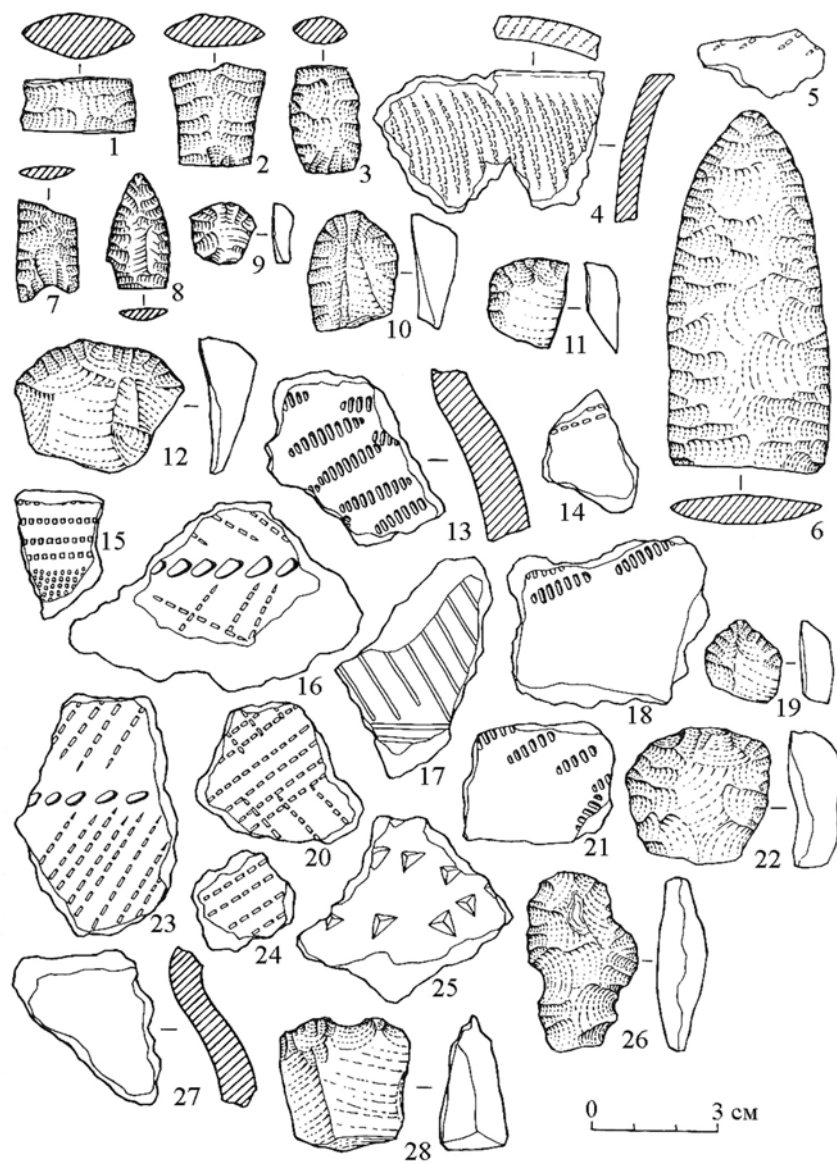

Рис. 8. Вещи из Раскопа I Алтатинской стоянки.
 Кв. № 1-3, 8. Пласт 60-80 - 4 (Кв. № 8). Остальное - пласт 80-100 см.
 Керамика - 4, 5, 13-18, 20, 21, 23-25, 27. Кремьень - 8, 9. Остальное - кварцит.

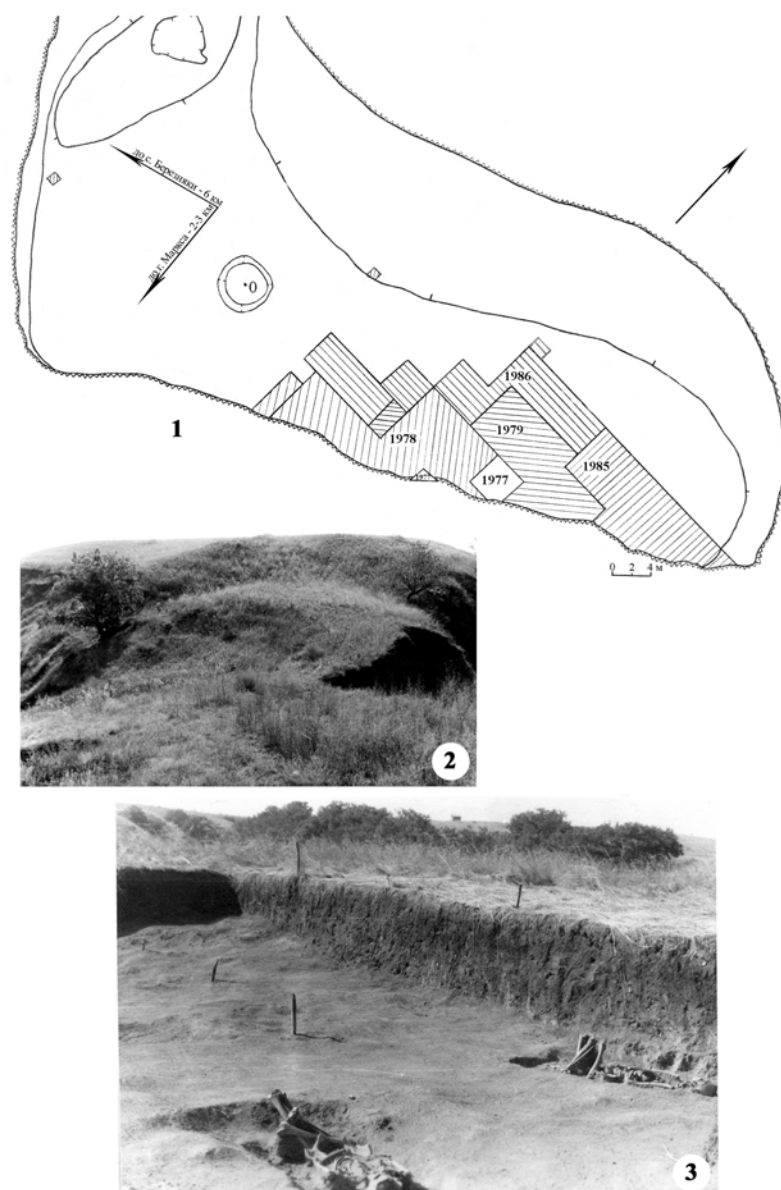

Рис. 9. Хлопковское городище и могильник.
 1 - Общий план раскопов. 2 - Проход на городище,
 вид с напольной стороны. 3 - Северная стенка и СЗ угол раскопа 1978 г., вид с ЮВ.

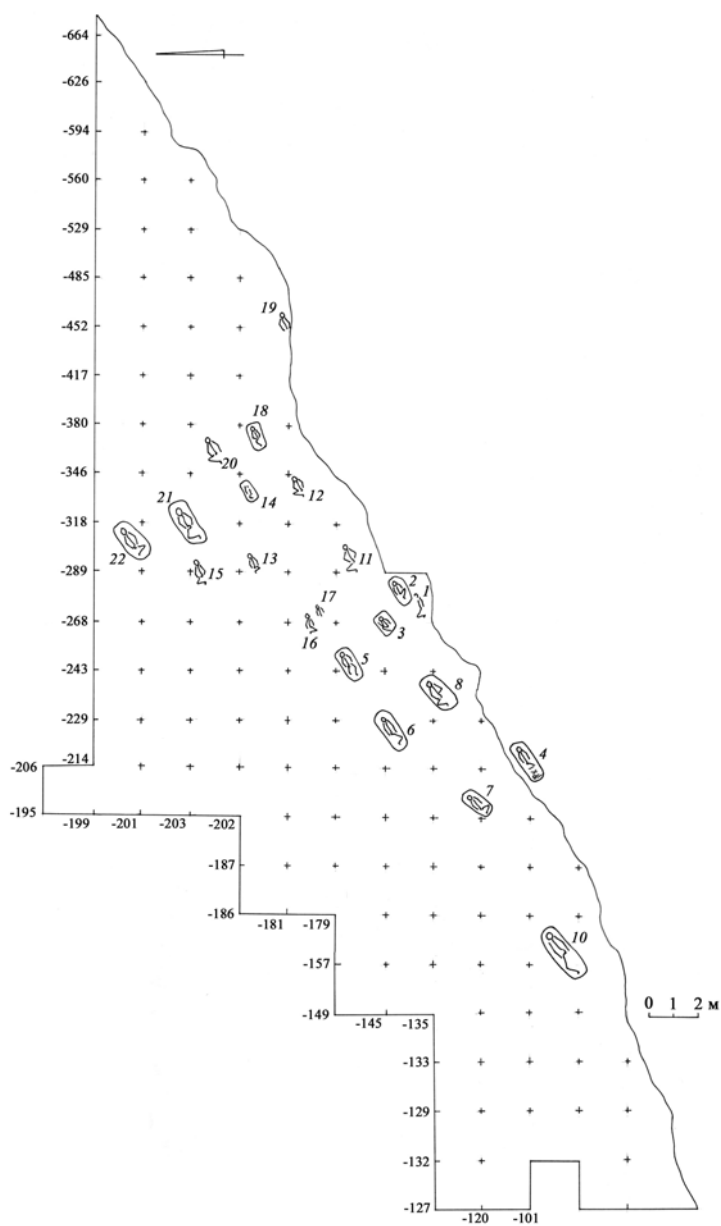

Рис. 10. Общий план расположения погребений Хлопковского могильника.
Нивелировочные отметки даны по современной поверхности.

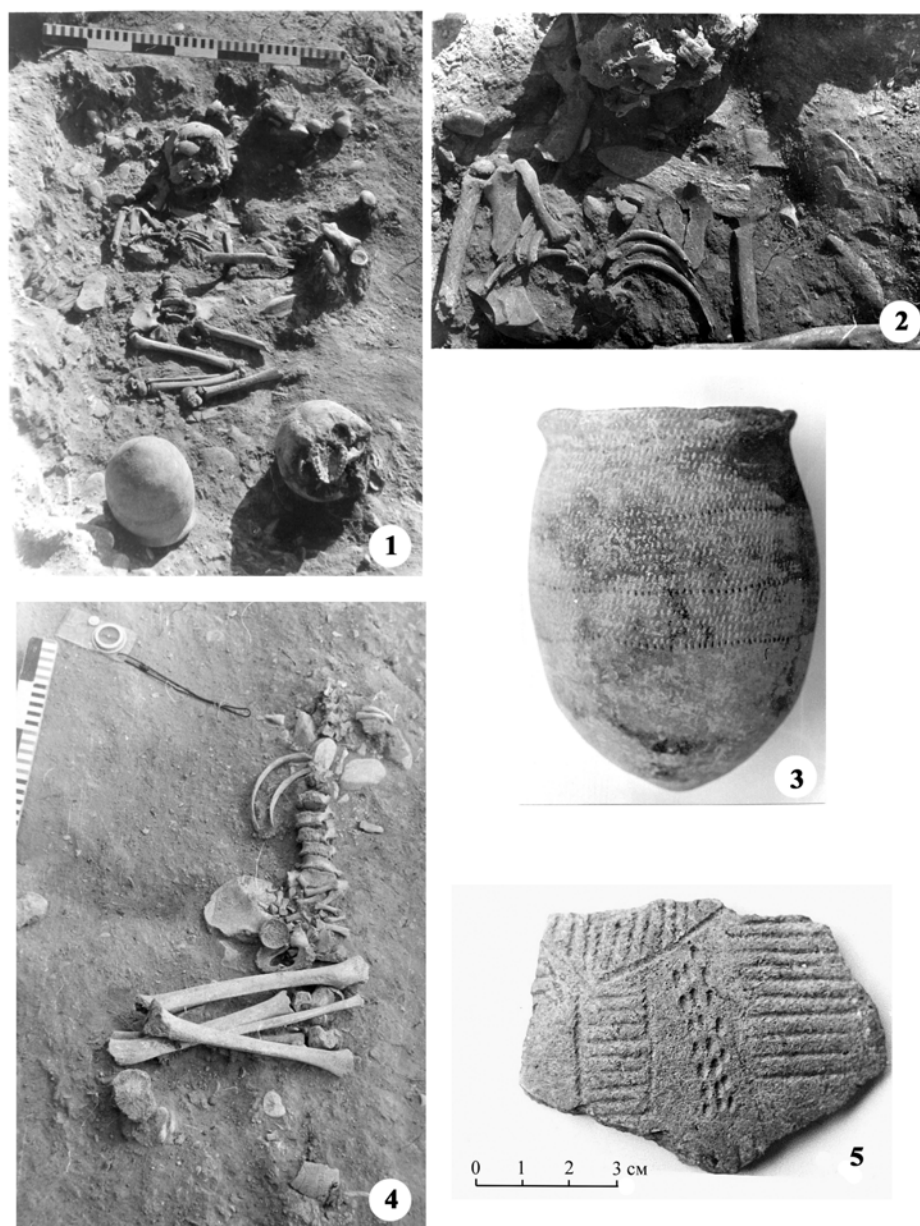

Рис. 11. Хлопковский могильник: погребения и керамика.
1,2 - п. 2 (вид с ЮЗ); 3 - сосуд из п. 2; 4 - п. 1 (вид с ЮЗ); 5 - керамика около п. 1.

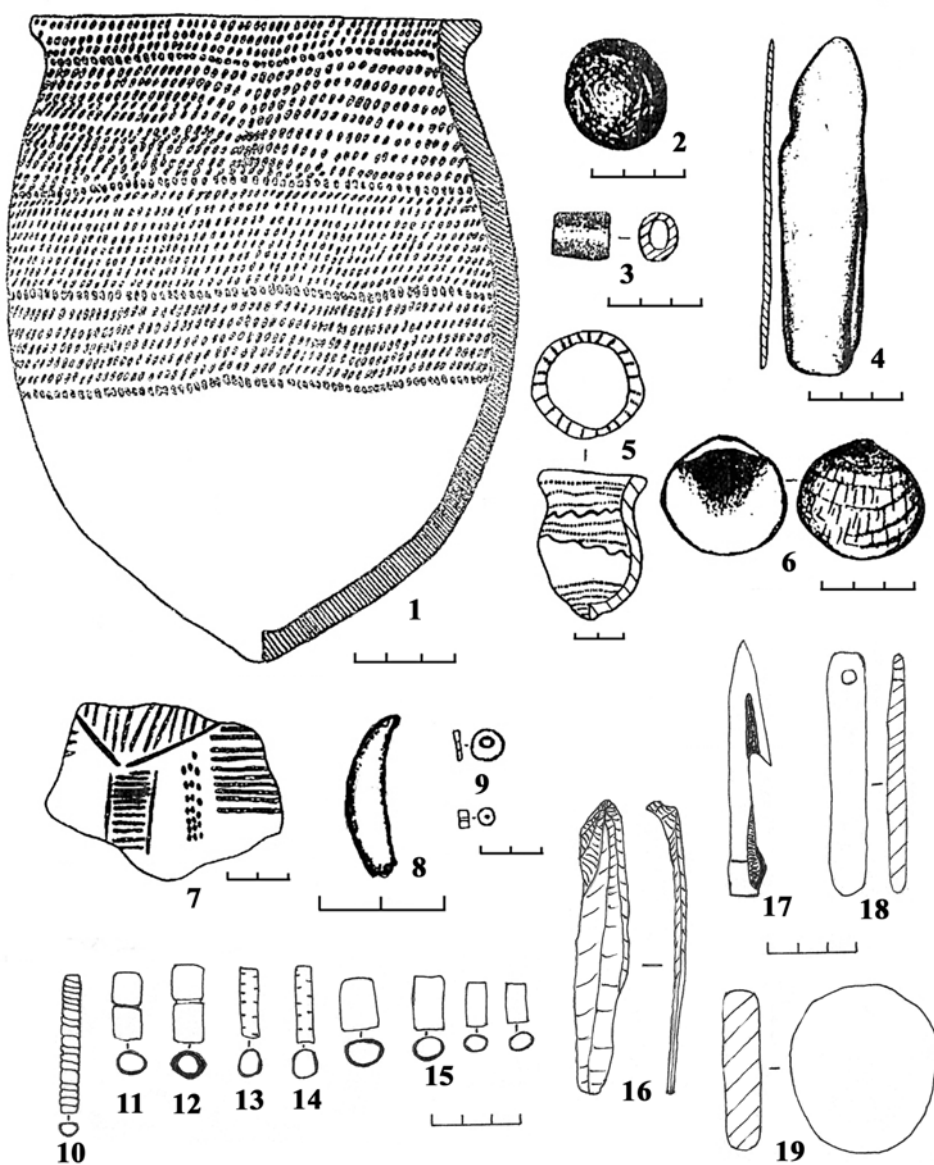

Рис. 12. Вещи из погребений Хлопковского могильника.
 1-6 - п. 2; 7-9 - п. 1; 10-19 - п. 18. 1, 5, 7 - керамика. 2, 16, 19 - камень.
 Остальное кость.

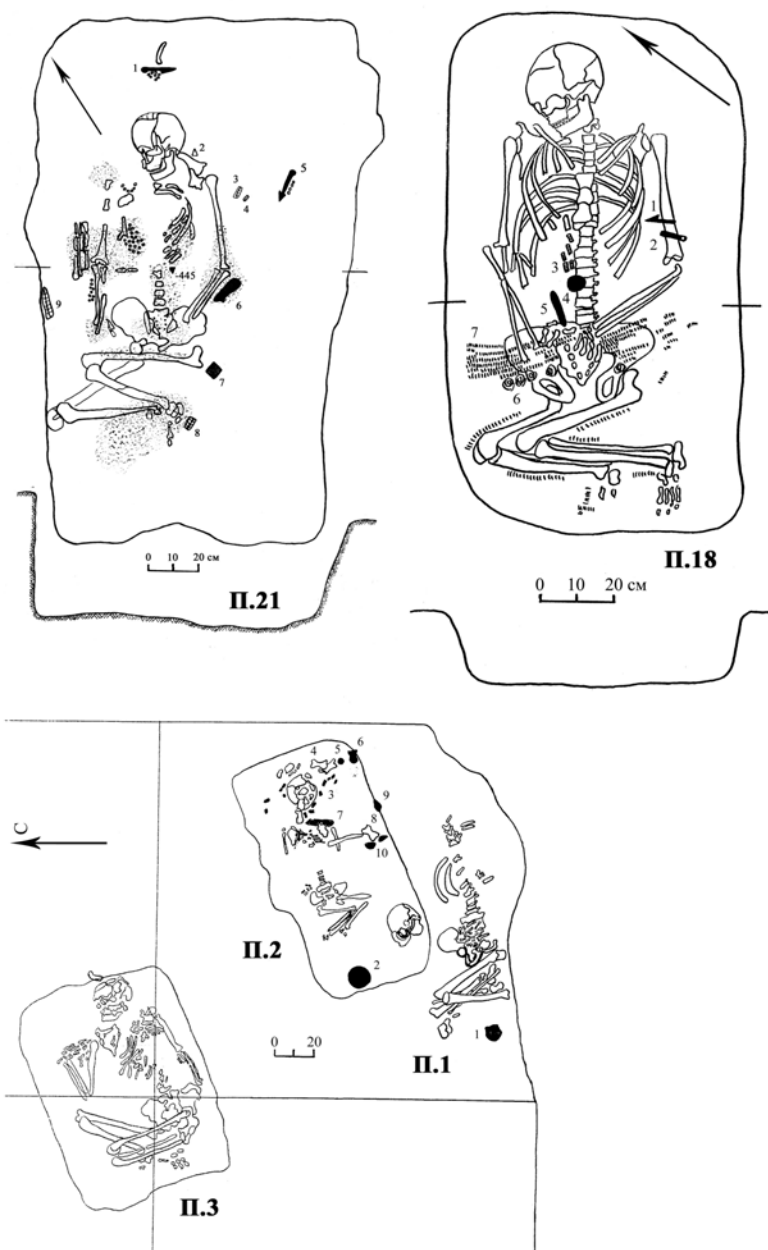

Рис. 13. Планы погребений № 1-3, 18, 21 Хлопковского могильника.

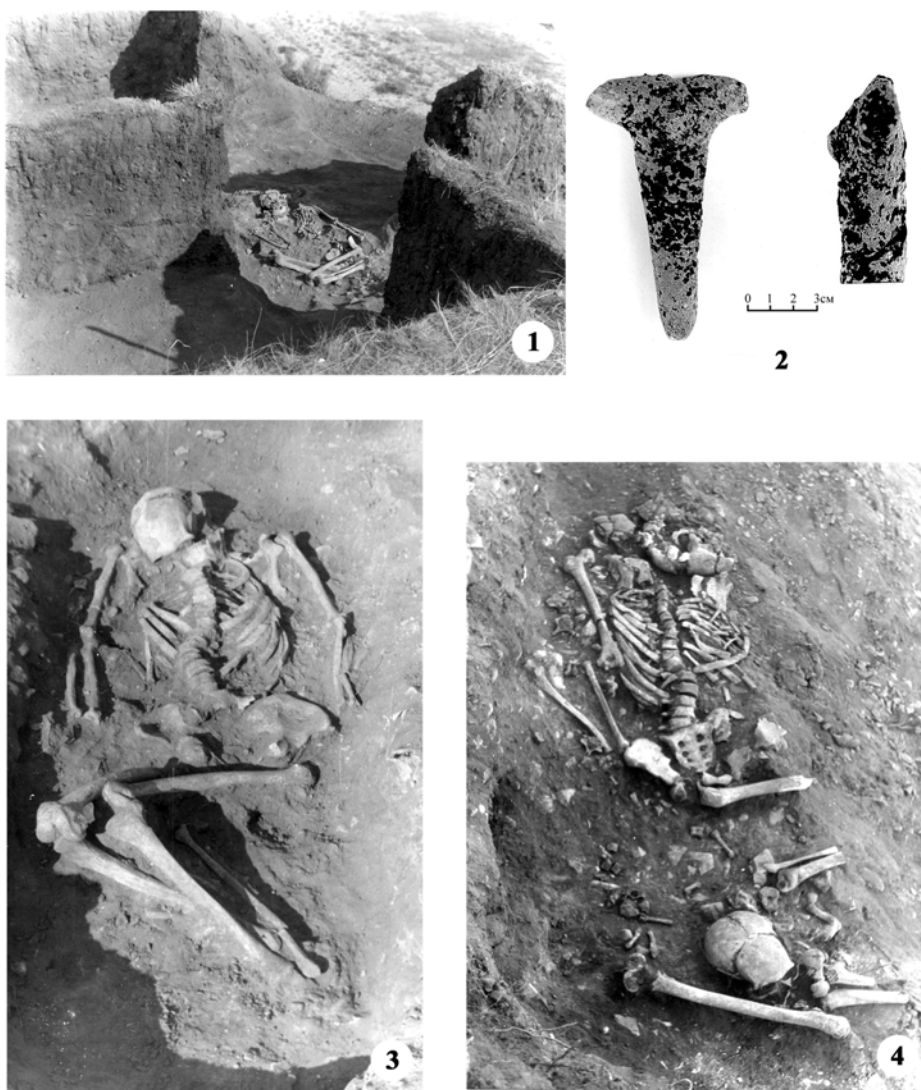

Рис. 14. Погребения и керамическая фигурка с Хлопковского могильника.
1 - п. 3; 2 - керамическая фигурка из п. 4; 3 - п. 10; 4 - п. 4.

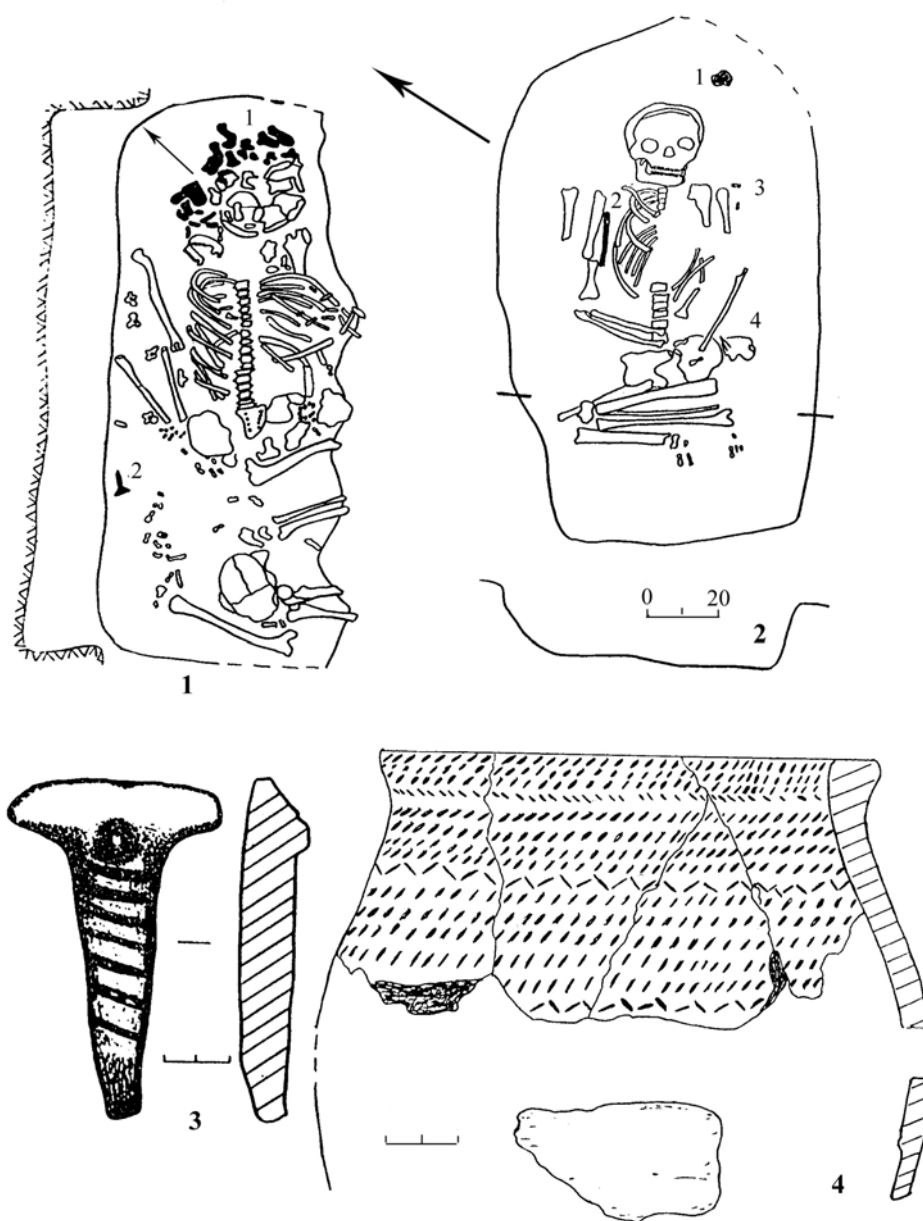

Рис. 15. Планы погребений и керамика Хлопковского могильника.
1, 3, 4 - п. 4; 2 - п. 12. Керамика - 3, 4.

Рис. 16. Планы погребений и керамика Хлопковского могильника.
 1 - п. 6; 2 - п. 5; 3 - п. 14; 4 - п. 8; 5 - п. 10; 6 - п. 7; 7 - п. 11; 8 - п. 13;
 9 - п. 15; 10 - п. 20; 11 - п. 19; 12 - п. 16; 13, 14 (керамика) - п. 17.

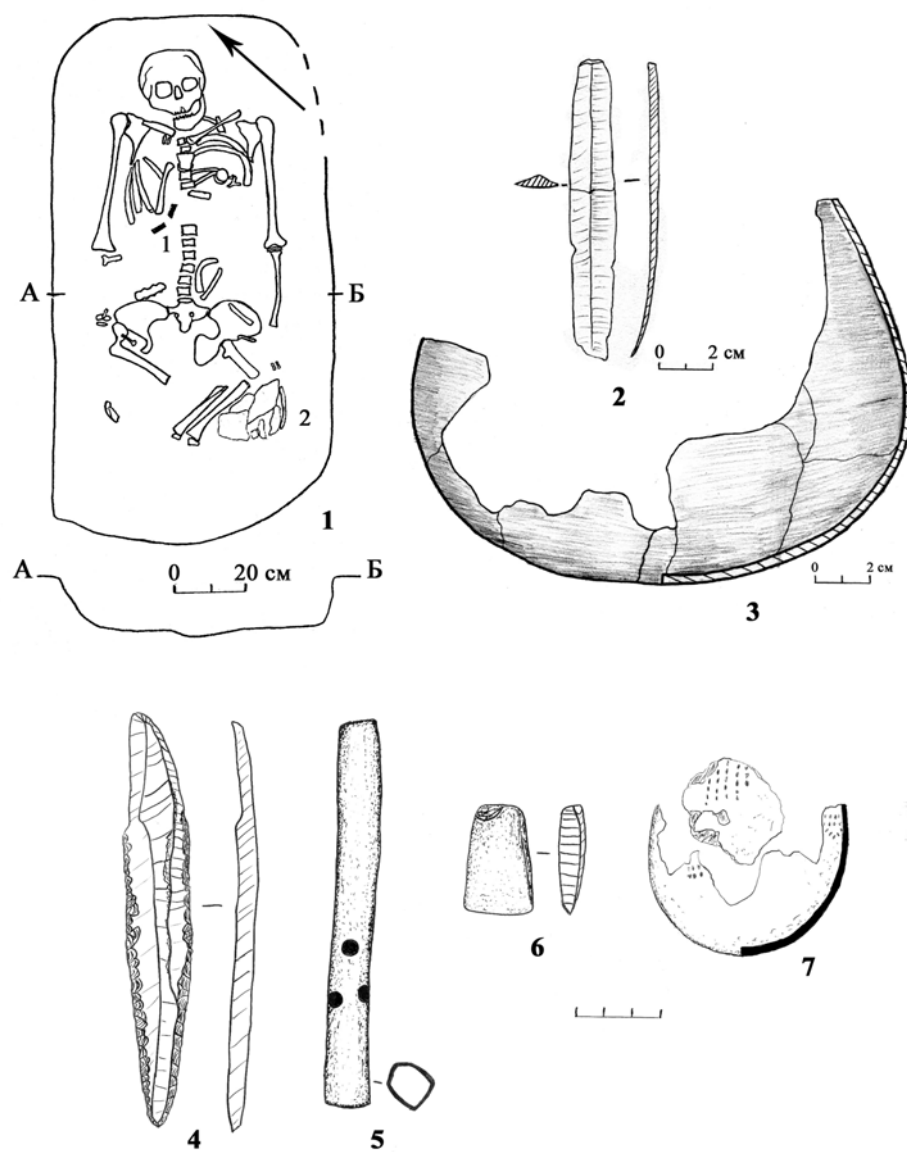

Рис. 17. План погребения 22 и вещи из Хлопковского могильника.
1-3 - п. 22; 4, 6, 7 - п. 17; 5 - п. 12. Камень - 2, 4, 6. Кость - 5. Керамика - 3, 7.

Рис. 18. Фото погребений Хлопковского могильника. 1–4 – п. 18; 5 – п. 21; 6 – п. 17.

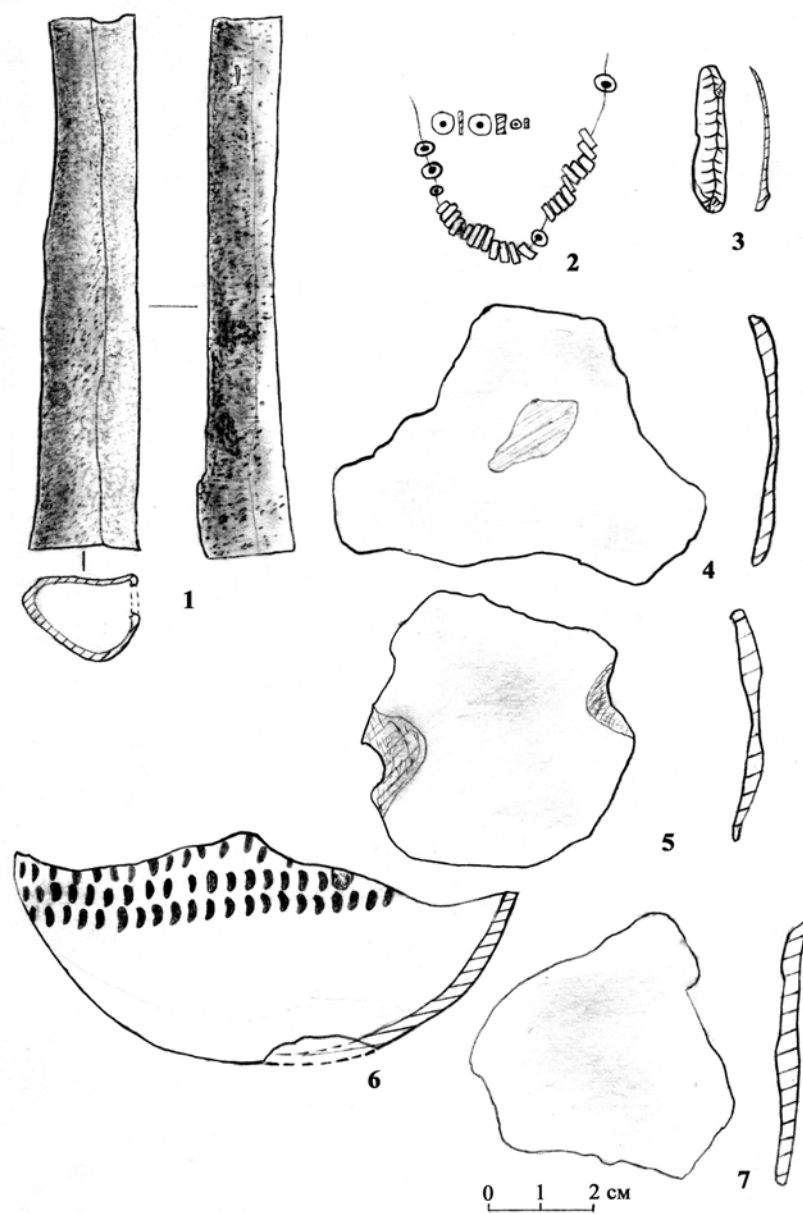

Рис. 19. Находки из Хлопковского могильника.
 1 - кость; 2 - раковина и камень; 3 - кремь; 4-6 - керамика. П. 19 - 4-7.
 Квадрат № 46 - 1 (пл. 80-100), 6 (пл. 40-60).

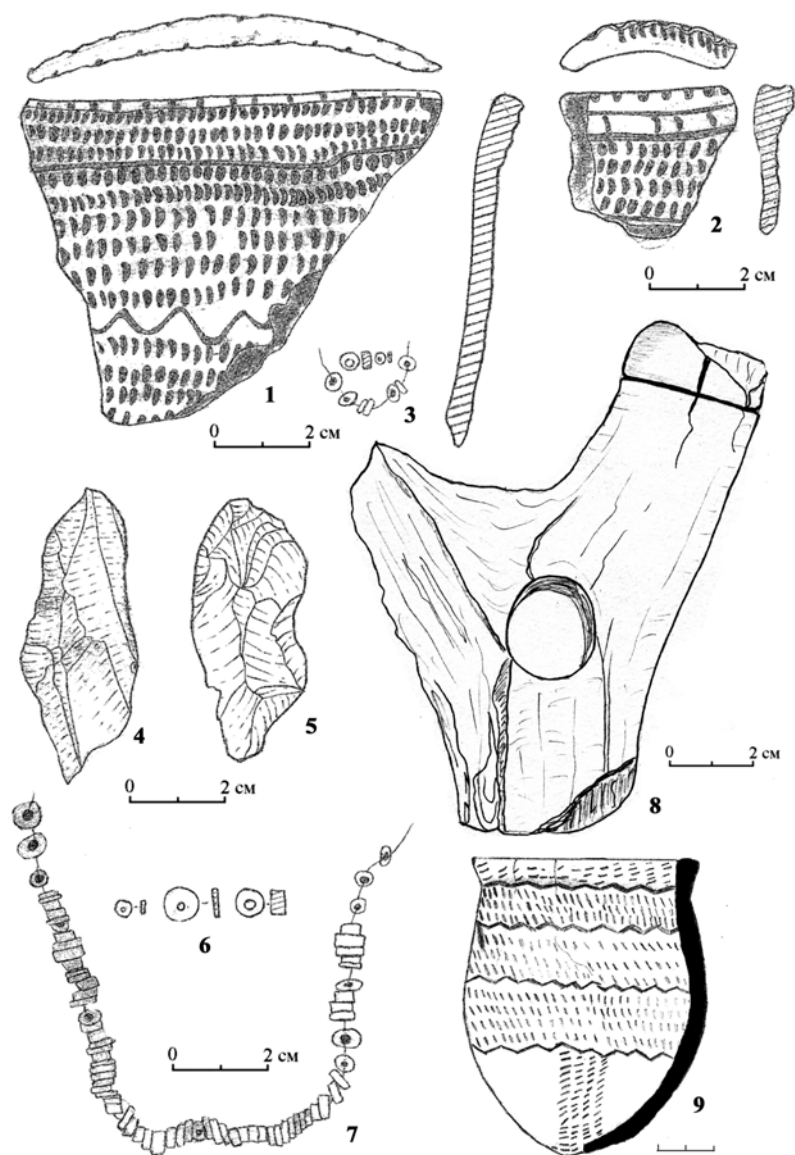

Рис. 20. Сосуд из Бережновки I
(9 - к. 5, п. 22) и вещи из Хлопковского могильника.
1, 2 - кв. 46 (пласт 40-60); 3 - п. 20; 4, 5 - п. 21; 6, 7 - п. 19; 8 - кв. 51 (пласт 60-80).
Керамика - 1, 2, 9. Раковина, камень - 3, 6, 7; Кремьень - 4, 5; Рог - 8.

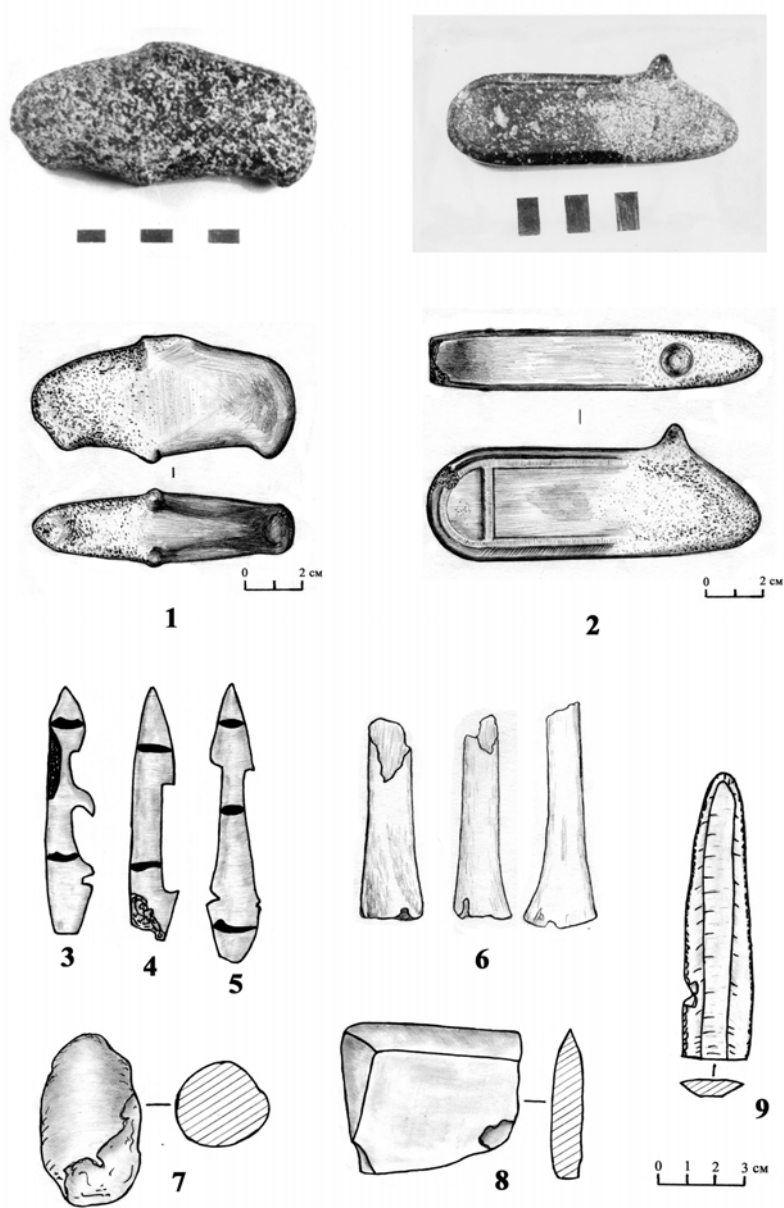

Рис. 21. Вещи из Хлопковского могильника.
1 - кв. 24 (пласт 60-80); 2, 4-8 - п. 21; 3 - кв. 45 (пласт 80-100).

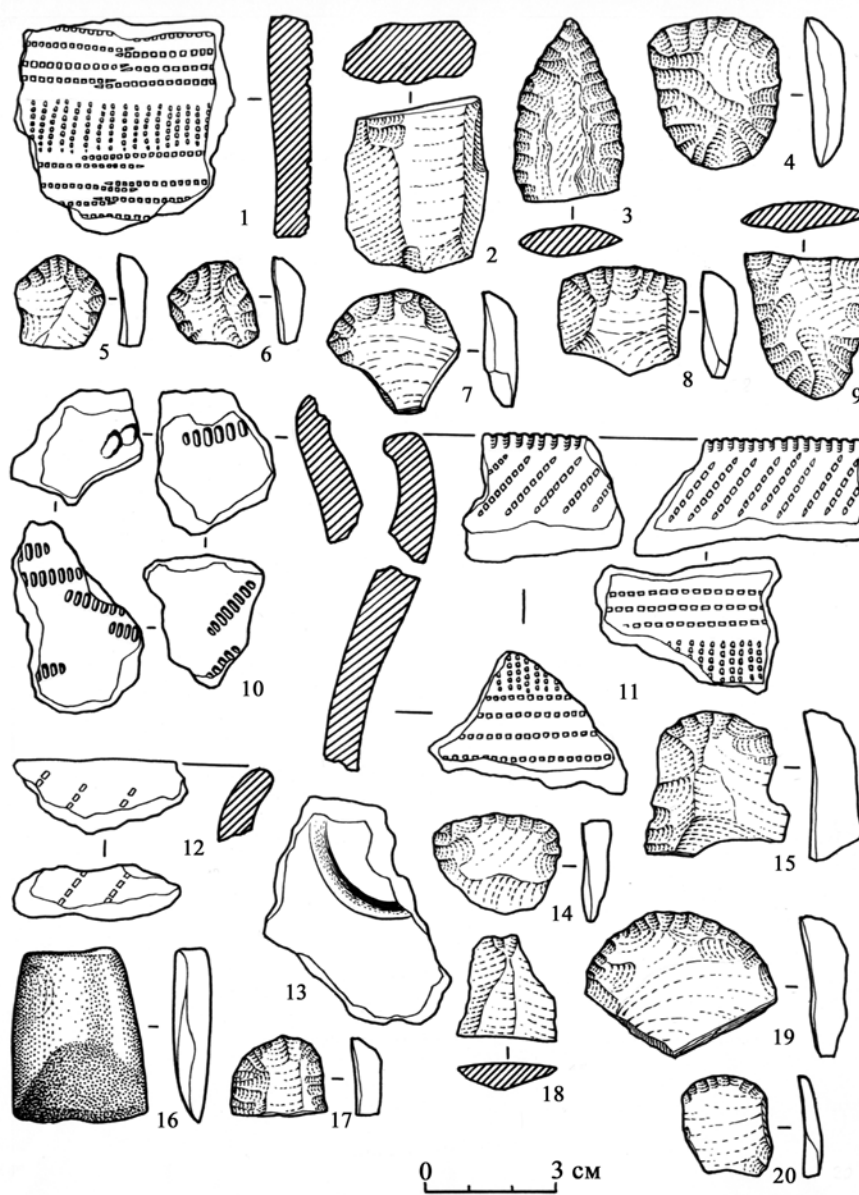

Рис. 22. Материалы из культурного слоя стоянка Алтата, пасека I (пласт 60-80 см). 1-7 - кв. 7, остальное кв. 8. Керамика: 1, 10-13. Шлифованное тесло - 16. Остальное кварцит.

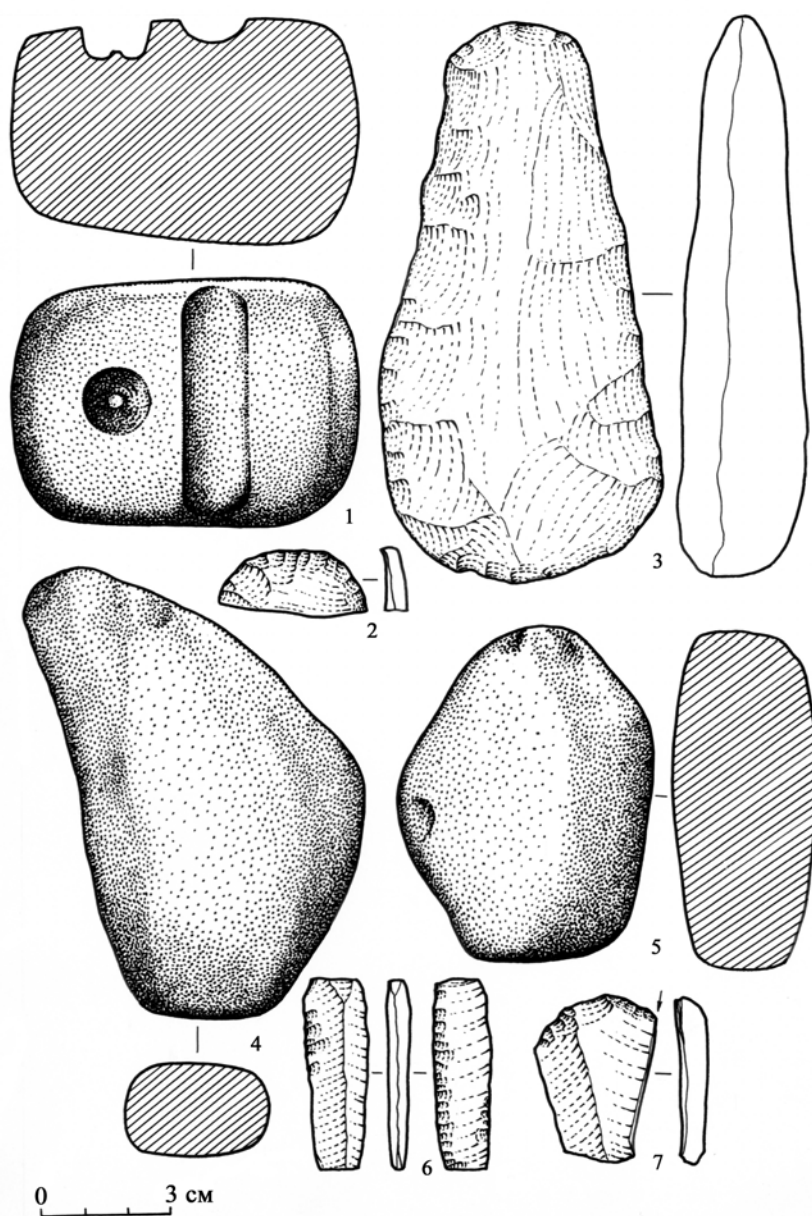

Рис. 23. Предметы из квадрата 34 раскопа I, плат 60-70 см стоянки Алтата.
Изделия из камня и кварцита (2, 3, 6, 7).

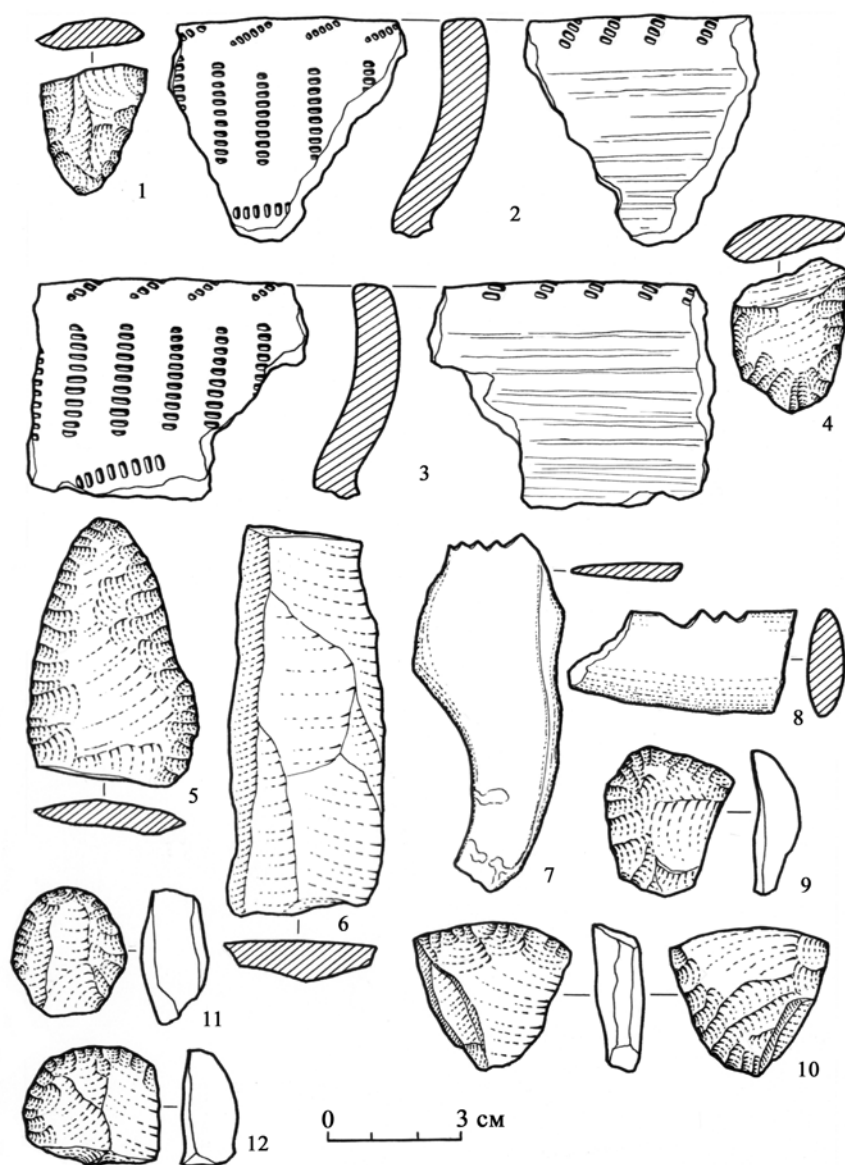

Рис. 24. Находки из раскопа Ш, пласт 60-70 см стоянки Алтата.
 1 - кв. 29; 2, 10 - кв. 30; 11, 12 - кв. 31.
 Керамика: 2, 3. Кость: 7, 8. Остальное кварцит.

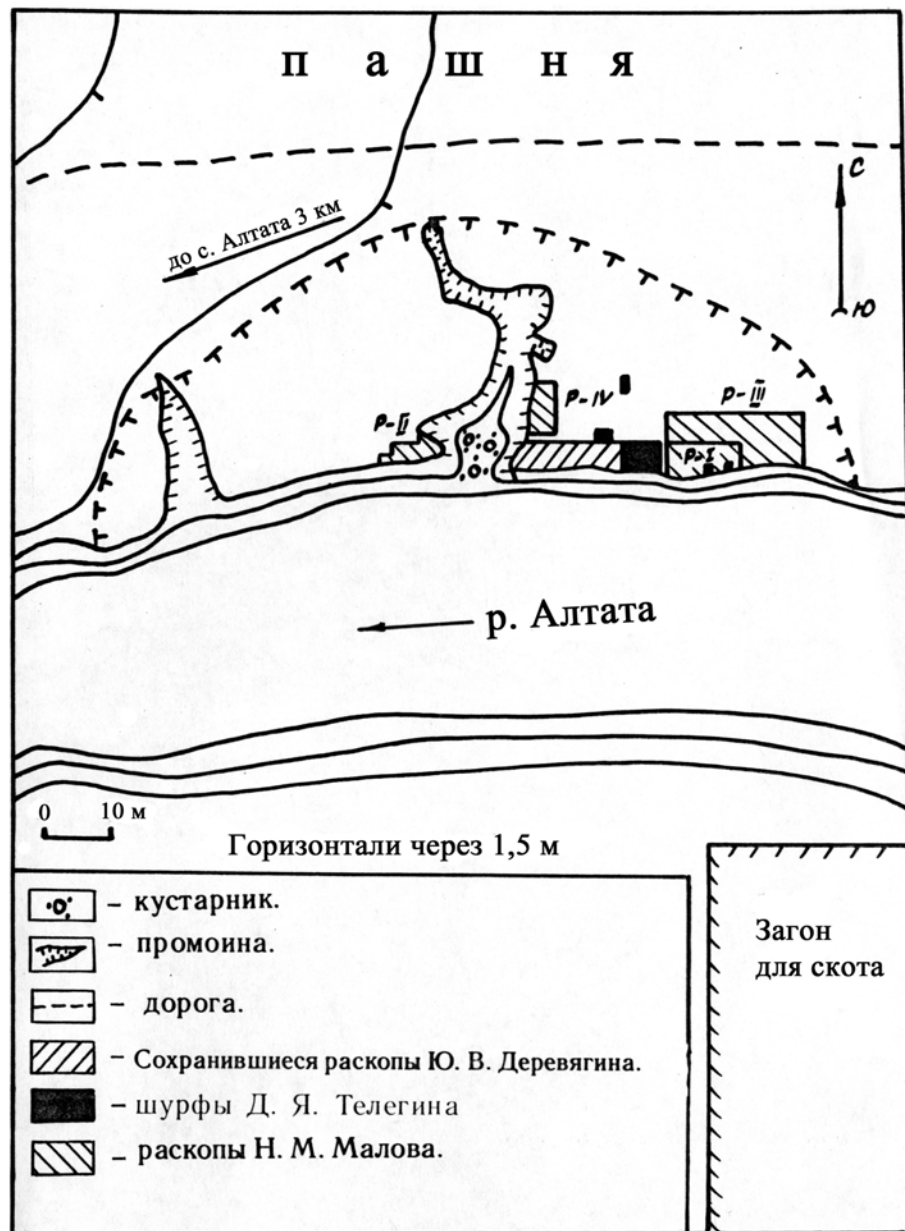

Рис. 25. План стоянки Алтата.

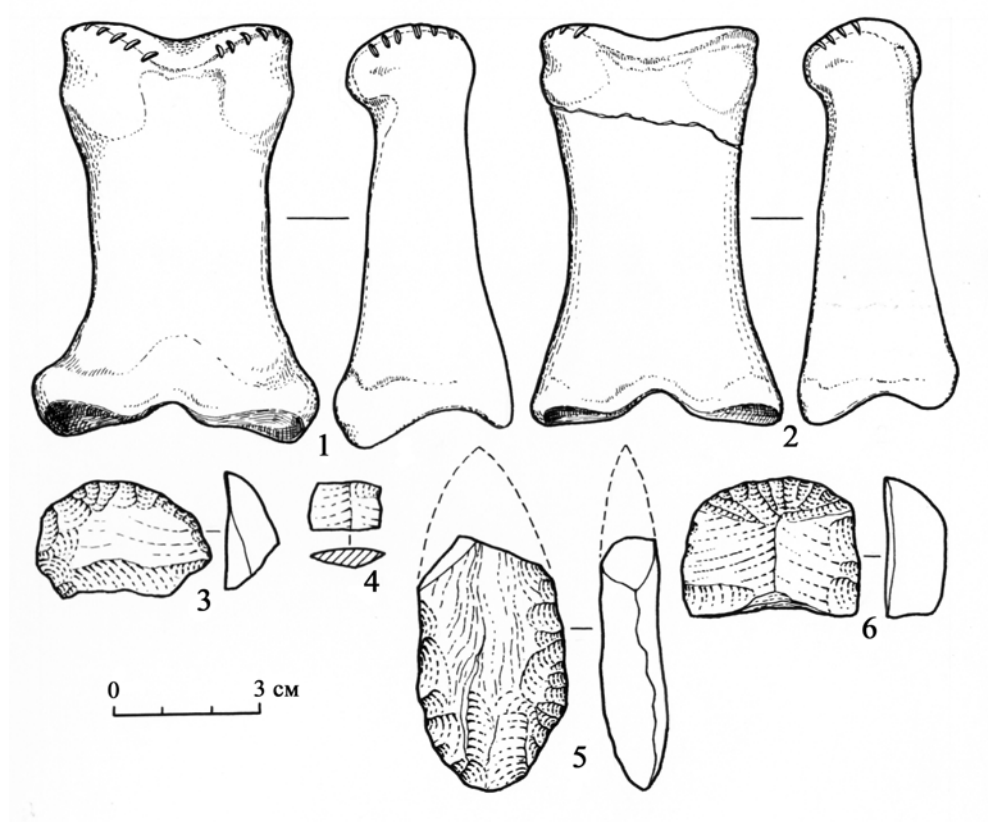

Рис. 26. Находки из пласта 60–70 см, раскоп III стоянки Алтата.
1–4 – кв. 30; 5, 6 – кв. 32. 1, 2 – кость, остальное кварцит.

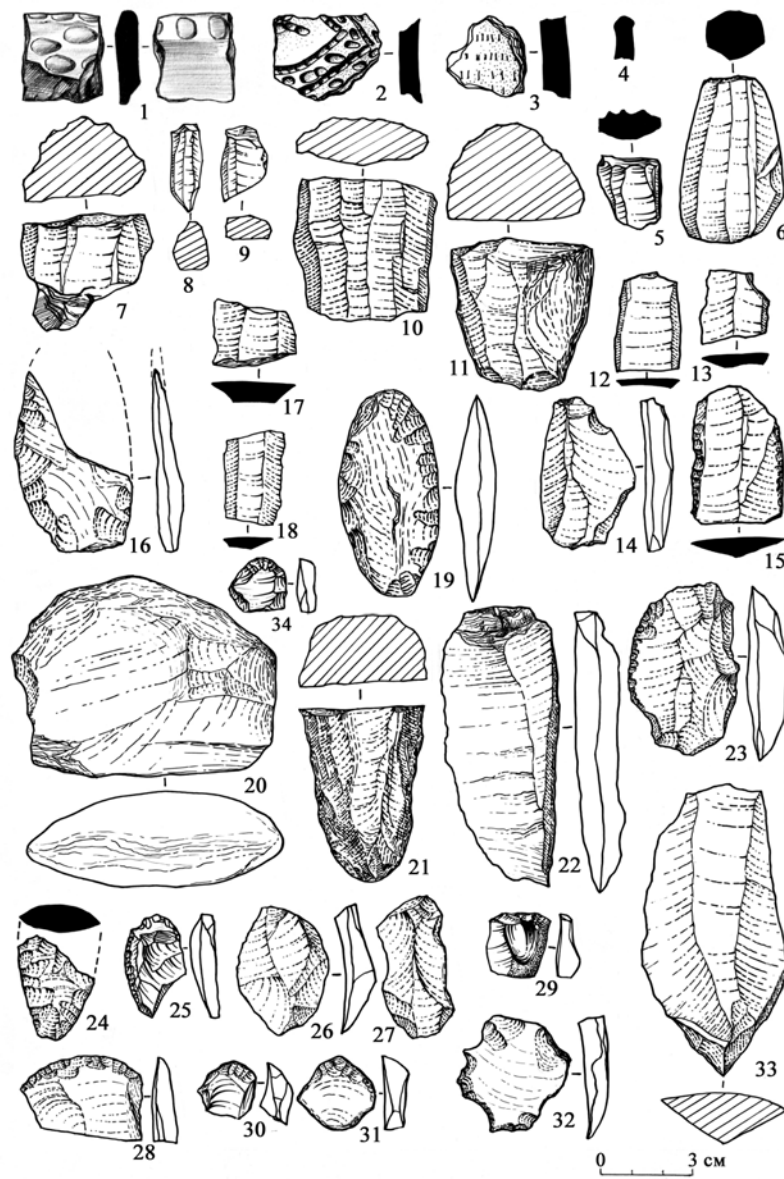

Рис. 27. Находки с Деркульских стоянок.
 Керамика: 1-4. Кремьень: 5, 8, 9, 25, 29, 30. Остальное кварцит.
 1, 5, 6, 7, 12-16, 19, 34 - Вавилово-II; 2-4, 17, 18, 21 - Кузнецово-III; 8, 9 - Кузнецово-I;
 10, 11 - Кузнецово-II; 20, 22-28, 30, 33 - Разъезд 250 - 3; 32 - Вавилово-I.

Кореневский С.Н.

СИМВОЛИКА АТРИБУТОВ ДУХОВНОЙ ВЛАСТИ
ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И
ПРЕДКАВКАЗЬЯ – КАМЕННЫХ ЗООМОРФНЫХ СКИПЕТРОВ

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 07-01-00066а

Власть духовная в первобытном обществе основывалась на волшебстве или магии, то есть на представлении, что кто-то или что-то может оказать влияние на человека, воздействовать на его жизнь вплоть до летального исхода, здоровье, поведение, судьбу, на силы природы, охотничий и военный успехи. Она охватывала сферу производства изделий, подразумевала веру в возможность отдельных лиц общения с духами и хозяевами Природы. Ее носителями могли быть особо подготовленные люди, специализирующиеся на первобытной магии, которых мы называем «культурными лидерами». В этнологии они могли найти выражения в образах колдунов, шаманов, магов, предсказателей, гадателей, облако-гонителей, ворожей, жрецов и прочих специалистов по волшебству. Сакральной властью мог обладать также административный лидер общины, или вообще творящий регулярно «ворожбу» и «волшебство» человек. Специалисты по первобытной магии выработали со временем свои атрибуты и знаки профессии, как например, бубен, посох, маску, головной убор, подвески к костюму, жезл, а также иные. Археологически сохраняются из них немногие, в основном предметы из камня, металла и кости, реже из дерева. Цель настоящей работы – изложение версии об интерпретации изображений зооморфных скипетров – наверший посохов эпохи энеолита юга Восточной Европы и Кавказа. Ее главные объекты – каменные изваяния с вырезанной головой животного или некими зооморфными деталями. Дата рассматриваемых вещей, – примерно, V тысячелетие до н. э. в основном его середина и вторая половина, а также IV тыс. до н. э. Методика работы связана с двумя областями исследования. Первая область касается фактологической базы, вторая – затрагивает область интерпретации.

Наиболее полные типологические сводки скипетров класса 1 даны в работах Б. Говедарицы и Э. Кайзер, [Govedariča B., Kaizer E., 1996] Д.А. Телегина, [Телегин, 2000], В.А. Дергачева [2000, 2005], И.В. Манзуры [Манзура 2000]. Ниже приводится их типологическая группировка по работам В.А. Дергачева с небольшими нашими добавлениями.

Скипетры зооморфные натуралистические с выступом. Они найдены, как обобщенная форма, на могильнике Хлопково (рис. 1, 1), у с. Ариушд (рис. 1, 2), в виде более реалистических изображений в Фитионешть (поселение) (рис. 1, 3), Режево (рис. 1, 4), Драма (рис. 1, 5), Винул де Жос (рис. 1, 6), Феделешень (поселение) (рис. 1, 7), Кайраклия (рис. 1, 8), Сэлкуца (поселение) (рис. 1, 9), Суворово (погребение) (рис. 1, 10), Терекли-Мектеб (рис. 1, 11), Суводол (рис. 1, 12), Касимча (погребение) (рис. 1, 13), Кокберек (погребение?) (рис. 1, 14) [Дергачев, 2005], Золотоноша Черкасской области (рис. 1, 15) [Ковалева, 2007. С. 65–68, рис. 1.).

Скипетры зооморфоно абстрактные гладкие. Хвальынск (погребение) (рис. 2, 1), Хвальынск 2а (погребение) (рис. 2, 2), [Дергачев, 2005].

Скипетры абстрактные с огранкой: Бырлэлешть (поселение) (рис. 2, 3), Обыршень-1 (поселение) (рис. 2, 4), Ростов-на-Дону (рис. 2, 5), [Дергачев, 2005].

Скипетры абстрактные с желобами. Константиновское (поселение) (рис. 2, 6), Ясенева Поляна (поселение) (рис. 2, 10), Березовская ГЭС (поселение) (рис. 2, 6), Жора де Суз (поселение) (рис. 2, 7), Вэлень (рис. 2, 8), Ружиноаса (рис. 2, 12) [Дергачев, 2005., Дитлер, 1964].

Скипетры зооморфные абстрактные с U-образными обводными линиями и линией – перехватом: Обыршень-2 (рис. 2, 13), Хлопково (могильник) (рис. 2, 14), Куйбышев (рис. 2, 15), Шляховский (погребение) (рис. 2, 16), Архара (погребение) (рис. 2, 17), Могошнешть (рис. 2, 18), Владикавказ (рис. 2, 19), Джангар (погребение) (рис. 2, 20) [Дергачев, 2005., Шилов, 1987., Цуцкин, 1981., Клепиков, 1994].

Навершия зооморфные втульчатые, топоробразные. Корнэцел (рис. 3, 1), Альба Юлия (рис. 3, 2), Кюлевчи (погребение) (рис. 3, 3), Дагестан (рис. 3, 4) [Дергачев, 2005].

Навершие зооморфное, втульчатое, клевцообразное. Мариуполь (рис. 3, 5) [Дергачев, 2005], с. Красное Артемовский район Донецкой области (рис. 3, 6) [Черных, 2006. С. 62, рис. 2].

Навершия зооморфные втульчатые, булавообразные: хут. Чекон (Краснодарский край) (рис. 4, 8), с. Аксай Волгоградская область (рис. 4, 9) [Новичихин, Трифонов, 2006].

Навершия абстрактно-зооморфные булавообразные втульчатые, двучастные. Мариупольский могильник, (погребение 24) (рис. 4, 1), Острогжский музей (рис. 4, 2, 3), хут. Водопадный (рис. 4, 4), Волгоградский музей (рис. 4, 5), Копанице-I (поселение) (рис. 4, 6), Караузек (рис. 4, 7) [Васильев, Синюк, 1985]. Сенькове Харьковской области (р. Оскол) [Черных, 2006. С. 64, рис. 4] (рис. 4, 10).

Форма двучастной булавы необычна для этой категории оружия и никак не связана с его ударными функциями. Двучастность булавы-наверший уже прослеживается на втульчатых зооморфных скипетрах типа Аксай-Чекон. Поэтому можно предположить, что двучастные булавы стали наиболее простым выражением зооморфизма с передачей фигуры зверя.

Исследователи давно отметили, что распространение скипетров отражает две или три их основные географические зоны. Восточный ареал включает Поволжье, Волго-Донские степи. Западный – пространство от р. Днестр до Подунавья и Карпат. Третий ареал – Предкавказский (рис. 5). В последней зоне их найдено менее всего. Двучастные булавы концентрируются в доно-

волжском регионе, проникая в Предкавказье (рис. 6). Зооморфные каменные топоры в небольшом количестве найдены в Подунавье (рис. 6).

В западном ареале скипетры реалистических форм датируются по находкам на поселениях узкими рамками Кукутени А-3, А-4 или второй половины периода Триполье В1 [Манзура, 2000. С. 255]. Они найдены на территории таких энеолитических культур как Гумельница, Сэлькуцы-IV, Криводол, Петрешти, Бубани. В этой же зоне известны и втульчатые скипетры – топоры (Корнэцел, Альба Юлия) (примерно, территория культур Сэлькуца, Петрешти). Дата реалистичного скипетра из погребения 7 кургана II группы Суворово (скелет 1) [Govedariča B, 2004. Tafel. 18], как и топора из погребении в Кюлевчи, определяется в общих чертах дат погребений новоданиловского типа среднестоговской культуры, в основном, концом Триполья VI–VIVII.

В восточном ареале погребения с реалистично выполненными скипетрами неизвестны (по крайней мере, не опубликованы). Нижняя дата скипетров Хвалынского могильника сейчас соответствует концу Триполья А – началу Триполья VI, а также определяется временем памятников среднестоговской культуры новоданиловского типа (в целом принята дата времени Триполья VI–VIVII). В Предкавказье дата поселения Ясенева Поляна, на котором найден обломок каменного втульчатого наверху и желобчатый скипетр, относится к времени Триполья VI – Триполья VIVII, причем радиоуглеродными датами наиболее обоснован второй интервал. Самая поздняя находка желобчатого скипетра связана с Константиновским поселением. Она не исключает датировку скипетра временем майкопской культуры (то есть IV тыс. до н. э.). Но без собственных дат этого памятника о возрасте его компонентов вопрос открыт [Кияшко, 1994].¹ (См. Примечание).

Где и когда ранее всего появились скипетры вообще, – предмет долгих споров. Есть точки зрения об их восточной прародине [Даниленко, Шмаглий, Гимбутас, Дергачев, Сорокин. Энтони, Мэлори, Комша] и западной, по крайней мере, для реалистических форм [Збеневич, Сафронов, Резепкин, Говедарица и Кайзер, Манзура] [Манзура, 2000. С. 254].

В западном ареале они являются атрибутом кукутени-трипольского общества, в котором и возникли, как считает И.В. Манзура [Манзура, 2000. С. 257]. В восточном ареале они относятся к хвалынской культуре или ее «курганным» дериватам, культурная принадлежность которых пока точно не определена: так называемые памятники новоданиловского типа среднестоговской культуры [Котова, 2006] или памятники протоямной культуры: Шляховский, Джангр, Архара.

¹ **Примечание.** Хронология упомянутых культур и памятников, имеющих радиоуглеродные определения возраста. Кукутени А – 46–41 вв. до н. э. (синхронны культуре Гумельница, Коджадермен, Варна). [Cucuteni, 2006] Триполье А – 52/51–47/46 вв. до н. э. Триполье VI–VIVII – 47–41 вв. до н. э. [Бурдо 2001, Видейко 2003, 2004]. Погребения новоданиловского типа, западный ареал 45–42 вв. до н. э. (Кайнары, Деча Мерешелуй п. 12, Джурджулешти п. 3) [Govedariča B, 2004] (Культура накольчатой жемчужной керамики (предмайкопский период) 45–40 вв. до н. э. Ясеновая Поляна – 43–40 вв. до н. э. (предмайкопские интервалы дат), Майкопская культура 40/39–30/29 вв. до н. э. [Корневский, 2004, 2006]. Хвалынский могильник 52–47 вв. до н. э. [Агапов, Васильев, Пестрикова, 1990., Шишлина, Й. Ван дер Плихт, Зазовская, 2006, С. 135–147]. Дата приводимого в статье погребения Хвалынского могильника – GrA 26899 5840 ± 40, BC 4772–4623, но неизвестно какого захоронения.

Если рассматривать картину более детально по типам реалистичных, абстрактно-желобчатых и абстрактных U-образных скипетров, то получится следующая статистика.

Реалистичные скипетры и зооморфные каменные топоры в западном ареале известны только из погребений с «протоямным» обрядом захоронения покойных на спине скорчено с посыпкой охры (Суворово, Касимча, Кюлевчи). Сведений об их находках в погребениях с аналогичным «протоямным обрядом» на востоке нет (точнее, не опубликовано). Зато именно с восточным ареалом скипетров связаны находки в погребениях абстрактных скипетров архаринского простейшего типа и типа с U-образным орнаментом (Хвальинский могильник, Шляховский, Архара, Джангар). Скипетры желобчатой формы из погребальных комплексов не известны.

В целом, статистика позволяет ставить вопрос о том, что именно погребальные традиции энеолитического населения юга Восточной Европы с каноном положения умерших сородичей на спину с посыпкой охрой включали в свои правила помещение каменного скипетра или зооморфного навершия в могилу.

Для погребальных канонов культур земледельцев и скотоводов балкано-дунайской ориентации такой статистики вообще не отмечено, если вспомнить комплексы некрополей Дуранкулака, Варны и прочих могильников. Этот факт позволяет считать, что скипетр получил особое место вещи погребального обряда именно в мифологии восточноевропейского населения энеолита с «протоямными» традициями захоронения. У оседлых поселенцев культур круга Кукутени-Триполья об этом мало что известно, хотя использование аналогичных скипетров-наверший в их культурах несомненно.

В целом каменные скипетры или втульчатые зооморфные навершия в рассматриваемом круге памятников являлись как бы «межкультурными» предметами, отражали сформировавшиеся каноны символов веры для совершенно различных по происхождению и путям формирования племен земледельцев и пастушеских скотоводов. Что же это были за символы веры и кого они изображали?

Реалистическая традиция. Каменные скипетры – вставки представляют из себя искусно сделанные предметы четко определенных форм нескольких типов, о которых упоминалось выше. На их изготовление шли разные породы камней. Чаще всего диорит и гранит, реже – порфирит, амфиболит, базальт, песчаник [Дергачев, 2005. С. 39]. Их изготавливали, порой, явно мастера своего дела – одаренные в художественном отношении люди, резчики по камню. Отдельные из них были способны передать в камне портретные, реалистические черты животного (Суворово) или искусно вырезать детали морды воображаемого зверя. То же самое можно сказать в отношении мастеров, сделавших каменные скипетры – топоры, скипетр-клевец. Хорошее чувство симметрии должно было быть у камнерезов, мастеров абстрактные скипетры с линиями-обводами и поперечной полосой, так называемые скипетры Архаринского типа. Наиболее просты в изготовлении были двучастные булавовидные скипетры. В целом, изготовление подобных художественных вещей – удел не всех.

Накопленные материалы уже не говорят о единичных формах скипетров. Они иллюстрируют довольно определенные каноны и, как бы, три на-

правления в их семантике: натуралистическое, стилизованное и абстрактное. Предметы первого натуралистического направления единичны. В других случаях мы сталкиваемся с кодированной стилизацией образа или с его полной абстракцией. В последнем случае вещь теряла всякую наглядность натуры и превращалась в знак или символ, который могли понять только посвященные лица.

Среди скипетров, изображенных в натуралистической манере, можно отметить только одну вещь, находку из Суворово (рис. 1, 10). Она отражает голову эквида и весьма похожа на голову этого животного, запечатленного на серебряном майкопском кубке. (рис. 7, 4) Выгравированный на кубке зверь – это либо онагр, либо лошадь Пржевальского, поскольку хвост у него заканчивается кисточкой – предмет охоты или культового поклонения. При этом нет никакой уверенности, что прообразом скипетра из Суворово была лошадь домашняя и это было бы свидетельством об ее приручении. Поэтому данных о древнем коневодстве рассматриваемая вещь не несет.

Все остальные, так называемые реалистические, скипетры представляют из себя стилизацию некоего образа. Они имеют уплощенную прямоугольную форму сечения «курносый» профиль, как правильно отметил А.Д. Резепкин [Резепкин, 2002]. Скипетры различаются деталями, пропорциями головы. Но в целом по ним можно составить некий обобщающий портрет животного. Для этого собирательного образа характерны «курносость», крупная пасть гораздо более длинная, чем пасть у лошади, в одном случае горбинка на носовой кости. У зверя-прототипа были крупные ноздри, уши, грива на загривке. Глаза обрамлялись надбровными дугами. Для их подчеркивания использовалась тройная линия обводки. На профиле головы, посередине морды может изображаться выпуклая линия, заходящая на приподнятый нос.

Курносость морды отражена также в зооморфных булавах типа Аксай – Чекон. Особенно красочна вторая находка (рис. 7, 6). Перед нами сильно стилизованное, тупорылое животное с раздутыми ноздрями, «губастым ртом», отвислыми ушами. Находка из Аксаи передает тот же образ, но сделана проще.

Курносый профиль головы животного передан на каменных втульчатых топорах-скипетрах, (Альба Юлия, Корнэцел из Румынии).

Другие, «не курносые» образы зверей редки. Так на топоре из Кюлевчи выделены только нависающие надбровные дуги, глаза, но нет курносого профиля (рис. 3, 3), то же самое прослеживается на клевце из Мариуполя (рис. 3, 5). Топор из Дагестана (рис. 3, 4), возможно, снабжен двумя глазами. Но его зооморфный прототип весьма проблематичен.

Оригинальна находка клевца-молота из с. Красное (рис. 3, 6). Его ударная часть напоминает копыто или утиный клюв.

Ниже попытаемся дать интерпретацию образов животных, изображаемых на рассмотренных выше скипетрах.

Дельфин. Крутолобые образы морды зверя с небольшим прямым носом изображены на топоре из Кюлевчи (рис. 3, 3) и на клевце из Мариуполя (рис. 3, 5) – это редкие изображения, лишённые «курносости». Возможно, они передают голову дельфина. Места их находок не так далеки от водной стихии, где водились такие морские животные. Но «курносые» изображения не напоминают этого зверя.

Кабан. А.А. Иессен полагал, что реалистические скипетры (Терекли Мектеб) напоминают кабана [Иессен, 1952]. А.М. Новичихин и В.А. Трифонов, отмечая мнение А.А. Иессена, замечают, нельзя делать вывод, что все реалистические скипетры изображают это животное [Новичихин, Трифонов, 2006, С. 85]. Они более склонны разделить точку зрения Б. Говедарицы и Э. Кайзер о том, что большинство реалистических скипетров иллюстрирует «преднамеренное искажение реального образа животного и превращение его в фантастический персонаж» [Govedariča, Kaizer, 1996., Новичихин, Трифонов, 2006. С. 85].

Очень широко распространена «лошадиная версия» интерпретации зооморфных реалистических и абстрактных скипетров [Даниленко, Шмаглый, 1972., Даниленко, 1974., Телегин, 2000., Дергачев, 2000, 2005, 2006]. Но за исключением находки из Суворова (рис. 1, 10) ни один из скипетров не имеет подлинно профиля головы эквида, который, например, изображен на майкопском кубке (рис. 7, 4). Они в основном все – «курносики». А курносый профиль для лошади не типичен.

В 2006 году мне также пришлось затронуть поднятую тему о семантике скипетров [Кореневский, 2006а]. Для поиска прототипа животного, которое могло бы стать прообразом каменных «курносики», я посетил музей им. Дарвина и Зоологический музей АН РАН в Москве, поскольку в них имеются чучела европейских кабанов. Особенно интересен был зверь из Дарвиновского музея. Это матерый вепрь. Его шкура имеет, скорей всего, полный наряд. (То есть, он не находится в периоде линьки). На его кабана проступает опушка щетины с седой проседью, выделены длинные бакенбарды, тянущиеся вдоль морды и поднимающиеся вверх чуть позади носа-пяточка. На загривке – внушительная грива. Уши острые. Над глазами нависают надбровные дуги, а участок носа имеет небольшую горбинку. А вот клыки кабана совершенно не видны (рис. 8).

При сравнении с этой натурой каменных натуралистических скипетров при некотором воображении можно предположить, что прототипом для «курносых» скипетров мог стать именно образ кабана (рис. 8, 1, 2, 4), причем, вид матерого зверя в расцвете сил. Подчеркивались мелкие для нас, но важные для древних людей, детали морды. Прежде всего, курносый нос – пяточок, крупные ноздри, длинная пасть, бакенбарды (Сэлкуца), заходящие на нос (Суводол), надбровные дуги (Касимча), складки кожи, небольшие уши (Терекли Мектеб), грива (Кайраклия). Наиболее близок к натуре скипетр из Кокберека. (рис. 7, 5). Его нос имеет горбинку. Именно так передавал образ кабана, например, художник, изобразивший его на серебряном майкопском кубке из кургана Ошад (рис. 7, 1, 2, 3). Другие реалистические скипетры более стилизованы и у них нет горбинки носа. Почему? Видимо на это были свои причины. Случайности тут нет, скорей всего, правила диктовали художникам свой тип «курносости», как бы уводя образ от реального прототипа в область гипотетической (мифологической) стилизации.

Ящер. Так кто же мог быть этот мифический зверь, наделенный чертами, присущими кабану? И можем ли мы обсуждать этот волшебный персонаж. Да, можем. Для этого обратим внимание на каменные скипетры-топоры из Корнэцел и Альба Юлии (Румыния), относимые к эпохе неолита или, по крайней мере, к ранней стадии производства каменных топоров с отверсти-

ем, действительно возникших в неолите или в энеолите балкано-карпатских культур² [Дергачев, 2005. С. 97, рис. 7, 5]. У обоих топоров из Корнэцел и Альба Юлии одинаково смоделирована курносая мордочка. На топоре из Корнэцел голова выделена тремя параллельными линиями (рис. 9, 1). Здесь применен тот же самый прием декора (или символики?) который использовался на клевце из Мариуполя или фигурке из Касимча (рис. 9, 2, 3).

На скипетре из Альба Юлии показаны два глаза, а на топоре из Корнэцел даже три – явный признак мифологического существа. Самое главное, это мифологическое существо хорошо различимо при виде топора сверху (рис. 9, 1). Художник дорисовал к трехглазой мордочке тулово, используя прием строенных или сдвоенных линий. Передана относительно длинная тонкая шея, втулка вписана в само тело-туловище. Передние лапы меньше задних лап и снабжены ластами или перепонками. Задние лапы крупные и тоже с ластами. У монстра есть мощный хвост, но не рыбий. Он поставлен в горизонтальной плоскости. Таким хвостом обладает дельфин.

Но это не дельфин, конечно. У дельфина нет «курносой» морды и таких волшебных лап. Зверь связан с водной стихией и только напоминает это морское животное. Иными словами, перед нами изображен водоплавающий монстр-мутант, созданный человеческой фантазией с чертами головы курносого зверя, хвостом дельфина, разноразмерными лягушиными лапами – ластами. В русской мифологической традиции его можно принять за ящера – обитателя нижнего мира мертвых, то есть монстра с туловищем змея, но с ногами – конечностями. Именно так и выглядит ящерица. В греческой и скифской мифологии таким морским монстром может стать одна из разновидностей гиппокампов (рис. 9, 4, А–Г). (По гречески, гиппо – лошадь, камп – гусеница) [Бессонова, 2004, С. 25–30].

Гиппокамп или Драгонкамп. Кто же такие были гиппокампы? Знаем мы о них из греческой мифологии мало. Гиппокампы были фантастическим созданием воображения греческих художников. Они имели голову лошади, ее передние ноги, змееподобное тулово, плавники и раздвоенный дельфиний хвост. Жили они в царстве Посейдона и в царстве Аида. Во время Троянской войны гиппокампы стали средством перевозки нимф, несущих оружие, выкованное Гефестом, Ахиллу. Пожалуй, и все, что о них известно (рис. 9, 4, А–Г). [Кун, 1960. С. 348]. Но эта информация явно не полная. Глядя на изображения греческих гиппокампов, сразу заметно, что среди них есть существа с драконьей головой, так называемые «драгонкампы» (рис. 9, 4В). Туловище драгонкампов мало чем отличается от туловища гиппокампа, но морда создана не на основе лошади, а на основе некоего курносого зверя или головы морского конька. Последнее не исключено, но морской конек – это рыба и у него не может быть ни ног, ни стоячих ушей, ни дельфиньего хвоста, ни лап.

Интересный фриз с гиппокампами и драгонкампами отражен на серебряной вазе из скифского кургана у с. Дуровка [Пузикова, 2001. С. 243, рис. 41]. Всего на ней показано пять мифических существ. Три из них – гиппокампы, два других – мифические драконы (рис. 10). У изображаемых драгонкампов

² Стилизованные зооморфные втульчатые скипетры Балкано-Подоунавья достоверно датируются эпохой энеолита, поэтому вполне возможно отнесение к этому времени находки из Корнэцел.

морда передана как курносое рыло животного с торчащими вверх ушами, на голову рыбы оно не похоже. (рис. 10, 3, рис. 11, 3). У рыб ушей не бывает. Туловище длинное, змееподобное и заканчивается дельфиньим хвостом. У водного драгонкампа есть четыре лапа, вместо передних ног настоящего гиппокампа (рис. 10, 3). То есть по ряду важных признаков (курносый профиль головы, туловище с хвостом дельфина, лапы или лапы с ластами) этот мифический персонаж фракийско-греко-скифского пантеона божеств совпадает с изображением ящера-дракона на каменном топоре из Корнэцел эпохи неолита.

В итоге наших рассуждений мы можем предположить, что фантастический зверь, скрытый в стилизованном образе «курносых» каменных наверший и есть прообраз зооморфного божества с чертами кабана или водного дракона-ящера. В его фигуре могли воплотиться признаки разных существ земли и моря, что совершенно не удивительно для мифологического мышления людей далекого прошлого. Так, например, в мифах о Язоне и Асклепии упоминается волшебный кабан-дракон, рожденный в образе змея [Голосовкер, 1993. С. 141]. В рассматриваемом случае энеолитический ящер создан на основе изображения кабана, дельфина и морского конька. Последний прототип – морской конек – уже обсуждался в литературе [Словарь античности. 1985, С. 143].

Абстрактные скипетры. Идентифицировать напрямую другую обширную группу абстрактных скипетров с каким-либо образом (зверя, морского животного, рыбы) невозможно. Его вид полностью закодирован, хотя эта кодировка выдерживается в жестком каноне декора у скипетров архаринского типа с обводкой по периметру и линией – перехватом. Менее – у скипетров с желобами. Версия о том, что на скипетрах архаринского типа можно различить деталь конской узды весьма спорна. Об этом хорошо и верно написали А.М. Новичихин и В.А. Трифонов [Новичихин, Трифонов, 2006]. И все же, что немного можно отметить в особенностях этих загадочных предметов.

Во-первых, скипетры архаринского типа имеют то же самое плоское, подпрямоугольное сечение корпуса, как и зооморфные реалистические скипетры. Это является указанием на единство формальной основы для передачи изображения как явно животного, так и некой абстракции.

Но каплевидная форма абстрактных скипетров с расширением к скругленному окончанию не напоминает ни один абрис головы зверя, ни деталь человеческого тела, например, фаллоса [Манзура, 2000. С. 259]. Декор абстрактных скипетров тремя, двумя обводными линиями по контуру и поперечной линией – перехватом делит скипетр как бы на две части. Переднюю – «голову» и заднюю – «туловище». Но так ли это? Трудно сказать.

Очевидно одно. Декор орнаментом в виде сдвоенных, строенных выпуклых линий на скипетрах абстрактной формы есть не что иное, как элемент подчеркивания глазниц, области головы реалистических скипетров и топора – скипетра из Корнэцел. Поэтому абстрактные скипетры, может быть, это еще один фантастический образ «ящера» или некоего иного волшебного зверя, переданный лишь намеком, скупым приемом орнаментации. Но доказательства для такой версии нет, лишь общие рассуждения.

Небольшая группа абстрактных скипетров с желобами, куда входит обломок скипетра с Ясеновой Поляны, может рассматриваться как некая побочная ветвь в типологовании форм скипетров архаринского типа. Желоба и линии обводов у них могли иметь некий знаковый смысл. Но ареал этих находок пока довольно узок.

* * *

Так называемые реалистические скипетры – вставки восточноевропейской традиции отражают сложение у населения степной и лесостепной зоны энеолита времени Триполья VI–VII устойчивых зооморфных культов, образы которых начали использоваться на жезлах и формах оружия. Прототипами для этих изображений служили известные по единичным экземплярам изображения в камне лошадь Пржевальского или онагр, а также, возможно, дельфин. Наиболее массовыми находками представлены образы, созданные на основе «курносой» головы кабана. Четко фиксируется фантастический персонаж водного ящера или дракона с дельфиньим хвостом и стилизованной мордой вепря, своеобразного прототипа древнегреческих драгонкампов.

В распространении зооморфных наверший эпохи энеолита выделяются две главные зоны. Первая связана с нижним Подунавьем (Румыния, Болгария) и Прутом, где более всего учтены «курносые» зооморфные скипетры, здесь же фиксируется образ ящера.

Вторая зона связана с областью Приазовья, Среднего, Нижнего Дона и Прикубанья. Она отражает сложившийся здесь у племен среднестоговской общности оригинальный тип двучастной зооморфной булавы, представляющей, скорей всего, вариацию на тему фигуры с кабаньей курносой мордой или иного волшебного зверя.

Эти находки позволяют ставить вопрос о почитании племенами разных культур культа кабана, более локальных культов лошади – онагра, дельфина и волшебного ящера – дракона.

Впоследствии ряд из них нашли яркое отражение в мифологии древних европейцев, став символами богатства, мощи, плодородия (кабан), символами хозяина подземного царства, связанного с культом плодородия и глобальными циклами возрождения природы в ее «женском начале». Последний образ соответствует мифам о ящере или водном драконе (Согласно мифологии германцев, славян, греков и иных народов) [Иванов, 1987. С. 394–395].

Отзвуки поклонения ящеру-змею, как существу, причастному к культам плодородия и сезонности природы, сохранились в славянской мифологии и украинском фольклоре, отражая многовековую глубину мифологической памяти народов [Войтович, 2002. С. 617–618].

Энеолит Северного Причерноморья и Предкавказья, как хорошо видно из рассмотренного материала, время появления в заупокойных культах различных вещей, как символов, общественных отношений, отраженных погребальной практикой в «мифологии смерти». Каменные скипетры, исследованные в представленной работе, по всей видимости, могли быть знаками лидеров духовной власти племен протоямной понто-предкавказской общности населения. Ту же роль они могли играть у племен накольчатой жемчужной керамики Предкавказья и у племен культур Кукутени-Триполья, Гумельца, но насколько такие жезлы могли применяться в погребальных

обрядов последних племен балкано-дунайской культурной ориентации – вопрос открыт.

Примечательно, что захоронения со скипетрами рассматриваемой эпохи уже выделялись в погребальной практике наиболее престижными наборами для своего времени, состоящими из орудий труда, и военно-охотничьего снаряжения³, но в ассортименте последних еще не было форм специального оружия – каменных втульчатых топоров и булав. А редкие находки зооморфных двучастных булав и зооморфного топора в погребениях отражают более эгалитарность обрядов для лиц со знаками нарождающегося воинского престижа, сочетающих в своих формах черты оружия и культовой зооморфной символики.

Литература:

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский могильник. Куйбышев, 1990.

Бессонова С.С. Крылатый конь – гиппокамп – морской конек и скифский Посейдон // Старожитності Степного Причорномор'я і Криму. Запороже, 2004. Вып. XI.

Бурдо Н.Б. Ранний этап формирования древнеземледельческого общества между Днестром и Днепром (Триполье А) // *Od neolityzacji do początków epoki brązu. Przemiany kulturowe w międzyrzeczu Odry i Dniepru między VI i II tys. Przed Chr.* Poznań, 2001.

Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. Куйбышев, 1985.

Відейко М.Ю. Нова хронологія куктені – трипільля. // Трипільська цивілізація у спадщині України. Київ, 2003.

Відейко М.Ю. Абсолютне датування трипільської культури. // *Енциклопедія трипільської цивілізації.* Том 1. Київ, 2004.

Войтович В. Українська міфологія. Київ, 2002.

Голосовкер Я.Э. Сказания о титанах. М., 1993.

Даниленко В.М., Шмаглей М.М. Про один поворотний момент в історії енеолітичного населення Південної Європи. Археологія. Київ, 1972.

Дергачев В.А. Два этюда в защиту миграционной концепции // *Рождение Европы.* Stratum. № 2. Кишинев, 2000.

Дергачев В.А. О скипетрах. Этюды в защиту миграционной концепции М. Гимбутас. // *Revista arheologică. Seria nouă. Vol. I Nr. 2. Chişinău,* 2005.

Дитлер П.А. Отчет археологической экспедиции Адыгейского научно-исследовательского института по раскопкам энеолитического поселения Ясенева Поляна в Лабинском районе Краснодарского края близ поселка Колоновка, проведенный в конце августа и начале сентября 1964 года П.А. Дитлером. Архив ИА РАН, Р-1, № 2978. 1964.

Иессен А.А. К вопросу о древних связях Кавказа с Западом // КСИИМК. Вып. 46. 1952.

Иванов В.И. Дракон // *Мифология народов мира.* Т. 1. М., 1987.

³ Имею ввиду наконечники стрел.

- Кияшко В.Я. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V–III тысячелетиях до н. э.) Азов, 1994.
- Клепиков В.М. Погребения позднеэнеолитического времени у хутора Шляховский в Нижнем Поволжье. РА, 1994. № 3.
- Ковальова І.Ф. Конеголовый скипетр з колекції історико-археологічного музею корпорації «Веесві // Матеріали та дослідження в археології східної України. Вид неоліту до кіммерійців. № 7. Луганськ.
- Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. (Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии) М., 2004.
- Кореневский С.Н. Радиоуглеродные даты древнейших курганов юга Восточной Европы и энеолитического блока памятников Замок – Мешоко – Свободное // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2006.
- Кореневский С.Н. На долгом пути к государственности. Преполитарная модель этнологии и археология // Эволюция социально-политических систем в древних и средневековых обществах (по археологическим и этноисторическим источникам). М., 2006а.
- Котова Н.С. Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья. Луганск, 2006.
- Кун Н.А. Легенды и мифы древней Греции. Свердловск, 1960.
- Манзура И.В. Владеющие скипетрами. Stratum, № 2. Кишинев, 2000.
- Новичихин А.М., Трифонов В.А. Зооморфное навершие из Анапского музея // Археология, этнография и антропология Евразии. Вып. 2(26). М., 2006.
- Пузикова А.И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья. М., 2001.
- Резепкин А.Д. К вопросу об эволюции энеолитических скипетров // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V век н. э.). Тирасполь, 2002.
- Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М., 1987.
- Словарь Античности. М., 1989.
- Телегин Д.Я. К вопросу о типологии, хронологии и культурной принадлежности скипетров медного века Юго-Восточной Европы. РА. 2000. № 3.
- Шилов В.П. Древние скотоводы Калмыцкой степи. Рукопись монографии. 1987. Архив Отдела бронзового века ИА РАН.
- Шишлина Н.И., И. ван дер Плихт, Зазовская Э.П. К вопросу о радиоуглеродном возрасте энеолитических культур Евразийской степи // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2006.
- Цуцкин Е.В. Каменное зооморфное навершие, найденное у с. Аксай Волгоградской области // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста, 1981.
- Черных Е.В. По одну форму специфичных каменных наверший доби неолиту // Матеріали та дослідження з археології східної України. Луганськ, 2006.
- Cicuteni. The Last Great chalcolithic civilization of Old Europe. (Archaeological museum of Thessaloniki). Bucuresht, 2006.
- Govedarica B., Kaizer E. Die äneolithischen abstracten und zoomorphen Steinzepter Sudost – und Osteuropas // Eurasia Antiqua B. 2. Mainz am Rhein, 1996.
- Govedariča B. Zepterträger – herrscher der Steppen. Mainz am Rhein, 2004.

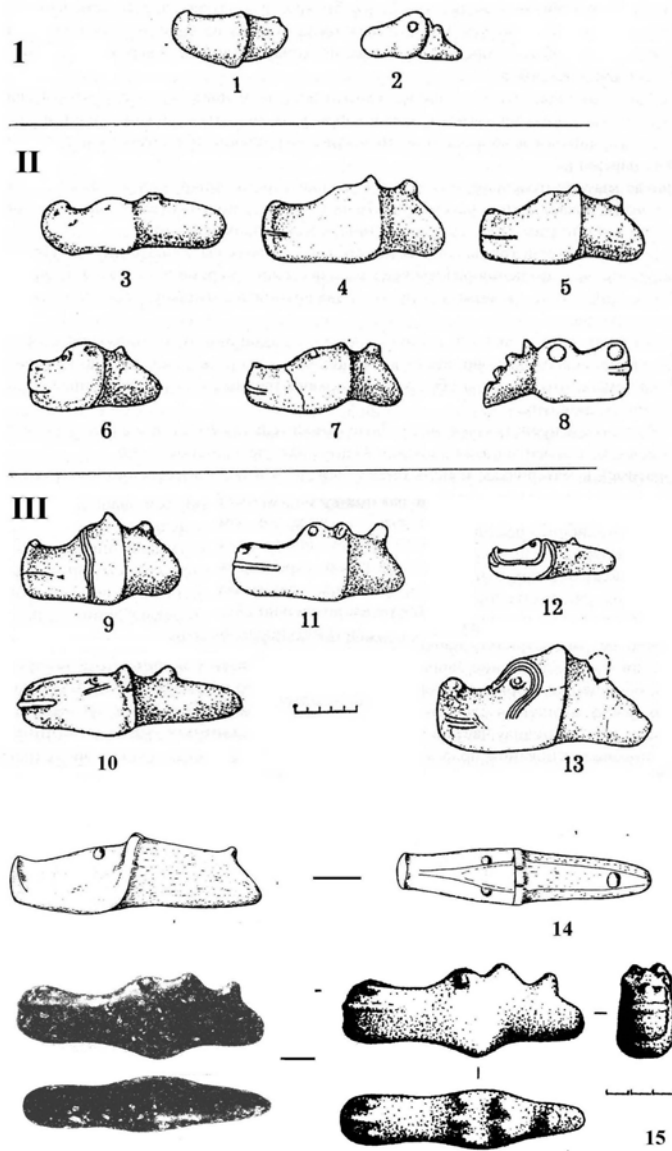

Рис. 1. Типология реалистических (натуралистических) зооморфных скипетров по В.А. Дергачеву (с комментариями)
 I - Обобщенная форма (примитивная): 1 - Хлопково, 2 - Ариушд;
 II и III - зоонатуралистическая форма: 3 - Фитинионешть, 4 - Ржево, 5 - Драма, 6 - Винул де Жос, 7 - Феделешень, 8 - Кайраклия, 9 - Сэлкуца, 10 - Суворово, 11 - Терекли-Мектеб, 12 - Суводол, 13 - Касимча, 14 - Кокберек, 15 - Золотоноша.

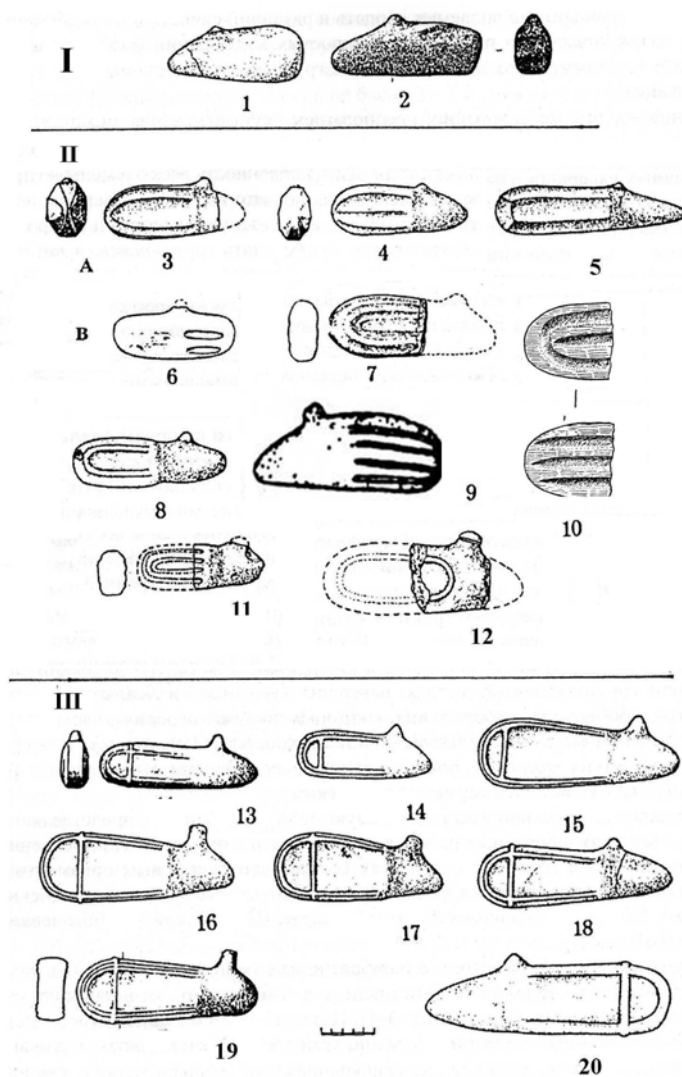

Рис. 2. Типология схематических скипетров по В.А. Дергачеву (с дополнением в списке).
 I - Хвалынский тип (абстрактные); II - тип Обыршень - Жора де Суз.
 Переходная форма (схематические, канелюрованные и желобчатые);
 III - Архаринский тип (схематические с дуговидной линией и перекладиной)
 I: 1 - Хвалынский, 2 - Хвалынский-2а, II: А вариант граненый, 3 - Бырлэлешть, 4 - Обыршень-1,
 5 - Ростов, В вариант желобчатый, 6 - Березовская ГЭС, 7 - Жора де Суз, 8 - Вэлень,
 9 - Майкоп (по Телегину), 10 - Ясенева Поляна, 11 - Константиновка, 12 - Ружиоаса-III,
 13 - Обыршень-2, 14 - Хлопково, 15 - Самара, 16 - Шляховский, 17 - Архара, 18 - Могошешть,
 19 - Орджоникидзе, 20 - Джангар.

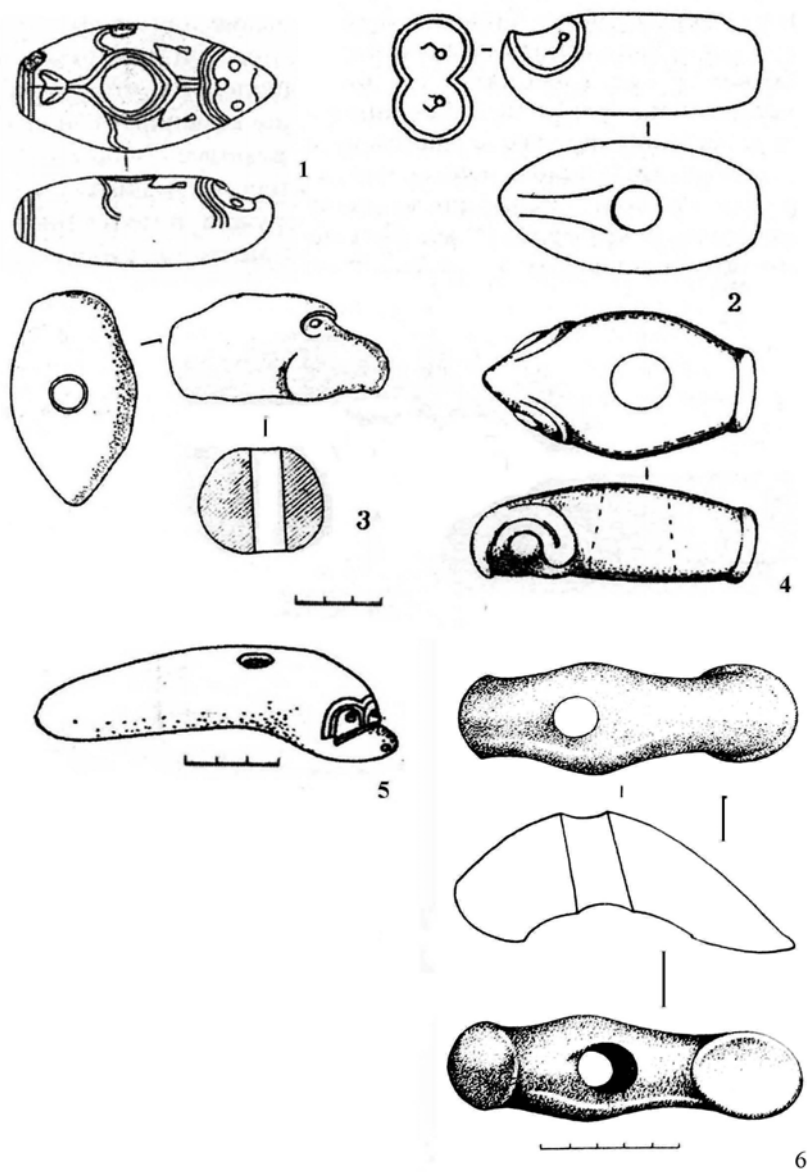

Рис. 3. Зооморфные топоры и клевцы.
 1 - Корнэцэл, 2 - Альба Юлия, 3 - Кюлевчи, 4 - Дагестан (по В.А. Дергачеву)
 5 - Мариуполь, 6 - с. Красное.

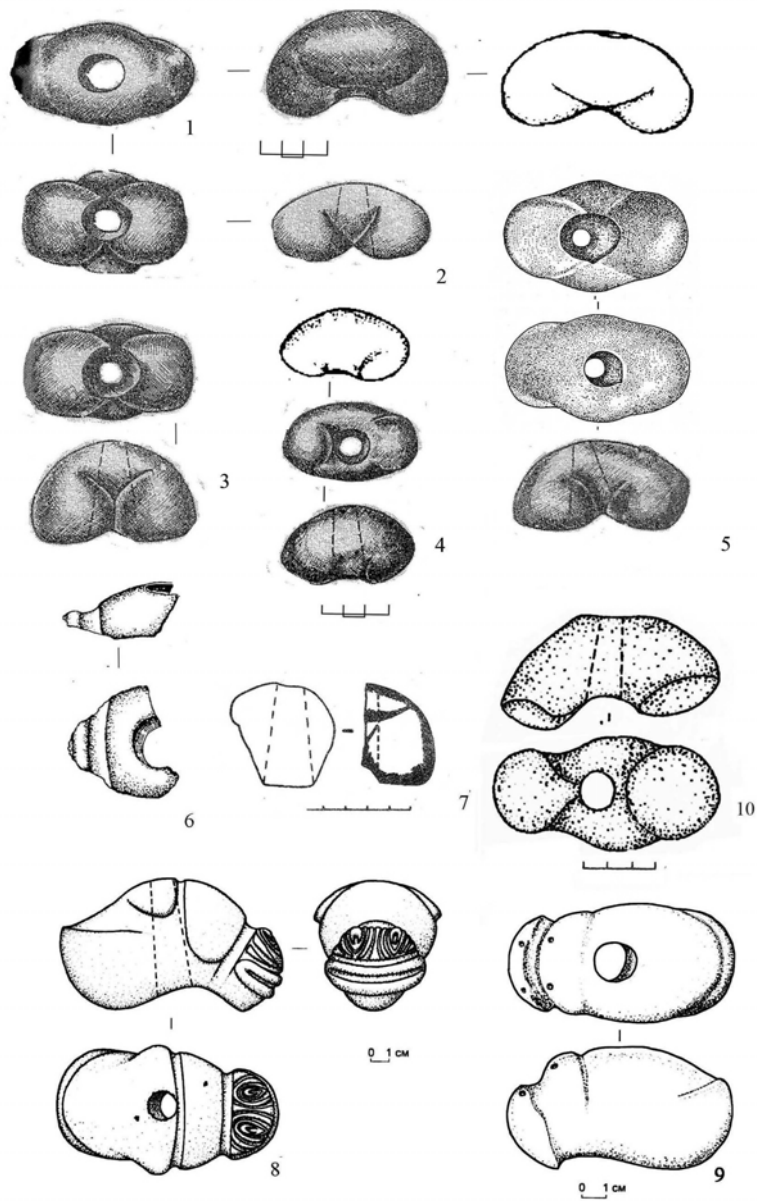

Рис. 4. Булавы двучастные абстрактно-зооморфные
 1 - Мариупольский могильник, погребение 24; 2, 3 - Острогжский музей; 4 - хут. Водопадный;
 5 - Волгоградский музей; 6 - стоянка Копанице-I; 7 - Караузек, (по Васильеву, Силюку);
 8 - Чекон (по Новичихину, Трифонову); 9 - Аксай (по Цуцкину).

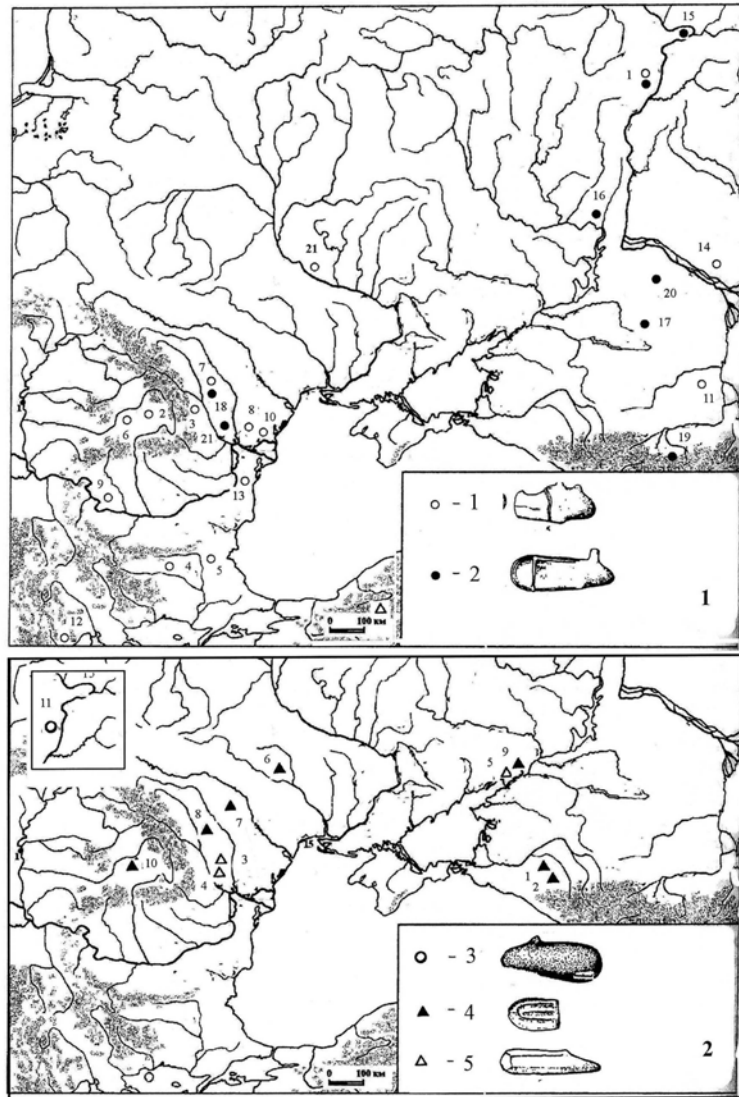

Рис. 5. Ареал скипетров U-образной формы с перекладиной и натуралистической формы (по В.А. Дергачеву, с комментариями).
 1: 1 - Хлопково городище, 2 - Ариушд, 3 - Фитионешть, 4 - Режево, 5 - Драма, 6 - Винцу де Жос, 7 - Ружиноаса, 8 - Кайраклия, 9 - Сэлкуца, 10 - Суворово, 11 - Терекли-Иектеб, 12 - Суводол, 13 - Касимча, 14 - Кокберек, 15 - Самара, 16 - Шляховский 17 - Архара, 18 - Могошешть, 19 - Владикавказ, 20 - Джангр, 21 - Обыршень. 2: 1 - Майкоп, 2 - Ясеновая Поляна, 3 - Обыршень, 4 - Бырлелешть, 5 - Ростов, 6 - Березовская ГЭС, 7 - Жора де Суз, 8 - Ружиноаса, 9 - Константиновск, 10 - Вэлень.

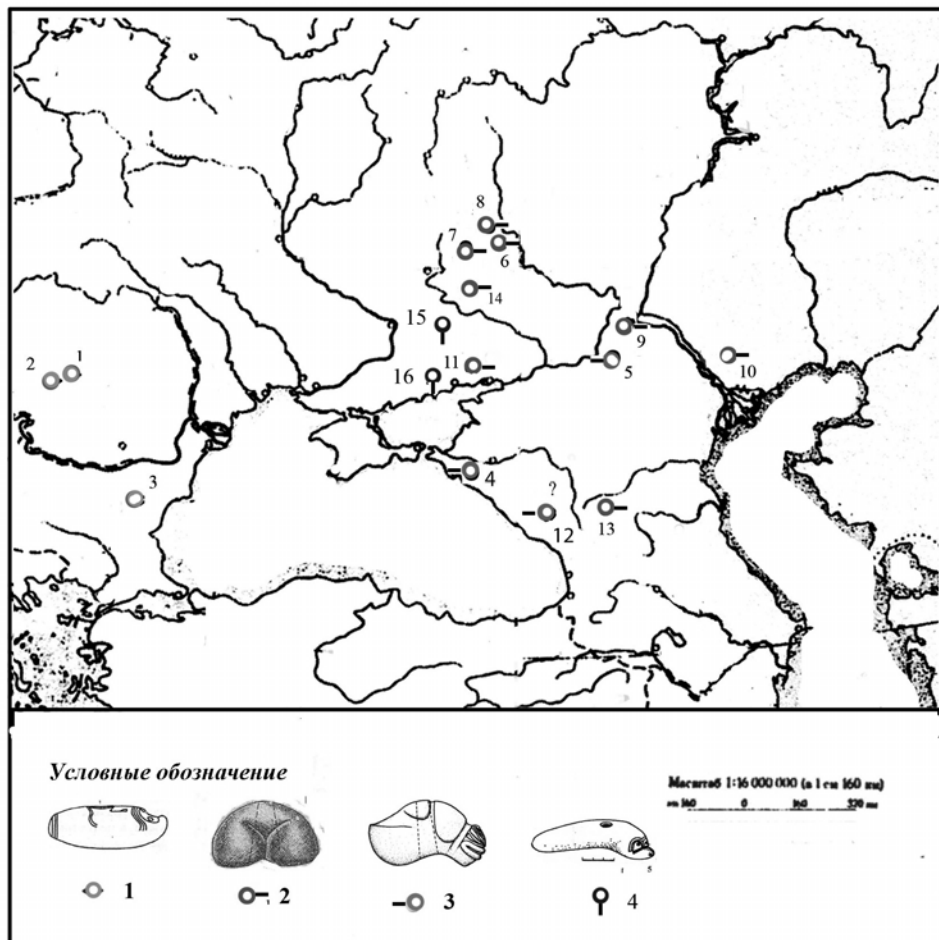

Рис. 6. Ареал зооморфных топоров, булав, клевцов
 1 - Альба Юлия, 2 - Корнжцэл, 3 - Кюлевчи, 4 - Чекон, 5 - Аксай, 6, 7 - Острогжский музей,
 8 - Копанице, 9 - Вогоградский музей, 10 - Караузек, 11 - Мариупольский могильник,
 12 - Ясенева Поляна, 13 - Водопадный, 14 - Сенькове, 15 - Красное, 16 - Мариуполь.

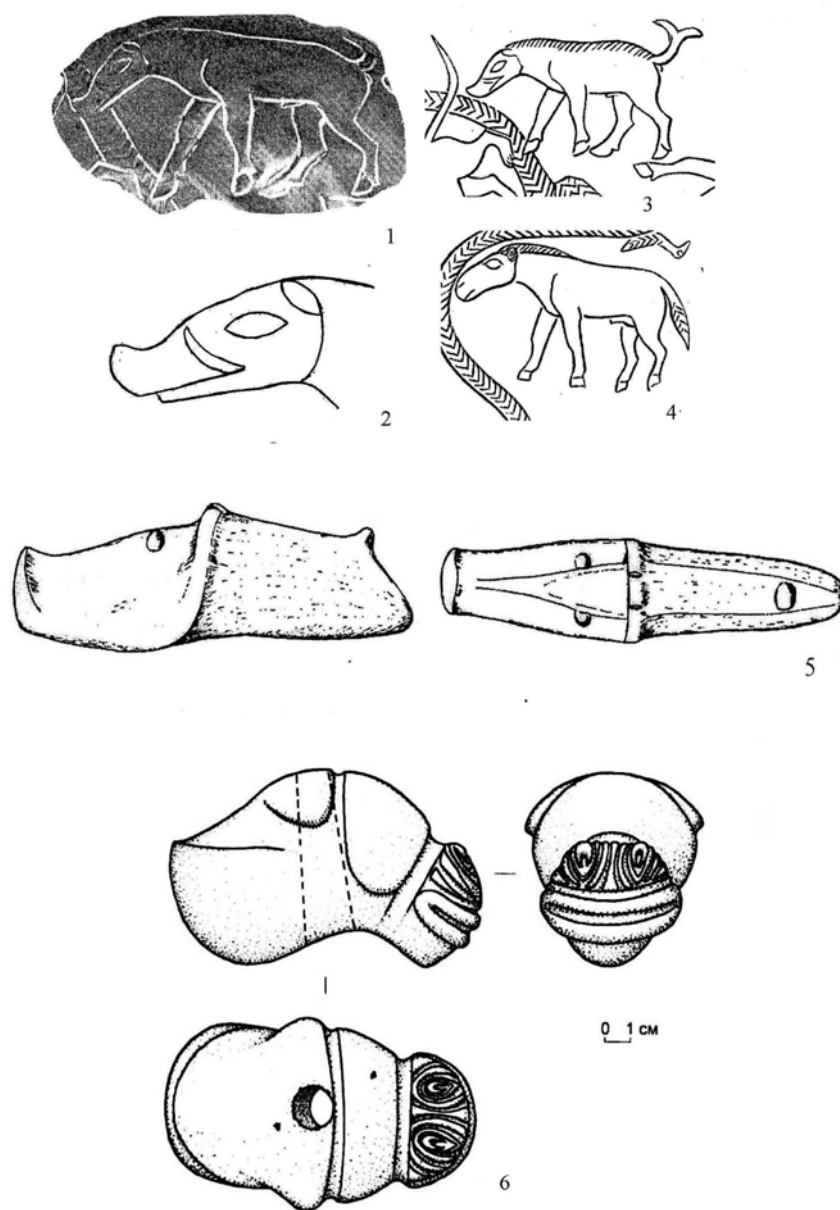

Рис. 7. Изображения на майкопском кубке и «курносые» скипетры
 1 - фото с иллюстрацией Б.В. Фармаковского, 2 - морда кабана увеличена, 3 - фигура кабана,
 4 - фигура онагра, 5 - Кокберек, 6 - Чекон

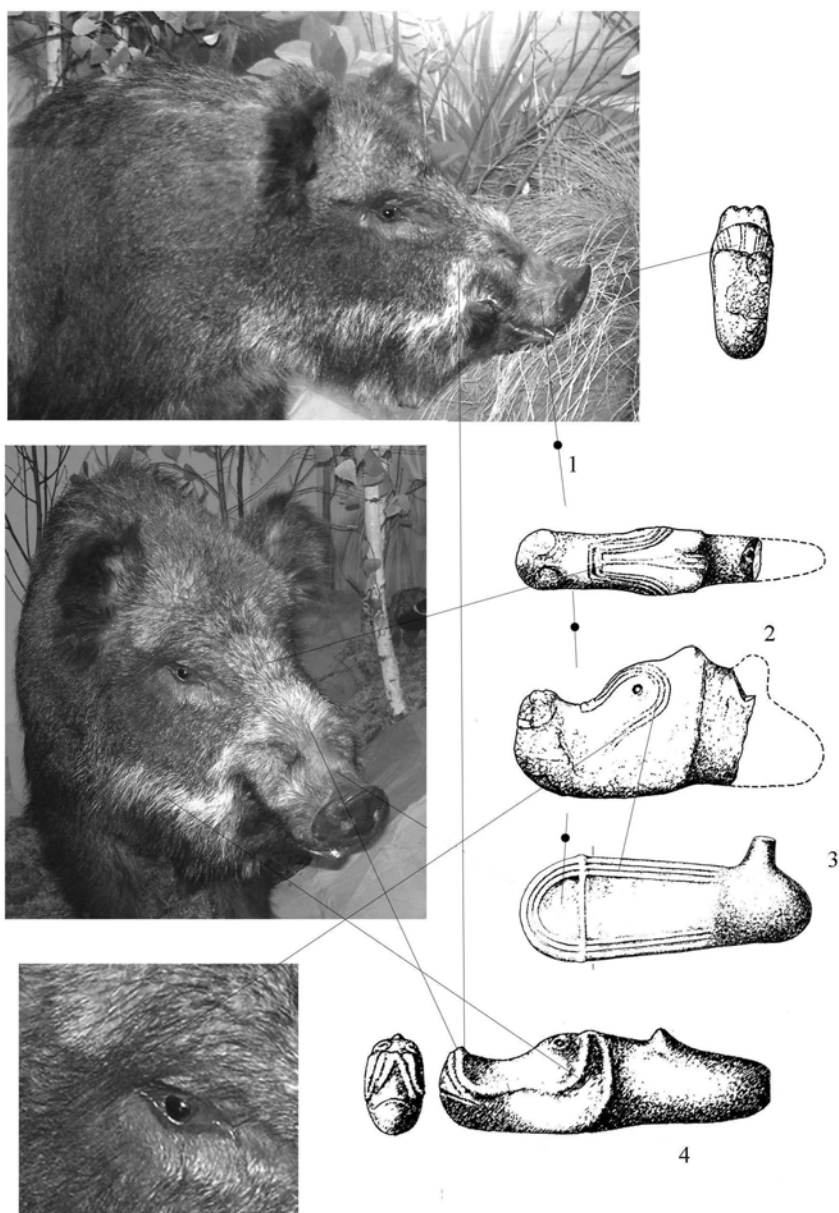

Рис. 8. Кабан и скиптры. 1 - Чучело кабана в Дарвинском музее, 2 - Касимча, 3 - Владикавказ, 4 - Суводол.

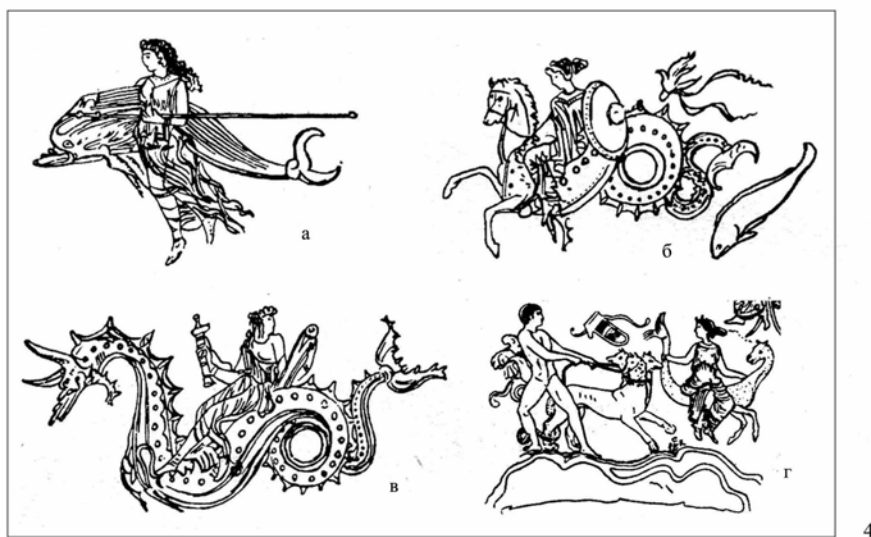
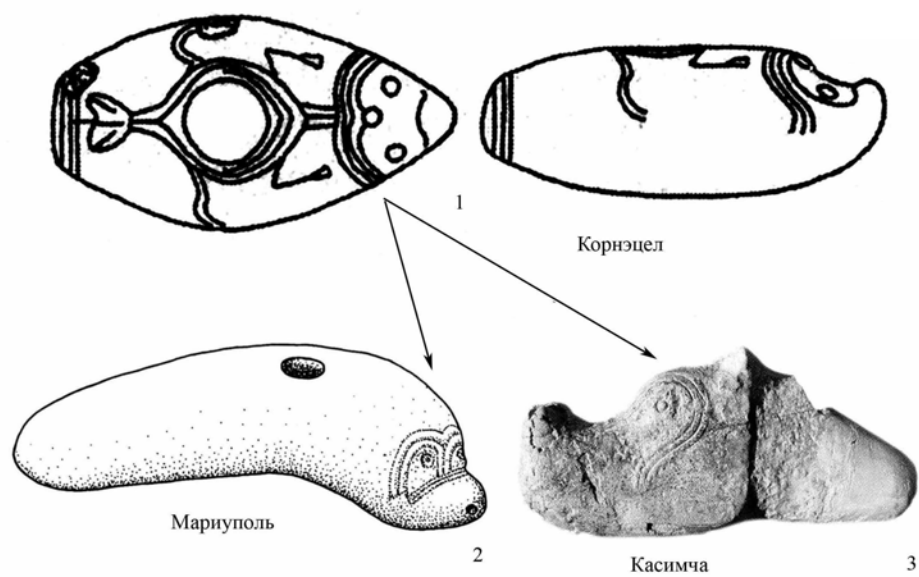

Рис. 9 Топор из Корнэцел и гиппокампы
1 - Корнэцел, 2 - Мариуполь, 3 - Касимча, 4 - рисунки на греческой вазе (по Куи)

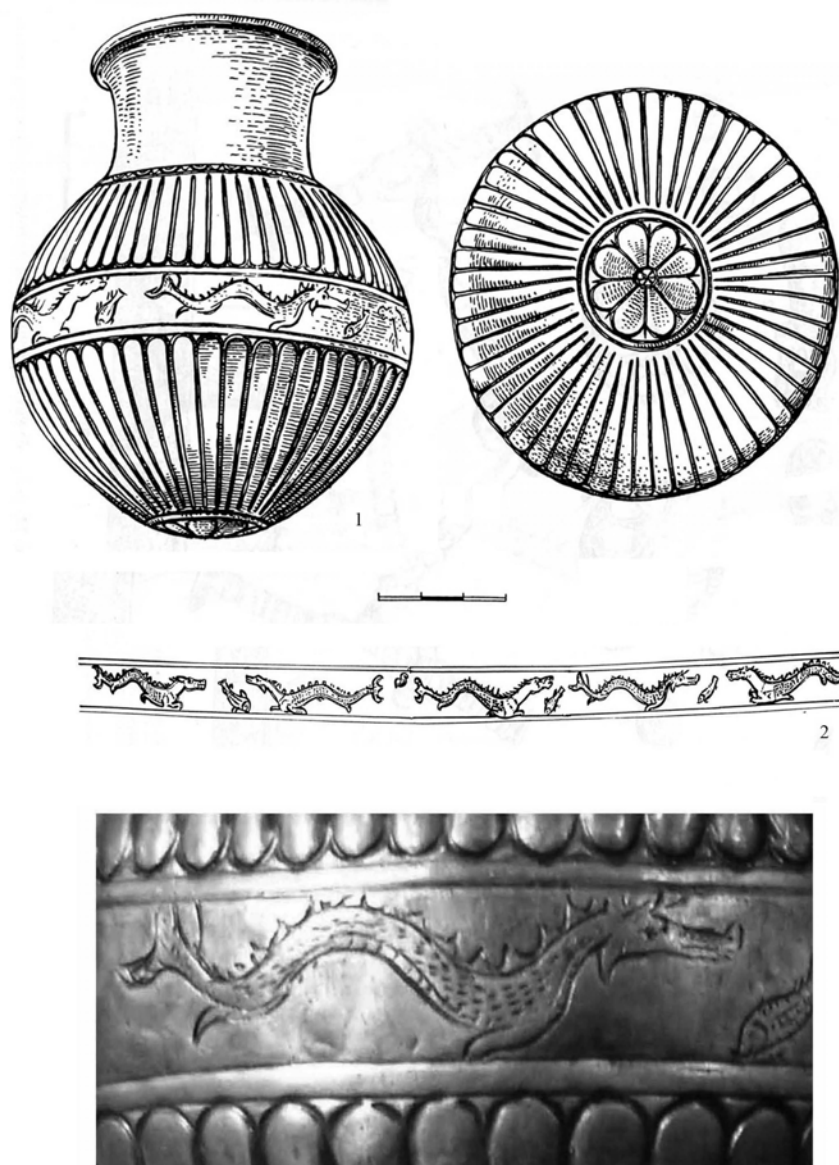

Рис. 10. Ваза из Дуровки, курган 14 (по А.И. Пузиковой)
1 - ваза, 2 - орнаментальный пояс, 3 - драгонкамн (фото автора)

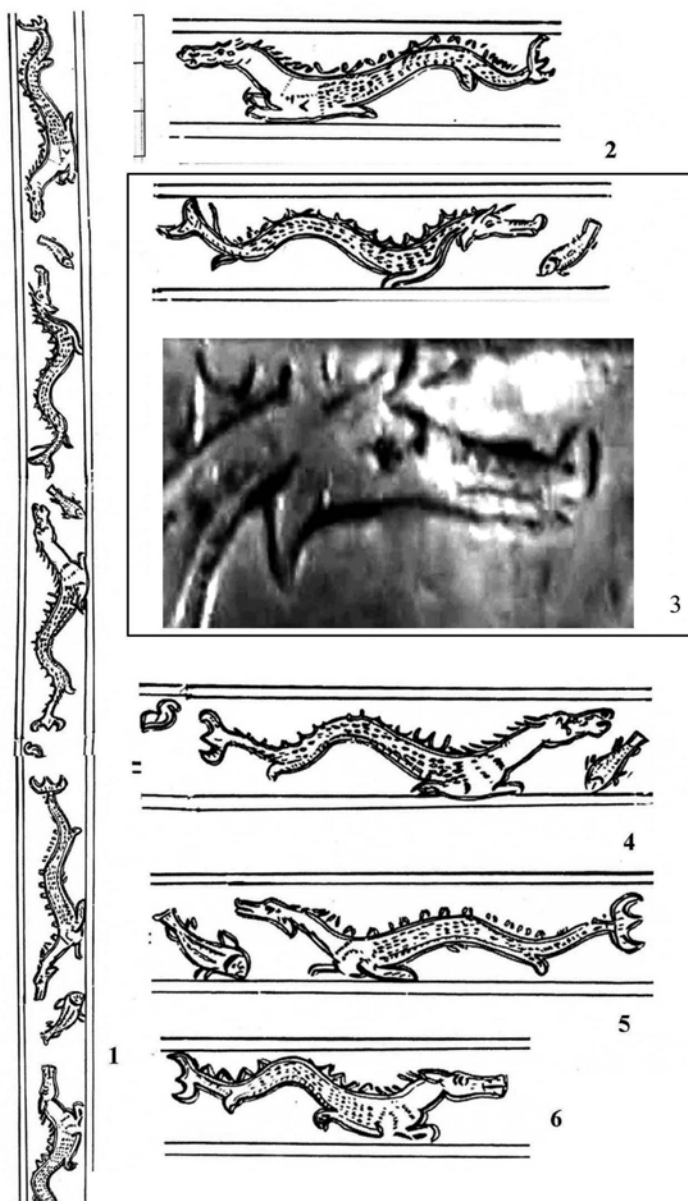

Рис. 11. Гипсокампы и драгонкампы на вазе из кургана в с. Дуровка (по Пузиковой)

Жемков А.И., Лопатин В.А.

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК У С. СВЕТЛОЕ ОЗЕРО В СТЕПНОМ ЗАВОЛЖЬЕ

Светлоозерский могильник обнаружен в 1986 году при проведении разведочных работ в широкой степной зоне, отведенной под сооружение Северо-Ершовской оросительной системы. Начало раскопок по 1 форме Открытого листа, выданного Отделом полевых исследований Института археологии АН СССР на имя В.А. Лопатина, запланировано в 1988 году Госбюджетной темой Научно-исследовательской части Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского «Археологическое изучение Нижнего Поволжья». Раскопки возобновлялись еще дважды, в 1989 и 1991 гг., и за три полевых сезона, в общей сложности, исследованы 15 курганов.

Памятник находится в Озинском районе Саратовской области, в 2,5 км к юго-юго-востоку от с. Светлое Озеро, на гребне длинного водораздела между реками Большая Чалыкля и Голенькая, в 7 км южнее места их слияния. К востоку, по направлению к Чалыкле, водораздел, плавно понижаясь, переходит в низкую террасу, густо рассеченную старичными западинами, у которых отмечены более двух десятков стоянок и поселений неолита, энеолита и эпохи бронзы. С запада, вплотную к водоразделу подступает узкая пойма чалыклинского притока – реки Голенькой.

Курганы занимают огромную площадь. С северо-запада на юго-восток эта территория протянулась на 2 км 640 м, а в середине ширина скопления земляных насыпей составляет 650 м. Здесь зафиксировано 179 курганов (рис. 1). В конце 1980-х годов большая часть этой местности не подвергалась распашке и использовалась в качестве пастбища. Насыпи и межкурганное пространство были покрыты редкой типчаково-полынной растительностью. Лишь юго-восточная часть группы заходила под лесополосу и на край пахотного поля (курганы № № 168–173).

Курган 1 располагался в северной части могильника. Земляная насыпь округлой формы, заметно уплощенная, диаметром 24 м и высотой 0,38 м, раскопана при помощи бульдозера, полностью на снос. Для наблюдения за стратиграфией оставлена одна осевая бровка, ориентированная по меридиану. Стратиграфия проста: гумус – темно-серый рыхлый грунт (0,2 м); насыпь – пестрый суглинок серо-коричневого цвета (до 0,55 м); погребенная почва –

плотный темно-серый грунт (0,25 м); материк – сухая коричневая глина. Обнаружены два погребения, выкиды из которых не фиксировались (рис. 2, 1).

Погребение 1 (впускное) выявлено в северной половине подкурганного пространства, на расстоянии 3 м от его условного центра. Могильная яма, предположительно, имела подбойную конструкцию. Входная штольня подпрямоугольной формы, размерами 1,6 x 1,15 м ориентирована с ЮЮЗ на ССВ. Погребальная камера устроена в восточной стороне, ее дно отделено от дна входной ямы неглубоким (всего 5 см) уступом, хотя в середине уровень слегка повышался почти вровень с уровнем входа. Подбой также имел по дну прямоугольные очертания и размеры 1,5 x 1,2 м. Свод камеры не прослежен, вероятно, он был устроен в насыпи уже стоявшего кургана. Глубина могилы от 0г – 1,3 м, глубина в материке 0,2–0,24 м.

Здесь расчищено парное захоронение (рис. 2, 4). Скелет взрослого человека лежал в скорченной на левом боку позе адорации с завалом на грудь, головой к северо-северо-востоку. Под позвоночником и около стоп зафиксирована слабая посыпка охрой. Умерший уложен на подстилку, которая представляла собой овальное пятно коричневого тлена с вкраплениями меловой крошки размерами 1,2 x 0,75 м.

Перед скелетом взрослого человека, несколько восточнее, но так же на подстилке, лежали останки ребенка грудного возраста (сохранились только фрагменты черепа, таза и бедренной кости), погребенного в такой же позе и ориентировке.

Около детского черепа уложены костяные пронизки (рис. 2, 5, 6), нарезанные из трубчатых костей МРС и крупной птицы (сохранились 8 экземпляров). Большие заготовки (рис. 2, 5) пропиливались не до конца и отделялись надламыванием, причем, заусенцы надломов не зачищены. Возле бедра детского скелета лежали два комка охры.

Около взрослого скелета зафиксированы кости МРС. У таза лежал бараний альчик, перед голенью – лопатка, на тазобедренном сочленении – две ножные кости, под которыми также сохранились частицы коричневого тлена. Погребение отнесено к финалу эпохи средней бронзы.

Погребение 2 (основное) зафиксировано в 2 м южнее условного центра кургана, в простой прямоугольной яме размерами 1,95 x 1,05 м, ориентированной с ЮЗЗ на СВВ (рис. 2, 7). Глубина ямы от 0г – 2,27 м, глубина в материке 1,22 м. На дне расчищен скелет взрослого человека, погребенного в скорченной позе «скачущего всадника» (руки протянуты к бедрам), на правом боку. Осевая линия скелета параллельна продольным стенкам ямы. То есть его общая ориентировка соответствует СВ, но позвоночник умершего резко искривлен в среднем отделе, поэтому головой он обращен точно к северу.

На дне могилы выявлены три охристых пятна: перед лицевым отделом черепа, у колен и под стопами. У ступней, лежал крупный комок охры. За спиной умершего, остриями к северу уложены бронзовые нож и шило (рис. 2, 8, 9). Нож имеет листовидную форму, лезвия которого плавно переходят в короткий прямоугольный черешок. Общая длина 15,3 см, ширина лезвия 3,5 см, длина черена 3,5 см. Шило квадратного сечения, короткий тонкий черешок, выделен слабым упором. Общая длина 8,5 см, ширина 0,5 см, длина черенка 1 см. Захоронение отнесено к эпохе средней бронзы.

При разборке бровки, в полуметре от второй могилы, на глубине 0,58 м от 0г зафиксированы остатки тризны в виде скопления фрагментов двух лепных сосудов с примесью мелкоотколотой раковины и обломков костей животных. Большинство фрагментов принадлежало крупному сосуду реберчатой формы, диаметр устья которого мог составлять 32 см (рис. 2, 2). Реберчатость подчеркнута слегка оттянутым валиком, венчик вертикальный, короткий, с плоско обрезанным краем устья. Сосуд украшен в гребенчатой технике. Узкие горизонтальные зоны декора разделены линиями и заполнены зигзагами и косыми отрезками. На ребре – короткие вертикальные оттиски штампа.

Второй сосуд (рис. 2, 3) имел баночную форму и несколько меньшие размеры. Он также украшен зубчатым штампом, а декор выполнен в «елочной» манере, причем, между рядами косых отрезков имеется разделительная горизонтальная линия.

Предполагается, что тризна адресована человеку, погребенному во второй могиле, и была совершена в момент подхоронения в курган пары из первой ямы. Оба сосуда имеют аналоги в комплексах вольско-лбищенского культурного типа.

Курган 2 находился также в северной части могильника, на расстоянии не более 15 м восточнее первого объекта (рис. 1). Округлая в плане насыпь, диаметром 28 м и высотой 1,08 м, снесена бульдозером с оставлением трех меридиональных бровок (рис. 3, 1). Расстояния между бровками 6 м. Курган сооружен в два строительных периода. Стратиграфия: гумус от 0,2 м в центре насыпи до 0,8 м у края полы; первичная насыпь – темный гумусированный суглинок (до 0,9 м); вторичная насыпь – пестрый суглинок, полностью перекрывающий древнюю насыпь только на полах (до 0,6 м); погребенная почва – темный плотный грунт (0,2–0,3 м); материк – коричневая глина. В кургане выявлены 3 погребения.

Погребение 1 (впускное) обнаружено в 2,5 м от условного центра подкурганного пространства. Могильная яма удлинненно-овальной формы, зауженная в восточной и расширенная в западной части, ориентирована в широтном направлении с легким склонением к северу (рис. 3, 2). Размеры могилы 2 x 0,6 м, глубина от 0г 1,53 м, глубина в материке 0,15 м. На дне расчищен скелет взрослого человека, погребенного вытянуто на спине, головой к ЗСЗ. Лицевой отдел обращен к северу.

Возле северной стенки могилы обнаружены череп и два копыта лошади, здесь же – мелкие, сильно окислившиеся и неопределимые железные обломки. Под голеностопами зафиксированы фрагменты кожаных сапог и рядом деревянный обломок продолговатой формы. На правом виске черепа, правом крыле таза и фаланге пальца правой руки отмечены зеленоватые следы медных окислов. Не исключено, что это захоронение, отнесенное к эпохе позднего средневековья, могло быть ограблено.

Погребение 2 (впускное) выявлено в насыпи кургана, непосредственно в его условном центре, на глубине 0,85 м от 0г (рис. 3, 3). Скелет взрослого человека лежал скорченно на левом боку с завалом на грудь, в позе адорации, головой к северу. За его спиной, против поясницы лежали ребра МРС.

У затылка умершего выявлен развал лепного сосуда с примесью крупнотолченой раковины (рис. 3, 4). Горшок имеет ярко выраженную колоколовидную форму, высокий слабожелобчатый венчик с внутренним ребром и

округлое тулово, диаметр которого меньше, чем диаметр устья. Сосуд не орнаментирован, но на внешней поверхности имеются рельефные полосы горизонтального сглаживания, напоминающие каннелюры. Общая высота 9,2 см, диаметр устья 12,6 см, шейки – 11 см, наибольшего расширения тулова – 11,8 см, днища – 5 см.

На запястьях рук зафиксированы сломанные бронзовые браслеты, согнутые из массивных, круглых в сечении прутков (рис. 3, 7). Несомкнутые окончания браслетов слегка заужены. Примерный диаметр украшений 8–8,5 см, диаметр сечения прутка 0,8–0,9 см.

Под черепом и в нижнем отделе позвоночника выявлены фрагменты височных подвесок: желобчатой, свернутой в полтора оборота, и кольцевидной трубчатой (рис. 3, 5, 6).

У шейного отдела позвоночника обнаружены пастовые и сурьмяные бусины, обычные и двучастные, в количестве 12 экземпляров (рис. 3, 8).

Погребение отнесено к покровскому культурному типу начала эпохи поздней бронзы.

Погребение 3 (основное) обнаружено в 3 м к ЮЮЗ от условного центра подкурганного пространства. Его местонахождение фиксировалось уже в процессе разборки насыпи по темному, затечному пятну грабительского лаза. Могильная яма подпрямоугольной формы, с округленными углами, размерами 2,2 x 1,5 м и глубиной 2,65 м от 0г (глубина в материке 1,32 м) была ориентирована с ЮЗ на СВ. В заполнении могилы и на дне, где прослеживались следы коричневого тлена с меловой крошкой, обнаружены переотложенные кости двух взрослых человек, а также небольшой фрагмент стенки сосуда с примесью крупнотолченой раковины. Погребение предположительно отнесено к покровскому культурному типу.

Над этим захоронением возведена первичная насыпь, которая, судя по стратиграфическим данным, имела форму неправильного овала размерами 21 x 15 м, ориентированного более длинной стороной по меридиану. В первичную насыпь впущены погребение 2 и адресованная основному захоронению тризна (мелкие обломки костей МРС), выявленная при разборке центральной бровки в полуметре к СВ от погребения 3, на глубине 0,53 м от 0г. В эпоху позднего средневековья впущено погребение 1, и курган достроен вторичной насыпью.

Курган 3 размещался в 20 м к ЮЮЗ от второй насыпи (рис. 1). Он имел небольшие размеры (всего 11 м) и незначительную высоту (0,17 м), поэтому раскопан вручную, с оставлением одной осевой бровки, ориентированной по меридиану (рис. 4, 1). Стратиграфия и литологические характеристики в целом идентичны, тем, что получены для предыдущих объектов. В кургане выявлено 1 захоронение.

Погребение 1(основное) размещалось в западной половине подкурганного пространства, на удалении 1,5 м к ЗЮЗ от его условного центра. Подпрямоугольная могила с округленными углами, размерами 1,05 x 0,8 м и глубиной 1,9 м от 0г (глубина в материке 0,8 м) ориентирована строго в широтном направлении (рис. 4, 2).

На дне ямы, в большей степени в западной половине, фиксировались следы коричневого тлена с вкраплениями частиц охры. Около западной и северной стенок отмечены узкие полоски сгоревшей древесины. Возле вос-

точной стены расчищены неполные развалы двух лепных сосудов с примесью песка и шамота. Один из них графически реконструирован (рис. 4, 3). Он имел средние пропорции, характерную яйцевидную форму и плоское зауженное доньшко. Верхняя половина сосуда орнаментирована в шнуровой технике: на слабоогнутом плечике – пять горизонтальных линий, ниже которых, до максимального расширения тулова, оттиснут одинарный зигзаг. Диаметр устья 13 см, наибольшее расширение тулова 15,6 см, диаметр дна 4,8 см, общая высота сосуда 14 см.

Второй сосуд полностью не восстанавливается (рис. 4, 4). Он имел приблизительно такую же форму и орнаментирован крученым шнуром (8 горизонтальных линий на плечике).

Ни в заполнении, ни на дне могилы кости человека обнаружены не были, поэтому захоронение кургана 3 уместно отнести к одному из типов кенотафов, а учитывая особенности найденной здесь керамики – к позднему времени развития волго-уральской ямной культуры эпохи ранней бронзы.

Курган 4 также располагался в северной части могильника, на расстоянии 16 м к западу от кургана 3 (рис. 1). Насыпь диаметром 8 м и высотой 0,17 м слабо заметна на современной поверхности. Она снималась вручную, с оставлением двух взаимоперпендикулярных бровок, ориентированных по сторонам света (рис. 4, 5). Стратиграфия: гумус – рыхлый серый грунт (0,15 м); насыпь – пестрый суглинок (до 0,3 м); погребенная почва – плотный, серо-коричневый грунт с вкраплениями карбонатов (до 0,4 м), материк – светлорычневая глина. В кургане выявлены 3 захоронения.

Погребение 1 (основное) зафиксировано в 2,5 м южнее условного центра кургана. Могила прямоугольной формы, размерами 1,8 x 1 м, глубиной 1,88 м от 0г, ориентированная с ЗЮЗ на ВСВ, была ограблена. Кости взрослого человека в беспорядке фиксировались в заполнении ямы и за ее пределами, севернее, на уровне древнего горизонта.

В 1 м восточнее могилы, выявлена тризна, адресованная основному захоронению. Здесь расчищено пятно сажи диаметром 0,5 м, мелкие обломки костей МРС, неорнаментированные фрагменты лепной керамики и часть массивного дисковидного абразива (рис. 4, 6). Погребение предположительно отнесено к завершающей стадии эпохи средней бронзы.

Погребение 2 (впускное) обнаружено на краю восточной полы кургана, на расстоянии 4 м к ВЮВ от его условного центра. Поскольку оно выходило за пределы раскопа, здесь была заложена дополнительная прямоугольная прирезка размерами 2 x 4 м. Длинная яма подпрямоугольной формы была ориентирована с ЮЗ на СВ. Размеры могилы 2,25 x 0,87 м, глубина от 0г 0,88 м, глубина в материке 0,3 м. Это захоронение также ограблено. На дне обнаружены только часть стопы и плечевая кость взрослого человека. Погребение предположительно отнесено к сарматской культуре раннего железного века.

Погребение 3 (впускное) выявлено в прирезке, в 0,2 м восточнее второй могилы. Они располагались рядом и были одинаково ориентированы. Могильная яма удлинненно-овальной формы, размерами 2,7 x 1,2 м, глубиной 1,36 м от 0г (глубина в материке 0,8 м) ориентирована с ЮЗ на СВ. На дне расчищено парное захоронение взрослого человека и ребенка, погребенных вытянуто на спине, головами к ЮЗ (рис. 4, 7).

В ногах взрослого умершего стоял глиняный кувшин с отбитой ручкой, украшенный по плечу тонким валиком и кольцевидными вдавлениями (рис. 4, 8). Высота кувшина 28 см, диаметр устья 12 см, шейки 11 см, максимального расширения тулова 22,8 см, днища 9,6 см. Около левого бедра зафиксирован обломок железного предмета, возможно, часть черешкового ножа. Захоронение отнесено к среднесарматскому периоду раннего железного века.

Курган возник в конце эпохи средней бронзы над погребением 1, которому, в ходе обряда, на уровне древнего горизонта была оставлена тризна. В раннем железном веке в восточную половину кургана впущены одновременные погребения 2 и 3. Факт ограбления первой и второй могил, по-видимому, имел место позже, уже в эпоху позднего средневековья.

Курган 5 стоял намного дальше от северного края памятника, в 480 м к ЮВ от кургана 4 (рис. 1). Эта округлая в плане земляная насыпь, диаметром 8 м и высотой 0,22 м, раскопана вручную, с оставлением двух взаимоперпендикулярных бровок, ориентированных по сторонам света (рис. 5, 1). **Погребение 1 (основное).** В центре подкурганного пространства выявлена единственная могила прямоугольной формы, размерами 1,8 x 1,2 м, глубиной от 0г 1,33 м (глубина в материке 0,7 м), ориентированная с ЮЮЗ на ССВ (рис. 5, 2). В ходе выборки заполнения попадались разрозненные кости взрослого человека, из чего было очевидно, что погребение ограблено.

На дне могилы, около северной стенки расширено скопление костей погребенного здесь человека, сдвинутые со своего первоначального положения вместе с инвентарем. Среди костей лежали фрагменты лепного сосуда, который удалось реконструировать графически (рис. 5, 3). Это неорнаментированный горшок с примесью шамота и толченой раковины. Его форма приближается к реберчатым типам сосудов с покатым плечиком и плавным отогнутым наружу венцом. Общая высота сосуда 14,8 см, диаметр устья 16,6 см, шейки 16,2 см, максимального расширения тулова 17,2 см, днища – 9 см.

Здесь же обнаружены две пастовые бусины белого цвета (рис. 5, 4). Погребение отнесено к позднепокровскому / раннесрубному времени эпохи поздней бронзы.

Курган 6 располагался в северной части могильника, в 32 м южнее кургана 4 (рис. 1). Округлая в плане земляная насыпь, диаметром 33 м и высотой 1,13 м, полностью снесена при помощи бульдозера. Для наблюдения за стратиграфией оставлены две бровки, ориентированные с востока на запад. Через самую высокую точку насыпи проходила северная бровка, где размещался нулевой репер. Курган сооружен в два строительных периода.

Стратиграфия: гумус – рыхлый серый грунт (0,2 м); вторичная насыпь – пестрый грунт со светлыми глинистыми включениями (до 0,6 м на полах кургана); первичная насыпь – пестрый, но более темный суглинок (до 0,6 м в середине кургана); погребенная почва – плотный серый грунт с включениями карбонатов (до 0,3 м); материк – светло-коричневая глина. В северной бровке прослеживалось нарушение первичной насыпи в виде корытообразного углубления шириной 3,3 м и глубиной 0,5 м, на дне которого, в виде двух тонких линз, зафиксирован выкид из погребения 6, связанного с возведением вторичной насыпи. Над углублением, в толще вторичной насыпи (0,6 м от 0г), отмечена костровая линза в виде красноватого прокала длиной 0,5 м, свя-

занная, вероятно, с погребальной обрядностью достройки кургана. Здесь выявлены 7 захоронений.

Погребение 1 (впускное) зафиксировано в 3 м южнее условного центра подкурганного пространства. Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 1 x 0,6 м, глубиной 1,3 м от 0г, была ориентирована с ЮЮВ на ССЗ (рис. 6, 1-А). Эта могила частично перекрывала основное погребение 2.

На дне расчищены разрозненные кости детского скелета, а в южной части ямы – развал глиняного сосудика с округлым туловом, маленьким уплощенным доньшком и зауженной шейкой (рис. 6, 2). Орнамента нет, внешняя поверхность черного цвета, слегка подлощена. Общая высота сосуда 10 см, диаметр устья 7,4 см, шейки 6,6 см, наибольшего расширения тулова 10,4 см, днища – 3,2 см. Погребение отнесено к среднесарматскому времени раннего железного века.

Погребение 2 (основное) расположено рядом с предыдущей могилой, в 3,5 м южнее условного центра кургана. Прямоугольная яма, размерами 1,6 x 1 м и глубиной 2,77 м от 0г, ориентирована с ЮЗЗ на СВВ (рис. 6, 1-Б).

Северный угол могилы перекрыт детским погребением № 1 сарматской культуры. На дне расчищен скелет ребенка, погребенного скорченно на спине, головой к востоку. Раздавленный череп лицевой частью завален на грудь, правая рука протянута вдоль туловища, левая уложена на таз. Ноги, первоначально стоявшие коленями вверх, упали вправо, к северу.

Под скелетом прослежена сложная трехслойная подстилка. Овальное пятно тонкого (не более 2 мм) черного тлена размерами 1 x 0,75 м перекрыто толстым (до 2 см) слоем растительного тлена желтоватого цвета (0,75 x 0,45 м). Отдельными пятнами под черепом, туловищем и голенями была подсыпана красная охра. Кроме того, охрой посыпаны череп, грудина, голеностопы. Около правой голени лежала створка речной раковины *Unio*. Погребение отнесено к ямной культуре эпохи ранней бронзы.

Отметим также важную деталь, связанную с основным погребением, которая отмечена в процессе сноса насыпи. С отметки -45 от 0г в центральной части кургана обозначилось округлое пятно черного цвета и необычно плотной, вязкой фактуры. На уровне погребенной почвы оно достигло размеров 4–4,5 м в диаметре. Таким же грунтом была забутована и могила основного захоронения. Поэтому уместно предположить, что строительство первичной насыпи проходило в два этапа: вначале могила с уложенным в нее умершим ребенком была заполнена инородным грунтом типа речного ила, из этого же грунта над погребением возведена небольшая куполообразная насыпь диаметром 4 м. Затем, над черной насыпью и кольцом лежащим вокруг нее могильным выкидом, состоящим из местного грунта, была насыпана первичная насыпь, прослеженная в двух стратиграфических бровках.

Погребение 3 (впускное) зафиксировано в 0,5 м к ЮВ от условного центра кургана. Это неглубокая могила подквадратной формы, размерами 1,55 x 1,45 м и глубиной 1,29 м от 0г, более длинной осью ориентированная с ЮЮВ на ССЗ (рис. 6, 3). На дне, несколько ближе к СЗ стенке лежал скелет взрослого человека, погребенного на левом боку, скорченно, в позе «скачущего всадника», головой к востоку. Череп с нижней челюстью смещен к локтевому сгибу (декапитация). На верхних отделах обеих голеней (большие бер-

цовые) отмечена патология в виде почти сквозных отверстий, вокруг которых заметны структурные изменения костной ткани.

Отдельными пятнами перед умершим и около правой пятки зафиксирована меловая посыпка. Возле правого плеча найдена серебряная подвеска из прямоугольного в сечении прутка, свернутая в 1,5 оборота (рис. 6, 5). Подвеска такого же типа, но изготовленная из бронзового дрота и меньших размеров, лежала между черепом и кистью выставленной вперед руки (рис. 6, 4). В юго-восточном углу могилы обнаружены мелкие фрагменты бронзовой оббивки деревянного сосуда – кусочки тонкой фольги, утратившие форму. У колена левой ноги найден фрагмент кварцитового наконечника стрелы, обработанного двусторонней ретушью (рис. 6, 6). Здесь же, перед умершим лежали кости МРС (лопатка, ноги, альчик). Захоронение отнесено к финалу эпохи средней бронзы.

Погребение 4 (впускное) выявлено в 3,5 м к западу от условного центра подкурганного пространства. Небольшая могила подквадратной формы с сильно округленными углами, размерами 0,65 x 0,6 м и глубиной 1,35 м от 0г, содержала остатки детского погребения, сильно потревоженного землероями (рис. 6, 7). Но, по размещению в могиле фрагментов черепа, можно предполагать, что умерший был ориентирован головой к югу.

В северо-западном углу ямы стоял глиняный лепной кувшинчик с отбитой ручкой (рис. 6, 8). Округлое тулово сосуда плавно переходит в короткую горловину с невысоким, отогнутым наружу венчиком. Общая высота кувшина 21 см, диаметр устья 10 см, шейки 9,2 см, максимального расширения тулова 17 см, днища – 9 см. Погребение отнесено к среднесарматскому периоду раннего железного века.

Погребение 5 (впускное) размещалось рядом с предыдущим комплексом, в 2,5 м западнее центра кургана. Небольшая прямоугольная яма размерами 0,7 x 0,4 м и глубиной 1,37 м от 0г была ориентирована с ЮЮЗ на ССВ (рис. 6, 9).

На дне обнаружены разрозненные кости ребенка (поза и ориентировка не установлены), а около северной стенки – фрагмент миниатюрного лепного сосудика с уплощенным доньшком и прочерченным в средней части тулова орнаментом в виде трех опоясывающих линий (рис. 6, 10). Скорее всего, комплекс погребений 4 и 5 одновременны (среднесарматское время РЖВ).

Погребение 6 (впускное) располагалось в 1 м к ССЗ от условного центра кургана. Удлиненно-овальная яма размерами 1,84 x 0,76 м и глубиной 1,21 м от 0г была ориентирована с ЮВ на СЗ (рис. 6, 11). На дне расчищен скелет взрослого человека, погребенного вытянуто на спине, головой к СЗ. Он был несколько потревожен землероями: перемещены череп и нижняя челюсть, сдвинуты кости правой руки, крестец оказался возле черепа.

На правом плече умершего и в северном углу могилы зафиксированы остатки берестяного колчана, который первоначально лежал поперек груди человека. Здесь же обнаружены обломки железных предметов, среди которых восстановлены два крупных наконечника стрел разных типов (рис. 6, 12, 13). Около левого плеча лежали остатки однолезвийного черешкового ножа (рис. 6, 14). В ногах умершего, на правой стороне таза и у левой руки зафиксированы кости ног лошади. Погребение отнесено к печенежско-половецкому времени эпохи позднего средневековья.

Погребение 7 (впускное), полностью разрушенное землероями, вероятно, детское, фиксировалось по местонахождению крупного фрагмента лепного сосуда на уровне погребенной почвы, около погребений 1 и 2. Это неорнаментированная горшечная форма средних пропорций с рельефно профилированной шейкой и плавно отогнутым наружу высоким венцом (рис. 6, 15). Черепок на изломе черный, с примесью песка и шамота. Общая высота сосуда 13 см, диаметр устья 15,2 см, шейки 14,4 см, наибольшего расширения тулова 16 см, днища – 8 см. Погребение отнесено к срубной культуре эпохи поздней бронзы.

Основным и самым ранним комплексом в кургане 6 является погребение 2 ямной культуры эпохи ранней бронзы, над которым возведена сложная первичная насыпь из речного ила и местного грунта. В конце эпохи средней бронзы в первичную насыпь впускно погребение 3 (возможно, криволукского типа), в эпоху поздней бронзы внедрено детское погребение срубной культуры (№ 7), а в средне-сарматское время РЖВ – три детских захоронения № № 1, 4, 5. В эпоху позднего средневековья в первичный курган впускно печенежское погребение 6, после чего досыпана вторичная насыпь.

Курган 7 также расположен в северной части могильника, в 15 м южнее кургана 6 (рис. 1). Округлая земляная насыпь диаметром 20 м и высотой 0,39 м снесена при помощи бульдозера с оставлением одной осевой бровки, ориентированной по меридиану (рис. 7, 1). Курган сооружен в два строительных периода. Стратиграфия: гумус – рыхлый грунт серого цвета (0,2 м); вторичная насыпь – пестрый грунт со светлыми глинистыми вкраплениями (до 0,4 м); первичная насыпь – более темный пестрый суглинок (до 0,3 м); погребенная почва – плотный серо-коричневый грунт с вкраплениями карбонатов (0,15 м); материк – светло-коричневая глина. Северную полу первичной насыпи перекрывала светлая линза материкового выкида из впускного погребения 1. Длина линзы 2,3 м, толщина – 0,2 м. В кургане обнаружены 2 захоронения.

Погребение 1 (впускное) зафиксировано в западной половине кургана, на расстоянии 2 м к ЮЗ от условного центра подкурганного пространства. Могильная яма прямоугольной формы, размерами 1,6 x 0,9 м и глубиной 2,2 м от 0г, ориентирована с ЮЗ на СВ (рис. 7, 2).

На дне могилы, около короткой северо-восточной стенки, расчищен скелет ребенка, погребенного в редкой для степного Волго-Уралья сидячей позе. Предполагается, что первоначально умершего зафиксировали в позе адорации сидя способом прислонения левой стороной к стене, а возможно и дополнительно связыванием. С распадом мягких тканей происходило постепенное обрушение скелета вниз и заваливание на левую сторону, головой к СЗЗ. Разрушенный череп, верхние конечности, кости грудины и позвоночника оказались сваленными грудой, а нижние конечности и таз сохранили почти естественные сочленения, колени все еще опирались на вертикальную стенку.

В центре могилы зафиксировано пятно охристой посыпки диаметром 0,15 м с вкраплениями мелких угольков. Погребение отнесено к финалу эпохи средней бронзы.

Погребение 2 (основное) выявлено в 1 м южнее условного центра подкурганного пространства. Могильная яма округло-овальной формы размерами 2,32 x 1,85 м ориентирована более длинной стороной с запада на восток

(рис. 7, 3). На глубине 1 м от 0г по всему периметру прослеживалась ступенька («запечки») шириной от 0,22 до 0,4 м. В центре углублена погребальная камера прямоугольной формы с округленными углами размерами 1,63 x 1,15 м, ориентированная в том же направлении, глубиной 1,86 м от условного репера.

На дне расчищен скелет молодой женщины, погребенной скорченно на правом боку, в позе «скачущего всадника», головой к востоку. Под черепом и стопами прослеживается подсыпка охрой. Между черепом умершей и восточной стенкой обнаружен развал лепного сосуда округлобокой формы с плавно профилированной шейкой и слегка отогнутым наружу коротким венцом (рис. 7, 4). Он украшен по обрезу устья короткими косыми вдавлениями, в средней части тулова чеканной «елочкой», а у дна – горизонтальным рядом вертикальных оттисков короткого штампа. На изломе фактура горшка имеет черный цвет, в примеси заметны песок и шлам. Общая высота сосуда 17,9 см, диаметр устья 18 см, шейки – 17,6 см, наибольшего расширения тулова – 20,6 см, дна – 11 см.

Среди черепков развала и рядом с ним зафиксированы кости МРС, а около поясничного отдела скелета – четыре козьих рога. Рядом с рожками лежало тщательно отполированное навершие булавы или посоха, изготовленное из желтоватого кальцита¹ с матовой поверхностью (рис. 7, 5). Навершие имеет уплощенно-дисковидную форму, в центре просверлено сквозное отверстие с прямыми стенками. Диаметр изделия 4 см, толщина 1,6 см, ширина канала 1,8 см.

У основания черепа и под ним расчищены два блока височных украшений, состоящих из бронзовых спиральных подвесок (по три спирали в каждом блоке). Комплексы создавали впечатление цилиндров, подвешенных в вертикальном положении. В каждой спиральной подвеске – по 2,5–3 витка плоско раскованного металлического прутка (рис. 7, 7–10).

Погребение отнесено к волго-уральской катакомбной культуре эпохи средней бронзы.

Кроме того, здесь выявлены две большие грабительские ямы, которые не разрушили погребений. Одна пробилась насыпь и участок материка в восточной половине кургана, другая – в юго-восточной поле. Заполнение ям оказалось очень плотным, затечным, на дне ничего не было.

Первичная насыпь кургана возведена над погребением катакомбной культуры № 2. В конце эпохи средней бронзы сюда впущено погребение № 1, а курган незначительно достроен вторичной насыпью. Неудачная попытка ограбления была предпринята намного позже, видимо, в эпоху позднего средневековья.

Курган 8 располагался на 40 м южнее кургана 7 (рис. 1). Округлая в плане земляная насыпь, диаметром 22 м и высотой 0,68 м снесена при помощи бульдозера, а для наблюдения за стратиграфией оставлена одна осевая бровка, ориентированная по меридиану. Стратиграфия: гумус – рыхлый серый грунт (0,2 м); насыпь – пестрый суглинок с глинистыми вкраплениями и но-

¹ Согласно результатам петрографического анализа, проведенного в минералогической лаборатории геологического факультета СГУ, кальцит взят из Березовского месторождения на территории Пугачевского района Саратовской области, на правом берегу Большого Иргиза.

рами землеюров (до 0,6 м); погребенная почва – плотный темно-серый грунт с вкраплениями карбонатов (0,25 м); материк – коричневая глина. В северной части насыпи, на древнем горизонте залегала светлая линза материкового выкида длиной 4,3 м и толщиной до 0,2 м. В центральной части кургана наблюдался обширный грабительский лаз. Ширина воронки под гумусом 2 м, на уровне материка – 3 x 3 м.

Погребение 1 (основное) – единственное в кургане захоронение было ограблено. Неровным перекопом грабители вышли на материк, в нескольких местах перекопали его, нарушив также края могилы, а в дальнейшем выбрали только ее заполнение.

Могильная яма размещалась в 2 м к ЮЮЗ от центра кургана, имела прямоугольную форму и размеры 1,87 x 1,25 м. Ее глубина составляла 2,18 м от 0г, а более длинной стороной яма ориентирована с ЗЮЗ на ВСВ. В заполнении, на разной глубине встречались разрозненные кости человека.

На дне могилы, вдоль южной и восточной стенок сохранились участки растительной подстилки коричневого цвета. В южном углу, на охристой подсыпке, в естественном сочленении зафиксированы кости ступней взрослого человека, рядом с которыми лежали два комка красной охры. Судя по уцелевшим *in situ* костям, умерший был погребен на правом боку, скорченно, головой к СВ. Предположительно, захоронение отнесено к эпохе средней бронзы.

Курган 9 находился в 240 м южнее кургана 8 (рис. 1). Его овальная в плане земляная насыпь, более длинная ось которой направлена по линии «запад-восток», размерами 21 x 17 м и высотой 0,5 м, была снесена при помощи бульдозера, а для наблюдения за стратиграфией оставлена одна осевая широтная бровка (рис. 8, 1). Стратиграфия: гумус – рыхлый грунт серого цвета (0,2 м); насыпь – пестрый суглинок со светлыми глинистыми включениями и темными норами землеюров (до 0,45 м); погребенная почва – плотный серый грунт с вкраплениями карбонатов (0,2 м); материк – светло-коричневая глина. В центральной части насыпи прослеживалась грабительская воронка, заметная даже по нивелировочным отметкам на уровне современного гумуса, и проникающая в основное захоронение. В кургане выявлены 3 погребения.

Погребение 1 (впускное) зафиксировано в 1,6 м к ЮЮВ от условного центра подкурганного пространства. Удлиненно-овальная яма, размерами 1,22 x 0,47 м и глубиной 1,05 м от 0г, ориентирована с ЗЮЗ на ВСВ (рис. 8, 2). На дне могилы расчищен скелет ребенка, погребенного вытянуто на спине, головой к ЗЮЗ. Лицевая часть черепа обращена влево, на север. Инвентаря нет. Захоронение отнесено в эпоху позднего средневековья.

Погребение 2 (впускное) обнаружено на расстоянии 2,3 м к ССВ от центра кургана. Могильная яма подпрямоугольной формы, с неровными стенками, размерами 1,24 x 0,53 м и глубиной 1,03 м от вершины насыпи, ориентирована с ВЮВ на ЗСЗ (рис. 8, 3). Здесь обнаружен скелет ребенка, погребенного вытянуто на спине, головой к ЗСЗ. Захоронение также оказалось безынвентарным, отнесено к эпохе позднего средневековья.

Погребение 3 (основное) находилось непосредственно в центре подкурганного пространства, с незначительным (на 0,4 м) смещением к западу. Это обширная могила прямоугольной формы, размерами 2,5 x 1,9 м и глубиной 2,3 м от 0г, ориентированная с ЗЮЗ на ВСВ (рис. 8, 4). Погребение ограблено,

в заполнении ямы, на разной глубине встречались кости взрослого человека, но наиболее плотное скопление расчищено на дне, в центре могилы.

Под костями зафиксированы остатки коричневого растительного глена от подстилки, которая имела прямоугольную форму, здесь же отмечены два небольших пятна охристой подсыпки. В юго-восточном углу зафиксирован неполный развал лепного сосуда, который реконструирован графически (рис. 8, 5). У него характерная яйцевидная форма, слабо изогнутое плечико и узкое неустойчивое доньшко. От линии плеча, по всему тулову до дна горшок орнаментирован чеканной «елочкой». Высота сосуда 17 см, диаметр устья 14,6 см, наибольшего расширения тулова – 17,4 см, доньшка – 5 см. В примеси заметны песок, шамот и крупницы извести. Погребение отнесено к позднему этапу развития волго-уральской ямной культуры эпохи ранней бронзы.

Насыпь кургана была возведена над погребением 3, которое ограблено в эпоху позднего средневековья при подхоронении детей из могил 1 и 2.

Курган 10 стоял в северной части могильника, на удалении 28 м южнее кургана 9 и в 92 м к северу от кургана 5 (рис. 1). Овальная в плане земляная насыпь, размерами 18 x 22 м и высотой 0,33 м, более длинной осью была ориентирована по меридиану. Она снесена при помощи двух скреперов, с оставлением одной осевой бровки, направленной через центр кургана с востока на запад (рис. 9, 1). Стратиграфия: гумус – рыхлый грунт серого цвета (0,2 м); насыпь – пестрый суглинок с пятнами перекопов мелких грызунов (до 0,4 м); погребенная почва – плотный серо-коричневый грунт с включениями светлых карбонатов (0,15 м); материк – светло-коричневая глина. Здесь зафиксированы 2 погребения.

Погребение 1 (втуское) обнаружено в центральной части подкурганного пространства с незначительным (0,6 м) отклонением к северу. Могильная яма овальной формы с неровными стенками, размерами 1,8 x 1,07 м и глубиной 1,1 м от 0г, была ориентирована по линии «восток-запад». Захоронение было ограблено. На разной глубине в заполнении встречены разрозненные кости двух взрослых человек. На дне, сдвинутые к южной стене, лежали два черепа среди тазовых и длинных костей конечностей (рис. 9, 2).

Среди костей найдены один фрагмент лепного грубо обжженного сосуда и бронзовый трехперый наконечник стрелы с остатками древка в короткой втулке (рис. 9, 3). Общая длина наконечника 2,6 см, его острие притушено от удара. Захоронение отнесено к савромато-сарматскому периоду раннего железного века.

Погребение 2 (основное) располагалось в 1,3 м к юго-западу от центра кургана. Прямоугольная, с округленными углами могильная яма, размерами 1,4 x 1,16 м и глубиной 1,7 м от 0г, более длинной стороной была ориентирована с ЗСЗ на ВЮВ (рис. 9, 4).

На дне расчищен скелет подростка, погребенного на левом боку с завалом на грудь, головой к ВЮВ. Отметим неустойчивое положение рук погребенного: правая выдвинута локтем вперед, а предплечье и кисть направлены под грудину; левая рука под корпусом слабо согнута в локте, кисть направлена к бедрам. Под скелетом и вокруг него прослежена слабая меловая подсыпка. На черепе, у стоп, за спиной, у колен и локтя отмечены розовые охристые

пятна. Захоронение отнесено к криволукскому культурному типу завершающей фазы эпохи средней бронзы.

Курган был возведен над погребением 2 в конце эпохи средней бронзы, а в начале раннего железного века в него внедрено парное захоронение савроматской (или раннесарматской?) культуры, ограбленное, очевидно, в эпоху позднего средневековья.

Курган 11 находился в центральной части могильника, на значительном (600 м) удалении от кургана 5 и еще большем расстоянии (1280 м) от северной границы памятника (рис. 1). Небольшая округлая насыпь диаметром 8 м и высотой 0,38 м раскопана вручную, с оставлением двух взаимоперпендикулярных бровок, ориентированных по сторонам света (рис. 9, 5). Стратиграфия: гумус – рыхлый серый грунт (от 0,05 м на вершине насыпи до 0,3 м на северной поле); насыпь – пестрый сухой суглинок, сильно переотложенный в середине сурчиным перекопом (до 0,6 м); погребенная почва – плотный серый грунт с вкраплениями карбонатов (0,2 м); материк – светло-коричневая глина.

В центральной части подкурганного пространства выявлена обширная полость сурчиного перекопа, размерами 2 x 1,5 м, а единственное погребение обнаружено в южной поле, на удалении 2,7 м от условного центра кургана. Поскольку южная часть могилы выходила за пределы раскопа, здесь заложена прирезка размерами 2 x 2 м.

Погребение 1 (основное) – подпрямоугольная могила, размерами 1,6 x 0,9 м и глубиной 1,52 м от 0г, была ориентирована с ЮВ на СЗ (рис. 9, 6). В ходе выборки заполнения выяснилось, что содержимое могилы сильно повреждено землероями. На дне зафиксированы перемешанные кости подростка, развал лепного сосуда и две лошадиные бабки.

Горшок графически реконструирован. Это округлобочая форма с плавно профилированной шейкой и коротким, слабо отогнутым наружу венчиком (рис. 9, 7). В примеси заметны песок и шамот. Средняя часть тулова покрыта вертикальными расчесами, а на шейке имеется орнаментальный фриз, выполненный зубчатым штампом (под горизонтальной линией – ряд наклонных отрезков). Общая высота сосуда 18,4 см, диаметр устья 16 см, шейки – 15,8 см, наибольшего расширения тулова – 18,2 см, днища – 8,5 см. Погребение отнесено к срубной культуре эпохи поздней бронзы.

Курган 12 располагался в южной части могильника, в 400 м к ЮВ от кургана 11 (рис. 1). Раскопан вручную, полностью на вынос, с оставлением двух взаимоперпендикулярных бровок, ориентированных по сторонам света. Это округлая земляная насыпь диаметром 10 м и высотой 0,21 м (рис. 10, 1). Стратиграфия: гумус – рыхлый грунт серого цвета (0,2 м); насыпь – пестрый сухой суглинок с включениями материкового грунта (до 0,4 м); погребенная почва – плотный серый грунт с вкраплениями светлых карбонатов (0,35 м); материк – светло-коричневая глина. В кургане обнаружено 1 захоронение.

Погребение 1 (основное) зафиксировано в юго-западном секторе, на удалении 1,5 м от условного центра подкурганного пространства, причем могильное пятно просматривалось уже на уровне древнего горизонта. Это была могила подбойной конструкции с длинной и узкой входной ямой размерами 1,94 x 0,4 м и глубиной 1,63 м от вершины насыпи, ориентированная с ЮЮЗ на ССВ (рис. 10, 2). Погребальная камера удлинненно-овальной формы уст-

роена в западной стенке входной штольни. Ее размеры 2,15 x 0,75 м. Относительно дна входа она углублена на 0,3 м, а высота свода подбоя составляла 0,7 м. Следы деревянного заклада в камеру прослеживались на краю ступени в виде рыхлого тлена длиной 80 и шириной 5 см.

На дне подбоя расчищен скелет взрослого человека, погребенного вытянуто на спине, головой к ССВ. На черепе отчетливо заметны следы прижизненной лобно-затылочной деформации. В головах погребенного, слева, стоял лепной сосуд с округлым туловом, рельефно профилированной короткой шейкой и резко отогнутым наружу венцом (рис. 10, 3). Внешняя поверхность сосуда слегка подлощена. Погребение отнесено к позднесарматской культуре завершающей фазы раннего железного века.

Курган 13 стоял по соседству с курганом 12, в 8 м севернее (рис. 1). Округлая в плане земляная насыпь диаметром 18 м и высотой 0,56 м снесена при помощи бульдозера, причем, уже на этой стадии исследования стало очевидным, что курган ограблен. В центре, по всей толще кургана была заметна обширная воронка грабительского лаза, заполненная плотным и вязким затечным грунтом. Для наблюдения за стратиграфией была оставлена одна осевая бровка, ориентированная по меридиану. Стратиграфия: гумус – рыхлый грунт серого цвета (0,15 м); насыпь – пестрый суглинок (до 0,6 м); погребенная почва – плотный серый грунт с вкраплениями белесых карбонатов (0,3 м); материк – светло-коричневая глина. Материковый выкид из единственной в кургане могилы залегал на южной стороне, на уровне древнего горизонта, в виде светлой линзы длиной 1,5 м и толщиной до 0,25 м.

Погребение 1 (основное) зафиксировано непосредственно в центре кургана, под пятном грабительского лаза. Могила имела подбойную конструкцию (рис. 10, 4). Длинная и узкая входная яма подпрямоугольной формы, размерами 1,96 x 0,64 м и глубиной 2,21 м от 0г ориентирована с ЮЮЗ на ССВ. Погребальная камера устроена в восточной стенке входной штольни. Ее дно глубже дна входа на 0,16 м, высота свода составляет 0,48 м. Подбой имеет форму неправильного, слегка изогнутого овала. Размеры камеры 2,2 x 0,55 м.

На дне подбоя расчищено беспорядочное скопление костей взрослого человека, сдвинутых ближе к восточной стене. Череп, со следами лобно-затылочной деформации, лежал в северной части камеры, а длинные кости ног – в южной половине. Среди костей найдены несколько предметов погребального инвентаря. Около черепа лежала часть железных ножниц пружинной конструкции (рис. 10, 7). Здесь же, ближе к ступеньке, фрагмент железного однолезвийного ножа (рис. 10, 6). Около стенки подбоя обнаружен фрагмент деревянного изделия, частично сохранивший покрытие черной краской. В 15 см южнее зафиксировано скопление мелких предметов: глиняное биконическое пряслице (рис. 10, 8); меловый кубик (рис. 10, 5); часть ожерелья из двух бронзовых пронизок, имитирующих спирали, и гипсовой бусины (рис. 10, 9–11). Возможно, к ожерелью относилась и бронзовая двойная «ведерковидная» подвеска (рис. 10, 12).

Вероятно, в погребальной обрядности использовались полевые цветы. В заполнении подбоя во множестве встречались лепестки красных маков. Сохранившие яркость цвета, они, под воздействием света и воздуха мгновенно выцветали и распадались порошкообразным тленом.

Погребение отнесено к позднесарматской культуре конца раннего железного века.

Курган 14 располагался в 20 м восточнее кургана 12 (рис. 1). Насыпь имела странную восьмеркообразную форму с меридиональным диаметром 22 м и высотой 0,4 м. С запада на восток ее пересекала длинная западина, как выяснилось в ходе раскопок – следы ограбления кургана способом закладки сквозной траншеи. В насыпи это была полоса темного затечного грунта шириной 3,7 м. Курган исследован при помощи бульдозера, с оставлением одной осевой бровки, ориентированной по меридиану. Стратиграфия: гумус – рыхлый грунт серого цвета (0,1–0,25 м); насыпь – плотный пестрый суглинок (до 0,45 м); погребенная почва – плотный серый грунт с вкраплениями карбонатов (0,2–0,35 м); материк – светло-коричневая глина. В кургане выявлено одно погребение.

Погребение 1 (основное) находилось в 4,5 м к СЗ от условного центра подкурганного пространства. Могила имела овальную форму с выступом в одной продольной стороне и ориентирована с ЮВ на СЗ (рис. 11, 1). Размеры ямы 1,65 x 1 м, глубина от 0г 1,7 м.

Погребение оказалось ограбленным. Здесь расчищено беспорядочное скопление костей взрослого человека и несколько предметов погребального инвентаря. В северной части могилы обнаружены несколько фрагментов чернолощеного сосуда с налепной шишечкой (рис. 11, 8), а среди костей человека найдены несколько неопределимых железных обломков и бронзовое, треугольное в сечении колечко с уплощенными сомкнутыми концами (рис. 11, 2–7). Захоронение отнесено к киммерийскому времени начала раннего железного века.

Курган 15 находился в 50 м к западу от кургана 12 (рис. 1). Это была почти незаметная на поверхности округлая насыпь диаметром 6 м и высотой 0,07 м. Она снята вручную, с оставлением одной осевой бровки, ориентированной по меридиану (рис. 11, 9). Стратиграфия: гумус – рыхлый серый грунт (0,1 м); насыпь – пестрый суглинок с включениями глыб материкового грунта (до 0,3 м); погребенная почва – плотный грунт серого цвета с карбонатными затеками (0,25 м); материк – светло-коричневая глина. В южной половине кургана, на уровне древнего горизонта, залегала светлая линза материкового выкида из погребения длиной 3,5 м и толщиной до 0,25 м. Выявлено одно захоронение.

Погребение 1 (основное) зафиксировано в юго-западной поле кургана. Поскольку оно частично выходило за пределы раскопа, здесь была заложена прямоугольная прирезка размерами 2 x 2 м. Грунтовая могила удлиненно-овальной формы, размерами 1,94 x 0,68 м и глубиной 1,57 м от 0г ориентирована с ЮЮЗ на ССВ (рис. 11, 10).

На дне расчищен скелет взрослого человека, погребенного вытянуто на спине, головой к ССВ. Лицевая часть черепа со следами лобно-затылочной деформации обращена к востоку. В ногах умершего был поставлен лепной округлобокий кувшин с маленькой зооморфной ручкой (рис. 11, 11). Общая высота сосуда 21,4 см, диаметр устья 10 см, шейки – 8,3 см, максимального расширения тулова – 19,7 см, днища – 7,6 см. Захоронение отнесено к позднесарматской культуре конца раннего железного века.

В пятнадцати курганах Светлоозерского могильника выявлены 30 захоронений, представляющие комплексы десяти подкурганых культур от ранней бронзы до позднего средневековья, известных в археологии степного Волго-Уралья:

- 4 захоронения относятся к волго-уральской ямной культуре эпохи ранней бронзы (3/1, 6/2, 8/1, 9/3);
- 2 погребения соответствуют параметрам катакомбной культуры За-волжья эпохи средней бронзы (1/2, 7/2);
- 5 комплексов с позднекатакомбными, криволукскими и вольско-лбищенскими признаками отнесены к завершающей фазе эпохи средней бронзы (1/1, 4/1, 6/3, 7/1, 10/2);
- 2 захоронения начальной фазы эпохи поздней бронзы относятся к покровскому культурному типу (2/2, 2/3);
- 3 погребения отнесены к срубной культуре эпохи поздней бронзы (5/1, 6/7, 11/1);
- 1 захоронение предположительно отнесено к киммерийскому времени начала эпохи раннего железа (14/1);
- 1 комплекс предположительно отнесен к савромато-сарматскому периоду раннего железного века (10/1);
- 5 погребений относятся к среднесарматскому времени раннего железного века (4/2, 4/3, 6/1, 6/4, 6/5);
- 3 захоронения позднесарматского периода завершают эпоху раннего железа (12/1, 13/1, 15/1);
- 4 комплекса отнесены к печенежско-половецкому времени эпохи позднего средневековья (2/1, 6/6, 9/2, 9/3).

Погребения ямной культуры, всегда основные в светлоозерских курганах, диагностируются признаками погребальной обрядности и керамикой. Типы и устройство могильных сооружений близки по основным элементам: прямоугольная форма ям, широтная ориентировка с небольшим склонением по меридиану, отсутствие деревянных конструкций (за исключением кенотафа 3/1), растительные подстилки на дне могил.

Особенности погребального обряда полностью фиксируются только по одному детскому комплексу (6/2) как скорченность на спине коленями вверх, или на правом боку (8/1), руки протянуты вдоль туловища, приподнимание головы, восточная, с небольшим отклонением к северу, ориентировка. Во всех комплексах отмечена охристая посыпка и комки охры на дне могил, а также, в целом, бедность погребального инвентаря. Подобные детали обрядности присущи наиболее близким, в территориальном отношении, группам позднеямных захоронений тамар-уткульского типа, изученных в Оренбургской области [Моргунова Н.Л., Кравцов Ю.А., 1994; Богданов С.В., 2004; он же, 2005].

Керамика – два сосуда из детского кенотафа 3/1 (рис. 4, 3, 4) и один – из разрушенного взрослого захоронения 9/3 (рис. 8, 5) – практически идентична по показателям формы (закрытые банкообразные профилировки и зауженные слабоустойчивые днища, плечико выделено едва заметным уступчиком). Орнаменты выполнены крученым шнуром или коротким штампом. Построение декора выдержано в ямных (горизонтальные линии, свисающий зигзаг) или катакомбных традициях (елочка), причем, данное соотношение

не следует понимать однозначно, поскольку елочный декор появляется на сосудах еще в ямное время, на круглодонных формах, обычно покрывая всю внешнюю поверхность тулова. Вместе с тем, было отмечено, что катакомбный стиль «елочки» отличен от местного волго-уральского (узор более плотен и симметричен) [Мочалов О.Д., 2008. С. 61].

В рамках полтавkinской концепции сосуды с «елочной» орнаментацией из курганов лесостепной зоны Поволжья, подобные нашему экземпляру из п. 3 к. 9 (рис. 8, 5), относят к началу эпохи средней бронзы [Мочалов О.Д., 2008. С. 82, рис. 27, 6, 7]. В правобережье Саратовской области есть аналог в материалах Усть-Курдюма-I (4/4) [Лопатин В.А., Якубовский Г.Л., 1993. С. 144, рис. 5, 2], а в Заволжье отдаленное сходство демонстрирует экземпляр из Утевки-I (1/1), интерпретируемый как раннеполтавkinский, или ямно-полтавkinский (по М.А. Турецкому) [Васильев И.Б., 1980; Турецкий М.А., 1988; Кузнецов П.Ф., 1989].

Формирование черт поздней культуры в Нижнем Поволжье и степном Волго-Урале связывается с миграцией носителей тамар-уткульского культурного типа (горизонт РБВ-II по С.В. Богданову) из Южного Приуралья. Она имела место в первой половине III тыс. до н. э., когда погребения в прямоугольных ямах с восточными ориентировками, в положении на спине или с завалом вправо, с банками, орнаментированными «елочкой» и свисающими треугольниками, проникают далеко к западу, навстречу развивающемуся катакомбному миру. Уже к середине III тыс. до н. э. тамар-уткульская традиция пресекается даже на Южном Урале [Богданов С.В., 2006. С. 14]. Вместе с тем, в степях Волго-Урала возрастает количество погребений с волго-маньчскими чертами [Кияшко А.В., 2006. С. 52], из чего, вероятно, следует, что движение было встречным.

Погребения катакомбного типа в обрядовом отношении близки предыдущим позднейшим, особенно тем, которые фиксируются в правобочных позициях. В Светлом Озере отмечены строго восточная и с некоторым отклонением к северу ориентировки умерших, погребенных в прямоугольных простых ямах или могилах с заплечиками, наличие охристых поспылок и комков охры, а также костей МРС.

Возможно, несколько более раннюю позицию занимает погребение (1/2), где выявлены листовидный нож и шило с упором (рис. 2, 7-9). Здесь очень архаичен нож, почти идентичный экземпляру из Тамар-Уткуль-VII [Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю., 1994; Кияшко А.В., 2002]. С другой стороны, шилья с упорами, аналогичные нашему, отмечены в «сидячих» тамар-уткульских погребениях из насыпи кургана 4, вместе с керамикой вольско-лбищенского типа [Богданов С.В., 1998. С. 37, рис. 11, 1, 11]. Это дает основания предполагать либо более позднюю позицию нашего погребения, либо более широкий интервал бытования листовидных ножей. Напомним, что в тризне, посвященной погребению 2 из первого кургана Светлого Озера, также имеется вольская керамика (рис. 2, 2, 3).

В женском погребении 7/2 наиболее диагностичны округлобокий сосуд с «елочной» орнаментацией в средней части тулова и характерные многовитковые подвески из бронзы (рис. 7, 4, 6-10), которые в целом позволяют синхронизировать его с раннедонецкими катакомбными комплексами Дона и Нижнего Поволжья. В ближнем пространстве такие захоронения отмечены,

например, в Бережновке-I (32/5) [Синицын И.В., 1959] и Кривой Луке XXXV (1/21) [Кияшко А.В., 2002. Табл. XXVI, 4–6]. Довольно близок комплекс детского погребения 1/18 из Дубенцовского-III могильника, исследованного в Нижнем Подонье, в котором усматриваются восточные культурные признаки [Кияшко А.В., 2002. С. 84; рис. 66, 6–8]. Здесь выявлены такая же подвеска и очень похожий сосуд, украшенный «елочкой» в среднем и нижнем отделах тулова. Примечательно, что они находились в простых ямах (иногда с заплечиками), где умершие ориентированы в восточные сектора. На Нижнем Дону многовитковые подвески диагностируют исключительно комплексы донецкого типа [Братченко С.Н., 1976. Рис. 72, 1].

В раннекатакомбное время наблюдается продолжающееся проникновение волго-уральских традиций в правобережную и волго-донскую степь и дальнейшее диффузорное рассеивание в юго-западном направлении [Кияшко А.В., 2006. С. 52].

Погребения завершающей фазы эпохи средней бронзы весьма вариативны в показателях погребальной обрядности и, как правило, аскетичны (погребальный инвентарь либо отсутствует, либо чрезвычайно скуден), что составляет известные трудности в культурно-хронологической интерпретации комплексов. В Светлом Озере зафиксированы погребения, устроенные в подбойной (рис. 2, 4), трапециевидных (рис. 4, 5; 6, 3) и прямоугольных (рис. 7, 2; 9, 4) могилах. Уже одно это демонстрирует определенную этнокультурную пестроту населения степного Волго-Уралья в конце эпохи средней бронзы. Представляется, что светлоозерскую выборку этого времени можно предположительно связывать с тремя основными традициями – позднекатакомбной, криволукской и вольско-лбищенской.

К позднекатакомбному типу отнесен один комплекс – 6/3 (рис. 6, 3–6), где зафиксирован скелет с признаками декапитации, левобочная скорченность, восточная ориентировка, поза скачущего всадника, кости МРС, височные подвески (бронзовая и серебряная), обломок кварцитового наконечника и металлическая обкладка деревянного сосуда. В инвентаре наиболее диагностичны подвески – округлые, откованные из овальных в сечении дров и свернутые узкой спиралью в 1,5 оборота. В целом, они характерны для катакомбных культур довольно глубокого хронологического интервала и широко распространены. Подобные вещи известны в захоронениях донецкого типа из Волго-Донского междуречья (Антонов – 6/1) и Нижнего Подонья (Кастырский-VI, 4/12; VIII, 3/10) [Кияшко А.В., 2002. Табл. XXVIII, 7; XXIV, 4, 5, 14]. Но в ближайшем ареале они отмечены именно в позднекатакомбных материалах степного Приуралья (Илекшар-I, 5/3) [Ткачев В.В., 2006. С. 59, рис. 14, 5]. Примечательно, что в Илекшаре имеется также листовидный нож [там же. С. 59, рис. 14, 3], почти идентичный светлоозерскому экземпляру из катакомбного правобочного захоронения 1/2 (рис. 2, 9), что, видимо, подтверждает широкий временной диапазон этого типа изделий.

В остальном, погребение 6/3 из Светлого Озера обнаруживает заметную близость с посткатакомбными комплексами степей Нижнего Поволжья и Волго-Донья (простая яма, левобочная поза «скачущего всадника», восточная ориентировка, бедность инвентаря, кости МРС перед умершим). В полной мере эти признаки отражены в захоронениях криволукского культурного типа, выделенного Р.А. Мимоходом для завершающей фазы эпохи средней

бронзы и времени перехода к позднему бронзовому веку [Мимоход Р.А., 2004. С. 108-114].

В Светлом Озере есть два захоронения, предположительно отнесенные к криволюкскому типу. Одно из них (4/1) разрушено, и в точности его интерпретации, безусловно, присутствует доля сомнения. Здесь отмечены простая яма небольших размеров, ориентированная в широтном направлении, и тризна на восточном краю могилы, где, кроме углей, золы и мелких неопределимых обломков керамики, были также кости МРС и фрагмент каменного абразива (рис. 4, 5, 6).

Второй комплекс – безынвентарное погребение подростка (10/2), которое, тем не менее, являлось основным в кургане (рис. 9, 1, 4). По всем показателям (простая яма, сильная левобочная скорченность, восточная ориентировка, неопределенное положение рук, слабые охристые пятна на костях) оно соответствует параметрам криволюкского культурного типа. Как основные под курганными насыпями, криволюкские захоронения неоднократно отмечены в степном Волго-Уралье, например, в могильниках Малого Карамана (Рунталь, Калмыцкая Гора, Чапаевка, Караман), и это позволяет предполагать на данной территории определенную доминанту посткатакомбных традиций в конце эпохи средней бронзы [Жемков А.И., Лопатин В.А., 2007. С. 93-118]. Вместе с тем, детское погребение в качестве основного – скорее аномалия, чем правило. Нам известен единственный подобный случай в материалах Смеловского грунтового могильника, где криволюкское погребение подростка занимало престижное положение в центре родового участка, окруженного ровиком [Лопатин В.А., 2001. С. 82].

Вольско-лбищенская традиция отмечена в двух комплексах Светлого Озера, но данное определение дается для них, в большей степени, по косвенным признакам. Парное захоронение взрослого человека и грудного младенца (1/1) устроено в погребальной конструкции, которая интерпретирована как могила с подбоем (рис. 2, 4). Найденные здесь костяные пронизки (рис. 2, 5, 6) не могут быть уточняющим индикатором, поскольку широко встречаются в хронологическом пространстве средней бронзы. Левобочная адорация и северная ориентировка также иногда характерны для некоторых позднекатакомбных комплексов Заволжья и Волго-Донья. Единственный определенный вольско-лбищенский признак – это остатки двух сосудов из тризны, которая впущена в насыпь кургана как посвящение предковому катакомбному погребению 1/2 при подхоронении нашей пары.

Профилировки и орнаментация этой керамики, действительно, близки вольско-лбищенским показателям, прежде всего, в характере формовки венчиков, в системе организации орнаментального поля и в наборах элементов декора (вертикальный, плоско сформованный венец, узкозональность, разделенные горизонтальными линиями наклонные и вертикальные отрезки, короткошаговый зигзаг) [Васильев И.Б., 2003. С. 113, рис. 1]. Тем не менее, степные находки керамики с вольскими признаками типа светлоозерских (рис. 2, 2, 3) или рунтальской [Жемков А.И., Лопатин В.А., 2007. С. 118, рис. 4, 4] представляются, в известной степени, несколько искаженными репликами сосудов, происходящих с лесостепных эпонимных памятников Поволжья. Более того, они, вероятно, и более поздние, представляющие материальную культуру финала средней бронзы, а не ямно-полтавкинское

времени, как это отмечалось в литературе для вольско-лбищенской классики [Васильев И.Б., 2003. С. 111].

Выделенные, в качестве вольско-лбищенских, погребения Алексеевского III могильника [там же. С. 3, рис. 3] не имеют обрядовой специфики, которая отличала бы их от криволукских или срубных. В этом смысле наиболее оригинальны «сидячие» захоронения из насыпи 4 кургана в Тамар-Уткуль-VII, которые маркированы сосудами вольско-лбищенского типа, шильями с упорами, большими очковидными подвесками и браслетами с треугольным сечением [Богданов С.В., 1998. С. 36–37, рис. 10; 11]. Сидячая поза – косвенный признак, по которому к этой группе отнесено светлоозерское погребение ребенка 7/1 (рис. 7, 2), впущенное в курган в качестве подхоронения к основному катакомбному комплексу с кальцитовым навершием и многовитковыми подвесками (рис. 7, 1).

В целом же, все захоронения конца эпохи средней бронзы из Светлого озера отражают известную обрядовую аморфность, характерную для этого времени. Они отчасти близки друг другу по сохранению катакомбных признаков (подбой, охра, элементы орнаментации сосудов, положения скелетов).

Погребения покровского типа появляются в Светлом Озере в начале эпохи поздней бронзы. Из них информативно только женское подхоронение 2/2, посвященное основному парному комплексу 2/3, к сожалению полностью разрушенному грабителями (рис. 3, 1, 3). Оно было впущено в насыпь на уровень древнего горизонта, а рядом, также в насыпи, устроена поминальная тризна. В комплексе имеются женские украшения рук (браслеты), головы (желобчатая и трубчатая подвески) и шеи (фаянсовые бусы), которые традиционны для этого времени (рис. 3, 5–8). Светлоозерские массивные браслеты с незаходящими концами, согнутые из круглого в сечении дрота, упоминаются в сводке Н.М. Малова, который относит такие изделия к типу У-4 [Малов Н.М., 1992. С. 26]. Отмечено, что подобные типы наручных украшений бытуют одновременно с плоско-желобчатыми браслетами, но чаще с прутковыми, полукруглыми, или круглыми в сечении и с приостренными, заходящими друг за друга концами.

В целом, такие браслеты, а также височные подвески с широкой желобчатой лопастью и трубчатые украшения типичны для раннепокровских захоронений. Об этом же свидетельствуют характерные абашевские признаки сосуда – максимальный диаметр по линии устья, высокий желобчатый венчик с ребром на внутренней стороне отгиба, узкое днище, широкие горизонтальные расчесы на внешней стороне тулова, рельефные настолько, что напоминают каннелюры (рис. 3, 4). По некоторым данным, подвижные группы покровского населения в степном Волго-Уралье могли быть синхронны посткатакомбным племенам (криволукским, вольско-лбищенским, позднекатакомбным), составлявшим здесь автохтонный этнокультурный фон, и активно с ними взаимодействовали, что косвенно отражено в материалах Смеловского могильника [Лопатин В.А., 1997. С. 73–75].

Погребения срубной культуры, к сожалению, малоинформативны, поскольку все они оказались ограбленными. Два из них (5/1, 11/1) – основные и единственные под маленькими насыпями (рис. 5, 1–4; 9, 5–7), а третье (6/7) было впущено на уровень древнего горизонта в первичную насыпь кургана ямной культуры (рис. 5, 5; 6, 15).

Взрослое захоронение 5/1, скорее всего, относится к раннесрубному периоду. Оно было устроено в прямоугольной могиле, ориентированной на ССВ. Найденный здесь неорнаментированный горшок изготовлен с примесью толченой раковины, а, кроме того, он еще сохраняет в своей подколоколовидной форме некоторые позднепокровские признаки. Пастовые бусы также характерны для ранних срубных погребений, как реминисценция предшествующего покровского времени.

К более позднему, развитому периоду срубной культуры отнесены погребения 6/7 и 11/1, содержавшие типичную керамику. В разрушенном погребении подростка 11/1 зафиксированы также две путовые кости лошади. Северо-западная ориентировка этой могилы, а также тип орнамента на округлобоком сосуде (горизонтальная и косые линии) могут отражать ее несколько более поздние культурно-хронологические позиции (возможно, XIV в. до н. э.). На территории Нижнего Поволжья подобные упрощенные орнаментальные композиции распространяются в срубном декоре под влиянием средневожских лесостепных (сусканских) традиций [Лопатин В.А., Четвериков С.И., 2005. С. 61; Лопатин В.А., 2003. С. 18].

Погребением киммерийского (переходного) типа 14/1 отмечено в Светлом Озере начало раннего железного века. Оно находилось под индивидуальной насыпью, но было ограблено, поэтому точную информацию по погребальной обрядности этого комплекса извлечь из полученных материалов невозможно. Судя по овальной форме, небольшим размерам и ориентировке ямы, на дне которой кости взрослого человека были перемешаны, но сгруппированы у северо-восточной стены (рис. 11, 1), можно предположить, что умерший был здесь уложен в скорченной левобочной позе, головой к ЮВ, что могло бы соответствовать показателям раннечерногородского обряда, если бы не заметное склонение в ориентировке могилы по меридиану, а также не состав инвентаря. Среди предметов, выявленных в могиле, мелкие неопределимые фрагменты железных предметов совершенно неинформативны (рис. 11, 2-6), и только две находки (рис. 11, 7, 8) служат ориентиром при культурно-хронологической интерпретации.

В сводке В.В. Тихонова и Г.Л. Якубовского по новым материалам киммерийского времени на территории Саратовского Поволжья, куда вошел также светлоозерский комплекс 14/1 [Тихонов В.В., Якубовский Г.Л., 1999], фрагмент чернолощеного сосуда с налепной шишечкой и бронзовое колечко треугольного сечения послужили основанием для отнесения этого захоронения к рубежу позднекиммерийского и раннесавроматского периодов. В известной степени, данная трактовка пошла вслед за первой интерпретацией автора раскопок, изложенной в отчете [Лопатин В.А., 1991. С. 40-48]. Причем, наиболее интересно, что традиции изготовления подобных сосудов и предметов металлической фурнитуры, как установлено авторами публикации, происходят из весьма удаленных от глубинной заволжской степи западных (северокавказских и восточноприкарпатских) регионов [Дворниченко В.В., 1982. С. 60; Смирнов К.Ф., 1964. С. 110; Степи..., 1989. С. 310, табл. 5, 33]. Однако, предмет из Шолданешты, приведенный ими в качестве аналогии нашему кольцу, вряд ли относится к этому типу вещей, поскольку он цельнолитой и не имеет разомкнутых окончаний. На Северном Кавказе кованный предмет треугольного сечения с разомкнутыми концами, напоминающий наше ко-

лечко, есть в материалах западного варианта кобанской культуры (могильник Терезе) [Козенкова В.И., 1998. С. 166, табл. X, 19]. Единственный аналог на востоке от Светлого Озера – такое же кольцо из могильника ирменской культуры Журавлево-4 [Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 2004. С. 55, рис. 19, 1].

Лощеная керамика с налепными шишечками, действительно, более характерна для западных культур киммерийского времени. Именно к киммерийскому типу относятся такие сосуды из верхних отложений Алхастинского поселения на Северном Кавказе [Крупнов Е.И., 1960. С. 443, табл. XXI, 4, 7, 9]. Рельефная орнаментация, в том числе и округлые налепы (полусферические и сосцевидные шишечки) вообще типичны для культур фракийского гальштата, памятников раннего железного века Кавказа, раннескифоидных комплексов Восточной Европы.

Но в степном Волго-Урале погребения эпохи перехода от бронзы к раннему железу немногочисленны. Черногоровские комплексы волго-донской группы заходят на левый берег Волги только в пределах Волгоградской и Астраханской областей, а далее к северу и востоку распространяется ареал нурских памятников [Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р., 1993. С. 89], которые известны исключительно по материалам сборов на кратковременных скотоводческих стоянках. Не исключено, что редкие погребения киммерийского типа, отмеченные в заволжских степях, опосредованно связаны с нурскими стоянками, но этот вопрос требует специальной проработки.

Определение нашего комплекса 14/1, в качестве позднекиммерийского, не бесспорно, слишком мало данных, в связи с ограблением могилы. Кроме того, весьма показательны, что здесь имеются обломки железных изделий – часть лезвия ножа и фрагменты, представленные в первой публикации деталями колчанного крюка [Тихонов В.В., Якубовский Г.Л., 1999]. Это также вызывает сомнение, поскольку, во-первых, железные ножи и прочие предметы крайне редки для погребений киммерийского типа, а во-вторых, колчанная фурнитура, псалии и удила также изготавливались в это время из бронзы. Известно, что керамика с налепами встречается не только в предскифских, но и в более поздних комплексах, даже в позднесарматских захоронениях, например, в нижеволжском могильнике Кривая Лука-VI [Степи., 1989. С. 388, табл. 83, 17]. А в приуральской Лебедевке-VI, также в позднесарматском (богатом воинском) захоронении отмечена очень близкая светлоозерской бронзовая обойма подтреугольного сечения с расплюснутыми и сомкнутыми внахлест концами [там же. С. 386, табл. 81, 45]. Поэтому мы вынуждены считать представленную здесь трактовку исключительно предположительной.

Погребение савромато-сарматского типа 10/1 также было ограблено, и, в связи с этим, малоинформативно. Установлено, что в продолговатой яме, ориентированной в широтном направлении, находились двое умерших. Среди разрозненных человеческих костей найдены фрагменты груболепного сосуда, бронзовый наконечник стрелы и кости МРС (рис. 9, 2, 3).

Широтные ориентировки характерны именно для савроматских погребений Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (VI-V вв. до н. э.), где встречаются также парные и коллективные комплексы [Степи., 1989. С. 368, табл. 63]. Бронзовые трехлопастные наконечники с короткой втулкой, появляясь в савроматское время, имеют несколько более широкий временной диапазон и, вместе с железными черешковыми вариантами, входят в колчан-

ные наборы раннесарматских могил, которые отличаются южными ориентировками [Скрипкин А.С., 2006. С. 6-7].

Погребения среднесарматского типа являются в Светлом Озере впускными в курганах, возведенных в бронзовом веке. Большинство из них (6/1, 6/4, 6/5) детские, плохой сохранности, и два (4/2, 4/3) – взрослые, из которых скелетный материал сохранился полностью только в парном захоронении 4/3 (рис. 4, 7, 8; 6, 1-А, 2, 7-10). Судя по сохранившимся костям, умершие были ориентированы в южные сектора, что типично как для ранних, так и для средних сармат.

К анализу инвентаря в этой выборке можно представить только 4 сосуда (рис. 4, 8; 6, 2, 8, 10), в целом, соответствующие среднесарматскому комплексу. Сочетание тонкого валика и кольцевидных оттисков на кувшине из погребения 4/1 – признак, отмеченный для подобной посуды среднесарматского времени на широкой территории от Урала до Причерноморья [Степи., 1989. С. 379, табл. 74, 26; 382, табл. 77, 11]. Вместе с тем, не исключено, что фрагмент миниатюрного сосудика с уплощенным доньшком из п. 6/5 (рис. 6, 10) мог занимать несколько более ранние позиции. Такой же врезной орнамент, состоящий из параллельных линий и тройного зигзага, отмечен на раннесарматских сосудах IV-II вв. до н. э. в Нижнем Поволжье [там же. С. 377, табл. 72, 43]. Известная преемственность среднесарматской и раннесарматской культур фиксируется как в обрядово-идеологической сфере, так и в материальном комплексе [Скрипкин А.С., 2006. С. 25]. Поэтому вполне естественно, что до окончательного становления к I в. н. э. в погребальной обрядности и инвентаре среднесарматских захоронений могли проявляться и более ранние элементы.

Позднесарматские погребения выявлены под индивидуальными насыпями (12/1, 13/1, 15/1). Все они ориентированы на север с легким отклонением к востоку и отмечены лобно-затылочной деформацией черепов. Две могилы имеют подбойный характер с восточным и западным размещением погребальных камер (рис. 10, 2, 4) и одна представляет собой простую яму (рис. 11, 10).

Инвентарь беден: подлощенный лепной сосудик из п. 12/1 (рис. 10, 3), кувшин с зооморфной ручкой из п. 15/1 (рис. 11, 11) и остатки разграбленного вещевого комплекса из п. 13/1, который изначально, возможно, был более многочисленным (рис. 10, 5-12). Лепной сосудик с уплощенным доньшком по своим морфологическим показателям наиболее близок позднесарматским аналогам из поволжского региона (Верхне-Погромное, Кривая Лука-VI) [Степи., 1989. С. 388, табл. 83, 19, 23]. Не вызывает сомнений и культурная принадлежность кувшина с зооморфной ручкой, подобные стилизации отмечены как на лепной, так и на гончарной керамике этого типа в широком пространстве степной Евразии в начале I тыс. н. э. На богатой металлической посуде зооморфные ручки представляют более реалистичные образы [там же. С. 384, табл. 79, 16, 17]. Среди позднесарматских украшений часто встречаются оригинальные сдвоенные «ведерковидные» подвески и спирали, аналогичные тем, что выявлены в п. 13/1 (рис. 10, 9, 11, 12) [там же. С. 387, табл. 82, 56, 62, 73, 74]. По-видимому, к разряду культовых предметов относится меловый кубик (рис. 10, 5). Типичны для позднесарматских погребений биконические пряслица со смещенным вниз центром тяжести и железные

пружинные ножницы (рис. 10, 7, 8). Появление в Нижнем Поволжье погребений с северными ориентировками в подбойных могилах, искусственная деформация черепа, а также предметы восточного импорта, часто встречающиеся в позднесарматских комплексах, связываются с передвижением ираноязычных племен из Средней Азии [Скрипкин А.С., 1984. С. 100].

Позднекочевнические погребения (2/1, 6/6, 9/1, 9/2) выявлены в трех курганах в качестве впускных, причем дважды они связаны с досыпками первичных насыпей, возведенных в бронзовом веке (рис. 3, 1, 2; 5, 5; 6, 11-14; 8, 1-3). Два из них (2/1 и 6/6) были опубликованы С.В. Ляховым в сводке новых кочевнических захоронений X-XI вв, исследованных разными авторами в Нижнем Поволжье в конце прошлого столетия [Ляхов С.В., 1997. С. 217-219, 222]. Все захоронения однотипны по устройству и ориентировкам могил, а взрослые комплексы по сопровождению останками коней и инвентарю. Способ членения и размещение костей лошади в могиле (тип II вариант 6 по А.Г. Атавину), а также специфика крупных наконечников стрел (тип 41, «гнездовский», и тип 57, срезень с узкой лопаточкой, по А.Д. Медведеву) позволяют отнести указанные комплексы к группе позднекочевнических, печенежско-половецких погребений X-XI вв. н. э. [Атавин А.Г., 1984. С. 137; Медведев А.Д., 1966. С. 65, 71].

Светлоозерский могильник – один из немногих, сохранившихся в степном Волго-Уралье, памятников, где представлено такое количество курганов и широкое многообразие первобытных культур. Он возник в эпоху ранней бронзы и функционировал на протяжении четырех тысяч лет, вплоть до позднего средневековья. Его дальнейшее исследование могло бы стать значительным вкладом в изучение древнейшей истории Евразии.

Литература:

Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. С-Пб., 1993.

Атавин А.Г. Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях X-XIV вв. // СА. 1984. № 1.

Богданов С.В. Большой Дедуровский Мар // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 1998.

Богданов С.В. Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург, 2004.

Богданов С.В. Линеvский одиночный курган в урочище Лучки // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 2. Актобе, 2005.

Богданов С.В. Вопросы культурной детерминации древнеямных памятников Волго-Уральского степного субрегиона // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург, 2006.

Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976.

Васильев И.Б. Могильник ямно-полтаvкинского времени у с. Утеvка в Среднем Поволжье // Археология восточно-европейской лесостепи. Воронеж, 1980.

Васильев И.Б. Вольск-Лбище – новая культурная группа эпохи средней бронзы в Волго-Уралье // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003.

- Дворниченко В.В.* Погребения предскифского времени на Нижней Волге // КСИА. Вып. 170. М., 1982.
- Жемков А.И., Лопатин В.А.* Курганы Малого Карамана (по материалам раскопок 1983 года) // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 5. Саратов, 2007.
- Кияшко А.В.* Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград, 2002.
- Кияшко А.В.* Позднеямные древности Нижнего Поволжья и проблема вычленения материалов раннекатакомбного времени // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург, 2006.
- Козенкова В.И.* Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // САИ. Вып. В2-5. М., 1998.
- Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
- Кузнецов П.Ф.* Полтавкинская культурно-историческая общность (препринт). Куйбышев, 1989.
- Лопатин В.А.* Отчет об археологических исследованиях в Саратовском Заволжье в 1991 году // Архив ИА РАН. Р-1.
- Лопатин В.А., Якубовский Г.Л.* Погребения эпохи средней бронзы из курганов у с. Усть-Курдюм // Археологические вести. Вып. 1. Саратов, 1993.
- Лопатин В.А.* Смеловский грунтовый могильник (к проблеме формирования срубной культуры в степном Заволжье) // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов, 1997.
- Лопатин В.А.* Северо-восточная периферия Смеловского могильника // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1998-2000 годах. Вып. 4. Саратов, 2001.
- Лопатин В.А.* Культурно-хронологические комплексы поселения в урочище Маргышкино (материалы эпохи поздней бронзы) // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Вып. 5. Саратов, 2003.
- Лопатин В.А., Четвериков С.И.* Курганная группа у с. Варыпаевка // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 6. Саратов, 2005.
- Ляхов С.В.* Новые кочевнические погребения и отдельные находки X-XI вв. Нижнего Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып. 2. Саратов, 1997.
- Малов Н.М.* Покровско-абашевские украшения Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 3. Саратов, 1992.
- Медведев А.Д.* Ручное метательное оружие (луки, стрелы, самострелы) VIII-XIV вв. // САИ. Вып. Е1-36. М., 1966.
- Мимоход Р.А.* Погребения финала средней бронзы Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2004.
- Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю.* Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург, 1994.
- Мочалов О.Д.* Керамика погребальных памятников эпохи бронзы лесостепи Волго-Уральского междуречья. Самара, 2008.
- Синицын И.В.* Археологические исследования Заволжского отряда (1951-1953 гг.) // Древности Нижнего Поволжья. Т. I. МИА. № 60. М., 1959.
- Скрипкин А.С.* Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984.

Скрипкин А.С. К проблеме соотношения ранне- и среднесарматской культур // Раннесарматская и среднесарматская культуры. Проблемы соотношения. Вып. I. Волгоград, 2006.

Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964.

Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. М., 1989.

Тихонов В.В., Якубовский Г.Л. Новые памятники и отдельные находки киммерийского времени из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Вып. 3. Саратов, 1999.

Ткачев В.В. Заключительный этап эпохи средней бронзы в степном Приуралье. Челябинск, 2006.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Археология Западно-Сибирской равнины. Новосибирск, 2004.

Турецкий М.А. Керамика погребений ямной культуры Волжско-Уральского Междуречья // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988.

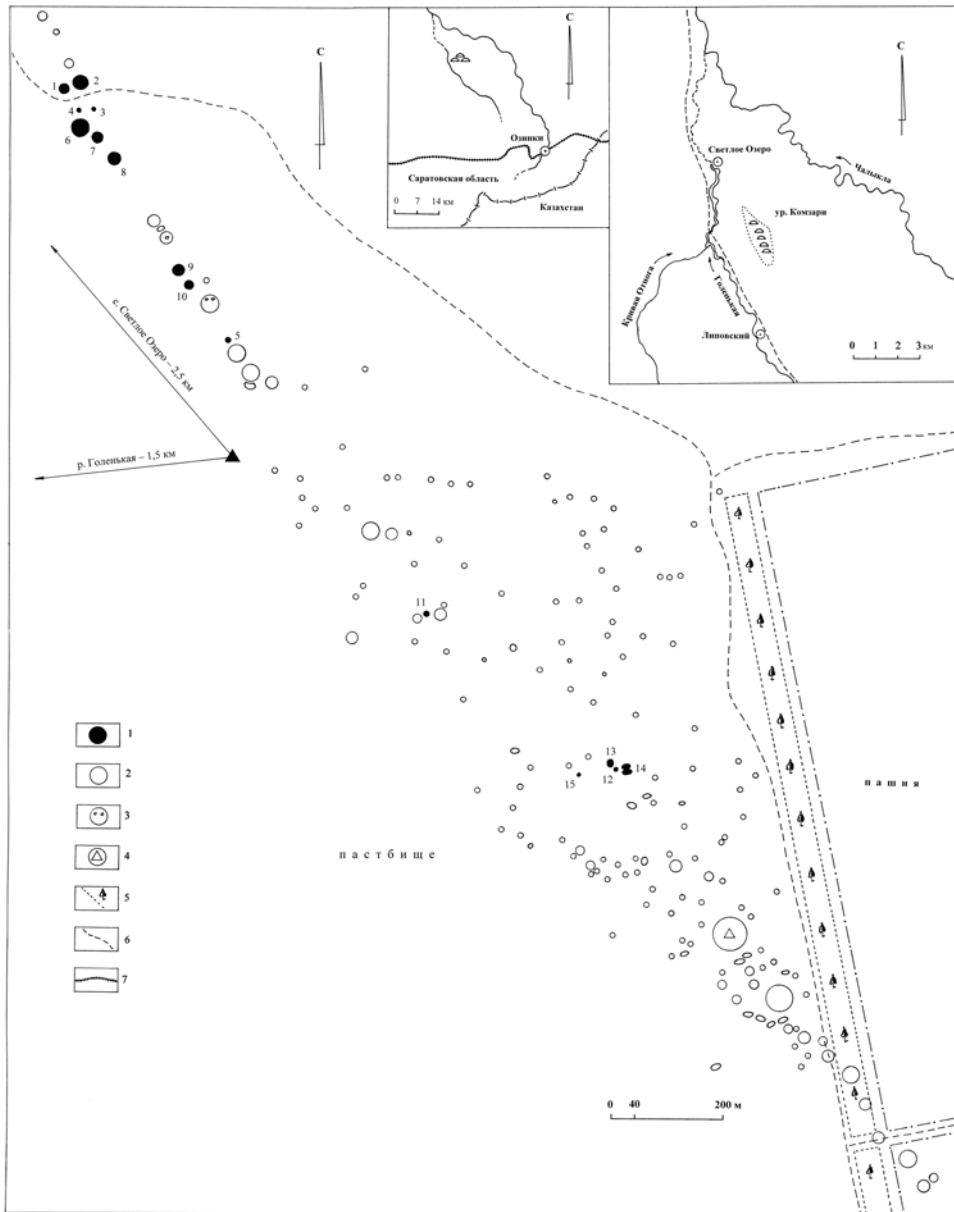

Рис. 1. Курганный могильник Светлое Озеро:
 1 - раскопанные курганы, 2 - нераскопанные курганы, 3 - курганы с ямами, 4 - курган с геодезическим знаком, 5 - лесополоса, 6 - полевая дорога, 7 - железная дорога.

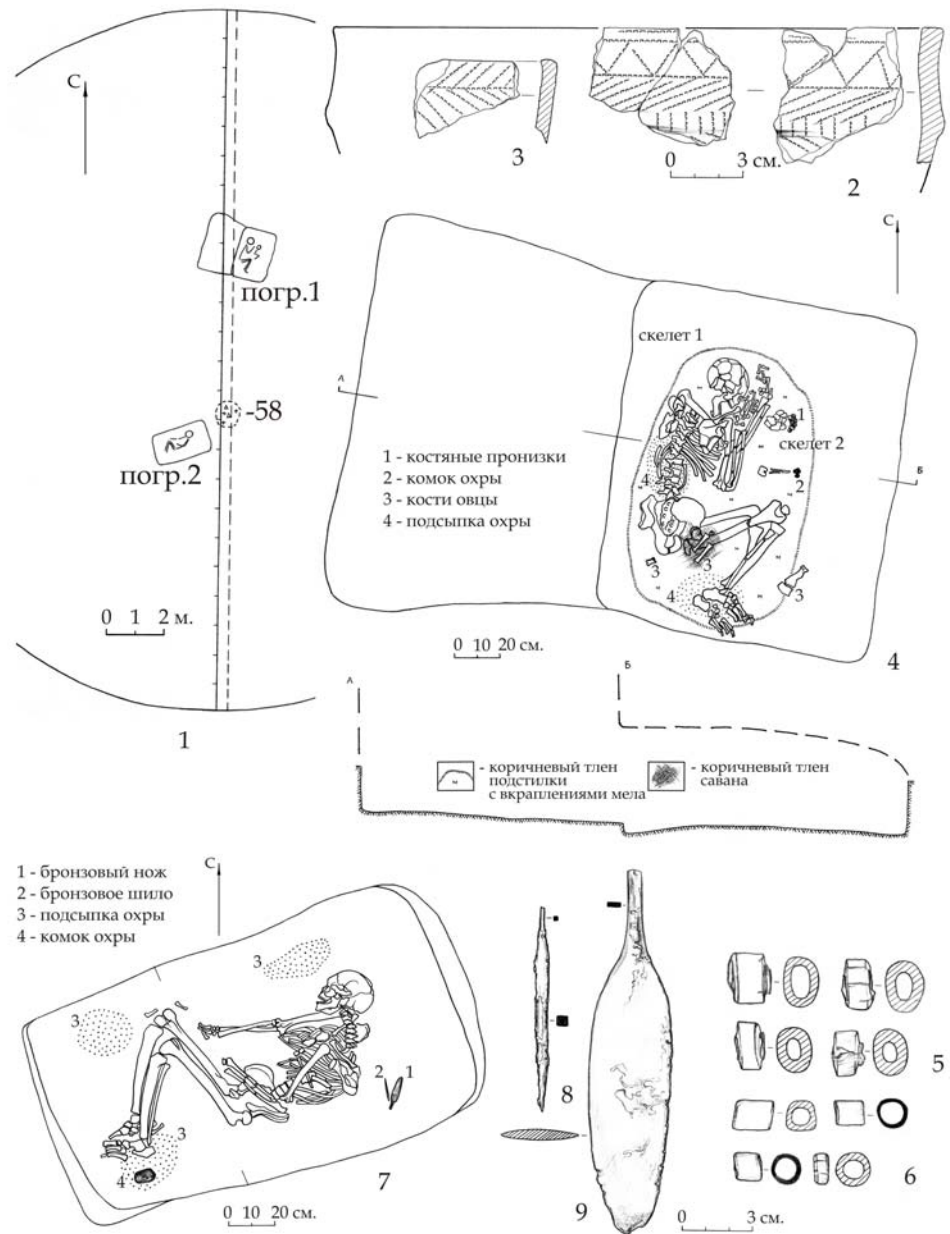

Рис. 2. Светлое Озеро: 1 - курган 1; 2, 3 - керамика из тризны; 4 - п. 1; 5, 6 - пронизы из п. 4; 7 - п. 2; 8 - шило из п. 2; 9 - нож из п. 2. 2, 3 - глина; 5, 6 - кость; 8, 9 - бронза.

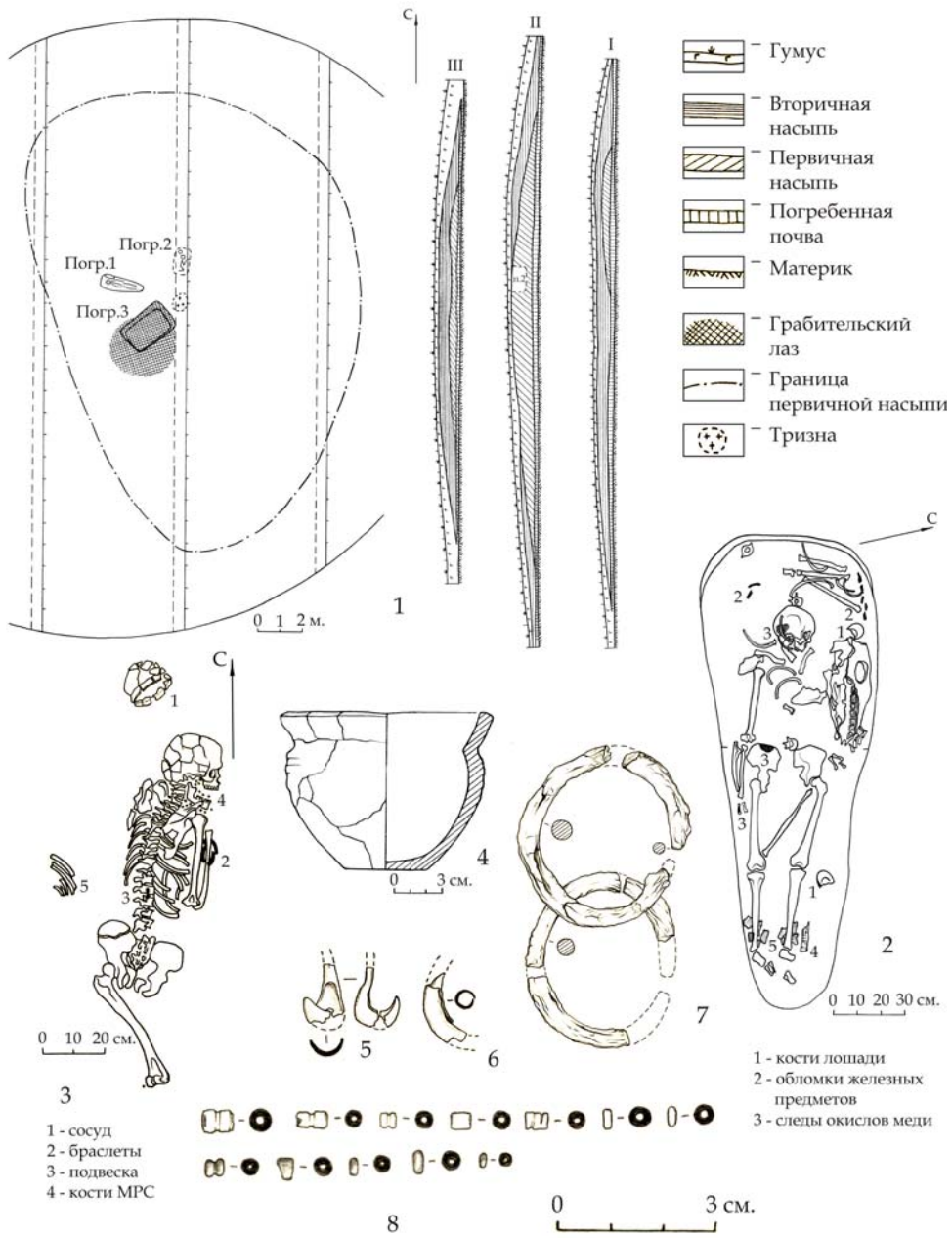

Рис. 3. Светлое Озеро: 1 - курган; 2 - п. 1; 3-8 - п. 2. 4 - глина; 5-7 - бронза; 8 - фаянс.

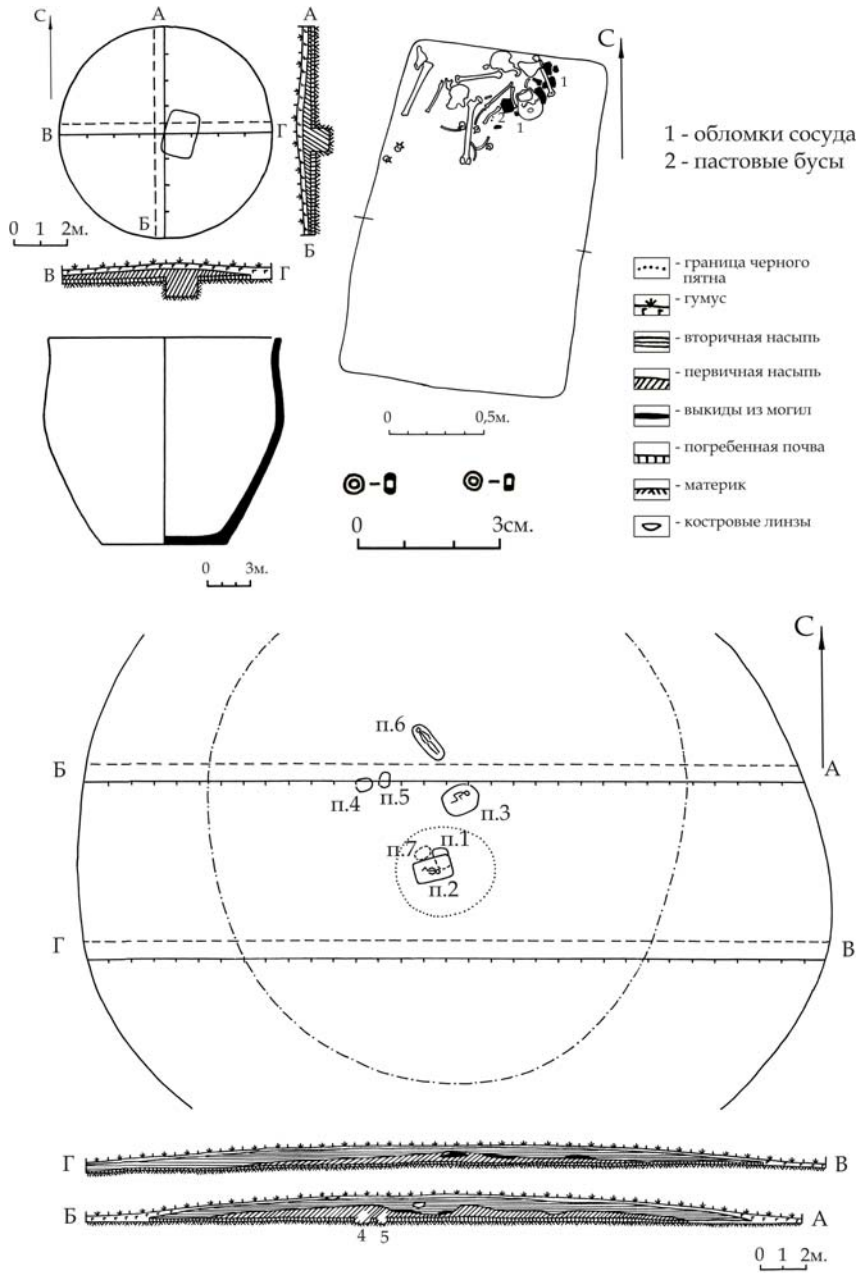

Рис. 5. Светлое Озеро: 1 - курган 5; 2-4 - погребение из к. 5; 5 - курган 6.

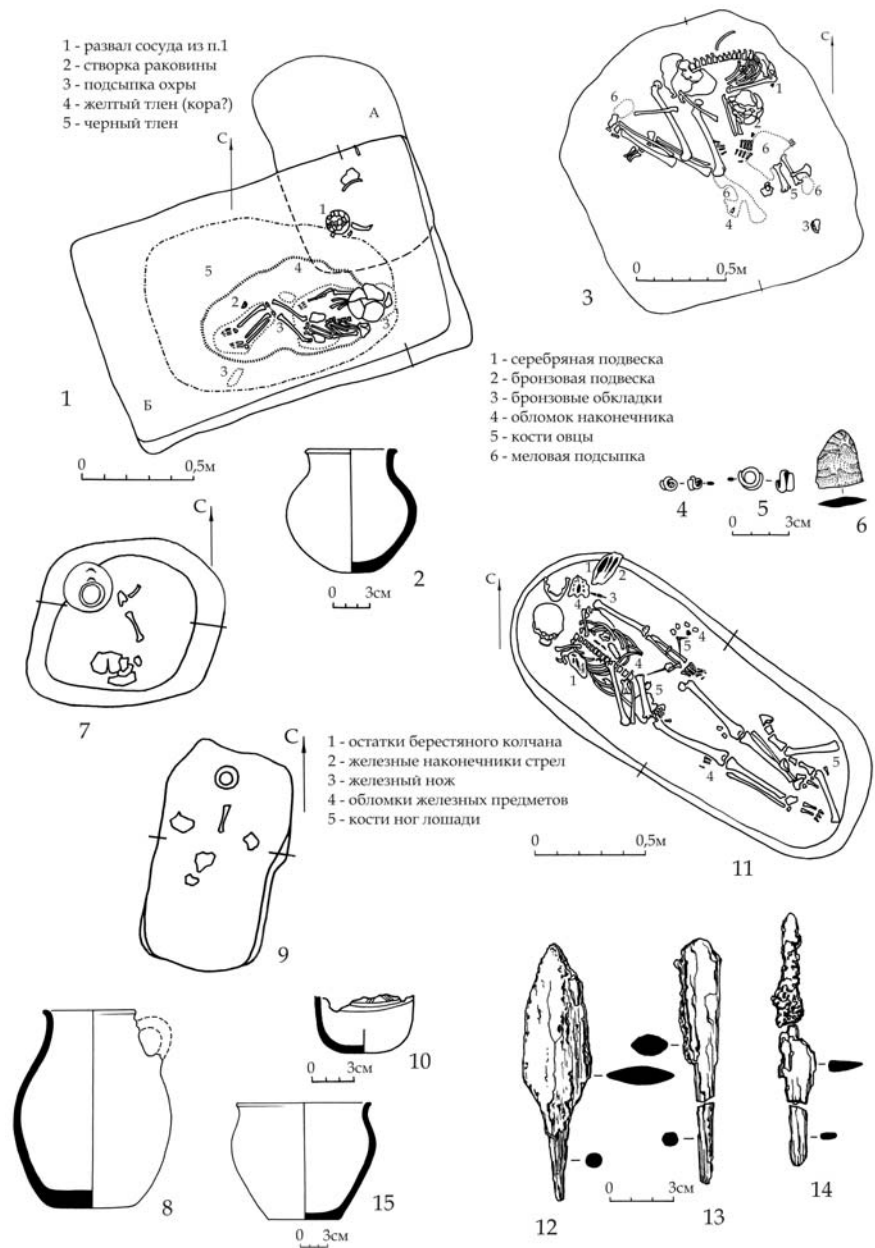

Рис. 6. Светлое Озеро: 1А, 2 - п. 1 из к. 6; 1Б - п. 2 из к. 6; 3-6 - п. 3 из к. 6; 7, 8 - п. 4 из к. 6; 9, 10 - п. 5 из к. 6; 11-14 - п. 6 из к. 6; 15 - сосуд из п. 7 к. 6.

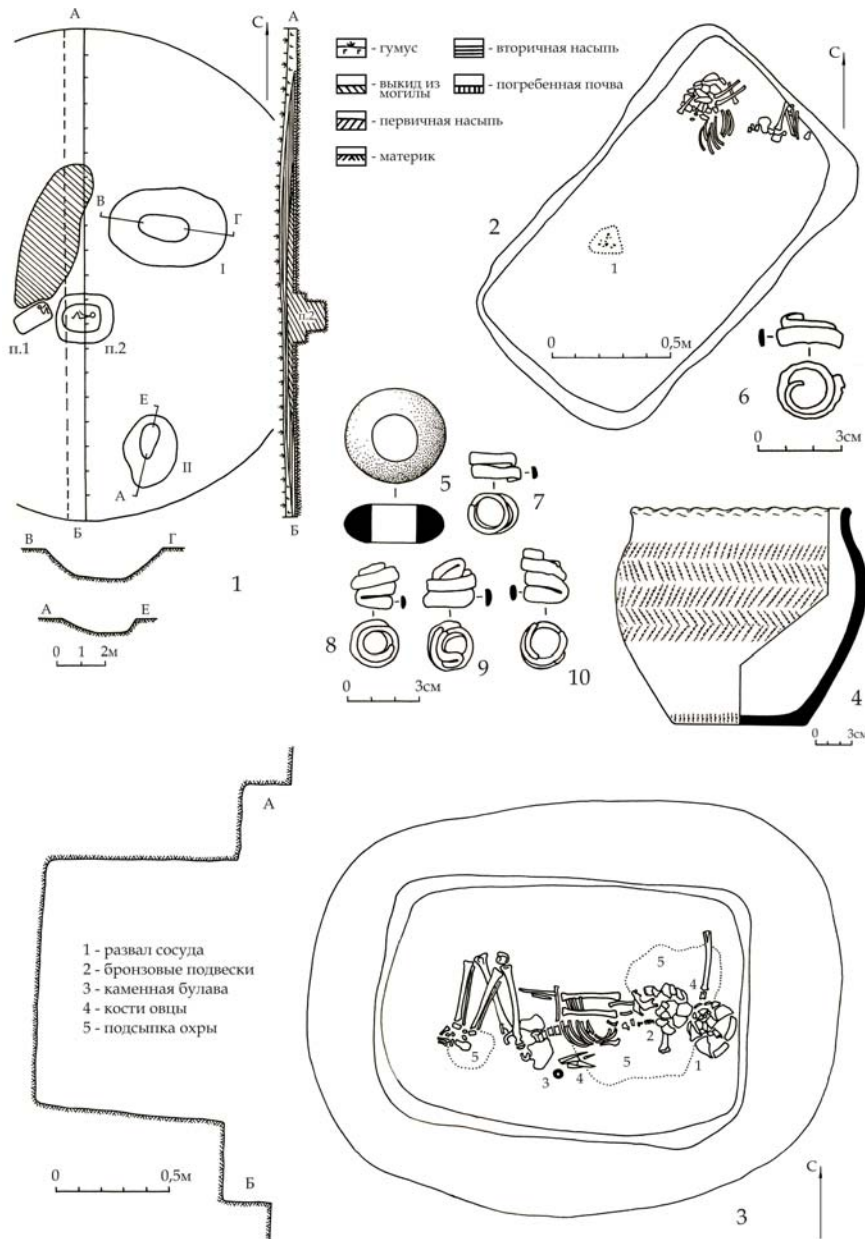

Рис. 7. Светлое Озеро: 1 - курган 7; 2 - п. 1 из к. 7; 3-10 - п. 2 из к. 7. 4 - глина; 5 - кальцит; 6-10 - бронза.

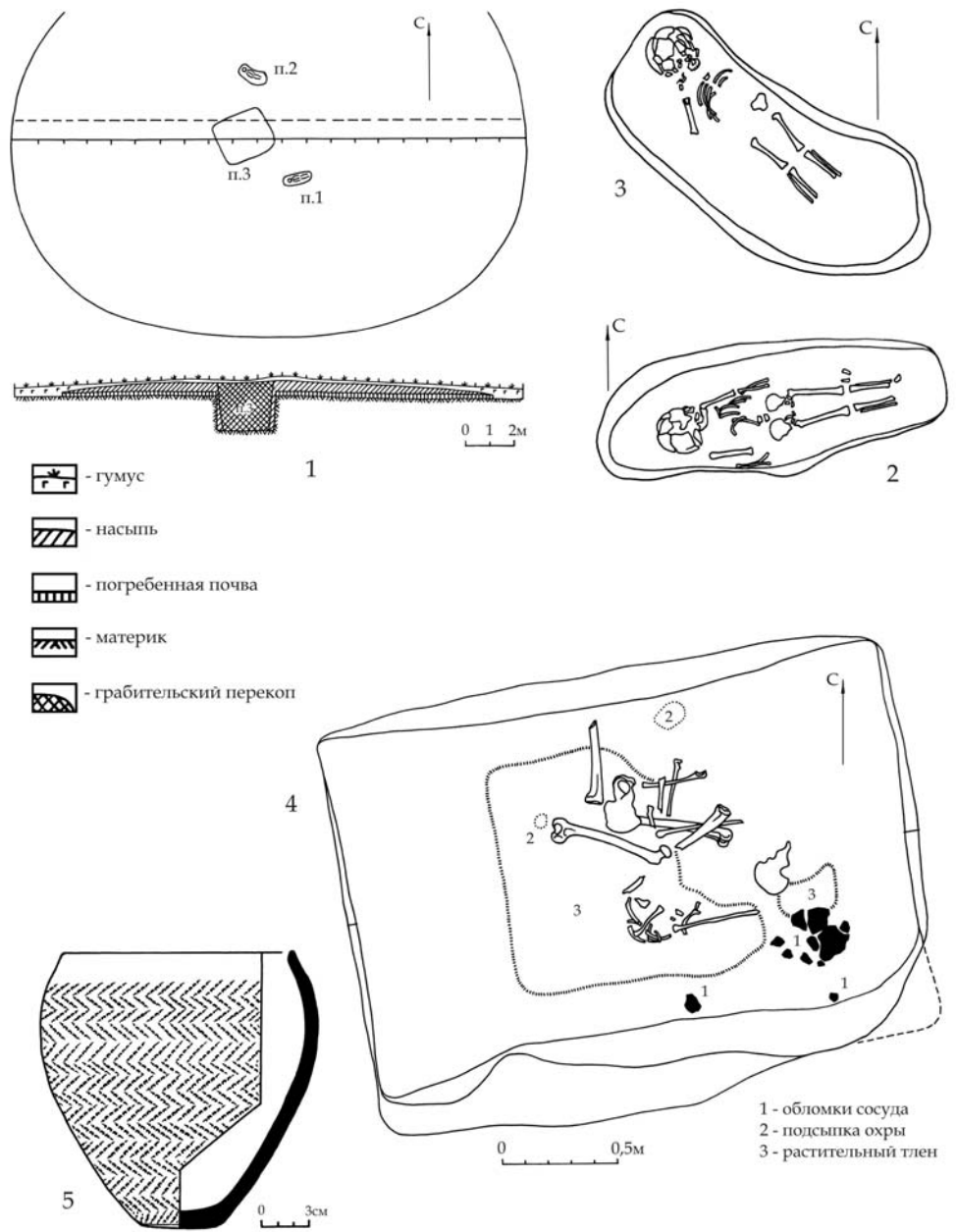

Рис. 8. Светлое Озеро: 1 - курган 9; 2 - п. 1 из к. 9; 3 - п. 2 из к. 9; 4-5 - п. 3 из к. 9. 5 - глина.

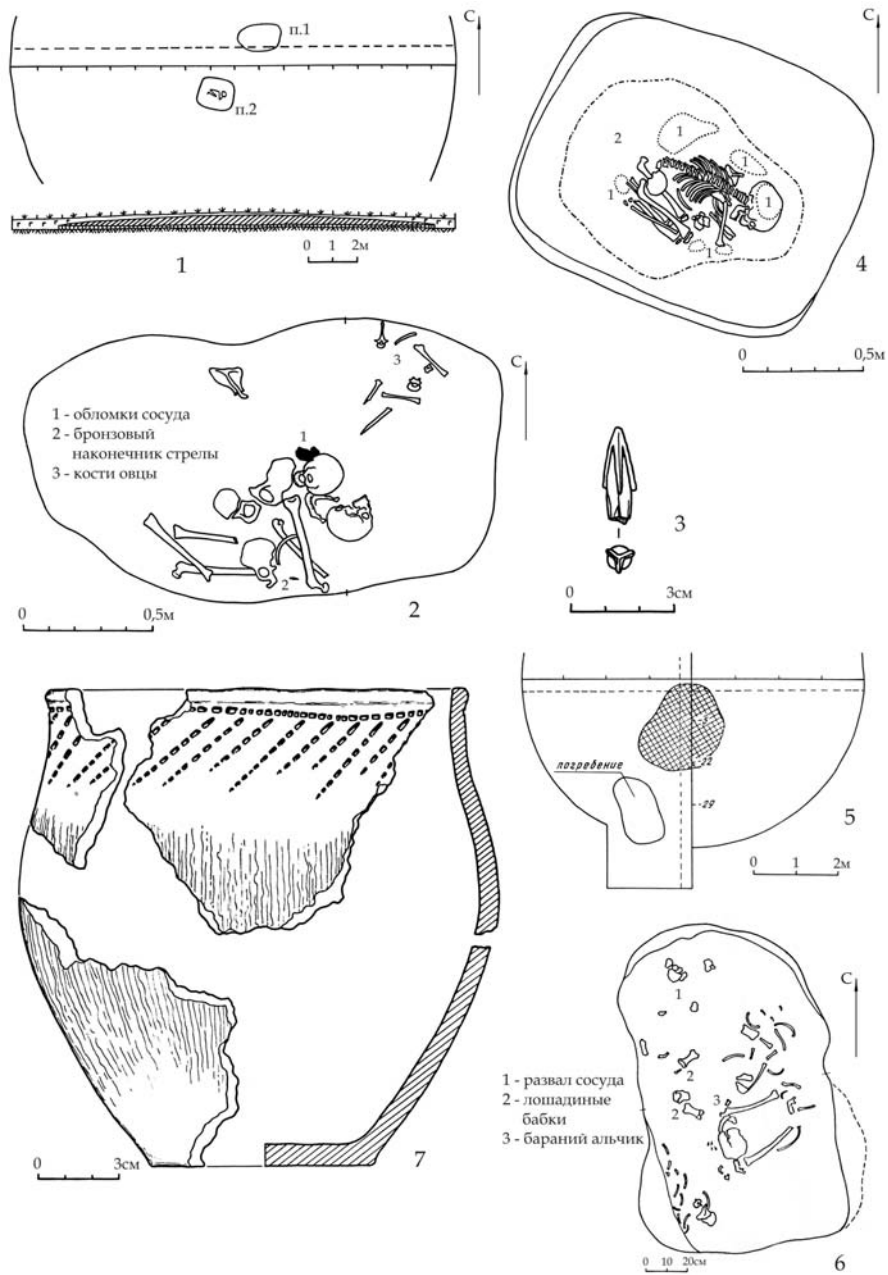

Рис. 9. Светлое Озеро: 1 - курган 10; 3, 3 - п. из к. 11. 3 - бронза; 7 - глина.

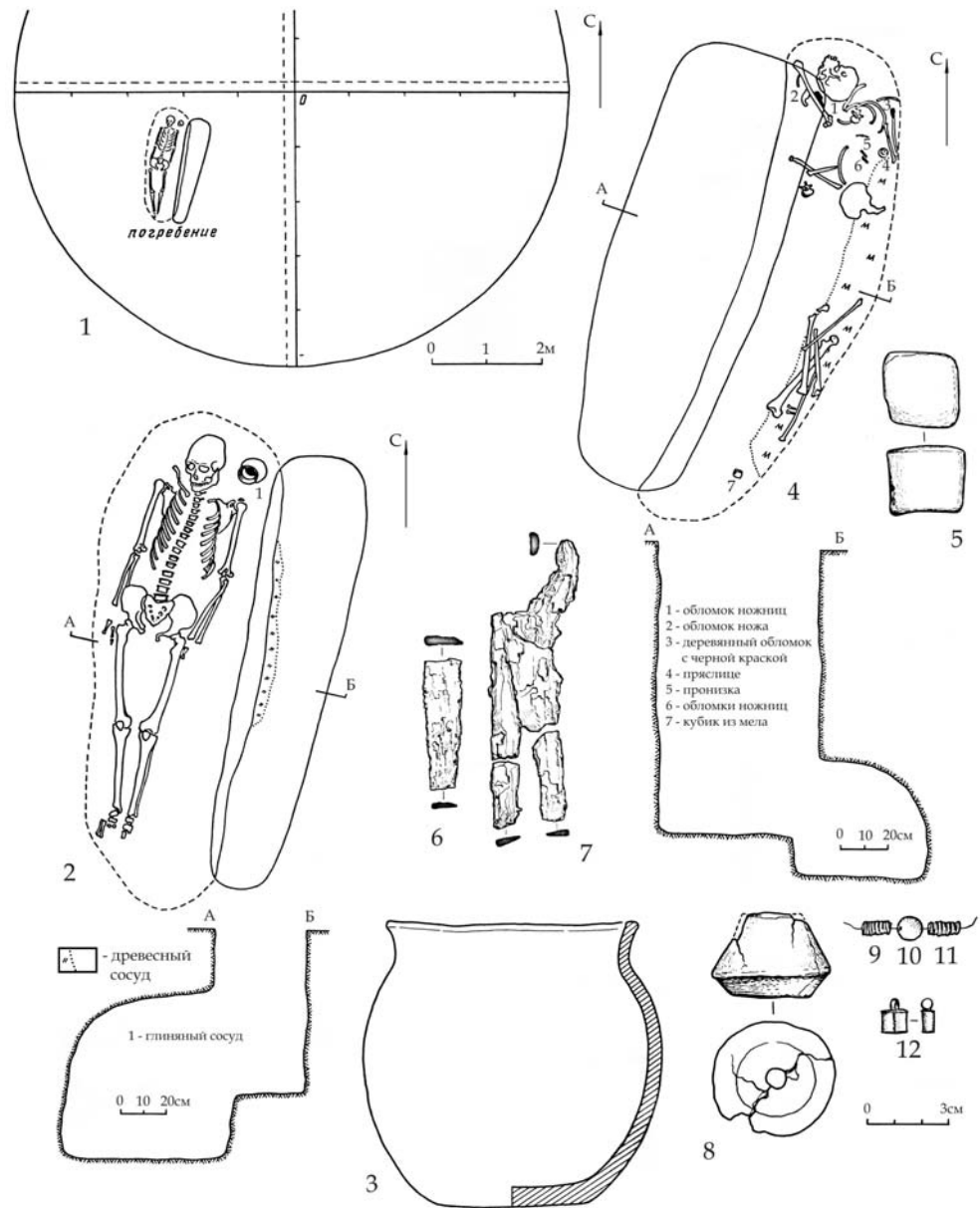

Рис. 10. Светлое Озеро; 1 - курган 12; 2, 3 - п. из к. 12; 4-12 - п. из к. 13. 5 - мел; 6, 7 - железо; 8 - глина; 9, 11, 12 - бронза; 10 - известняк.

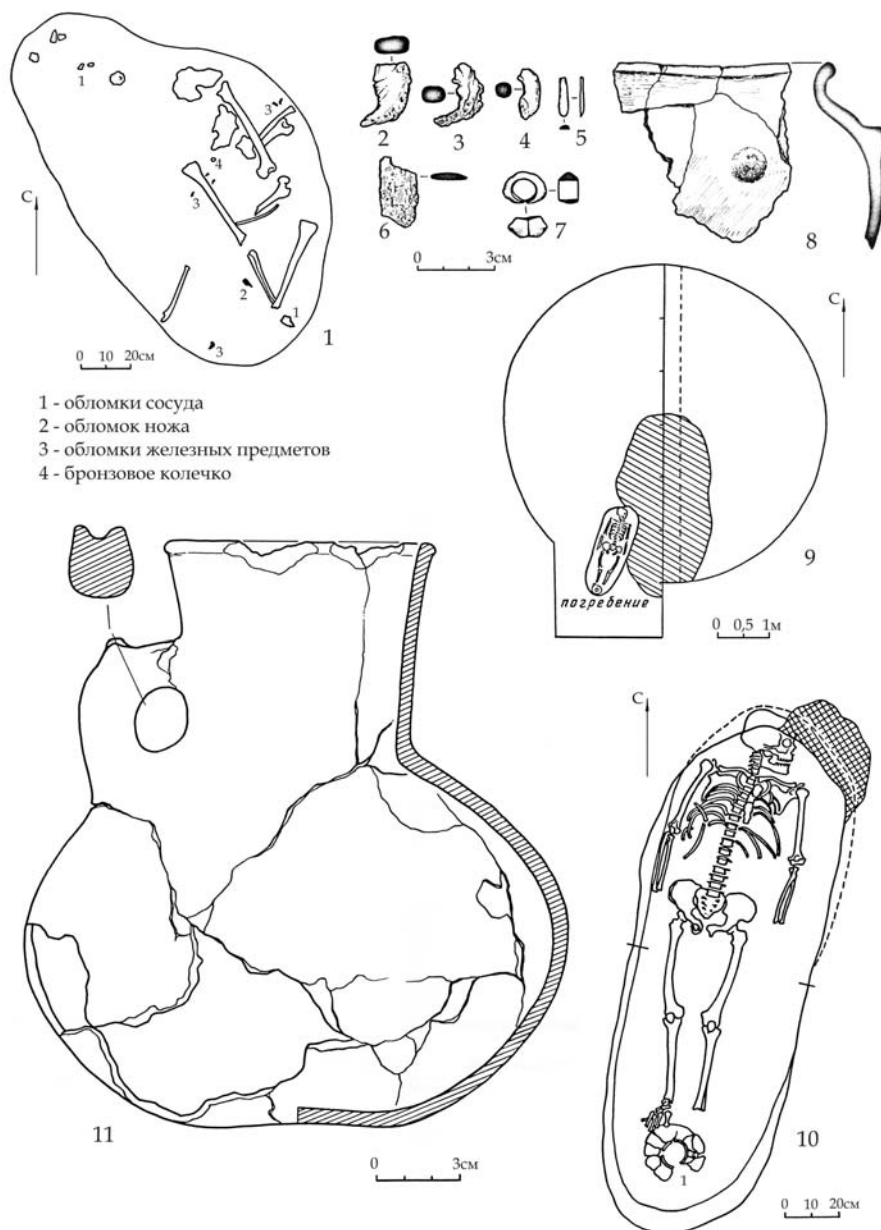

Рис. 11. Светлое Озеро: 1-8 - п. из к. 14; 9 - курган 15; 10, 11 - п. из к. 15.
 2-6 - железо; 7 - бронза; 8, 11 - глина.

Кузнецов П.Ф., Ковалюх Н.Н.

**ДАТИРОВАНИЕ КЕРАМИКИ
ЯМНО-РЕПИНСКОГО ОБЛИКА В ПОВОЛЖЬЕ**

Работа выполнена при поддержке РФНФ, проект № 06-01-91100 а/У

Более ста лет продолжается изучения ямной культуры степной зоны Восточной Европы. Тем не менее, остается ряд важных вопросов, требующих своего детального исследования. Одной из наиболее актуальных в настоящее время является проблема хронологии и периодизации ямной культуры. И если для западного крыла распространения ямных памятников имеются достаточно представительные серии радиоуглеродных датировок, то для Поволжья мы имеем территориально ограниченные серии. Так, в Самарском Поволжье сейчас известно более пятидесяти дат для ямной и полтавкинской культур. Для территории Нижнего Поволжья, напротив, датировки единичны и, практически, не введены в научный оборот. Поэтому, радиоуглеродное датирование памятников эпохи ранней – средней бронзы Поволжья весьма актуально.

Новый тип материала, который в настоящее время исследуется в Киевской лаборатории радиоуглеродного датирования – археологическая керамика [Ковалюх, Скрипкин, 2007]. В этой связи, мы отобрали для датировки керамику ямно-репинского облика из ритуальной ямы 1 кургана 31 могильника Лопатино-1 и фрагмент ямно-репинского сосуда из поселения Кызыл-Хак-1 (Рис. 1).

Могильник Лопатино-1, курган 31. исследован на левом берегу первой террасы р. Сок в Красноярском районе Самарской обл. (53°37' 43 N, 50°38' 20 E). Раскопки П.Ф. Кузнецова. Могильная яма имела отвесные материковые стенки и две ступени у длинной ЮВ стенки. Погребенный – мужчина смещен от центра в сторону ступеней. Положение погребенного – на спине вытянуто. Покрыт слоем охры. На дне ямы – подстилка и посыпка охрой. Яма частично засыпана материковой глиной. У черепа – круглодонная чаша в охре. В левой половине грудной клетки – кремневый наконечник стрелы. За пределами погребения – сосуд в ритуальной яме и фрагмент керамики на уровне погребенной почвы. По костям погребенного ранее была получена радиоуглеродная дата: AA-47804; 4432 ± 66 BP.

Датированию подвержена обожженная глина от сосуда из ритуальной ямы (рис. 2, 1). Глина предварительно была очищена от всех органических

примесей. Получены две радиоуглеродных даты: 1). Ki-14544, 4750 ± 70 ; 2). Ki-14545, 4800 ± 80 .

Сумма вероятностей всех трех дат в калиброванном виде показывает на интервал 3700 г. до н. э. – 3350 г. до н. э. Вероятность - 59,1% (рис. 2, Sum Lopatino I k. 31). В связи с тем, что вероятностный интервал допуска всех трех дат оказался довольно большим, поэтому с уверенностью в 95,4% можно утверждать, что время сооружения кургана находится между 3750 г. до н. э. – 2900 г. до н. э. Верхнее значение датировки вполне соответствует верхнему пределу датирования ямной культуры в Поволжье, предложенному ранее [Кузнецов, 2007]. Нижнее значение оказалось существенно глубже, чем предлагаемый ранее интервал ямной культуры, ограниченный 3400 г. до н. э.

Поселение Кызыл-Хак-I. Исследовано в Аксарайском районе Астраханской области экспедицией Куйбышевского госпединститута в 1985 г. [Барынкин, 1986]. Памятник находится в 30 км к северу от Кигача – крайней восточной протоки дельты р. Волги. Поселение располагалось в барханном пространстве, на широком останце (до 50 м), высотой до 1 м. Большая часть культурного слоя сохранилась под наносным слоем барханного песка мощностью до 1 м. На памятнике исследованы два одновременных керамических комплекса. Верхний комплекс – полтавкинский залегал сразу под барханом и приурочен к поверхности культурного слоя. Нижний – ямно-репинский залегал во всей толще культурного слоя, в зольниках и в заполнении жилищной впадины. Детальная характеристика керамического комплекса поселения дана П.П. Барынкиным. Форма сосудов и их орнаментация находят аналогии как на репинских поселениях Подонья, так и в погребениях ямной культуры Поволжья [Барынкин, 1986]. По углистой почве из зольника была получена радиоуглеродная дата: УПИ-430, 4900 ± 40 [Барынкин, 1992].

Для датировки был взят фрагмент стенки сосуда с расчесами, орнаментированный отпечатками шнура. Обожженная глина фрагмента была также очищена от посторонних примесей и датирована. По фрагменту были получены две даты: 1). Ki-14542 4510 ± 80 ; 2). Ki-14543 4540 ± 80 .

Интервал датирования по керамике поселения укладывается в период 3500 г. до н. э. – 2900 г. до н. э. с вероятностью 95,4%.

Даты по керамике оказались несколько моложе, чем дата углистой почвы поселения Кызыл-Хак-I. Опубликована еще одна дата по почве прикаспийского поселения с керамикой ямно-репинского типа – поселение Кызыл-Хак-II: ГИН-?, 5050 ± 45 [Лаврушин, Спиридонова, Сулержицкий, 1998]. И эта дата оказалась несколько древнее.

Диапазон вероятности дат по керамике, с учетом ранее полученных значений, при вероятности в 68,2% определяется в пределах 3750–3000 гг. до н. э. (рис. 3). При этом, важно отметить, что даты по почве и по углистой почве поселений оказываются древнее, чем все другие. Это не первый случай. Датировки по подкурганам почвам в Приуралье также оказались древнее, чем даты погребений [Моргунова и др., 2003]. При этом, даты по сосуду из к. 31 Лопатинского-I могильника оказались несколько древнее, чем дата по костям погребенного. И это весьма важный результат в контексте обсуждения сравнительно новой проблемы поиска следов резервуарного эффекта по погребениям степной зоны Восточной Европы [Шишлина и др., 2006].

В заключение, необходимо отметить, что датировки керамики ямнопепинского облика Поволжья соответствуют, в целом, интервалу ямной культуры с вероятностью ее некоторого удревления. Но, конкретизировать эти интервалы возможно лишь с увеличением базы радиоуглеродных данных, в первую очередь – для территории Нижней Волги.

Литература:

Барынкин П.П. Кызыл-Хак-I – новый памятник позднего энеолита Северного Прикаспия // Древние культуры Северного Прикаспия. Изд-во КГПИ, Куйбышев, 1986. С. 80–94.

Барынкин П.П. Энеолит и ранняя бронза Северного Прикаспия. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.

Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., Сулержицкий Л.Д. Геолого-палеологические события севера аридной зоны в последние 10 тыс. лет // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Изд-во СамГПУ, Самара, 1998. С. 40–65.

Ковалюх Н., Скрипкин В. Радиоуглеродное датирование археологической керамики жидкостным сцинтилляционным методом // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. Изд-во ИИМК РАН, СПб, 2007. С. 120–126.

Кузнецов П.Ф. Время новых культурных традиций в бронзовом веке Волго-Уралья // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. Изд-во ИИМК РАН, СПб, 2007. С. 216–224.

Моргунова Н.Л., Хохлова О.С., Зайцева Г.И., Чичагова О.А., Гольева А.А. Результаты радиоуглеродного датирования археологических памятников Южного Приуралья // Приложение в: Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы. Изд-во ОГПУ, Оренбург. 2003. С. 264–274.

Шишлина Н.И., ван дер Плихт И., Севастьянов В.С., Зазовская Э.П., Чичагова О.А. К вопросу о поправке на резервуарный эффект радиоуглеродной хронологии ямной культуры Северо-Западного Прикаспия // Проблемы изучения ямной культурно-исторической общности. Изд-во ОГПУ, Оренбург, 2006. С. 112–114.

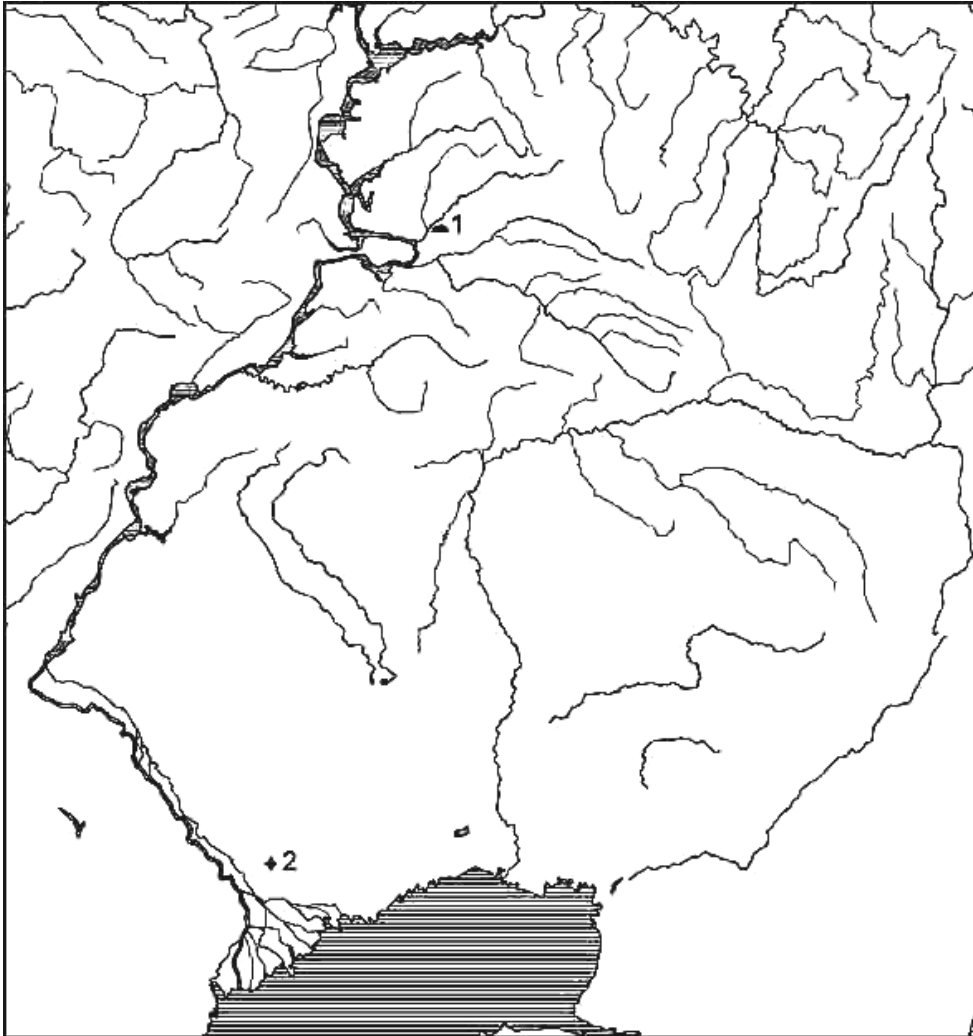

Рис. 1. Местоположение могильника Лопатино-I в Самарском Поволжье (1) и поселения Кызыл-Хак-I в Северном Прикаспии (2).

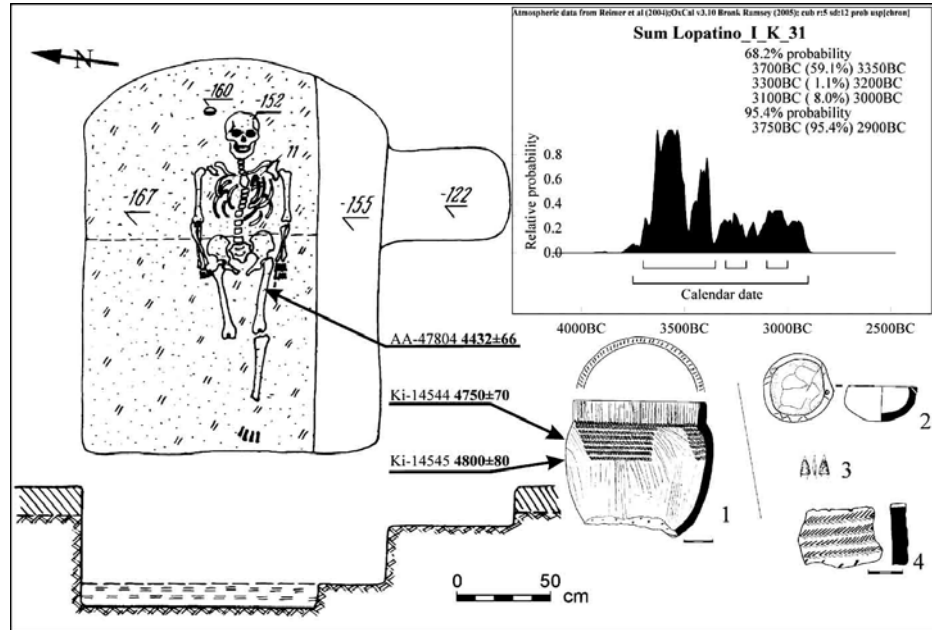

Рис. 2. Погребение ямной культуры с керамикой репинского типа и его датировка. Могильник Лопатино-I, курган 31, погребение 1. Инвентарь: 1 – сосуд в ритуальной яме; 2 – чаша в охре за головой погребенного (-160); 3 – кремневый наконечник стрелы в ребрах левой половины грудной клетки (11); 4 – фрагмент керамики на уровне погребенной почвы.

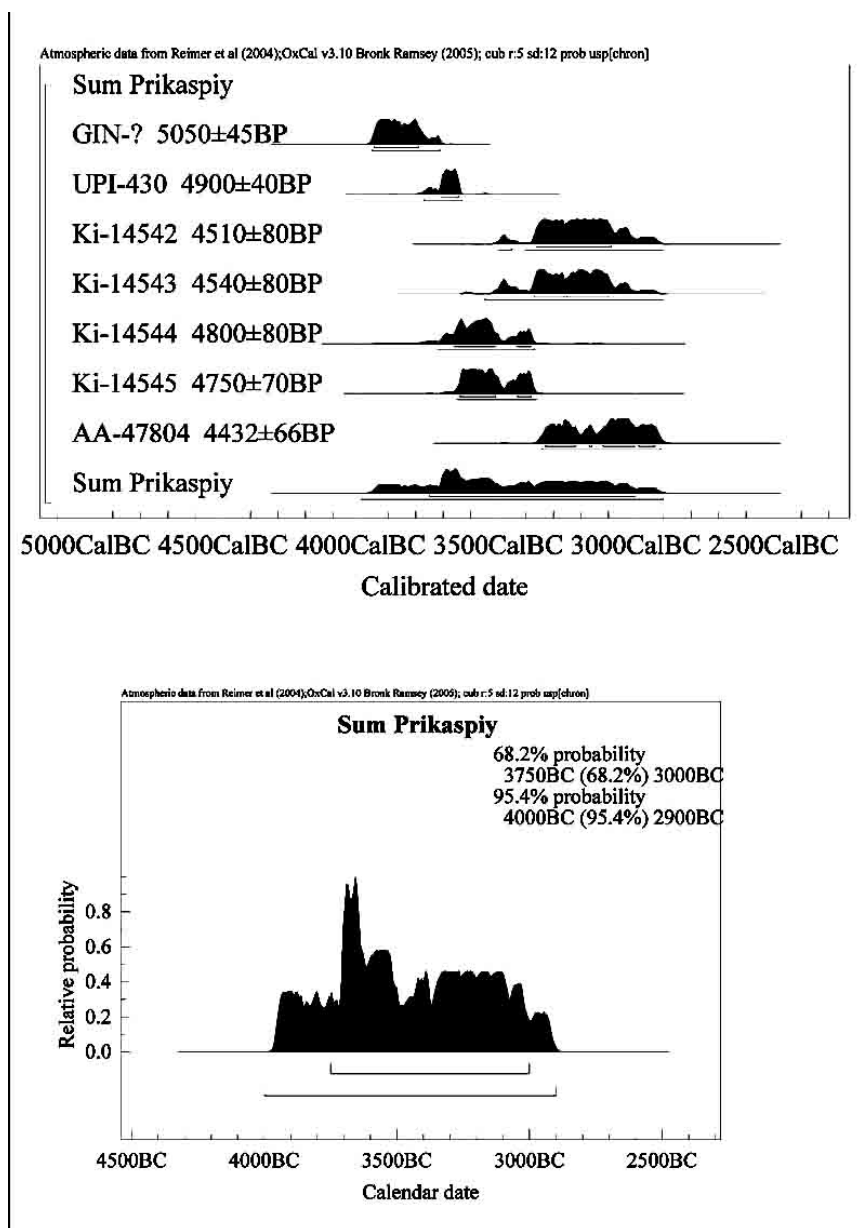

Рис. 3. Диапазон вероятности дат поселений раннего бронзового века Северного Прикаспия, полученных по почве, по углистой почве и по керамике в сравнении с датой лопатинского погребения по кости.

*Корневский С.Н., Жеребилов С.Е.,
Парусимов И.Н.*

**НАХОДКА КАМЕННОГО «ЖЕЗЛА»
НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ НИЖНЕГО ДОНА И ТИПЫ ЕВРАЗИЙСКИХ
КАМЕННЫХ СТЕРЖНЕВИДНЫХ СКИПЕТРОВ
ЭПОХ ЭНЕОЛИТА – БРОНЗОВОГО ВЕКА**

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 07-01-00066а

Находка каменного орудия в виде «жезла» или скипетра в погребении энеолита или бронзового века – редкое явление. Тема настоящей публикации прямо связана именно с таким событием. Предмет, о котором пойдет речь, был обнаружен И.Н. Парусимовым в 2006 г. в кургане 3 погребении 5 курганного могильника «Рябичев» [Парусимов, 2007].

Могильник «Рябичев» расположен на левобережье Дона на левом берегу р. Солоня (старица Дона), в 0,3 км к ЮВ от одноименного хутора в Волгодонском районе Ростовской области. Курган 3 содержал 26 захоронений от эпохи энеолита-бронзового века до эпохи раннего железного века. Погребение 5 было основным для второй насыпи. Поэтому для определения окружающего его культурного контекста необходимо кратко остановиться на предшествующем погребении 4 – основным для первой насыпи кургана и последующих за погребением 5 могилах.

Первая насыпь кургана 3 неправильно овальной формы имела в высоту 1,1 м при диаметре около 13 м. Основное погребение для нее № 4 было совершено в яме. Ее форма близка к прямоугольной и имеет размер 110 x 165 см, могила ориентирована по оси З-В. Стенки ямы расширяются ко дну, а дно находилось на гл. 390 см (175 см от погребенной почвы). По дну прослеживалась подстилка: посыпка мелом, черный и коричневый тлен. На древнем горизонте и в заполнении могилы отмечен тлен от перекрытия ямы из деревянных плашек и камыша. В северной части участка с тленом обнаружен фрагмент метаподии (овца домашняя).

Погребенный мужчина (35–45 лет)¹ лежал на спине с подогнутыми влево ногами, головой на ВЮВ. Голова повернута влево. Левая рука лежит вдоль туловища, кисть на левом бедре. Правая – согнута в локте, кисть на левом крыле таза. На зубах отмечена эмалевая гипоплазия. Кости отражают заболе-

¹ Здесь и далее в тексте все антропологические определения сделаны к.б.н. Батиевой Е.Ф.

вание спондилезом. Прослежен артроз плечевых и коленных суставов. Под головой остатки подушки – коричневый тлен мощностью до 1 см.

Алой охрой посыпаны стопы, у левой голени, в области головы и правой руки. В 50 см к В от СВ угла ямы, на тлене перекрытия, найдена чешуйка серого непрозрачного кремня – 0,4 x 0,8 x 1,4 см, В заполнении могилы обнаружен фрагмент стенки горшка, орнаментированный оттисками веревочки. В тесте при визуальном просмотре заметны минеральные примеси (песка, шамота) и ракушки.

Вторая насыпь кургана достигала высоты до 2 м при диаметре около 25 м. Погребение 5 находилось в ее центре. Она была сложена из мешаного грунта, глины с коричневым суглинком. В ней встречались мелкие одиночные древесные угольки. У северо-восточной полы насыпи совершены погребения 19–21 эпохи энеолита – ранней бронзы. По-видимому, над ними были только могильные холмики, т. к. следы досыпки или насыпи фиксировались бы в обоих фасах 2-й СВ траншеи. Их краткая характеристика такова.

Погребение 19 расположено в 10,8 м к ВСВ от репера. Могильная яма имела овальную форму – 1 x 1,73 м, ориентирована по оси ЮЮВ–ССЗ. ЮВ часть ямы разрушена норой. Дно находилось на глубине – 3,26 м. По дну прослежена подстилка: посыпка мелом и коричневый тлен. При расчистке и на дне ямы найдены мелкие плашки перекрытия. Погребенный мужчина (20–25 лет) лежал скорченно на левом боку, ориентированный на ЮЮВ. На зубах эмалевая гипоплазия. Правая рука завалилась за спину, кисти под крыльями таза. В 15 см к С от колен лежали череп, с отделенной нижней челюстью, и конечность от особи овцы домашней 18–20 мес.

Инвентарь: В 10 см к С от правой кисти найден правый астрагал барана без следов обработки.

Погребение 20 расположено в 12,5 м к ВСВ от репера. Могильная яма близка к прямоугольной форме – 0,85 x 1,15 м, со скругленными углами, ориентирована по оси ЗЮЗ–ВСВ. Дно ямы на 2–6 см понижается к центру до гл. 3,76 м. По дну ямы прослежена подстилка: коричневый тлен и слабая посыпка охрой. При расчистке встречались деревянные плашки поперечного перекрытия. Одна из плах, лежащая у дна, частично перекрывает правое предплечье.

Погребенный ребенок (4–5 лет) лежал скорченно на правом боку, головой на ЗЮЗ. Череп имеет искусственную деформацию. Руки слегка согнуты в локтях. Правая кисть у правого бедра, левая – на крестце. У голеней и головы обнаружены 1-ая (2), 2-ая (1) и 3-я (3) фаланги от особи овцы домашней старше 1 года (самка).

Инвентарь: 1. В 10 см к югу от правого предплечья найден правый астрагал овцы домашней. В области шеи найдены остатки ожерелья: 2. Не менее 8 бронзовых цилиндрических бисерин длиной 0,15–0,3 см и диаметром 0,2–0,3 см. 3. 3 стеклянных цилиндрических 2, 3 и 4-х частных бисерин длиной 0,4–0,9 см и диаметром 0,3 см. 4. Бронзовая петелька из согнутой пластинки шириной 0,25 см и длиной 0,55 см. 5. У обоих висков найдено по два бронзовых височных кольца. Наиболее лучшей сохранности кольца согнутые из полоски в 2–2,5 оборота, затем один из концов резко загнут на пол-оборота в обратном направлении.

Погребение 21 расположено в 12 м к ВЮВ от репера. Могильная яма овальной формы – 0,8 x 1,05 м, ориентирована по оси ЮЮЗ–ССВ. Дно ямы на гл. 352–357 см. Погребенный мужчина (15–17 лет) лежал сильно скорченно на левом боку, головой на ЮЗ. Череп имеет искусственную деформацию. На зубах эмалевая гипоплазия. Руки согнуты в локтях, предплечья на животе. Правая лучевая вынесена норой и найдена под левым плечом. На всех костях следы системного воспалительного заболевания. По костяку и под ним обильно посыпано красной охрой.

Инвентарь: 1. В 13 см к югу от головы найден конический нуклеус, изготовленный из серого с белесыми включениями кремня – 1,2 x 1,7 x 2,7 см. Площадка подправлена мелкими центростремительными сколами. 2. В 5 см от правой лопатки ЮЮВ обнаружена чешуйка, фрагмент мелкого скола, полупрозрачного серого кремня – 0,05 x 0,5 x 1,2 см. На 5 см выше левой плечевой в комке охры найдены: 3. Скол кости длиной 6,3 см и шириной 1,3 см. 4. Две ножевидные пластинки, изготовленные из серого кремня с поперечным трапецевидным сечением и широкой ударной площадкой – 0,2 x 1,4 x 6,5 см и 0,3 x 1,1 x 6,5 см. 5. Треугольный наконечник стрелы со слабозогнутым основанием и обработанный струйчатой ретушью, из серого полупрозрачного кремня – 0,6 x 2,4 x 3 см.

За описанной выше группой могил 19–21 следовало погребение № 25 основное для насыпи 3 эпохи средней бронзы. Оно имело вид Н-видной катакомбы. Таково было историко-культурное окружение захоронения 5 в рассматриваемом кургане.

Погребение 5, основное для насыпи 2, расположено в 2 м к ЮЮВ от репера. Могильная яма, по-видимому, была близкой к прямоугольной в плане формы с сильно скругленными углами. Часть ее – с СЗ до ЮВ – разрушена техникой. Сохранившаяся яма длиной 2,1 м и шириной 1,3 м, ориентирована по оси СЗ–ЮВ. Дно ямы на гл. 1,92 м (на 1 м вгущено в 1-ю насыпь), а в центре на 5–11 см просело в нору(?). Перекрытие в виде просевшего в яму коричневого тлена и кусков деревянных плах, прослеженных в СЗ и северной (на дне) частях ямы. В центре ямы зафиксирован участок подстилки: подсыпка мелом, светло- и темно-коричневый тлен.

Погребенный мужчина (старше 45 лет) лежал на подстилке скорченно на правом боку, головой на ЮЮВ. На костях черепа отмечена зубочелюстная патология, а также пропиленность боковых поверхностей на границе коронки и корня у вторых правых верхних и нижних предкоренных зубов. Следы воспаления среднего уха. Правая рука вытянута слегка от туловища. Левая – согнута в локте, кисть на левом бедре. Коленная чашечка найдена в северной части ямы возле плах перекрытия. Отмечен спондилез и артроз коленных и тазобедренных суставов. Перелом пястной косточки правой кисти с искривлением и следами воспалительного процесса. Слабая посыпка охрой отмечена у лица и в 20 см к ЮЗ от таза погребенного (рис. 1, 1).

Инвентарь: 1. Вдоль правого предплечья лежал каменный скипетр с зауженными концами, ориентированный по оси ЮЮВ–ССЗ. В 8 см от края одного из концов сделаны два кольцевых углубления, между которыми получился острый валик. Длина предмета – 41 см, диаметр в средней части – 5,4 см. Сечение изделия круглое, поверхность местами подполирована. Одна

сторона скипетра («северная») посыпана охрой, как и прилегающее к ней пространство (рис. 1, 2; рис. 2, 1; рис. 3, 8)

2. Под левой кистью найдено костяное кольцо шириной 0,6 см и диаметром 2,6 см (рис. 2, 2). Внутренняя поверхность кольца скруглена, а на внешней имеется продольное ребро.

3. Рядом с левой кистью лежала деревянная рукоять посоха в виде стилизованного изображения головы птицы с прямым удлинненным и острым клювом, ориентированным к Ю (рис. 2, 3). Низ ее обернут в 4 оборота бронзовой пластинкой шириной 0,8 см, зауженные концы которой, загнуты и задавлены в древесину. Длинные полоски ограничивают с боков короткие, в виде букв «V», расположенных от шеи до клюва, по верху. Далее на клюве – длинная полоска. Боковые стороны головы украшены короткими полосками бронзы. Длина головки птицы – 9,5 см. Внешне она более напоминает птицу, связанную с водной средой, чем хищника.

Культурная принадлежность и хронология захоронения 5 может примерно определяться, исходя из стратиграфической ситуации в кургане. Так, очевидно, что оно следует за погребением 4 ямной культуры эпохи энеолита – раннего бронзового века, совершенного по древнему обряду – скорченно на спине с посыпкой покойного охрой, и относится к иной погребальной и хронологической (возможно и культурной) группе.

Обращает на себя внимание положение костяка в погребении 5 слабо скорченно на боку с использованием охры. Обряд положения покойных в такой позиции, скорченные на боку характерен для позднеямной традиции захоронений племен Волго-Приуралья в Оренбургской области [Богданов, 1990. С. 48–60], ко времени которой можно отнести и рассматриваемый комплекс.

Погребения 19–21, следующие за захоронением 5, стратиграфически предшествуют эпохе катакомбной культурно-исторической общности. В них прослеживается использование в погребальном обряде пары височных медных колец в 2,5 оборота, медной скобочки, а также насыщение заупокойного инвентаря нуклеусом, небольшими кремневыми пластинами, наконечником стрелы подтреугольной формы, с выемкой небольших размеров. Поэтому группу погребений 19–21 можно соотносить, хотя бы на уровне хронологической стадии, с группой захоронений со скорченными на боку скелетами той же самой эпохи позднейшего степного энеолита или раннего бронзового века² предкатакомбного времени Нижнего Дона.

Каменный стержень может рассматриваться как орудие ручного действия, жезл или пест. Важно подчеркнуть, что в могилу он был положен перед грудью погребенного мужчины так, как будто умерший мог его «взять» в руки. При этом обведенный ободком конец скипетра был направлен «вверх», в сторону черепа, а рукоять – «вниз». Рукоять предмета посыпана (натерта) охрой. Это очень интересная деталь, поскольку на каменных зооморфных скипетрах эпохи энеолита времени Триполья VI, VII, например, найденных

² Как известно, понятие «ранний период бронзового века» весьма условно и относительно. В степной зоне Северного Причерноморья и Волго-Донского междуречья применяемый для кавказской схемы периодизации термин «ранний период бронзового века» (период майкопско-новосвободненской общности) синхронен понятию позднейшего степного энеолита, к которому относятся памятники одновременные Триполью CI–CII.

в погребениях курганов Джангар, Суворово, охрой натирался именно конец-обух зооморфного или абстрактно-геометрического навершия, то есть черенок для вставки. Следовательно, вырезанный ободок на нашем изделии отделяет именно навершие предмета от его длинной рукоятки. Отношение к окрасу охрой рассматриваемого скипетра в обряде продолжало более древние населения «протоямных» племен Северного Причерноморья и Дону-Вожского междуречья.

Скипетр из погребения 5 по своей форме и сечению стержня входит в категорию каменных цилиндрических предметов Евразии, трактуемых как песты или жезлы. Интерпретация подобных предметов только как жезлов может быть, конечно, не однозначной. Ведь камень – не очень удобный материал для посоха, хотя и долговечный. Он более приспособлен для изготовления из него имеющего ощутимый вес оружия ударного действия, то есть своего рода ручного молотка, который мог использоваться как пест. Ударная площадка такого молотка могла быть на окончании изделия. Поверхность стержня полировалась, заглаживалась для удобства хвата его рукой. Возможно, такое орудие-жезл использовался в неких бытовых и культовых ситуациях, которые могли быть довольно разнообразны. В общих чертах их типология выглядит следующим образом.

Группа 1. Стержни черешковые абстрактные в виде каменного круглого или овального в сечении цилиндра. Целая серия таких предметов происходит из Ивановской и Турганинской стоянок Самарского Заволжья, относимых Н.Л. Моргуновой к времени Съезженской культуры и к времени стоянки Лебязинка-IV (рис. 3, 2–6) [Моргунова, 1995. С. 150, рис. 54, 5]. Интересно отметить, что окончания стержней выполнены в виде выпуклых широких площадок или сужающихся скругленных окончаний. По внешнему виду они напоминают песты или могли использоваться как ударные инструменты (ручные молотки).

Другой круг таких каменных стержней связан с категорией так называемых «оселков» майкопской культуры. Майкопские каменные стержни или бруски имеют вид тщательно отполированных изделий круглого, овального или подпрямоугольного сечения, например стержень из кургана у ст. Андриюковской (позднемайкопская культура) (рис. 3, 1). Свое название «оселки» они получили потому, что их находки связаны с находками бронзовых кинжалов в захоронениях майкопско-новосвободненской общности (МНО).

Майкопские каменные стержни – оселки могут быть прямой или изогнутой формы, если вспомнить такой «оселок» из Майкопского кургана [Мунчаев, 1975. С. 220, рис. 38, 1].

Группа 2. Скипетры цилиндрические с абстрактным навершием, отражающим некое в отдельных случаях подобие фаллического изделия. Таков рассматриваемый предмет из могильника «Рябичев» (рис. 3, 8) и более абстрактные находки из погребения (клада?) у с. Шипуново на Алтае (рис. 3, 7, 8, 9) [Кирюшин, 2002. С. 235, рис. 129. С. 236, рис. 130].

Группа 3. Скипетры цилиндрические (и линзовидные) зооморфные. Их находки известны из погребения (клада?) у с. Шипуново (рис. 4, 1, 2) [Кирюшин, 2002. С. 233, рис. 127. С. 234, рис. 128]. Они передают на одном (верхнем) окончании голову барана и лошади. Далее следует упомянуть находку из

Барнаульско-Бийского Приобья (рис. 4, 7), которая очень напоминает пест с вырезанной на верхней части изделия головой медведя(?).

Каменные стержни круглого сечения с головами животных открыты в Азербайджане. Одна – в погребении 1 кургана 1 могильника Союг Булаг (рис. 4, 3), другая (рис. 4, 8) – известна нам без точного места обнаружения [Ахундов, 2007. С. 64, 10, 11]. Скипетр с круглым стержнем и головой кошачьего хищника происходит из гробницы III могильника Си Гирдан в северо-западном Иране (рис. 4, 4). Два каменных линзовидных в сечении стержня с зооморфными головками баранов опубликованы из аймака Кодбо (Монголия) (рис. 4, 6) и из разрушенной могилы на р. Марлашкын в Туве (рис. 4, 5).

Таким образом, ареал рассматриваемых вещей огромен. Он раскинулся от предгорно-степного Предкавказья, Волго-Уралья, степного Нижнего Дона до Алтая, Монголии, включая степную часть Азербайджана и предгорно-степную часть Ирана в районе оз. Урмия.

Культурная принадлежность рассматриваемых вещей различна. Хронология их во многом тоже должна еще уточняться. Например, предметы как находки на Ивановской, Турганинской стоянках показывают на появление каменных полированных цилиндрических стержней в эпоху от энеолита Волго-Приуралья в раннем энеолите в культуре Съезжая первой половины середины V тыс. до н. э.

Далее каменные стержни отмечены в эпоху раннего периода бронзового века Предкавказья в IV тыс. до н. э. В это же время в Азербайджане и северо-западном Иране прослеживаются каменные стержни с зооморфными навершиями.

Во времена финала степного энеолита или раннего периода бронзового века фаллоподобный скипетр фиксируется у населения с позднейшими погребальными традициями Нижнего Дона.

В эпоху раннего бронзового века Южной Сибири изделия, близкие донской находке по форме, встречаются на Алтае. К этому времени могут относиться находки из Барнаульско-Бийского Приобья, [Кирюшин, 2002]. И, наконец, находки бараноголовых стержней из Монголии и Тувы определяются андроновской эпохой 16–14 вв. до н. э. по Л.Р. Кызласову [Кызласов, 1970. С. 26]. Последние заметно выделяются своими сечениями стержня и могли быть навершиями – вставками, а не пестообразными предметами.

Огромные рамки ареала рассматриваемых предметов могут объясняться не менее широким распространением категории ручных молотков и пестов у населения Евразии в эпоху энеолита и раннего периода бронзового века, а также фаллического культа. Появление таких пестообразных жезлов было обусловлено стадийными близкими явлениями в развитие мировоззрения, уже отражающего воплощение в материальной культуре символов духовной власти, культа плодородия и мужских предков, а также военной символики (Си-Гирдан).

Конкретно погребение мужчины со скипетром в могильнике «Рябичев» можно рассматривать, как захоронение культового лидера старшей возрастной группы со скипетром и посохом с символическим изображением длинноклювой птицы (может быть даже птицы – демиурга, если учесть высокую роль птицы – творца мироздания, запечатленную в дошедших до нас в мифах неиндоевропейских и индоевропейских народов Евразии) [Иванов, Топоров, 1988. С. 346–349].

Литература:

Ахундов Т.И. О связях майкопской традиции с Южным Кавказом и Ближним Востоком. // Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе. Махачкала, 2007.

Богданов С.В. Парные погребения древнеямной культуры с расчлененными костяками // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск, 1990.

Иванов В.В., Топоров В.И. Птицы. // Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1987.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга западной Сибири. Барнаул, 2002.

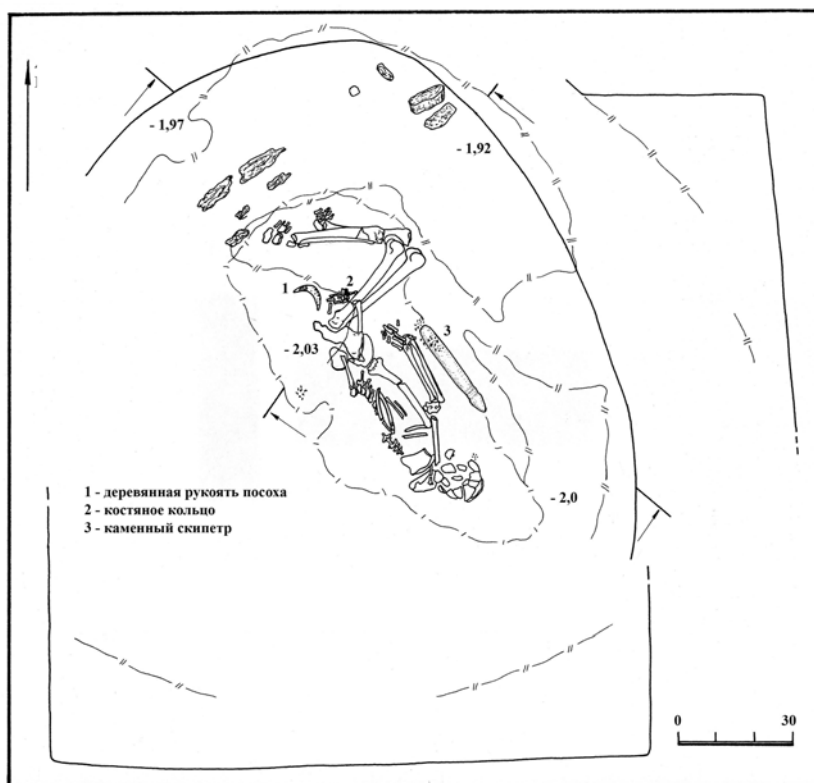
Кызласов Л.Р. Древняя Тува. М., 1970.

Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург, 1995.

Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.

Парусимов И.Н. Отчет о раскопках курганов у хут. Рябичев в Волгодонском районе Ростовской области в 2006 г. Архив ИА РАН. 2006.

Miscarella O.M. The tumuli at Sé Girdan: Second Report p. 5–28 In: Metropolitan Museum Journal, v. 4. 1971.

1

2

Рис. 1. Погребение 5 в кургане 3 группы Рябичев (по Парусимову)
1 - чертеж погребения, 2 - фотография

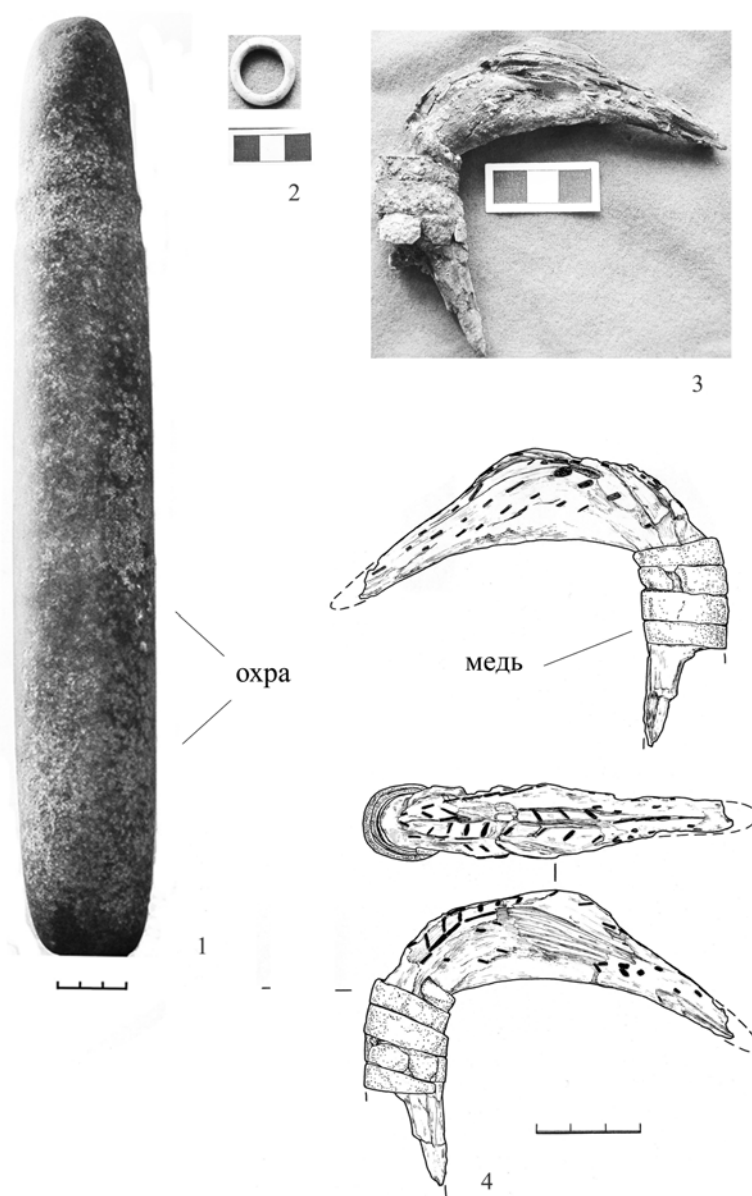

Рис. 2. Инвентарь погребения 3 кургана 3, 1 - каменный жезл, 2 - костяное кольцо, 3 - навершие деревянного посоха с медными накладками - фото, 4 - рисунок навершия посоха (по Парусимову)

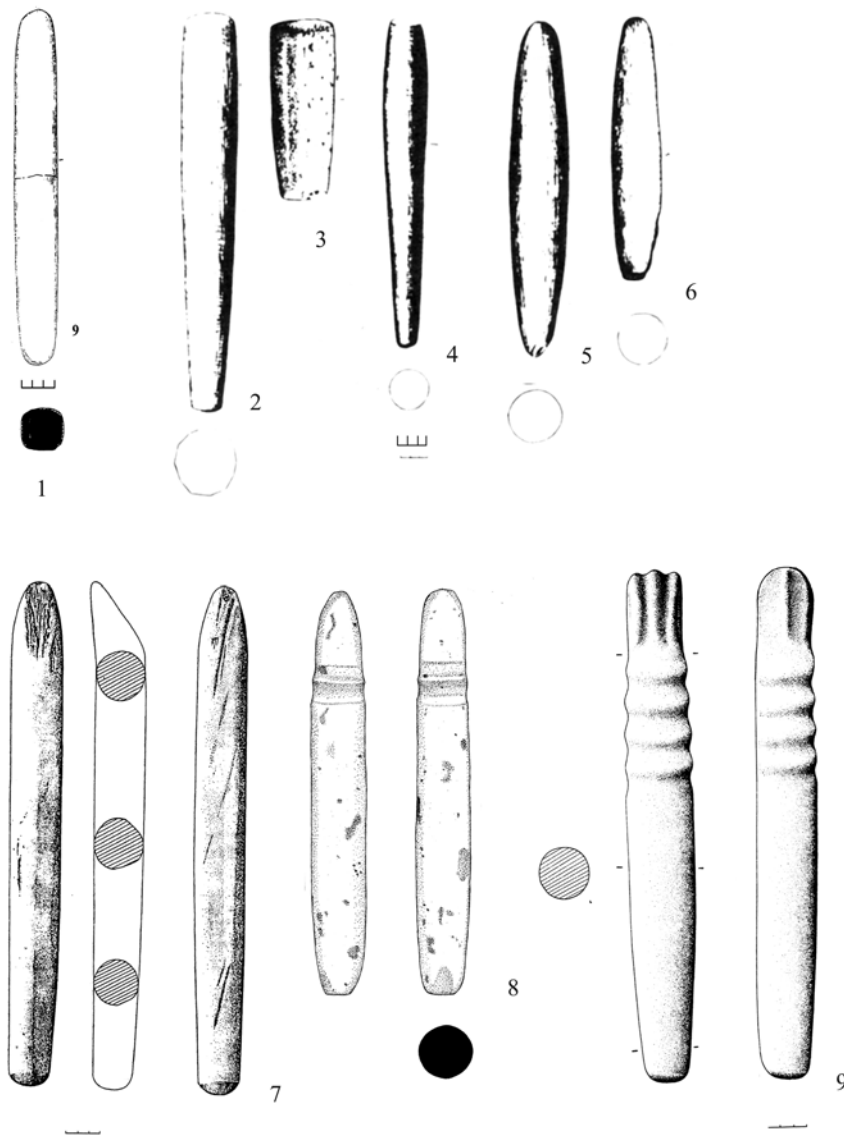

Рис. 3 Каменные стержни - жезлы (ручные орудия):
 абстрактные (1-6) и схематические (2-8)
 1 - ст. Андрюковская, курган, майкопская культура, Предкавказье,
 2-6 - Ивановская и Турганинская стоянки (по Моргуновой), Заволжье.
 7, 9 - Шишуново, (клад?, погребение?) Алтай, (по Кирюшину),
 8 - могильник «Рябичев», курган 3 погребение 5.

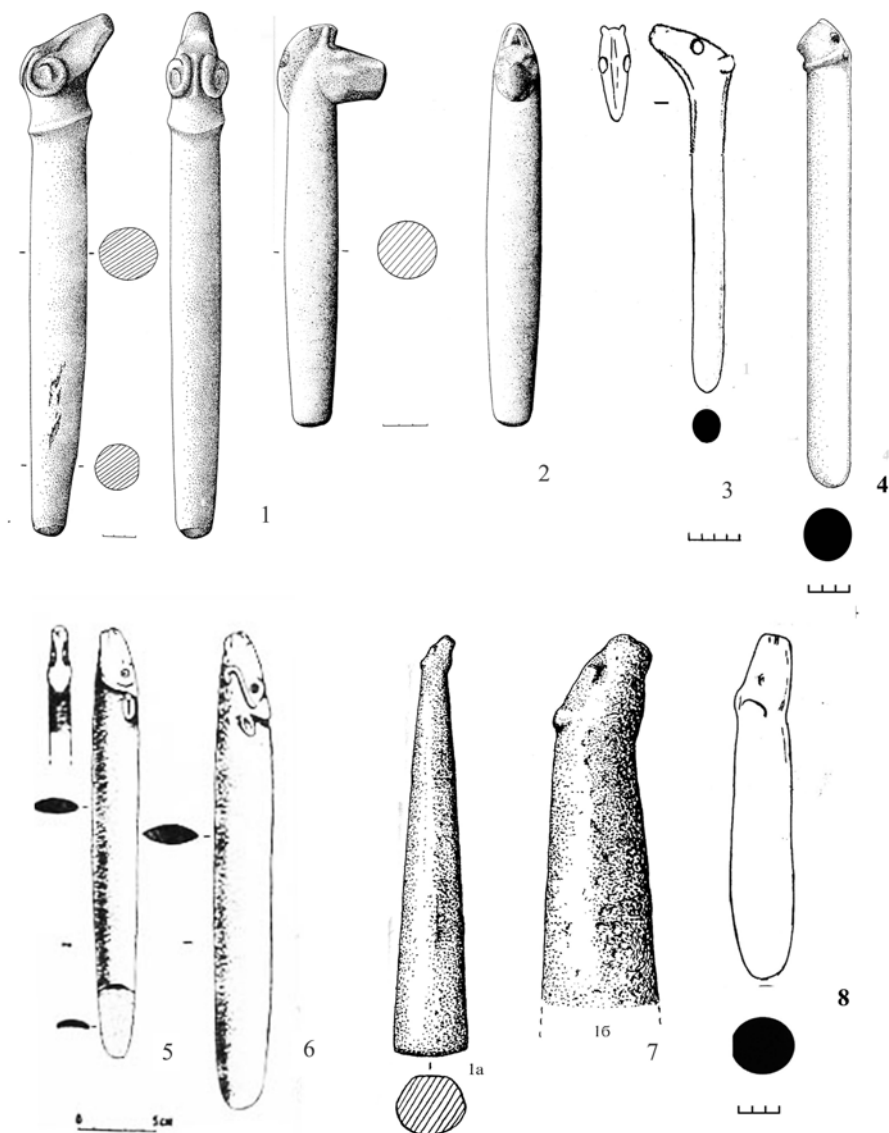

Рис. 4. Каменные стержни - жезлы (ручные орудия) зооморфные
 1, 2 - Шипуново, (по Кирюшину), 3 - Союг Булаг к 1, п. 1 2006 г. (по Ахундову),
 4 - Си-Гирдан-III (по Muscella), 5 - Монголия, округ Кодбо,
 6 - Тува р. Марлашкын (по Кызласову и Brenbites),
 7 - Барнаульско-Бийское Приобье (по Кирюшину),
 8 - Азербайджан (по Ахундову)

Лопатин В.А.

КУРГАН У ИВАНОВСКОГО РАЗЪЕЗДА В САРАТОВСКОМ ПРАВОБЕРЕЖЬЕ

В августе – сентябре 2006 года экспедиция Учебно-научной археологической лаборатории исторического факультета Саратовского государственного университета проводила охранные исследования кургана у разъезда «Ивановский» на юге Саратовского района Саратовской области, который был выявлен в сентябре 2005 года, в ходе мониторинга памятников археологии, расположенных в зоне реконструкции железнодорожного пути на перегоне между разъездами «Буркино» и «Ивановский» Приволжской железной дороги (рис. 1, 1).

Курган стоял на гребне коренной волжской террасы, основа которой сложена палеогеновыми гравиями. На них чередуются четвертичные пески, глины и суглинки с поверхностными подзолами и черноземами, в зависимости от покровной растительности. Здесь наблюдается активная поверхностная денудация восточных склонов Приволжской возвышенности, которые рассечены древними балками с байрачными лесами (например, Буркин буерак с текущим по его ложу ручьем), а также молодыми крутостенными оврагами. Коренные волжские террасы покрыты реликтовыми широколиственными лесами, в составе которых доминируют дуб, береза, осина, клен. Кромка леса подходит вплотную к гребню Приволжской возвышенности, а западнее наблюдается мозаичное распределение древесных видов. Здесь довольно обширны сухостепные участки с ковылями и полынями, в основном распаханные. В древности здесь имели место эоловые процессы, образовывались участки подвижных дюн, которые уже давно задернованы, а в настоящее время засажены лесополосами (преимущественно береза, вяз, ясень, сосна). В общих чертах данную природно-географическую зону можно квалифицировать, как южный вариант лесостепи, граничащий с обширными прикаспийскими степями и полупустынями.

Раскопки велись на западном краю культурного пастбища, между шоссе «Саратов – Волгоград» и реконструируемой железной дорогой. К этому времени курган представлял собой сильно уплотненную периодической распахкой земляную насыпь округлой формы с пологими склонами (рис. 1, 2). Перед началом раскопок проведены тщательные обмеры и нивелировка кургана по двум взаимно перпендикулярным осям, ориентированным по сторонам света.

Уточнены размеры и форма насыпи, которая была немного растянута по линии «восток-запад» (рис. 1, 3). Современные размеры: долготный диаметр насыпи (С-Ю) равен 22 м, широтный диаметр (В-З) несколько больше – 26 м. Высота над дневной поверхностью незначительна: падение северной полы достигала всего – 0,35 м, южная часть кургана понижалась до – 0,38 м.

Грунт насыпи был убран при помощи бульдозера. Для наблюдения за стратиграфией оставлена одна осевая бровка шириной 1 м, ориентированная с юга на север. Стратиграфия: гумус – старопашотный плотный грунт темно-серого цвета толщиной 0,2 м (глубокой распашкой переотложен также и верхний уровень насыпи); насыпь – перемешанная серая супесь с включениями глыб пестрого суглинка (до 0,25 м); погребенная почва, сильно переотложенная норами землероев, фиксировалась отдельными участками, где их мощность составляла 0,2 м, по литологическим характеристикам это плотный суглинистый грунт серовато-бурого цвета, с вертикальными затеками белесых карбонатов, переходящими в материковый пласт; материк – светло-коричневая вязкая глина с множеством нор мелких землероев, мощностью до 0,25 м, ниже залегает желтовато-серая рыхлая супесь, подстигаемая на глубине 2–3 м опочным гравием. В центре насыпи фиксировался мощный кольцевой выкид материкового грунта из основного погребения № 8. Внешний диаметр выкида, образовавшего основу будущей насыпи, составлял 9 м. В стратиграфической бровке он отмечен в виде двух прослоев, отмеченных севернее и южнее могилы, толщиной до 0,15 м. Протяженность южного прослоя в бровке 1,26 м, северного – 3,15 м. Вся толща кургана пронизана норами грызунов, заполненными рыхлым пестрым грунтом.

При снятии насыпи, на расстоянии 3 м к западу от условного центра кургана, на глубине 0,4 м от 0г обнаружен крупный кварцитовый отщеп подтреугольной формы с краевой ретушью на заостренном окончании (рис. 1, 4). Длина орудия 8,3 см, максимальная ширина 5 см.

В кургане выявлено 9 захоронений.

Погребение 1 зафиксировано в 7,5 м к ВЮВ от условного центра кургана. Грунтовая могила подтрапециевидной формы с неровными стенками (рис. 1, 5) более длинной стороной ориентирована с юго-запада на северо-восток. Ее длина равна 0,87 м, ширина в северной части 0,5 м, ширина в южной части 0,7 м, глубина 0,9 м от 0г. Дно ямы было сильно повреждено норами грызунов. Очевидно, это является основной причиной того, что остатков погребенного здесь ребенка (судя по размерам могилы) не обнаружено. Не отмечено также следов органических подстилок или минеральных подсыпок.

Вплотную к восточной стене, ближе к юго-восточному углу ямы стояли два лепных сосуда. Сосуд 1, который находился южнее, представляет собой асимметричную прямостенную банку с нехарактерно широким днищем (рис. 1, 6). Внешняя поверхность светло-коричневая, со следами пригарных натеков. На изломе заметна темная фактура с примесями песка и шамота. Обжиг неровный, костровой, восстановительного характера. Плоский обрез устья покрыт короткими косыми оттисками зубчатого штампа. В такой же технике украшена верхняя часть сосуда, где оттиснуты две горизонтальные опоясывающие линии, выше которых имеются короткие горизонтальные отрезки. Диаметр устья 12,2 см, днища 10,3 см, высота сосуда 11,8 см.

Сосуд 2 стоял севернее, вплотную к первому. Это закрытая банка средних пропорций, с максимальным расширением тулова в верхней четверти общей высоты сосуда (рис. 1, 7). Сосуд не орнаментирован, внешняя поверхность светло-коричневого цвета с пригарными натеками грубо заглажена пальцами, местами заметны каверны и поверхностные отслойки. Фактура темная, с примесью песка и шамота. Диаметр устья 12,6 см, максимальное расширение тулова 14 см, диаметр днища 8 см, общая высота сосуда 10,1 см. Погребение отнесено к периоду становления срубной археологической культуры эпохи поздней бронзы.

Погребение 2 выявлено в 7,2 м восточнее условного центра насыпи. Зафиксированная здесь грунтовая могила имела подпрямоугольные очертания с сильно округленными углами и более длинной стороной была ориентирована с юга на север (рис. 2, 1). Размеры ямы 0,95 x 0,7 м, глубина от 0г - 1,08 м. Стенки могилы ровные, отвесные, лишь местами отдельные отрезки продольных стенок слегка суживались ко дну, а поперечные, напротив, расширялись.

На дне могилы, в ее центральной части, зафиксированы фрагменты двух бедренных косточек ребенка. Судя по тому, что их коленные окончания были направлены к востоку, можно предполагать, что умерший был погребен на левом боку в скорченной позе, головой к северу.

У колен погребенного стоял лепной сосуд колоколовидной формы средних пропорций, с примерно равными диаметрами устья и максимального расширения тулова (рис. 2, 2). У горшка высокий, плавно отогнутый наружу венчик, на обратной стороне которого заметно сглаженное внутреннее ребро, покатоое плечико, слегка вогнутое устойчивое днище, наибольшее расширение тулова приходится на верхнюю треть общей высоты сосуда. Плоский обрез устья с небольшим внутренним наплывом орнаментирован короткими косыми отгисками зубчатого штампа. Два ряда вертикальных и наклонных отрезков того же штампа размещаются на венчике и шейке в виде горизонтальных опоясывающих фризов. Внешняя поверхность горшка коричневая, с темными пятнами неровного восстановительного обжига. На изломе фактура выглядит темной, в примеси заметны песок и шамот. Диаметр устья 13,8 см, шейки 13,2 см, максимальное расширение тулова 13,8 см, диаметр днища 7 см, общая высота сосуда 11,7 см.

В юго восточном углу ямы расчищены остатки погребальной тризны в виде скопления небольших фрагментов костей ног и черепа мелкого рогатого скота (МРС). Погребение с чертами покровского культурного типа отнесено к периоду становления срубной археологической культуры эпохи поздней бронзы.

Погребение 3 располагалось в юго-восточном секторе кургана, на расстоянии 6,2 м от его условного центра. Грунтовая могила имела подквадратную форму, ее стенки были сильно деформированы норами, ориентировка - с юго-запада на северо-восток (рис. 2, 3). Размеры ямы 0,75 x 0,73 м, глубина от 0г 0,85 м. Могила была заполнена рыхлым, сильно перемешанным темным грунтом с включениями пестрых суглинистых комьев из нор грызунов. Никаких остатков погребенного здесь человека (размеры могилы указывают на то, что это был, скорее всего, ребенок) не обнаружено, не выявлены также признаки подсыпок или подстилки.

В южной части ямы, на дне, расчищен неполный развал лепного реберчатого сосуда подколоколовидной формы с примесью толченой раковины (рис. 2, 4). Короткий венчик сосуда был резко отогнут наружу, максимальное расширение тулова по ребру приходилось на верхнюю треть общей высоты, днище плоское, устойчивое. На обратной стороне венчика имеется внутреннее ребро. Сосуд украшен зубчатым штампом: на плече, с заходом на реберчатое расширение тулова, отгиснут зигзаг, ниже которого имеются косые отрезки. Внешняя поверхность шершавая, грубо сглаженная, с множеством каверн от выгоревшей органики, снаружи, коричневая, с темными пятнами неровного обжига, на изломе фактура рыхлая, черная, с обильной примесью ракушки. Диаметр устья 13,6 см, шейки 12,7 см, наибольшее расширение тулова по ребру 14,2 см, диаметр днища 7,8 см, общая высота сосуда 12 см. Погребение отнесено к кругу памятников покровского типа на этапе формирования срубной археологической культуры.

Погребение 4 обнаружено также в юго-восточном секторе, в 7,5 м к юго-востоку от условного центра кургана. Овальная грунтовая яма, более длинной стороной ориентированная с юго-запада на северо-восток (рис. 2, 5), имела размеры 1,05 x 0,83 м, глубину от 0г – 1,1 м. Почти по всему периметру ямы ее стенки слегка суживались в направлении дна.

В могиле не сохранились кости погребенного здесь человека (по видимому, ребенка). В северной половине ямы, на дне, расчищен развал лепного подколоколовидного сосуда (рис. 2, 6). Это округлободий горшок средних пропорций, с коротким, резко отогнутым наружу венчиком, на обратной стороне которого имеется внутреннее ребро, и плоским устойчивым днищем. Максимальное расширение находится на верхней трети тулова. Внешняя поверхность, коричневая, с темными пятнами неровного восстановительного обжига, покрыта разнонаправленными полосами грубого сглаживания и множеством каверн от выгоревшей органики. На изломе фактура рыхлая, черная, с обильной примесью толченой раковины. На обресе устья косые ряды короткого зубчатого штампа. Этим же инструментом на нижней части плечика отгиснут горизонтальный ряд наклонных отрезков. На шейке и верхней половине плеча имеются три глубоко прочерченные горизонтальные опоясывающие линии. Диаметр устья 14 см, шейки 13,3 см, максимальное расширение тулова 15,2 см, диаметр днища 8,8 см, общая высота сосуда 12,6 см. Около короткой южной стенки ямы расчищено скопление обломков костей ног и черепа МРС, залегавшее двумя компактными блоками на пространстве размерами 0,27 x 0,1 м. Погребение отнесено к покровскому типу памятников на стадии формирования срубной археологической культуры.

Погребение 5 выявлено в юго-восточном секторе кургана, на удалении 6 м от его условного центра. Овальная грунтовая могила размерами 0,7 x 0,5 м была ориентирована с ЮЮВ на ССЗ (рис. 2, 7), глубина ямы 1,2 м от 0г. Стенки ровные, слегка покатые в южной части ямы. Дно могилы имело плавный уклон в северном направлении и было изрядно повреждено сурчинами.

Кости погребенного здесь человека, очевидно, ребенка, не зафиксированы. В центре ямы, на дне, расчищен развал приземистого баночного сосуда открытой профилировки (рис. 2, 8). Фрагмент этого же горшка найден в норе, нарушившей северный участок дна могилы. Сосуд не орнаментирован, его внешняя поверхность, коричневого цвета с темными пятнами от неровного

кострового обжига, покрыта рельефными расчесами, горизонтальными в верхней части сосуда и вертикальными по всей остальной поверхности тулова. На изломе фактура темная, с примесью толченой ракушки. Диаметр устья максимальный (16 см), днища 8,8 см, высота сосуда 10,7 см. Около южной стенки ямы расчищены обломки костей ног и черепа МРС в скоплении, размеры которого составляли 0,13 x 0,08 м. Погребение отнесено к покровскому типу памятников на этапе формирования срубной археологической культуры.

Погребение 6 зафиксировано в 7,5 м к ЮЮВ от условного центра кургана. Грунтовая могила подпрямоугольной формы, с округленными углами, размерами 0,8 x 0,57 м была ориентирована с ЮЮВ на ССЗ (рис. 2, 9). Глубина ямы составляла 1,13 м от 0г. На дне могилы, нарушенном норами, остатков костей человека (судя по размерам могилы, явно ребенка) не обнаружено. В юго-западной части ямы, в сурчином перекопе, обнаружена венчиковая часть небольшого лепного сосуда с примесью толченой ракушки (рис. 2, 10). Короткий венчик резко отогнут наружу, на обресе устья имеются косые отрезки, выполненные в прочерченной технике. Таким же образом орнаментировано плечико сосуда. Внешняя поверхность коричневая, с темными пятнами и кавернами от выгоревшей органики. Восстановлены только два параметра сосуда – диаметр устья (9 см) и диаметр шейки (8,6 см). Высота сохранившейся части 2,1 см. Погребение отнесено к кругу памятников покровского типа.

Погребение 7 располагалось в центральной части кургана, в насыпи, непосредственно под нулевой отметкой его условного центра (рис. 1, 3). Оно было впущено в створ основного захоронения № 8, на глубину 0,3 м от 0г (рис. 3, 1). По некоторым признакам сложного комплекса погребальных сооружений, обнаруженных в центре кургана, реконструируется схема подхоронения человека из седьмого погребения. В насыпи кургана была отрыта и расчищена погребальная площадка квадратной формы (2,7 x 2,7 м), ориентированная по сторонам света. По контуру квадрата, на глубину 0,7 м относительно уровня площадки, прокопана канавка шириной 0,15–0,25 м, которая затем была забутована крупными кусками опочного щебня, что очевидно, должно было имитировать стенки каменного ящика. В результате активности землероев периметр каменной забутовки сохранился неполностью, камни растащены по всей полости основного захоронения. Уцелел юго-восточный угол оградки и, значительно меньше, ее фрагменты в северных и западных отрезках периметра.

В центре квадратной площадки, ограниченной каменной забутовкой, расчищен скелет взрослого человека, погребенного на левом боку, скорченно с завалом на грудь, головой к ВСВ. Это сильная степень скорченности: ноги резко подогнуты в коленях, пятки притянуты к тазу, кисть правой руки на голени, левая рука у колен (рис. 4, 1).

Вплотную к лицевому отделу черепа, обращенному к югу, стоял лепной сосуд с округлым туловом, утолщенным, неустойчивым доньшком и коротким, приостренным, резко отогнутым наружу венчиком (рис. 4, 2). Сосуд не орнаментирован, его внешняя поверхность, светло-коричневого цвета с темными пятнами неравномерного обжига, тщательно заглажена. На изломе фактура темная, заметны включения песка и шамота. Диаметр устья 8,4 см, шейки 7,4 см, максимальное расширение тулова 12,5 см, диаметр доньшка 4,6 см, общая высота сосуда 11,4 см.

Между правой пяткой и тазобедренным сочленением обнаружен оселок трапецевидной формы, изготовленный из серого мелкозернистого песчаника (рис. 4, 3). На зауженной части инструмента имеется сквозное отверстие диаметром 0,4 см, косо просверленное относительно его плоскости. Длина оселка 3,9 см, максимальная ширина в нижней части 2,2 см, минимальная около сверлины – 1,5 см, наибольшая толщина 1 см. По всей вероятности, изначально точильный камень имел несколько большую длину, поскольку на нижней грани заметны следы ошлифовки места поперечного излома.

Погребение отнесено к раннечерногородскому времени начала железного века.

Погребение 8 (основное) располагалось в центре подкурганного пространства и было окружено кольцевым материковым выкидом (рис. 1, 3). В створе этой могилы расчищено впускное погребение № 7 с имитацией каменного ящика. Обширная прямоугольная яма была ориентирована с юга на север. Стенки заметно деформированы норами и естественным проседанием, но первоначальная длина могилы, видимо, составляла 3,6 м, а ширина 2,9 м. Глубина ямы 2,06 м от 0г, а в материковом грунте 1,1 м. На уровне материка заполнение могилы выглядело темным и относительно однородным, консистенция рыхлая, с включениями разновеликих комьев суглинка и супеси, а также древесного тлена.

Над створом ямы, в северо-западной части, зафиксирована тризна, положенная, очевидно, на поверхность деревянного перекрытия, но, очевидно, не в момент захоронения, а значительно позже, когда полость ямы под накатником уже заполнилась грунтом (рис. 3, 1). Из этого следует, что для жертвоприношения в насыпи была вырыта специальная яма, достигавшая уровня деревянного перекрытия. Здесь, на глубине 0,56 м от условной вершины кургана, не потревоженные проседанием перекрытия, лежали кости ног МРС, сложенные двумя компактными блоками на пространстве размерами 0,5 x 0,2 м. Более длинной стороной очертания этого скопления ориентированы с юго-запада на северо-восток.

Погребение имело сложную деревянную конструкцию перекрытия со столбовыми опорами и продольными балками, поддерживавшими поперечный накатник (рис. 3, 1). Вдоль восточной стены вертикально были установлены бревна диаметром от 0,08 до 0,2 м. Выявлено четыре опоры, по одной в северо-восточном и юго-восточном углах ямы, и сдвоенная опора, состоящая из крупного столба и, очевидно, дополнительной подпорки гораздо меньшего диаметра, на расстоянии 0,55 м к северу от южного столба. Опоры не были заглублены в дно могилы, столбовых ямок не обнаружено. Если расстояния между ними составляли примерно 0,5 м, следует думать, что около восточной стены должно было стоять всего 5 столбов, на которые, по линии «север-юг» была уложена, одна из крайних (восточная), продольная маточная балка. Отдельные ее фрагменты зафиксированы как раз на этой линии.

Верхний край западной стены, на глубину 0,12 м, был оформлен в виде узкой ступеньки шириной 0,2 м, на которую укладывали вторую крайнюю (западную) продольную балку. Ее крупный фрагмент зафиксирован в северной части ямы. Это была мощная плаха из продольно расколотого бревна. Ширина уцелевшего фрагмента 0,15 м, толщина 0,1 м.

Третья (основная) маточная балка была уложена по продольной оси могилы, причем на уровень древнего горизонта, то есть на 40–60 см выше, чем боковые. Это обстоятельство позволяет предполагать, что поперечный накатник накладывали с двух сторон, укороченными, относительно ширины могилы, плахами, концы которых опирались на осевую и крайние балки, а само перекрытие, в таком случае, должно было иметь форму пологой двускатной кровли. Северная концовка осевой балки лежала на уровне погребенной почвы и была частично обуглена. Отдельные ее крупные фрагменты залегали на той же осевой линии, плавно понижаясь с юга на север и отражая, таким образом, процесс проседания всей конструкции. Представляется, что южная часть перекрытия была значительно нарушена в ходе сооружения киммерийского погребения № 7. Кроме того, дополнительные разрушения привнесла активная жизнедеятельность землероев, особенно в юго-восточной части могилы, где по диагонали, через большую участок могильного дна, с юго-запада на северо-восток проходила большая нора.

Могильная яма имела отвесные стенки и ровное горизонтальное дно. Здесь не было скелетных остатков человека. В северной половине могилы зафиксированы два лепных сосуда в состоянии неполных развалов, на линии «восток–запад», на удалении друг от друга 0,3 м. Под горшками зафиксированы незначительные остатки органической подстилки в виде розовато-серого волокнистого тлена (камыш?). Возможно, вначале все дно могилы было покрыто такой подстилкой, но, нарушенная норами, она сохранилась в большей степени только под сосудами, а на других участках – небольшими, слабо заметными фрагментами.

Сосуд 1, стоявший ближе к западной стене, имеет колоколовидную форму, высокий, отогнутый наружу венчик с внутренним ребром, плоское, устойчивое днище (рис. 3, 2). Несмотря на утрату большого процента придонной части, сосуд удалось реконструировать графически. Его внешняя поверхность, светло-коричневая, с темными пятнами неровного обжига, покрыта рельефными горизонтальными расчесами и множеством каверн от выгоревшей органики. Фактура рыхлая, слоистая, с большим количеством толченой раковины в примеси. Сосуд не орнаментирован. Диаметр устья 24 см, шейки 22,8 см, наибольшее расширение тулова 23,4 см, диаметр днища 12 см, общая высота сосуда 22 см.

Сосуд 2, стоявший восточнее, также колоколовидный, но с более рельефно профилированной шейкой и несколько меньших размеров, небрежно заглажен, без расчесов, с кавернами на внешней поверхности, не орнаментирован (рис. 3, 3). Это также округлобокий экземпляр с высоким венчиком и внутренним ребром, устойчивым плоским днищем. Диаметр устья 20 см, шейки 18,6 см, максимального расширения тулова 20,3 см, днища 11,2 см, общая высота сосуда 18,2 см.

Между сосудами, в 0,2 м севернее осевой линии их размещения, в направлении с запада на восток острием клинка, лежал бронзовый двулезвийный нож с перекрестьем и ромбическим окончанием черенка (рис. 3, 5). Общая длина предмета 13,3 см, максимальная ширина клинка в средней части 2,6 см, ширина черенка 1,1 см. Сечение лезвия и черешка линзовидное, заметно ребро жесткости, максимальная толщина изделия 0,3 см.

Около сосуда 2, опираясь лезвийной частью на его восточный край, острием на север, лежал бронзовый наконечник копья. На его поверхность плотно «накишел» древесный тлен, поэтому не исключено, что этот предмет вооружения изначально был упрятан в деревянный футляр, предохранявший заточенное лезвие от случайных повреждений. Это очень хорошо сохранившийся экземпляр, почти не пострадавший от коррозии, с литой втулкой, листовидным пером лезвия и ромбическим сечением стержня (рис. 3, 6). На обеих сторонах втулки хорошо заметен литейный шов, ее нижний край усилен манжетой, ширина которой составляет 1,5 см. На втулке, в 1 см выше манжеты, на линии одного из литейных швов имеется округлое ушко подквадратного сечения. Отверстие ушка полусферической формы, размеры отверстия 0,8 x 0,5 см. Выступающая часть втулки составляет 9,7 см, ее максимальный диаметр в основании равен 3,6 см, диаметр на линии середины ушка – 2,6 см. Уже при соединении с пером лезвия втулка изменяет форму сечения и начинает приближаться к ромбическим очертаниям сечения стержня. Здесь ее диаметр составляет 1,65 см. Глубина конического канала втулки (16 см) достигает середины лезвия, уже в пределах полой части стержня. Общая длина наконечника 23,4 см, длина лезвия 13,7 см, максимальная ширина пера 5,25 см. В полости втулки сохранилась часть древка (рис. 3, 7). Некогда плотно пригнанная к внутренним стенкам канала, древесина дала значительную усадку. Длина сохранившейся части 13,2 см, максимальная толщина 2 см, при наибольшем диаметре втулочного канала 2,85 см. Учитывая пространство могильной ямы и расстояние от наконечника копья до южной стенки, можно предположительно оценивать длину древка в 2–2,5 м.

При проверке одной из нор в северо-восточном углу могилы был обнаружен короткий стержень из кованого, ромбовидного в сечении бронзового дрота (рис. 3, 4). Один конец предмета загнут в виде короткого крюка, отчего в профиль, но только внешне, он напоминает язычки поздних кочевнических пряжек. Длина стержня 2,2 см, ширина сечения 0,4 см. Его функциональное назначение не ясно, но не исключено, что это один из вариантов так называемых «стрекал», или наконечников посохов, возможно, в чисто votивном воплощении.

Погребение представляет собой ярко выраженный кенотаф – погребение без покойника, представлявшего элитную воинско-вождескую прослойку общества. Оно отнесено к кругу памятников покровского типа.

Погребение 9 зафиксировано в 8 м к юго-западу от условного центра кургана. Подпрямоугольная грунтовая яма с округленными углами была ориентирована с ЮЮВ на ССЗ (рис. 2, 11). Размеры могилы 1,05 x 0,65 м, глубина от 0г – 0,92 м. Стенки ямы отвесные, дно незначительно понижается в северном направлении. Уже судя по сильно перемешанному и несколько затечному, уплотненному грунту заполнения могилы было очевидно, что комплекс нарушен жизнедеятельностью землероев. Дно во многих местах повреждено норами.

Остатков погребенного здесь человека (очевидно, ребенка) не обнаружено. В южной половине могилы, ближе к ее юго-восточному углу, на дне зафиксирован развал лепного сосуда округлой формы (рис. 2, 12). Это редкая для Нижнего Поволжья форма баночных сосудов с сильно прикрытым устьем и нестандартно широким днищем. Внешняя поверхность сосуда, светло-

коричневая, с темными пятнами неровного прокала и следами разнонаправленного полосчатого сглаживания на некоторых участках. На изломе фактура темная, в примеси заметны песок и шамот. На скошенном внутрь обрезе устья нанесены косые линзовидные насечки, верхняя часть сосуда украшена в технике глубокого прочерчивания горизонтальной линией и свисающими треугольниками двойного контура. Диаметр устья 11 см, максимальное расширение тулова 14,5 см, диаметр несколько вогнутого днища 10 см, общая высота сосуда 13 см. Около горшка, в 10 см западнее, зафиксировано углистое пятно округлой формы и размерами 5 см, южнее которого расчищена погребальная тризна в виде скопления костей ног и черепа МРС. Размеры компактно залегающего скопления 0,25 x 0,2 м. Погребение отнесено к начальному этапу становления срубной археологической культуры эпохи поздней бронзы.

* * *

Курган у разъезда «Ивановский» сооружен в самом начале эпохи поздней бронзы, в период активных культурогенетических процессов на территории степного и лесостепного Волго-Уралья. Исторически эти явления были обусловлены динамичным развитием скотоводческих обществ древних индоиранцев на обширных территориях Центральной Евразии. Это было явное ускорение общественных процессов, характеризующееся усложнением социальной структуры, подъемом экономики и обособлением ремесел, активным политогенезом в условиях военной обстановки и изменением вмещающих ареалов.

Первым и основным в кургане является погребение 8, сложный и социально престижный комплекс, который в обрядовом аспекте квалифицируется как кенотаф. Знаковая символика погребальной обрядности и сопроводительного инвентаря указывают на то, что здесь был отправлен похоронный ритуал, посвященный представителю воинско-вождеской элиты, по всей вероятности, погибшему далеко от мест постоянного обитания своей родовой общины. Существует мнение, согласно которому кенотафы не обязательно связаны с невозможностью похоронить тело [Шнирельман В.А., 1985. С. 91; Иванова С.В. и др., 1993. С. 25], а реальные останки уважаемого представителя коллектива могли использоваться в сложнейшей ритуалистике, связанной с их вещественной фиксацией и увековечиванием в виде частично или полностью мумифицированных объектов. Действительно, в этнографии океанических народов (именно там вышеупомянутые авторы указывают аналогии) существует множество данных об особом почитании умерших родственников и высоком статусе выдающихся предков, которых сохраняли в виде прокопченных мумий и помещали в интерьерах поселков (особые хижины) или в специально отведенных для них темных углах жилых помещений. Эти объекты считались в какой-то степени членами общества, так называемыми «тихими», с которыми общались, советовались и которым оказывали соответствующие почести [Фальк-Ренне А., 1985. С. 78, 144, 165–166]. Но прямая экстраполяция этого материала на праиндоиранскую археологию Центральной Евразии категорически неуместна.

Кенотафы – явление нередкое в культурах бронзового века Нижнего Поволжья, и с этой специфической ритуалистикой связана определенная историческая преемственность. Обстоятельная систематизация символических

погребений (кенотафов) катакомбной культуры представлена в книге В.И. Мельника, отметившего наибольшую их концентрацию в Калмыкии и на Нижнем Дону [Мельник В.И., 1991. С. 45]. Интересно замечание автора о возможной связи двух сакральных идей – кенотафа и жертвоприношения. Жертвенники в курганах определенно связываются с теми или иными погребениями как заупокойные и поминальные тризны. В нашем комплексе символическое захоронение было особо почитаемым объектом, поскольку по прошествии некоторого времени здесь была совершена тризна в насыпи кургана, непосредственно на перекрытии могилы.

По данным, приводимым в работе Н.М. Малова, кенотафы были присущи многим культурам эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии (абашевской, катакомбной, покровской, раннесрубной), причем в определенном периоде [Малов Н.М., 1989. С. 93]. И если учесть, что кенотафы – привилегия знати, и в них часты находки оружия, то уместно предполагать военный характер этого времени и связанные с ним значительные людские потери. В сражениях воины нередко пропадают бесследно, но нельзя не воздать герою погребальные почести, поскольку только в этой обрядности умерший может получить возможность перехода из мира живых в мир мертвых для воссоединения с предками и встречи с богами. Это, пожалуй, основная предпосылка такого явления, как кенотаф – символическое погребение без останков умершего.

О высоком положении в обществе человека, которому посвящена центральная могила Ивановского кургана, говорят также такие признаки, как выбор места для кургана – высокий участок коренной волжской террасы на границе лесного и степного массивов, сооружение большой могильной ямы, традиционно ориентированной на север, устройство сложной конструкции деревянного перекрытия со столбовыми опорами, продольными балками и имитацией двускатной кровли священного дома¹. Немногочисленный, но яркий и престижный инвентарь (два сосуда, наконечник копья, нож, острие посоха или стрекала) лаконично конкретизируют прижизненную специализацию умершего – военного лидера, пользовавшегося особыми общественными привилегиями. Посмертная привилегия такого человека – возведение над местом его символического захоронения индивидуальной курганной насыпи.

Большие могильные ямы с северной ориентировкой, занимающие центральное положение на подкурганном пространстве и для сооружения которых требовались наибольшие трудозатраты, типичны для погребений знати в памятниках покровского типа [Малов Н.М., 1989. С. 85–86; Кузьмина О.В., 1995. С. 29]. Впрочем, крупные размеры могил – неременный признак всех престижных захоронений с оружием, богатыми жертвоприношениями, керамикой, украшениями, не только в покровских, но и в синташтинских, по-таповских, раннесрубных и раннеалакульских комплексах.

Как правило, во всех таких погребениях наблюдаются остатки сложных деревянных конструкций – бревенчатых накатников или перекрытий из плах, которые поддерживались продольными балками, лежавшими на верти-

¹ Пожалуй, наиболее близкий, по характеру перекрытия, объект был зафиксирован в кургане № 11 Кайбельского могильника [см: Мерперт Н.Я., 1958. С. 92, рис. 5а; С. 95, рис. 7].

кальных, вкопанных в дно могил столбовых опорах [Малов Н.М., 1989. С. 84]. В Ивановском кургане зафиксирована одна из самых сложных конструкций перекрытия, по некоторым признакам (три продольные балки, наличие вертикальных опор) близкая описанию комплекса из Покровского могильника (к. 7, п. 3) [Малов Н.М., 2003. С. 162, 208, рис. 2]. Центральная продольная балка нашего комплекса частично обожжена, и этот признак имеет аналогии в I классификационной группе потаповских курганов, где некоторые большие могилы перекрыты обожженными плахами [Васильев И.Б. и др., 1994. С. 54]. Очевидно, древнейший прием флеммберрации, применявшийся при обработке древесины, в данном случае был направлен на предотвращение скорой порчи деревянной конструкции под воздействием грунтовой влаги.

Свита детских захоронений №№ 1–6, 9 также является признаком особого почитания главного персонажа в ивановском кургане. Данные планиграфии (расположение малых ям по дуге вокруг основной могилы в южных секторах) указывают на явную идеологическую связь детских погребений с основным, что позволяет считать их обрядово-сопроводительным комплексом. Наиболее близки центральному захоронению керамические материалы из детских погребений №№ 2–6, относящиеся к покровскому культурному типу (показатели технологии изготовления посуды, форм и орнаментации). Погребения №№ 1 и 9, отличающиеся по характеру инвентаря, содержащие сосуды раннесрубного облика (1) и с явными катакомбными реминисценциями (9), вместе с тем, ничем не выделяются в обрядовом отношении. Они четко вписаны в планиграфическую ситуацию, помещены в грунт, а не в насыпь, в них соблюдается единство ритуала (стандартные сочетания сосудов и тризн). Примечательно также, что признаки наличия костей человека, к тому же очень слабые, отмечены только в одном сопроводительном детском захоронении (2). Не отвергая реальной возможности полного разложения детских скелетов, или выноса костей по норам, все-же выскажем предположение об абсолютной унификации обряда в данном конкретном случае, в котором центральный кенотаф должны были сопровождать такие же символические захоронения свиты – детские кенотафы.

При рассмотрении керамики покровского типа из детских могил (рис. 2, 2, 4, 6, 8, 10) заметно, что в целом она вполне сопоставима с двумя крупными сосудами центрального кенотафа (рис. 3, 2, 3) по показателям формы (колоколовидность, явно выраженное или сглаженное внутреннее ребро) и технологии (ракушечная примесь, поверхностная обработка). Пресловутая «колоколовидность» или «вазообразность» (по П.С. Рыкову) – термин ассоциативного порядка, воспринимаемый как понятийная категория – вряд ли может быть исчерпывающим критерием в отношении к покровской керамике. Более конструктивен признак «внутреннего ребра» на обратной стороне венчика, поскольку он отражает технологические особенности формовки сосуда. Но этот признак, или близкие ему варианты, типичны не только для покровских, но и для синташтинских, потаповских сосудов, а также для абашевских и позднекатакомбных, и, более того, даже для репинских и среднестоговских. Орнаменты на покровских сосудах практически ничем не отличаются от срубного декора.

Керамический комплекс покровского типа чрезвычайно многообразен, в нем встречаются синкретичные варианты, отражающие определенные слож-

ности культуругенеза, поэтому индикатором здесь всегда выступает комплекс признаков. Их полное наличие, равно как и отсутствие тех или иных, очевидно, означает некую динамику покровского феномена во времени. Изменения происходили быстрыми темпами, что фиксируется даже в рамках единичных комплексов, как, например, в Ивановском кургане.

Здесь наиболее архаичен сосуд из детского погребения № 3, которое, несомненно, абсолютно синхронно центральному кенотафу. Во внешних признаках этого покровского горшка явно проступают черты синташтинских сосудов: реберчатая форма, равное соотношение диаметров устья и тулова, короткий, утолщенный, резко отогнутый наружу венчик, с четко выраженным внутренним ребром на обратной стороне, орнамент, размещенный на плечике и в средней части тулова, отсутствие декора на венце (рис. 2, 4). Подобные принципы формовки и орнаментации керамики фиксируются особенно часто в могильнике «Каменный Амбар-5» (причем, как и в «Ивановском», на многих синташтинских реберчатых сосудах на плечо наносился именно зигзаг) [Епимахов А.В., 2005. С. 31, рис. 26, 2; С. 41, рис. 34, 4; С. 45, рис. 37, 6; С. 92, рис. 71, 1; С. 99, рис. 75, 4]. Нивелировка архаики уже заметна на сосуде из погребения № 4 (рис. 2, 6). Здесь так же свободен от орнамента короткий венчик, украшены только шейка и плечо, кроме того, близки синташтинским и абашевским мотивам три глубоких желобка на шейке и верхней части плечика. Но уже не столь массивен венчик, а диаметр устья заметно меньше максимального расширения тулова, внутреннее ребро слегка сглажено. Этому экземпляру близок сосуд из погребения № 6 (рис. 2, 10). Тенденция еще более заметна на примере сосуда из погребения № 2 (рис. 2, 2). В отличие от прочих покровских сосудов нашего комплекса, здесь уже нет ракушечной примеси, заметно сглажено внутреннее ребро. Но, вместе с тем, еще явно выражена колоколовидность формы, равны диаметры устья и тулова, а внутренняя сторона венчика имеет слабый желобок.

В планиграфической ситуации Ивановского кургана (рис. 1, 3), прежде всего, заметно размещение «особняком» детского погребения № 9, вряд ли случайное, поскольку, при всей близости обрядовых черт (включенность в круговую систему, отсутствие останков человека, тризна), здесь имеется сосуд явно не покровского облика (рис. 2, 12). Такие шарообразные банки с закрытым профилем устья и очень широким днищем, определенно, восходят к катакомбным прообразам реповидных и округлобоких безвенчиковых сосудов, например, 1/1 Ажиновского II могильника, где, кстати, в орнаменте присутствуют свисающие треугольники [Рябова В.Я., 1983. С. 126, рис. 24, 10], 9/1 из раскопок 1979 года на Чограе [Андреева М.В., 1989. С. 88, рис. 12, II-2] (ряд аналогий можно продолжить). Присутствие сосудов, подобных ивановскому из девятого погребения, в комплексах позднепокровского типа отмечено в могильнике Золотая Гора в северной части Волго-Донского междуречья [Юдин А.И. и др., 2006. С. 111, рис. 26, 6]. Вероятно, такая керамика была разработана местными степными племенами на позднекатакомбном или посткатакомбном этапе развития культур финала средней бронзы. Морфологической основой для формирования данного типа банок последовательно были, скорее всего, маньчские и позднеололинские керамические образцы.

Два типично срубных сосуда из погребения № 1 (рис. 1, 6, 7) представляются относительно более поздними в рамках всего покровского комплекса Ивановского кургана.

Возвращаясь к анализу планиграфии, отметим, что все перечисленные выше детские погребения из «свиты» центрального кенотафа размещены в системе опоясывающего полукольца по определенному принципу (рис. 1, 3). Во-первых, все они, в обрядовом смысле, причастны к основной могиле, подхоронения совершались строго в круг с привязкой к центру. Во-вторых, между определенными группами могил свиты имеются пространственные интервалы, что предполагало их культурно-обрядовую обособленность. Это подтверждается характером керамического инвентаря: в восточной части полукольца размещены две могилы, где отмечены два срубных сосуда (п. 1) и сосуд с деградирующими покровскими признаками уже без раковины в приреси (п. 2); в юго-восточном секторе – компактная группа погребений, где покровские черты выражены наиболее ярко, причем, наблюдаются архаические синташтинские элементы (пп. 3–6); с большим отрывом от всех могил сопровождения, в юго-западной части полукольца устроено захоронение, где выявлена банка с катакомбными реминисценциями (п. 9).

В некоторой степени это соотношение напоминает ситуацию в Смеловском грунтовом могильнике, где выделены три обрядовые группы: местная степная криволюкского типа, пришлая лесостепная покровская и срубная, формирующаяся на основе взаимодействия первых двух в ходе локального культурогенеза. Впечатление таково, что для каждой обрядовой группы в подкурганном пространстве «Ивановского» был предусмотрен конкретный участок с перспективой перманентного продолжения культа и последующих подхоронений. Примечательно, что в покровской группе две могилы вписаны во внутренний контур круга (пп. 3, 5) и еще две расположены немного дальше от центра, во внешнем контуре (пп. 4, 6). И этому факту есть объяснение. Керамика из могил внутреннего контура наиболее архаична (рис. 2, 4, 8), а очень близкие по форме сосуды из ям внешнего контура (рис. 2, 6, 10) уже несут печать нивелировки и приближаются к срубным стандартам.

В ходе данных наблюдений формируется представление о довольно непродолжительном хронологическом интервале, в рамках которого над позднепокровским воинским кенотафом возник курган, и в течение примерно 50–100 лет продолжалось отправление культа, посвященного героическому предку. При возведении курганной насыпи в ее юго-восточную и юго-западную половины, видимо одновременно, были впущены детские погребения 3, 5 и 9, по прошествии некоторого времени в юго-восточной покровской группе намечен внешний контур (пп. 4 и 6), а в самом конце покровского времени в восточную часть насыпи были впущены раннесрубные погребения 2 и 1.

Инвентарный набор центрального воинского кенотафа имеет ключевое значение в определении культурно-хронологических позиций всего комплекса. Здесь выявлены два типично покровских сосуда с характерными морфологическими признаками, представленными в полном объеме (форма, пропорции, соотношение диаметров устья и тулова, внутреннее ребро на обратной стороне венчика). Традиционные технологические показатели: множество карверн на внешней поверхности, рыхлая фактура с включениями мелких фрак-

ций толченой раковины указывают на присутствие в качестве отошителя речной органики (измельченные моллюски *Unio*), поверхностная обработка расчесами и небрежное заглаживание, отсутствие орнамента – именно так, скромно, зачастую выглядит керамика в престижных погребениях.

Бронзовый, четырехгранный в сечении стержень (рис. 3, 4) – наконечник посоха или стрекала – всегда знаковый атрибут знатного человека. Стрекала сопровождают захоронения возничих боевых колесниц, а посохи (а также каменные булавы, скипетры, пояса, плети) – родовых старейшин. Поскольку предметов конской упряжи в нашем кенотафе нет, то вряд ли мы имеем в данном случае дело именно со стрекалом. Между тем, пастушьи посохи, наряду с прочими инсигниями власти, имеют высокое значение как индикаторы лидеров в погребальной обрядности эпохи бронзы [Лопатин В.А. и др., 2006. С. 40]. Более того, существует мнение о семантической преемственности посохов и копий [Ильюков Л.С., 1994; Малов Н.М., 2003. С. 198], поэтому весьма показательно, что в Ивановском кургане эти два артефакта присутствуют в одном комплексе, взаимно дополняя и усиливая сакральную значимость друг друга.

Бронзовый нож (рис. 3, 5) с перекрестьем, ромбическим окончанием черешка и продольным ребром, проходящим через лезвие и рукоять, типичен для покровских инвентарных наборов. В классификации Е.Н. Черныха такие ножи составляют группу НК-14 [Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989. С. 101–102, рис. 58, 2], они распространены в Волго-Камье, на Дону и Южном Урале, были выработаны абашевской традицией металлообработки и заимствованы покровцами, недолго присутствуют в раннесрубном комплексе и вскоре сменяются волго-уральским типом (с простой пяткой черена).

Литые наконечники копий, абсолютно аналогичные ивановскому (рис. 3, 6), немногочисленны. В их сходстве представляется особо значимым сочетание таких конструктивных особенностей, как ромбическое сечение стержня, манжета в основании втулки и округлое ушко. Копья с ромбическими стержнями близки по своему происхождению «вильчатым» наконечникам, но, в отличие от последних, локализуются исключительно в Восточной Европе [Бочкарев В.С., 1986. С. 99]. Наиболее близки нашему экземпляру наконечники из курганов 7 и 8 Покровского могильника, сопровождаемые покровской посудой, стрекалом, кремневыми сейминскими стрелами, черешковыми и пластинчатыми ножами, причем, особо важно, что в восьмом кургане находился кенотаф. К сожалению, в известных публикациях покровских материалов, на рисунках не всегда достаточно четко представлены характеристики значимых признаков (сечения стержней, формы манжет и петель) [Малов Н.М., 2003. С. 209, рис. 3, 3; С. 210, рис. 4, 5, 9; Дремов И.И., 2003. С. 90, рис. 1], поэтому оперировать, пока, можно только общими данными, упуская из виду такие тонкости, как соотношения параметров и точные очертания деталей.

В сводке Е.Н. Черныха и С.В. Кузьминых по обобщенному критерию сечения стержня и наличия ушка, такие копья помещены в группу КД-30 вместе с наконечниками несколько иных характеристик (отсутствие манжеты, треугольная форма петли, наличие валиков, чеканных зигзагов и даже скульптурных изображений на втулке) [Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989. С. 83–84, рис. 42–44], что существенно искажает чистоту типа. В указанной группе к покровскому типу копий можно отнести находки из Сеймы, Курска,

Пярну и Подгремячинской [там же. С. 83, рис. 42, 2, С. 84, рис. 44, 1, 2, 5]. Довольно близок экземпляр из Благодарного [там же. С. 83, рис. 43, 5], но ребро его стержня специально приплющено проковкой, а возможно это было предусмотрено еще конструктивными особенностями литейной формы (?)².

Недавно стал известен синкретичный комплекс с кенотафом, исследованный у с. Большая Пластица в Липецкой области, где в жертвенной яме был обнаружен бронзовый наконечник, идентичный ивановскому [Мельников Е.Н., 2003. С. 240, рис. 1, 4]. Здесь зафиксированы костяные шипы дисковидного, очевидно, деревянного псаля, костяная кольцевидная бляшка-медальон, а также своеобразный набор сосудов абашевского, покровского и воронежского типов (по авторской трактовке Е.Н. Мельникова). По рисунку наконечника копья заметно, что округлое ушко несколько оттянуто в сторону и уже напоминает подтреугольный вариант.

Эта тенденция еще более очевидна на экземпляре из погребения № 10 Юринского могильника, исследованного в Марий Эл [Соловьев Б.С. и др., 2006. С. 174, рис. 3, 3]. Все прочие конструктивные особенности юринского наконечника идентичны плавичским и ивановским, но в культурном отношении он ближе аналогичному варианту из Сеймы, поскольку с ним обнаружены также кельт и пластинчатый нож сейминско-турбинского типа.

Более всего наконечники копий, аналогичные ивановскому, характерны для памятников покровского типа, но могут встречаться в сейминско-турбинских комплексах и даже на очень большом удалении от основного Волго-Уральского ареала, например, в Пярну [Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989. С. 84, рис. 44, 2] и даже в Восточном Прионежье [Ошибкина С.В., 1984. С. 24, рис. 1, 1, 2]. На Волге, как правило, они сопровождаются покровской керамикой, иногда деталями колесничных комплексов, нередко встречаются в кенотафах. Наряду с ними, в престижных памятниках покровского типа могут встречаться копья несколько иных вариантов. Наиболее ранние покровские погребения могут содержать архаичные образцы копий с раскованной втулкой, как, например в Покровске (15/2) и в Кондрашкино (п. 1) [Малов Н.М., 2003. С. 212, рис. 6, 14; Пряхин А.Д. и др., 1989. С. 16, рис. 4, 1].

В более поздних покровских захоронениях военной знати могут быть обнаружены литые наконечники не с округлым, а с треугольным ушком, с манжетой и рельефными валиками на втулке, как, например, в Березовке (3/2) [Дремов И.И., 1997. С. 158, рис. 3, 7]. Это может быть безманжетный вариант, но с петелькой и литым зигзагом на основании втулки³, как в погребении с кремацией из Карамыша [Максимов Е.К., 1956; Малов Н.М., 2003. С. 215, рис. 9, 3]. Наконечник с манжетой, но без ушка и округлым сечением стержня выявлен в Медяниково [Малов Н.М., 2003. С. 218, рис. 12, 5].

² Примечательно одно досадное обстоятельство: прорисовка копья из Благодарного в книге Е.Н. Черных заметно отличается от изображения того же предмета в первой публикации Е.К. Максимова, где нет манжеты, а сечение стержня не ограниченное, а круглое [см.: Максимов Е.К., 1962. С. 282, рис. 1, 1]. Здесь же отметим, что копья с шестигранными сечениями стержней нигде более в степной, лесостепной или таежной Евразии не известны.

³ Не исключено, что литой зигзагообразный валик у основания карамышского копья функционально подменяет манжету, усиливающую показатели прочности втулки. По мнению В.С. Бочкарева наиболее ранние манжеты с зигзагообразной (зубчатой) кромкой представляли собой выполненный в технике проковки отворот (обшлаг) нижней части втулки [см.: Бочкарев В.С., 2004. С. 394].

Характерно, что все эти разнообразные наконечники сопровождаются керамикой, в которой наблюдается разная степень нивелировки покровских признаков или явно выраженная синкретичность сосудов [там же. С. 215, рис. 9, 1, 218, рис. 12, 1], но копыя покровского типа в Нижнем Поволжье встречаются в единых комплексах с посудой, в морфологии которой именно покровские черты представлены в полном объеме.

Конструктивные признаки покровских копий близки сейменским, что весьма обстоятельно доказано В.С. Бочкаревым на основе широкого пространственного и морфологического анализа [Бочкарев В.С., 1986; он же, 2004]. Предложенная им методика исчисления индекса общих пропорций наконечников ($D_2 / D_1 \times 100$) помещает Ивановское копые (с индексом 58,5) в группу короткоперых изделий, что полностью соответствует именно покровскому типу. Отметим заметную особенность нашего наконечника – очень короткий переход ребра стержня на выступающую часть втулки (всего 1 см), что весьма близко показателям копыя из Большой Пластицы⁴. В этом смысле им также близки наконечники из Пярну и б. Симбирской губ. [Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989. С. 84, рис. 44, 2, 3]. Между тем, для большинства сейменских наконечников (66,6%) характерно значительное захождение ребра на втулку, иногда до самого устья, тогда как у турбинских копий втулка всегда гладкая [Бочкарев В.С., 2004. С. 394].

Вполне логично выделять экземпляры с ромбическим сечением стержней, манжетами и округлыми ушками в особую «покровскую» группу бронзовых литых наконечников копий (Покровск-7/3, 8; Ивановский-1/8, Бол. Пластица, Сейма, Курск, Пярну, Юрино, Подгремячинская) с боковыми вариантами (Карамыш, Медяниково, Благодатное). Но, учитывая их определенную вариативность по общим пропорциям, необходимо, может быть, также следовать региональному принципу. Представляется, что длинноперые покровские варианты могли сформироваться в лесостепной зоне, близкой к Сейме, которая испытывала большее влияние турбинской традиции, а короткоперые были выработаны южнее, возможно, на границе степи и лесостепи в Нижнем Поволжье.

Это не значит, что здесь бытовал абсолютно чистый покровский тип наконечников. Копые из Березовки, обнаруженное И.И. Дремовым в степном Заволжье [Дремов И.И., 1997], более соответствует сейменско-каргулинскому типу с валиками [Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989. С. 83, рис. 42, 1; 43, 1], а также группе КД-32, в которую входит известный наконечник из Решного [там же. 1989. С. 85, рис. 45, 1, 2, 4], хотя явно выраженная манжета березовского экземпляра заметно отлична от раструбовидных оснований втулок этой группы. Вполне возможно, что копыя с раструбовидными втулками и ушками, лишенные валиков и горизонтальных бороздок [там же. С. 85, рис. 45, 3, 5, 7] происходят именно от «покровского» типа. Наиболее полно может соответствовать такому производному варианту наконечник из Засеченского могильника поздняяковской культуры, исследованного в Рязанской области [Челяпов В.П. и др., 1993. С. 199, табл. V, 1].

⁴ Примечательно, что индекс экземпляра из Пластицы (67,4), морфологически наиболее близкого нашему наконечнику, выходит за рамки покровско-сейменской группы и более соответствует показателям Турбино.

Наблюдаемая ситуация связана с проблемой памятников покровского типа, точнее позднего этапа развития покровского феномена (примерно XVII– начало XVI вв. до н. э.). В материалах кургана у разъезда «Ивановский» опосредованно отразились драматические процессы формирования срубной археологической культуры, в сложении которой в Нижнем Поволжье участвовали многие посткатакомбные культурные компоненты (лолинский, бабинский, криволукский, вероятно вольско-лбищенский), но ведущим и консолидирующим являлся именно покровский культурный тип.

Единственное впускное погребение в насыпи (7), попавшее в створ основной могилы и, к счастью, не потревожившее инвентарь кенотафа, было внедрено в курган в начале раннего железного века. Характерные признаки погребального обряда – скорченное положение умершего, восточная ориентировка, позиция рук, в сопровождении характерного инвентаря (сосуд и оселок) позволяют относить данный комплекс к так называемому «переходному» (для Поволжья) периоду от бронзового века к эпохе раннего железа, или предсавроматскому времени, что соответствует раннечерногородскому этапу киммерийской культуры в Северном Причерноморье. Некоторые детали погребального сооружения, отмеченные в этом комплексе (квадратная площадка, канавка по периметру, гравийная забутовка, имитирующая каменный ящик), представляются новыми для переходных памятников Нижнего Поволжья. Очевидно, сложности фиксации особенностей киммерийских могил связаны, прежде всего с тем, что они в подавляющем своем большинстве являются впускными в более древние насыпи, а индивидуальные курганы над ними – большая редкость.

В Северном Причерноморье наиболее ранние черногородские комплексы обнаруживают генетическую преемственность с подстилающим горизонтом белозерской культуры, в частности, в конструктивных особенностях погребальных сооружений. Нам особенно интересны те комплексы редких захоронений под индивидуальными насыпями, которые устроены в обширных квадратных ямах с канавками по всему периметру, предназначенными для сложных деревянных конструкций, например, курган № 2 у «Степного» под Днепропетровском и курган № 6 у с. Александровка в Запорожской области [Ромашко В.А., 1980. С. 81, рис. 2]. Такие конструкции фиксируются на раннем этапе РЖВ, в рамках XI–VIII вв. до н. э. Любопытно, что камень при их сооружении не использовался, поэтому раннекиммерийский комплекс из Ивановского кургана, где отмечена забутовка канавки гравием, представляется явлением неординарным, тем более для восточного ареала распространения памятников предскифского типа. Здесь, в пределах выделенной, так называемой, северо-восточной зоны памятников черногородского типа, Саратовское правобережье выглядит белым пятном (известны лишь два комплекса на р. Курдюм) [Дубовская О.Р., 1993. С. 150, рис. 72]. Наше погребение из Ивановского территориально близко курдюмским, а южнее переходные памятники отмечены только в районе излучины Дона. Примерно так же распределены в нижневолжском правобережье случайные находки киммерийского времени [Тихонов В.В. и др., 1999. С. 158–174].

Черногородские сосуды, близкие ивановскому, квалифицируются как лощенные кубки, причем, неорнаментированные варианты таких малых сосудов с уплощенным, неустойчивым дном встречаются довольно широко во

всех локальных зонах [там же. С. 152, рис. 73]. Часто встречаются и каменные оселки с отверстиями, которые, по мнению исследователей, переходят в черноторовский пласт из финальных культур эпохи бронзы [там же. С. 142].

В завершение отметим: материалы из Ивановского кургана (комплекс эпохи бронзы) вновь подтверждают данные о том, что наиболее плотная локализация престижных воинско-вождеских комплексов с покровскими наконечниками копий наблюдается, пока, именно в поволжском пограничье степи и лесостепи, на территории Саратовской области.

Литература:

Андреева М.В. Курганы у Чограйского водохранилища (материалы раскопок экспедиции 1979 г.) // Древности Ставрополя. М., 1989.

Бочкарев В.С. К вопросу о хронологическом соотношении Сейминского и Турбинского могильников // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1986.

Бочкарев В.С. О функциональном назначении петель-ушек у наконечников копий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Сибири // Археолог: детектив и мыслитель. Сборник статей, посвященный 77-летию Л.С. Клейна. С-Пб, 2004.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара, 1994.

Дремов И.И. Материалы из курганов у с. Березовка Энгельсского района и некоторые вопросы социокультурных реконструкций эпохи поздней бронзы // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып. 2. Саратов, 1997.

Дремов И.И. Региональные различия престижных погребений эпохи бронзы (особенности покровской группы) // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Вып. 5. Саратов, 2003.

Дубовская О.Р. Вопросы сложения инвентарного комплекса Черноторовской культуры // Археологический альманах, № 2. Донецк, 1993.

Епимахов А.В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Книга 1. Челябинск, 2005.

Иванова С.В., Цимиданов В.В. О социологической интерпретации погребений с повозками ямной культурно-исторической общности // Археологический альманах, № 2. Донецк, 1993.

Илюков Л.С. Пастушья палка // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1993 году. Вып. 13. Азов, 1994.

Кузьмина О.В. Соотношение абашевской и покровской культур // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. Часть II. СПб., 1995.

Лопатин В.А., Четвериков С.И. Исследования курганного могильника «Мессер-V» на севере Волго-Донского междуречья // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 7. Саратов, 2006.

Максимов Е.К. Памятник эпохи бронзы у станции Карамыш Саратовской области // Археологический сборник. Труды СОМК. Вып. 1. Саратов, 1956.

Максимов Е.К. Материалы из Хвалынского музея // СА, 1962. № 3.

Малов Н.М. Погребальные памятники покровского типа в Нижнем Поволжье // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 1. Саратов, 1989.

Малов Н.М. Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Вып. 5. Саратов, 2003.

Мельник В.И. Особые виды погребений катакомбной общности. М., 1991.

Мельников Е.Н. Покровско-абашевские погребения кургана у с. Большая Плавица // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003.

Мерперт Н.Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья // МИА. № 61. Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. II. М., 1958.

Ошибкина С.В. О находках сейменского времени в Восточном Прионежье // КСИА, 1984. № 177.

Пряхин А.Д., Беседин В.И., Левых Г.А., Матвеев Ю.П. Кондрашкинский курган. Препринт 1-1-89. Воронеж, 1989.

Ромашко В.А. К вопросу о генезисе киммерийских памятников днепровского левобережья // Курганы степного Поднепровья. Днепропетровск, 1980.

Рябова В.Я. Работы Ажиновского отряда в 1976 г. // Древности Дона. М., 1983.

Тихонов В.В., Якубовский Г.Л. Новые памятники и отдельные находки киммерийского времени из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Вып. 3. Саратов, 1999.

Фальк-Ренне А. Путешествие в каменный век. Среди племен Новой Гвинеи. М., 1985.

Челяпов В.П., Вячин А.А. Археологические памятники эпохи бронзы на территории Рязанской области. Рязань, 1993.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. М., 1989.

Шнирельман В.А. Классообразование и дифференциация культуры (по океанийским этнографическим материалам) // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985.

Юдин А.И., Матюхин А.Д. Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное. Саратов, 2006.

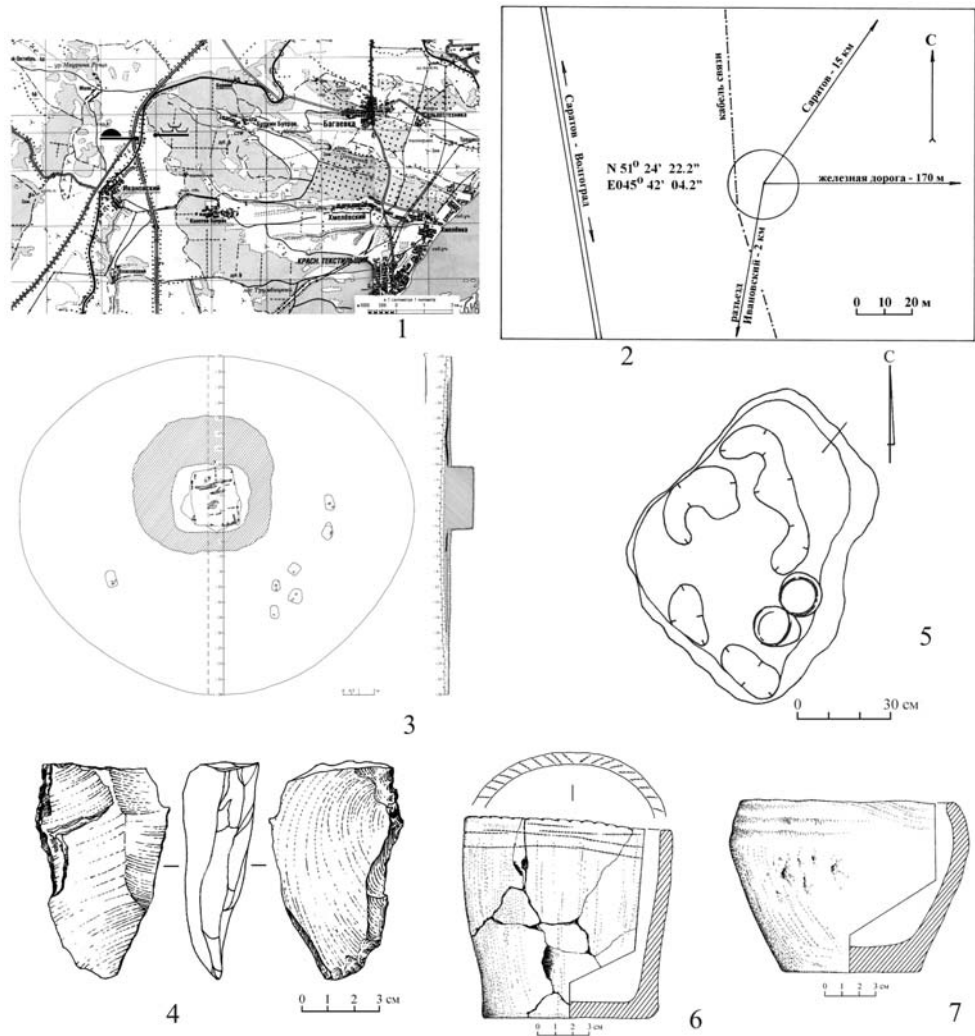

Рис. 1. Материалы Ивановского кургана:
 1, 2 - местоположение кургана у разъезда «Ивановский»; 3 - план и профиль кургана;
 4 - отщеп из насыпи; 5 - погребение 1; 6, 7 - сосуды из погр. 1.
 4 - кварцит; 6, 7 - глина.

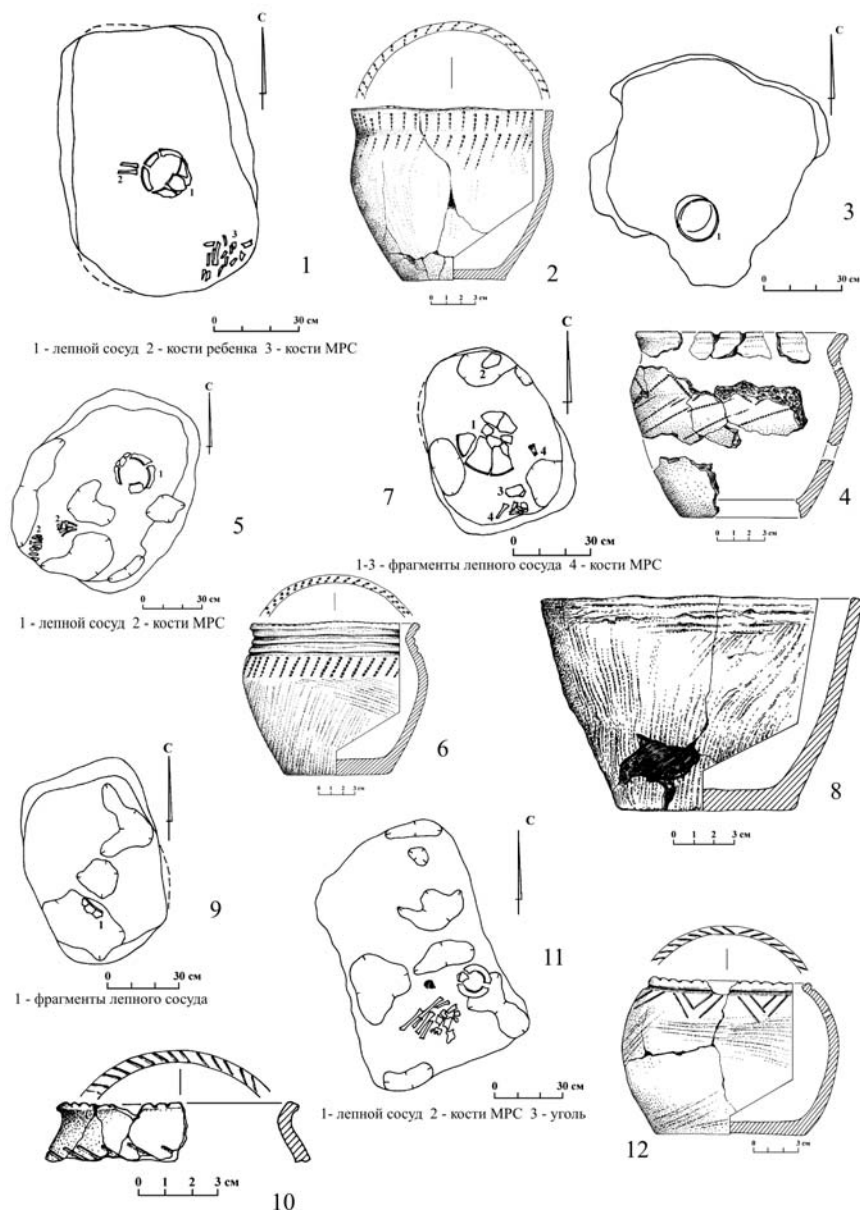

Рис. 2. Материалы Ивановского кургана:
 1 - погребение 2; 2 - сосуд из погр. 2; 3 - погребение 3; 4 - сосуд из погр. 3;
 5 - погребение 4; 6 - сосуд из погр. 4; 7 - погребение 5; 8 - сосуд из погр. 5;
 9 - погребение 6; 10 - фрагмент сосуда из погр. 6; 11 - погребение 9; 12 - сосуд из погр. 9.

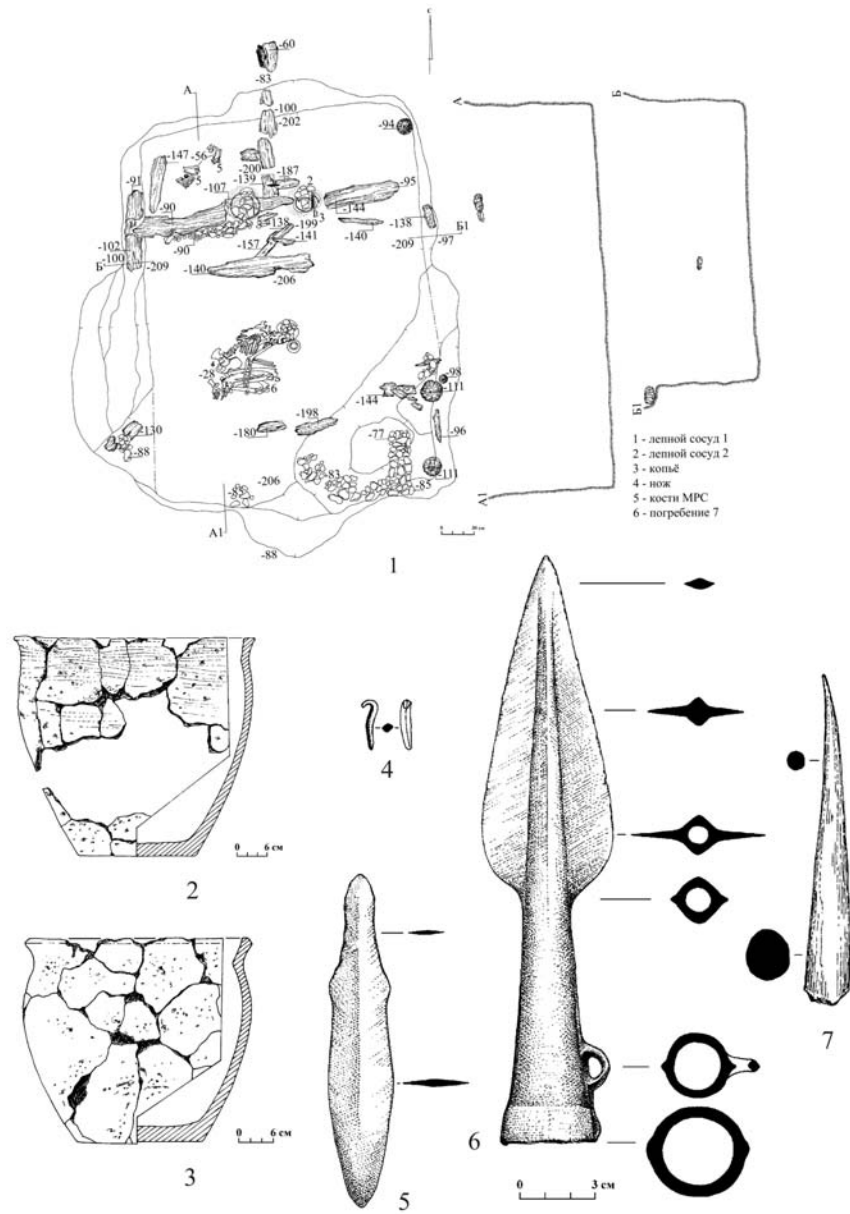

Рис. 3. Материалы Ивановского кургана (основное погребение):
 1 - план и разрезы погребения 8; 2, 3 - сосуды; 4 - «стрелало» или наконечник посоха;
 5 - нож; 6 - наконечник копья; 7 - часть древка из втулки копья.
 2, 3 - глина; 4-6 - бронза; 7 - дерево.

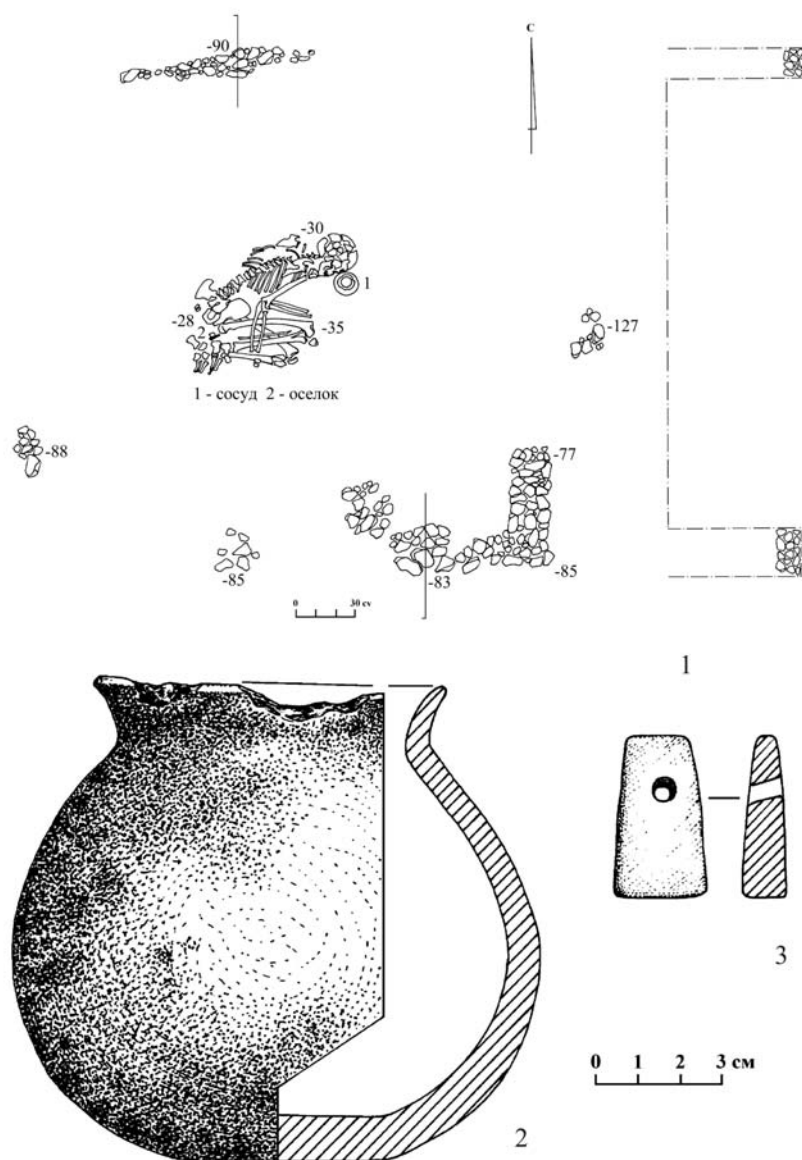

Рис. 4. Материалы Ивановского кургана (погребение 7):
 1 - план и разрез погребения; 2 - сосуд; 3 - оселок.
 2 - глина; 3 - песчаник.

Мельник В.И.

ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ У СЕЛА НИЖНЯЯ КРАСАВКА

В 1973 году археологическая экспедиция Саратовского государственного университета под руководством В.А.Фисенко провела раскопки трех пунктов эпохи бронзы у села Нижняя Красавка близ города Аткарска Саратовской области. Часть материалов этих раскопок, в том числе каменная мотыга, была передана в создающийся тогда Аткарский краеведческий музей и последующая судьба этих материалов неизвестна. Другая часть оставалась у В.А. Фисенко, но в связи с его смертью не сохранились ни материалы, ни документация. Представленные свидетельства основаны на записях, фотографиях и зарисовках автора, который был участником этой экспедиции.

Обследованные памятники располагались на мысах первой надпойменной террасы левого берега реки Медведицы северо-восточнее села Нижняя Красавка.

Ближайшее к этому пункту поселение находится на высоком трапециевидном в плане мысу примерно в 400 м от окраины села. Поселение было зафиксировано Ю.В. Деревягиным в 1966 году. План и фотография этого места, обозначенного как селище близ села Нижняя Красавка, даны в отчете. В описании памятника сказано, что он располагается в 400 м северо-восточнее села Нижняя Красавка, на верхней террасе реки Медведицы, между двумя оврагами. Поверхность его ровная и имеет наклон к оврагу с юго-западной стороны. На северо-восточной стороне находится яма диаметром около 6 м, глубиной 2,5 м и отвалом по краю высотой около 1 м [Деревягин, 1966. С. 9–10]. В 1968 году Ю.В. Деревягин произвел здесь разведочные раскопки. По краю обрыва северной угловой части поселения было вскрыто несколько квадратных метров. Основным материалом, происходящим из культурного слоя, была лепная керамика (около полутора сотен фрагментов сосудов) и кости домашних животных. Кроме этого был найден точильный камень [Деревягин, 1968. С. 31–33, рис. 132–139]. План, фотографии и описание полностью соответствуют тому объекту, который раскапывался В.А. Фисенко (рис.1). Краткие сведения об этом поселении есть и в публикациях Ю.В. Деревягина [Деревягин, 1971. С. 96; 1976. С. 128]. Это же поселение исследовалось Д.А. Хоркиным [Сергеева, Хоркин, 2001. С. 90–94] и затем В.А. Лопатиным [Лопатин, 2008. С. 69–93]. Н.М. Маловым оно обозначено как Нижнекрасавское селище-II [Малов, 2007. С. 52].

Материалы этого памятника представлены фрагментами лепной керамики, изделиями из камня, костями животных. Керамика, в основном, состоит из черепков с поверхностью серого и желто-розоватого цветов. Привлекают внимание два фрагмента с пышным орнаментом, нанесенным крупным зубчатым штампом (рис. 2, 1–2). Обломок верхней части одного сосуда имел горизонтальные желобки шириной 5–6 мм (рис. 2, 4). Интересен также черепок с вдавлениями палочкой, «жемчужинами» и, покрытый с обеих сторон расчесами и оттисками зубчатого штампа (рис. 2, 5). Обнаружено днище сосуда с придонной частью тулова. Диаметр днища – 8 см. На придонной части располагался орнамент, нанесенный шагающей гребенкой (рис. 2, 8). Встречены обломки острореберных сосудов. Остальная масса керамики не столь выразительна. Представленные фрагменты сосудов и их орнаментация тяготеют к покровским керамическим формам. Именно так определяется ныне значительная часть материалов, происходящая из более поздних раскопок этого поселения [Сергеева, Хоркин, 2001. С. 94; Малов, 2007. С. 52; Лопатин, 2008. С. 79–82].

Кроме керамики на поселении обнаружены метательный камень и мотыга. Метательный камень представляет собой обработанный кусок песчаника по форме приближающийся к яйцу. Длина его 8,5 см, диаметр 5–6 см (рис. 3, 2). Каменная мотыга была продолговато-округлой формы с выемками по бокам. Нижняя часть орудия имела острый угол. Размеры предмета: высота – 15 см, ширина в верхней части – 10 см, в нижней – 11 см, толщина до 4,5 см (рис. 3, 1). Подобная мотыга, судя по описанию, найдена в Саратовском Заволжье на реке Большой Иргиз [Синицын, 1949. С. 22]. Мотыга, происходящая из Волчьего оврага верховьев Хопра, практически равновелика по ширине и высоте [Кривцова-Гракова, 1941. С. 102–103, рис. 10]. Из района Центрального Казахстана можно назвать близкие по форме мотыги происходящие с поселений эпохи поздней бронзы Улутау и Суук-Булак [Маргулан и др., 1966. С. 240, 245, 251–252].

Севернее первого поселения на следующем пологом мысу также обнаружены свидетельства жизнедеятельности людей бронзового века. Обозначим это местонахождение как Нижняя Красавка-2а (рис. 3, 3). Здесь было заложено два шурфа, в которых обнаружено несколько черепков лепной посуды. Среди них выделяются два фрагмента, один из которых орнаментирован часто расположенными горизонтальными желобками, в результате чего черепок с внешней стороны имеет волнистый профиль (рис. 3, 4). Керамика близка формам Нижней Красавки-2.

Минуя один мыс в северном направлении, на обрывистом берегу у излучины реки зафиксированы следы еще одного местопребывания людей бронзового века (рис. 3, 5). Здесь, по обрыву была заложен раскоп. Побудительным мотивом для его закладки послужила находка под обрывом фрагмента лепного сосуда с изображением свастики (рис. 4, 1).

Раскопки дали немногочисленные фрагменты керамики, близкие по характеру фрагментам посуды с поселения Нижняя Красавка-2 (рис. 4, 3–8). Кроме того, здесь были найдены обломанное глиняное пряслице в виде усеченного конуса (рис. 5, 1), терочный камень (рис. 5, 2), обломок зернотерки (рис. 5, 3). Особо следует отметить обнаруженное на месте этого поселения частично разрушенное погребение. Часть костяка выше таза отсутствовала,

череп находился далеко в стороне. Однако первоначальную позу погребенного установить возможно: он лежал на левом боку с сильно согнутыми в коленях ногами головой на северо-восток (рис. 5, 6). Вблизи, по краю обрыва, были найдены части сосудов, может быть, связанные с погребением (рис. 5, 4–5). Один крупный сосуд имел в верхней части изображение косой свастики, чередующейся с косым крестом (рис. 4, 2). Фрагмент этого сосуда и был найден под обрывом (рис. 4, 1). Изображение свастики известно в срубно-андроновском круге культур. В предшествующее время оно связывается с синташтинским комплексом. Знаменательно то, что этот символ, распространенный ранее на значительно более южных территориях, привносится в степные районы [Мельник, 2001. С. 177].

Немногочисленность находок в данном месте и их сосредоточенность близ обрыва может говорить о том, что значительная часть этого объекта смыта рекой. Возможно также, что это была периферия основного поселения, поскольку, судя по фотографии Ю.В. Деревягина, севернее, на соседнем мысу располагалось поселение, известное ранее. Это поселение определялось Ю.В. Деревягиным как находящееся в 1 км к северо-востоку от села Нижняя Красавка (рис. 5, 7). Именно здесь была раскопана землянка и найден бронзовый нож, о которых упоминал П.С. Рыков [Деревягин, 1966. С. 8–9; 1971. С. 96]. Н.М. Маловым оно обозначено как Нижнекрасавское селище-I [Малов, 2007. С. 50–52]. Исходя из сказанного, будем считать наш объект Нижней Красавкой-1а.

Погребение, которое обнаружено В.А. Фисенко, могло иметь разную судьбу относительно упомянутого поселения. Оно могло быть с ним связано, но и могло появиться здесь раньше или позже времени его функционирования. Если предположить самостоятельную жизнедеятельность самого этого участка, то позиция погребения здесь имеет те же варианты. Наличие погребений на поселениях не исключительное явление, но в данном случае речь идет об археологических данных и потому соотношение действующего поселения и устроенного на данной территории погребения требует специального выяснения. К сожалению, документально подтвердить тот или иной вариант соотношения представляется весьма затруднительным.

В этой же местности, на левом берегу Медведицы в 400 м к юго-востоку от села Верхняя Красавка в 1965 году Ю.В. Деревягин зафиксировал поселение, которое он, исходя из подъемного материала, отнес к срубной культуре. В центральной части этого поселения в обрыве, образованном карьером, было раскопано нарушенное погребение подростка. Он лежал на левом боку скорченно, левая нога была поджата сильнее правой, череп отсутствовал. Головной частью скелет был ориентирован к югу и находился на глубине 1,4 м от поверхности. Автор раскопок счел возможным отнести это погребение к срубной культуре [Деревягин, 1965. С. 11–13]. Поскольку раскоп ограничивался лишь местонахождением погребения, вопрос о его соотношении с поселением остался открытым. На этом же поселении в 1966 году Ю.В. Деревягин произвел раскопки, но обозначил его как находящееся в 400 м южнее села Нижняя Красавка [Деревягин, 1966. С. 10–13]. Эта позиция была сохранена в публикации и здесь же было описано погребение раскопок 1965 года. [Деревягин, 1971. С. 96]. Н.М. Маловым данное поселение обозначается как Верхнекрасавское селище [Малов, 2007. С. 50].

При раскопках широкой площадью поселения Гуселка-II недалеко от Саратова, обнаружено единичное погребение. Погребение располагалось в центре поселения и здесь прослеживалось могильное сооружение. В заполнении могильной ямы встречались обломки глиняной посуды, аналогичные происходящим из культурного слоя поселения, отсюда последовал вывод о том, что погребение было совершено на действующем поселении. Это поселение и, соответственно, погребение связывались авторами со срубной культурой. Они также указали на другое погребение, раскопанное В.Ф. Ореховым на поселении срубной культуры в черте города Хвалынского, где при погребенном находились два сосуда срубного типа. Эти случаи и другие примеры, по мнению авторов, свидетельствуют о том, что у племен срубной культуры существовал обычай устраивать погребения прямо на поселении [Синицын, Фисенко 1972. С. 16-19]. Однако, утверждение о том, что погребения совершались в период существования поселения, при имеющейся аргументации, все-таки нельзя признать безусловными, хотя наличие такого варианта возможно.

Итогом исследований 1973 года, наряду с находками на поселении Нижняя Красавка-2, стало выявление двух новых объектов Нижняя Красавка-2а и Нижняя Красавка-1а (рис. 6).

Литература:

Деревягин Ю.В. Отчет об археологических разведках в 1965 г. в Саратовской области // Архив ИА РАН. 1965. Р-1. № 3059, № 3059а.

Деревягин Ю.В. Отчет об археологических разведках в 1966 г. в Саратовской области // Архив ИА РАН. 1966. Р-1. № 3228, № 3228а.

Деревягин Ю.В. Отчет о находках в 1968 г. в Саратовской области // Архив ИА РАН. 1968. Р-1. № 3655, № 3655а.

Деревягин Ю.В. Новые памятники в бассейне р. Медведицы // КСИА. 1971. Вып. 127.

Деревягин Ю.В. Юному туристу-археологу (выявление и охрана древних селищ на территории Саратовской области) // Изучай родной край и оберегай его богатства. Саратов. 1976.

Кривцова-Гракова О.А. Памятники бронзовой эпохи у селений Мокшан и Пустынь // Тр.ГИМ. 1941. Вып. XII.

Лопатин В.А. Поселение у с. Нижняя Красавка (по материалам 2007 года) // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 8. Саратов, 2008.

Малов Н.М. Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья: по материалам поселений срубной культурно-исторической области // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 5. Саратов, 2007.

Маргулан А.Х. и др. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.

Мельник В.И. Этапы эпохи бронзы восточноевропейских степей и свидетельства миграций // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация (материалы международной научной конференции). Самара, 2001.

Сергеева О.В., Хоркин Д.А. Охранные археологические исследования Саратовского областного центра дополнительного образования «Поиск» в 1998–2000 гг // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1998–2000 годах. Вып. 4. Саратов, 2001.

Синицын И.В. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья // СА. 1949. Вып. XI.

Синицын И.В., Фисенко В.А. Поселение срубной культуры Гуселка-II в окрестностях Саратова // Античный мир и археология. Вып. 1. Саратов, 1972.

1

2

3

Рис. 1. Поселение Нижняя Красавка-2: 1 - вид с севера; 2 - вид на прибрежную часть с юго-востока; 3 - разрез через овраг.

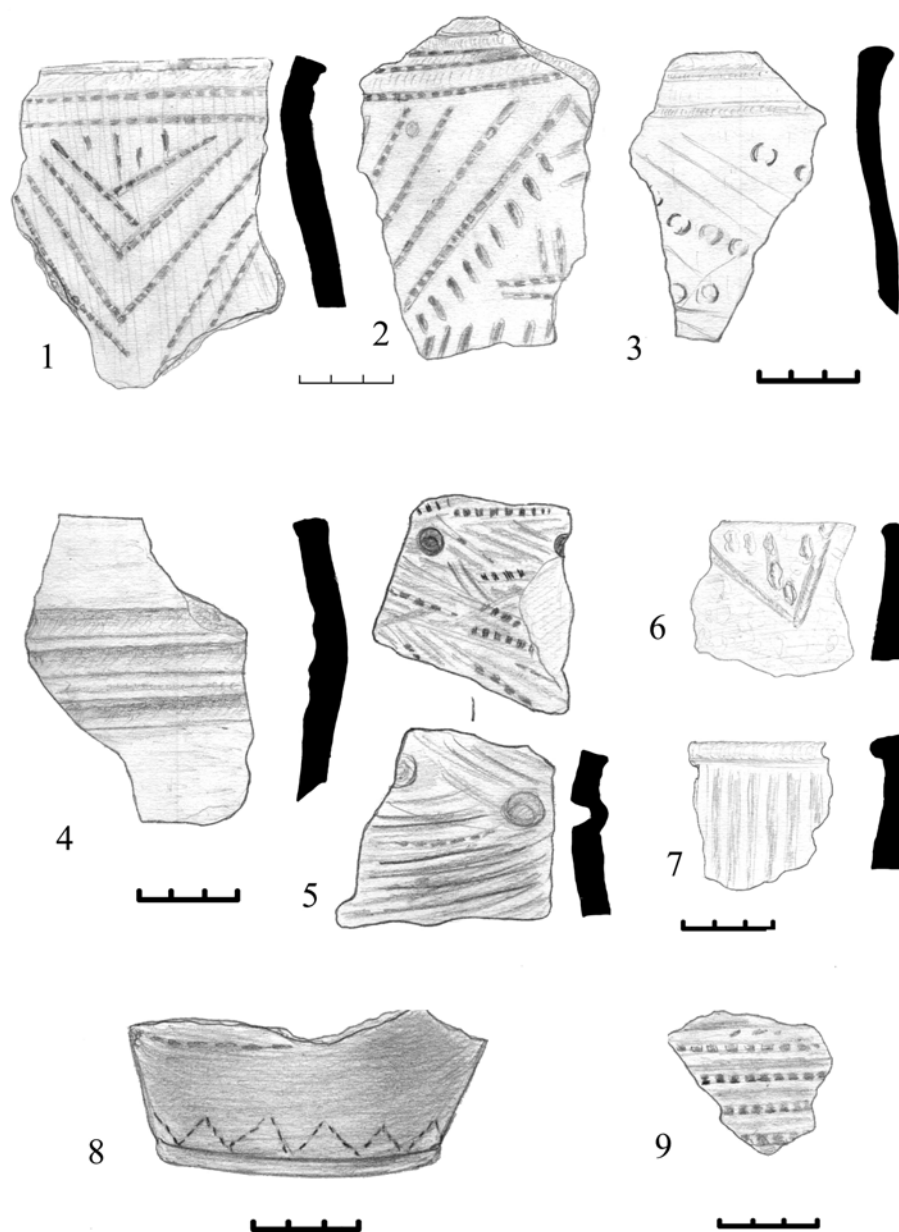

Рис. 2. Керамика с поселения Нижняя Красавка-2

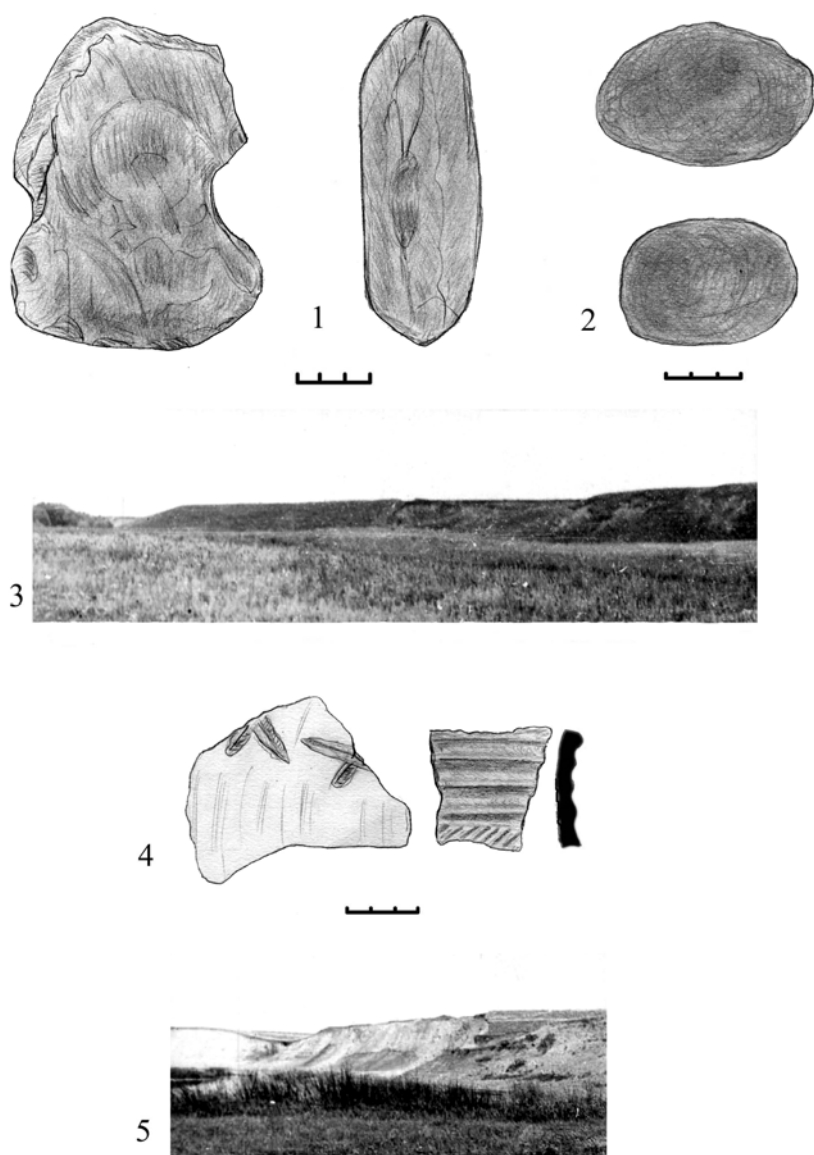

Рис. 3. 1 - мотыга с поселения Нижняя Красавка-2;
 2 - метательный камень с поселения Нижняя Красавка-2;
 3 - вид из поймы на местонахождение Нижняя Красавка-2а;
 4 - керамика с Нижней Красавки-2а;
 5 - вид из поймы на объект Нижняя Красавка-1а.

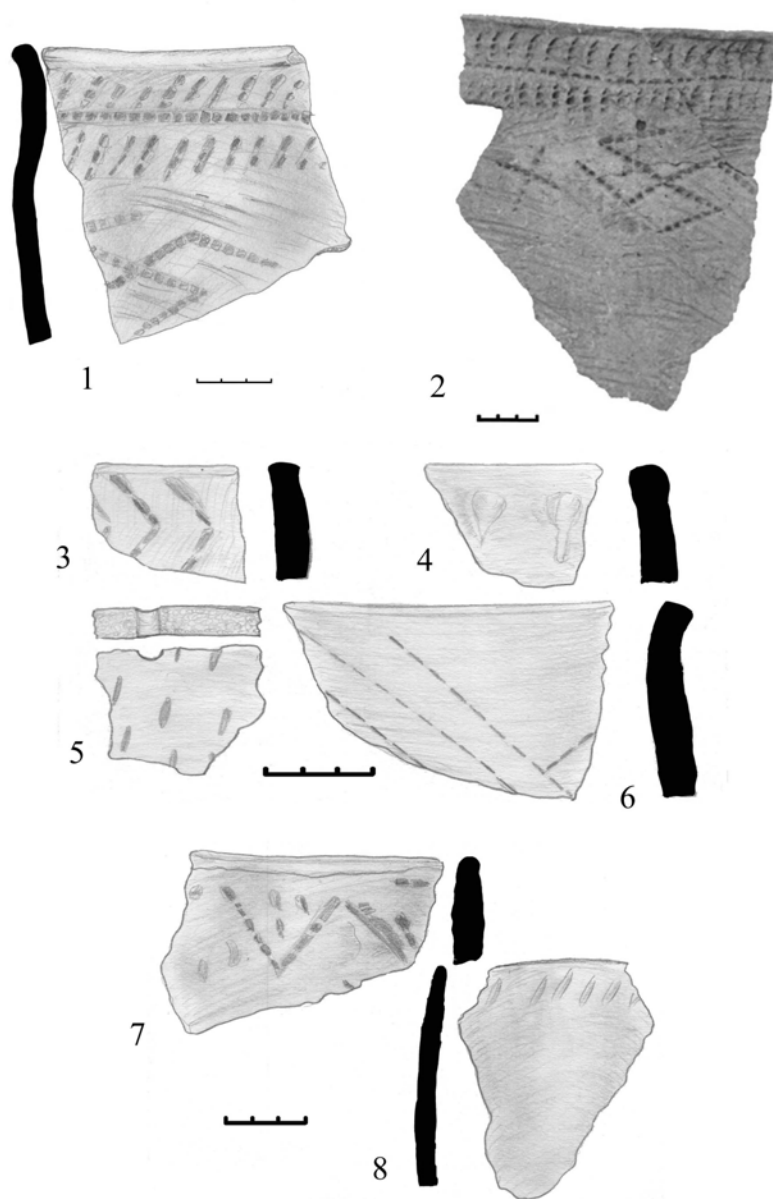

Рис. 4. Керамика Нижней Красавки-1а.

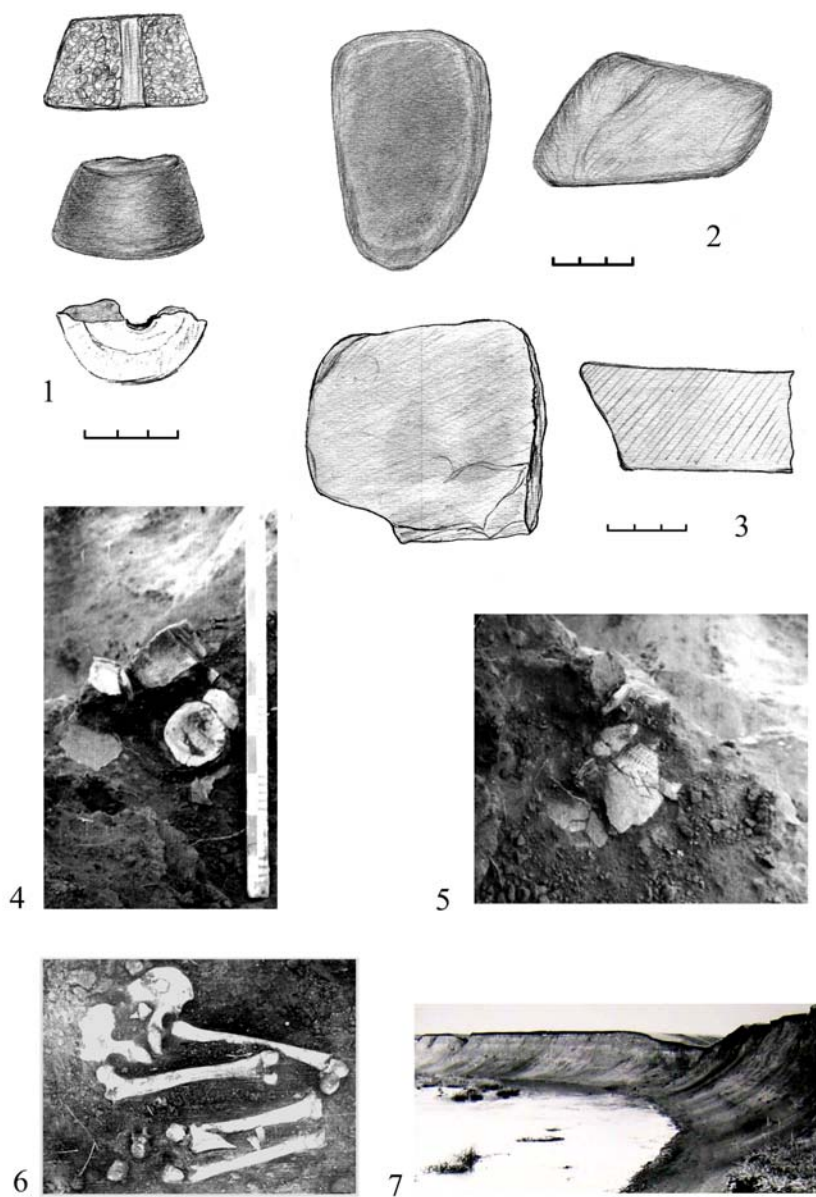

Рис. 5. 1-3 - находки на объекте Нижняя Красавка-1а;
4-6 - погребение на объекте Нижняя Красавка-1а;
7 - вид с реки на поселение Нижняя Красавка-1.

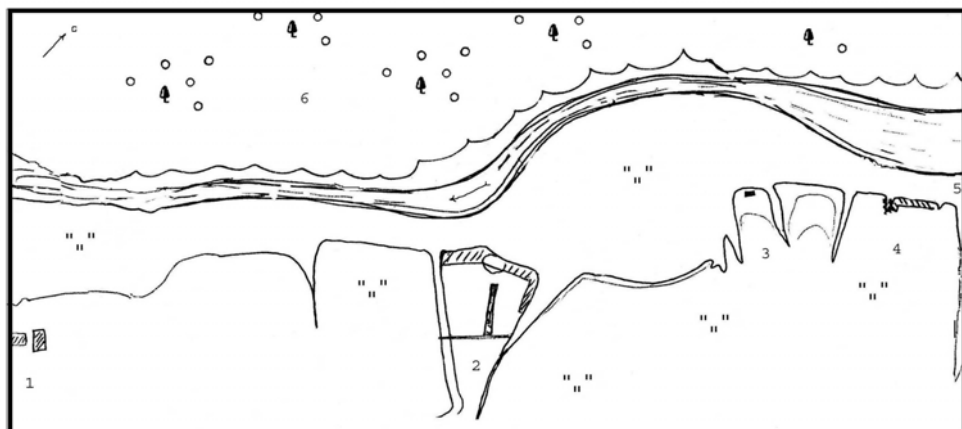

Рис. 6. Схема расположения археологических объектов северо-восточнее с. Нижняя Красавка:
1 – село Нижняя Красавка; 2 – поселение Нижняя Красавка-2;
3 – местонахождение Нижняя Красавка-2а; 4 – объект Нижняя Красавка-1а;
5 – поселение Нижняя Красавка-1; 6 – пойменный лес.

Бочкарев В.С.

ЗНАМЕНСКАЯ НАХОДКА

Одним из препятствий на пути успешного изучения металлопроизводства эпохи поздней бронзы Волго-Уральского региона является незначительное количество кладов металлических изделий. Особенно редко встречаются клады, которые относятся к самому концу этой эпохи.

В связи со сказанным, определенный интерес вызывает находка двуушкового кельта и копьевидного долота, сделанная в 1876 году в с. Знаменском (имении графа А.С. Уварова), Вольского у. Саратовской губ. Оба эти предмета были обнаружены вместе при проведении канавы глубиной два аршина (около 1,42 м). Эти сведения сообщаются в каталоге уваровской коллекции древностей, куда поступили кельт и долото из с. Знаменского [Каталогъ, 1887. С. 32. № № 88, 89]. Там же приводятся некоторые данные о размерах указанных предметов.

Знаменская находка не была опубликована, и упоминание о ней в литературе встречается крайне редко [Tallgren, 1916. P. 34]. Неизвестно также нынешнее место ее хранения. Но в 1964 г. при просмотре рукописного архива В.А. Городцова в ГИМе (д. № 89) я наткнулся на рисунки знаменских вещей, которые здесь мною и воспроизводятся (рис. 1, 1-2). Хотя рисунки выполнены в натуральную величину, они не очень хорошего качества и, возможно, не вполне точны. Рукою В.А. Городцова помечено, что оба предмета найдены вместе в с. Знаменском Вольского у. Саратовской губ. Кроме того, здесь же приведены данные об их размерах и указаны номера по каталогу собрания древностей А.С. Уварова.

Таковы доступные мне материалы о знаменской находке. В целом они дают о ней достаточно полное представление и позволяют вынести суждение относительно типологии и хронологии, входящих в нее металлических предметов. Но вначале приведу описание этих предметов.

Кельт имеет трапециевидную фаску и два ушка, которые располагаются непосредственно под валиком, опоясывающим край втулки (рис. 1, 1). Ниже, на уровне отверстий ушек, отлит еще один горизонтальный валик, но более узкий. К лезвию орудие заметно расширяется. Судя по форме фаски, оно имеет шестигранное поперечное сечение. По В.А. Городцову длина кельта составляет 12 см (по каталогу 2,5 вершка – 11 см), а ширина лезвия – 5 см.

Как уже сообщалось, вместе с кельтом было найдено цельнолитое втульчатое долото (рис. 1, 2). Край его втулки укреплен широким выпуклым валиком. Книзу орудие сильно сужается и завершается копьевидным острием. Сбоку оно имеет вид втульчатой стамески. Согласно данным В.А. Городцова, его длина составляет 14 см, а по каталогу – 3 целых и одна восьмая вершка (около 13,75 см).

Оба эти изделия имеют много аналогий в материалах эпохи поздней бронзы Восточной Европы. В особенности это касается кельта. Он принадлежит к широко распространенному типу кельтов с трапециевидной фаской и двумя ушками, расположенными ниже края втулки [Воскарев, Leskov, 1980. С. 55; Leskov, 1981. С. 16]. Е.Н. Черных отнес такие орудия, в основном, к разряду К-50 и частично к К-48 и К-52 [Черных, 1976. С. 81–83].

Ареал распространения кельтов этого типа очень большой. Он простирается от Урала до Поднепровья и северо-западного Кавказа. По степени концентрации находок выделяются три территориальные группы в этом ареале. Первая из них располагается в Нижнем Поднепровье, а некоторые ее находки заходят в Среднее Поднепровье и на Левобережную Украину. Эта группа представлена четырьмя металлическими изделиями и двумя литейными формами: Балаклея, Киевская и Подольская губ., Б. Знаменка (рис. 4, 1), Дремайловка (рис. 4, 3), Бондариха, Старая Игрень [Ханенко, 1899. С. 15, табл. X, 24; Воскарев, Leskov, 1980. С. 38. taf. 13, 115а. С. 33–34, taf. 14, 142]. Вторая группа охватывает обширный Волго-Уральский регион. Отсюда происходят 6 кельтов интересующего нас типа: Нижняя Павловка (рис. 1, 3), Южное Приуралье (рис. 2, 3), Пермь, 2-ой мурзихинский мог. (рис. 2, 1), Знаменское (рис. 1, 1), Засечное (рис. 2, 2) [Сальников. 1965. С. 160, рис. 1, 3–5; Aspelin. 1885. Fig. 139; Чижевский. 2002. С. 31–32, рис. 1, 13; Полеских. 1956. С. 43, рис. 16, 1]. К этой же группе можно отнести единичную находку кельта из Старой Калитвы в Воронежской обл. [Пряхин, Синюк, Матвеев, 1981. С. 283, рис. 3, 2]. Третья группа занимает территорию северо-западного Кавказа и часть сопредельных областей. Она самая многочисленная. В ее состав входят кельты из Бекешевской, Чишхо, Пхагугапе, Тауйхабля, Нечерезий (3 экз, рис. 3, 1, 2), Тишковского карьера, Темной Щели, Урупа, Русского, района г. Крымска, Тебердинского района Карачаево-Черкессии, Чегемского моста (рис. 3, 3), окрестностей городов Пятигорска и Железноводска, Тхмори [Иессен, 1951. С. 86–87, рис. 11, 4, рис. 12, рис. 21, 5; Тов, 2004. С. 302–303, рис. 1–4, рис. 6–8; Пелих, Фоменко, 2005. С. 67–68, рис. 1, 2, рис. 2, 1; Гамбашидзе. 1967, табл. IX, 1]. Вероятно, в эту же группу можно также включить беспаспортный кельт из Ростовского областного музея [Шарафутдинова, 1971. С. 45–46, рис. 16, 2].

Итак, всего на территории Восточной Европы сейчас найдено более 30 экземпляров кельтов с трапециевидной фаской и двумя ушками, опущенными ниже края втулки. Хотя формы для их отливки пока известны только на Украине, нет сомнений в том, что они также изготавливались в Волго-Уральском регионе и на северо-западном Кавказе. В пользу этого говорит присутствие локальных черт у некоторых местных кельтов. Так, только в третьей, кавказской, группе встречаются орудия, у которых верхняя, выступающая над ушками часть втулки имеет воронковидную форму. Эта особенность отмечена у кельтов из Пхагугапе, Тауйхабля, Чешхо, Нечерезий и

т. д. (рис. 3, 2, 3). С другой стороны, украинские экземпляры выделяются своими небольшими размерами и высоко расположенными ушками. Обычно ушки у них отлиты непосредственно под валиком, идущим по краю втулки. Есть свои особенности также у кельтов волго-уральской группы. В целом можно утверждать, что литье кельтов этого типа было налажено, по меньшей мере, в трех крупных регионах Восточной Европы. Вполне также вероятно, что раньше всего эти орудия начали изготавливать в Северном Причерноморье, а затем их производство распространилось в восточном направлении [Черных, 1976. С. 83].

Датировка кельтов этого типа устанавливается сравнительно просто, так как некоторые из них оказались в составе полноценных комплексов. В этой связи особенно интересны материалы из Северного Причерноморья, для которых разработана более или менее детальная хронология. Согласно одной из схем, металлопроизводство эпохи поздней бронзы указанного региона в своем развитии прошло пять этапов. Эти этапы соответствуют пяти металлообрабатывающим очагам, которые последовательно сменяли друг друга. Это срубный, лобойковско-голоуровский, красноаяцкий, кардашинско-новоалександровский и завадовский очаги [Bockarev, Leskov, 1980. S. 68–89; Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 8–16, рис. 1; Бочкарев, 2006. С. 53–65]. Для нашей темы особенно интересны два последних очага. Оба они принадлежали белозерской культуре, но кардашинско-новоалександровский очаг во времени предшествовал завадовскому. Последний завершает эпоху поздней бронзы в Северном Причерноморье. В совокупности оба эти очага, как и белозерская культура, датируются в пределах XII–X вв. до н. э.

Напомню, что на территории Украины комплексные находки кельтов интересующего нас типа представлены дремайловским кладом (рис. 4, 4) и литийскими формами из Старой Игрени и Бондарихи. Все три комплекса датируются временем белозерской и бондарихинской культур, то есть 12–10 вв. до н. э. [Bockarev, Leskov, 1980. S. 68–69]. Но первый из них следует связывать с кардашинско-новоалександровским очагом, а два остальных – с завадовским. Это означает, что дремайловский клад датируется несколько более ранним временем, чем староигренская и бондарихинская формы. В связи с этим отмечу, что кельт из Дремайловки немного отличается от других кельтов указанного типа. Среди украинских находок он выделяется своими крупными размерами, а среди других двуушковых кельтов с трапециевидной фаской – необычно длинными ушками. Они занимают почти половину длины орудия. Такими же ушками снабжен и один из кельтов бекешевского клада, который, согласно новейшим данным, также следует относить к началу белозерского этапа [Иессен, 1951. С. 86, рис. 21, 5; Бочкарев, Пелих, 2008. С. 65]. Но на Кавказе так же, как и на Украине, известны и более поздние кельты этого типа. Их нужно относить к концу белозерского этапа. В качестве примера сошлюсь на кельт из тхморского клада в Западной Грузии [Гамбашидзе, 1963. Табл. 9, 1]. Он имеет крупные ушки овальной формы, которые занимают только треть длины орудия.

В Волго-Уральском регионе известны три комплексные находки, в состав которых входили кельты с трапециевидной фаской и двумя ушками, опущенными ниже края втулки. Кроме знаменского комплекса, это нижнепавловский клад (рис. 1, 3, 4) и пог. № 183 из 2-ого мурзихинского мог. (рис. 2, 1) в

Татарии [Чижевский, 2000. С. 31–32, рис. 1, 3]. В хронологическом отношении особенно важно мурзихинское погребение, которое относится к маклашеевской культуре. Эта культура может быть датирована XII–X вв. до н. э. и синхронизирована с белозерской культурой Северного Причерноморья. В маклашеевских памятниках встречаются такие характерные белозерские изделия, как стержневидные псалии усатовского и белогрудовского типов, ножи широчанского типа и т. д. [Халиков, 1980. Табл. 15, 17, 19; 53, 5, 7, 11]. В этот же ряд аналогий может быть поставлен и кельт из мурзихинского погребения № 183.

Подводя итог рассмотрению знаменского кельта, следует еще раз подчеркнуть, что он принадлежит к одному из восточно-европейских типов, широко распространенному на заключительном этапе эпохи поздней бронзы. Как и для других кельтов этого времени, для него характерны крупные ушки, размещение их ниже края втулки, расширенная лезвийная часть, и в ряде случаев – округлая втулка. Орудия этого типа отливались на территории Украины, северо-западного Кавказа и Волго-Уралья. Их использовало население белозерской, бондарихинской и маклашеевской культур. В сравнительно больших количествах они также отливались в прикубанском очаге металлопроизводства.

Цельнолитое втульчатое долото из с. Знаменского так же, как и кельт из этой находки, имеет большое число аналогий. Но почти все они находятся за пределами Восточной Европы. Такие копьевидные долота были широко распространены в эпоху поздней бронзы в южной Сибири, Казахстане и Средней Азии. Не исключено, что знаменский экземпляр имеет также восточное происхождение. На это может указывать такая его черта, как широкий и выпуклый валик, окаймляющий край втулки. Интересно, что свой рисунок этого орудия В.А. Городцов снабдил такой надписью: «Тип совершенно совпадает с сибирским».

Судя по комплексным находкам, открытым к востоку от Урала (клады из Шамши, Садового, Ростовки, Турксиба и т. д.; поселения Мыржик, Дальверзин, Берикгуль, Белый Яр-5 и т. д.; погребения Измайлово и т. д.), цельнолитые копьевидные долота существовали сравнительно длительное время. Они появились в культурах с валиковой керамикой и вышли из употребления в раннем железном веке.

Что касается Восточной Европы, то здесь цельнолитые копьевидные долота встречаются редко. С территории Волго-Уралья, кроме знаменского экземпляра, мне известны только три их находки: ст. Арчадинская (Новочеркасский муз.), Апалиха (Хвальинский муз.) и Нижняя Павловка (рис. 1, 4). Конечно, наибольший интерес вызывает нижнепавловский и знаменский комплексы. В состав каждого из них входят два изделия – копьевидное долото и кельт. Но особенно интересно то обстоятельство, что эти комплексы совершенно идентичны в типологическом отношении. Они содержат одни и те же типы металлических изделий и, с точки зрения археологической периодизации, являются одновременными. Если ориентироваться на хронологию кельтов, то их нужно отнести к заключительному этапу эпохи поздней бронзы Волго-Уральского региона. Доступные сейчас данные о времени существования цельнолитых копьевидных долот предложенной датировке этих комплексов не противоречат.

Завершая работу, подведем ее некоторые итоги. Обстоятельства и условия обнаружения знаменской находки, типологический состав входящих в нее вещей позволяют ее отнести к категории кладов. Ее полной аналогией является нижнепавловский клад из Оренбуржья. Эти комплексы составляют единый и самый поздний кладовый горизонт эпохи бронзы Волго-Уралья. По времени он соответствует заключительному этапу маклашевской культуры и завадовской группе комплексов Северного Причерноморья. На Востоке его можно синхронизовать с ирменскими древностями, а на Кавказе – с раннекобанскими памятниками.

Литература:

Бочкарев В.С. Северопонтийское металлопроизводство эпохи поздней бронзы // Производственные центры. СПб., 2006.

Бочкарев В.С., Пелих А.Л. К хронологии прикубанского очага металлургии и металлообработки // Отражение цивилизационных процессов в археологических ультурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Владивавказ, 2008.

Гамбашидзе О. Тхморский клад. Тбилиси, 1963.

Дергачев В.А., Бочкарев В.С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев, 2002.

Каталог собрания древностей графа Александра Сергеевича Уварова (отд. 1-2). М., 1887.

Пелих А.Л., Фоменко В.А. Новые металлические предметы позднебронзового времени с территории Центрального Предкавказья // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 5. Армавир, 2005.

Полесских М. В недрах времени. Пенза, 1956.

Пряхин А.Д., Снюк А.Т., Матвеев Ю.П. Терешковский клад эпохи поздней бронзы. СА. 1981. № 3.

Сальников К.В. Кельты Зауралья и Южного Урала // Новое в советской археологии. М., 1965.

Тов А.А. Бронзовые кельты с южного берега Краснодарского водохранилища // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 3. Армавир, 2004.

Халиков А.Х. Приказанская культура. САИ. В 1-24. М., 1980.

Ханенко Б., Ханенко В. Древности Поднепровья. Каменный и бронзовый века. Киев, 1899.

Черных Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М., 1976.

Чижевский А.А., Халикова Е.А. и проблема хронологии маклашевского этапа приказанской культуры // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань, 2002.

Шарафутдинова Э.С. Металлические орудия кобьяковской группы поселений эпохи поздней бронзы. КСИА. 127. М., 1971.

Aspelin J.R. Antiquites du Nord Finno-Ougrien. 1-5. Fig. 139. 1885.

Bockarev V., Leskov A. Jung-und spatbronzezeitliche Gussformen im nordlichen Schwarzmeergebiet. Munchen, 1980.

Leskov A. Jung-und spatbronzezeitliche Depotfunde im nordlichen Schwarzmeergebiet 1 (Depots mit einheimischen Formen). Munchen, 1981.

Tallgren A.-M. Collection Zaoussailov au Musee Historioue de Finlande a Helsingfors. 1. Helsingfors, 1916.

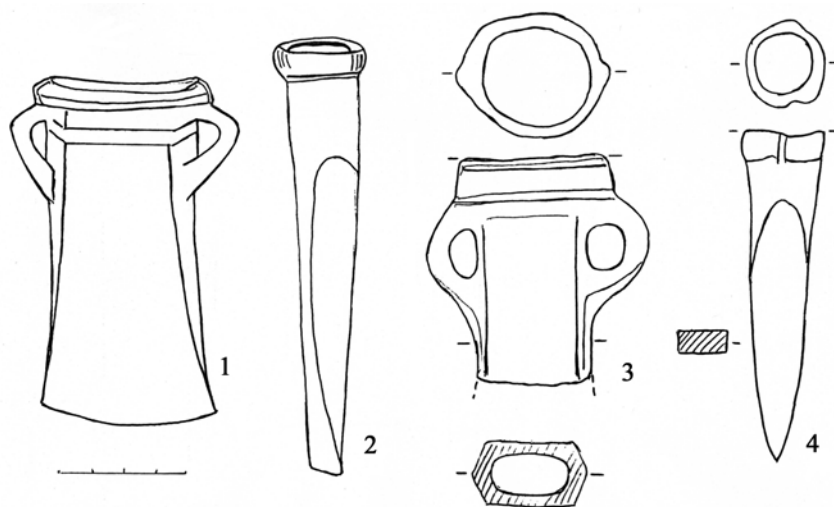

Рис. 1, 1, 2. - с. Знаменское (рис. В.А. Городцова);
3, 4 - Нижняя Павловка (рис. О.В. Кузьминой)

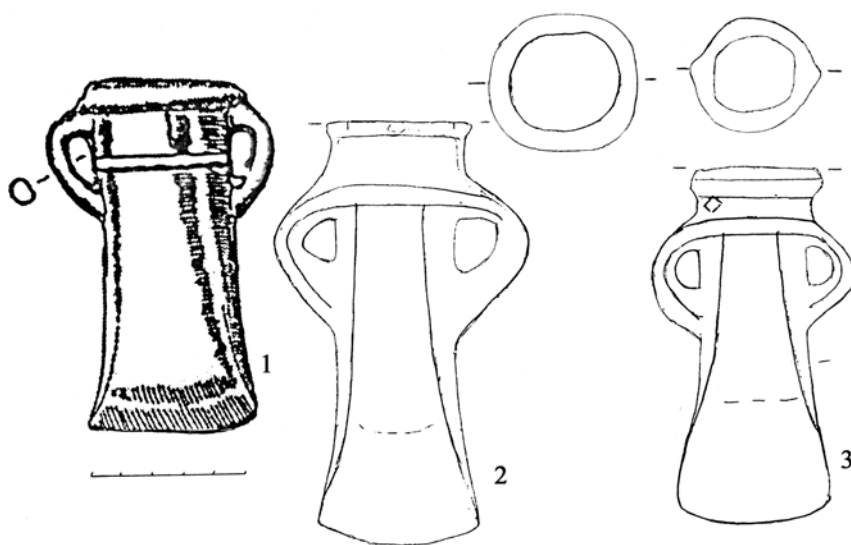

Рис. 2. 1-2-й мурзинский мог. Пог. 183 (по А.А. Чижевскому);
2 - Засечное (рис. О.В. Кузьминой);
3 - Оренбургский музей № 551 (рис. О.В. Кузьминой).

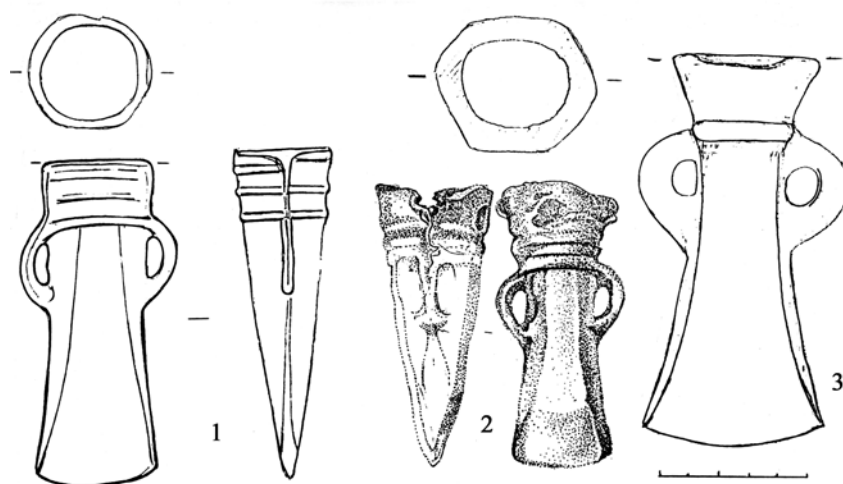

Рис. 3. 1, 2 - Нечерезий; 3 - у Чегемского моста (Сев. Осетия).

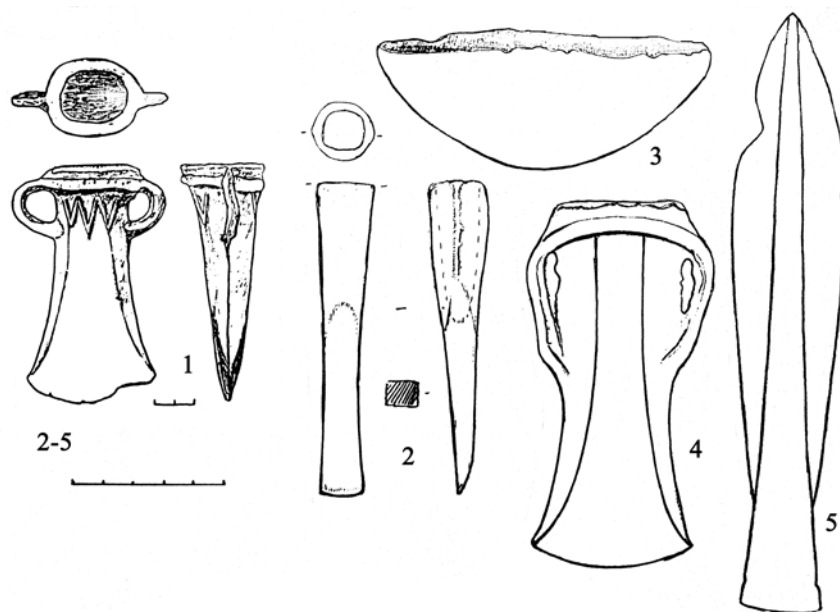

Рис. 4. 1 - Большая Знаменка (по Г.Н. Тоцеву);
2-5 - Дремайловка (3, 5 рис. О.А. Гривцовой-Граковой).

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Яблонский Л. Т.

НОВЫЕ РАСКОПКИ ФИЛИППОВСКОГО I МОГИЛЬНИКА

Введение. Филипповский могильник – краткая история исследования.

Наиболее поздние памятники эпохи поздней бронзы датируются в Южном Приуралье IX–VIII вв. до н. э., а наиболее ранние захоронения кочевников эпохи раннего железного века не ранее второй половины VI в. до н. э. Таким образом, между памятниками обеих эпох фиксируется значительная хронологическая лакуна. Уже этот факт свидетельствует о том, что ранние кочевники Южного Приуралья были мигрантами. И именно степи Южного Приуралья рассматриваются в науке, как тот регион, где в окончательном виде сформировалась раннесарматская (прохоровская) культура. Большое значение для понимания времени и особенностей формирования этой культуры имеет Филипповский I курганный могильник.

В 2004–2007 гг. Приуральская экспедиция Института археологии РАН продолжила раскопки этого памятника, расположенного на территории Илекского района Оренбургской области, в междуречье Урала и Илека.

Могильник давно получил мировую известность, благодаря выдающимся находкам, сделанным в ходе его раскопок в период 1986–1990 гг., которые проводились экспедицией под руководством А.Х. Пшеничнюка (Пшеничнюк, 1989, 1996, 1997, 1999; Pshenichnuk, 2001). Могильник насчитывал 29 курганов. Два самых больших кургана (№ 1 и № 4) располагались в центральной части памятника. Диаметр их насыпей превышал 80 м, а высота достигала 7–8 м. Курганы таких размеров, по традиции скифской археологии, обычно называют «царскими».

Экспедицией А.Х. Пшеничнюка были найдены сотни уникальных драгоценных находок, имеющих огромную историческую и художественную ценность. Большая часть из них была обнаружена в тайниках царского кургана № 1 (The Dolden Deers..., 2001).

1. Раскопки 2004–2005 гг.

После 1990 г. раскопки памятника были остановлены, и он постоянно подвергался разрушению грабителями. Исследование его удалось возобновить только в 2004 г. силами Приуральской экспедиции ИА РАН в содружестве с Оренбургским педагогическим университетом, которые возглавлял

автор этой статьи (зам. нач. экспедиции – Д.В. Мещеряков, Оренбург). С тех пор здесь были исследованы еще девять насыпей, включая второй царский курган (№ 4).

Курган № 11, высотой 3,5 м, в диаметре достигал 60 м. Под центральной частью насыпи обнаружена широкопрямоугольная могильная яма. От ее южного борта отходил коридорообразный вход-дромос. В центре ямы, напротив устья дромоса располагался глинобитный очаг-жертвенник. Удалось проследить, что на поверхности очага несколько раз разжигали огонь. И камера, и дромос, перекрыты бревнами тополя.

Курган грабили несколько раз. Тем не менее, четыре человеческих скелета были расчищены на дне ямы в непо потревоженном состоянии. Их сопровождали различные вещи, включая наборы конской упряжи, бронзовых наконечников стрел, бронзовое зеркало, большую бронзовую жаровню, железный меч, железный кованый шлем, круговые сосуды среднеазиатского и кавказского производства. Два копья с массивными железными наконечниками стояли в вертикальном положении. Все эти находки позволяют датировать курган в пределах второй половины V–IV вв. до н. э. по региональной хронологической шкале [Смирнов, 1964].

Курган № 13 имел сходные габариты. Под центральной частью насыпи была обнаружена погребальная камера, похожая на ту, что была найдена в кургане 11, но в плане она имела округлую форму. Глубина ямы – 2,5 м. Коридорообразный дромос отходил от камеры в юго-восточном направлении. И камера, и дромос перекрыты бревнами из стволов тополя, которые в ходе погребального ритуала были полностью сожжены. Нижние слои насыпи над бревнами сильно прокалены, и в них находились большие куски глиняного шлака.

В центре камеры, на полу, в створе с устьем дромоса находился квадратный в плане глинобитный очаг, аналогичный тому, что обнаружен в кургане 11.

Погребальная камера несколько раз подвергалась ограблению, как в древности, так и в современности. Но в ней найдены железный меч, так называемого, переходного типа, бронзовый наконечник стрелы и, у очага, – золотая бусина.

Два подземных хода вели к погребальной камере. Они начинались из-за пределов собственно насыпи. Один из них длиной 15 м при глубине 2,5 м от поверхности материка и шел с востока. Он подходил к стенке дромоса, но не пробивал ее. В этом ходе никаких находок не было.

Другой подземный ход длиной 18 м при глубине 3 м, шел с запада и входил в центральную часть западной стенки погребальной камеры. В начале входа имелась ступенька, на поверхности которой были найдены остатки шкуры барана (четыре копыта в сочленении с бабками). На полу коридора, в его начале, были расчищены многочисленные кости лошади. Некоторые из них находились в правильном анатомическом сочленении.

Комплекс вещей найден на полу хода в центральной его части. Среди них железный меч «переходного» типа, железный нож с загнутым вверх кончиком и бронзовый наконечник стрелы. Недалеко от погребальной камеры, на полу подземного хода, стоял на основании человеческий череп в сочленении с нижней челюстью и первыми шейными позвонками.

Мы предполагали, что голова человека является свидетельством ритуальных действий, а сам ход не является грабительским, и тоже составлял часть погребального ритуала [Яблонский, Мешеряков, 2006]. Позже аналогичный подземный ход, который также сделан в ритуальных целях, был обнаружен при раскопках кургана 28 (см. об этом ниже). Курганы 11 и 13 датируются в пределах второй половины V–IV вв. до н. э.

Курган 26 был ограблен в наши дни. Под разрушенной насыпью здесь была найдена округлая в плане погребальная камера глубиной около 3 м. От нее строго в южном направлении отходил дромос. Среди прочих находок здесь найден установленный вертикально колчан, который содержал 226 разнотишных бронзовых наконечников стрел.

Курган 28 был ограблен в наши дни с помощью экскаватора. Тем не менее, на полу погребальной камеры мы расчистили пять человеческих скелетов вместе с сопровождавшим их инвентарем.

С юго-востока к камере подходил подземный ход. В устье его, при входе в камеру стоял железный чешуйчатый доспех. На полу центральной части хода был расчищен скелет, принадлежавший юноше. При нем были найдены железный меч, бронзовые наконечники стрел, костяная ложечка с резной рукояткой и изображением головы волка на конце, а также костяные нашивки на головной убор, выполненные в стилизованном зверином стиле. Находками этот скелет синхронизируется с теми, что найдены в пределах погребальной камеры, в пределах второй половины V–IV вв. до н. э. Теперь мы можем быть уверены, что подземные ходы Филипповки составляли часть погребального ритуала, а не были оставлены грабителями [Ср.: Болтрик, 2000].

Многоактное захоронение обнаружено под насыпью кургана 15. Здесь на поверхности древнего горизонта устроен глинобитный, квадратный в плане, очаг. Вокруг него располагались на поверхности горизонта 10 скелетов, которые лежали парами с противоположными ориентировками. Вся площадь погребальной площадки перекрыта бревнами из стволов тополя, лежавшими в один слой радиально. Среди находок отметим звено многочастного украшения в виде золотой с перегородчатой эмалью подвески с профильным изображением человека в шапке-тиаре (рис. 1). Это изображение имеет стилистические аналогии на печатях из сокровищницы во дворце Персеполя и датируется серединой – второй половиной V в. до н. э. [Балахванцев, Яблонский, 2007].

Погребальная камера кургана 16 также имела дромос, отходящий на юг. И камера, и дромос, были перекрыты бревнами, которые полностью сгорели в ходе погребального ритуала. Камера полностью ограблена еще в древности, но здесь сохранилась в обломках круговая фляга хорезмийского производства. В северной стенке ямы, напротив устья дромоса сделана цилиндрической формы ниша. На полу ее расчищен скелет задней части лошади и кости скелета юноши, который, как это было выявлено, стоял в нише в вертикальном положении, без сопровождающего инвентаря. Вероятно, в данном случае мы имеем дело с жертвоприношением.

Под насыпью курганов 15 и 16 найдены впускные погребения, которые располагались в лагах насыпей, вокруг центральных захоронений. В одном из них захоронена молодая женщина с новорожденным ребенком. Сопровождавший ее инвентарь представлен украшениями, конской упряжью, ору-

диями для выделки кожи и деревянной чашей, богато украшенной золотыми и серебряными накладками [Яблонский, Рукавишникова, 2006].

В могиле с подбоем захоронена старуха. В число предметов сопровождавшего ее инвентаря входил набор для нанесения татуировок, который состоял из каменной палитры для размешивания красок, костяной ложечки, костяной иголки, вставленной в кожаный мешочек, бронзового зеркала и железного ножа с загнутым концом лезвия (рис. 2).

В одном из мужских захоронений найден серебряный колчаный крюк с синкретичным изображением грифона и пантеры (рис. 3) и серебряная накладка на деревянный сосуд в виде изображения рыбы (рис. 4).

3. Раскопки царского кургана в 2006 г.

Летом 2006 года Приуральская экспедиция Института археологии РАН провела раскопки кургана 4 могильника Филипповка-1.

Этот курган весной 2005 года подвергся попытке ограбления с использованием мощного экскаватора. Грабители прорыли две траншеи шириной до 5 м и глубиной свыше 7 м, которые под углом сходились в центре кургана и, расширяясь там, образовывали карьер неправильной подчетыреугольной в плане формы. Силами Приуральской экспедиции траншеи и карьер в 2005 году были засыпаны. Однако, дальнейшее разрушение кургана под воздействием как природных, так и антропогенных факторов представлялось неминуемым. Ситуация осложнялась тем, что предстояло совершить большой цикл земляных работ по полной передвижке огромной насыпи кургана.

До раскопок насыпи ближайшее пространство вокруг нее (на ширину до 30 м) было расчищено до материка. В результате к северу от кургана найдена воронкообразная водосборная яма глубиной свыше 3 м.

У южной полы насыпи на поверхности древнего горизонта расчищены отдельные скопления костей лошади, в том числе, почти полные скелеты, а также лошадиные черепа (9 штук), которые лежали в один ряд затылочными частями на юг.

Под насыпью кургана прослежена деревянная конструкция перекрытия центральной погребальной камеры, которая состояла из бревен, уложенных в радиальном направлении в 7-10 слоев и слоев хвороста, которые перекрывали внешние концы бревен. Конструкция сожжена в ходе погребального ритуала и фиксировалась в сильно обугленном состоянии.

В юго-западном секторе кургана, в толще нижних слоев насыпи обнаружен жертвенный комплекс: здесь находилась шкура крупного хищника (от нее сохранились кости четырех лап и массивные когти). В пределах шкуры лежал скелет крупной хищной птицы с когтистыми лапами, возможно, сокола, а также многочисленные детали уздечек – бронзовые и костяные (различного рода бляшки, нашивки, ворворки, чомбурные петли и т. д.). Многие из этих предметов были выполнены в традициях «звериного» стиля. Здесь же – несколько пар бронзовых и железных удил и псалиев (в общей сложности – около 200 предметов).

Под насыпью кургана обнаружено пять могильных ям.

Погребение 1 фиксировалось в самых верхних слоях насыпи. Сохранилось захоронение мужчины зрелого возраста, который лежал в деревянной гробовине без сопровождающего инвентаря. На крышке гробовины были расчищены четыре копыта и астрагалы лошади, которые находились в пра-

вильном анатомическом сочленении. По-видимому, поверх гроба была уложена лошадиная шкура. Это захоронение, является впускным и, вероятнее всего, датируется эпохой раннего средневековья.

Еще два впускных захоронения (№ № 2 и 3) находились в восточной поле насыпи, и одно (№ 4) – в западной. Направление длинных осей этих могильных ям соответствовало направлению края насыпи кургана в данных секторах. Эта ситуация хорошо известна по курганам раннесарматской культуры Поволжья и Приуралья – вокруг центрального захоронения в один, иногда – в два или даже три ряда располагаются дополнительные, впускные погребения, образующие круговые планировки.

В центральной части насыпи было найдено основное погребение (№ 5). Оказалось, что погребения № № 2–5 являются синхронными и датируются раннесарматским временем.

Все впускные захоронения оказались не потревоженными грабителями и, таким образом, представляют собой «закрытые» археологические комплексы. Ямы впускных захоронений прослеживались с уровня выше поверхности погребенной почвы и сделаны, когда нижние слои насыпи вокруг центрального захоронения уже существовали.

Погребение 2 принадлежало пожилому по тем временам (50–55 лет) воину. Он был захоронен в глубокой (около 4 м) подпрямоугольной в плане яме. Вдоль ее длинных бортов были устроены заплечики, на которых располагались бревна поперечно перекрытия. Погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой в южный сектор.

В юго-восточном углу могилы находился железный чешуйчатый панцирь [Рукавишников, Рукавишникова, 2008], а в юго-западном углу, в пол погребальной камеры, был воткнут вертикально массивный железный наконечник копья (его деревянное древко не сохранилось). На груди погребенного находилась гривна с заходящими концами. Она выполнена из литого золотого прута. Концы гривны украшены объемными фигурками лежащих в полный рост хищников кошачьей породы, вероятно, львов (рис. 5).

Поперек бедер, рукоятью у правой кисти лежал короткий железный меч-акинак. Перекрестие меча золотое, бабочковидной формы с гравированным изображением многофигурной композиции в зверином стиле. На рукояти, покрытой золотым листом, изображена сцена терзания. Поверхность клинка с обеих сторон инкрустирована золотом. Инкрустация изображает сцену охоты на вепря и сцену жертвоприношения оленя. Темляк меча украшала крупная хрустальная граненая бусина.

Острие меча располагалось поверх скопления бронзовых наконечников стрел (более 200 разнотипных экземпляров). На головках некоторых наконечников прослеживались различные тамгаобразные знаки.

В районе левого локтя располагался массивный золотой чашевидный предмет конусообразной формы с отверстием в дне, а несколько выше – массивная золотая литая пряжка в виде фигурки лежащего тигра (рис. 6). Пряжка имела две прорези, расположенные взаимоперпендикулярно. Она служила в качестве обоймы для перекрестия ремней португеи. Конусообразный предмет являлся умбоном горита. От самого горита сохранились переплетенные прутья, на поверхности которых фиксировались следы кожи. Изо-

бражения таких умбонов хорошо известны по скифским изваяниям V–IV вв. до н. э. [Ольховский, Евдокимов, 1994, С. 73].

Погребение 3 располагалось неподалеку от погребения 2 и к северу от него. На дне глубокой могильной ямы с заплечиками и бревнами перекрытия был расчищен скелет молодого мужчины-воина. Погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой в южный сектор. Справа от скелета, под бортом погребальной камеры *in situ* располагались две металлические детали копья – массивный железный наконечник, типологически аналогичный вышеописанному и серебряный литой вток в виде трубки с резным окончанием и железным набалдашником. Судя по взаиморасположению наконечника и втока, общая длина копья составляла 3,2 м.

На шею погребенного надета гривна с заходящими концами, сделанная из золотого литого прута. Она типологически сходна с описанной выше. Концы предмета украшены объемными фигурками лежащего хищника кошачьей породы, вероятно, льва.

Поперек бедер, рукоятью к правой кисти лежал железный меч-акинак.

У левого бедра находилась золотая деталь горита – массивный умбон, типологически аналогичный вышеописанному, и портупейная пряжка (обойма для перекрестия ремней портупей), выполненная в виде пластины с двумя изнаночными железными петлями (рис. 4). Лицевая поверхность пряжки покрыта золотой фольгой со штампованной многофигурной композицией в зверином стиле – голова оленя и грифонов (рис. 7).

Рядом с левой бедренной костью, ниже тазобедренного сустава, найден портупейный крюк. Он сделан из литого серебра и изображает композицию из голов ушастого грифона и пантеры. Детали животного и мифической птицы покрыты глубокой гравировкой, заполненной золотом в технике плакировки. Крюк аналогичен найденному в кургане 16 (см. выше).

У левого бедра располагался железный, боевой топор-клевец.

Поверх острия меча находился колчан, наполненный стрелами, от которых сохранились бронзовые наконечники (более 60 экземпляров). Головки некоторых наконечников покрыты тамгообразными знаками.

Между скелетом и наконечником копья стояла деревянная чаша от которой, помимо древесного тлена, сохранилась золотая накладка на венчик (рис. 8). Она представляет собой ажурную пластину с гравированным изображением в зверином стиле (олень).

Погребение 4 находилось в западной поле насыпи кургана и фиксировалось в нижней части насыпи, выше поверхности погребенной почвы. Могильная яма по форме приближалась к широкому прямоугольнику и достигала глубины около 4 м от поверхности, с которой она начиналась. Длинной осью яма ориентирована параллельно краю насыпи кургана в данном секторе. Вдоль длинных бортов могильной ямы проходили заплечики, на которых в поперечном направлении лежали бревна перекрытия, от которых на поверхности заплечиков сохранились отпечатки. На поверхности восточного заплечика найден массивный железный наконечник копья, типологически аналогичный описанным выше из погребений 2 и 3.

На дне погребальной камеры расчищены два скелета. Захоронение парное, одновременное. Оба погребенных лежали на спине, головой в южный сектор, в вытянутом положении.

Восточный скелет принадлежал молодому мужчине. Погребенный лежал вытянуто на спине лицом в сторону погребенной с ним девушки. В головах погребенного лежал железный меч-акинак, поверх которого находился серебряный сосуд. Сосуд имел полую ручку с носиком-сливом, изображающим крыло. Ручка-слив украшена изображением барельефной фигуры бородатого быка (рис. 9). Другая ручка сосуда утрачена в древности, и место ее крепления к корпусу тщательно запаяно и зашлифовано. Этот сосуд имеет довольно близкую аналогию в коллекции из Дуванли (Болгария). Там сосуд датируется в пределах V в. до н. э. [Филов, 1934]. По нашим данным, амфора из Филишповки может датироваться второй четвертью V в. до н. э., но была положена в могилу несколько позже [Балахванцев, Яблонский, 2008] или серединой V – началом IV вв. до н. э. [Грейстер, 2008].

На шею надета гривна с заходящими концами, сделанная из литого золотого прута. Концы гривны украшали литые фигурки баранов.

На запястьях погребенного надеты массивные золотые литые браслеты. Один браслет кольцевидный. Его концы, украшенные изображениями ушастого животного с длинной узкой мордой (волка) были сомкнуты. Другой браслет, более массивный, омега-видной формы, имел разомкнутые концы, которые украшены объемными фигурками баранов (рис. 10). Золотые браслеты аналогичной формы и близкие по стилю исполнения известны по материалам Амударьинского клада, где они датировались в пределах V – первой половины IV в. до н. э. [Зеймаль, 1979].

Поперек бедер располагался железный меч-акинак. У правого предплечья находился колчан, от которого сохранился набор разнотипных бронзовых наконечников стрел (98 штук). Рядом лежал железный, обтянутый золотой фольгой колчаный крюк, украшенный изображением в зверином стиле (рис. 11).

В ногах погребенного стояли два дисковидных деревянных блюда, сохранившихся в виде коричневого тлена. На одном блюде находились обломки железных (неопределимых) предметов, бусы и бисер. На другом – серебряное дисковидное зеркало с приклепанной к диску костяной рукоятью с резным изображением головы верблюда, золотые бусины, кусочки антрацита и красной краски. Любопытно, что типичный для сарматов женский комплекс был уложен в ногах мужчины.

Другой скелет принадлежал девушке 18–20 лет. Она лежала вытянуто на спине, головой в южный сектор, лицом вверх.

На шею девушки надета гривна с заходящими концами. Гривна сделана из литого золотого прута. Концы ее украшены объемными фигурками кошачьего хищника. В отличие от всех предыдущих случаев, поверхность гривны не гладкая, а рифленая.

На запястьях находились два массивных браслета, сделанных из литого золотого прута. Браслеты омега-видной формы, стилистически похожие на браслеты мужчины. Их концы украшены объемными фигурками козлов.

Женщина лежала на плаще, борта которого украшены нашивками, сделанными из штампованного золотого листа с изображениями тигров. Восемь крупных нашивок изображали тигра в фас с головой, слегка приподнятой над передними лапами. На бедренных частях животных сделаны углубления в виде запятой, ограниченные зерну. Эти углубления и внутренние поверхности оттопыренных ушей заполнены бело-голубой эмалью.

Еще 11 нашивок, более мелких, выполнены в виде профильных изображений тигров. С обратной стороны фигурок имеются парные петли для нашивания. Всего, таким образом, здесь зафиксировано 19 нашивок, которые, очевидно, украшали борт плаща вдоль левой руки.

Между голенями погребенной кучкой лежали разнообразные бусы, бронзовый молоточек в виде уточки и 12 бронзовых бубенчиков котловидной формы.

В ногах погребенных в ряд располагались четыре крупные бусины (меловые и глазчатая), которые, вероятно, украшали край общего для обоих погребенных покрывала.

Погребение 5 размещено под центральной частью насыпи. Оно было представлено большой подпрямоугольной в плане ямой с коридорообразным дромосом, отходящим на юг из центральной части южного борта камеры. Сверху эта камера была перекрыта бревнами, которые лежали в радиальном направлении в 7–10 слоев. Внешние концы бревен перекрыты кучами хвороста. И бревна, и хворост найдены в сильно обугленном состоянии. Нижние слои насыпи над бревнами сильно прокалены докрасна. Центральная часть перекрытия разрушена дважды – при древнем и при современном ограблении погребальной камеры – и не сохранилась.

В центре погребальной камеры располагался подквадратный в плане глинобитный жертвенник, символизирующий очаг. Поверхность его была покрыта сантиметровым слоем золы. Стенки очага ориентированы строго по сторонам света.

Северный борт погребальной камеры пробит древней грабительской воронкой. Захоронения здесь были полностью разрушены, и от них сохранились лишь разбросанные в беспорядке мелкие бусины, в том числе, золотые и остатки деревянной гробовины.

Юго-западная четверть погребальной камеры разрушена в 2005 году ковшом экскаватора, который заглубился здесь в ее дно на 20–25 см. На северном борту экскаваторного карьера лежали *in situ* два золотых бубенчика. Западный борт карьера прорезал вдоль позвоночника скелет подростка, который залегал непосредственно под западным бортом погребальной камеры. В ногах этого скелета была найдена бусина. Экскаватором также была разрушена привходовая и средняя части дромоса. Следы работы ковша экскаватора были обнаружены также к востоку от средней части дромоса.

Однако, основная площадь погребальной камеры оказалась не тронутой грабителями. Здесь удалось зафиксировать следы упавшего легкого (внутреннего) перекрытия погребальной камеры, представленного тонкими длинными досками шириной 8–10 см. Некоторые из этих досок лежали непосредственно на полу камеры и на поверхности очага. Это дает основания полагать, что перекрытие рухнуло, когда камера была еще полой.

В привходовой части камеры, близко к устью дромоса расчищены скелеты трех лошадей, кости которых лежали в анатомически правильных сочленениях. Один их скелетов полуразрушен ковшом экскаватора. Скелет средней лошади находился в деревянной гробовине.

Погребенные располагались вокруг очага (вдоль его стенок) парами. При этом ориентировка погребенных не имела значения. Так скелеты 2 и 3 оказались лежащими черепами на запад, скелет 4 – на север, а скелет 5 – на

юг. Захоронения совершались в специальных гробовинах с крышками. Углы гробовин сделаны из толстых брусев, которые скрепляли парными бронзовыми скобами, вколачивая в них большие литые бронзовые гвозди с грибовидными шляпками и четырехугольными в сечении стержнями. В таких гробовинах было зафиксировано два скелета. При одном из скелетов найден железный браслет, украшенный золотой фольгой, золотой и серебряной проволокой, а также золотая серьга.

Еще две гробовины были зафиксированы *in situ*. Они не были потревожены грабителями, закрыты крышками, но оказались совершенно пустыми. В пространстве между гробовинами 2, 3, 4 и 5 находился жертвенный комплекс. Сверху лежал большой деревянный сосуд, обернутый серебряными и золотыми листами. Сосуд с двумя соединяющимися сферическими чашами, обернутыми серебряными орнаментированными листами. Парные ручки чаш выполнены в виде голов баранов, мордами направленных в разные стороны. Головы баранов обернуты толстой золотой фольгой, детали поверхности (глаза, пасти, уши, рога, щеки) проработаны по фольге в технике отбивки. В нижней части сосуда расположены ноги барана, также обернутые золотой фольгой. В средней части поддона передние и задние ноги барана смыкаются.

Рядом с сосудом находился бронзовый масляный светильник. Он выполнен в виде полой скульптуры быка-зебу (с характерный горбом на загривке). Бык был установлен на ноги, головой на север (рис. 12). Между горбом и затылком располагалось круглое в плане отверстие для наливания масла. От передней части морды отходит длинная цилиндрическая трубка (для фитиля).

Под обоими сосудами расчищена сплетенная из тонких прутьев сумочка-корзинка, в которой находились: костяная ложечка с резной (в зверином стиле) ручкой, железный нож с литой серебряной рукоятью, украшенной рельефным изображением рогатого оленя, обломок железного предмета, обернутого толстым золотым листом, деревянные рукояти плетей с золотыми полыми цилиндрической формы орнаментированными деталями.

Некоторые вещи располагались вокруг очага. Среди них: стеклянная полусферическая чашка, две большие бронзовые фигурки баранов, небольшие золотые нашивки, с профильными штампованными изображениями льва, крестообразная штампованная большая золотая нашивка с изображением сходящихся в центре голов баранов (вид сверху).

* * *

На протяжении почти тысячи лет ранние кочевники, известные в древних письменных источниках под именем «сарматы», господствовали в степях Восточной Европы. Современники скифского царства, они не только пережили его, но, вероятно, способствовали (согласно сообщению Диодора Сицилийского [II, 43]) его падению в III в. до н. э. Воинственность сарматов фиксируется не только в письменных, но и в археологических источниках. Предметы вооружения и конской упряжи – наиболее частая находка в мужских захоронениях сарматского типа. Нередки случаи находок комплексов вооружения и в женских захоронениях.

Воинственные сарматские орды сыграли выдающуюся роль в формировании этнополитической ситуации в Восточной Европе и Средней Азии не только в раннем железном веке, но и в эпоху раннего средневековья.

Предполагают, что вооруженные сарматские отряды могли принять активное участие в событиях, связанных с падением во II в. до н. э. Греко-Бактрийского царства [Скрипкин, 1990], расположенного на юге Средней Азии и основанного еще Александром Македонским.

Археологическое изучение сарматов началось сравнительно недавно, лишь в начале XX столетия. Замечательный русский историк, М.И. Ростовцев (1918) стал первым, кто отождествил группу археологических памятников (курганов и могильников) Южного Приуралья с историческими сарматами. В отличие от древних авторов, Ростовцев не связывал происхождение сарматов с геродотовыми савроматами. Иной точки зрения придерживался основатель советской сарматоведческой школы, Б.Н. Граков, который еще в 1947 г. выделил четыре последовательные стадии развития сарматской культуры, обозначив ее первый этап именно как савроматский [Граков, 1947]. Близкой точки зрения придерживался и ведущий советский сарматолог, К.Ф. Смирнов (1964), что нашло отражение в самом названии его основополагающего труда.

Несмотря на различные точки зрения по вопросу об этногенезе сарматов, все, пожалуй, специалисты-археологи согласны в том, что прародина сарматов, очаг формирования их многовековой культуры находится именно в степях Южного Приуралья, степного и лесостепного Зауралья. Именно здесь встречаются древнейшие могильники сарматского типа. К числу таких памятников принадлежат и Филипповские курганы, которые, по мнению пионера их научного исследования А.Х. Пшеничнюка, датируются временем не позже IV в. до н. э. [Pshenichnuk, 2001]. Однако, типологическое положение памятника в ряду прочих остается пока не очень ясным. Пшеничнюк склонен относить его к собственно раннесарматской (прохоровской) культуре. В пользу этой точки зрения свидетельствуют многочисленные находки, которые продолжают существовать и в памятниках классической прохоровской культуры. В первую очередь речь идет о предметах вооружения (наконечники стрел, мечи т.н. «переходного типа») и деталях конской упряжи, включающих железные удила и псалии, а также бронзовые псалии, имеющие аналогии в кубанских памятниках IV в. до н. э. Вместе с тем, филипповские курганы дали также большую и разнообразную серию предметов в т.н. «зверином» стиле. Причем, стиль этот выглядит настолько архаичным, что некоторые исследователи говорили даже о VI в. до н. э., как о времени их вероятного изготовления, не исключая, таким образом, что типологически памятник относится к савроматской (досарматской) эпохе [см., например: Королькова, 2006]. Решение вопроса осложнялось тем, что значительное количество таких находок происходило из тайников кургана 1. Драгоценные вещи в них были сложены бессистемно и находки эти можно уподобить кладам сокровищ, в составе которых вещи разной хронологической атрибуции сосуществуют.

Еще предстоит большая работа по детальному исследованию коллекции из Филипповки. Однако, на этом этапе можно говорить о том, что все курганы могильника могут быть датированы в пределах второй половины V–IV вв. до н. э. [Яблонский, 2008].

Научное значение материалов кургана 4 Филипповского могильника состоит, прежде всего, в том, что драгоценные находки в нем, с одной стороны, находят аналогии в других курганах могильника, в том числе в кургане 1, а с другой, в том, что они получены из «закрытых» археологических комплексов, не потревоженных грабителями погребальных камер, где эти находки располагались *in situ*, в строгом археологическом контексте. Так, вместе с серебряным сосудом были найдены наконечники стрел и мечи, датировка которых довольно хорошо разработана в сарматской археологии. То же можно сказать относительно золотых браслетов и гривен, уникального «сдвоенного» сосуда с ручками в виде голов баранов. Все это, наряду с материалами из других курганов, несомненно, предоставит возможность для более строгой хронологической атрибуции каждого из предметов и памятника в целом.

Все данные свидетельствуют о том, что Филипповский могильник в смысле периодизации различных этапов развития сарматской культуры является памятником переходным от савроматской эпохи к собственно сарматской и знаменует собой самый ранний этап формирования комплекса признаков раннесарматской культуры в Южном Приуралье. Курган 4 в плане хронологическом и типологическом хорошо вписывается в систему прочих курганов могильника, выделяясь лишь своими масштабами и богатством сопровождающего инвентаря.

Раскопки кургана 4 исключительно важны и для реконструкции особенностей погребального обряда некрополя. Почти все курганы могильника были разграблены древними и современными грабителями, которые, копая колодцы в центре насыпей, разрушали не только погребальные камеры, но и деревянные перекрытия. В случае с курганом 4 нам исключительно повезло: и древние, и современные грабители, угодив в центральную погребальную камеру, оставили значительную ее часть нетронутой. Это дает возможность проследить устройство очага-жертвенника, конструкцию легкого дополнительного (нижнего) перекрытия собственно могильной ямы, выявить планировку отдельных захоронений внутри коллективного склепа. Так, впервые в непо потревоженном состоянии были найдены мощные деревянные гробовины, в конструкции которых использовались специальные бронзовые скобы и гвозди. Такие гвозди встречались в могильнике и раньше, но только теперь удастся с уверенностью установить их истинное назначение.

Что уж говорить о дополнительных погребениях, которые вообще сохранились в первозданном виде вместе с сопровождающим инвентарем, обнаруженным *in situ*. Так, нами была зафиксирована система украшения плащей золотыми нашивками и выявлен порядок расположения этих деталей одежды (рис. 6). В одном из захоронений положение *in situ* наконечника копья и его втулка позволяют точно реконструировать длину копья сарматского воина – 3 м 20 см. Детально реконструируются особенности конструкции сарматских горитов. Новой находкой пополнена серия предметов тяжелого защитного вооружения (чешуйчатый доспех).

В результате сегодня мы располагаем исключительно надежными данными об облике раннесарматского тяжеловооруженного воина: на голове кованый железный шлем с наносником и нащечниками, торс защищен чешуйчатым доспехом на кожаной основе, плетеный из прутьев и покрытый кожей горит с умбоном, портупая с пряжкой для перекрещивания ремней и

богато украшенный колчанный крюк, длинное копьё с массивным железным наконечником и втоком, короткий железный меч-акиинак на правом бедре, железный боевой топор, саадак, включающий налучь и колчан со стрелами (иногда более 200 штук) – на левом бедре [Рукавишников, Яблонский, 2007]. Этот образ в целом напоминает картинку из романа о средневековых западноевропейских рыцарях, но их сарматские «прототипы» на 2000 лет старше!

Захоронения лошадей и остатки тризн, сопровождающихся поеданием лошадей (кости и черепа у подножия насыпи кургана) заставляют вспомнить о том, что Клавдий Птолемей (V, 3, 16) называл сарматов гипофагами, то есть, конеедателями. Воткнутый вертикально наконечник копья и большие кучи хвоста по краям погребальной площадки напоминают рассказ Геродота о погребальном обряде кочевников-скифов (правда, там речь шла о воткнутом железном мече).

Очень важно, что «рядовые» находки из кургана 4 (наконечники стрел и копий, мечи и кинжалы, бусы и серьги) находят прямые аналогии в других, менее богатых курганах могильника. Кроме того, планировка захоронений и подношений в кургане 4 вокруг очага-жертвенника точно соответствует картине, выявленной нами ранее в погребении на поверхности древнего горизонта кургана 15 того же могильника.

Говоря о значении раскопок 2006 г. стоит также подчеркнуть, что в результате, помимо вещевого материала, была получена серия палеоантропологических, и палеозоологических находок, отобраны для почвоведческого, палинологического и микробиологического исследования образцы погребенных почв, дерева, органических материалов из могильных ям и перекрытий, которые в будущем дадут дополнительную естественно-научную информацию о памятнике.

Музейная коллекция России пополнилась большой серией выдающихся ярких экспонатов, не имеющих аналогов ни в одном из других музеев мира.

Еще предстоит большая и кропотливая работа по научному осмыслению полученного при раскопках разнообразного и многочисленного материала, но уже сегодня можно сказать с уверенностью, что в археологии сделано открытие, которое еще долгое время будет приковывать внимание как специалистов-археологов, так и самой широкой общественности.

Литература:

- Балахванцев А.С., Яблонский Л.Т.* Ахеменидская эмаль из Филипповки и проблема хронологии памятника // РА. 2007. № 1.
Балахванцев А.С., Яблонский Л.Т. Серебряная амфора из Филипповки // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Оренбург, 2008.
Граков Б.Н. Пережитки матриархата у сарматов. // ВДИ. 1947. № 3.
Зеймаль Е.В. Амударьинский клад. Каталог выставки. Л., 1979.
Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). СПб., 2006.
Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII–III вв. до н. э. М., 1994.
Пшеничнюк А.Х. Раскопки «царского» кургана на Южном Урале // Препринт. БНЦ УрО АН СССР. Уфа, 1989.

- Пшеничнюк А.Х.* Царский курган у с. Филипповка на Южном Урале // *Ядьяр. Вестник АН РБ. Гуманитарные науки.* 1995. № 1.
- Пшеничнюк А.Х.* Находка века // *Памятники Отечества.* 1997. № 38.
- Пшеничнюк А.Х.* «Царский» курган на Южном Урале // *Наука в России.* 1999. № 3.
- Ростовцев М.И.* Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // *Материалы по археологии России.* Вып. 37. М., 1918.
- Рукавишников Д.В., Рукавишникова И.В.* Доспех из погребения 2 кургана 4 могильника Филипповка-1 (интерпретация комплекса и реконструкции первоначального облика) // *Ранние кочевники Волго-Уральского региона.* Оренбург, 2008.
- Рукавишникова И.В., Яблонский Л.Т.* Вооружение раннесарматского воина (по материалам Филипповского-1 могильника) // *Вооружение сарматов: Доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории».* Челябинск, 2007.
- Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия. Саратов, 1990.
- Смирнов К.Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.
- Трейстер М.Ю.* Произведения торевтики ахеменидского стиля и на «ахеменидскую тему» в сарматских погребениях Прохоровского и Филипповского курганных могильников в Южном Приуралье // *Ранние кочевники Волго-Уральского региона.* Оренбург, 2008.
- Филов Богдан Д.* Надгробить могилы при Дуванлий въ Пловдивско. София, 1934.
- The Golden Deer of Eurasia.* New York, 2000.
- Яблонский Л.Т.* Новые раскопки Филипповского могильника и проблема формирования раннесарматской культуры Южного Приуралья // *Ранние кочевники Волго-Уральского региона.* Оренбург, 2008.
- Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В.* Загадка тринадцатого филипповского кургана // *Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время.* Уфа, 2006.
- Яблонский Л.Т., Рукавишникова И.В.* Реконструкция деревянной чаши из Филипповского могильника // *Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне.* М., 2006.
- Pshenichnyuk A.* The Filippovka Kurgans at the Heart of the Eurasian Steppe // *The Golden Deer of Eurasia.* New York, 2001.
- The Golden Deer of Eurasia.* New York, 2001.

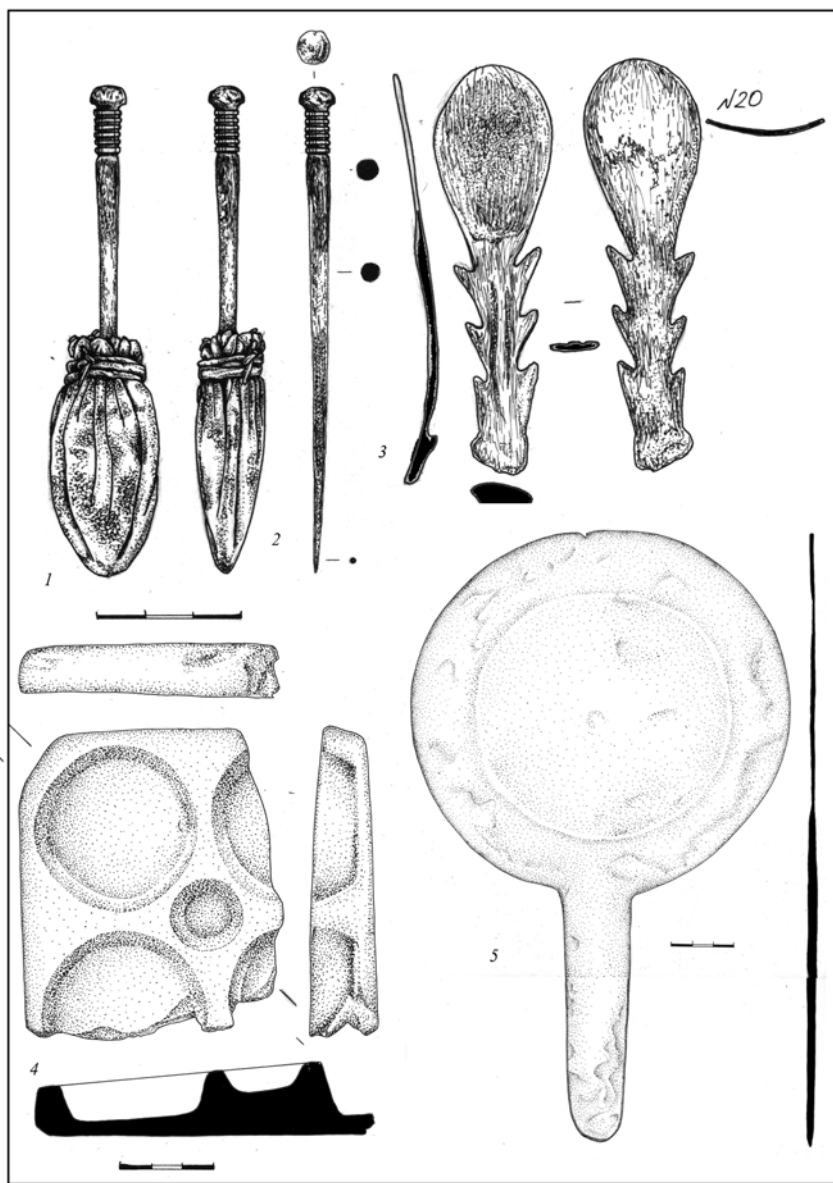

Рис. 2. Могильник Филиповка-1, курган 15, погребение 4.
 Набор для татуировки: 1 - игла в мешочке; 2 - игла; 3 - ложка; 4 - палитра; 5 - зеркало.
 1 - кость, кожа; 2, 3 - кость; 4 - песчаник; 5 - бронза.

Рис. 1. Украшение из кургана 15, погр. 1

Рис. 3. Колчанный крюк из кургана 16

Рис. 4. Серебряная накладка из кургана 16

Рис. 5. Золотая гривна из погр. 2

Рис. 6. Портупейная пряжка из погр. 2

Рис. 7. Портупейная пряжка из погр. 3

Рис. 8. Золотая накладка из погр. 3

Рис. 9. Серебряный сосуд из погр. 5

Рис. 10. Золотой браслет из погр. 4

Рис. 11. Железный с золотом крюк из погр. 4

Рис. 12. Бронзовый светильник из погр. 5

Синицын А.А.

СОФОКЛ И СКИФСКИЙ ЛОГОС ГЕРОДОТА

Рассказ Геродота об использовавшейся скифскими воинами практике скальпирования, который историк излагает подробно и, как кажется, «со знанием дела», *считается первым в мировой литературе письменным свидетельством об этом жестоком обычае*. Это мнение можно встретить в десятках работ историков и филологов, археологов и антропологов, специалистов по антиковедению и скифологии [см., например: Müller, 1972. S. 101 ff.; Hartog, 1980; Lateiner, 1989. P. 145 f.; Rolle, 1989. P. 82; Rolle, 1991. S. 115 ff.; Riedlberger, 1996. S. 53, 60; Медникова, 2000. С. 59, 60; Медникова, 2001; Murphy, Gokhman, Chistov, Barkova, 2002. P. 5, 8; Перерва, 2005. С. 41; Parzinger, 2007. S. 105]. В последнем на сегодня исследовании, специально посвященном рассказу Геродота о скальпировании у скифов, Петер Ридльбергер [Riedlberger, 1996. S. 53–60], обобщив имеющиеся свидетельства о практике скальпирования в архаических культурах, пришел к выводу, что «Обычай скальпирования у скифов был *впервые описан* в скифском логосе Геродота [Hdt. IV.64]; все дальнейшие упоминания, вероятно, *зависели от него*. А также и формы слова σκυθίζω со значением “сдирать волосы с головы” появляются *только после публикации Истории*» (курсив наш. – А. С.) [Ibid. S. 60]. Так принято считать. Но так ли это на самом деле?

О чем идет речь? В четвертой книге своего сочинения Геродот сообщает (IV. 64. 1–2): «Военные обычаи скифов следующие. Когда скиф убивает первого врага, он пьет его кровь. Головы всех убитых им в бою скифский воин приносит царю. Ведь только принесший голову врага получает свою долю добычи, а иначе – нет. Кожу с головы сдирают следующим образом: на голове делают кругом надрез около ушей, затем хватают за волосы и вытряхивают голову из кожи. Потом кожу очищают от мяса бычьим ребром и мнут ее руками. Выделанной кожей скифский воин пользуется, как полотенцем для рук (ὀρυάσας δὲ αὐτὸ ἄτε χειρόμακτρον ἔκτῃται), привязывает к уздечке своего коня и гордо щеголяет ею. У кого больше всего таких кожаных полотенец, тот считается самым доблестным мужем (ὅς γάρ ἀν πλείστα χειρόμακτρα ἔχη, ἀνὴρ ἄριστος οὗτος κέκριται)»¹.

¹ Пер. Г. А. Стратановского [по изд.: Геродот, 2002. С. 255].

В «Пире мудрецов» Афиней, когда симпосиасты заводят разговор о χειρόμακτρον², приводятся цитаты из Аристофана, Ксенофонта, Кратина и других авторов, у которых это слово обозначало «полотенце», «утиральник» (точнее – «полотенце для рук», «ручник»), а также «косынка» или «головной платок». Далее следуют ссылки на драму Софокла и сочинение Геродота: Σοφοκλῆς Οἰνομάρω: "Σκυθιστὶ χειρόμακτρον ἑκκεκαρμένον". καὶ Ἡρόδοτος ἐν δευτέρῳ³ (IX. 79, 10–13: «Софокл в "Эномае" [говорит]: "Содравши волосы для ручников на скифский манер"; [как рассказывает] и Геродот во второй [книге]). Таким образом, здесь Афиней указывает (но осознанно ли?) на еще один смысл слова χειρόμακτρον, которым греки называли полотенца для вытирания рук, сделанные скифами (здесь – σκυθιστὶ, т. е., «по-скифски») из скальпов убитых врагов, о чем мы находим подробный рассказ в процитированном выше пассаже из «Истории». Афиней соотносит свидетельство Софокла и Геродота; однако именно это смысловое значение χειρόμακτρον (и следует признать, весьма необычное значение!) введливый греческий грамматик-эрудит на удивление оставляет без каких-либо ожидаемых пояснений (ср.: Athen. IX. 79, 36 sqq.). Слово χειρόμακτρον, которое Геродот использует в некоем сравнении со «скальпом»⁴, в древнегреческом языке встречается редко и действительно представляет проблему для современной науки⁵. Но здесь мы не станем специально говорить ни о семантике этого загадочного слова, ни о самом военном обычае, связанном с обрядом инициации у скифов⁶; мы остановимся подробнее на этом в другой работе.

Итак, перед нами два источника: стих несохранившейся трагедии Софокла «Эномай» (Frag. 473. TGF IV, Radt) и свидетельство Геродота об ужасающем обычае скальпирования у скифов (IV. 64. 2). Возможно (однако полностью уверенным здесь все-таки быть нельзя), в этих источниках упоминается один и тот же варварский обычай. Многие антиковеды признают в данном случае взаимосвязь наших источников – заимствование афин-

² О вариантах написания слова χειρόμακτρον / χειρόμακτρον см.: [Hoffmann, 1898. S. 365; Frisk, 1960. Bd. 2. S. 1083–1084].

³ Текст источника приводится по изданию: [Athenaeus (Kaibel)].

⁴ В европейских языках слова «scalp» (англ.), «skalpieren» (нем.), «scalp, scalper» (франц.), «skalpere» (датск.) и проч. обозначают удаление кожи вместе с волосами с головы человека (живого либо мертвого). О практике скальпирования у народов Америки и Евразии см.: [Friederici, 1906; Руденко, 1952. С. 134 сл.; Руденко, 1953. С. 264; Rolle, 1991. S. 115–126; Медникова, 2000. С. 59–68; Медникова, 2001; Murphy, Gokhman, Chistov, Barkova, 2002. P. 1–10; Перерва, 2005. С. 36–44].

⁵ В.В. Латышев [Латышев, 1948. С. 290], сделав перевод цитируемой Афинеем строки из «Эномай» (и, надо сказать, странный перевод, который не разъясняет ни значения проблемного слова χειρόμακτρον, ни содержания самого Софоклового стиха), оставил его со знаком «?». Ридльбергер попытался показать, что χειρόμακτρον означает не «полотенце для рук» (как обычно истолковывают это слово авторы словарей, переводчики и комментаторы), а «полотно для украшения» ("Schmucktuch"), которое использовали скифские воины для убранства своих коней [Riedlberger, 1996. S. 53–60].

⁶ Истоки и смысл скальпирования чаще всего связывают с воинской практикой [Руденко, 1960. С. 186; Diesner, 1961. S. 206, 210; Barth, 1985. S. 386, ad loc. IV. 64; Кузнецова, 1987. С. 4 сл.; West, 1999. P. 84; Медникова, 2000. С. 60, 67]. Но наш источник отразил здесь и архетипические представления о магической силе головы/волос [см.: Friederici, 1906. S. 70 f., 103; Aly, 1921. S. 126; Ельницкий, 1977. С. 232; Доватур, Каллистов, Шишова, 1982. С. 302–303. Прим. 408; Rolle, 1991. S. 115 ff.; Михайлин, 2005. С. 34–35].

ским драматургом сведений из Геродотовой «Истории»⁷, а современные словари зачастую сопоставляют оба эти свидетельства⁸.

Это мнение опирается на существующий в современной историографии миф о дружбе двух великих современников: будто бы Софокл высоко ценил творчество «отца истории» и черпал сведения для своих драм из его этнографических логосов⁹. Как уже было продемонстрировано нами на других примерах [Синицын, 2006. С. 363–405; Синицын, 2008. С. 122–159; Синицын, 2008а. С. 377–418], это незыблемое убеждение ученых основано на спорных совпадениях в текстах драматурга и историка и весьма сомнительных данных позднеантичной традиции¹⁰. Но следует ли торопиться с выводом о заимствовании?

Опираясь на результаты исследований историков и филологов-классиков и излагая свои собственные наблюдения, постараемся, показать независимость в данном случае двух наших авторов друг от друга. Во второй части очерка затронем тему скифского присутствия в классических Афинах, засвидетельствованного античными источниками и, в частности, в аттической драматургии V века¹¹.

Решение проблемы в значительной степени сводится к вопросу о времени постановки Софоклового «Эномая». Сохранившиеся от трагедии 17 строк в семи отрывках (*Soph. Oenom. Frag. 471–477. TGF IV, Radt*) и крайне скудные о ней свидетельства поздней античности не позволяют датировать драму достоверно. Мнения ученых относительно ее датировки расходятся.

Автор самого фундаментального обобщающего труда по истории древнегреческой литературы В. Шмид относил «Эномаю» к поздним сочинениям поэта [Schmid, Stählin, 1934. S. 440]. Его доводы строились на обнаружении в сохранившихся фрагментах драмы «еврипидовских приемов». Во-первых, Шмид усматривал в «Эномае» завышенный интерес Софокла к любовной психологии, что считается типичным для Еврипида, нежели для Софокла. Любовная интрига драмы – страсть Пелопа и Гипподамии¹², – являвшаяся,

⁷ [Например: Rasch, 1912. P. 21 sq.; Зелинский, 1914 г. Т. 3. С. 256, ср. там же. С. 214; Pearson, 1917. Т. 2. P. 127; TGF IV, Radt. P. 382; Bacon, 1961. P. 77–78, 80; Kiso, 1984. P. 53–54; Скржинская, 1985. С. 144; Скржинская, 1991. С. 118 сл.; Riedlberger, 1996. S. 54–55; Скржинская, 1998. С. 141 сл.].

⁸ [См.: Pape, 1908. Bd. 2. S. 1346. Sp. 1, s.v. χειρόμακτρον (1); LSJ. P. 1616. Col. 2, s.v. Σκυθιστί (IV. 1): «in Scythian fashion, with reference to the use of scalps as napkins» (и со ссылкой на оба наших источника); LSJ. P. 1985. Col. 2, s.v. χειρόμακτρον (1): «the Scythians used scalps as χειρόμακτρα, Hdt. (IV. 64); hence Σκυθιστί χειρόμακτρον ἑκκεκαρμένους, Soph. Frag. 473»].

⁹ См. избранную литературу о близости Софокла и Геродота: [Christ, 1898. S. 228–229, 327 f.; How, Wells, 1912. Vol. 1. P. 7; Rasch, 1912. Passim; Jacoby, 1913. Sp. 232 ff.; Крыазе, 1916. С. 356; Aly, 1921. S. 37, 95, 96 ff.; Schmid, Stählin, 1934. S. 317 ff., 569 f.; Лурье, 1947. С. 19 слл., 23; Лурье, 1947а. С. 100, 113 сл.; Egermann, 1957. S. 37 ff., 70 ff.; Egermann, 1962. S. 249–255; Strasburger, 1962. S. 575; Riemann, 1967. S. 2 ff.; Lesky, 1971. S. 314, 323, 349; Diller, 1979. S. 51 f., 69; Hart, 1982. P. 31 ff., 159, 168, 175; Скржинская, 1985. С. 143 слл.; Nielsen, 1997. P. 46–49; Гимадеев, 1999. С. 256, 264 сл.; West, 1999а. P. 109–136; Dorati, 2000. P. 19; Bichler, Rollinger 2001. S. 112; Saïd, 2002. P. 117 ff.; Суриков, 2002. С. 143; Griffin, 2006. P. 46–59; Dewald, Kitzinger, 2006. P. 122–129; Суриков, 2007. С. 163; Суриков, 2007а. С. 145; Суриков, 2008. С. 34].

¹⁰ Полный список «параллельных» мест у Софокла и Геродота приведен нами в статьях: [Синицын, 2008. С. 157–158; Синицын, 2008а. С. 377–378].

¹¹ Здесь и далее все даты указаны до нашей эры.

¹² Об этом известно из других античных памятников, в которых излагается миф о Пелопе и Гипподамии, и на это же, как кажется, указывают сохранившиеся стихи драмы Софокла

по-видимому, ее сюжетобразующим элементом, по мнению Шмида, указывает на то, что пьеса была написана под влиянием его младшего современника [Schmid, Stählin, 1934. S. 440; ср.: Bacon, 1961. P. 107 (со ссылкой на аргументацию Шмида)], т. е., в последние годы жизни Софокла¹³. Во-вторых, во Frag. 476. TGF IV, Radt Шмид также видел влияние поэзии Еврипида, у которого в хоровых партиях часто используется мотив «желания превращения»¹⁴.

Однако эти доводы немецкого филолога кажутся неубедительными. Как представляется, во Frag. 474 у Софокла любовного пафоса отнюдь не больше, чем в знаменитом «гимне Эроту» в третьем стасиме «Антигоны»¹⁵, написанной еще во второй половине 440-х гг. Более того, как показал Марк Гриффит, поэзия Софокла в целом полна эротической тематики и лексики¹⁶. Что же касается второго «приема Еврипида» – мотива «желания превращения», – то он с большей вероятностью мог бы указывать на обратное влияние, т. е. Софокла на Еврипида. Да и сам по себе этот довод является сомнительным, поскольку схожесть художественных приемов и мотивов, без дополнительной аргументации, вовсе не доказывает прямого влияния или заимствования.

Сохранились античные предисловия к «Птицам» Аристофана, которые свидетельствуют о том, что эта комедия была поставлена при афинском архонте Харии (415/414 г.)¹⁷. На этом основании большинство ученых считают, что «Эномай» был создан Софоклом незадолго до 414 года – дата постановки Аристофановых «Птиц» [например: Rasch, 1912. P. 21; Fiehn, 1937. Sp. 2248; Ярхо, 1990. С. 394; Jouanna, 2007. P. 186, 652]. Герой этой комедии напевает задорную песенку, слова которой буквально повторяют стихи из «Эномая» (Aristoph. Av. 1337–1339 и Soph. Oenot. Frag. 476, 1–3. TGF IV, Radt). Сходство обоих трехстиший (конечно, только в том случае, если схолиаст не ошибся и верно их сопоставил) не оставляет сомнений, что здесь могла быть пародия на пьесу Софокла. Но насколько эта пародия являлась так сказать «актуализированной», т. е. рассчитанной на интеллектуальный уровень и адекватную реакцию судей драматического агона и рядовых аттических зрителей? Знали ли и помнили (и в какой мере знали и помнили?) граждане-зрители и избранные ими театральные судьи предыдущие постановки, чтобы должным образом оценить разного рода аллюзии комедиографа?

На наш взгляд, при решении вопроса о датировке, «цитата» Аристофана свидетельствует лишь о том, что «Эномай» Софокла был известен и памятен

(Frag. 474 и 477. TGF IV, Radt). [См.: Berger, 1935; Fiehn, 1937. Sp. 2248; O'Brien, 1988. P. 98–115; Triantis, 1999. P. 19–23; Triantis, 1999a. P. 282–287; Griffith, 2006. P. 64, 66 f.; Jouanna, 2007. P. 186].

¹³ У Еврипида тоже была трагедия «Эномай» (Frag. 571–577. TGF, Nauck²), которая составляла одну трилогию вместе с пьесами «Хрисипп» и «Финикиянки» (последняя сохранилась полностью), поставленную в 410 или 409 г. Следовательно, по Шмиду, «Эномай» Софокла был создан между 409 г. (т. е. после Еврипидова «Эномая») и 406 г. (год смерти Софокла) – (sic!).

¹⁴ Специально о языке и стиле Софокла в сравнении с Еврипидом назовем, к примеру, новую работу: [Rijksbaron, 2006. P. 127–149].

¹⁵ См.: Soph. Ant. 781–800; а также две оды любви-Афродите: Soph. Trach. 497 sqq. и Idem. Frag. 941. TGF IV, Radt (= Plut. Amat. 757a; полностью этот фрагмент сохранился в «Антологии» Иоанна Стобея, IV. 20 а. 6); ср.: [Jouanna, 2007. P. 675].

¹⁶ [Griffith, 2006. P. 51–72] особ. раздел «Sophocles' language of sex and love», p. 60–68. См. также: [Carson, 1986. P. 111–116; Лихт, 2003. С. 111–113, 256 слл., 333, 337, 346–347; Сеницын, 2008. С. 138–147; Сеницын, 2008a].

¹⁷ Hypothesis I ad Aristoph. Av., line 9 и Hypothesis II ad Aristoph. Av., line 41, 44; ср.: Schol. ad Aristoph. Av., ad loc. v. 1337, line 6–7, Dübner.

еще в 414 г. Но комическая пьеса и пародируемая ею трагедия зачастую могли быть отделены на многие годы (примеров тому достаточно, и они уже рассматривались в научной литературе: [Schlesinger, 1936. P. 309–313; ср. также: Gelzer, 1976. P. 1–14; Dobrov, 1993. P. 215 f.; Dobrov, 2001. P. 117 f.]). К тому же Аристофан пародирует в «Птицах» и другие драмы Софокла – «Терей»¹⁸ (vv. 100 sq., 281 sqq.) и «Хрис»¹⁹ (v. 1240), которые только на этом основании (*sic!*) некоторые ученые считают написанными также как и «Эномай» перед 414 г. [Blumenthal, 1927. Sp. 1075 (о «Терее»); Ярхо, 1990. С. 397 (о «Терее»), 420 (о «Хрисе»); Jouanna, 2007. P. 664 (о «Терее»), 674 (о «Хрисе»)]. Однако о «Терее» мы можем с большей вероятностью сказать, что эта трагедия была создана за полтора или два десятилетия до «Птиц»²⁰. В «Птицах» комедиограф шуточно подражает трагическому стилю и других современных поэтов – Филокла (Aristoph. *Av.* 281 sqq.), Еврипида (vv. 1238 sqq.), а также стилю «классика» аттической драматургии Эсхила (vv. 1247 sq.), уже давно умершего к тому времени. Так следует ли полагать, что пародии Аристофана в нашем случае являются «объективным критерием» датировки несохранившихся трагедий?²¹ Конечно, нет. К тому же, если бы драматург стремился «актуализировать» современную трагедию, чтобы сделать ее «комически эффективной» (т. е. понятной для его публики), следовало бы ожидать в первую очередь изображения в гротесковом виде героев, пародирование сюжетных перипетий или сценически-декорационных новшеств этой популярной драмы (как, например, с одноименными пьесами «Терей» поэтов Софокла и Филокла в тех же «Птицах»). Но ничего подобного мы здесь не встречаем.

Впрочем, еще столетие назад Ф.Ф. Зелинский справедливо заметил по поводу датировки «Эномая» на основании пародии у Аристофана, что этот «*terminus ad quem*, к сожалению мало полезен для нас» [Зелинский, 1914 г. С. 257]. Сам же Зелинский предполагал, что трагедия Софокла была написана около 446 года и «принадлежит к перикловскому периоду поэта» [Там же. С. 256]. Аргументация ученого строилась на том, что упоминание в драме скифского обычая свидетельствует, что Софокл будто бы находился «под явным влиянием описания Геродота» [Зелинский, 1914 г. С. 256; см. также другие его работы, в которых утверждается этот тезис: Зелинский, 1912. С. 379–380; Зелинский, 1914. С. 154 сл.; Зелинский, 1914а. С. LII–LIII; Зелинский, 1914б. С. 307 сл.; Зелинский, 1914в. С. 151; Зелинский, 1914 г. С. 151, 198, 214, 274; Зелинский, 1915. С. 425. Прим. к Соф. *Ант.* 904 сл.]. Однако здесь налицо инверсия посылок и выводов: Зелинский апеллирует к уже сложившемуся в историографии убеждению о близости двух современников и утверждает о заимствовании одного источника от другого, вместо того, чтобы

¹⁸ Soph. *Ter. Frag.* 581–595b. TGF IV, Radt.

¹⁹ Soph. *Chrys. Frag.* 726–730. TGF IV, Radt; здесь – Frag. 727 (= Schol. ad Aristoph. *Av.*, ad loc. v. 1240,1–3; Dübner; ср.: Suda. *Lex.*, s.v. Μάκελλα, M 67,2; *ibid.* s.v. Μώρα, M 1338,6).

²⁰ [См.: Зелинский, 1914 г. С. 365 (в пользу ранней датировки); Mihailov, 1956. P. 88–111 (429 г.); Radke, 1957. Sp. 252 (427 г.); Calder, 2006a. P. 267–273 (драма датируется 430-ми гг.); TGF IV, Radt. S. 436 f. (с обзором мнений); Kiso, 1984. P. 74–76 (соглашается с Колдером); Dobrov, 1993. P. 190, 213 f. и Dobrov, 2001. P. 105, 106 (в статье 1993 г. указан 432 г., а в монографии 2001 г. Добров «удревнил» дату до 440 года); Touloupa, 1999. P. 529 (432 г.); Fitzpatrick, 2001. P. 90. Note 3 (между 431 и 414 гг.); Klöckner, 2005. S. 249 (между 431 и 425 гг.); ср.: Синицын, 2007а. С. 395–396. Прим. 24].

²¹ Как считал, например, В.Н. Ярхо (хотя и с оговорками): [Ярхо, 2005. С. 55 сл.].

пояснить сходство свидетельств, исходя из анализа сохранившихся фрагментов этой Софокловой драмы и исторического контекста ее возникновения.

Наиболее развернутое и целостное восстановление сюжета и структуры Софоклового «Эномая» и совершенно иную датировку драмы предложил У.М. Колдер III [Calder, 2006. P. 175–192]. Исследователь попытался определить место этого произведения в культурно-политическом контексте, исходя из тех соображений, что греческая драма всегда содержала отклики на реальные текущие события²². Аргументы Колдера III сводятся к следующему.

Около 470 г. начинается строительство храма Зевса в Олимпии, фронтоны которого украшаются сценами на известные мифологические сюжеты. Колдер делает допущение, что в выборе композиции этих сцен должен лежать какой-то конкретный литературный источник. На восточном фронтоне храма изображен момент перед состязанием на колесницах-четверках между Эномаем и Пелопом, фигуры которых находились направо и налево от центральной фигуры Зевса. Тема состязания, решившего судьбу правящей династии в Элиде, представлялась мифологическим прологом к Олимпийскому празднику [см., описание сцены фронтона: Вишпер, 1972. С. 168 сл.]. Но никакой эпической версии мифа о победе Пелопа над Эномаем, по-видимому, не существовало²³. Эсхил, насколько известно, тоже никогда не обрабатывал это сказание. И «Олимпийские оды» Пиндара мало, что здесь объясняют. Из всего литературного наследия эллинов, которым мы располагаем, остается Софокл²⁴. По всей видимости, он первым ввел местное сказание в «большую литературу». Колдер III предположил, что начинающий афинский трагик мог поставить «Эномая» на Великих Дионисиях 468 г., за что получил первый приз в театральном агоне, победив самого Эскила. И, по мнению исследователя, именно эта драма повлияла на выбор композиции сцены для восточного фронтона храма, который был оформлен к августу 468 года – к началу новых Олимпийских игр.

Год 468-й был важной вехой не только в биографии Софокла, но и в политической карьере Кимона, который в этот год вновь исполнял должность афинского стратега. В этот период Кимон находился на вершине своей славы и был очень влиятельным государственным деятелем в Афинах. Согласно Плутарху (Plut. *Cim.* 8), в 468 г. Кимон вошел в судейскую коллегию на театральных состязаниях – факт примечательный сам по себе и свидетельствующий об активной политической конкуренции в эти годы в афинском полисе. Олимпийские игры в античности были столь же политизированы²⁵, как и в

²² Из новой литературы о социально-политическом контексте древнегреческой драмы см.: [Meier, 1988; Meier, 1991. S. 70–87; Маринович, 1998. С. 310 слл., 321–335; Griffin, 1998. P. 39–61; Суриков, 1999. С. 187–193; Seaford, 2000. P. 30–44; Туманс, 2002. С. 396 слл., 418 слл., 447–457; Родс, 2004. С. 33–56; Суриков, 2005. С. 89–104; Debnar, 2005. P. 3–22; Суриков, 2007. С. 161–186]. В классическую эпоху развитие греческого театра и изобразительного искусства шло одновременно [см.: Bouzek, 2001. S. 141–142 (раздел «Театр и философия как параллели к развитию изобразительного искусства»)].

²³ Сохранились лишь фрагменты восьми строк Гесиода: Frag. 259b, Merkelbach–West = Pap. Oxy. 2499, Lobel; ср.: Paus. VI. 21. 10, со ссылкой на поэму «Великие Эои».

²⁴ Как сказано выше (прим. 13), «Эномай» Еврипида был поставлен ок. 409 года.

²⁵ О политической роли Олимпийских игр и олимпийщиков в древней Греции см.: [Зельин, 1962. С. 21–29; Olympia, 1980. S. 89–93; Зайцев, 2000. С. 134–142 (с литературой); Суриков, 2001. С. 258, 261 слл.].

наше время; и даже в большей степени, нежели в наше время. Олимпийская идеология, известная нам благодаря их великому поэту Пиндару, была международная, аристократическая²⁶, и, так сказать, «кимоновская». Не исключено, что и в изображении на обоих фронтонах храма Зевса в Олимпии имела место политическая пропаганда²⁷. О связи рода Филаидов, к которому принадлежал Кимон, с Олимпией имеется сообщение у Павсания (VI. 19. 6): описывая приношения из сокровищницы в Олимпии, Павсаний упоминает среди прочих и дар Мильтиада, отца Кимона, посвятившего святилищу рог из слоновой кости. А дед Кимона – Кимон Старший, – как известно, был трехкратным победителем в гонке колесниц на Олимпийских состязаниях, о чем рассказывает Геродот, явно восхищаясь подвигом выдающегося афинского олимпионика (IV. 103) [см.: Swoboda, 1921. Sp. 437]. Восточный фронтон нового большого храма в Олимпии – самая прекрасная скульптурная картина в этом комплексе²⁸ – иллюстрировал сюжет «победоносной» трагедии афинского поэта, протеже Кимона – самого известного проксена спартанцев [о покровительстве лаконофила Кимона начинающему драматургу Софоклу и о политических симпатиях политика и поэта [см.: Podlecki, 1979. P. 51–74, здесь – P. 51 f., 72; Суриков, 2002. С. 267–268 (с литературой в прим. 58); Суриков, 2007. С. 182–183, 185].

В целом гипотеза Колдера выглядит вполне убедительно, но мы внесем в нее некоторые коррективы. Комплексное строительство в Олимпии, вероятно, активизировалось на рубеже 470–460-х гг. и связано это было с восстановлением Писы после разрушения 471 г. и подготовкой к очередным 78-м Олимпийским играм. Но считать 468 г. годом создания скульптурного украшения восточного фронтона храма представляется все же маловероятным. Нельзя точно установить начальную дату застройки храма Зевса, но его строительство, по-видимому, продолжалось долгих 12–15 лет²⁹. Однако бес-

²⁶ Об аристократизме Пиндаровых эпиникиев написано не мало; сошлемся здесь для примера: [Marqu, 1998. С. 66 сл.; Йегер, 2001. С. 231–271; Шанин, 2001. С. 128 слл., 135 слл., 140 слл.].

²⁷ В композиции западного фронтона представлена битва лапифов с кентаврами на свадьбе Пифагоя. Как считают искусствоведы, по левую руку Аполлона – центральной фигуры этой картины – находится Тесея, сражающийся с кентавром. Возможно, что и сцена на этом фронтоне могла иметь афинский «оттенок», и не без влияния Кимона: известно, что мифологию Тесея афинский лидер неоднократно использовал в своих политических интересах [см.: Shapiro, 1992. P. 29–49; Суриков, 1999а. С. 149, 152 (здесь литература в прим. 11, 12)].

²⁸ Добавим, что восточный фронтон храма считался и самой важной («передней») стороной, поскольку он был ориентирован на стадион и ипподром. Он «нес изображения иератического, сакрального, культово важного для данного храма характера» [Суриков, 2001. С. 267 сл.]. Следует учесть предмет изображения на этой главной части здания – это подготовка к колесничным бегам, которые являлись основным видом Олимпийских состязаний. И известный мифический сюжет о Пелопе, и присутствующие по обеим сторонам фронтона квадриги – все это, конечно, служило напоминанием о «символе Олимпийских игр». Наконец, о значении этой стороны Зевсова храма свидетельствует и присутствие центральной фигуры самого «Олимпийца», как верховного судии спортивно-культовых ристалищ.

²⁹ В литературе иногда называется только дата завершения строительства храма – 457/456 г. [Borbein, 1997. S. 613; Суриков, 2001. С. 266] или между 454 и 448 гг. [Flasch, 1887. S. 1100; ср.: 1098, 1099]. Ученые обыкновенно указывают время возведения храма Зевса в Олимпии и создания его скульптурного украшения между 471/470 и 457/456 г., но мнение их расходятся: [Соколов, 1980. С. 87] – 471–457 гг.; [Schöbel, 1976. S. 37; LK. S. 706. Sp. 2, S. 709. Sp. 2; Afscher, 1982. S. 411; Yalouris, 1995. S. 13; Sinn, 2004. S. 47, 110] – ок. 470 по 456 гг.; [Куманецкий, 1990. С. 118] – 70-е годы V в.; [Wiesner, 1939. Sp. 84–85 (с литературой проблемы); Meyer, 1979. Sp. 280; Olympia, 1980. S. 27; Аполлон, 1997. С. 660. сл. стат. Храм; Хаммонд, 2003. С. 358; Calder, 2006. P. 190; Акимова, 2007.

спорно и то, что изначально должен был существовать план общего строительства и скульптурных сцен фронтонов и метоп. А заказ на тематику и композицию скульптур фронтонов «мастер Олимпии» мог получить уже в самом начале работы. Принципиально это не противоречит доводам Колдера III. Но мы все же будем осторожны, чтобы не настаивать именно на 468 г., и расширим рамки создания скульптурного убранства храма Зевса, поместив его строительство между 470 и 457 г., которые фактически совпадают с первым периодом творческого пути Софокла³⁰.

Итак, мы солидаризируемся с Колдером не в конкретной дате, предложенной ученым, но во взглядах на раннюю датировку Софоклового «Эномая». Тем более, что есть и другие основания в пользу того, чтобы отнести его к начальному периоду творчества поэта: это лексические, структурные и тематические «эсхилизмы», обнаруживаемые в сохранившихся стихах трагедии.

(а) Во-первых, во фрагменте 471 (TGF IV, Radt) встречается возвратное местоимение *ἑ*, которое в данной форме (*nomin. sing.* 3 лица женского рода; лат. – *ea*) употребляется крайне редко. Обычно авторы словарей указывают именно на этот стих Софокла [Ellendt, 1872. P. 329–331, s.v. *ἑ*; Pape, 1908. Bd. 1. S. 1231. Sp. 2, s.v. *ἑ*; Дворецкий, 1958. Т. 1. С. 805. Стлб. 1, сл. стат. *ἑ*; Frisk, 1960. Bd. 1. S. 702, s.v. *ἑ*; Chantraine, 1970. P. 452. Col. 1, s.v. *ἑ*; LSJ. P. 814. Col. 2, s.v. *ἑ*]; и, насколько мы можем судить, это исключительный случай употребления в древнегреческой трагедии данного местоимения именно в такой форме. Сравнительно недавно на эту тему была опубликована статья К. Руйи [Ruijgh, 1991. P. 61–78]. В ней филолог рассматривает историю и этимологию этого возвратного местоимения в древнегреческой литературе в целом и в аттической трагедии, в частности [Ruijgh, 1991. P. 61 s., 64 s., 67 ss.]. Комментируя ряд пассажей для формы *ἑ* в трагической поэзии, Руйи обратил внимание на особое место этой грамматической формы в Софокловом «Эномае» [Ibid. P. 68–69]. Использование в данной трагедии этого малоупотребительного местоимения филологи считают элементом «архаического» стиля в поэтическом языке Софокла.

(б) Стихотворный размер *тетраметр*, которым написан у Софокла этот стих (Frag. 471. TGF IV, Radt), по мнению специалистов [см.: Welcker, 1839. S. 355; Calder, 2006. P. 176], выглядит неким метрическим «анахронизмом» как для поэтического языка самого Софокла, так и для последующей аттической драматической поэзии в целом. Оба эти дополнительных довода (а, б) – со всеми оговорками об условности стилистических критериев при датировке

С. 54] – 468–456 гг.; [Dörpfeld, 1935. S. 222; Кузищин, 1996. С. 266 и Борухович, 2002. С. 225] – 465–456 гг.; [Вишпер, 1972. С. 166, 168] – 60-е гг. V в. и до 456 г.; [Triantis, 1999. P. 23. Col. 1] – 2-я четверть V века.

³⁰ Период с 468 по 458 гг. С.М. Боура определил, как *первый* творческий этап Софокла, когда поэт работал, так сказать, в «эсхиловской» манере, находясь под влияние высокого стиля «отца трагедии» [Bowra, 1986. S. 126–146, здесь – S. 130–136]. Сам поэт различал три стадии в своем творческом развитии (Plut. *De prof. in virt.* 79b,1–2). Автор анонимного «Жизнеописания Софокла» сообщает, что «трагедии он учился у Эсхила» (Anonym. *Vita Soph.* 4); это же подтверждает устойчивая античная традиция (Aristoph. *Ran.* 787 sqq.; 1515 sqq.; Diog. Laert. III.56; Suda, s.v. Σοφοκλῆς, Σ 815). См. специальное исследование по теме: [Bowra, 1986]; и дополнительно: [Зелинский, 1914а. С. LIII слл.; Зелинский, 1914г. С. 157; Зелинский, 1915. С. XXXVI слл.; Webster, 1936. P. 143; Lesky, 1972. S. 170; Ярхо, 1978. С. 165 сл.; Podlecki, 1979. P. 55; Йерер, 2001. С. 316 слл.; Scullion, 2002. P. 87–89; Ярхо, 2005. С. 53–54, 236; Сеницын, 2006. С. 396 сл.; Сеницын, 2007. С. 233].

поэтических произведений, – в чисто поэтическом и художественном аспектах, склоняют в пользу того, чтобы отнести «Эномая» к раннему периоду творчества афинского драматурга.

(б) Этот же отрывок драмы (Frag. 471), возможно, свидетельствует о том, что здесь Софокл включил в действие *каталог* предыдущих – до Пелопа – женихов Гипподамии, с которыми жестоко расправился Эномай. У Аполлодора мы встречаем указание на 12 несчастных предшественников Пелопа (Apoll. Epit. II. 5); другие же источники сообщают, что было 13 претендентов (Pind. Ol. I. 79; ср.: Pind. Frag. 135. 1, Snell-Maehler; Philostr. Imag. I. 17. 4); а Павсаний называет имена 18 женихов (Paus. VI. 21. 7 sqq.) [см.: Berger, 1935; Fiehn, 1937. Sp. 2245 f.; Geisau, 1979; Triantis, 1999. P. 19 ss.]. Возможность каталога в «Эномае» Софокла, конечно, всего лишь предположение; но оно не лишено основания. О перечне женихов писской царевны мы знаем, например, из Павсания (VI. 21. 7, 10–11). Среди предшественников Софокла в художественной обработке мифа о Пелопе и Эномае каталоги женихов Гипподамии были, по видимому, у Гесиода (Frag. 259b, Merkelbach–West)³¹ и у старшего современника Софокла, знаменитого лирического поэта Пиндара (на что указывает схолиаст: Schol. in Pind. Ol. I. 79, schol. 127a–e, Drachmann), который здесь следовал за Гесиодом [Гаспаров, 1980. С. 397. Прим. к Пиндар. Ol. I. 81]. Если же данная гипотеза верна, то, следовательно, начинающий драматург Софокл и в этом подражал своему предшественнику Эсхилу, «отцу трагедии» – законодателю формы трагической пьесы, драматургических приемов, да, надо думать, и выбора сюжетов для трагических постановок. Его наследник, пока еще шедший за «отцом» стопой в указанную стопу, подражал ему, а вместе с тем, и противостоял в своем подражании. Как уже было сказано, Эсхил в своем творчестве не обращался к мифу об Эномае (хотя и фабула этого сказания и многие его «технические» элементы – оракул писскому царю, что он погибнет от руки своего зятя; ὄβρις Эномая, кичившегося своими победами над женихами дочери и заявлявшего, что он выстроит храм из их черепов; проклятие Миртилы и проч. – служили хорошей основой для трагического произведения). Но практика использования «эпических» каталогов «отцом трагедии» засвидетельствована, например, в полностью сохранившихся «Персах» и «Семерых против Фив», а также в драмах о Прометее. Позже этот «эпический», гомеровский³², а для аттической драматургии именно *эсхилловский* прием, Софокл уже никогда больше не использовал в своих пьесах [ср.: Bowra, 1986. S. 135–136; Calder, 2006. P. 175].

(в) Рассматриваемый нами фрагмент 473 (TGF IV, Radt), – при условии, что он составлял один полный стих, который верно процитировал Афинея, – является *триметром*, т. е., как считают знатоки языка и метрики античной драматургии, размером более распространенным в ранних произведениях Софокла, и свойственным, опять же, «архаическому» – эсхилловскому – стилю [Stanford, 1940. P. 8–10; Calder, 2006. P. 175 f.; Griffith, 2006. P. 57³³].

³¹ [Ср.: Pearson, 1917. Т. 2. P. 122].

³² О гомеровских мотивах и лексике у Софокла см., например: [Radt, 1991. S. 89–92, 106–109; Davidson, 2006. P. 25–38].

³³ Именно на том основании, что здесь (как и в нескольких других случаях в своих сатирических драмах) поэт использует триметр, М. Гриффит предположил, что «Эномай» был не трагедией

(д) Наконец, зная фабулу этой мифической истории, центральной темой трагедии «Эномай» (а может быть и всей трилогии, в которую она входила) было наказание за проклятие, лежавшее на Пелопе и его потомках. Идеино-художественная функция родового проклятия, свойственная, главным образом, драматургии Эсхила, определяла у «отца трагедии» единство действия всей трилогии³⁴. Эномай, сын Ареса, был родоначальником Атридов. Злосчастная судьба этого рода была популярной темой у афинских трагиков [см.: Berger, 1935]. К ней неоднократно обращался и Софокл. Известно, что драматург создал трагедию «Атрей, или Микенянки» (Soph. *Atr. Frag.* 140–141. TGF IV, Radt) и две (или три?) трагедии под названием «Фиест» (Soph. *Thy. Frag.* 247–269. TGF IV, Radt); ср.: [Anth. Gr. IX. 98, Beckby; Radt, 1991. S. 89, 104–105; Jouanna, 2007. P. 620, 631]. Ф.Ф. Зелинский считал, что эти драмы образовывали трилогию «Фиестя» – «трилогию в эсхилевском смысле» [Зелинский, 1914 г. С. 259–268]³⁵. Эта «настоящая трилогия ужасов», по мнению Зелинского, относилась «к ранней эпохе поэта, когда он еще не порвал с традициями своего учителя» и «предшествовала “Орестее” Эсхила» [Там же. С. 259]. Не исключено, что проклятие Миртилы, имевшее место в финале Софоклового «Эномая» (или в следующей за ним пьесе/пьесах), могло составлять идейную канву всей трилогии в целом³⁶. Подтверждением того, что в коварном предательстве Пелопа Софокл видел причину дальнейших бедствий и преступлений рода Пелопидов являются стихи хора в первом стасиме «Электры» (vv. 504–515) [ср.: Зелинский, 1914 г. С. 256; Dunn, 2006. P. 195–197]³⁷. И в этом смысле, трагедию «Эномай» можно воспринимать только как созданную *ad exemplum Aeshylum*.

Как уже было сказано, при тех ничтожно малых данных, которыми мы располагаем, решение вопроса о датировке драмы может носить лишь предположительный характер. Однако аргументы Колдера III, основанные на исторических фактах и аналогиях, а также архаические эсхилизмы художественного стиля и метрики «Эномая» перевешивают доводы сторонников более поздней датировки пьесы не только количественно, но, как кажется, и качественно. Они с большей долей вероятности позволяют говорить о том, что эта драма была написана Софоклом в начальный период его творчества: между 468 г. (дата, предложенная Колдером III) и 458 г. – год, когда, одержав свою последнюю победу в театральном агоне, Эсхил покинул Афины и удалился на Сицилию.

ей, а сатировой драмой [Griffith, 2006. P. 57 et Note 24, P. 64]. Но, по-видимому, считать так нет никакого резона [см.: Calder, 2006. Note 28; ср.: Fiehn, 1937. Sp. 2248].

³⁴ Примером единства трилогического действия, рассказывающего о родовом проклятии, у Эсхила является «Эдиподия» (467 г.), в состав которой входили трагедии «Лаий», «Эдип» и «Семеро против Фив» (из них сохранилась последняя), и полностью дошедшая до нас трилогия «Орестя» (458 г.).

³⁵ К мифическим сказаниям о роде Атридов принадлежали у Софокла трагедии «Электра» (сохранилась полностью), «Эгисф» (Frag. 25a, line f. TGF IV, Radt), «Алет» (Frag. 91), «Эригона» (Frag. 235–236), «Клитемнестра» (Frag. 334–335), «Тиндарей» (Frag. 646–647) (впрочем, содержание, и даже само существование, пяти последних не вполне удостоверено) [см.: Зелинский, 1914 г. С. 259–268, 335 сл., 340–344; Radt, 1991].

³⁶ О ранних трилогиях Софокла см.: [Webster, 1936. P. 173; Bowra, 1986. S. 135 ff.].

³⁷ Упоминание о возмездии, лежащем на «многослезном» доме Пелопидов, встречается у Софокла и в других местах: *Ai.* 1291–1298; *El.* 10, 1497 sq.

Если высказанные положения верны, то мнение о заимствовании Софоклом сведений об обычаях скифов из «Истории» Геродота, несомненно, следует признать ошибочным, поскольку появление галикарнасского историка в Афинах относят к середине или, самое раннее, к началу 440-х гг.³⁸, т. е. одно или два десятилетия спустя после постановки «Эномая»³⁹. Но если эта драма была создана Софоклом задолго до знакомства с сочинением Геродота, то как же объяснить в рассматриваемом фрагменте указание поэта на диковинный скифский воинский обычай?

Объяснить же это просто. Одним из следствий Великой греческой колонизации стали тесные контакты между жителями материковой Греции и народом северо-восточной периферии ойкумены, которые открыли для западной цивилизации варварскую *terra incognita*. Об этом свидетельствуют нарративные источники, эпиграфический материал и данные археологии – главным образом массовый импорт аттической керамики в VI–V в., связанный с ростом торговли Афин с Северным Причерноморьем⁴⁰.

Большинство специалистов считает, что встречающиеся в аттической иконографии изображения так называемых «скифских лучников», являются подтверждением присутствия скифов в Афинах с VI в.⁴¹. Ныне таких изображений описано свыше 600, и их количество постоянно увеличивается⁴². Однако в последние годы этнические ассоциации этих «лучников» со скифами причерноморских степей подвергаются сомнению. А.И. Иванчик, основываясь на наблюдениях Фр. Лиссаррага [Lissarrague, 1990. P. 125–149], высказал суждение, что этот художественный образ не мог напрямую указывать на

³⁸ О времени появления и пребывания «отца истории» в Афинах см. в нашей статье [Синицын, 2006. С. 398–400 (с указанием литературы в Прим. 136–139)].

³⁹ В новой интересной статье о логографах, Геродоте и Фукидиде, Игорь Суриков высказал предположение о раннем визите «или даже о ранних визитах» (*sic!*) Геродота в Афины [Суриков, 2008. С. 34–35]. Исследователь формирует свои аргументы, исходя из общеисторического контекста отдельных мест Геродотовой «Истории». Он считает, что галикарнасский историк побывал в Афинах «уже в молодости, в 460-х годах до н. э., в период простасии Кимона» [там же. С. 34] – (*sic!*). Что ж, может быть это и вероятно (учитывая то, что мы не имеем никаких источников, чтобы верифицировать эти события), хотя, как представляется, все же очень маловероятно. Но, даже если пофантазировать и допустить, что Геродот еще в юности посещал притягательный для творческих людей своим интеллектуально-культурным магнетизмом «град Паллады», то все же труд его был написан значительно позже (не менее, чем на два десятилетия!). И сведения о далеких северных народах, обитающих где-то на краю ойкумены, были собраны галикарнасским путешественником до его визита в Перикловы Афины (и, как представляется, все-таки до знакомства с Афинами). И поэтому мы не можем считать его «Историю» как «первоисточник» о восточных диковинках для афинских «столичных» писателей «эпохи Кимона».

⁴⁰ Из множества исследований по теме назовем для примера: [Граков, 1939. С. 231–315, особ. С. 231–233; 290 слл., 293, 306 и др.; Брашинский, 1963. С. 35–48, 56 слл., 86; Виноградов, 1983. С. 366–420, особ. – 380 слл.; Скржинская, 1986. С. 84–94; Meiggs, Lewis, 1988. P. 240–247; Bouzek, 1990. P. 172–180; Boardman, 1994. P. 192–217; Braund, 1997, P. 52; Bähler, 1998. S. 163–174 (обзор нарративных источников), 174–181 (обзор эпиграфических памятников); Boardman, 1999. P. 256–264; Braund, 2004. P. 17–24; Braund, 2004a. P. 25–41; Heinen, 2006. S. 6 ff.]. См. также статьи в сборнике [Scythians and Greeks, 2005] и коллективную монографию [Греки и варвары, 2005].

⁴¹ Литература на эту тему значительна: [Plassart, 1913. P. 151–213; Граков, 1939. С. 305 слл.; Vos, 1963; Raeck, 1981. S. 10–66, 319–322; Черненко, 1981; Hall, 1991. P. 138 f.; Braund, 1997. С. 48–56; Скржинская, 1998. С. 138, 209–223; Фролов, 1998. С. 135–152; Фролов, 1998a. С. 132–140; Bähler, 1998. S. 163–181; Boardman, 1999. P. 256 ff.; Frolov, 2000. S. 3–30; Алексеев, 2003. С. 167; Фролов, 2004. С. 195–220].

⁴² См., например: [Вахтина, 2007. С. 55–67], где дано описание образа «скифского лучника» на чернофигурном аттическом лекифе из раскопок Порфмия 2005 г.

скифов⁴³. По мнению исследователя, в основе канона «скифоидных» изображений лежали впечатления эллинов от контактов с народами, входившими в состав персидских войск [Иванчик, 2002-I. С. 33-55; Иванчик, 2002-II. С. 23-42; Ivantchik, 2005]⁴⁴.

Не включаясь в дискуссию о реальных прототипах «скифских лучников» на афинских вазах⁴⁵, обратимся к другим источникам. Согласно античной нарративной традиции (Andoc. *De pace*. 5; Aeschin. *De falsa leg.* 173)⁴⁶, лучники-скифы (τοξόται) зафиксированы на афинской службе, по крайней мере, за три десятилетия до Геродота [Wernicke, 1891. S. 51-75; Plassart, 1913. P. 152 ss., 186 ss.; Oehler, 1927. Sp. 692-693; Homme, 1937. Sp. 1856; Граков, 1939. С. 290-294. № 70, 71-78; Ehrenberg, 1943. P. 175; Gauthier, 1971. P. 44-79; Фролов, 1998. С. 142 сл., 148 сл.; Bäbler, 1998. S. 166 ff.; Скржинская, 1998. С. 138, 217 сл. (со ссылками на монографию М. Вос); Frolov, 2000. S. 14 ff.; Иванчик, 2002-II. С. 29, 30; Фролов, 2004. С. 206 слл., 214; Braund, 2006. P. 109-113]. Андокид и Эсхин⁴⁷ свидетельствуют о появлении скифских наемников в афинском государстве в начале 470-х гг. – после освобождения Аттики от персидских завоевателей и создания Делосской симмахии (как считают, на средства общесюзной казны и стало возможным приобрести и содержать скифский корпус)⁴⁸.

Скифы, по-видимому, были в Афинах весьма экзотическим этническим элементом, который мог привлекать внимание горделивых эллинов. Варварскиф в чине афинского «городового» – комический персонаж пьес Аристофана. Он присутствует уже в самых ранних сохранившихся его комедиях – в «Ахарнях» (425 г.) и «Всадниках» (424 г.), а также в «Лисистрате» и «Фесмофориазусах» (обе поставлены в 411 г.) [обсуждение см.: Wernicke, 1891; Plassart, 1913. P. 187 s.; Lissarrague, 1990. P. 125 s.; Hall, 1989. P. 38-54; Hall, 1991; Фролов, 1998. С. 146-148; Bäbler, 1998. S. 166-169; Скржинская, 1998. С. 150 слл.; Frolov, 2000. S. 17-22; Соболевский, 2001. С. 290 сл., 295 (имена скифов); Фролов, 2004. С. 208, 211-213; Braund, 2005. P. 81-99; Zimmermann, 2005. S. 147-156; Брагинская, Коваль, 2008. С. 49 и прим. 2]. Высмеивая скудоумие и грубость скифов-полицейских, заставляя их коверкать греческий язык, комедиограф всюду

⁴³ «...Можно утверждать, что аттические художники эпохи архаики и потребители их продукции вовсе не считали скифами (или представителями какого-либо другого конкретного этноса) тех персонажей, которых в современной литературе называют «скифскими лучниками» или «скифами»» [Иванчик, 2002-I. С. 55].

⁴⁴ Так же считает и Д. Браунд, делая замечание по поводу «скифского лучника» с «вазы Евримедона»: «Лучник рассматривается по-разному, как скиф или перс, но, на самом деле, отличие настолько слабое и неясное (а тем более в этом случае головной убор лучника), что мы не можем предположить, кого именно подразумевал художник или же за кого разные зрители принимали мужчину. В нем можно видеть как варвара, так и любого другого» [Braund, 2006. P. 112].

⁴⁵ Замечания к новому осмыслению «скифоидного» образа в аттической иконографии см.: [Вахтина, 2007. С. 62 сл.].

⁴⁶ Ср. также: Phot. *Lex.*, s.v. τοξόται, T 595,4-6; Suda. *Lex.*, s.v. τοξόται, T 771,1-5; *Etym. Magn.* s.v. τοξόται, T 762,9-11; Shol. in Aristoph. *Acharn.* ad loc. v. 54 (οἱ τοξόται), 1-8, Wilson; Shol. in Aeschin. ad loc. *De falsa leg.* 173, Schultz. [Ср.: Braund, 2006. P. 109 ff.].

⁴⁷ Обсуждение этой информации у афинских ораторов: [Доватур, 1980. С. 48-49; Bugh, 1982. P. 306-312].

⁴⁸ Обычно сообщение Андокида исследователи относят ко времени после Саламинской битвы, называя 480 год [Граков, 1939. С. 232; Доватур, 1980. С. 48; Скржинская, 1998. С. 150] или порой указывают 476 г. [Plassart, 1913. P. 186 ss.; Lissarrague, 1990. P. 126; Фролов, 1998. С. 143; Frolov, 2000. S. 14-15, 17; Иванчик, 2002-II. С. 30; Фролов, 2004. С. 208].

представляет их эдакими потешными дураками, показывая, вероятно, то отношение к этому чужеродному элементу, которое уже сложилось в афинском обществе во второй половине V в.⁴⁹

В середине V в. вошли в поговорку и известные манеры скифов, на что указывает, например, выражение «оскифиться» (σκιθίζειν / ἐπισκιθίζειν): в одном из значений – «напиться на скифский лад», т. е. «пить неразбавленное вино» или «пить вино неумеренно»⁵⁰. Геродот, пересказывая легенду о склонности спартанского царя Клеомена I к питью «по-скифски» (VI. 84. 1, 3), говорит, что, научившись у скифов пить неумеренно, царь лишился рассудка, и с тех пор спартанцы, когда хотят выпить хмельного вина, говорят: «Наливай по-скифски!» (ἐπισκίθισον – буквально: «Оскифимся!») (ibid. § 3)⁵¹.

Исключительно скифской практикой греки, по-видимому, считали скальпирование. Для указания на этот дикий варварский обычай в древнегреческом языке использовались формы глаголов σκιθίζειν и ἀποσκιθίζειν – «по-скифски сдирать кожу головы вместе с волосами»⁵². Об этом сообщают многие «толковые словари» античности и средневековья [Ael. Herodian. *De pros. cath.* 62,12–13; Hesych. *Lex.*, s.v. ἀποσκιθίσαι, A 6638; ibid., s.v. σκιθιστὴ χεῖρόμακτρον, Σ 1157, 1–2; Steph. Byz. *Ethn.* 578,16; Phot. *Lex.*, s.v. ἀποσκιθίσαι, A 2658,1–2; Suda. *Lex.*, s.v. ἀπεσκιθίζον, A 3062,1–2; ibid., s.v. ἀποσκιθίσαι, A 3533,1–2; Mich. Psell. *Poem.* VI.292; *Etym. Gud.*, s.v. Σκιθίζειν, Σ 505,21–23; *Etym. Magn.* s.v. ἀποσκιθίσαι, A 125,55–57; Ps.-Zonar. *Lex.*, s.v. ἀποσκιθίσαι, A 282,19–21]. Дважды встречаются эти формы, указывающие на жестокие скифские манеры, в сохранившемся корпусе сочинений аттических трагиков, а именно у Еврипида (*El.* 241: καὶ κράτα πλόκαμόν τ' ἐσκιθισμένον ξυρῶ («И голову, и локоны обрила на скифский лад»); *Tr.* 1026: κράτ' ἀπεσκιθισμένην («...по-скифски лишенной волос»)⁵³.

В афинской драме V в. восточные новшества, импортировавшиеся в этот период в Афины, были «особым художественным приемом, усиливавшим привлекательность этого еще нового тогда вида искусства» [Борухович, 1972.

⁴⁹ См. новое исследование на эту тему Бальбины Бэблер «Полисмены или дуралеи? Скифский полицейский корпус в классических Афинах»: [Bäbler, 2005. P. 114–122] (с литературой).

⁵⁰ Anacr. *Frag.* 11b,1–5 PMG, Page (= Athen. X.29); Ach. *Aith.* *Frag.* 9,3 TGF I, Snell (= Athen. X. 29). [См.: Lissarrague, 1990. P. 146 ss.; Иванчик, 2002–II. С. 37, 39; Лиссарраг, 2008. С. 16, 95 сл., 115, 158. Прим. 13]. Ср.: [Pape, 1908. Bd. 1. S. 980. Sp. 1–2, s.v. ἐπισκιθίζω; LSJ. P. 657. Col. 2, s. v. ἐπισκιθίζω; P. 1616. Col. 1, s.v. Σκιθίζω (1)].

⁵¹ Ср.: Chamael. *Frag.* 10, Wehrli = Athen. X. 29; Ael. *Var. Hist.* II. 41. [Латышев, 1948. С. 290; на эту тему см.: Hartog, 1980. P. 176 ss.; Lissarrague, 1990. P. 146 ss.; Скржинская, 2000. С. 120–121; Лиссарраг, 2008. С. 16]. О недостоверности предания о смерти Клеомена по причине безумия, вызванного чрезмерным пьянством: [Braund, 2004a. P. 38 (скифы в Спарте); Печатнова, 2006. С. 59 сл.; Печатнова, 2007. С. 128–131; Welwei, 2007. S. 50 f.].

⁵² См. словари: [Вейсман, 1899. Стлб. 178, сл. стат. ἀποσκιθίζω («сдирать кожу с головы, по обычаю Скифов»); Pape, 1908. Bd. 1. S. 325. Sp. 1, s.v. ἀποσκιθίζω («nach Scythen Art die Kopfhaut mit dem Haare abziehen»); Дворецкий, 1958. Т. 1. С. 215. Стлб. 2, сл. стат. ἀποσκιθίζω («на скифский лад сдирать кожу с головы»); LSJ. P. 218. Col. 1, s.v. ἀποσκιθίζω (1) («scalp (as the Scythians did)»); LSJ. P. 1616. Col. 1, s.v. Σκιθίζω (2) («from the Scythian practice of scalping slain enemies»)]. См. также литературу: [Доватур, Калинин, Шишова, 1982. С. 302. Прим. 408; Скржинская, 1985. С. 144; Rolle, 1989. P. 82; Riedlberger, 1996. S. 55 ff., 60; Murphy, Gokhman, Chistov, Barkova, 2002. P. 8].

⁵³ Здесь мы не станем рассуждать о значении употребляемых Еврипидом причастий от глаголов σκιθίζειν / ἀποσκιθίζειν, уделив этому внимание в другом месте. В литературе см.: [Скржинская, 1985. С. 144; Rolle, 1991. S. 117; Riedlberger, 1996. S. 55 f.; Скржинская, 1998. С. 149]. Ср.: Athen. XII. 27 [Латышев, 1948. С. 291].

С. 24]. Сохранившиеся отрывки Софокловых пьес полны детальной информации о варварских реалиях и обычаях (египетских, карийских, лидийских, персидских, скифских, фракийских)⁵⁴. Судя по всему, эти сведения в творчестве Софокла были представлены не просто в качестве интересных отступлений, способных привлечь внимание публики, но как сюжетообразующий материал его произведений [Vasop, 1961. P. 79].

В «собрании сочинений» Софокла была драма, которая называлась «Скифы»; от нее сохранилось всего лишь 5 строк и несколько отдельных слов (Soph. *Scyth. Frag.* 546–552. TGF IV, Radt). В «Скифах» поэт обработал один эпизод из сказания об аргонавтах, а именно возвращение аргонавтов в Элладу и спор Медеи и Ээта, которые были действующими лицами драмы. Очевидно, события разворачивались где-нибудь в Скифии. Скифы, которые выступали на сцене в качестве хора и, возможно, пытались быть посредниками между беглецами (аргонавтами) и преследователями (Ээтом и колхийцами), дали название трагедии [см.: Зелинский, 1914 г. С. 214–217; TGF IV, Radt. P. 415–418; Скржинская, 1985. С. 145–147; Lloyd-Jones, 1996. P. 274–277; Скржинская, 1998. С. 142–143; Bäbler, 1998. S. 164; Jouanna, 2007. P. 660]. Упоминание скифского лучника встречается у Софокла во фрагменте трагедии «Навплий»: [Σοφοκλῆς ἐν Ναυπλίῳ ...] “ὡς ἀσπίδοῦχος ἢ Σκύθης τοξέουσασι” (Steph. Byz. *Ethn.* 135,4–5,6, Meineke = Soph. *Naupl. Frag.* 427. TGF IV, Radt).

О скифах многократно упоминает в своих трагедиях старший современник Софокла Эсхил [см.: Скржинская, 1998. С. 135–149; Bäbler, 1998. S. 164; Мусбахова, 2000. С. 68–71]. Причем некоторые сведения, содержащиеся в его пьесах, свидетельствуют о том, что он располагал и значительными, и довольно точными знаниями об этом народе, местах его расселения, обычаях и верованиях. А то, что Эсхил широко использовал эти сведения в своих пьесах, рассчитанных на массового зрителя, свидетельствует и об информированности в этом смысле афинских граждан (впрочем, конечно же, и не только афинских).

Бесспорно, влияние историко-этнографических рассказов Геродота как на афинскую историографию и культуру, так и на греческую литературу в целом было значительным⁵⁵. Однако говорить об «ориентомании» афинян через их знакомство с трудом галикарнасского путешественника вряд ли правомерно. Здесь мы еще раз сошлемся на мнение В.Г. Боруховича, который отмечал, что «увлечение восточной экзотикой и особенно восточными культурами было явлением, довольно распространенным в Афинах классической эпохи» [Борухович, 1972. С. 29; ср.: Борухович, 1974; Long, 1986. P. 1–19; Hall, 1991. Passim; Брагинская, Коваль, 2008. С. 49–76].

Приведенные нами факты показывают, что афиняне, были знакомы со скифами до Геродота и без Геродота. Сведения об их диковинных обычаях афиняне могли получать непосредственно от скифских наемников в Афинах

⁵⁴ Как заметила Э. Бейкон, «Фрагменты Софокла содержат больше сведений об иноземных предметах, чем все пьесы на иностранные темы у Эсхила вместе взятые» (Vasop, 1961. P. 78). Теме Северного Причерноморья в поэзии Софокла посвящена статья Скржинской [Скржинская, 1985. С. 142–148]; см. так же: [Kiso, 1984. P. 53 f.; Скржинская, 1991. С. 118 сл.; Hall, 1991. P. 166–170; Скржинская, 1998. С. 141 сл., 266].

⁵⁵ Об этом написаны десятки специальных трудов. Последние исследования на эту тему: [Nielsen, 1997. Passim; Saïd, 2002. P. 117–147; Griffin, 2006. P. 46–59; Dewald, Kitzinger, 2006. P. 122–129; Hornblower, 2006. P. 306–318; Суриков, 2007а С. 145 сл.; Bleckmann, 2007. S. 137–150; Суриков, 2008. С. 25–37].

либо через многочисленных торговцев и путешественников – регулярных гостей в причерноморские земли с середины VII в.

Выводы:

1) Приведенные выше аргументы о датировке Софокловского «Эномая» свидетельствуют в пользу того, что эта пьеса была *одной из ранних*, относящихся к *первому периоду творчества поэта* (вероятно, к 460-м годам).

Поэтому, 2) описание обряда скальпирования у скифов, которое дает в своем сочинении Геродот, по определению не могло являться для Софокла источником сведений о народе Северного Причерноморья (дополнительный аргумент в пользу того, что гипноз фактов разнообразных совпадений, встречающихся в античной литературе, продолжает воздействовать на ученые умы и порождает историографические мифы о заимствовании древними писателями друг у друга терминов или реалий).

Следовательно, 3) мы полагаем, что *первым в мировой литературе упоминанием* об этом диковинном и диком скифском обычае следует считать именно фрагмент Софоклового «Эномая».

4) Сведения драматург мог получить непосредственно от воинов-скифов, наемный контингент которых, по крайней мере, уже с начала 470-х гг. находился на службе у афинского государства. (Это же объясняет и хорошую осведомленность о скифах и Северном Причерноморье и Софокла, и его предшественника Эсхила.)

5) Знания о скифах в V в. были настолько общими и устойчивыми, что в эпоху Софокла слова с корнем *skythi-* уже устойчиво закрепились в аттическом языке и вошли в лексикон афинской драматургии.

Что же касается содержания сохранившегося отрывка из Софоклового «Эномая» (Frag. 473. TGF IV, Radt) и места этого фрагмента в контексте трагедии, то эти рассуждения лежат уже за рамками заявленной нами темы и требуют отдельного специального исследования и обсуждения⁵⁶.

Литература:

- Акимова Л.И. Искусство Древней Греции. Классика. СПб., 2007.
 Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. СПб., 2003.
 Аполлон. Изобразительное и декоративное искусство. Архитектура. М., 1997.
 Борухович В.Г. Историческая концепция египетского логоса Геродота // АМА. Вып. 1. 1972.
 Борухович В.Г. Египет в классической греческой трагедии // АМА. Вып. 2. 1974.
 Борухович В.Г. Вечное искусство Эллады. СПб., 2002.
 Брагинская Н.В., Коваль А.Н. «Ираническое» в «Персах» Эсхила // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Материалы чтений,

⁵⁶ Автор признателен коллегам В.И. Кацу, В.А. Лопатину, Н.М. Малову, В.Ю. Михайлину за консультации, полученные при подготовке этой статьи, а также В.А. Леусу, Ю.Ю. Каргину и Е.В. Смыкову за помощь литературой по теме.

- посвящ. памяти проф. И.М. Тронского / Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб., 2008. Вып. 12.
- Брашинский И.Б.* Афины и Северное Причерноморье в VI-II вв. до н. э. М., 1963.
- Вахтина М.Ю.* Фрагмент чернофигурного аттического лекифа с изображением «скифского лучника» из раскопок Порфмия // ИИАО. Вып. 9-10. 2007.
- Вейсман А.Д.* Греческого-русский словарь. 5-е изд. СПб., 1899 (репр.: М., 1991).
- Виноградов Ю.Г.* Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция: проблемы развития полиса. Т. 1: Становление и развитие полиса. М., 1983.
- Виппер Б.Р.* Искусство древней Греции. М., 1972.
- Гаспаров М.Л.* Примечания // Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. М., 1980.
- Гимадеев Р.А.* Об одном элегическом фрагменте Софокла (Frag. 5 Bergk) // Ранняя греческая лирика (миф, культ, мировоззрение, стиль). СПб., 1999.
- Граков Б.Н.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3.
- Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху / Отв. ред. К.К. Марченко. СПб., 2005.
- Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь / Под ред. С.И. Соболевского. Т. 1-2. М., 1958.
- Доватур А.И.* Рабство в Аттике в VI-V века до н. э. Л., 1980.
- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота: тексты, перевод, комментарий. М., 1982.
- Ельницкий Л.А.* Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977.
- Зайцев А.И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII-V вв. до н. э. 2-е изд., испр. и перераб. / Под ред. Л.Я. Жмудя. СПб., 2000.
- Зелинский Ф.* Софокл и Геродот (новые данные) // Гермес. 1912. № 15 (101).
- Зелинский Ф.* Новонайденная сатирическая драма Софокла // Вестник Европы. Кн. 1 (январь). 1914.
- Зелинский Ф.* Софокл и героическая трагедия // Софокл. Драмы / Пер. с предисл. и введ. Ф. Зелинского. Т. 1. М., 1914.
- Зелинский Ф.* Трагедия возмездия // Софокл. Драмы / Пер. с предисл. и введ. Ф. Зелинского. Т. 1. М., 1914.
- Зелинский Ф.* Софокл и сатирическая драма // Софокл. Драмы / Пер. с предисл. и введ. Ф. Зелинского. Т. 3. М., 1914.
- [*Зелинский Ф.*] Отрывки // Софокл. Драмы / Пер. с предисл. и введ. Ф. Зелинского. Т. 3. М., 1914.
- Зелинский Ф.* Софокл и героическая трагедия // Софокл. Драмы / Пер. с предисл. и введ. Ф. Зелинского. Т. 2. М., 1915.
- Зельин К.К.* Олимпиадики и тираны // ВДИ. 1962. № 4.
- Иванчик А.И.* Кем были «скифские» лучники на аттических вазах эпохи архаики? – I // ВДИ. 2002. № 3.
- Иванчик А.И.* Кем были «скифские» лучники на аттических вазах эпохи архаики? – II // ВДИ. 2002. № 4.

- Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека / Пер. А.И. Любжина. Т. 1. М., 2001.
- Крузе А. и М. История греческой литературы. 2-е изд. Пг., 1916.
- Кузицин В.И. Культура Греции классического периода // История Древней Греции / Под ред. В.И. Кузицина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1996.
- Кузнецова Т.М. Алтайский памятник и скифские обычаи // Киммерийцы и скифы. Тез. докладов Всесоюз. семинара, посвящ. памяти А.И. Тереножкина. Ч. 2. Кировоград, 1987.
- Куманецкий К. История культуры Древней Греции и Рима / Пер. В. К. Ронина. М., 1990.
- Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1948. № 2.
- Лиссарраг Ф. Вино в потоке образов. Эстетика древнегреческого пира / Пер. Е. Решетниковой. М., 2008.
- Лихт Г. Сексуальная жизнь в древней Греции / Пер. Н.А. Поздняковой. М., 2003.
- Лурье С.Я. Геродот. М.; Л., 1947.
- Лурье С.Я. Очерки по истории античной науки: Греция эпохи расцвета. М.; Л., 1947.
- Маринович Л.П. Гражданин на празднике Великих Дионисий и полисная идеология // Человек и общество в античном мире. М., 1998.
- Марру А.-И. История воспитания в античности (Греция) / Пер. А.И. Любжина и др. М., 1998.
- Медникова М.Б. Скальпирование на Евразийском континенте // РА. 2000. № 3.
- Медникова М.Б. Трепанации у древних народов Евразии. М., 2001.
- Михайлин В.Ю. Тропа звериных слов: Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. М., 2005.
- Мусбахова В.Т. Χάλυβος Σκυθῶν ἄποικος: Aesch. Sept. 728 – Prometh. 714 // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Материалы чтений, посвящ. памяти проф. И.М. Тронского. Вып. 4. СПб., 2000.
- Перерва Е.В. О скальпировании у сарматов (по материалам могильника Новый) // РА. 2005. № 3.
- Печатнова Л.Г. Античное предание о гибели спартанского царя Клеомена I // АМА. Вып. 12. 2006.
- Печатнова Л.Г. Спартанские цари. М., 2007.
- Родс П.Дж. Афинский театр в политическом контексте // ВДИ. 2004. № 2.
- Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. М.; Л., 1952.
- Руденко С.И. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960.
- Синицын А.А. Геродот, Софокл и египетские диковинки (об одном историографическом мифе) // АМА. Вып. 12. 2006.
- Синицын А.А. Поэт между Эсхилом и Еврипидом: Место Софокла в «Лягушках» Аристофана // ИИАО. Вып. 9–10. 2007.

- Синицын А.А. Дионисийские драмы Софокла // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., Вып. 6. 2007.
- Синицын А.А. Свежо предание..., или Историографический миф о близости двух античных писателей-современников (замечания к «Софокловой» эпиграмме из Плутарховых «Моралий») // Теоретический альманах «Res cogitans». Вып. 4. М., 2008.
- Синицын А.А. Plut. Mor. 785b: критические замечания о достоверности источника // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2008. СПб., Вып. 7.
- Скржинская М.В. Тема Северного Причерноморья в творчестве Софокла // ВДИ. 1985. № 2.
- Скржинская М.В. Герои киммерийских и скифских легенд в греческой поэзии и вазовой живописи VII–VI вв. до н. э. // ВДИ. 1986. № 4.
- Скржинская М.В. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев, 1991.
- Скржинская М.В. Скифия глазами эллинов. СПб., 1998.
- Скржинская М.В. Будни и праздники Ольвии в VI–I вв. до н. э. СПб, 2000.
- Соболевский С.И. Аристофан и его время. 2-е изд. М., 2001.
- Соколов Г.И. Олимпия. М., 1980.
- Суриков И.Е. Аттическая трагедия и политическая борьба в Афинах // Античный вестник. Вып. 4–5. Омск, 1999.
- Суриков И.Е. Перикл, Аμισ и амазонки // ИИАО. Вып. 6. 1999.
- Суриков И.Е. Олимпийские игры и греческая скульптура конца VI–V вв. до н. э. // Античность: общество и идеи. Казань, 2001.
- Суриков И.Е. Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н. э.: Софокл, Еврипид и Аристофан в их отношении к традиционной полисной религии. М., 2002.
- Суриков И.Е. Клио на подмостках: классическая греческая драма и историческое сознание // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. М., 2005.
- Суриков И.Е. Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М., 2007.
- Суриков И.Е. «Несвоевременный» Геродот (Эпический прозаик между логографами и Фукидидом) // ВДИ. 2007. № 1.
- Суриков И.Е. ЛОГОГРАФОΙ в труде Фукидида (I.21.1) и Геродот (Об одном малоизученном источнике раннегреческого историописания) // ВДИ. 2008. № 2.
- Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н. э.). СПб., 2002.
- Фролов Э.Д. Скифы в Афинах // ВДИ. 1998. № 1.
- Фролов Э.Д. Скифы в Афинах (по изображениям на аттических черно- и краснофигурных вазах) // История и культура древних и средневековых обществ. Сборник научных статей, посвященных 100-летию со дня рождения М.И. Артамонова (Проблемы археологии. Вып. 4). СПб., 1998.
- Фролов Э.Д. Полицейская служба в демократическом полисе: скифы в Афинах // Фролов Э.Д. Парадоксы истории – парадоксы античности. СПб., 2004.
- Хаммонд Н. История Древней Греции / Пер. Л.А. Игоревского. М., 2003.
- Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев, 1981.

- Шанин Ю.В. Олимпия. История античного атлетизма. СПб., 2001.
- Ярхо В.Н. Драматургия Эсхила и некоторые проблемы древнегреческой трагедии. М., 1978.
- Ярхо В.Н. Фрагменты // Софокл. Драмы. М., 1990.
- Ярхо В.Н. Софокл. Жизнь и творчество. М., 2005.
- Alscher L. Griechische Plastik. Berlin, 1982. Bd. 2.1: Klassik.
- Aly W. Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen. Göttingen, 1921.
- Athenaeus. Deipnosophistae / Ed. G. Kaibel. Lipsiae, 1887-1890. Vols. 1-3 (repr.: Stuttgart, 1965-1966).
- Bäbler B. Fleissige Thrakerinnen und wehrhafter Skythen: Nichtgriechen im klassischen Athen und ihre archäologische Hinterlassenschaft. Stuttgart, 1998.
- Bäbler B. Bobbies or boobies? The Scythian police force in classical Athens // Scythians and Greeks, 2005. P. 114-122.
- Bacon H.H. Barbarians in Greek Tragedy. New Haven, 1961.
- Barth H. Anmerkungen // Herodot. Das Geschichtswerk. 2. Aufl. Berlin; Weimar, 1985. Bd. 1.
- Berger O. La légende de Pélops et d'Oinomaos. Louvain, 1935.
- Bichler R., Rollinger R. Herodot. Hildesheim et al., 2001.
- Bleckmann B. Ktesias von Knidos und die Perserkriege: historische Varianten zu Herodot // Herodot und die Epoche der Perserkriege. Realitäten und Funktionen Kolloquium zum 80. Geburtstag von Dietmar Kienast / Hrsg. von B. Bleckmann. Köln; Weimar; Wien, 2007. S. 137-150.
- Blumenthal A. von. Sophokles (1) // RE. 1927. Bd. 3.1.A. Sp. 1040-1094.
- Boardman J. The Diffusion of Classical Art in Antiquity. London, 1994.
- Boardman J. The Greeks Overseas. Their Early Colonies and Trade. 4 ed. London, 1999.
- Borbein A.H. Klassik // Einleitung in die griechische Philologie / Hrsg. von H.-G. Nesselrath. Stuttgart; Leipzig, 1997. S. 609-634.
- Bouzek J. Studies of Greek Pottery in the Black Sea Area. Prague, 1990.
- Bouzek J. Die natürliche Umwelt des Menschen in der griechischen Kunst des 5. Jh. v. Chr. // Gab es das Griechische Wunder?: Griechenland zwischen dem Ende des 6. und der Mitte des 5. Jahrhunderts v. Chr.; Tagungsbeiträge des 16. Fachsymposiums der Alexander von Humboldt-Stiftung, veranstaltet vom 5. bis 9. April 1999 in Freiburg im Breisgau / Hrsg. von D. Papenfuß und V.M. Strocka. Mainz am Rhein, 2001. S. 137-145.
- Bowra C.M. Sophokles über seine eigene Entwicklung // Sophokles. 2., unveränd. Aufl. / Hrsg. von H. Diller. Darmstadt, 1986. S. 126-146 (= Sophocles on his own Development // Problems in Greek Poetry. Oxford, 1953. P. 108-125).
- Braund D. Scythian Archers, Athenian Democracy and a Fragmentary Inscription from Erthyrae // Античный мир. Византия: К 70-летию проф. В.И. Кащеева. Харьков, 1997. С. 48-56.
- Braund D. Scythians in the Cerameicus: Lucian's "Toxaris" // Pontus and the outside world: studies in Black Sea history, historiography, and archaeology / Ed. by C.J. Tuplin. Leiden; Boston, 2004. P. 17-24.
- Braund D. Herodotus' Spartan Scythians // Ibidem. P. 25-41.

- Braund D.C.* Pericles, Cleon and the Pontus: the Black Sea in Athens c. 440–421 // *Scythians and Greeks*, 2005. P. 81–99.
- Braund D.C.* In Search of the Creator of Athens' Scythian Archer-police: Speusis and the "Eurymedon Vase" // *ZPE*. 2006. Bd. 156. P. 109–113.
- Bugh G.R.* Andocides, Aeschines and the Three Hundred Athenian Cavalrymen // *Phoenix*. 1982. Vol. 36. P. 306–312.
- Calder W.M.III.* Sophocles, *Oinomaos*, and the East Pediment at Olympia // *Calder W.M.III. Theatrokratia: Collected Papers on the Politics and Staging of Greco-Roman Tragedy* / Ed. by R.S. Smith. 2nd ed. Hildesheim; Zürich; New York, 2006. P. 175–192 (= *Philologus*. 1974. Bd. 118. Hft. 2. S. 203–214).
- Calder W.M.III.* Sophocles' "Tereus": A Thracian Tragedy // *Ibidem*. P. 267–273 (= *Thracia*. 1974. Vol. 2. P. 87–91).
- Carson A.* *Eros the Bittersweet*. Princeton, 1986.
- Chantraine P.* *Dictionnaire étymologique de la langue grecque: Histoire des mots*. Paris, 1970. T. 2.
- Christ W.* *Geschichte der griechischen Litteratur bis auf die Zeit Justinians*. 3. vermehrt. und verbess. Aufl. München, 1898.
- Davidson J.F.* Sophocles and Homer: Some Issues of Vocabulary // *Sophocles and Language*, 2006. P. 25–38.
- Debnar P.* Fifth-Century Athenian History and Tragedy // *A Companion to Greek Tragedy* / Ed. by J. Gregory. Oxford, 2005. P. 3–22.
- Dewald C., Kitzinger R.* Herodotus, Sophocles and the woman who wanted her brother saved // *The Cambridge Companion to Herodotus* / Ed. by C. Dewald and J. Marincola. Cambridge, 2006. P. 122–129.
- Diesner H.-J.* Skythische Religion und Geschichte bei Herodot // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1961. Bd. 104. S. 202–212.
- Diller H.* Sophokles: Die Tragödien // *Das griechische Drama* / Hrsg. von G.A. Seeck. Darmstadt, 1979. S. 51–104.
- Dobrov G.* The Tragic and the Comic Tereus // *American Journal of Philology*. 1993. Vol. 114. № 2. P. 189–234.
- Dobrov G.* *Figures of Play: Greek Drama and Metaphictional Poetics*. Oxford, 2001.
- Dorati M.* *Le "Storie" di Erodoto: Etnografia y Racconto*. Pisa; Roma, 2000.
- Dörpfeld W.* *Alt-Olympia. Untersuchungen und Ausgrabungen zur Geschichte des älteren griechischen Kunst*. Berlin, 1935.
- Dunn F.M.* Trope and Setting in Sophocles' *Electra* // *Sophocles and Language*, 2006. P. 183–200.
- Egermann F.* *Arete und tragische Bewußtheit bei Sophokles und Herodot*. München, 1957.
- Egermann F.* Herodot–Sophokles. Hohe Arete // *Herodot. Eine Auswahl aus der neueren Forschung* / Hrsg. von W. Marg. München, 1962. S. 249–255.
- Ehrenberg V.* *The people of Aristophanes*. London, 1943.
- Ellendt F.* *Lexicon Sophocleum* / Cur. H. Genthe. 2 ed. Lipsiae; Berolini, 1872 (repr.: Hildesheim, 1958).
- Fiehn K.* *Oinomaos (1)* // *RE*. 1937. Bd. 17.2. Hbd. 34. Sp. 2245–2249.
- Fitzpatrick D.* Sophocles' "Tereus" // *CIQu*. 2001. Vol. 51. № 1. P. 90–101.

- Flasch A.* Olympia // Denkmäler des Klassischen Altertums zur Erläuterung des Lebens der Griechen und Römer in Religion, Kunst und Sitte / Hrsg. von A. Baumeister. München; Leipzig, 1887. Bd. 2. S. 1053–1104 PP.
- Friederici G.* Skalpierting und ähnliche Kriegsgebräuche in Amerika. Braunschweig, 1906.
- Frisk H.* Griechisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1960. Bd. 1–2.
- Frolov E.* Die Skythen in Athen // Hyperboreus. *Studia classica*. 2000. Vol. 6. Fasc. 1. S. 3–30.
- Gauthier P.* Les ξένοι dans les texts athéniens de la seconde moitié du Ve siècle avant J.-C. // *REG*. 1971. Vol. 84. P. 44–79.
- Geisau H. v.* Oinomaos (1) // *Der kleine Pauly. Lexikon der Antike* / Hrsg. von K. Ziegler und W. Sontheimer. München, 1979. Bd. 4. Sp. 261.
- Gelzer Th.* Some Aspects of Aristophanes' Dramatic Art in "Birds" // *Bulletin of the Institute of Classical Studies*. 1976. Vol. 23. P. 1–14.
- Griffin J.* The Social Function of Attic Tragedy // *ClQu*. 1998. Vol. 48. № 1. P. 39–61.
- Griffin J.* Herodotus and Tragedy // *The Cambridge Companion to Herodotus* / Ed. by C. Dewald and J. Marincola. Cambridge, 2006. P. 46–59.
- Griffith M.* Sophocles' Satyr-plays and the Language of Romance // *Sophocles and Language*, 2006. P. 51–72.
- Hall E.M.* The Archer Scene in Aristophanes' *Thesmophoriazusae* // *Philologus*. 1989. Bd. 133. Hft. 1. P. 38–54.
- Hall E.M.* *Inventing the barbarian: Greek self-definition through Tragedy*. Oxford, 1991.
- Hart J.* *Herodotus and Greek History*. New York, 1982.
- Hartog F.* *Le miroir d'Hérodote*. Paris, 1980 (2 éd. – 1991).
- Heinen H.* *Antike am Rande der Steppe. Der nördliche Schwarzmeerraum als Forschungsaufgabe*. Stuttgart, 2006.
- Hommel H.* *Toxotai* (2) // *RE*. 1937. Bd. 6.2.A. Sp. 1855–1858.
- Hoffmann O.* *Die griechischen Dialekte*. Göttingen, 1898. Bd. 3.
- Hornblower S.* Herodotus' influence in antiquity // *The Cambridge Companion to Herodotus* / Ed. by C. Dewald and J. Marincola. Cambridge, 2006. P. 306–318.
- How W.W., Wells J.* *A Commentary on Herodotus*. Oxford, 1912 (repr.: 1928). Vol. 1–2.
- Ivantchik A.I.* Who were the "Scythian" Archers on Archaic Attic Vases? // *Scythians and Greeks*, 2005.
- Jacoby F.* *Herodotos* (7) // *RE*. 1913. Suppl. 2. Sp. 205–520.
- Jouanna J.* *Sophocle*. Paris, 2007.
- Kiso A.* *The Lost Sophocles*. New York et al., 1984.
- Klöckner A.* Mordende Mütter. Medea, Prokne und das Motiv der furchtbaren Rache im klassischen Athen // *Die andere Seite der Klassik. Gewalt im 5. und 4. Jahrhundert v. Chr.* / Hrsg. von G. Fischer, S. Moraw. Stuttgart, 2005. S. 247–263.
- Lateiner D.* *The historical Method of Herodotus*. Toronto, 1989.
- Lesky A.* *Geschichte der griechischen Literatur*. 3. neu bearb. und erweit. Aufl. München, 1971 (repr.: 1993).
- Lesky A.* *Die tragische Dichtung der Hellenen*. 3. Aufl. Göttingen, 1972.

- Lissarrague F.* L'autre guerrier. Archers, peltastes, cavaliers dans l'imagerie attique. Paris; Rome, 1990.
- LK – Lexikon der Kunst: Architektur. Bildende Kunst. Angewandte Kunst. Industrieformgestaltung. Kunsttheorie. Leipzig, 1978. Bd. 5.
- Sophocles.* Fragments / Ed. by H. Lloyd-Jones. Cambridge Mass., 1996.
- Long T.* Barbarians in Greek comedy. Illinois, 1986.
- LSJ – A Greek-English Lexicon / Compiled by H. G. Liddell and R. Scott. A new (10-th) ed. by H. St. Jones, with new supplement. Oxford, 1996.
- Meier C.* Die politische Kunst der griechischen Tragödie. München, 1988.
- Meier C.* Politik und Tragödie im 5. Jahrhundert // Philologus. 1991. Bd. 135. Hft. 1. S. 70–87.
- Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions. 2-nd ed. Oxford, 1988.
- Meyer E.* Olympia (Topographie) // KP. Bd. 4. Sp. 279–283.
- Mihailov G.* La légende de Térée // AUS. 1956. T. 50. № 2. P. 74–208.
- Müller K.E.* Geschichte der antiken Ethnographie und ethnologischen Theoriebildung. Wiesbaden, 1972. Bd. 1.
- Murphy E., Gokhman I., Chistov Yu., Barkova L.* Prehistoric Old World Scalping: New Cases from the Cemetery of Aymyrlyg, South Siberia // AJA. 2002. Vol. 106. № 1. P. 1–10.
- Nielsen F.A.J.* The Tragedy in History. Herodotus and the Deuteronomistic History. Copenhagen, 1997.
- O'Brien M.J.* Pelopid History and the plot of "Iphigenia in Tauris" // ClQu. 1988. Vol. 38. № 3. P. 98–115.
- Oehler J.* Skythai (2) // RE. 1927. Bd. 3.1.A. Sp. 692–693.
- Olympia: Von den Anfängen bis zu Coubertin / Hrsg. von J. Ebert. Leipzig, 1980.
- Pape W.* Griechisch-Deutsches Handwörterbuch. 3. Aufl. / Neu bearb. von W. Sengebusch. Braunschweig, 1908. Bd. 1–2.
- Parzinger H.* Die Skythen. 2. Aufl. München, 2007.
- Pearson A.C.* The Fragments of Sophocles. Cambridge, 1917 (repr.: Amsterdam, 1963). Vol. 1–3.
- Plassart A.* Les archers d'Athènes // REG. 1913. Vol. 26. P. 151–213.
- Podlecki A.J.* Sophoclean Athens // Panatheneia. Studies in Athenian Life and Thought in the Classical Age / Ed. by T.E. Gregory and A.J. Podlecki. Coronado, 1979. P. 51–74
- Radke G.* Prokne (1) // RE. 1957. Bd. 23.1. Sp. 247–252.
- Radt S.L.* Sophokles in seinen Fragmenten // Fragmenta Dramatica. Beiträge zur Interpretation der griechischen Tragikerfragmente und ihrer Wirkungsgeschichte / Hrsg. von A. Harder und H. Hofmann. Göttingen, 1991. S. 79–109.
- Raeck W.* Zum Barbarenbild in der Kunst Athens im 6. und 5. Jahrhundert v. Chr. Diss... klass. Archäologie. Bonn, 1981.
- Rasch J.* Sophocles quid debeat Herodoto in rebus ad fabulas exornandas adhibitis. Diss... Lipsiae, 1912.
- Riedlberger P.* Skalpieren bei den Skythen. Zu Herodot IV. 64 // Klio. 1996. Bd. 78. Hft. 1. S. 53–60.

- Riemann K.* Das herodoteische Geschichtswerk in der Antike. Diss. München, 1967.
- Rijksbaron A.* On False Historic Presents in Sophocles (and Euripides) // *Sophocles and Language*, 2006. P. 127-149.
- Rolle R.* The World of the Scythians. London, 1989 (= Die Welt der Skythen. Luzern, 1980).
- Rolle R.* Haar und Barttracht der Skythen // *Gold der Steppe* / Hrsg. von R. Rolle. Neumünster, 1991. S. 115-126.
- Ruijgh C.J.* A propos du pronom ŷ (Soph. fr. 471 Radt) // *Fragmenta Dramatica. Beiträge zur Interpretation der griechischen Tragikerfragmente und ihrer Wirkungsgeschichte* / Hrsg. von A. Harder und H. Hofmann. Göttingen, 1991. P. 61-78.
- Saïd S.* Herodotus and Tragedy // *Brill's Companion to Herodotus* / Ed. by E.J. Bakker, I.J.F.de Jong, H.van Wees. Leiden; Boston; Köln, 2002. P. 117-147.
- Schlesinger A.E.* Indications of Parody in Aristophanes // *TAPhA*. 1936. Vol. 67. P. 296-314.
- Schmid W., Stählin O.* Geschichte der griechischen Literatur. München, 1934 (1959). Bd. 1.2.
- Schöbel H.* Olympia und seine Spiele. 4. neubearb. Aufl. Leipzig; Jena; Berlin, 1976.
- Scullion S.* Tragic Dates // *ClQu*. 2002. Vol. 52. № 1. P. 87-89.
- Scythians and Greeks, 2005 - Scythians and Greeks: cultural Interactions in Scythia, Athens and the early Roman empire (Sixth Century BC. - First Century AD)* / Ed. by D. Braund. Exeter, 2005.
- Seaford R.* The Social Function of Attic Tragedy: A Response to Jasper Griffin // *ClQu*. 2000. Vol. 50. № 1. P. 30-44.
- Shapiro H.A.* Theseus in Kimoni an Athens: The Iconography of Empire // *Mediterranean Historical Review*. 1992. Vol. 7.1. P. 29-49.
- Sinn U.* Olympia. Kult, Sport und Fest in der Antike. 3. Aufl. München, 2004.
- Sophocles and Language, 2006 - Sophocles and the Greek Language: Aspects of Diction, Syntax and Pragmatics* / Ed. by I.J.F.de Jong and A. Rijksbaron. Leiden; Boston, 2006.
- Stanford W.B.* Three-Word Iambic Trimeters in Greek Tragedy // *Classical Review*. 1940. Vol. 54. № 1. P. 8-10.
- Strasburger H.* Herodot und das perikleische Athen // *Herodot. Eine Auswahl aus der neueren Forschung* / Hrsg. von W. Marg. 2. Aufl. München, 1962. S. 574-608.
- Swoboda H.* Kimon (1) // *RE*. 1921. Bd. 10.1. Hbd. 21. Sp. 437-438.
- Tragicorum Graecorum fragmenta* / Ed. A. Nauck. 2 ed. Lipsiae, 1889.
- Tragicorum Graecorum fragmenta* / Ed. B. Snell. Göttingen, 1971. Vol. 1.
- Tragicorum Graecorum fragmenta* / Ed. S.L. Radt. Göttingen, 1977. Vol. IV: Sophocles.
- Touloupa E.* Prokne et Philomela // *LIMC*. 1999. Vol. 7. 1. P. 527-529.
- Triantis I.* Oinomaos // *LIMC*. 1999. Vol. 7. 1. P. 19-23.
- Triantis I.* Pelops // *LIMC*. 1999. Vol. 7. 1. P. 282-287.
- Vos M.F.* Scythian Archers in Archaic Attic Vase-Painting. Groningen, 1963.
- Webster T.B.L.* Sophocles. Oxford, 1936.
- Welcker F.G.* Die Griechischen Tragödien mit Rücksicht auf den epischen Cyclus. Bonn, 1839. Bd. 1.

Welwei K.-W. Kleomenes I. und Pausanias: Zum Problem von Einzelpersönlichkeit und Polis in Sparta im späten 6. und im frühen 5. Jahrhundert v. Chr. // Herodot und die Epoche der Perserkriege. Realitäten und Funktionen Kolloquium zum 80. Geburtstag von Dietmar Kienast / Hrsg. von B. Bleckmann. Köln; Weimar; Wien, 2007. S. 37–52.

Wernicke K. Die Polizeiwache auf der Burg von Athen // *Hermes*. 1891. Bd. 26. S. 51–75.

West S.R. Introducing the Scythians: Herodotus on Koumiss (4.2) // *Museum Helveticum*. 1999. Bd. 56. P. 76–86.

West S.R. Sophocles' "Antigone" and Herodotus Book Three // *Sophocles Revisited: Essays Presented to Sir H. Lloyd-Jones* / Ed. by J. Griffin. Oxford, 1999. P. 109–136.

Wiesner J. Olympia (1) // *RE*. 1939. Hbd. 35. Bd. 18.1. Sp. 1–174.

Yalouris N. Olympia. Altis und Museum. 12. Aufl. Athen, 1995.

Zimmermann B. Xenophobie – Philoxenie. Vom Umgang mit Fremden in der Antike / Hrsg. von U. Riemer und P. Riemer. Stuttgart, 2005. S. 147–156.

Малышев А.Б.

ИССЛЕДОВАНИЯ АЛЕКСЕЕВСКОГО ГОРОДИЩА В 2006 ГОДУ

Алексеевское городище, находящееся в настоящее время на северной окраине Саратова в Волжском районе, было обнаружено в начале XX в. представителем Саратовской Ученой Архивной Комиссии Б.В. Зайковским. Наиболее ранней находкой, происходящей с территории, прилегающей к памятнику, является серебряная пластинка с изображением женской фигуры с сосудом в руках, иконографически схожая с половецкими каменными изваяниями [Спицин, 1914. С. 104, рис. 39]. Поселение постоянно привлекало внимание исследователей. В отдельные годы на разных участках памятника проводили раскопки и разведки: Б.В. Зайковский (1918 г.), С.Н. Чернов, П.Н. Шишкин и А.А. Кротков (1921–1923 гг.), Н.К. Арзютов (1928 г.), И.В. Сеницын (1947–1948 гг., 1959–1954 гг.), Ю.В. Деревягин (1967–1969 гг.), Т.А. Хлебникова (1971 г.), О.В. Кочерженко (1992–1993 гг.), А.Д. Матюхин (1994 г.), А.И. Юдин (1998 г., 2000 г.), В.В. Тихонов (1999 г.), Ю.А. Зеленев (2005–2006 гг.), А.Б. Малышев (2006 г.)

В результате многолетних, хотя и зачастую не связанных между собой, исследований, Алексеевское городище можно охарактеризовать, как многослойный памятник, где встречаются культурные отложения различных эпох. В наиболее подробных обобщающих публикациях А.И. Юдина, преимущественно по керамическому материалу, на памятнике были выделены семь культурных горизонтов: 1) эпоха средней бронзы (катакомбная и вольско-лбищенская культуры); 2) поздняя и финальная бронза (срубная и хвалынская культура валиковой керамики (ХКВК)); 3) городецкая культура (керамика с текстильным и псевдорогожным орнаментом) раннего железного века (РЖВ); 4) гладкостенная керамика скифоидного типа с отогнутым наружу венчиком и насечками, либо пальцевыми защипами по их срезу (РЖВ, первая половина I тысячелетия н. э.); 5) серая лощеная керамика сарматского типа, аналогичная материалам Волго-Донского междуречья (РЖВ, I–III вв. н. э.); 6) керамика постзарубинецкого типа с примесью шамота, аналогичная посуде лесостепного Прихоперья (РЖВ, первая половина I тысячелетия н. э.); 7) средневековая керамика (древнерусская и золотоордынская) XIII–XIV вв. [Юдин, 2000. С. 194–197].

В предыдущие годы были выявлены два грунтовых могильника XIV–XV вв.: один на городище, другой – в 0,6 км западнее. Их погребения по об-

рядности и антропологии (преобладают европеиды) были предположительно отнесены к древнерусским. Также исследованы средневековые жилища и керамика, ремесленные изделия (включая наконечник копья) и погребения. По мнению А.И. Юдина, русская посуда с Алексеевского городища может относиться и к домонгольскому времени [Юдин, 2001. С. 55–59, 68–69].

В 2006 году раскоп общей площадью 156 кв. м был заложен на северо-восточной окраине памятника, где высокая волжская терраса подвергается активным эрозионным процессам (рис. 1). Он примыкал непосредственно к раскопу О.В. Кочерженко (1992–1993 гг.) с северной стороны. В работе экспедиции принимали участие преподаватели и сотрудники кафедры археологии и этнографии, а также учебно-научной археологической лаборатории исторического факультета Саратовского госуниверситета: Н.М. Малов, В.А. Лопатин, С.И. Четвериков, В.А. Волков, Ю.Ю. Каргин и А.А. Жуклов, которым автор приносит свою искреннюю благодарность за всестороннюю помощь при проведении полевых исследований и дальнейшем анализе материалов.

Стратиграфия (рис. 2) исследованного участка в целом мало отличалась от данных предшествующих исследований. Литологически культурные слои разных эпох на городище не выделяются, поскольку активная хозяйственная деятельность жителей средневекового поселка XIII–XV вв., а также антропогенное воздействие XIX–XX вв. (распашка, насаждение фруктового сада, проведение трубопроводов и линий электропередач), нарушили естественное залегание культурных напластований. Еще в 1929 году П.С. Рыковым отмечено, что многочисленные «пробные» раскопки начала XX в., по большей части не документированные, сильно испортили памятник [Рыков, 1931. С. 77]. Все это представляло известные трудности, однако, послойная выборка отложений позволила выявить несколько установленных здесь ранее культурно-хронологических горизонтов, которые фиксировались по скоплениям материалов и отдельным архитектурно-хозяйственным комплексам.

На разных участках раскопа мощность культурного слоя достигала от 0,8 до 2 м и увеличивалась от центра памятника по направлению к склону Дудакковского оврага и обрыву террасы. В общих чертах вертикальную колонку грунтов можно дифференцировать на современный гумус темно-серого цвета, с очень густым травостоем, плотно армированный корневищами трав (0,15–0,2 м); серую золистую супесь, содержащую средневековые материалы и переотложенные предметы более ранних эпох (до 0,8 м); более влажную, рыхлую суглинистую супесь серо-коричневого цвета с находками эпох средневековья, РЖВ, бронзового века (до 1 м); относительно стерильный материковый смешанный суглинок желто-коричневого цвета, плавно переходящий в материковую глину (0,15–0,35 м); материк – желто-коричневая глина, густо пронизанная норами землероев.

Необходимо отметить важные наблюдения, сделанные в ходе раскопок 2006 года, относительно выявления возможных оптимальных уровней культурно-хронологических горизонтов. Как было подмечено А.И. Юдиным, каменные вымостки располагавшиеся в хозяйственных комплексах и жилищах могут указывать нам уровень древней поверхности [Юдин, 2001. С. 56]. Выявленные на разных участках раскопа 2006 г. хозяйственные объекты, а также фрагменты каменных вымосток в составе исследованных комплексов, позво-

ляют условно соотнести их с древними поверхностями, к которым они были приурочены в момент сооружения.

Самый поздний уровень фиксируется на юго-западном участке раскопа по основанию очага на полу наземной постройки (рис. 2, Д-4, К-VI; 32, 3). С учетом падения современного уровня террасы с юго-запада на северо-восток, предположим, что подобный рельеф наблюдался и в XIV в. Таким образом, можно сделать вывод о том, что приблизительно в конце XIV в. (время разгрома Тамерланом Золотой Орды) последние годы жизни поселка проистекали на 0,4–0,5 м ниже современной дневной поверхности.

По данным последнего сезона можно составить определенное представление о мощности культурных отложений на памятнике в эпоху поздней бронзы, что соответствует времени расцвета срубной археологической культуры. Остаток этого горизонта с фрагментами каменной вымостки зафиксирован на северо-западном участке раскопа, на глубине 1,35 м ниже современного уровня (рис. 2, Ш-2, К-IV; Д-2, К-IV, К-V; 29, 2; 30, 4). Из этого следует, что с момента самого раннего освоения территории памятника на данном его участке до середины II тысячелетия до н. э.росло не более 0,5 м культурных отложений энеолита, ранней и средней бронзы.

Из древнейших находок в период исследований 2006 г. встречалась керамика эпохи средней бронзы. Наиболее многочисленными в данном хронологическом диапазоне являются фрагменты керамики катакомбной культуры. По видимому к ямно-катакомбному времени или к началу эпохи средней бронзы относится фрагмент стенки лепного сосуда с примесью толченой раковины, на внешней поверхности которого заметны четыре горизонтальные линии, оттиснутые перевитым шнуром (рис. 3, 1), характерные для наиболее раннего («предкатакомбного» или «ямно-катакомбного») этапа катакомбной общности [Малов, Филиппченко, 1995. С. 54, рис. 1. С. 59–60].

Интересны два фрагмента от крупного сосуда с округлым туловом и высокой цилиндрической шейкой, плавно переходящей в слабо отогнутый наружу венчик, который был частично реконструирован. Сосуд украшен несколькими рядами мелких зерновидных наколов и косыми расчесами (рис. 3, 2, 3). Здесь наблюдается некоторое сходство с кубковидными сосудами донецкой катакомбной культуры эпохи средней бронзы из Нижнего Поволжья и Подонья [Кияшко, 2002. С. 130–132, рис. 90, 2, 3, 7, 9; Лопатин, 2006. С. 48; рис. 114, 7; 115, 1; Тупалов, 2007. С. 21–22, рис. 1, 7], что позволяет датировать его XX–XIX вв. до н. э.

Наиболее распространенными являются фрагменты горшков украшенные горизонтальными рядами гребенчатой «елочки» (рис. 3, 4–8, 10, 12), или тонкими врезками в виде той же «елочки» (рис. 3, 9, 11), характерные для катакомбных культур [Малов, Филиппченко, 1995. С. 59–60; Кияшко, 2002. С. 131–132]. Следует отметить, что подобные катакомбные керамические серии встречались при предшествующих исследованиях поселения [Юдин, 2001 С. 25–26, 31, рис. 4]. Из наиболее близких памятников катакомбной культуры с аналогичным орнаментом посуды стоит назвать Усть-Курдюмские курганы [Лопатин, Якубовский, 1993. С. 139–146, 154–156, рис. 4, 2, 4; 5, 2; 6, 6, 15; 11, 3] и Сабуровский грунтовый могильник [Мальшев, 2008. С. 21–22, 36, рис. 10, 1, 2].

К концу эпохи средней бронзы относятся фрагменты керамики вольско-лбищенского типа, из которых выделяются два типа венчиков: с утолщенными

ми плоско обрезанными краями устьев (рис. 3, 13, 16–18, 20) и со скошенным имеющим наплыв наружу краем устья (рис. 3, 14, 15). Срезы плоских венчиков иногда украшались мелкими вдавлениями и короткими вертикальными оттисками (рис. 3, 13, 18). Украшения внешней поверхности сосудов различны: «елочка», выполненная резными насечками (рис. 3, 16) или гребенчатым штампом (рис. 3, 13, 14), горизонтальные ряды вдавлений различного размера (рис. 3, 17–19), сложная резная нерегулярная узкозональная орнаментация (рис. 3, 20) короткие пересекающиеся отпечатки гладкого штампа (рис. 3, 15). Данная керамическая серия имеет аналогии на различных памятниках, относящихся к вольскому (вольско-лбищенскому) культурному типу (культурной группе) [Степанов, 1956. С. 11–19, рис. 3–4, 6–8; Малов, 1979. С. 82–83; Васильев, Матвеева, Тихонов, 1987. С. 45–46, 49, 52–53, рис. 3–6; Васильев, 2003. С. 107–108, рис. 1; Васильев, Кузнецов, 2003. С. 43–44, 48–50, рис. 1–3].

Весьма немногочисленны однотипные фрагменты позднебабинских сосудов (культуры многоваликовой керамики, далее – КМК), в основном, украшенные горизонтальными, подтреугольными в сечении валиками (рис. 3, 21–24). Один из них – фрагмент верхней части сосуда с простым завершением венчика украшен двумя горизонтальными валиками с линзовидными вдавлениями (рис. 3, 21). Ближайшей прямой аналогией является сосуд из курганного погребения КМК с возвышенности «Жареный бугор» [Монахов, 1984. С. 242–243, рис. 2, 3], хотя подобные сочетания встречаются и в других регионах [Березанская, 1960. С. 30–33, рис. 5–7; Березанская, Отрощенко, Чередниченко, Шарафутдинова, 1986. С. 25, 35, рис. 7, 3; 13, 2]. Два других фрагмента с валиками в целом характерны для посуды КМК (рис. 3, 22, 23). Один фрагмент стенки украшенный прочерченными линиями образующими вертикальную «елочку» (рис. 3, 24) является орнаментом, типичным для КМК [Березанская, 1960. С. 30–37, рис. 5–9; Березанская, Отрощенко, Чередниченко, Шарафутдинова, 1986. С. 26, 33–35, рис. 8, 3; 12, 1, 3; 13, 3]. Наличие на Алексеевском городище отдельных находок керамики КМК в целом подтверждает концепцию Р.А. Литвиненко, который относит бабинские памятники и материалы Поволжья (а также Подонья, Северо-Западного Прикаспия и Прикубанья) к восточной периферии бабинского очага культурогенеза [Литвиненко, 2004. С. 103, 106–108, рис. 1].

В отличие от исследований предшествующих лет [Юдин, 2001. С. 27], в 2006 г., кроме значительной серии валиковой керамики финала бронзового века, было получено подобное количество фрагментов керамики срубной культуры эпохи поздней бронзы (рис. 4). В связи с этим, керамическую серию валиковой керамики финала бронзового века с Алексеевского городища вряд ли можно считать полностью чистой. К срубной культуре относятся фрагменты преимущественно баночных (рис. 4, 1–22) (61%) и, реже, слабопрофилированных форм (рис. 4, 23–35) (36%), и только иногда – единичные фрагменты остросеребряных сосудов (рис. 3, 36) (3%). При этом среди баночных форм наиболее распространенной является посуда закрытой профилировки (рис. 4, 9, 10, 12–20) (50%), меньше встречаются сосуды с прямыми вертикальными стенками (рис. 4, 1–8, 11) (41%), и лишь изредка – открытые (рис. 4, 21, 22) (9%).

Технологические приемы орнаментации различны: зубчатый штамп (рис. 4, 2, 9, 11, 12, 13, 15, 16, 25, 26, 37, 39, 42) (36%), гребенчатый штамп

(рис. 4, 36, 38, 40, 44, 46, 47) (18%), прочерченные и резные линии (рис. 4, 7, 24) (6%), насечки (рис. 4, 29, 45) (6%), наколы (рис. 4, 19) (3%), вдавления краем плоской или овальной палочки (рис. 4, 3, 10, 27, 41, 48) (15%), гладкий штамп (рис. 4, 1) (3%), заглаживание травой, щепой, либо ветошью (рис. 4, 2, 23, 43) (10%), треугольный оттиск (рис. 4, 5) (3%).

Орнаментальные мотивы относительно просты: 1) зигзаги (рис. 4, 7, 38), 2) горизонтальные ряды различных оттисков и вдавлений (рис. 4, 3, 10, 27), 3) единичные, либо образующие горизонтальные ряды, косые отрезки зубчатого или гребенчатого штампа, прочерченных и резных линий, либо насечек (рис. 4, 1, 2, 11–13, 15, 16, 24–26, 40, 42–46), 4) кашлевидные насечки (рис. 4, 29), 5) двойные либо бессистемные вдавления краем плоской палочки (рис. 4, 41, 48), 6) поверхность, заглаженная травой, щепой либо ветошью наискось (рис. 4, 1, 2), горизонтально (рис. 4, 36, 43, 46) и вертикально (рис. 4, 23), 7) вертикальные зерновидные наколы (рис. 4, 19), 8) мазки коротким штампом (рис. 4, 47). Чаще всего орнаментом покрывали боковые поверхности, особенно в привенчиковой части сосудов (рис. 4, 1, 2, 5, 7, 9, 11–13, 15, 19, 23–26, 29, 36–48). Изредка орнаментировался венчик (рис. 4, 3, 10, 27) или его плоский срез (рис. 4, 1, 16).

Лишь иногда встречаются несколько усложненные композиции: сочетание горизонтальных линий и косо штрихованного зигзага, выполненное зубчатым штампом (рис. 4, 9) или фрагмент сосуда с нерегулярным орнаментом, нанесенным мелкозубчатым штампом (рис. 4, 37).

Преобладание баночных и слабопрофилированных форм сосудов позволяет датировать керамический комплекс эпохи поздней бронзы преимущественно раннесрубным временем. Это подтверждается тем, что отдельные фрагменты возможно отнести к концу существования покровского культурного типа – началу срубного времени (рис. 4, 1, 14, 23, 44, 47). Вместе с тем, отдельные фрагменты можно предположительно датировать развитым и поздним срубным временем (рис. 4, 5, 36, 41, 48). В целом, посуда срубной культуры с Алексеевского городища имеет многочисленные аналогии на других памятниках Нижнего Поволжья.

Как уже было отмечено ко времени финальной бронзы можно отнести значительное количество фрагментов сосудов с характерными округлобокими профилями или рельефной валиковой и воротничковой орнаментацией (практически равное количество с фрагментами срубной культуры эпохи поздней бронзы). Профилировка и орнаментация данной керамической серии свидетельствует о ее бытовании на протяжении всего отрезка финальной бронзы. Большую часть данной серии составляют неорнаментированные фрагменты с воротничковой профилировкой венчиков (рис. 5, 5, 15, 18–30) (52%), которые являются наиболее распространенными на раннем (первом – по Н.М. Малову [Изотова, Малов, Слонов, 1993. С. 111–136] «срубно-хвалынской» (XIII–XII вв. до н. э.) или «ивановском» этапе (XIV–XII вв. до н. э.) хвалынской культуры валиковой керамики (далее – ХКВК). Один из таких фрагментов позволяет вычислить диаметр воротничкового сосуда, который составлял примерно 30 см (рис. 5, 5). Встречаются, необычные для данной серии, единичные экземпляры воротничковых венчиков, имеющие приостренную и причудливо загибающуюся наружу закраину (рис. 5, 22), или наплав вонуть (рис. 5, 29). Фрагменты сосудов с валиковой (рис. 5, 1, 6, 7, 9–

14, 16) (35%) или воротничковой (рис. 5, 2–4) (10%) орнаментацией, украшенные по валику или по нижнему краю воротничка, а также один фрагмент округлобочного сосуда с орнаментом в виде косых пересекающихся резных линий (рис. 5, 8) (3%), следует преимущественно отнести к позднему (второму – по Н.М. Малову [Изотова, Малов, Слонов, 1993. С. 111–136]) «кайбельско-танавскому» (XI–X вв. до н. э.) этапу ХКВК.

Один из валиковых сосудов был графически реконструирован (рис. 5, 1). Он относится ко второму (кайбельско-танавскому этапу) ХКВК, на что указывает характерное приотстренное строение венчика. Валик, расположенный на покатом плечике покрыт короткими косыми насечками, которые пересекаются с длинными прочерченными линиями. Кроме того, в данной серии встречен единственный фрагмент сосуда со «свисающим» вниз валиком (рис. 5, 13).

Украшения валиков различны: овальные отгибки (рис. 5, 11), гребенчатая орнаментация в виде коротких пересекающихся отрезков (рис. 5, 3, 6, 9, 10), горизонтальные ряды косых, часто расположенных нарезок или насечек, пересеченные длинными прочерченными линиями (рис. 5, 1, 7, 12), косые линзовидные насечки (рис. 5, 14), короткие резные линии (рис. 5, 13, 16). Украшения воротничковых сосудов по нижней части воротничков аналогичны: горизонтальные ряды часто расположенных косых гребенчатых отгисков (рис. 5, 3), вертикальные мазки зубчатого штампа (рис. 5, 4). Один фрагментов украшен под воротничком, а также по обрезу устья косыми резными насечками (рис. 5, 2).

Следует отметить, что наиболее схожие аналогии (вплоть до полного сходства), обнаруживаются на ближайшем, эталонном для второго этапа ХКВК, памятнике – Танавском городище [Изотова, Малов, 1992. Рис. 2, 2, 6, 8; 3, 1, 5, 7, 8; 4, 3, 5–7; 5, 9]. Серия фрагментов финальной бронзы из раскопок Алексеевского городища в 2006 г. существенно дополняет материалы этого периода из раскопок предыдущих лет [Юдин, 2001. С. 26–27, 32–36, рис. 5–9].

Интересен единичный фрагмент сосуда с прочерченными пересекающимися линиями и «жемчужной» орнаментацией (рис. 5, 17), напоминающий посуду бондарихинского типа [Ильинская, 1961. С. 31; Смирнов, Сорокин, 1984. С. 141–142, 145, 147–149, рис. 3, 1–5, 8; 6, 6–7; Буйнов, 2001. С. 220–223, рис. 2, 8]. Племена бондарихинской культуры, сформировавшейся в Днепро-Донском междуречье в финале эпохи бронзы, в XI–VIII в. до н. э. (на рубеже бронзового и раннего железного веков) продвигаются в восточном и северо-восточном направлениях в лесостепной и лесной зоне бассейна Дона, что происходило, вероятно, в виде нескольких миграционных импульсов [Ильинская, 1961. С. 31; Ковалева, 1981. С. 30–39; Лопатин, 2008, С. 82–84, рис. 1, 12, 15, 16]. Наиболее логично предположить, что данный фрагмент относится к позднему времени расселения бондарихинских племен в восточном направлении (VIII в. до н. э.). Однако, наличие орнамента, подобного украшениям сосудов ХКВК [Изотова, Малов, Слонов, 1993. С. 123, рис. 6, 8; Изотова, Малов, 1992. С. 108, рис. 5, 9], в том числе из той же керамической серии (рис. 5, 8), возможно, свидетельствует о контактах поздних хвалынских (XI–X вв. до н. э.), или даже «постхвалынских» племен с носителями бондарихинской культуры на восточной периферии расселения последних.

К эпохе бронзы относится ряд каменных изделий, наиболее показательными из которых являются два крупных полированных орудия. Весьма интересен отполированный по всей поверхности диоритовый клиновидный мотыгообразный топор с перехватом (рис. 6, 1). Рабочая часть орудия заметно шире, чем обушковая. Линия перехвата смещена на 2/3 длины в сторону обушка, на котором имеются забоины. Другой инструмент представляет собой круглый (эллипсоидный) в сечении цилиндрический пест (рис. 6, 2). Немаловажно то, что использовались обе торцевые стороны орудия, на которых имеются заломы и следы потертости.

Кроме того, были обнаружены еще три обломка орудий типа разбивников или пестов разной величины (рис. 6, 3; 7, 1, 2). Одно из них, имеющее дисковидную форму (рис. 6, 3), следы забитости и затертости, может также являться древней пращевой пулей. Массивное орудие, возможно естественного происхождения, напоминающее кайло (рис. 7, 3), имеет выгнутую спинку и рабочий край с тесловидным заострением и следами сработанности. Данные инструменты были изготовлены из мягких пород камня (известняк, опока, песчаник). Возможно, к эпохе бронзы следует отнести небольшой кварцитовый скол без признаков вторичной обработки, а также костяную проколку, изготовленную из кости лошади (рис. 7, 4), с характерными следами сработанности на заостренной части.

В 2006 г. найдено большое количество керамики раннего железного века. Керамика собственно городецкой (рис. 8, 1–10) культуры составляет небольшую серию фрагментов, преимущественно, с псевдорогожкой (рис. 8, 2, 3, 6, 7, 10) и сетчатой орнаментацией (рис. 8, 4, 5, 8, 9). К позднегородецкой культуре следует отнести фрагмент слабопрофилированного сосуда с мелкоячеистой псевдорогожкой орнаментацией, причем, в отличие от стандарта ячеики штампа имеют не квадратную, а прямоугольную форму (рис. 8, 2). Все городецкие фрагменты относятся к слабопрофилированным сосудам баночных форм. Найдено три фрагмента венчиков: 1) венчик от гладкостенного сосуда с простым уплощенным и утолщенным завершением (рис. 8, 1); 2) уплощенный венчик с грибовидным утолщением на обресе устья (рис. 8, 4); 3) венчик с закругленным напльвом наружу (рис. 8, 2).

Подавляющая часть керамики РЖВ, это посуда, относящаяся к широкому хронологическому диапазону – от синкретичной городецко-скифоидной культуры (VI–V вв. до н. э.) до сарматского времени (I–III вв. н. э.). В данной серии преобладают грубые кухонные гладкостенные лепные горшки с плавно отогнутым наружу, профилированным «S-видным» венчиком (рис. 9; 10; 11, 1–17, 27; 12, 1–3) (49%) (тип II по А.П. Медведеву [Медведев, 1998. С. 43–45]). Чуть реже встречаются сосуды с резко отогнутым наружу «раструбовидным» венчиком, образующим внутреннее ребро (рис. 13; 14) (39%) (тип III по А.П. Медведеву [Медведев, 1998. С. 43–45]). Менее распространены фрагменты горизонтальных венчиков от баночных (рис. 11, 22–24) (4%) или округлобоких (рис. 11, 18–21, 25) (7%) (тип I по А.П. Медведеву [Медведев, 1998. С. 43–45]) сосудов. В единичном экземпляре представлен необычный графически реконструированный сосуд, который несколько отличается от прочих представителей этой серии малыми размерами отогнутого венчика (рис. 12, 11) (1%) (тип V по А.Т. Синюку и В.Д. Березуцкому [Синюк, Березуцкий, 2001. С. 129, 137, рис. 89]). Профиль или диаметр венчиков некоторых таких сосу-

дов удалось частично графически реконструировать (рис. 9; 10, 10; 12, 1, 11; 13, 1; 14, 1, 2). Следует, впрочем, заметить, что значительная часть венчиков в виду сильной фрагментированности, может быть лишь условно отнесена к указанным выше типам.

Венчики 73% горшков украшены различными (ромбовидными, удлинено-овальными, округлыми) насечками по краю или пальцевыми защипами и вдавлениями. Отметим, что характер защипов на краю устья неодинаков. Иногда это ногтевые вдавления, защипы или мазки кончиком пальца сверху вниз. Встречаются также вдавления специальным инструментом, в результате чего углубления приобретают ромбовидную форму. Примерно 27% венчиков не имеют орнамента (рис. 11, 7, 11-17; 12, 1, 11; 14, 1, 7-17).

По видимому, большая часть данной керамической серии (тип II-III по А.П. Медведеву) относится к концу РЖВ - к сарматскому времени (I-III вв. н. э.). Многочисленные аналогии данным материалам встречаются в лесостепных регионах Подонья [Медведев, 1998. С. 43-45; Бирюков, 1998. С. 94-100, рис. 2, 1, 2, 6; Бирюков, 2001. С. 91-89-108, рис. 4, 1, 5-10; 5, 1-5, 8; 6, 1-7, 9, 10; 8, 1, 2, 6-8; 9, 1, 7, 10]. Однако подобная керамика распространена на лесостепных памятниках Донского Правобережья и Днепро-Донского междуречья (Поворскля, Посеймья и Северского Донца) и в скифское время [Либеров, 1962. С. 49-51, рис. 13, 2-4, 7; Алихова, 1962. С. 112, 114-116, рис. 16, 5; 18, 8; Синюк, Березуцкий, 2001. С. 128-129, 133-138, рис. 85, 1-3, 6-8; 86, 1, 2, 4, 6, 7; 87, 1, 2, 4-6, 8, 10-13; 88, 1-8; 89; 90, 1-4; Золотарев, 2004. С. 129-143, рис. 2, 4, 8, 9; 3, 3, 5; 4, 5; 6, 1, 2, 4-9; 7, 3; 10, 6, 7; 11, 3, 4; 12, 2]. Отметим, что в связи с той же фрагментированностью данной категории посуды четкое разделение «скифоидной» и «сарматской» керамики затруднительно. Кроме того, отдельные фрагменты имеют совсем архаичный «скифоидный» признак (VII-VI вв. до н. э.): налепной валик по внешней поверхности, украшенный пальцевыми вдавлениями или защипами (рис. 11, 27-29), что позволяет датировать их более ранним временем городецко-скифоидной культуры (VI-V вв. до н. э.) [Либеров, 1962. С. 49-51, рис. 13, 10; Алихова, 1962. С. 112, 116, рис. 17, 1, 2; Синюк, Березуцкий, 2001. С. 128, 153]. Возможно, к тому же времени относятся сосуд типа V (по А.Т. Синюку и В.Д. Березуцкому).

Стоит особо отметить фрагменты от нескольких необычных сосудов, относящихся к сарматскому времени, которые имеют характерные пальцевые вдавления по краю венчика, но необычную для РЖВ орнаментацию: плечики и боковые поверхности этих горшков украшены декором арочного типа, чем-то напоминающим более поздние аналоги средневековой посуды из керамического комплекса Золотой Орды (рис. 12, 1-10). В единичном экземпляре зафиксирована миниатюрная толстостенная площадка приземистых пропорций (рис. 11, 26), напоминающая небольшие тигельки скифского времени [Алихова, 1962. С. 103, рис. 9, 6, 7]. К этому же культурному комплексу следует отнести коническую (с колпачком) крышку от сосуда с отверстием в центре, продавленным по сырой глине (рис. 11, 31). Не исключено, что два керамических фрагмента, определенные как куски сосудов III типа (по А.П. Медведеву), могут быть частями конических крышек (рис. 14, 8, 9). Подобные керамические изделия характерны для сарматского времени [Бирюков, 2001. С. 91, 94, 96-97, 103, 107, рис. 4, 3, 15, 16; 6, 13; 8, 3, 9, 10, 12; Бирюков, 1998. С. 100, рис. 2, 5]. Скифо-сарматским временем можно датировать налеп-

ную, круглую в сечении, ручку петлевидного типа от глиняного горшка или черпака (рис. 11, 30), а также фрагмент овальной, в сечении, с приостренным загибом книзу, ручки от керамического сосуда или льячки (рис. 8, 12).

Особо интересны фрагменты двух круговых серолощенных мисок, датированных I-II вв. н. э.: остроредерной, с приостренным, скошенным наружу краем устья (рис. 11, 33), и округлобойкой с прикрытым, плоско обрезанным устьем (рис. 11, 32). Данная посуда имеет аналогии с материалами памятников Верхнего Подонья и, скорее всего, является импортной с Нижнего Дона и Прикубанья [Медведев, 1990. С. 105, 114, 122, 126, 130, 142, 148-149, 170, 172, рис. 31, 16; 34, а; 38, 5, 11; 39, 8-9; 41, 3, 20; 46, 20; 48, 2-3; 49, 8; Бирюков, 2001. С. 94-96, 106, 108, рис. 7, 5, 8; 9, 4], или даже относится к керамике позднесарубинского облика [Зиньковская, Медведев, 2005. С. 11-12, рис. 9, 5].

К РЖВ относятся два округлых глиняных пряслица: оливковидное, с широким прямым каналом, тщательно залощенное по внешней поверхности темно-серого цвета (рис. 8, 13) и шаровидное (рис. 8, 14), а также пять фрагментов подобных шаровидных и цилиндрических грузиков. По наиболее близким аналогиям (из лесостепного Правобережья Дона) подобные изделия следует отнести к VI-III вв. до н. э. [Синюк, Березуцкий, 2001. С. 132, 145, рис. 99, 15-17, 20-21; Золотарев, 2004. С. 135-137, рис. 6, 14, 15; 7, 6], то есть к городецко-скифоидным материалам. Еще одной интересной находкой является глиняный цилиндрический грузик (бусина?) с двумя незавершенными встречными сверлинами (рис. 8, 11), вся внешняя поверхность которого покрыта бессистемно расположенными, мелкими наколами округлой либо сегментовидной формы. Подобные формы грузиков, а также накольчатый, точечный орнамент распространены на лесостепных восточноевропейских памятниках городецкого и скифского времени (VI-IV вв. до н. э.) [Рыков, 1936. С. 57; Алихова, 1962. С. 109-110, 125-127, рис. 13, 1-3, 6, 12, 15; 21, 3, 5, 11-13, 15-17]. Очевидно, к этому же условному культурно-хронологическому горизонту следует отнести глиняную льячку с налестной ручкой (рис. 8, 15), характерную для городецкой культуры [Юдин, 2001. С. 37, 44, рис. 11, 3].

В средневековой керамике древнерусский комплекс (74%) преобладает над золотоордынским (26%). Следует отметить условный характер типологии древнерусской керамики городища, так как существует много переходных форм, а однотипные венчики встречаются у различных сосудов [Юдин, 2001. С. 58]. В целом русская посуда вписывается в типологию, разработанную для Среднего Подонья [Пряхин, Винников, Цыбин, 1987. С. 21] и имеет многочисленные аналогии керамике нижеволжских поселений [Полубояринова, 1978. С. 87-92; Недашковский, 2000. С. 106-112], хотя для Нижнего Поволжья данная типология нуждается в некоторой доработке. Наибольшее количество фрагментов относится к корчажкам и горшкам курганного типа со слабо отогнутыми наружу или прямыми венчиками, меньшее - к приземистым мискам с резко отогнутыми наружу венчиками (рис. 15, 10; 16, 1; 17, 62; 18, 22-24). Иногда встречаются фрагменты сосудов, венчики или стенки которых имеют слабый наклон внутрь (рис. 15, 20; 16, 29-31, 49, 60). Следует особо отметить, что значительная часть венчиков имеет с внутренней стороны желобок под крышку, причем вне зависимости от типа венчика. Можно выделить несколько разновидностей венчиков, зафиксированных в разных пластах:

Тип 1. Сосуды с простым оформлением края венчика, который может быть закругленным, приостренным, утолщенным, иметь прямой или косой срез (рис. 15) (21%).

Тип 2. Венчики с напывом, либо загибом внутрь:

Группа А. Венчики с напывом, либо загибом внутрь, образующим с внутренней стороны желобок под крышку (рис. 16, 1-14, 24, 26, 27) (8%).

Группа Б. Венчики с напывом, либо загибом внутрь, нависающим над внутренней стенкой сосуда (рис. 16, 15-23, 25) (5%). В данной группе внутренний желобок отсутствует, а использование крышки исключается.

Тип 3. Венчики с напывом, либо загибом наружу (рис. 16, 28-64) (17%).

Тип 4. Венчики, имеющие утолщения различной формы:

Группа А. Круглый (эллипсовидный или овальный) в сечении венчик (рис. 17, 1-42) (19%).

Группа Б. Подтреугольный (различных вариантов) в сечении венчик (рис. 17, 43-54) (5%).

Группа В. Грибовидный в сечении, округлый венчик (рис. 18, 4-32) (14%).

Группа Г. Грибовидный в сечении венчик, оттянутый наружу, плоский или уплощенный (рис. 18, 1-3) (1%).

Группа Д. Аморфный (сложный) в сечении венчик с напывами на обе стороны (рис. 17, 55-76) (10%). При этом венчик чаще всего имеет наиболее мощный напыв наружу («манжету») либо его рудимент. Группа Д имеет наибольшее сходство с керамикой первой группы с городища Древнего Курска X-XIII вв. [Веретюшкин, 2005. С. 63-64, рис. 1, 2-12].

Выраженных фрагментов венчиков других типов древнерусской керамики в 2006 г. зафиксировано не было. Также обнаружена придонная часть миниатюрного древнерусского сосуда (рис. 19, 11). Большая часть древнерусской керамики не орнаментирована. В декоре, в основном, присутствуют прямые (рис. 15, 1; 16, 49, 58; 17, 44; 18, 1; 19, 1-10, 12-20, 22, 23) и волнистые линии (рис. 15, 2; 16, 64; 18, 3, 4, 22; 19, 21, 24-27).

Фрагментов красноглиняной золотоордынской посуды найдено значительно меньше: это части кувшинов (стенки, венчики, ручки) (рис. 20, 1; 21, 1-8), пиал (рис. 20, 2), баночных сосудов (рис. 20, 6-13), мисок (рис. 20, 3-5) и горшков (рис. 21, 9). Обнаружены два фрагмента псевдокашинного сосуда с зеленой поливой, один из которых имел горизонтальный гребенчатый оттиск (рис. 22, 1). Декор золотоордынских сосудов относительно прост, это прямые (рис. 22, 3-23) и волнистые линии (рис. 22, 24-30).

К средневековым керамическим изделиям относятся также два пряслица: усеченное биконическое (рис. 23, 21), имеющее многочисленные аналогии в древнерусских материалах [Тропин, 2001. С. 194, 204, рис. 9, 10-13, 27-34] и пряслице, изготовленное из стенки золотоордынского сосуда (рис. 23, 23), что также весьма распространено [Тропин, 2001. С. 194, 204, рис. 9, 8, 20, 21]. Фрагмент глиняной лепешки (рис. 23, 20), имеет аналогии в Старой Рязани. Это круглые или овальные, иногда орнаментированные «хлебцы», которые интерпретируют как детские игрушки, или ритуальные предметы [Монгайт, 1955. С. 126, 128, рис. 89]. Но возможна и другая трактовка: это обожженные при проверке температуры печи керамические пробы.

Из каменных изделий обнаружены: половинка круглого пряслица из известняка (рис. 23, 22), фрагмент брусковидного оселка (рис. 23, 19) для подправки шильев и игл, и кресальный кремь.

К эпохе средневековья относятся несколько железных гвоздей (рис. 23, 4–9) и ремесленных инструментов – трех пробойников различных размеров (рис. 23, 1–3), связанных с обработкой металла [Тропин, 2001. С. 187, 197, рис. 2, 9, 10]. Типичным для древнерусских материалов является железный односторонний кухонный нож (рис. 23, 10) [Археология, 1997. С. 235, табл. 9, 1, 17, 18, 23; Тропин, 2001. С. 189, 190, 199, рис. 4, 6, 15, 25, 26]. Круглая изогнутая бронзовая пластинка с квадратным отверстием, вероятно, является щитковым упором для рукояти ножа, или иного инструмента (рис. 23, 16). Впрочем, подобные пластины могли быть также бляхами для кожаных и деревянных изделий [Федоров-Давыдов, 1994. С. 190–191, 196, 199, 202, рис. 40, 4; 41, 4].

К золотоордынскому периоду относятся фрагменты венчика и стенки чугунного котла с примерным диаметром до 33 см. На внешней стороне котла заметен вертикальный литейный шов, а на внутренней – уступчик для крышки (рис. 23, 11). Подобные котлы появляются в Золотой Орде в XIV в. [Федоров-Давыдов, 1994. С. 183].

В набор золотоордынских изделий входит тонкий круглый бронзовый диск с остатками полировки (рис. 23, 12). Многочисленные варианты подобных дисков известны в Золотой Орде [Федоров-Давыдов, 1994. С. 199, 202], хотя не исключено, что это одна из разновидностей зеркал.

Из элементов фурнитуры обнаружены две ременные пряжки арочной формы: бронзовая (рис. 23, 13) и железная (рис. 23, 15), а также язычок к подобному изделию (рис. 23, 14). Интересен фрагмент бронзового пластинчатого овальноконечного браслета (рис. 23, 17), с орнаментом из двух продольных бороздок. Подобные браслеты с различным орнаментом известны в древнерусских [Археология, 1997. С. 76, 303, табл. 57], а также в золотоордынских материалах [Федоров-Давыдов, 1994. С. 193; Недашковский, 2000. С. 41, 45, рис. 7, 25, 26]. Было найдено множество железных шлаков, несколько фрагментов железных криц, а также стеклянных шлаков.

К предметам искусства следует отнести каменный диск (рис. 23, 18), отшлифованный с одной из сторон. На его оборотной стороне имеется изображение, напоминающее птицу, стоящую на одной ноге и повернувшую голову назад («поза цапли»). Рельефный рисунок, скорее всего, является каналом хода морского червя палеогенового времени. Однако, это сходство было замечено обитателями поселка, и камень был приспособлен под какие-то нужды. Учитывая распространенность «птичьей» символики, в том числе с «оборотом головы назад», в золотоордынской и древнерусской нумизматике, эмблематике и орнаменте, наиболее вероятно датировать это изделие эпохой средневековья.

На вскрытом участке памятника исследовано шесть условных хозяйственных комплексов (рис. 1, I–VI; 24; 25; 27; 29; 30; 32), которым присвоена порядковая нумерация в римских цифрах. Два из них относились к эпохе поздней бронзы, один – к раннему железному веку, три – к эпохе позднего средневековья.

Комплекс I, представляющий собой скопление костей КРС (рис. 1, I; 24), зафиксирован в юго-восточной части раскопа, на глубине 2,87 м от 0г и 0,85–

0,92 м от современной поверхности. Это компактное скопление костей КРС (дистальные окончания берцовых и бедренной костей, ребро и мелкие неопределимые обломки), залегающее на площади 0,5 x 0,4 м. Поскольку верхняя и нижняя отметки залегания материала неодинаковы (разница составляет 0,15 м), то уместно предположить, что скопление представляет собой кухонные отбросы, сосредоточенные в специальной яме, вырытой в слое, и относящейся к позднему средневековью.

Комплекс II «Скопление сарматской керамики» (рис. 1, II; 25) выявлен в северо-восточной части раскопа, на глубине 3,2 м от 0г и 1,08 м от дневной поверхности. Комплекс занимает небольшой участок размерами 0,43 x 0,3 м. Здесь, в непо потревоженном участке слоя начала I тысячелетия н. э., связанного с сарматским временем финала РЖВ, зафиксированы неполный развал крупного, частично реконструированного, сарматского сосуда с резко отогнутым наружу «раструбовидным» венчиком, образующим внутреннее ребро (тип III по А.П. Медведеву) орнаментированного пальцевыми защипами по венчику (рис. 25, 2; 26, 1), а также целый глиняный предмет (рис. 25, 1; 26, 2), которые лежали вперемешку с крупными обломками опоки. Изготовленный из глины, загадочный предмет, представляет собой низкую плоскодонную плочку с ровным днищем, прямыми стенками открытой профилировки, на внутреннюю поверхность дна которой налеплена сплошная ручка полусферической формы. Достоверная интерпретация функциональности предмета затруднительна. Наиболее вероятно, что это один из типов крышек для небольших узкогорлых сосудов, аналогии которым встречаются в сарматских материалах Верхнего Подонья [Бирюков, 1998. С. 95, 100, рис. 2, 9]. Но не исключено также, что это своеобразный вариант жировых светильников с ручкой для переноски. Пропиленная на краю устья двойная бороздка, в таком случае, могла предназначаться для фиксации фитиля. Учитывая общий характер сильной переотложенности разновременных культурных отложений, данный комплекс, с фрагментом опочной вымостки, представляется очень ценным для вертикальной локализации культурно-хронологического горизонта начала I тысячелетия н. э.

Комплекс III «Разделочная площадка», относящийся к эпохе Золотой Орды, выявлен в северной части раскопа на глубине от 3,14 м до 3,59 м от 0г и 1,26 м от дневной поверхности (рис. 1, III; 2, III-2, К-III; 27). Он содержал обугленные остатки деревянных конструкций, скопление золы, углей, камней, золотоордынской и древнерусской керамики, костей и чешуи рыбы, предметов из железа. Комплекс вытянут с юго-юго-запада на северо-северо-восток. На его юго-западном краю расчищены остатки деревянной, частично обугленной плашки. К западу от скопления зафиксированы три обломка еще одной плашки, лежавшие на линии «юго-восток – северо-запад», на которых также заметно воздействие огня. Кучевое скопление рыбьих костей размещалось в северной части комплекса, а на его южном краю компактно сосредоточены железные предметы (пластина, гвоздь, кинжал и крюк). Здесь же найдены мелкие фрагменты красноглиняной золотоордынской керамики, куски опочного гравия и фрагмент золотоордынского кирпича. В центральной части скопления также попадались куски опоки и обломки гончарных сосудов. Крупные каменные глыбы располагались на северном и северо-западном краях комплекса, как бы фиксируя его очертания.

Обоюдоострый железный кинжал без перекрестия имел черешок, плавно расширяющийся и переходящий в основание клинка (рис. 28, 1). Подобные «классические» кинжалы получили распространение в Европе, на Руси и в Волжской Булгарии XI–XIII вв. [Медведев, 1959. С. 125, 129, рис. 4, 14; Кирпичников, 1976. С. 73; Измайлов, 1997. С. 56–57, рис. 29]. Данный тип клинков иногда встречался у восточноевропейских кочевников [Захаров, Яворская, 2003. С. 239–240, рис. 6, 2] и монголов [Худяков, 1991. С. 131–132, рис. 73, 3, 7], хотя наибольшее распространение у них получили однолезвийные разновидности. Представляется, что клинок, служивший когда-то оружием, относился к болгарскому комплексу вооружения [Измайлов, 1997. С. 56–57, рис. 29, 2], и вторично использовался в качестве разделочного ножа при обработке рыбы.

Сгоревшие деревянные плахи были деталями конструкции или постройки для разделки рыбы, железный крюк-вешало предназначался для подвешивания крупной рыбы (рис. 28, 2), а гвоздь (рис. 28, 3) – для крепления деревянных конструкций. Жестяная пластинка с загнутым краем могла быть фрагментом металлической емкости. Отметим также позвоночный диск крупной рыбы, частично зашлифованный по краю, функциональное назначение которого не выяснено (рис. 28, 5).

Комплекс содержал также золотоордынскую керамику: частично графически реконструированный узкогорлый, красноглиняный кувшин с петлеобразной ручкой, вытянутыми вертикальными пропорциями, плавно округленным туловом, рельефным каннелюром на центральной части его боковой стенки и узким доньшком (рис. 28, 7); обломок овальной в сечении ручки крупного кувшина с характерным пальцевым вдавлением на внешней стороне основания (рис. 28, 6); обломок венчика кувшина со скошенной, наплывшей наружу, закраиной (рис. 28, 10) и часть боковой стенки с линейно-волнистой орнаментацией (рис. 28, 11).

Древнерусская керамика также встречается в III комплексе: частично графически реконструированный приземистый сосуд с округлым туловом (рис. 28, 9); два фрагмента от сосудов с наплывшим (рис. 28, 12) или загнутым наружу венчиком (рис. 28, 8) (тип 3); фрагмент боковой стенки, орнаментированный прямыми линиями (рис. 28, 13) и четыре фрагмента доньшек от подобных сосудов (рис. 29, 15–18).

Видимо, из более древних слоев в комплекс были переотложены: фрагмент сарматского защитного сосуда (рис. 28, 14) и поперечное сечение кремневой микропластины с краевой ретушью на одной стороне, которая, возможно, являлась вкладышем (рис. 28, 4).

Комплекс IV «Скопление керамики, костей и камней» (рис. 1, IV; 2, Д-2, К-IV; 29), относящийся к срубной культуре эпохи поздней бронзы, выявлен в северо-западной части раскопа на глубине от 3,03 до 3,37 м от 0г и 1,33 м от современной поверхности. Скопление бытовых отходов занимает узкую площадку размерами 2,95 x 0,9 м и распределено на линии «восток – запад».

В западной части комплекса было расчищено небольшое скопление керамики. Очевидно, из более поздних отложений сюда попали несколько фрагментов сосудов скифо-сарматского времени. Графически был реконструирован один сосуд (тип II по А.П. Медведеву) с плавно отогнутым наружу венчиком и с защипами на закраине, внешняя поверхность которого обрабо-

тана в псевдосетчатой манере (рис. 31, 8). Данное «гибридное» сочетание скифо-сарматских и городецкой орнаментальных традиций, возможно, свидетельствует о взаимодействии на городище носителей данных культур. Здесь же, на западном краю блока находились фрагменты днищ двух сосудов срубного типа (рис. 31, 5, 6).

В центральной части комплекса зафиксированы куски опочного гравия, кости КРС и лошади, а также фрагменты раннесрубной керамики. Наиболее информативными являются фрагменты четырех крупных сосудов (рис. 31, 1-4, 7). Из них реконструированы верхние части двух баночных сосудов и придонная часть третьего. Данные баночные сосуды закрытой профилировки украшены в верхней части рядами оттисков двузубого штампа (рис. 31, 1), каплевидными насечками, подтреугольными оттисками (рис. 31, 2) и штрихованными треугольниками из резных линий (рис. 31, 7). Придонная часть третьего крупного сосуда покрыта разнонаправленными расчесами, выполненными зубчатым штампом (рис. 31, 3, 4). Интересна редкая деталь – на внутренней стороне доньшка зубчатым штампом оттиснут ромб, контур которого очерчен парными линиями.

Комплекс V «Скопление костей и камней» (рис. 1, V; 2, Д-2, К-V; 30) зафиксирован в западной части раскопа в 1,5 м южнее комплекса IV на глубине от 2,44 до 2,9 м от 0г и 0,69 м от уровня дневной поверхности. Здесь на площади 1,4 x 1,25 м бессистемно залежали куски опочного гравия, кости КРС и МРС. Информативного материала нет, но, учитывая факт обнаружения здесь обломка лепного сосуда эпохи поздней бронзы, можно предположить, что комплексы V и IV представляют собой фрагменты одного и того же культурно-хронологического горизонта, связанного со срубной культурой. Возможно, данное скопление является остаточной линзой культурно-хронологического горизонта эпохи поздней бронзы и отмечает нижнюю границу его залегания (рис. 2, Д-2, К-V, К-IV).

Комплекс VI «Приочажный участок наземной постройки» (рис. 1, VI; рис. 2, Д-4, К-VI; 32), связанный с древнерусским населением Золотой Орды, расчищен в юго-западной части раскопа на глубине от 1,31 до 1,72 м от 0г и 0,36 м от современного уровня. Он включал остатки сооружения хозяйственно-жилого характера состоящего из нескольких объектов (очаг с каменной обкладкой, глиняную сырцовую обмазку дна хозяйственной ямы, скопление кухонных отбросов – костей МРС), связанных между собой в приочажном пространстве наземной постройки золотоордынского периода.

Хозяйственная яма (объект 5) (рис. 32, 5) имела круглую форму и могла быть предназначена для кожевенного производства (мездрение шкур). Она была зафиксирована на глубине 1,72 м от 0г. Края обмазанного участка были приподняты относительно центра на 6 см. Толщина сырцового слоя составляла 2-2,5 см, а диаметр ямы у дна: 75-82 см. Дно ямы фиксируется на 0,2 м ниже, чем основание основного объекта очага открытого типа в простой яме, обложенного камнем (объект 7). Каменная обкладка очага залегала на том же уровне, что и основание прокала очага. Из этого можно сделать вывод, что глубина обмазанной сырцовой глиной ямы в полу наземной постройки составляла не более 0,2-0,25 м.

Открытый очаг (объект 7) (рис. 32, 7) с массой золы, углей, фрагментов древнерусских корчажек был устроен в неглубокой яме, вырытой в полу по-

стройки на глубину 0,12–0,3 м, и имел каменную обкладку с западной стороны. Он представлял собой мощную линзу прокаленного грунта, золы, углей, битой керамики овальной формы, ориентированную с юга на север. Размеры очага – 1,33 x 0,82 м, наибольшая толщина линзы – 0,41 м. По вертикали разреза очага прослежена его трехчастная структура. Сверху залегает тонкая (0,09–0,14 м) линза легкого светло-серого от включений золы грунта с мелкими угольками и пятнами ярко-оранжевого прокала. В этом компоненте найдено наибольшее количество фрагментов сероглиняной керамики. Ниже лежит пласт темно-бурого рыхлого грунта, представляющего собой очажное заполнение мощностью 0,08–0,16 м, где найдены кусочки прокаленного грунта, фрагменты керамики и угли. Нижний вогнутый пласт, повторяющий очертания очажной ямы, представляет собой чистый, прокаленный высококой температурой грунт кирпично-коричневого цвета толщиной 0,11–0,16 м.

С очагом связана серия керамических изделий – венчики и стенки сероглиняных древнерусских корчажек, украшенных горизонтальными линиями (рис. 33). Некоторые формы реконструированы графически. Наиболее крупный, шаровидный сосуд с короткой зауженной шейкой, небольшим уступчиком на плече и уплощенным, отогнутым наружу венчиком (тип 3), по всему тулову покрыт рядами горизонтальных линий (рис. 33, 2). Другой, неорнаментированный сосуд с грибовидным сечением венчика (тип 4, группа В), имел чугуновидную форму с «приталенной» придонной частью и сильно расширенной средней частью тулова. Он явно рассчитан для выемки сосуда из печи с помощью ухвата (рис. 33, 6). Третья реконструкция выполнена для верхней части широкогорлого сосуда, украшенного горизонтальными линиями, с короткой шейкой и слабо отогнутым простым венчиком (тип 1), на внутренней стороне которого имелся специальный уступчик, очевидно для деревянной крышки (рис. 33, 7). Другие фрагменты также относятся к древнерусской посуде: три орнаментированные горизонтальными линиями фрагмента стенок (рис. 33, 3, 8, 10), венчик с простым оформлением края (рис. 33, 1) (тип 1), венчик с наплывом наружу (рис. 33, 4) (тип 3), венчик с наплывом внутрь (рис. 33, 5) (тип 2) и грибовидный в сечении венчик (рис. 33, 9) (тип 4, группа В). Золотоордынской керамики в данном комплексе встречено не было.

Округлое пятно серого тлена (объект 4) (рис. 32, 4) диаметром 0,15 м выявлено на глубине 1,64 м от 0г между участком сырцовой обмазки (объект 5) и очагом (объект 7). Несомненно, данный объект связан с сырцовой ямой, предположительно служил ямой-мусоросборником, куда могли сбрасывать отходы кожевенного производства. Каменная обкладка очага (объект 3) (рис. 32, 3) была зафиксирована только с одной, западной, стороны кухонного комплекса: гряда разновеликих кусков опочного гравия залегала неровной цепочкой в направлении с юга на север. Скопление костей МРС (объект 2) (рис. 32, 2), выявленное в 0,3 м юго-западнее очага, у южного борта раскопа, представляло собой кухонные отбросы (кости ног, черепа и позвонки).

Таким образом, мы можем зафиксировать присутствие на Алексеевском городище населения начиная с эпохи средней бронзы (ямно-катакомбное время) до позднего средневековья (эпоха Золотой Орды). Мыс Алексеевского городища был удобен представителям различных культур эпохи бронзы (XX–XI вв. до н. э.), которые вели кочевой или полуседлый образ жизни, близо-

стью к р. Волге, наличием заливных, обильных травой пастбищ в обширной волжской пойме и удобными спусками к ней по окружающим мыс оврагам. Возможно, многочисленное население финала бронзового века сохранилось здесь и в начале раннего железного века. Удобство мыса для обороны было подмечено в период раннего железного века (городецко-скифоидное и сарматское время), когда для усиления его неприступности с западной наполной стороны были сооружены вал и ров. В это время наблюдается культурное взаимодействие и, вероятно, совместное проживание на городище носителей городецкой культуры и степного «скифоидного» населения. Об этом свидетельствуют смешанный, с наличием гибридных форм, городецко-скифоидный керамический комплекс и отдельные находки (VI–III вв. до н. э.). По-видимому, взаимодействие степного «скифоидного» населения («скифов-пахарей») с носителями северных культур лесной полосы, наблюдалось на всем протяжении восточноевропейской лесостепи, в том числе и в нижневолжском регионе. Конец раннего железного века (I–III вв. н. э.) ознаменовался мощным импульсом миграций степного населения (носителей сарматских культурных традиций) на север. Керамические материалы свидетельствуют о значительном количестве переселенцев осевших на городище в сарматское время. В период средневековья здесь существовало русское сельское поселение. Вопрос о появлении на памятнике древнерусского населения в домонгольский период остается открытым. Судя по керамическому материалу, предметам древнерусского круга и двум могильникам, русский этнический компонент появился здесь в начале существования Золотой Орды и продолжал преобладать в дальнейшем. Керамические находки и другие предметы свидетельствуют о пребывании здесь выходцев из южнорусских земель (Рязанское и Курское княжества). Материалы других памятников подтверждают проживание в Золотой Орде значительных групп древнерусского населения. Некоторое влияние на жизнь поселенцев оказали золотоордынское и болгарское ремесло и материальная культура. Русские жители сельских поселений находились в разной степени зависимости от представителей золотоордынской аристократии. Находки предметов вооружения (кинжал и наконечник копья) свидетельствуют о разрешении поселенцам ношения оружия. Значительную роль в хозяйстве играли вылов и переработка рыбы. Вероятно, некоторое значение имела выделка кожи и меха. Поселенцы занимались металлообработкой, а, возможно, и изготовлением стеклянных изделий. Исследования Алексеевского городища существенно дополняют характеристику этнокультурных процессов в Нижнем Поволжье и на прилегающих территориях от эпохи бронзы до позднего средневековья.

Литература:

- Алихова А.Е. Древние городища Курского Посеймья // МИА. № 113. Лесостепные культуры скифского времени. М., 1962.
 Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997.
 Березанская С.С. Об одной из групп памятников средней бронзы на Украине // СА. 1960. № 4.
 Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1986.

Бирюков И.Е. Материалы сарматского времени с Сырского городища в Верхнем Подонье // Древности Волго-Донских степей. Вып. 6. Волгоград, 1998.

Бирюков И.Е. Среднее течение р. Воронеж в первые века н. э. // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2. Липецк, 2001.

Буйнов Ю.В. Срубная культурно-историческая общность и бондарихинская культура: вопросы хронологии и взаимосвязей // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001.

Васильев И.Б. Вольск-Лбище - новая культурная группа эпохи средней бронзы в Волго-Уралье // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф. Керамика бронзового века с вершины Царева Кургана // Древности Самарского края. Царев курган. Каталог археологической коллекции. Самара, 2003.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И., Тихонов Б.Г. Поселение Лбище на Самарской луке // Археологические исследования в Среднем Поволжье. Куйбышев, 1987.

Веретюшкин Р.С. Об одной группе керамики Древнего Курска // Днепро-донское междуречье в эпоху раннего средневековья. Воронеж, 2005.

Захаров П.Е., Яворская Л.В. Памятники золотоордынского времени у села Нижняя Добринка // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6. Волгоград, 2003.

Зиньковская И.В., Медведев А.П. Позднесарубинское поселение Ездочное-1 на р. Оскол // Днепро-Донецкое междуречье в эпоху раннего средневековья. Воронеж, 2005.

Золотарев П.М. Новые материалы скифо-сарматского времени в районе с. Мастюгино // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001-2003. Москва, 2004.

Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X - начала XIII вв. Казань-Магадан, 1997.

Изотова М.А., Малов Н.М. Хвалынская керамика эпохи поздней бронзы Танавского городища // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 3. 1992.

Изотова М.А., Малов Н.М., Слонов В.Н. Классификация форм керамики и периодизация поселений хвалынской культуры эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Археологические вести. Вып. 1. Саратов, 1993.

Ильинская В.А. Бондарихинская культура бронзового века // СА. 1961. № 1.

Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII-XV вв. Л., 1976.

Кияшко А.В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград, 2002.

Ковалева Л.Г. Поселение раннего железного века возле с. Волынцево на Сейме // Древности Среднего Поднепровья. Киев, 1981.

Либеров П.Д. Памятники скифского времени бассейна Северного Донца // МИА. № 113. Лесостепные культуры скифского времени. М., 1962.

- Литвиненко Р.А.* Восточная периферия бабинского очага культурогенеза // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2004.
- Лопатин В.А.* Отчет об археологических раскопках кургана на р. Мокрая Песковатка и поселения в урочище «Мартышкино» в Саратовской области в 2005 году. Саратов, 2006. // Архив УНАЛ СГУ.
- Лопатин В.А.* Поселение у с. Нижняя Красавка (по раскопкам 2007 года) // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 8. Саратов, 2008.
- Лопатин В.А., Якубовский Г.Л.* Погребения эпохи средней бронзы из курганов у села Усть-Курдюм // Археологические вести. Вып. 1. Саратов, 1993.
- Малов Н.М.* О «загадочной» керамике вольского типа // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк, 1979.
- Малов Н.М., Филипченко В.В.* Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья // Археологические вести. Вып. 4. СПб., 1995.
- Мальшиев А.Б.* Исследования Сабуровского грунтового могильника в 2006–2007 гг. // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 8. Саратов, 2008.
- Медведев А.Ф.* Сарматы и лесостепь. Воронеж, 1990.
- Медведев А.П.* III Чертовицкое городище (материалы 1-ой половины I тыс. н. э.) // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н. э. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 12. Воронеж, 1998.
- Медведев А.Ф.* Оружие Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР № 65. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II. М., 1959.
- Монахов С.Ю.* Погребение культуры многоваликовой керамики близ Саратова // СА. 1984. № 1.
- Монгайт А.Л.* Старая Рязань // МИА. № 49. Материалы и исследования по истории древнерусских городов. Т. IV. М., 1955.
- Недашковский Л.Ф.* Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000.
- Полубояринова М.Д.* Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.
- Пряхин А.Д., Винников А.З., Цыбин М.В.* Древнерусское Шиловское поселение на р. Воронеж // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987.
- Рыков П.С.* Отчет об археологических работах, произведенных в Нижнем Поволжье летом 1929 г. // Известия НВИК. Т. IV. Саратов, 1931.
- Рыков П.С.* Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. Саратов, 1936.
- Синюк А.Т., Березуцкий В.Д.* Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы – ранний железный век). Воронеж, 2001.
- Смирнов А.С., Сорокин А.Н.* Поселения эпохи бронзы в верховьях Северского Донца // СА. 1984. № 4.
- Спицин А.А.* Некоторые новые приобретения Саратовского музея // ИАК. СПб., 1914. Вып. 53.
- Степанов П.Д.* Вольское городище // Труды СОМК. Вып. 1. Саратов, 1956.
- Тропин Н.А.* Орудия труда, предметы быта и украшения из раскопок сельских поселений XII–XIV вв. южных районов Рязанской земли // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2. Липецк, 2001.

Тупалов И.В. Керамический комплекс эпохи средней бронзы с поселения Мартышкино // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2007.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.

Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991.

Юдин А.И. Алексеевское городище: от средней бронзы до позднего средневековья (по итогам исследования в 1998–1999 гг.) // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Саратов, 2000.

Юдин А.И. Алексеевское городище в г. Саратове // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследование в 1998–2000 годах. Вып. 4. Саратов, 2001.

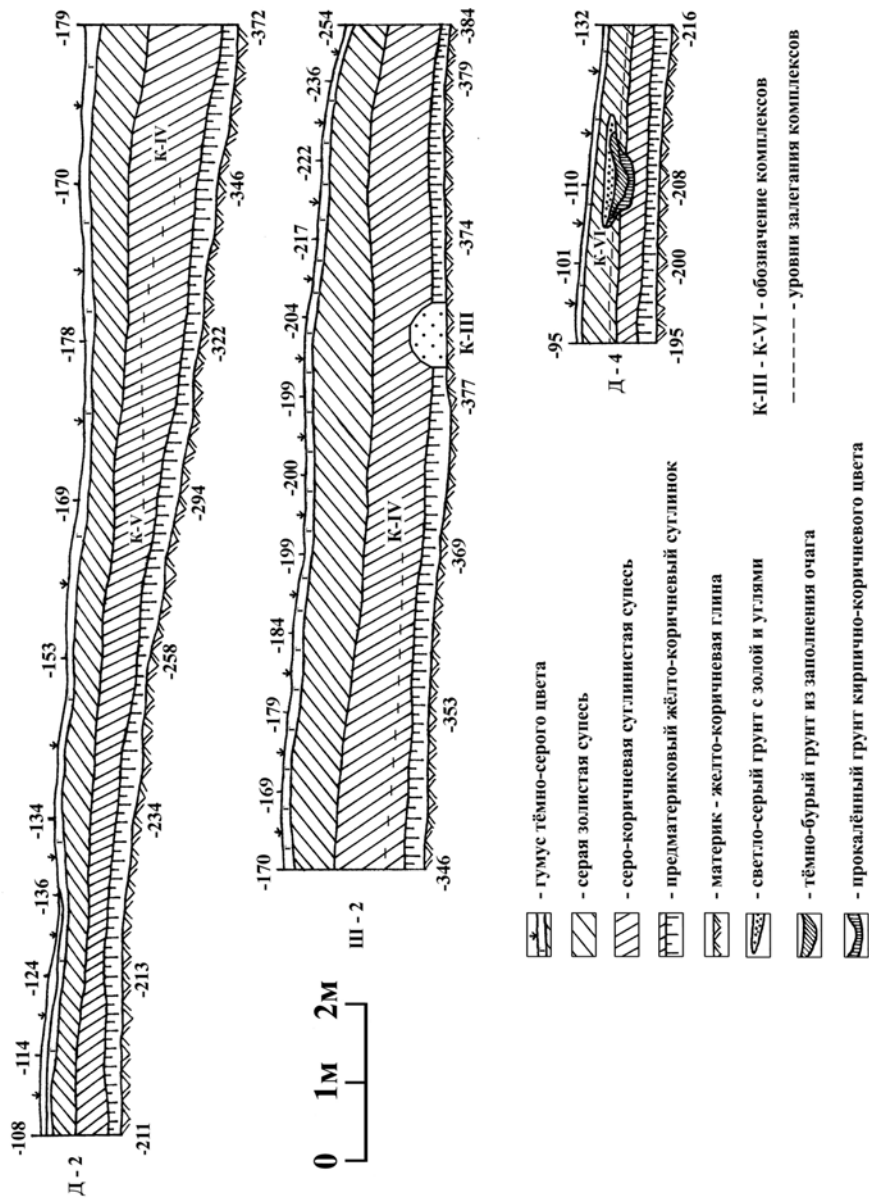

Рис. 2. Алексеевское городище.
 Стратиграфия профилей с уровнями залегания комплексов.

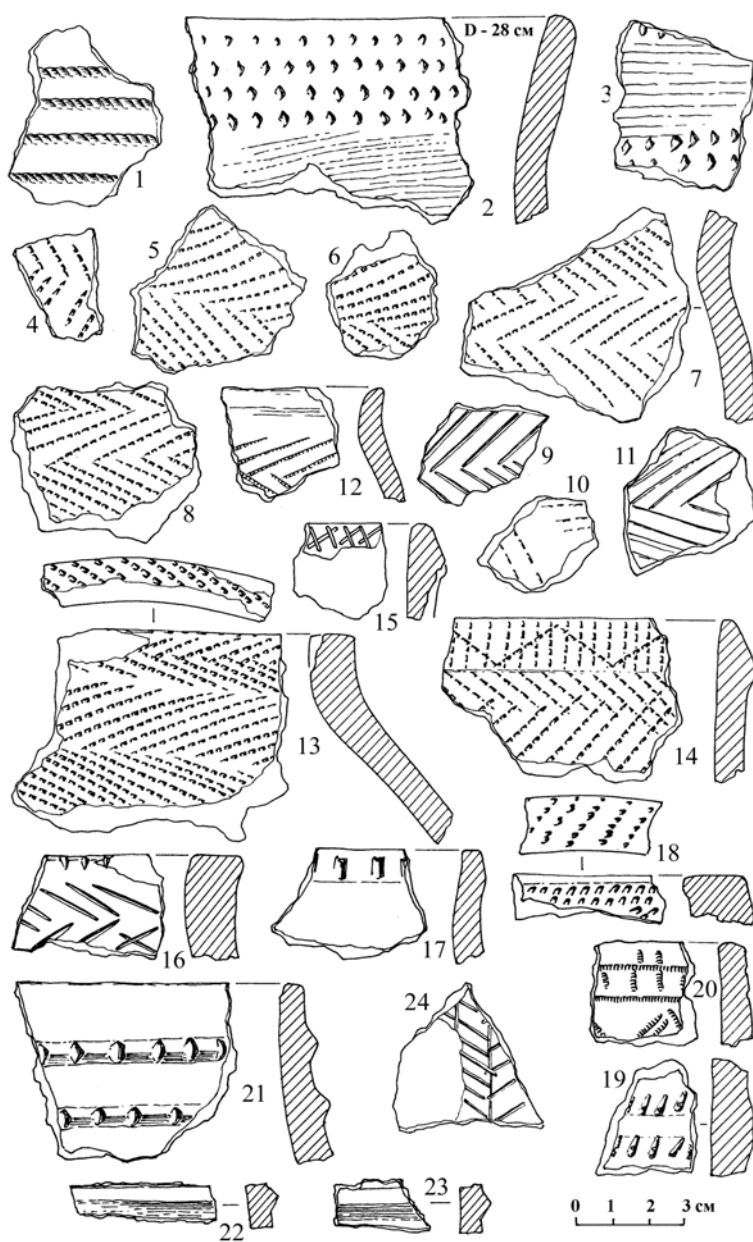

Рис. 3. Алексеевское городище. Керамика эпохи средней бронзы.

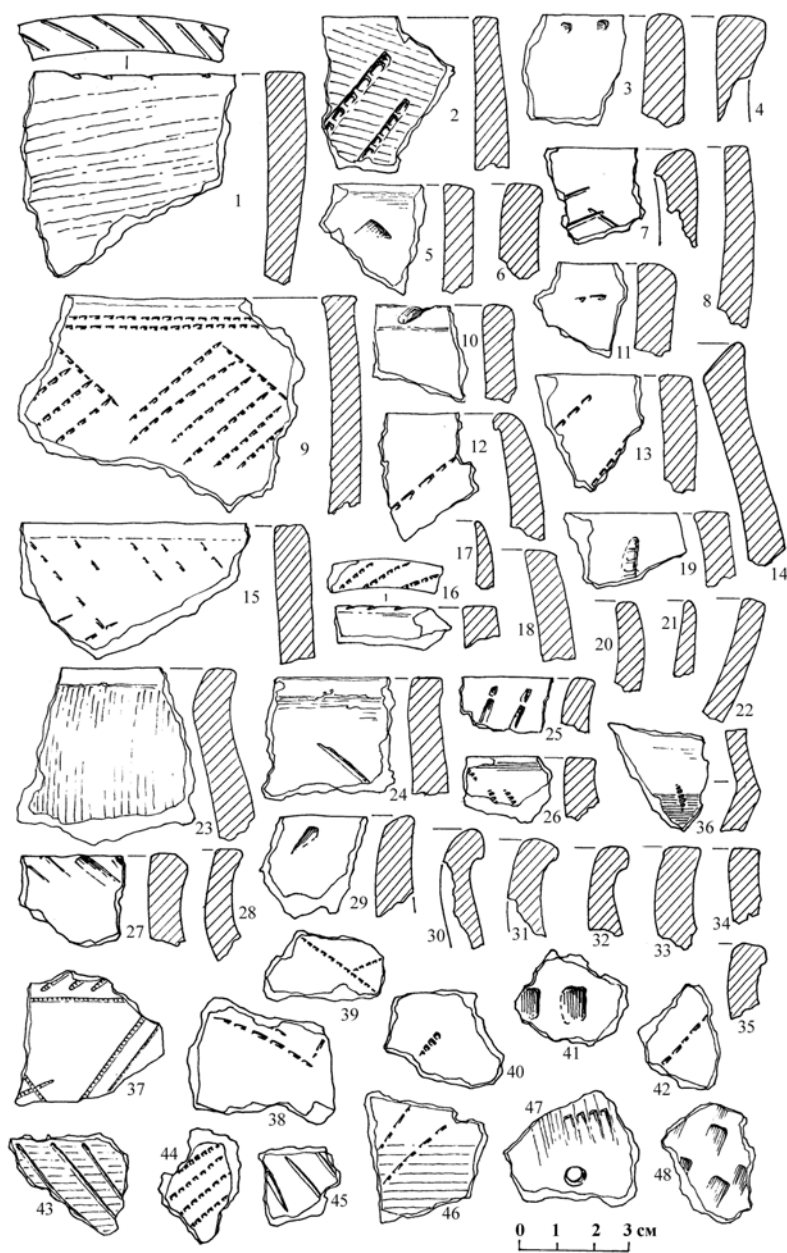

Рис. 4. Алексеевское городище. Керамика срубной культуры.

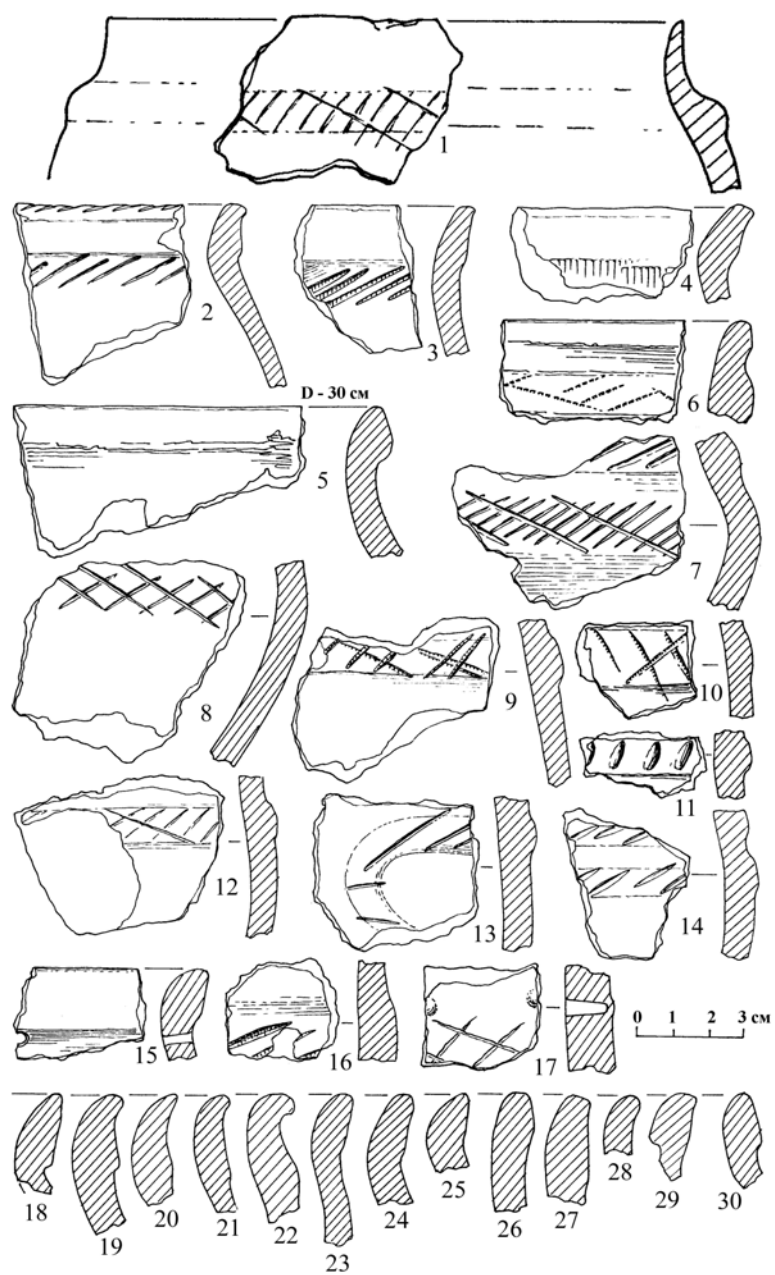

Рис. 5. Алексеевское городище. Керамика финальной бронзы.

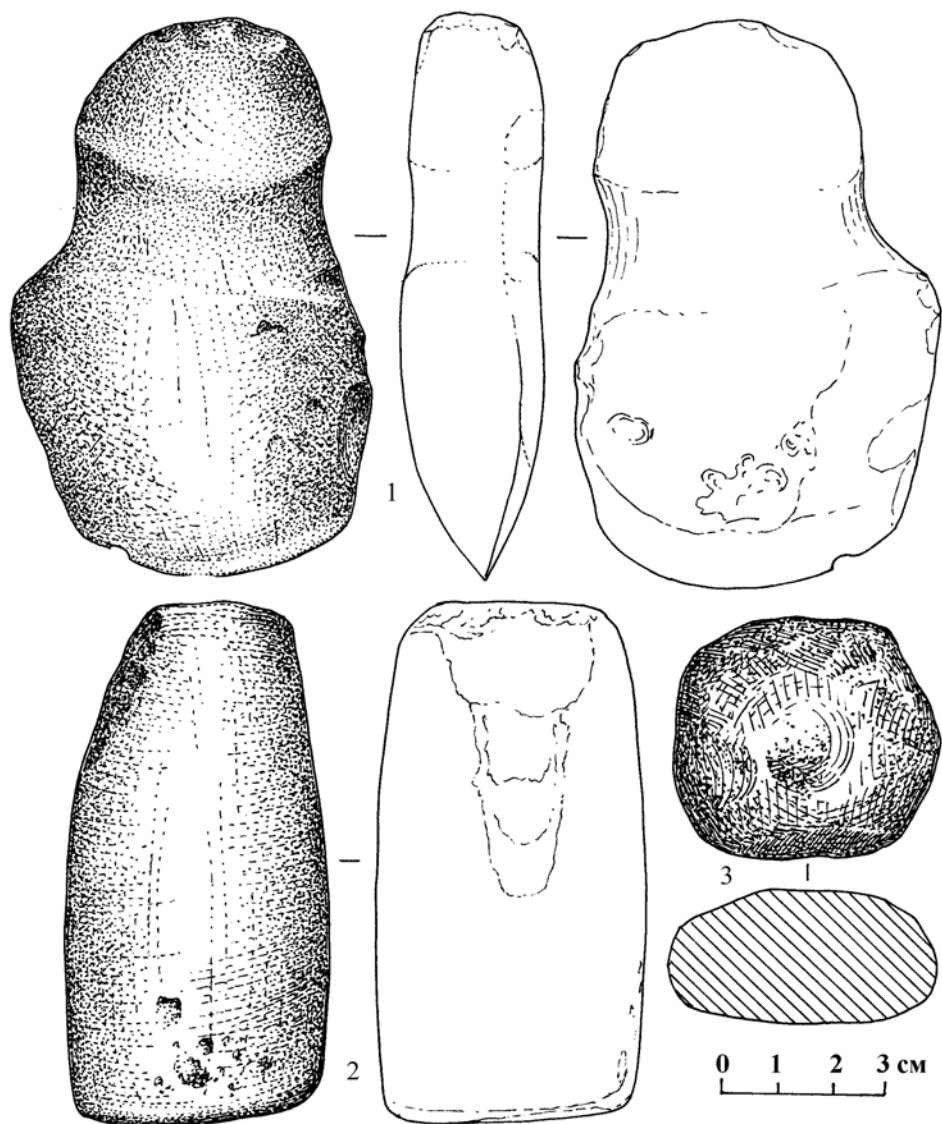

Рис. 6. Алексеевское городище. Каменные орудия эпохи бронзы.

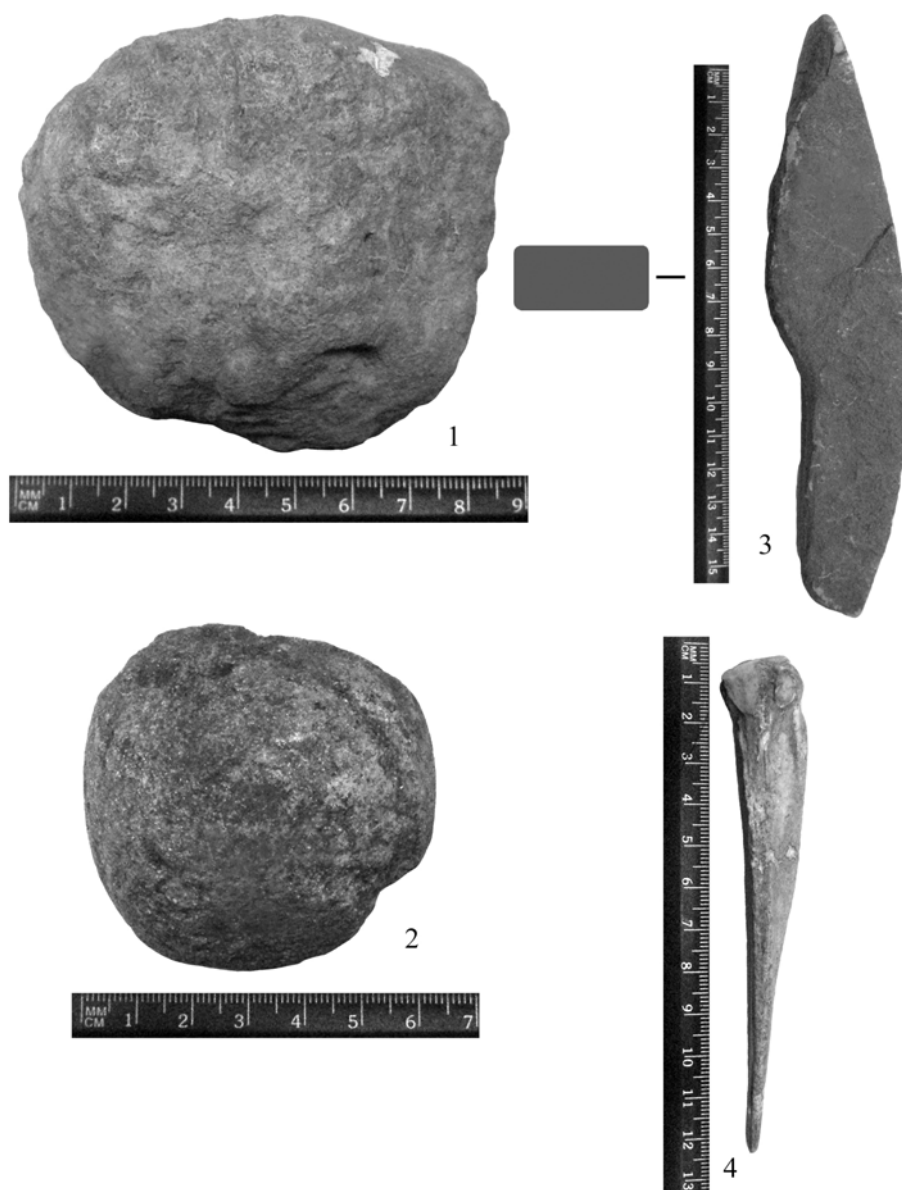

Рис. 7. Алексеевское городище.
Каменные и костяные изделия эпохи бронзы. 1-3 - камень, 4 - кость.

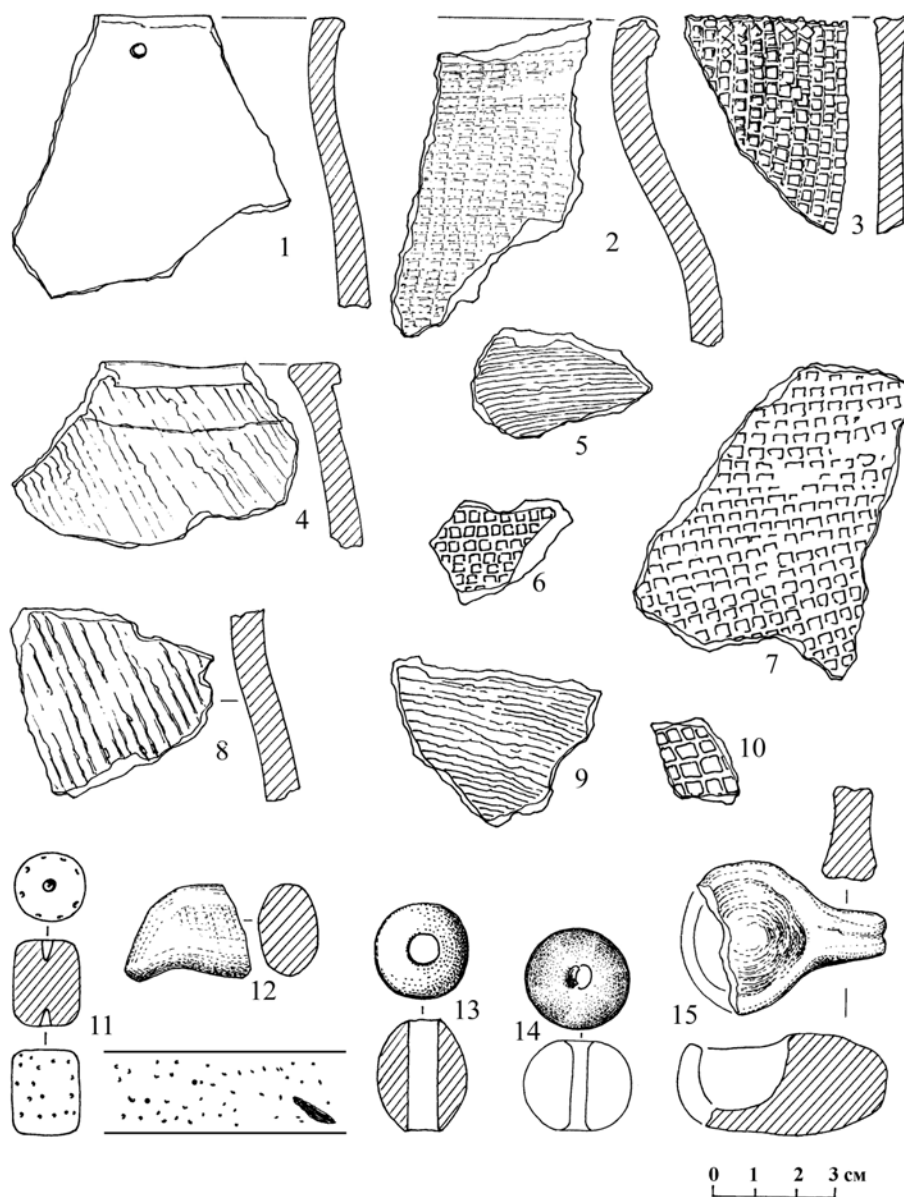

Рис. 8. Алексеевское городище. Керамика раннего железного века.

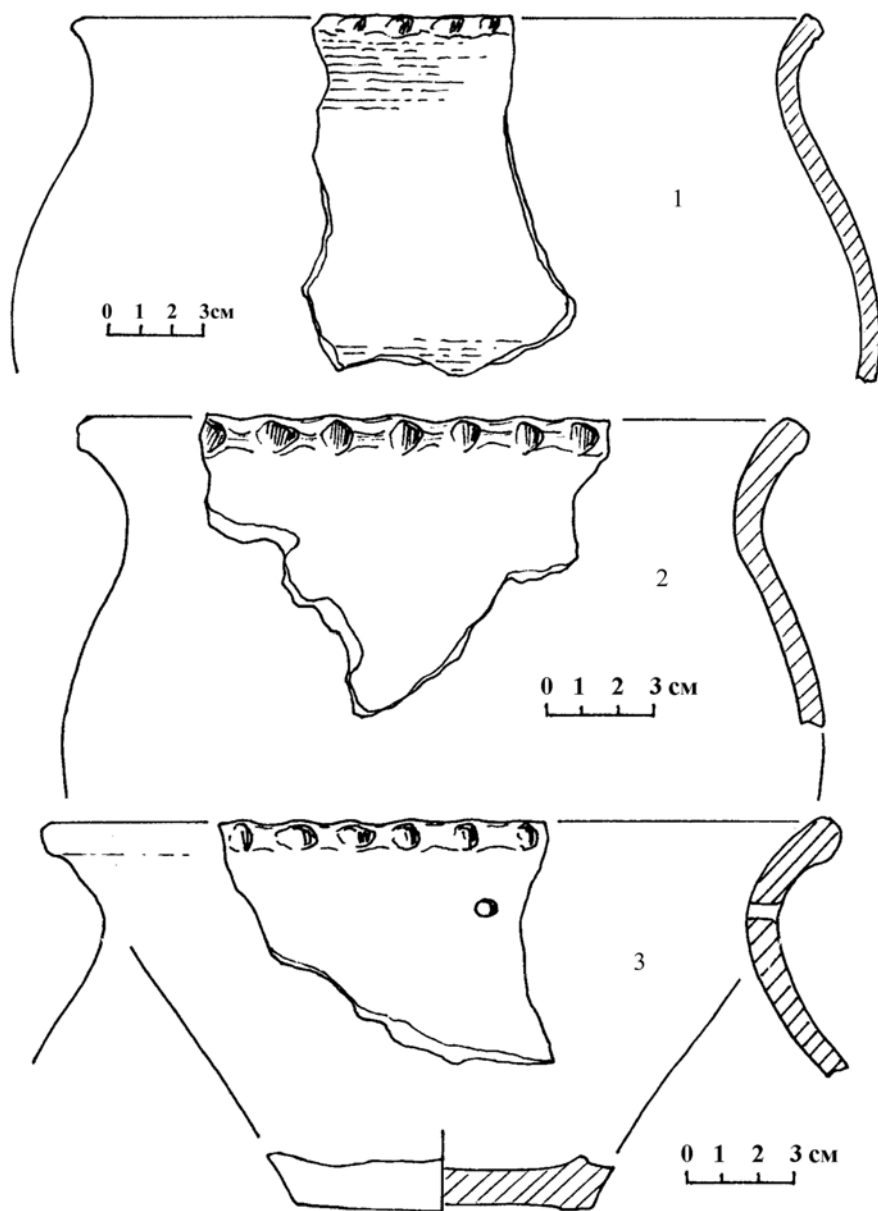

Рис. 9. Алексеевское городище. Гладкостенная керамика раннего железного века. (тип II по А.П. Медведеву)

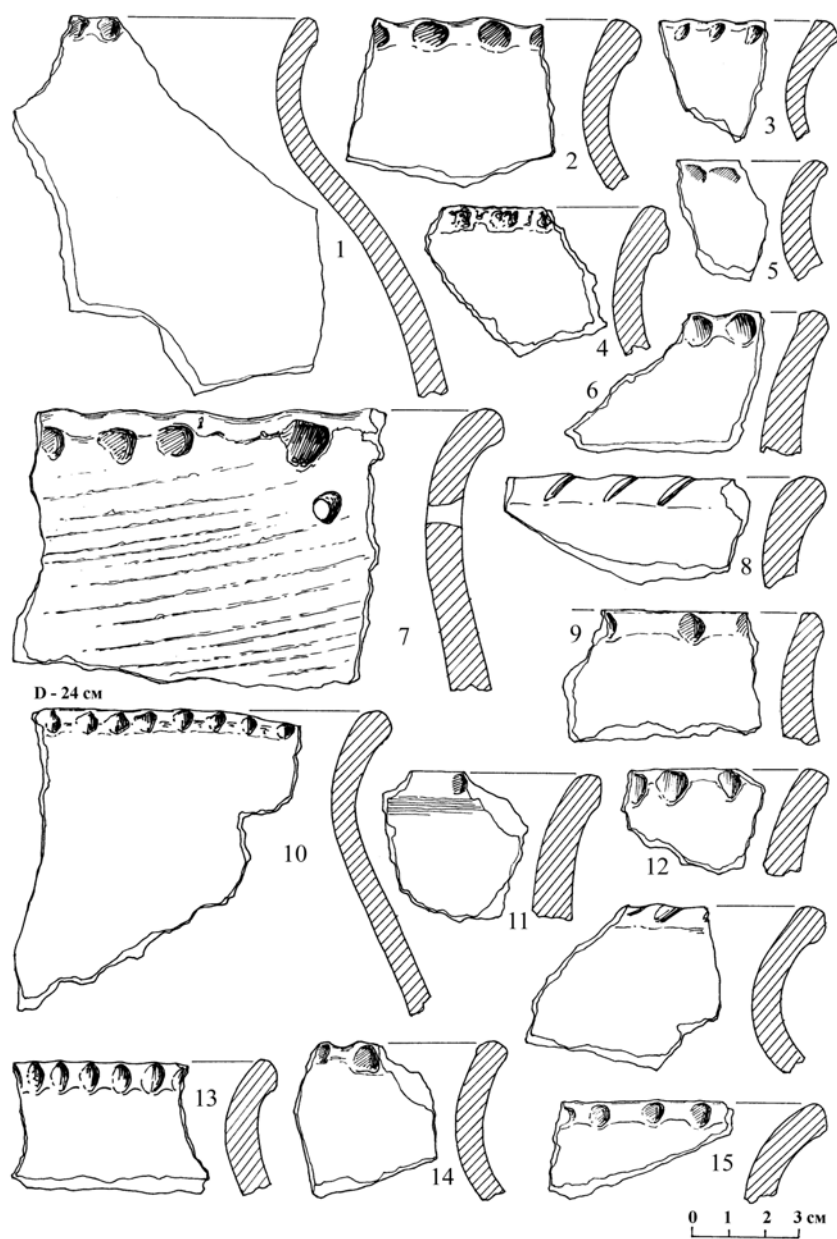

Рис. 10. Алексеевское городище. Керамика раннего железного века.

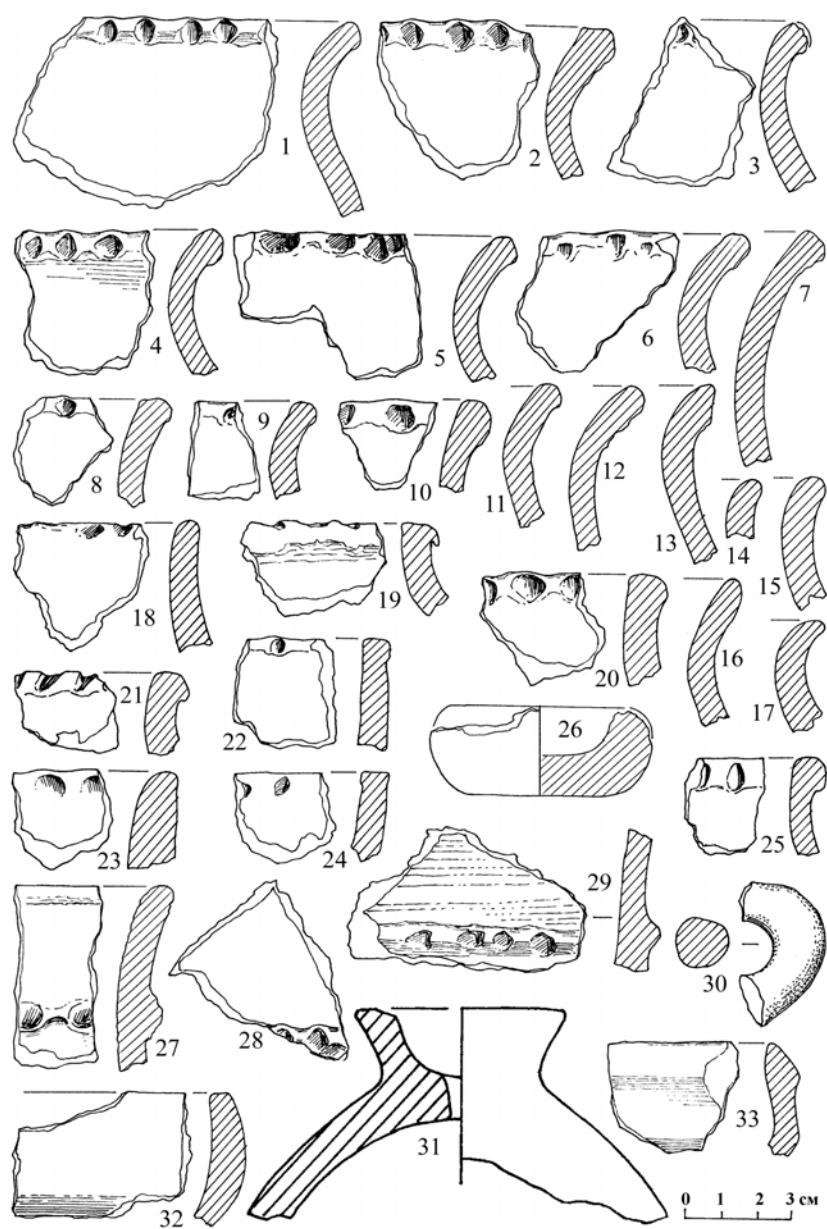

Рис. 11. Алексеевское городище. Керамика раннего железного века.

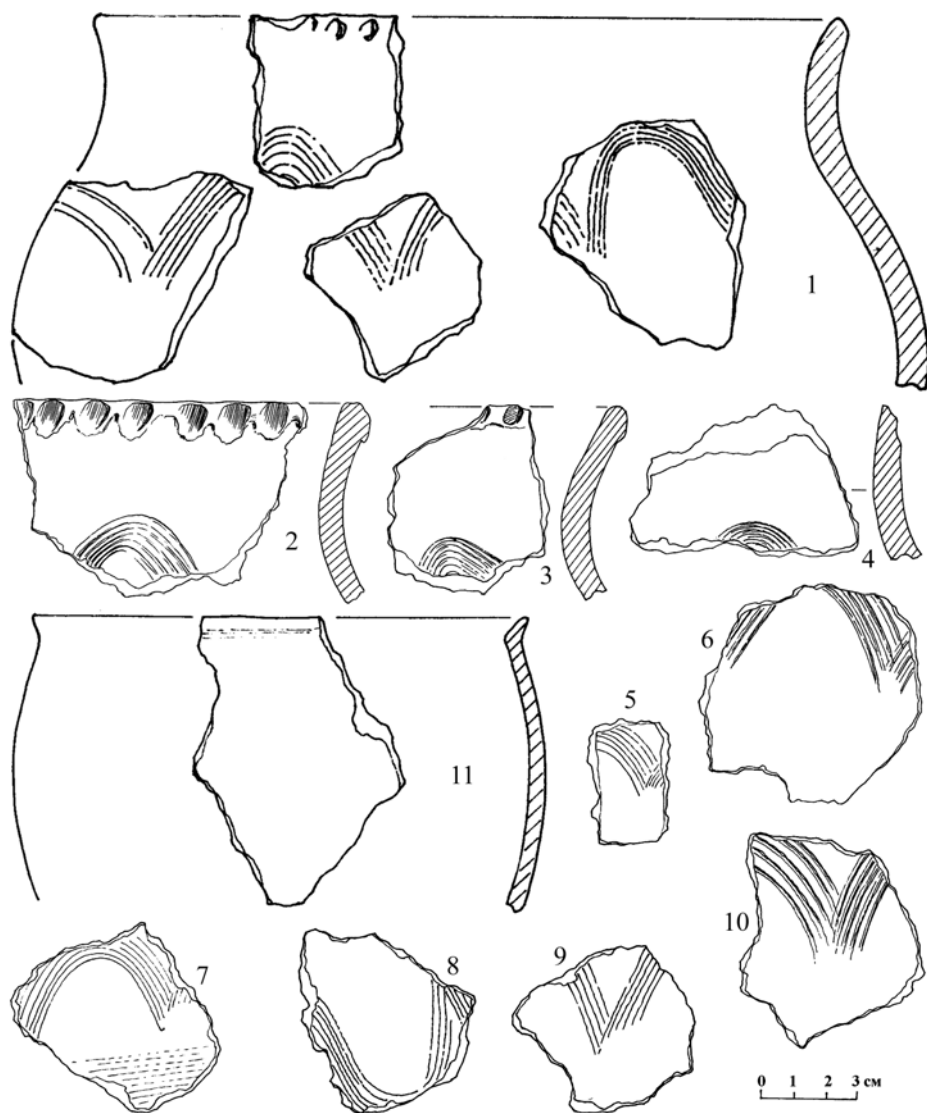

Рис. 12. Алексеевское городище. Керамика раннего железного века.

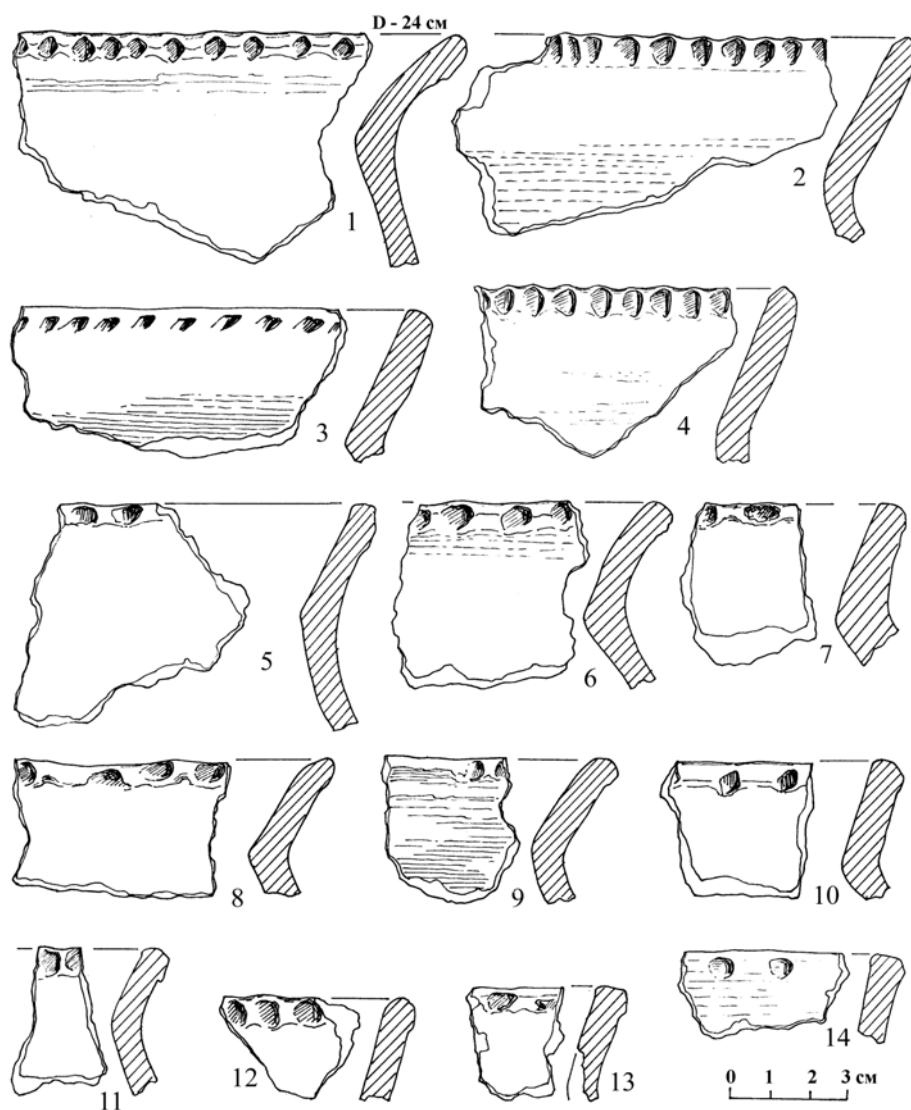

Рис. 13. Алексеевское городище. Керамика раннего железного века.

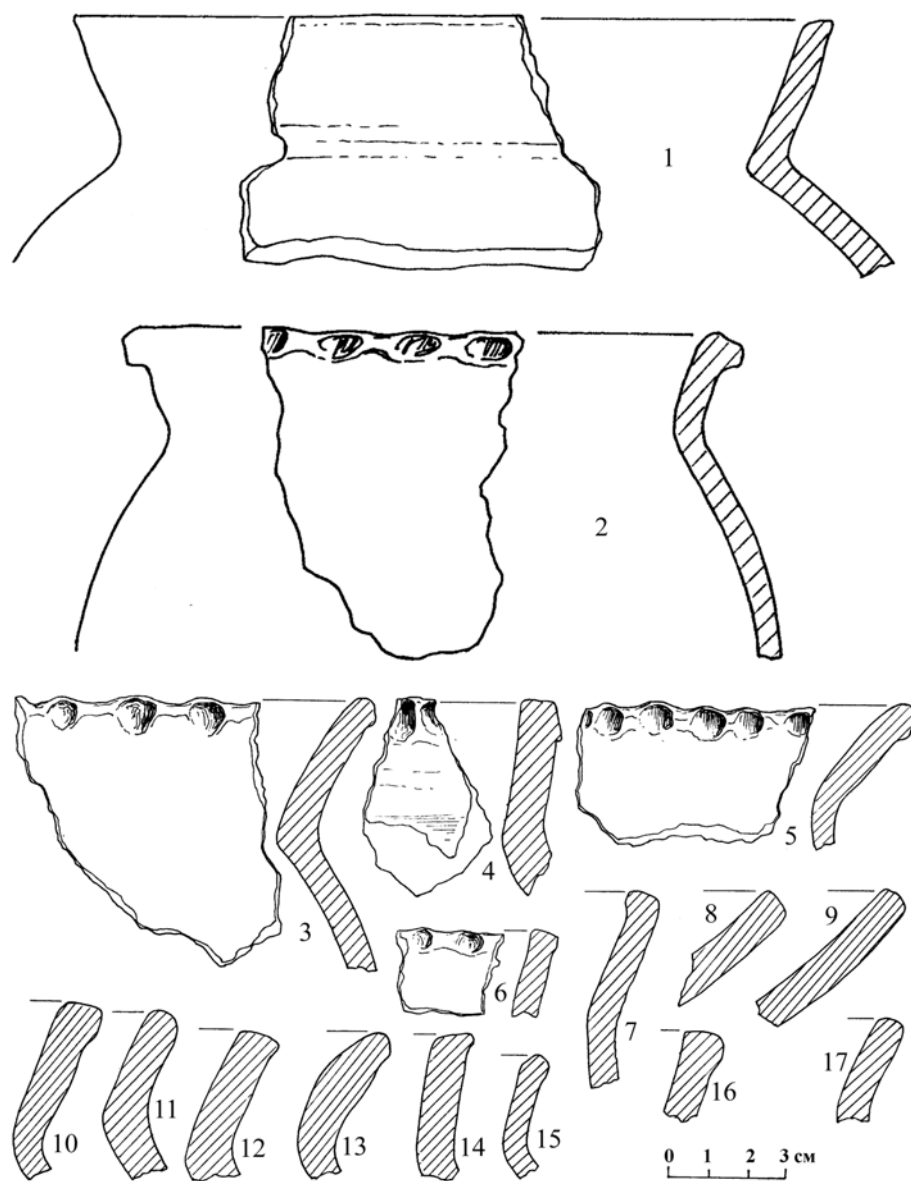

Рис. 14. Алексеевское городище. Керамика раннего железного века.

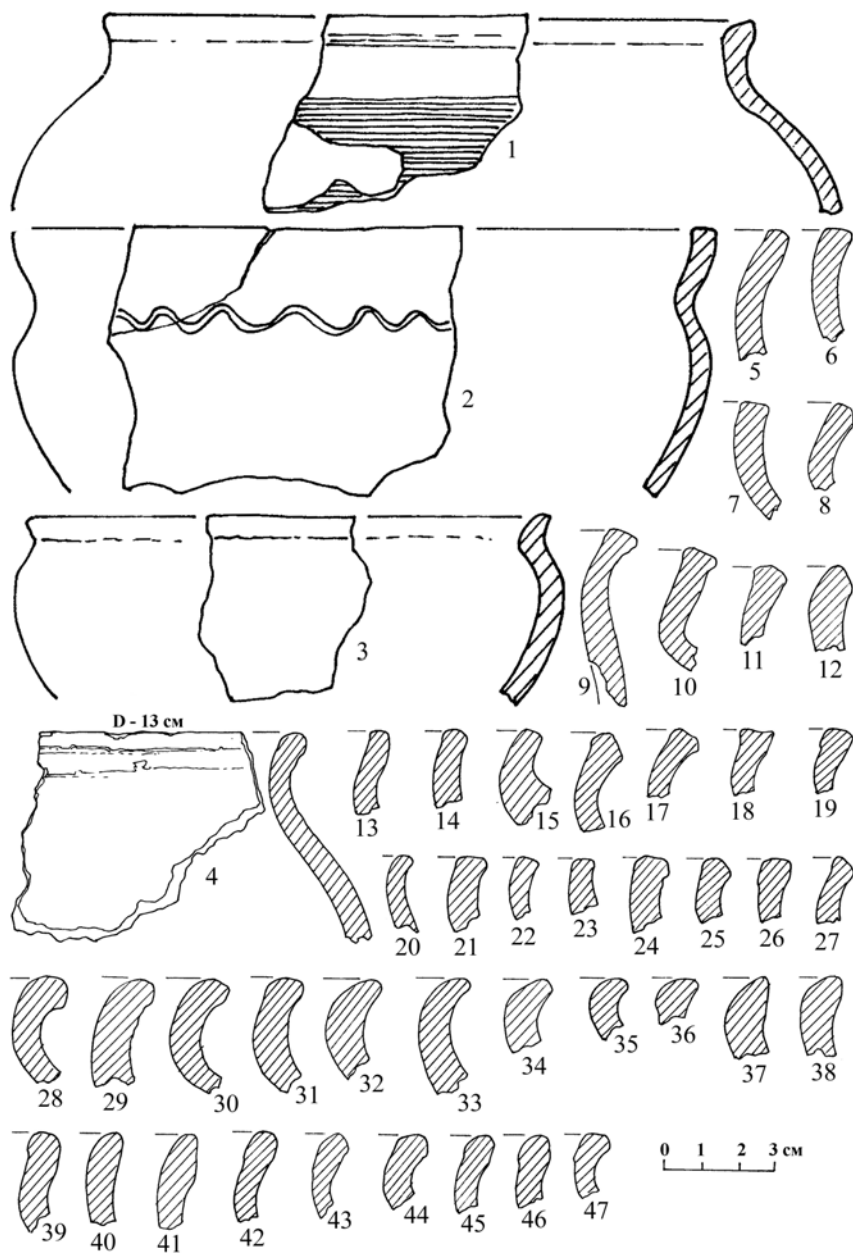

Рис. 15. Алексеевское городище. Древнерусская керамика.

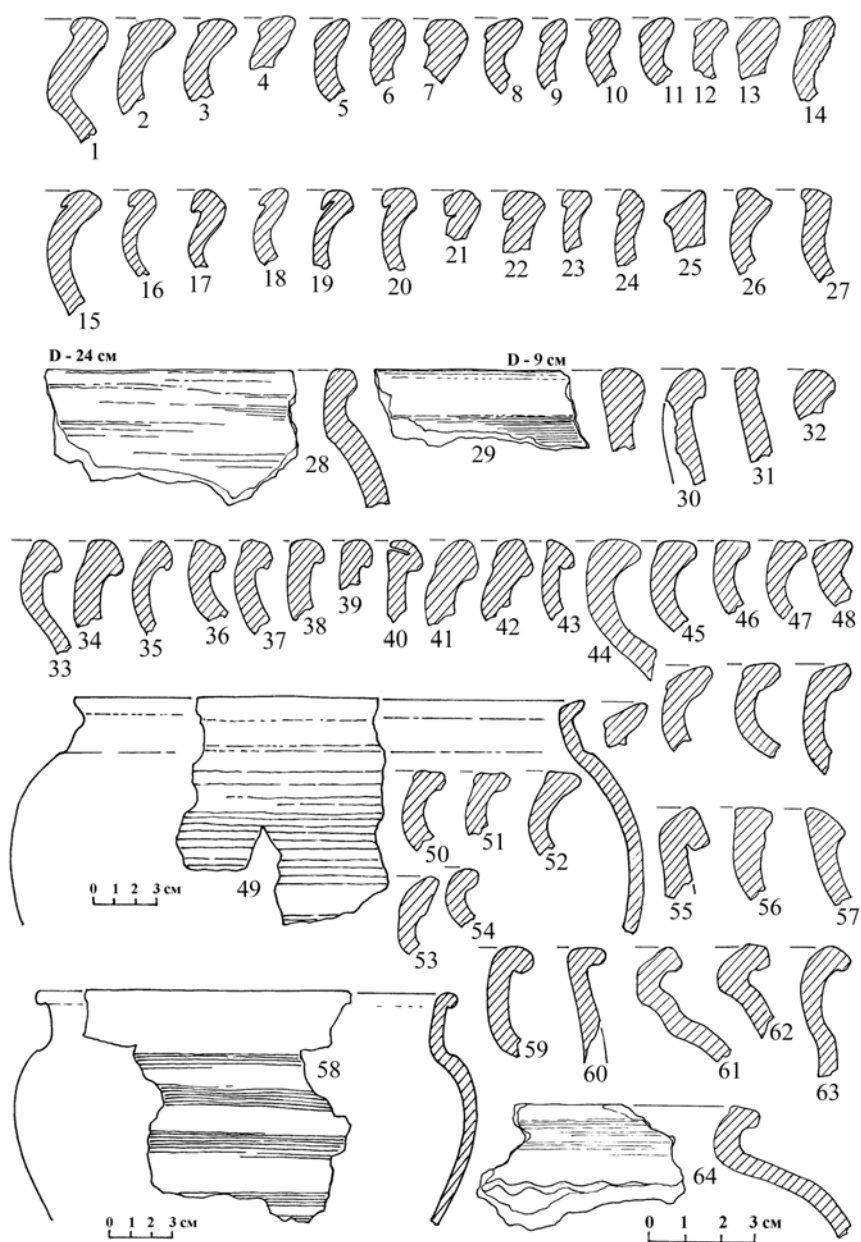

Рис. 16. Алексеевское городище. Древнерусская керамика.

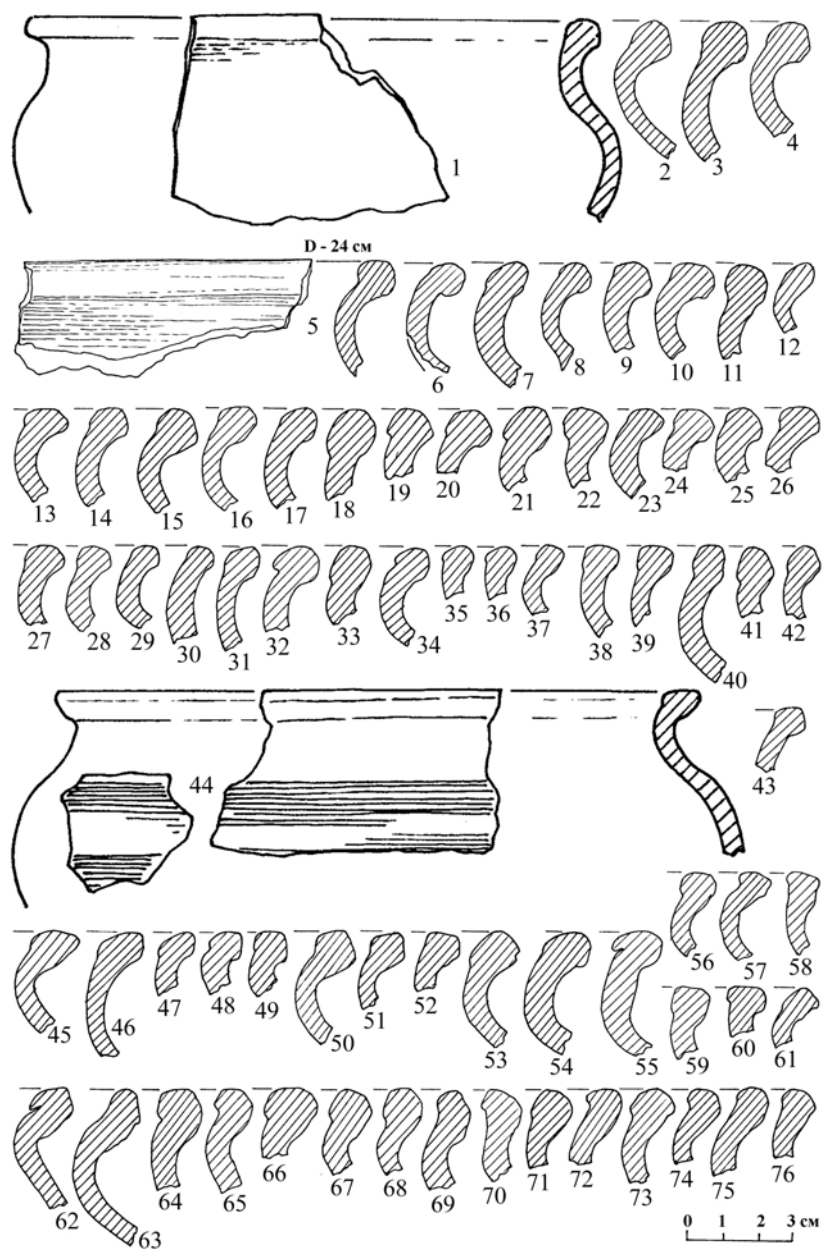

Рис. 17. Алексеевское городище. Древнерусская керамика.

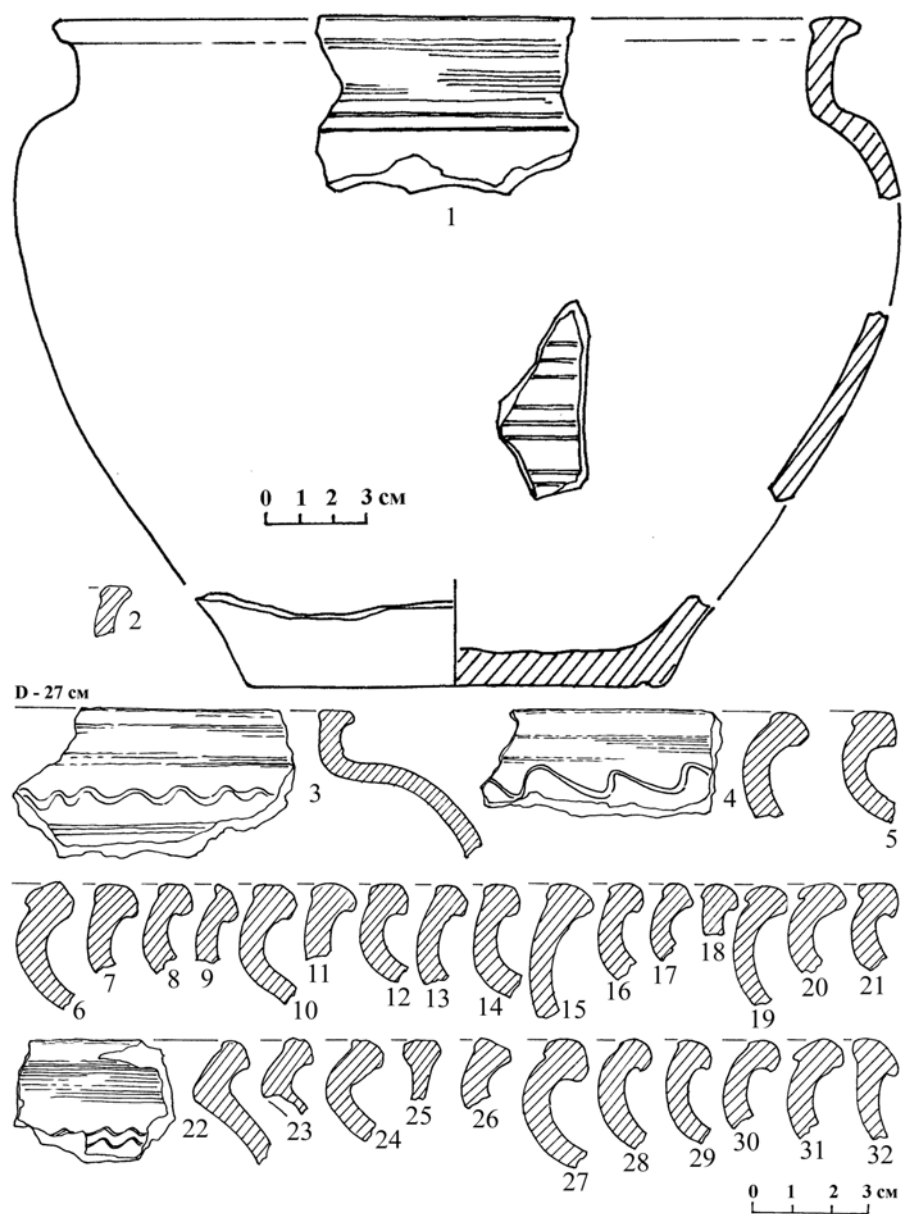

Рис. 18. Алексеевское городище. Древнерусская керамика.

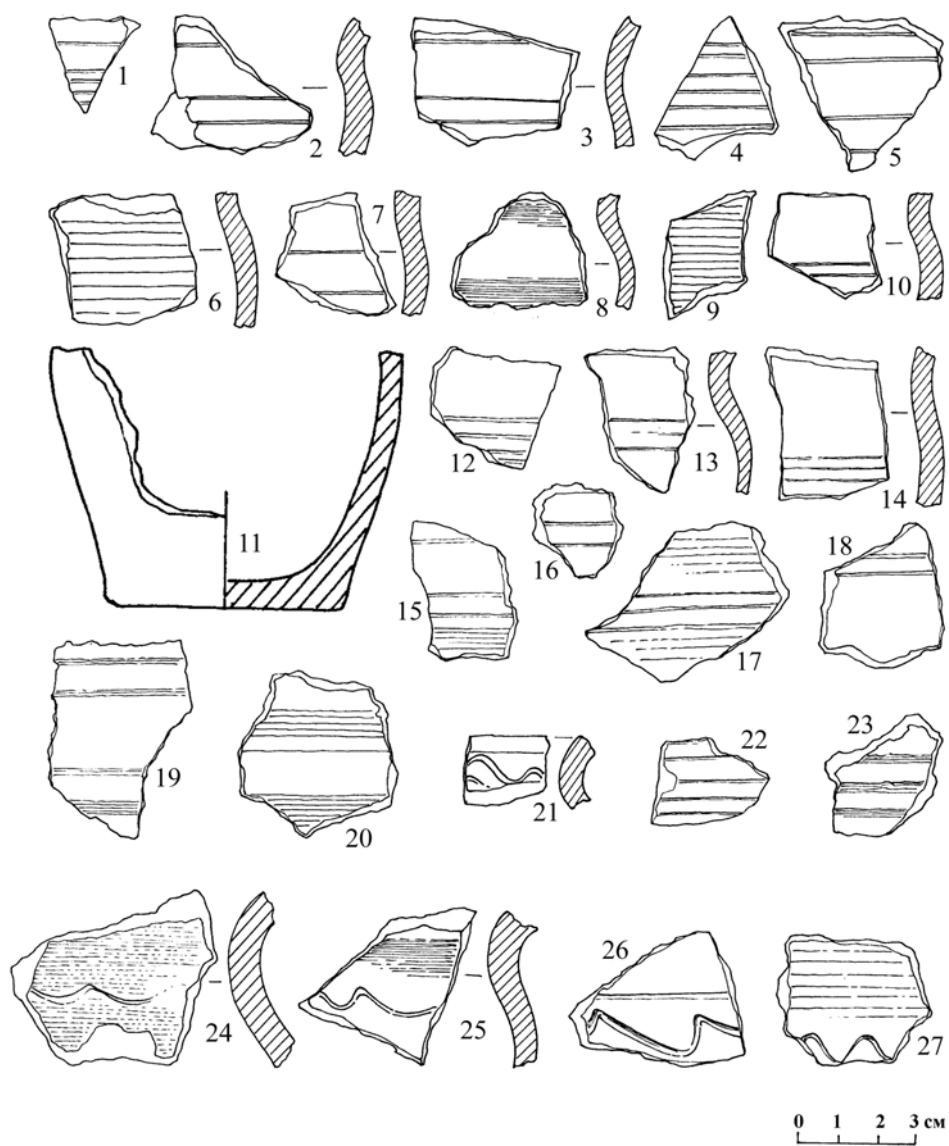

Рис. 19. Алексеевское городище. Древнерусская керамика.

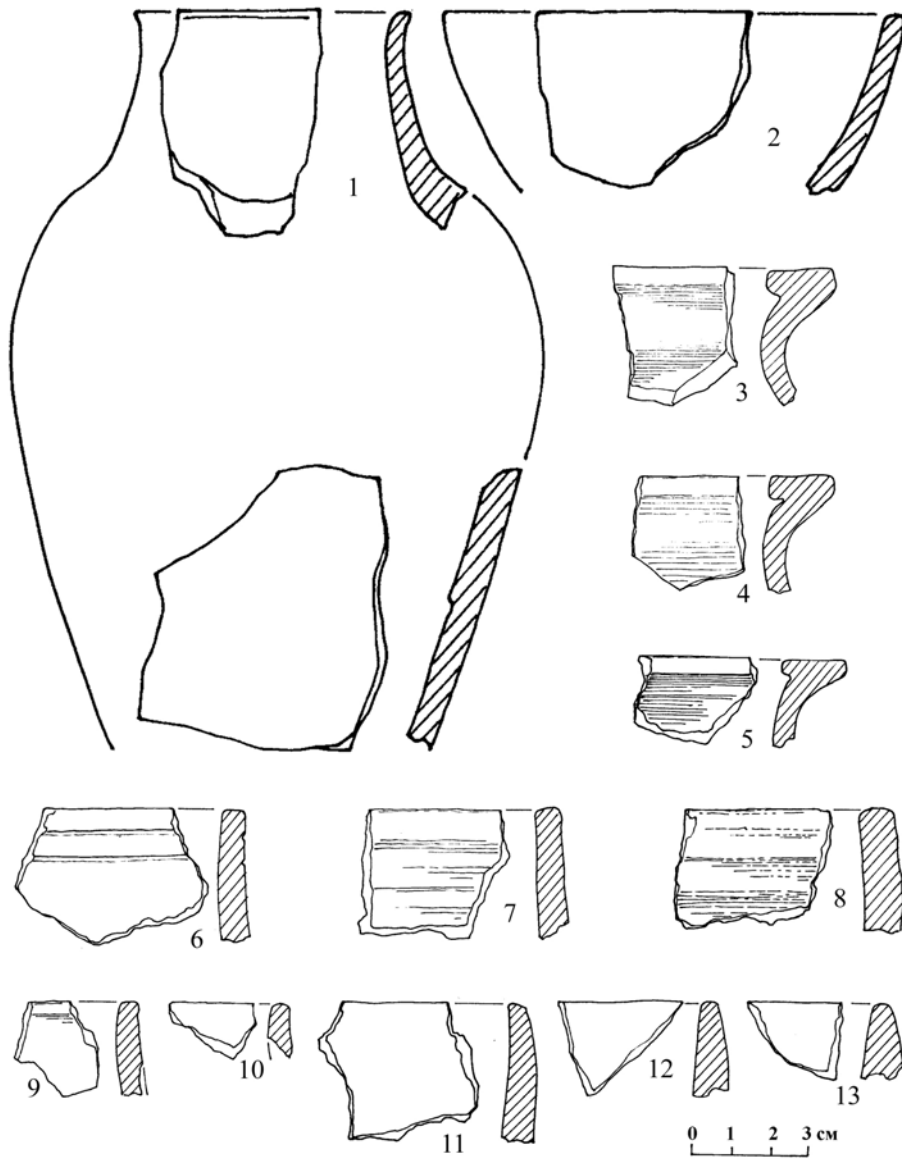

Рис. 20. Алексеевское городище. Золотоордынская керамика.

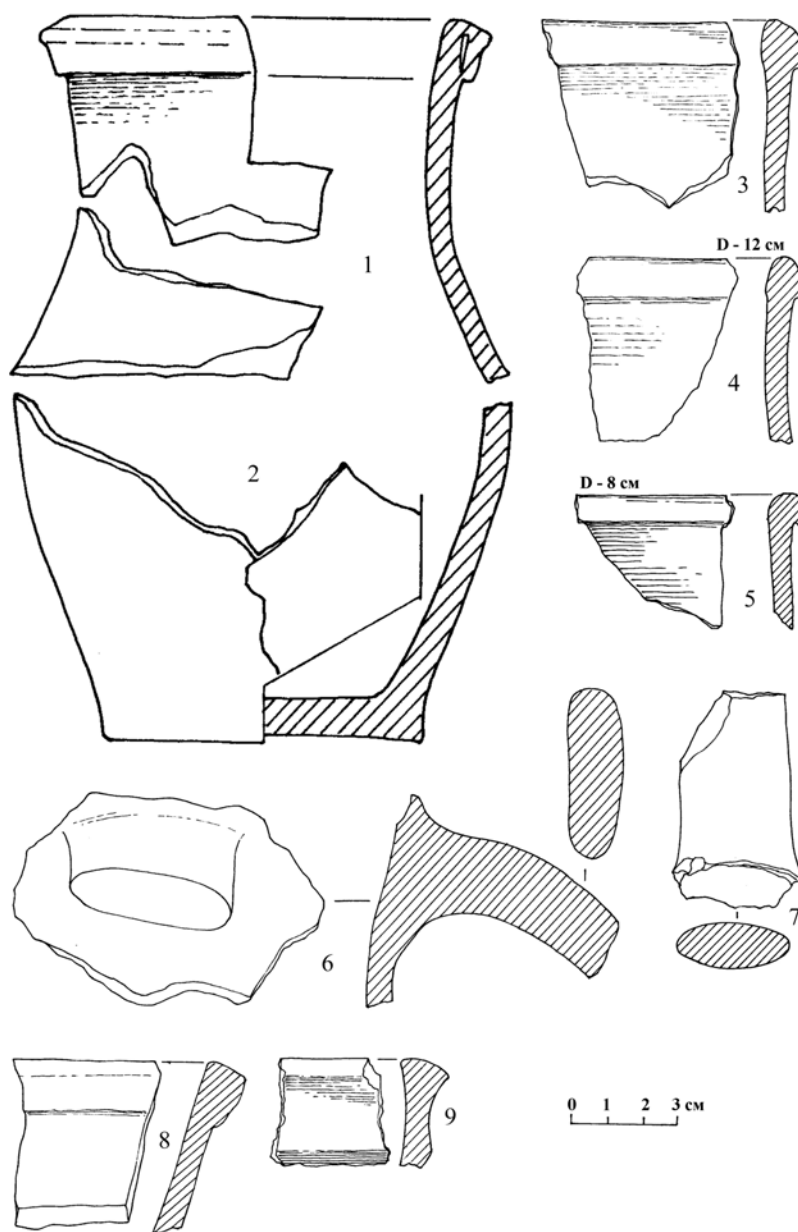

Рис. 21. Алексеевское городище. Золотоордынская керамика.

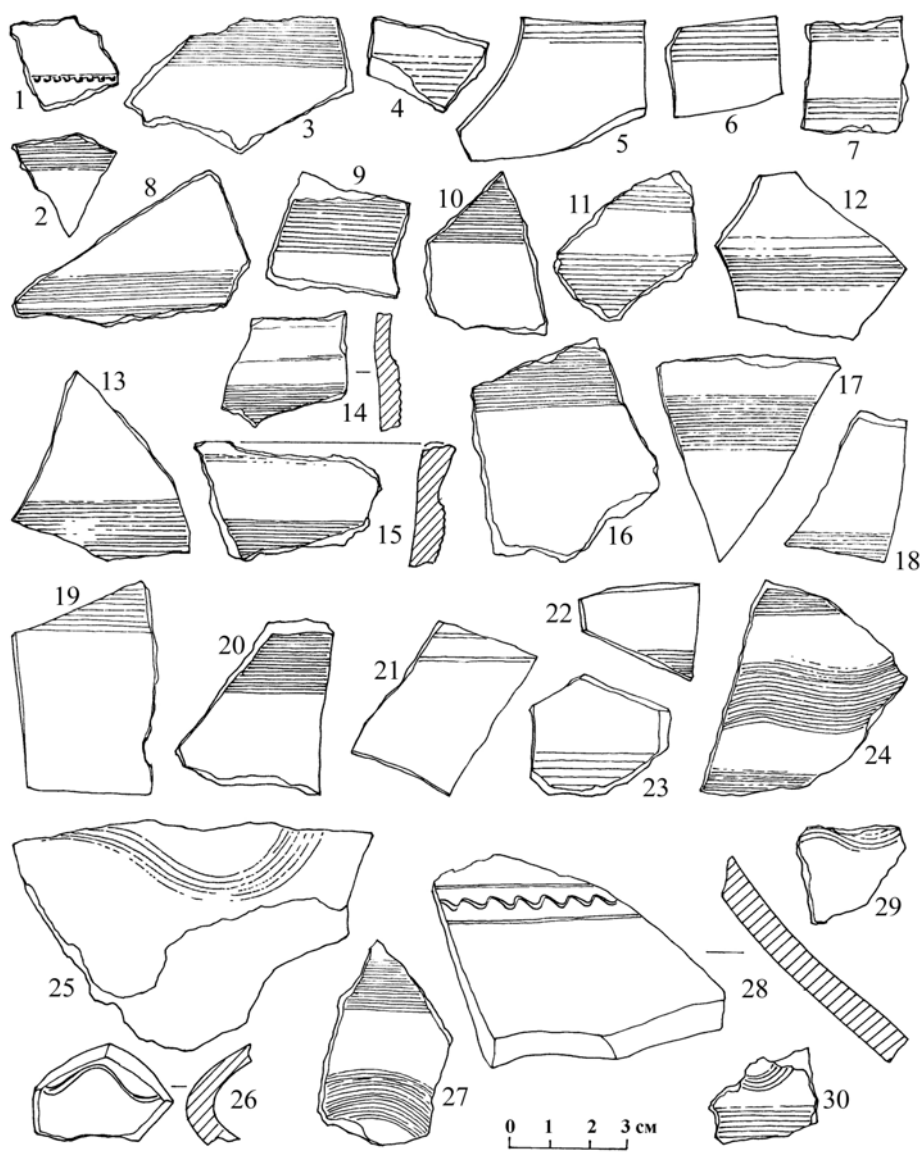

Рис. 22. Алексеевское городище. Золотоордынская керамика.

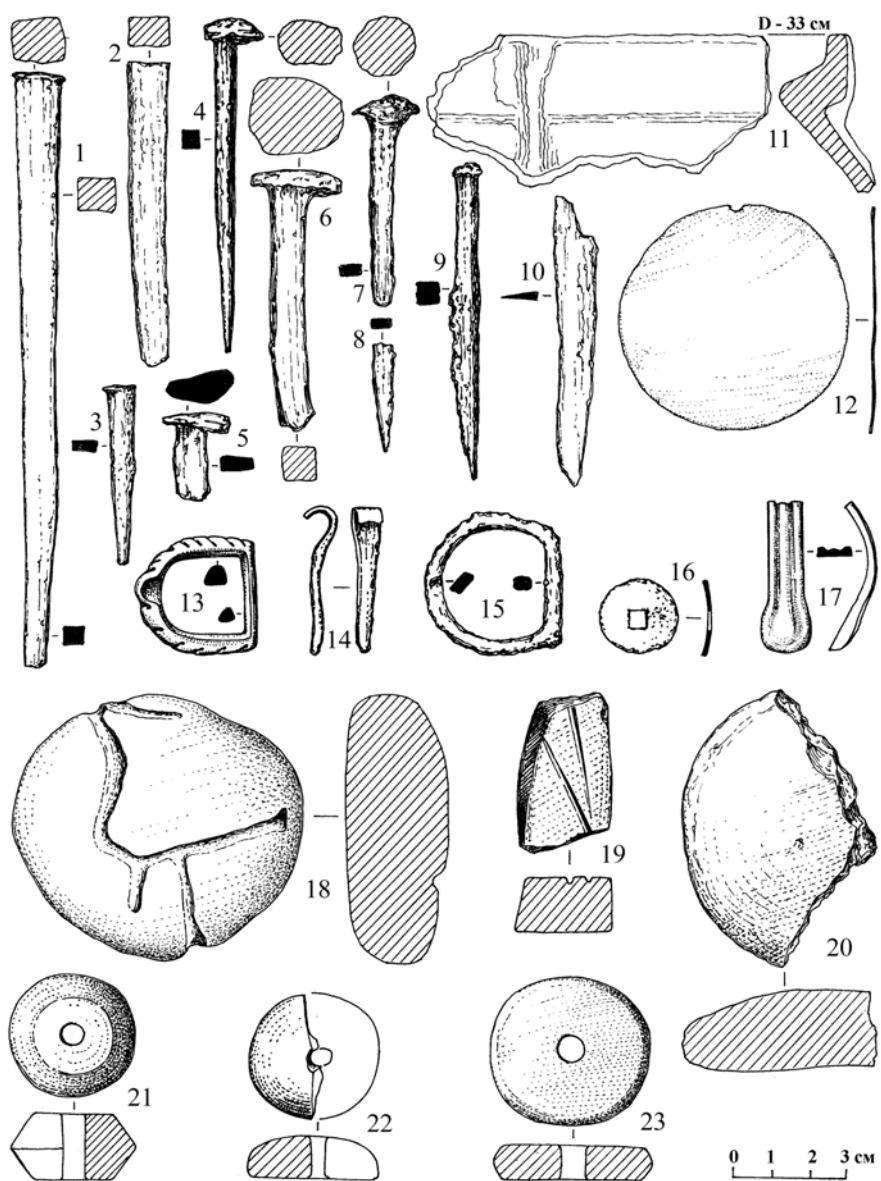

Рис. 23. Алексеевское городище. Средневековые материалы.

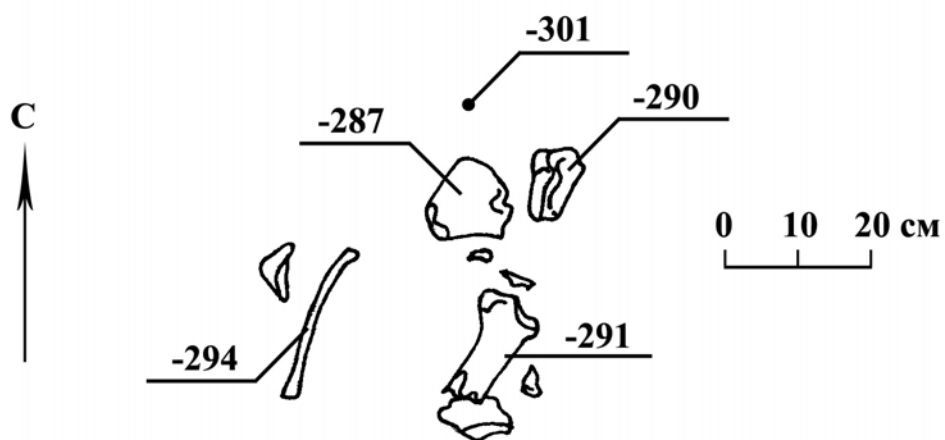

Рис. 24. Алексеевское городище.
Комплекс I. «Скопление костей КРС»

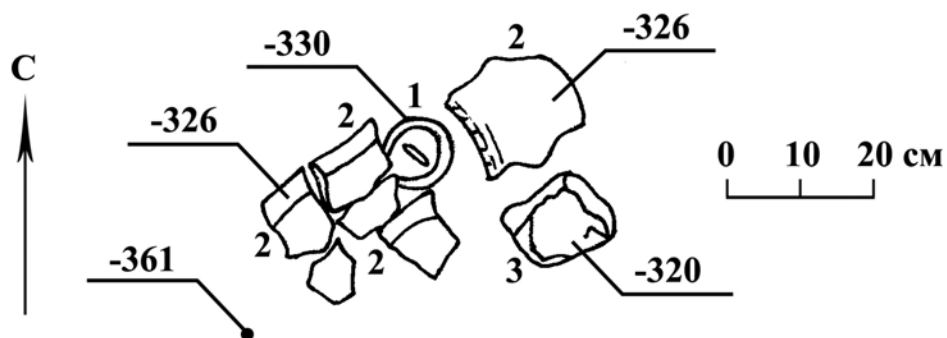

Рис. 25. Алексеевское городище. Комплекс II.
«Скопление сарматской керамики»
1 - керамический предмет, 2 - развал сосуда, 3 - опока.

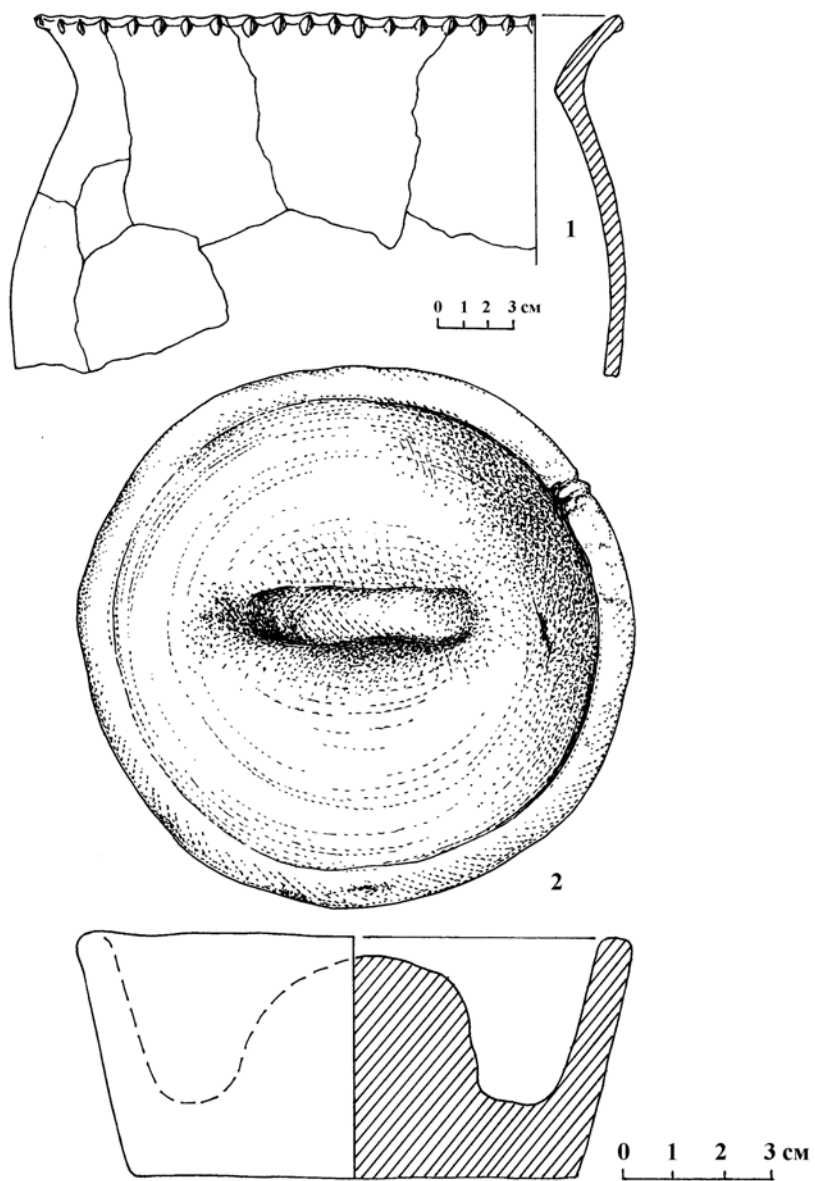

Рис. 26. Алексеевское городище. Комплекс II.
«Скопление сарматской керамики»
1 - сосуд, 2 - глиняный предмет.

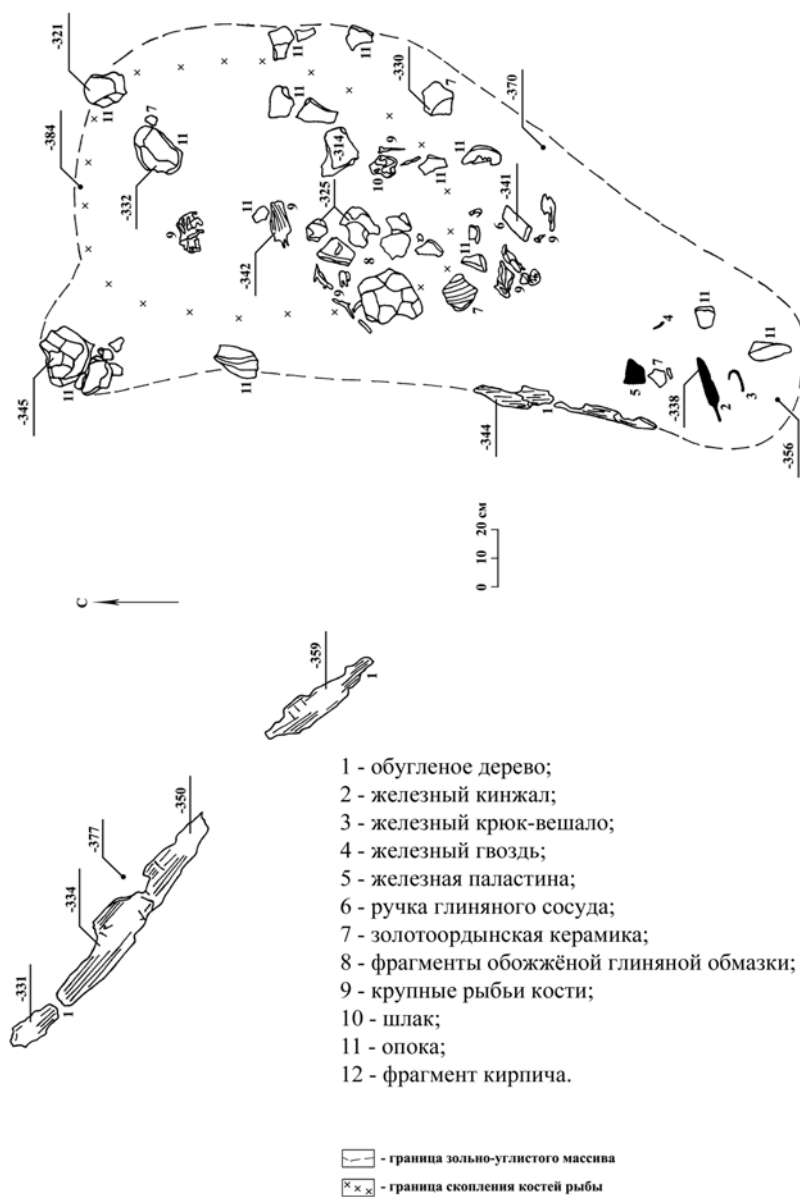

Рис. 27. Алексеевское городище.
 Комплекс III. «Разделочная площадка»

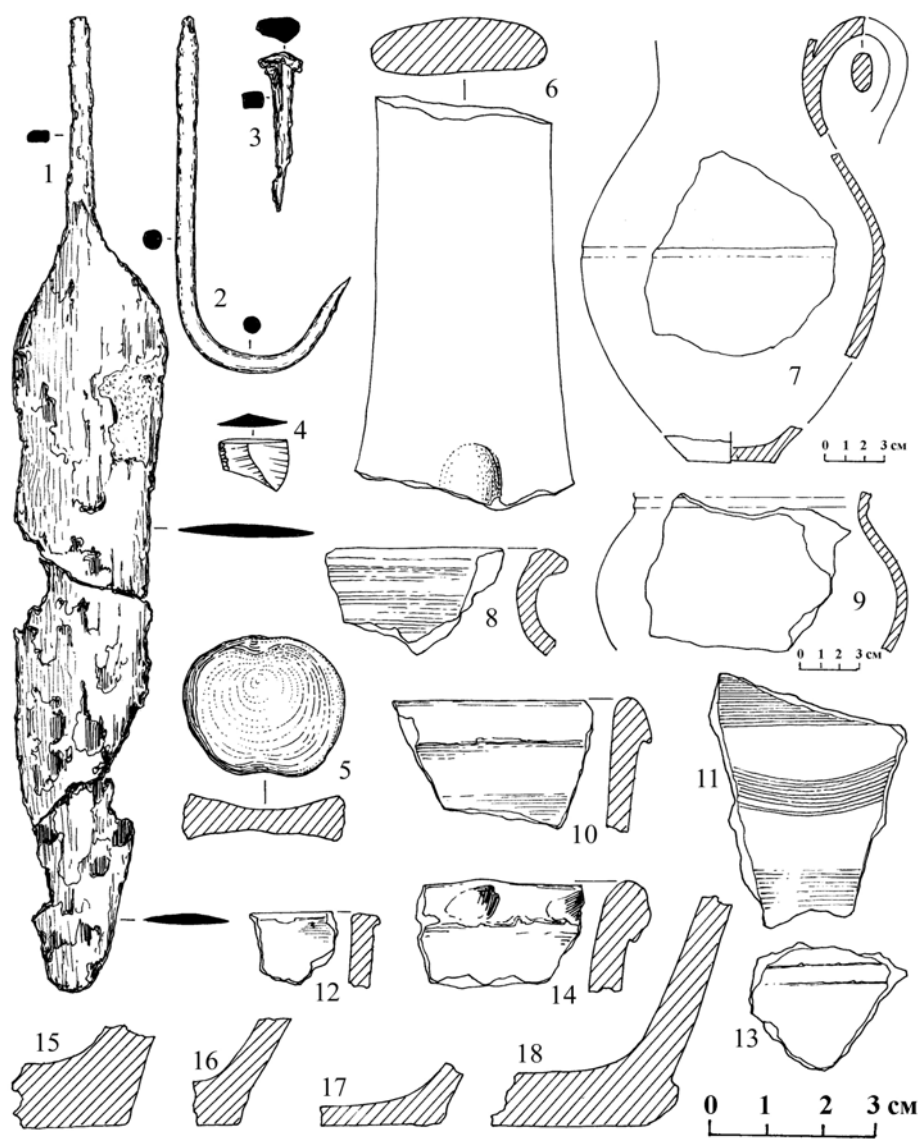

Рис. 28. Алексеевское городище.
Комплекс III. «Разделочная площадка».
1-3 – железо, 4 – камень, 5 – кость, 6-13 – керамика.

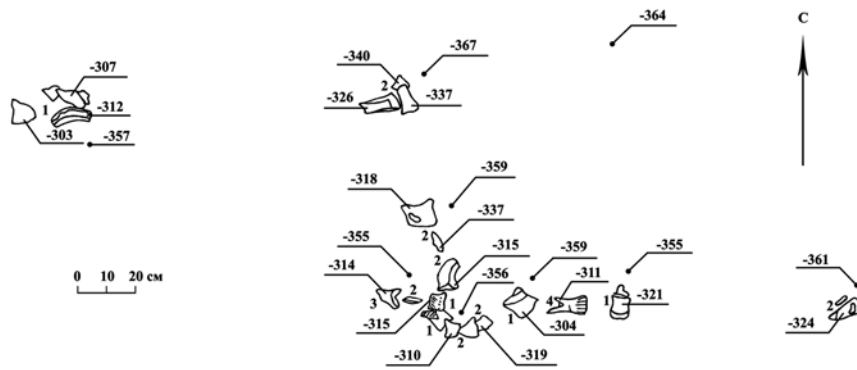

Рис. 29. Алексеевское городище. Комплекс IV. «Скопление керамики, костей и камней». 1 - керамика эпохи поздней бронзы, 2 - опока, 3 - кости КРС, 4 - челюсть МРС.

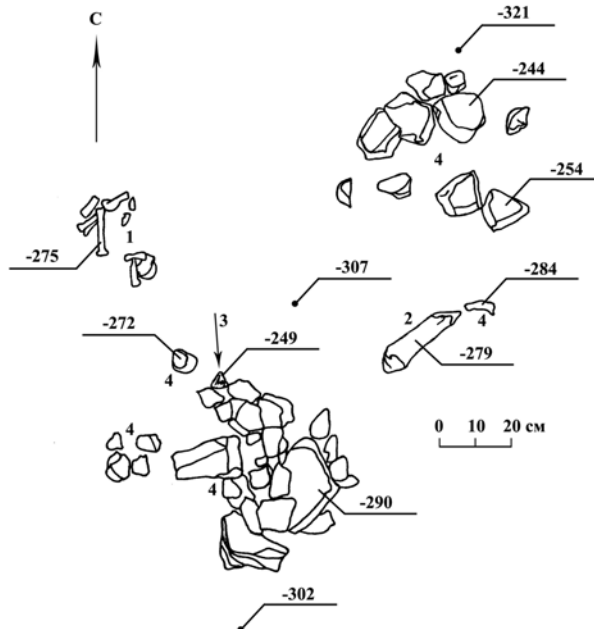

Рис. 30. Алексеевское городище. Комплекс V. «Скопление костей и камней». 1 - кости МРС, 2 - кость КРС, 3 - керамика срубной культуры, 4 - опочная вымостка.

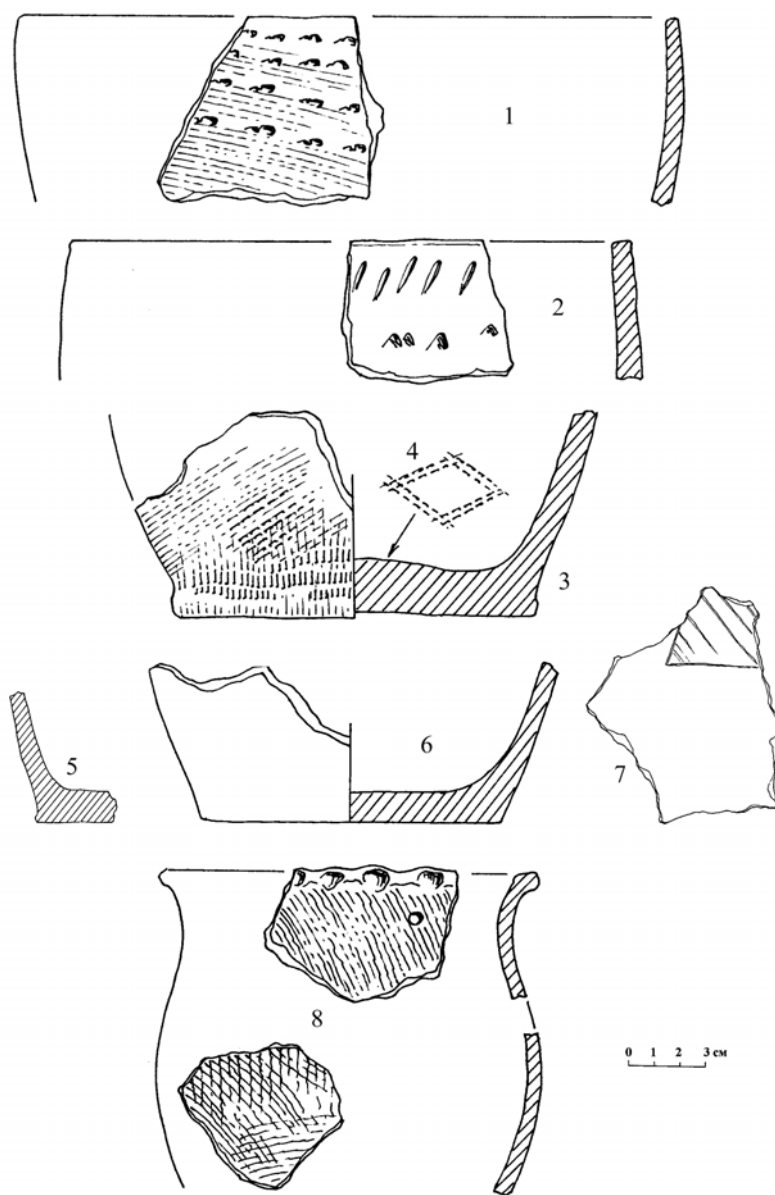

Рис. 31. Алексеевское городище. Керамика комплекса IV.

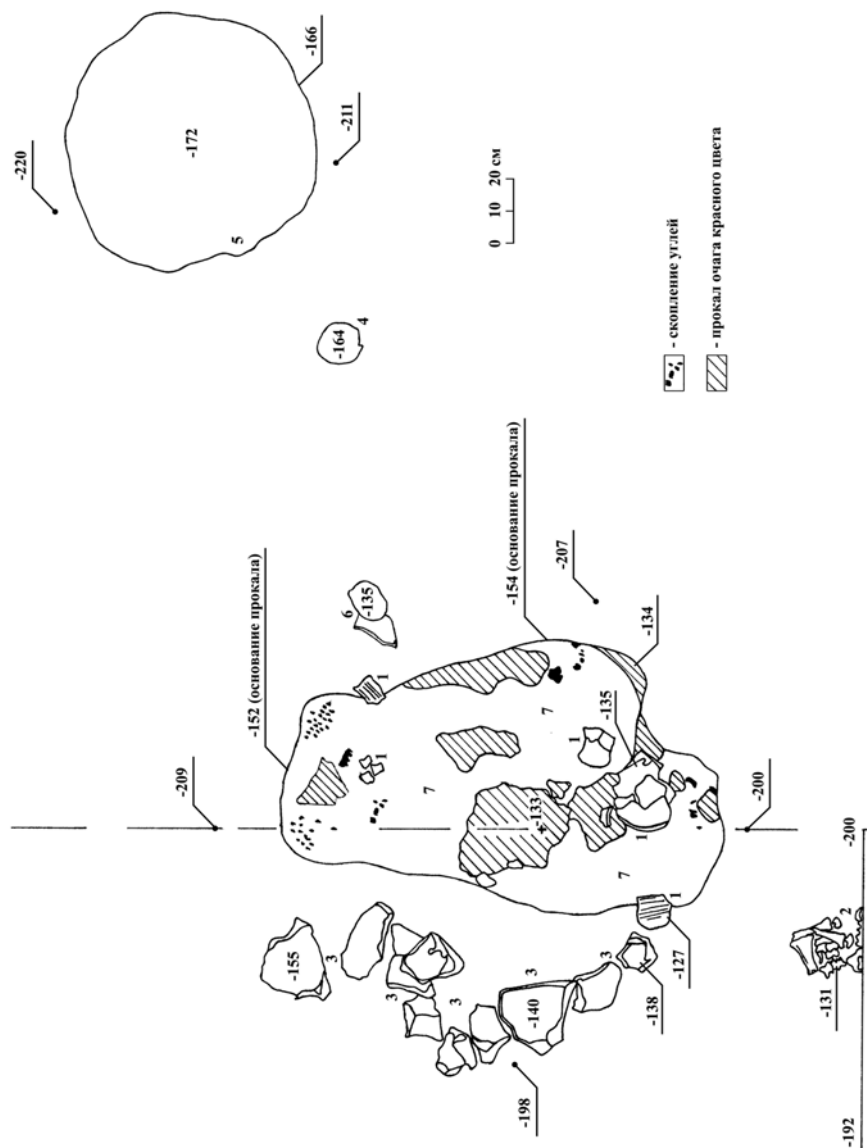

Рис. 32. Алексеевское городище. Комплекс VI.
 1 - древнерусская керамика; 2 - скопление костей МРС;
 3 - каменная обкладка очага; 4 - пятно тлена серого цвета;
 5 - сырцовая глиняная обмазка дна ямы; 6 - опока; 7 - очаг.

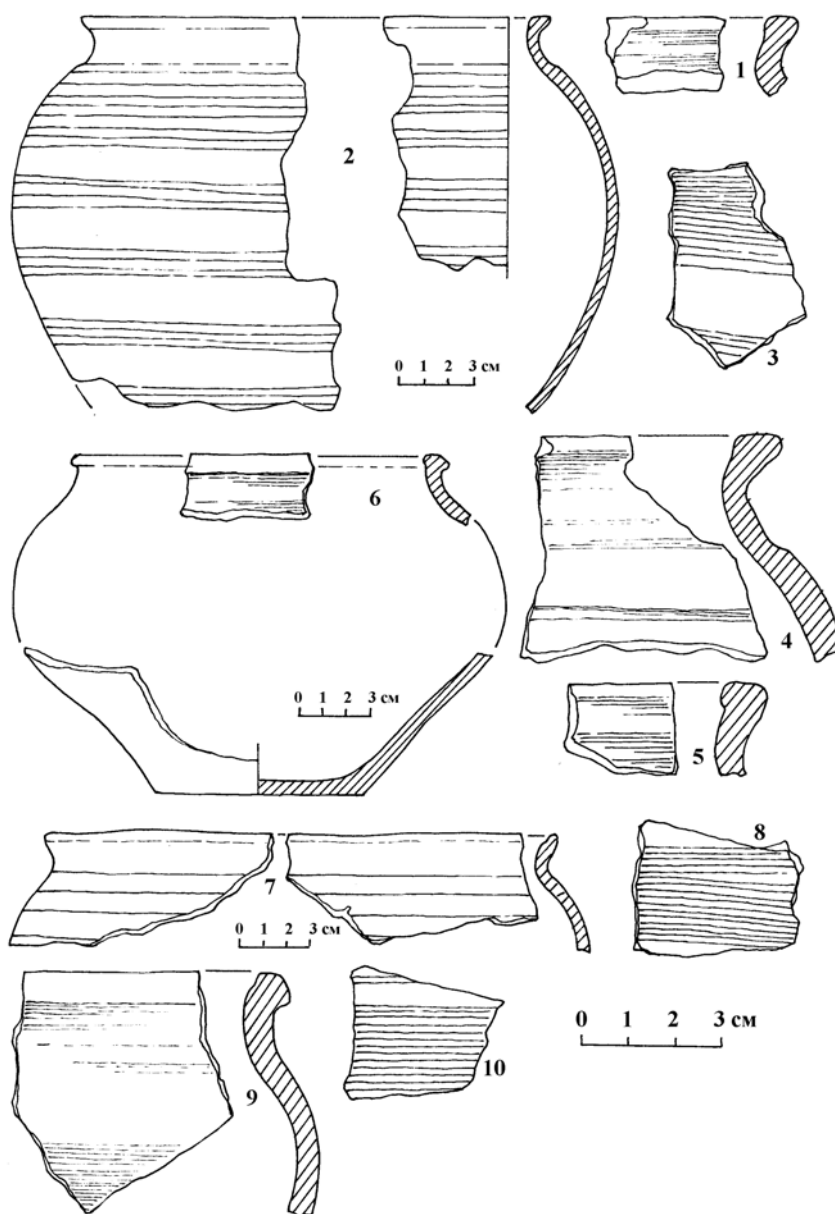

Рис. 33. Алексеевское городище. Комплекс VI.

Хреков А.А.

«СКИФСКИЙ ЛОГОС» ГЕРОДОТА
И НАСЕЛЕНИЕ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИХОПЕРЬЯ
В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

К VI–V вв. до н. э. северное побережье Понта и Меотиды было уже хорошо известно в античном мире. Скифские и другие племена под разными названиями фигурируют у древних географов, историков, философов, поэтов. В это время греки установили прочный контакт с местным населением прибрежных земель. От этого населения поступила и информация о народах, населяющих глубинные районы, в том числе расположенные к востоку и северо-востоку от Меотиды и реки Танаис, которая по понятиям древних отделяла Европу от Азии. Но, пожалуй, единственным письменным (помимо археологических) источником, который как-то проясняет этнокультурную ситуацию в бассейне Хопра, в раннем железном веке, является «История» Геродота. Давно установлено, что в основе геродотовой диатезы племен «за Танаисом» лежала древняя периэгеса – описание торгового пути из Гавани борисфенитов к приуральским агришпеям и исседонам [Граков, 1947. С. 23–38].

В настоящее время, с открытием археологических памятников и отдельных находок раннего железного века на территории лесостепного Прихоперья, появилась возможность проверить степень достоверности сообщений «отца истории» о размещении народов на танаисском участке торгового пути. Тем более, что пограничное положение региона, находящегося на самой восточной окраине европейской Скифии, на стыке с финноугорскими и савроматскими племенами, практически полностью согласуется с этногеографией Геродота.

Излагая в четвертой книге своего труда сведения о Скифии, Геродот перечисляет народы, обитающие за Танаисом. Среди них – савроматы, будины, тиссагеты и ийрки. «Если перейти реку Танаис, то там уже не скифская земля, но в начале области савроматов, которые, начиная от самого дальнего угла озера Меотиды, населяют на расстоянии пятнадцати дней пути по направлению к северному ветру страну, лишенную и диких, и культурных деревьев [Herod.: IV, 21]¹. Проблема расселения савроматов непосредственно

¹ Текст «Истории» Геродота приводится в переводе И.А. Шишовой по изданию: Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.

связана с идентификацией Танаиса. В отечественной историографии большинство исследователей (Ф.Г. Мищенко, М.И. Ростовцев, Б.Н. Граков, К.Ф. Смирнов, Д.Б. Шелов и др.) отождествляют Танаис с Доном, на левобережье которого начинались земли савроматов [Мошкова, 1989. С. 153].

Версия о расселении савроматов согласуется и с археологической ситуацией, поскольку в степях междуречья Дона, Волги и Заволжья выделена единая археологическая культура, отождествляемая всеми исследователями с савроматами. Однако, проникновение савроматов в лесостепное Дону-Волжское междуречье, видимо, носило спорадический, сезонный характер [Медведев, 2003. С. 112; Матюхин, 2000. С. 170]. Отдельные встреченные комплексы являются, скорее, исключением, чем правилом. В основном, это предметы вооружения. Только на территории лесостепного Прихоперья отмечено семь пунктов (Инясево, Малый Карай, Летяжевка, Родничок, Шапкино, Медвежий куст, Борки), где обнаружены железные мечи-акинаки, бронзовые наконечники стрел, детали конской узды, рукоять ножа в виде головы кабана, оселок, имеющий скифо-сарматский облик (рис. 1).

Один из мечей (рис. 2, 1) – случайно найден на пахотном поле в 1,5–2 км севернее с. Инясево Романовского района Саратовской области (утерян). Здесь же зафиксирована практически уничтоженная распашкой группа курганов. Общая длина меча составляет 88 см, длина рукояти с навершием и перекрестием 14,7 см. Длина клинка составляет 73,3 см, его ширина у основания 3,8 см. Навершие меча брусковидное, в плане имеет форму вытянутого овала, перекрестие сердцевидное. Плоская рукоять по бокам ограничена валиками. Клинок двулезвийный, сечение линзовидное. По классификации скифских мечей, предложенной А.И. Мелюковой, меч из Инясево следует отнести к особому варианту 2 типа первого отдела – мечам с прямым брусковидным навершием и сердцевидным перекрестием [Мелюкова, 1964. С. 50]. Рукояти с боковыми валиками получили широкое распространение среди ранних скифских акинаков в Северном Причерноморье и на Кавказе [Смирнов, 1961. С. 11]. Подобная форма рукояти, судя по всему, является пережитком биметалличности, что вместе с сердцевидной формой перекрестия свидетельствует об архаичности данного экземпляра и датируется VI в. до н. э.

Второй меч (рис. 2, 2) случайно обнаружен на восточной окраине с. Малый (Мордовский) Карай Романовского района Саратовской области (хранится в краеведческом музее г. Балашова). Общая длина меча 42,5 см, длина рукояти с навершием и перекрестием – 13,5 см, длина клинка 29 см, его ширина у основания 3 см. Навершие меча брусковидное в форме вытянутого овала, перекрестие почковидное с чуть вышуклой верхней стороной. Плоская рукоять по бокам имеет пазы. Клинок двулезвийный, имеющий ярко выраженное ребро жесткости. По типологии А.И. Мелюковой акинак можно отнести к первому типу первого отдела скифских мечей и кинжалов, датирующихся VI в. до н. э., главным образом его второй половиной [Мелюкова, 1964. С. 47–49].

Третий меч (рис. 2, 3) найден на пашне в 3,5 км юго-западнее железнодорожной станции Летяжевка (с. Семеновка) Аркадакского района Саратовской области (хранится в краеведческом музее г. Аркадака). Общая длина меча 32 см, рукояти с навершием и перекрестием – 12 см, клинка – 20 см, а его ширина у основания – 41 см. Поверхность сильно коррозирована, конец клинка обломан. Навершие акинака брусковидное, в плане имеет форму вытянутого

овала, перекрестие почковидное. Плоская рукоять с обеих сторон украшена вертикальной елочкой, перекрестие – закручивающейся спиралью или «глазами» хищника. Сечение клинка линзовидное, с едва намеченным ребром жесткости. По типологии А.И. Мелюковой акинак относится к мечам первого отдела первого типа [Мелюкова, 1964. С. 47–49] и датируется второй половиной VI в. до н. э.

Случайные находки акинаков известны и в более южных районах лесостепного Прихоперья [Воропаев., Ворошилов, 2005. С. 163–164].

Большинство исследователей случайные находки мечей и кинжалов на территории лесостепного Подонья и Прихоперья рассматривают как свидетельство военных столкновений местных племен с савроматами [Пузикова, 1984. С. 212; Медведев, 1999. С. 52]. По другой версии эти предметы связаны с погребальными или культовыми комплексами кочевых или полукочевых этнических групп [Разуваев, Курьянов, 2004. С. 192]. Упоминание об использовании мечей в религиозной практике скифов встречается у Геродота [Herod.: IV. 62]. Возможно, случайные находки мечей, не приуроченные к погребениям, являются остатками поминальных или жертвенных комплексов, связанных с культом военного божества и отправляемых непосредственно на поле боя, либо рядом с ним.

Другая категория находок скифо-савроматского времени с территории лесостепного Прихоперья представлена бронзовыми наконечниками стрел. По классификации А.И. Мелюковой и К.Ф. Смирнова наконечники относятся к различным типам.

К первому типу относится двулопастной наконечник, имеющий головку лавролистной формы и шип на втулке (рис. 2, 4). Обнаружен на дюнной стоянке у села Инясево Романовского района Саратовской области (хранится в Балашовском краеведческом музее). Подобные наконечники характерны для VII – начала VI вв. н. э. и лучше всего представлены в комплексах лесостепной Скифии [Мелюкова, 1964. С. 18].

Ко второму типу относится трехлопастной наконечник с листовидной головкой и коротким шипом на втулке (рис. 2, 5). Случайная находка в районе с. Родничок Балашовского района Саратовской области. Хранится в Балашовском краеведческом музее. По классификации А.И. Мелюковой датируется первой половиной VI в. до н. э. [Мелюкова, 1964. Табл. 6].

К третьему принадлежит наконечник с треугольной головкой и выступающей втулкой. Нижние края лопастей срезаны под тупым углом к втулке (рис. 2, 6). Широко представлены в савроматских памятниках VI–V вв. до н. э. [Смирнов, 1961. С. 48]. Случайно обнаружен на дюнной стоянке I у с. Шапкино Мучкапского района Тамбовской области (хранится в краеведческом музее г. Балашова).

К скифо-савроматскому времени также относятся две бронзовые уздечные бляшки-пронизи с петлей на обратной стороне, скреплявшие перекрестия ремней. Случайно обнаружены на пахотном поле левого берега реки Елань у села Медвежий Куст (в настоящее время не существует) Балашовского района Саратовской области. Одна из них (рис. 2, 7) грибовидной формы, с овальным щитком, украшенным выступающими бугорками. Другая бляшка имеет плоский округлый щиток с рельефно выполненной фигурой «летащего» коня (рис. 2, 8) и обломанную широкую петлю. Оба изделия хранятся в

Балашовском краеведческом музее. Точные аналогии нам не известны. Скорее всего, сюжет «летающего» коня связан с влиянием греческого искусства на кочевые племена Северного Причерноморья [Окайко, 1976. С. 66–73]. В самых общих чертах бляшки датируются VI–V вв. до н. э. [Смирнов, 1989. С. 372, табл. 67, 19–30].

Интересно, что в 5 км., вверх по течению реки Елань, на многослойном поселении у села Борки обнаружен лепной сосуд (рис. 2, 9) скифоидного облика совместно с рогожной городецкой керамикой [Хреков, 1981]. Форма сосуда горшковидная, дно плоское, венчик отогнут наружу. Верхний срез украшен пальцевыми защипами. Тесто плотное, с примесью дресвы. Поверхность серого цвета с коричневатым оттенком. Близкие аналогии известны на многочисленных памятниках скифского времени Среднего Дона V–IV вв. до н. э. [Синюк, Березуцкий. 2001].

Таким образом, ставить вопрос о присутствии скифоидных или савроматских племен на территории лесостепного Прихоперья или степени их влияния на местное финноугорское население пока преждевременно. И в первую очередь из-за отсутствия погребальных комплексов. Но в вопросах хронологии и датировки местных поселенческих памятников раннего железного века скифо-савроматские элементы имеют первостепенное значение.

На интересующем нас пути, связанном с Танаисом, также упоминаются будины. «Выше их (савроматов) живут будины, занимающие другую область, всю поросшую разнообразным лесом [Herod. IV. 21, 108–109]. Вопрос о локализации будинов на Среднем Дону до последнего времени остается открытым. В последние годы в отечественной науке все более настойчиво звучат утверждения ряда исследователей об этнокультурном единстве в скифское время лесостепного Подонья и степной и лесостепной зон Северного Причерноморья с одной стороны, и территории Нижнего Дона – с другой [Гуляев, 2000. С. 151; Максименко, 2000. С. 183]. Нам представляется, что с будинами наиболее надежно отождествляются племена среднедонской культуры скифского времени [Либеров, 1969. С. 15–26], составляющие крайний восточный вариант лесостепных скифоидных культур. Вероятно, основной территорией среднедонских будинов было правобережье Дона и Воронежа, где зафиксированы долговременные городища и могильники [Медведев, 1992. С. 167; Медведев, 2004. С. 66]. В левобережье Дона не выявлено значительного массива памятников скифского времени. Следы кратковременных поселений обнаружены только на сравнительно узкой полосе между Доном и Битюгом, которая, скорее всего, использовалась правобережным населением в качестве летних пастбищ. Далее на восток, вплоть до Хопра, по мнению А.П. Медведева, простиралась незаселенная территория, с которой происходит большое количество случайных находок акинаков [Медведев, 1992. С. 167; Медведев, 1993. С. 65]. Но в последнее время в бассейне Хопра выявлена защипная керамика, морфологически близкая среднедонской скифоидной или имеющая смешанные черты [Хреков, 2000. С. 58–71; Хреков, Завитаев, 2006. С. 80] но составляющая незначительный процент.

По Геродоту: «Выше будинов к северу идет сначала пустыня на расстояние более семи дней пути. За пустыней, если отклониться в сторону восточного ветра, живут тиссагеты, племя многочисленное и особое; живут они охотой. Рядом с ними в тех же самых местах обитает племя имя которому йирки.

Они также живут охотой, занимаясь ею следующим образом. Охотник сидит в засаде, взобравшись на дерево, а деревья там в изобилии растут по всей стране. У каждого наготове конь, обученный ложиться на брюхо, с тем, чтобы стать ниже, и собака. Как только охотник увидит с дерева зверя, он, выстрелив из лука и сев на коня, устремляется в погоню, а собака следует за ним» [Herod., IV. 22]. Анализируя данные Геродота, Б.А. Рыбаков пришел к выводу, что ийрков следует отнести к типично лесной дьяковской культуре, а тиссагетов – к лесостепной городецкой [Рыбаков, 1979. С. 192]. Однако проблему локализации ийрков и тиссагетов вряд ли следует считать решенной. Исследователи давно обратили внимание на то, что подобный способ охоты можно было практиковать, скорее всего, в южной подзоне широколиственных лесов или в северной части лесостепи, где дубравы чередовались с обширными открытыми пространствами. Подходящие природные условия были на большей части территории, занятой городецкими племенами, что еще раз косвенно свидетельствует в пользу предлагаемой их идентификации с тиссагетами и ийрками.

М.Н. Погребова и Д.С. Раевский обратили внимание на то, что нет никаких оснований выделять последним отдельную территорию и приписывать им особую, лежащую вне городецкого ареала культуру [Погребова, Раевский, 1992. С. 203]. В таком случае географическому положению земли тиссагетов и ийрков и их хозяйственно-культурной характеристике точно соответствует обширный ареал городецкой культуры, действительно резко отличающийся от скифоидных культур восточноевропейской лесостепи. Основная ее территория находилась к северо-востоку от Среднего Дона [Смирнов, Трубникова, 1965. Табл. 1] и была отделена от земель донских будинов широкой пустынной полосой по водоразделам Дона, Хопра и правых притоков Оки. Как уже указывалось, в Левобережье Дона до сих пор не обнаружено значимого массива памятников скифского времени. Скорее всего, эта территория, не имевшая постоянного населения, соответствует названию «пустыни» у Геродота, которая, по его словам, разделяла земли будинов и тиссагетов по маршруту знаменитого торгового пути. Однако, за «пустыней» в бассейне Хопра, в последние десятилетия открыты и исследуются многочисленные (более 20) памятники финноугорской городецкой культуры [Хреков, 2000. С. 59, рис. 1] с рогожной и текстильной керамикой. Судя по материалам, некоторые из них – Дурникинское (Богатырка), Шапкино I (дюна 4), Шапкино-VI, ранний комплекс Никольевки, Алмазово-II, Алмазово-III относятся к середине I тыс. до н. э.

Наиболее интересным памятником является Дурникинское городище (Богатырка). В 1930 г. П.С. Рыков дал краткое описание городища [Рыков, 1931], но, к сожалению, топографический план, находки или их рисунки не сохранились. В 2001 г. установлено точное местонахождение и топографические особенности городища.

Памятник находится на мысу правого коренного берега р. Карай, в 2 км западнее с. Подгорное (бывшее село Дурникино) Романовского района Саратовской области (рис. 3, А). С юга на север террасу прорезает овраг, образуя с юго-западной стороны выступ, на котором расположено городище. Высота склонов более 50 м. Площадка (71 x 68 м), которую занимает городище, ровная, заросшая лесом и кустарником и нарушенная позднейшими перекопами

кладоискателей. С напольной стороны мыс отделен рвом и валом длиной более 60 м. Ширина рва 2,7 м, глубина 0,8–1,2 м. Высота вала 1,5–1,8 м, ширина у основания около 3 м. На расстоянии 5,7 м к западу от внешнего вала зафиксировано еще одно земляное сооружение подквадратной формы. Размером 26–29 x 34 м (рис. 3, Б). По всему периметру оно было окружено невысоким валом и рвом. Высота вала 0,7–1 м, ширина у основания более 1,5 м. Ширина рва 1,9 м, глубина – 0,75 м. Судя по обнажениям мощность культурного слоя составляет 0,40–0,45 м. На склонах и отвалах кладоискательских ям собрана немногочисленная, но выразительная коллекция городецкой керамики, кости животных, кремневые и кварцитовые отщепы.

Керамика (54 фрагмента) изготовлена из плотного теста с примесью дресвы и шамота. По способу обработки поверхности она подразделяется на текстильную, гладкостенную и рогожную.

Коллекция текстильной посуды (рис. 4, 1–3, 7–8) включала 2 венчика, 2 днища, 5 стенок. Поверхность фрагментов серая с коричневатым оттенком. Яркой особенностью являются ниточные отпечатки ткани, покрывающие всю внешнюю поверхность сосудов. Днища плоские, с закраиной. По форме текстильная керамика подразделяется на 2 типа.

Тип 1 – профилированные округлобокие горшки с коротким, отогнутым наружу венчиком. Край венчика косо срезан и украшен вдавлениями (рис. 4, 1). Толщина стенок 0,3–0,6 см.

Тип 2 – банки с грибовидно-утолщенным плоскосрезанным венчиком (рис. 4, 7). Верхний срез венчика и стенки украшены оттисками ткани. Толщина стенок 0,6–0,7 см.

Гладкостенная керамика (2 венчика, 1 днище, 8 стенок) представлена тонкостенными более или менее профилированными сосудами с округлыми боками и средней величины отогнутым наружу венчиком (рис. 4, 4–6). Верхний срез венчика украшен вдавлениями. Толщина стенок 0,3–0,4 см.

Рогожная керамика (3 венчика, 30 стенок, 1 днище) включает банковидные слабопрофилированные сосуды с прямым или загнутым внутрь Г-образным венчиком (рис. 4, 9–15). Верхний срез плоский, скругленный, иногда украшен оттисками рогожки. Поверхность сосудов покрыта оттисками среднеячеистого, мелкоячеистого и аморфного штампов. Толщина стенок 0,3–0,7 см.

В целом, оценивая соотношение трех керамических серий Дурникинско-городецкого городища, более архаичной следует признать профилированную текстильную и гладкостенную керамику с вдавлениями по верхнему срезу венчика. Видимо, на городище они составляют единый керамический комплекс. На это указывает технология изготовления, состав теста, цвет, толщина стенок. Предварительно нижнюю дату древнейшего населения Дурникинско-городецкого городища можно определить в рамках VI–V вв. до н. э., что соответствует раннему этапу городецкой культуры. В этот период городецкие племена осваивают лесостепную зону, вступают в контакты со скифоидными племенами [Мионов, 1995. С. 78; Медведев, 1993. С. 76]. Отражением взаимопроникновения культурных традиций на керамическое производство является наличие скифоидных элементов в виде зарубок, вдавлений, зашипов на собственно городецкой сетчатой, гладкостенной, псевдорогожной посуде. Именно эти

черты характеризуют ранний комплекс Дурнишкинского городища, как и других памятников лесостепного Прихоперья.

К более позднему периоду относится керамика с текстильными (единичные фрагменты) и псевдорогожными оттисками. Она отличается толщиной, красновато-коричневатой поверхностью сосудов, орнаментом. Проведенные наблюдения по среднеокской, верхнедонской и нижневолжской городищной керамике отмечают закономерность смены к III-II вв. до н. э. крупночешуйчатой фактуры отпечатков более мелкими небрежными оттисками [Черная, 1981. С. 70–86]. Особо следует отметить, что оборонительные сооружения городища не имеют аналогов ни на территории городищной культуры [Миронов, 1976. С. 14; Сарапулкина, 2006. С. 149–151], ни на скифской Днепро-Донской междуречья [Моруженко, 1985. С. 160–176].

«Чистый» комплекс раннегородищной керамики выявлен на многослойной стоянке Шапкино-I (дюна 4) на левом берегу р. Вороны. Памятник находится в 700 м на северо-запад от с. Шапкино Мучкапского района Тамбовской области. Здесь в 1981–1984 гг. исследована основная часть стоянки, где вскрыто 1150 кв. м культурного слоя [Хреков, 2000. С. 66–68]. Материалы раннего железного века представлены почти исключительно обломками лепной керамики (147 единиц).

По способу обработки поверхности керамика делится на текстильную с «ниточными» оттисками (49 фрагментов), рогожную (96 фрагментов) и гладкостенную (2 фрагмента). Одним экземпляром представлен фрагмент с «рябчатými» оттисками.

Внешняя поверхность текстильной керамики, в том числе и верх сосудов, покрыты сгруппированными вертикальными и наклонными ниточными оттисками (рис. 6, 1–3). Большинство венчиков с внешней стороны имеют наплыв в виде широкого плоского или закругленного воротничка. По форме выделяются два типа сосудов. Первый – представлен слабопрофилированными горшками, с коротким, отогнутым наружу венчиком (рис. 6, 1).

Ко второму – относятся банки с прямым, или чуть загнутым внутрь краем венчика (рис. 6, 2–3).

На рогожной посуде преобладают крупно- и средняячешуйчатые отпечатки штампа. Помимо широкого воротничкового наплыва (рис. 6, 7), встречаются Т и Г-образные утолщенные формы (рис. 6, 4–6, 8) венчиков.

Преобладают сосуды банковидных форм с прямым венчиком (рис. 6, 4, 6–8). Менее распространены сосуды с прямым или чуть отогнутым венчиком и профилированным туловом (рис. 6, 5). Кроме того, к городищному комплексу относятся две гладкостенные чашевидные баночки (рис. 6, 9–10).

В восточной части раскопа дюны 4, впервые для территории лесостепного Прихоперья, открыто жилое сооружение. Постройка подпрямоугольной формы с закругленными углами 6,1 x 3,8 м углублена в материк на 0,5 м (рис. 5, 1). Длинными сторонами ориентирована по линии СВ–ЮЗ. По периметру зафиксирована приступка шириной от 0,1 до 2 м, вероятно выполнявшую функцию лежанки, и две столбовые ямки диаметром 0,2–0,3 м. В центре имелось углубление размером 3 x 2,5 м с утрамбованным полом и двумя ямами. Одна из ям (№ 4) – овальной формы 1,2 x 0,55 м, глубиной в материке до 1 м, судя по заполнению (обожженные кости животных, угольки, 34 фрагмента рогожной керамики, прокаленные стенки), представляла очаг. Вторая яма

(№ 5) такой же формы размером 0,85 x 0,7 м, глубиной до 0,5 м была заполнена темной супесью. На дне постройки встречены миниатюрный гладкостенный сосудик (рис. 6, 10), керамика с рогожным (рис. 6, 6, 7) и текстильным (рис. 6, 3) оттисками, каменный зооморфный предмет и несколько кремневых отщепов.

Для определения хронологической позиции постройки и всего керамического комплекса принципиальное значение имеет фрагмент горшковидного сосуда (рис. 5, 5) с бороздчатой поверхностью и валикообразным венчиком с вдавлениями. Как уже отмечалось, подобный способ оформления венчика широко практиковался скифоидными племенами Подонья [Медведев, 1993. С. 75–76] в VI–V вв. до н. э. Эту дату керамического комплекса подтверждают: бронзовая рукоять ножа в виде вытянутой головы кабана (рис. 5, 3), оселок (рис. 5, 4) и пряслице (рис. 5, 2) скифоидного облика. Все предметы обнаружены в верхней части культурного слоя в районе постройки, т. е. перекрывали ее. Внутри рукояти сохранились остатки железного ножа. В Восточной Европе находки биметаллических ножей с зооморфными навершиями крайне редки. Они изредка встречаются у ананьинцев, скифов и савроматов. Однако принято считать такие изделия достаточно ранними, характерными для VI–V вв. до н. э. [Кузьминых, 1983. С. 150].

Комплекс текстильной и рогожной керамики зафиксирован на многослойном поселении Шапкино-VI. Памятник находится в 2 км к северо-западу от с. Шапкино Мучкапского района Тамбовской области [Хреков, 2000. С. 63, рис. 3]. За три полевых сезона 1991–1993 гг. исследовано 608 кв. м.

Текстильная посуда, судя по сохранившимся 42 фрагментам, имела в разной степени профилированную банковидную форму (рис. 7, 7–8). Верхняя часть венчиков закруглена или Т- и Г-образно утолщена. Днища плоские с закраинами и без нее. В целом, керамика сильно фрагментирована.

Рогожная керамика насчитывает 125 фрагментов стенок, венчиков и днищ. Преобладает крупно- и среднеячеистая фактура отпечатков. Верхний край венчиков утолщен, изредка покрыт оттисками рогожки и нарезками. По форме тулова и профилировке венчика рогожная посуда подразделяется на три типа.

Первый – включает профилированные горшковидные сосуды с прямым или чуть отогнутым наружу венчиком (рис. 7, 1). Ко второму – относятся непрофилированные банки, имеющие прямой невыделенный венчик (рис. 7, 3–6). Третий тип представлен округлобкими банками с загнутым внутрь краем венчика (рис. 7, 2).

К городецкой культуре относится подпрямоугольная в плане постройка (рис. 8, 1), размером 4,15 x 3,65 м, глубиной в материке 0,3 м. Дно ровное, заметно утрамбованное. У северной стенки зафиксировано скопление уголков, видимо, остатки очага. На полу обнаружены: обломок железного ножа (рис. 8, 2), цилиндрическое пряслице (рис. 8, 3), грузик дьякова типа (рис. 8, 4) и фрагменты керамики с текстильными и рогожными оттисками (рис. 8, 5–10). Почти в центре постройки находился развал горшковидного толстостенного сосуда, поверхность которого заглажена бороздами-штрихами.

В силу перемешанности культурного слоя и отсутствия комплекса датирующих предметов точная датировка памятника затруднена. Для датировки и культурной атрибуции памятника основную массу данных дает керамика.

Своеобразным хронологическим маркером являются единичные фрагменты скифоидной и рогожной керамики с насечками и защипами по верхнему срезу венчика. Наличие скифоидных элементов в городецкой керамике, крупноячеистая и текстильная фактура отпечатков, переход от баночных к профилированным формам характеризуют ее ранний (VI–V вв. до н. э.) и начало развитого этапа [Миронов, 1995. С. 78–79]. В эти хронологические рамки укладывается грузик дьякова типа, которые появляются не ранее IV в. до н. э. [Розенфельд, 1974. С. 189].

Таким образом, весь керамический комплекс перечисленных памятников несомненно свидетельствует о присутствии раннегородецких племен на территории лесостепного Прихоперья в середине I тыс. до н. э. Керамика других памятников (Алмазово-II–III, Никольевка) менее выразительна. Наряду с крупноячеистой рогожкой, в них практически отсутствует текстильная керамика и скифоидные элементы.

Занимая наиболее южное положение и находясь на границе со скифо-савроматским миром, финно-угорское население этого района, традиционно связанное с лесным миром, видимо, являлось основным источником информации о северных народах в греческих городах Северного Причерноморья. Носителями такой информации были купцы и сами кочевники. Нам представляется, что, когда Геродот писал о локализации тиссагетов и обитавших рядом ийрках (семь дней пути на север в сторону восточного ветра от будинов), он дал довольно точные координаты (где-то около 300 км от Среднего Дона на северо-восток) населения, проживавшего в лесостепном междуречье Волги и Дона, то есть в Прихоперье. Это предположение вполне согласуется с Геродотовым известием о том, что «из земли тиссагетов берут начало четыре больших реки – Танаис, Гиргис, Лик, Оар [Herod. IV. 123]. Если Танаис, как это установлено современными исследователями – Дон, то не скрываются ли за перечнем оставшихся рек древнейшее название Хопра, протяженность которого более 1000 км? Наибольшие шансы для идентификации с Хопротом имеет Гиргис (Сиргис), поскольку он прямо назван притоком Танаиса [Herod. IV. 57], причем притоком именно левым (восточным). Вопреки логике попытки поиска Гиргиса среди левых притоков Дона предпринимались лишь единичными (Ф. Укерг, Ф. Брун) исследователями [Доватур и др., 1982]. Больше внимание уделялось правым донским притокам, хотя этот вариант находится в противоречии с указаниями Геродота [Рыбаков, 1979. С. 59]. Значительный интерес вызывает идентификация реки Лик с Медведицей (И. Реннел). И, наконец, последнюю реку из перечисленных – Оар большинство ученых отождествляют с крупнейшей рекой современной Европы – Волгой (И. Реннел, К. Риттер, М. Киселинг и др.). Эти исследователи опору для своей версии находят в сообщении Птолемея и других римских авторов, знавших Волгу под именем Ра, близким названию ее у финнов – Рава. Б.А. Рыбаков предположил другую версию. Он идентифицирует геродотовский Оар с птолемеевским Агаром и современной рекой Корсак, впадающей в Азовское море западнее Дона [Рыбаков, 1979. С. 59].

Таким образом, вариант отождествления Гиргиса с Хопротом нам представляется наиболее предпочтительным, а открытие раннегородецких памятников на этой территории прямо или косвенно подтверждает локализа-

цию здесь геродотовых йирков и тиссагетов, представляющих собой локальные варианты одной культуры.

Литература:

Воропаев Н.Н., Ворошилов А.Н. Случайные находки раннего железного века в лесостепном Прихоперье. // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2005.

Граков Б.Н. Чи мала Ольвія и торговельні зносини з Поволж्याм і Приураллям в орхайчну и класичну епохи? // Археологія, 1947. Т. 1.

Гуляев В.И. Об этнокультурной принадлежности населения Среднего Дона в V–IV вв. до н. э. // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э. Палеоэкология, антропология и археология. М., 2000.

Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном века. М., 1983.

Либеров П.Д. Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных. // МИА. № 151. М., 1969.

Максименко В.Е. Население междуречья Дона и Северского Донца в V–III вв. до н. э. (савроматы, сирматы, сарматы) // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э. Палеоэкология, антропология и археология. М., 2000.

Матюхин А.Д. Формирование периферии кочевого мира в раннем железном веке // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии (матер. междунар. конф.). Саратов, 2000.

Моруженко А.А. Городища лесостепных племен Днепро-Донского междуречья VII–III вв. до н. э. // СА. 1985. № 1.

Мошкова М.Г. Краткий очерк истории савромато-сарматских племен. // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифское время. М., 1989.

Медведев А.П. Городецкая культура на Дону и тиссагеты Геродота (Herod. IV. 22) // Проблемы древней и средневековой археологии окского бассейна. Рязань, 2003.

Медведев А.П. Земля донских будинов. // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Липецк. 1992.

Медведев А.П. Исследования по археологии и истории лесостепной Скифии. Воронеж, 2004.

Медведев А.П. Об этнокультурной ситуации на Верхнем Дону в начале железного века. // РА, 1993. № 4.

Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тыс. до н. э. М., 1999.

Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д 1–4. М., 1964.

Миронов В.Г. Городецкая культура: состояние проблем и перспективы их изучения // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 4. Рязань, 1995.

Миронов В.Г. Памятники городецкой культуры и проблема ее локальных вариантов: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1976.

Онайко Н.А. Звериный стиль и античный мир Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н. э. // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и Древний Восток. М., 1992.

Пузикова А.И. Акинак из с. Ключ Курской области // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.

Разувалов Ю.Д., Курьянов А.В. Акинак из с. Латное Воронежской области // Археологические памятники бассейна Дона. Воронеж, 2004.

Розенфельд И.Г. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М., 1974.

Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. М., 1979.

Рыков П.С. Отчет об археологических работах в 1930 г., произведенных в Нижневолжском крае. Архив ИИМК РАН. 1931. № 795.

Сарапулкина Т.В. Городища городецкой культуры в Подонье // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 12. Воронеж, 2006.

Синюк А.Т., Березуцкий В.Д. Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы – ранний железный век). Воронеж, 2001.

Смирнов К.Ф. Савроматская и раннесарматская культура. // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифское время. М., 1989.

Хреков А.А. Городецкие поселения лесостепного Прихоперья. // Поволжский край. Саратов, 2000. Вып. 11.

Хреков А.А., Завитаев А.Н. Легенды и загадки Богатырки // Прихоперье и Саратовский край в панораме веков. Саратов, 2006.

Чернай И.Л. Выработка текстиля у племен дьяковской культуры (по материалам Селецкого городища) // СА. 1981. № 4.

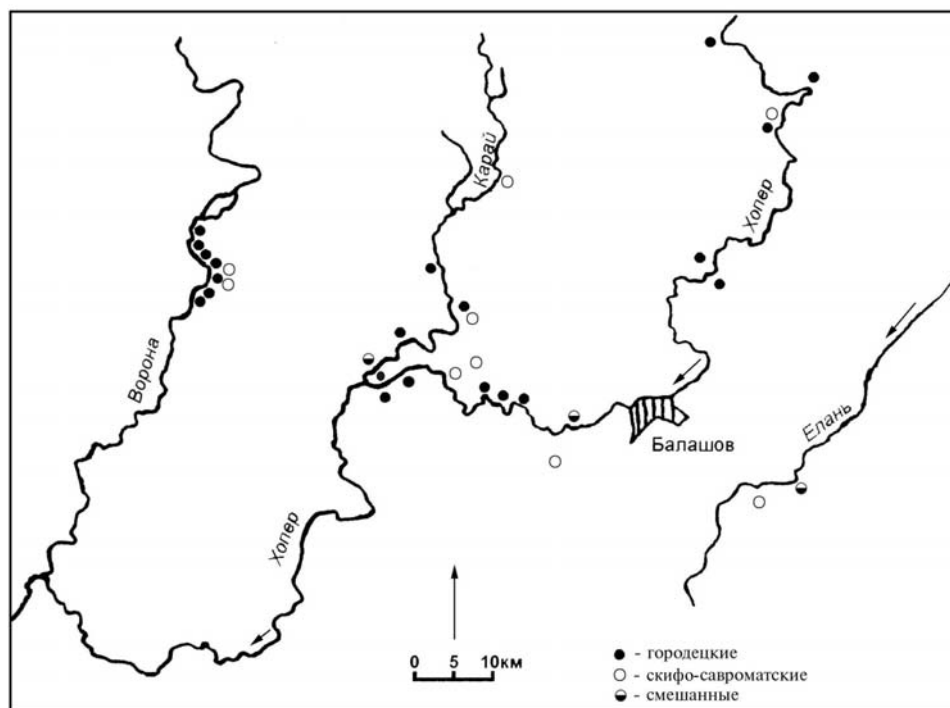

Рис. 1. Археологические памятники раннего железного века в бассейне лесостепного Хопра.

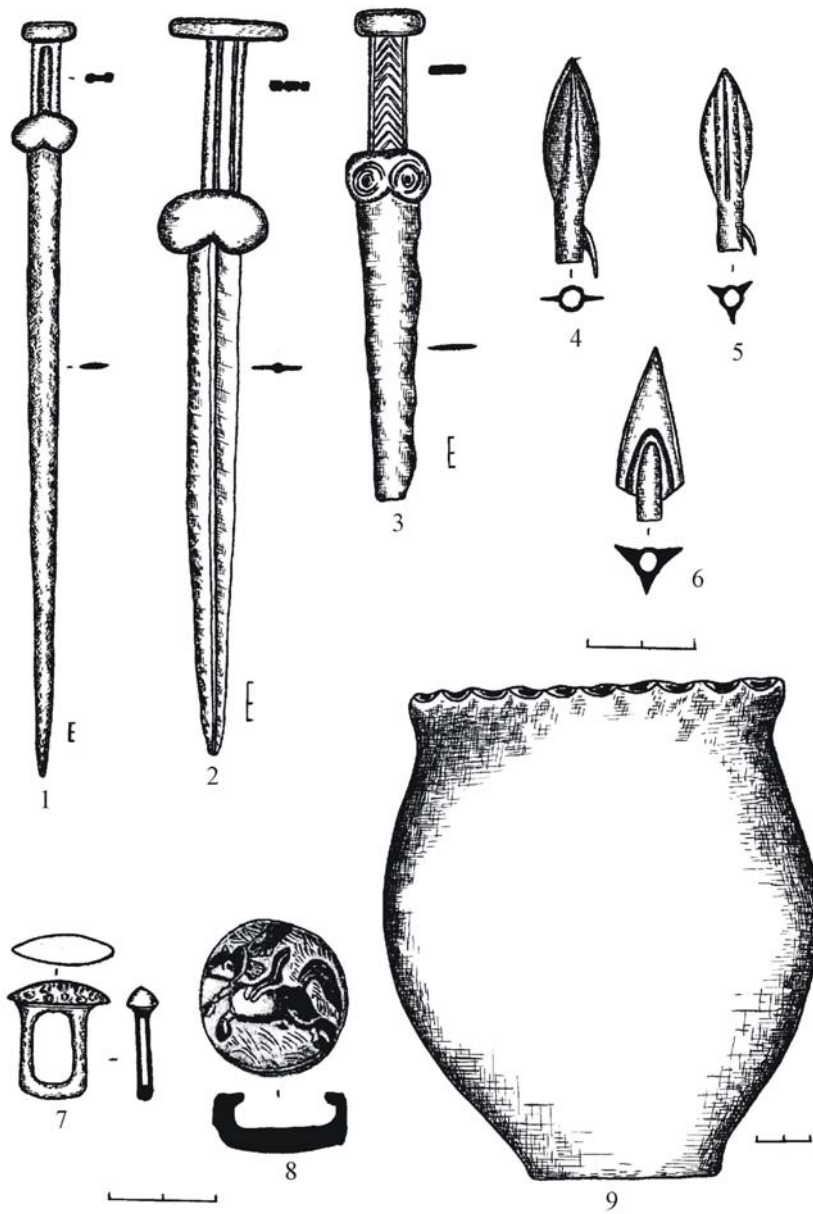

Рис. 2. Отдельные находки скифо-сарматского облика.
 1, 4 - Инясево; 2 - Малый Карай; 3 - Летяжевка; 5 - Родничок;
 6 - Шапкино I; 7-8 - Медвежий Куст; 9 - Борки.

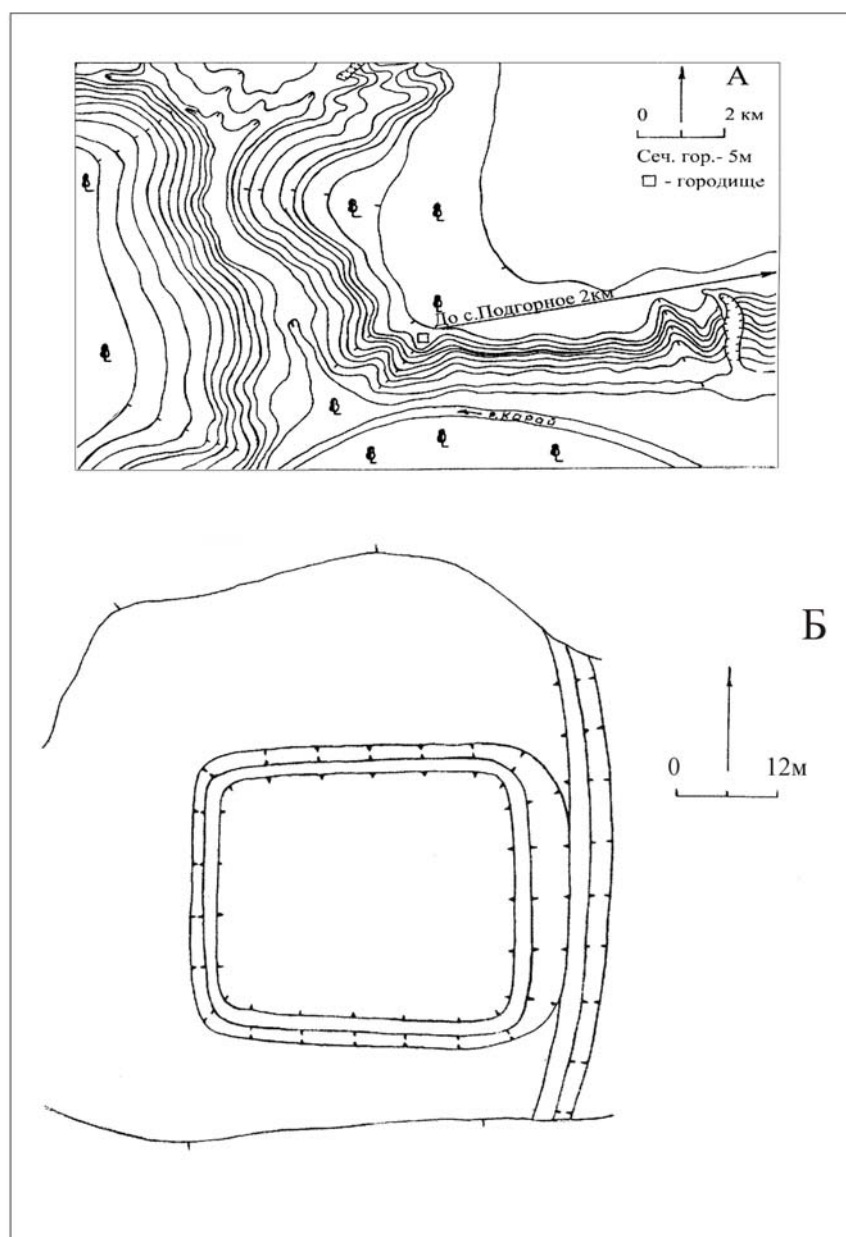

Рис. 3. Городище Богатырка. А - топографический план. Б - план укреплений.

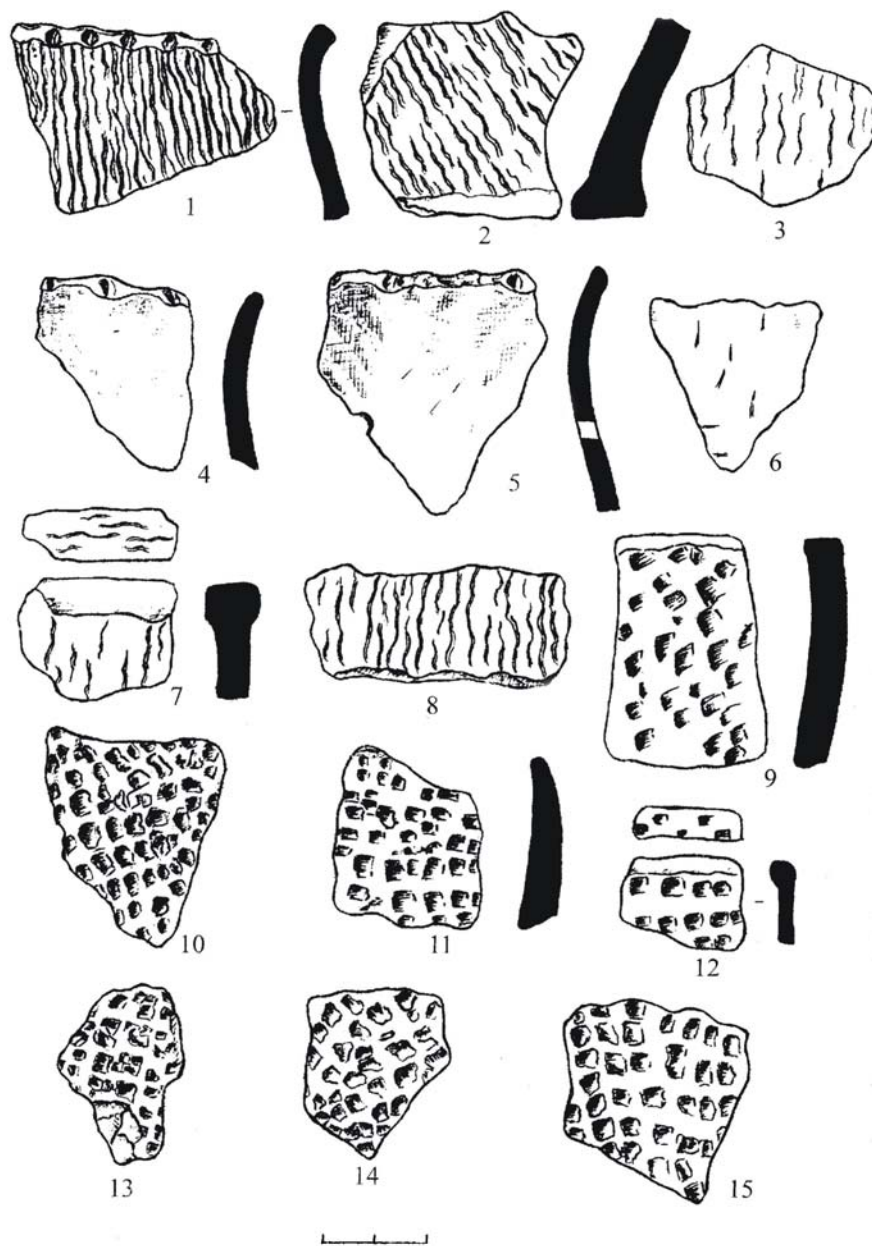

Рис. 4. Городище Богатырка. Керамика (1-15).

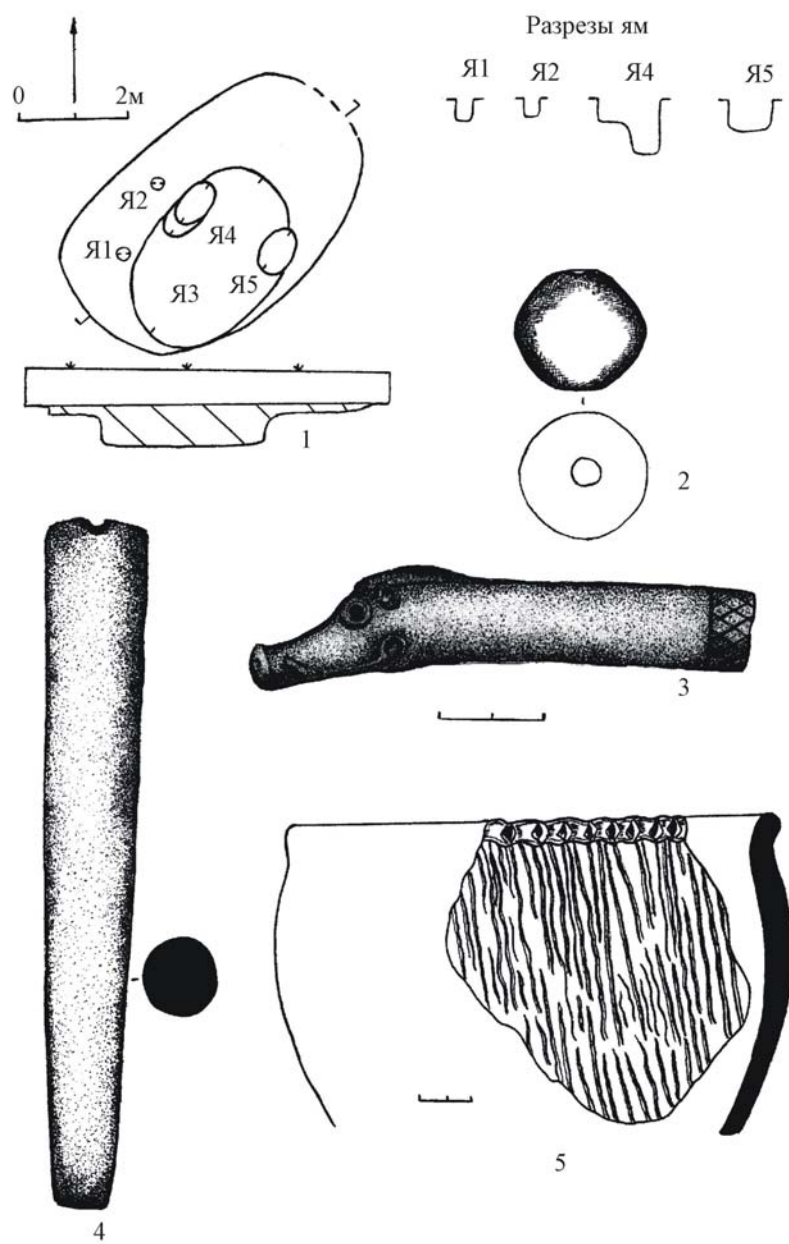

Рис. 5. Шапкино-I, дна 4. 1 - постройка и разрезы ямы; 2-5 - отдельные находки из слоя раскопа.

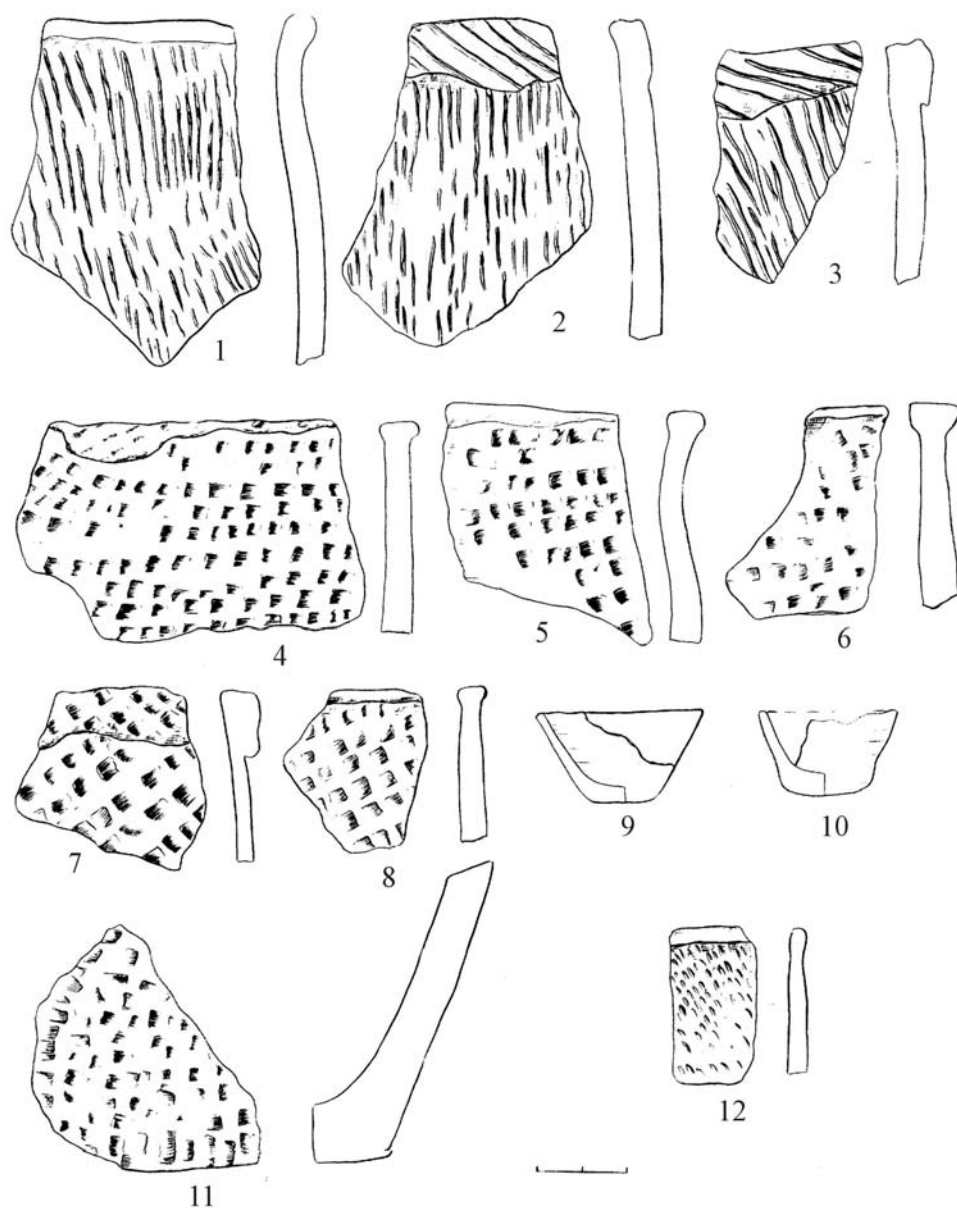

Рис. 6. Шапкино-I, дна IV, 1-12 керамика.

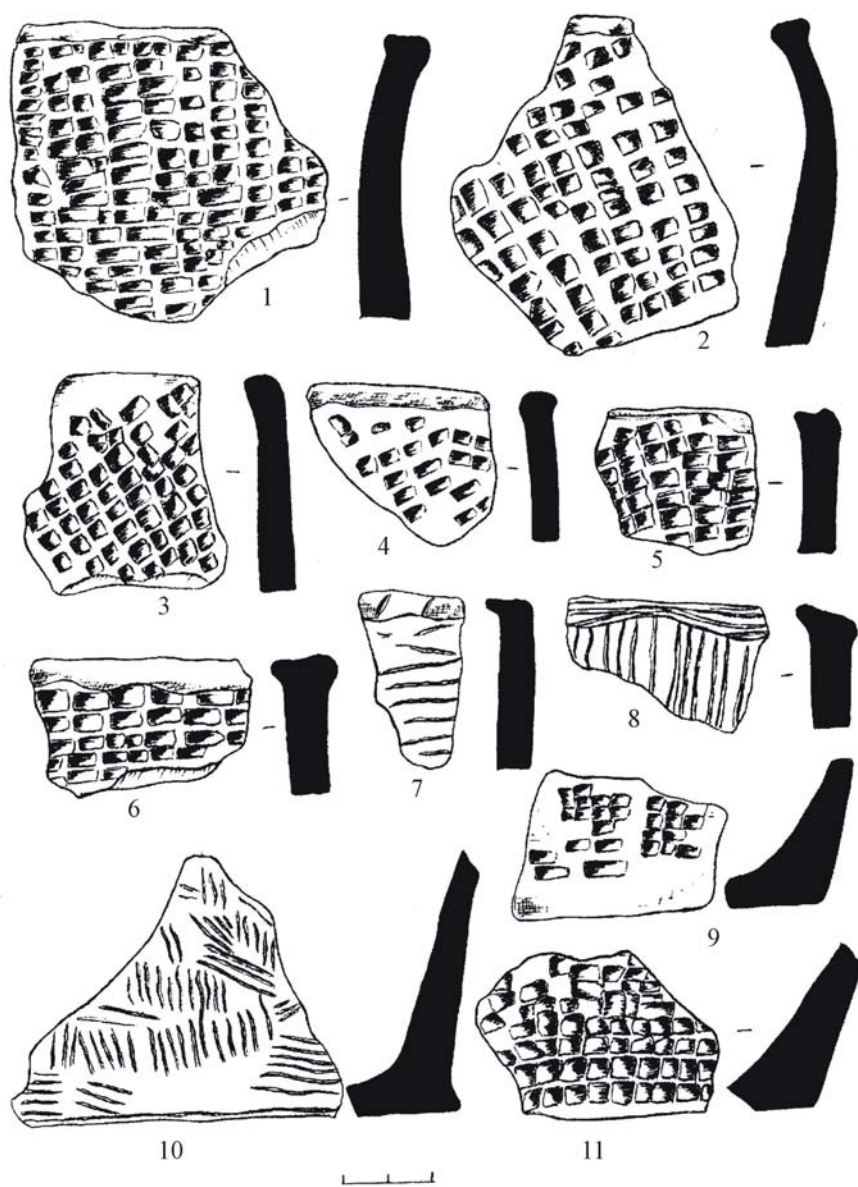

Рис. 7. Шапкино-VI. Керамика из слоя раскопа.

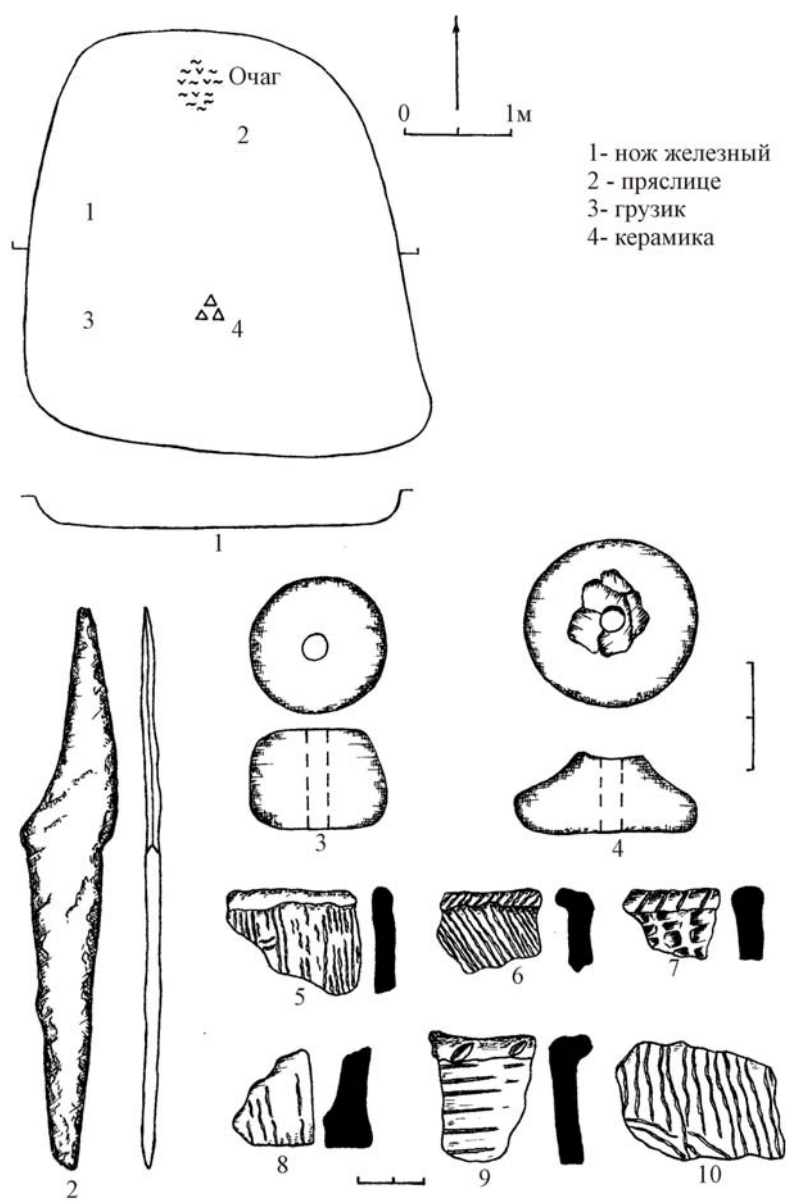

Рис. 8. Шапкино-VI. 1 - постройка, 2 - нож железный, 3 - пряслице, 4 - грузик, 5-10 - керамика.